

ГОЛОСЪ МИНУВШАГО

№ 6. І ю н ъ. 1915.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Статьи:	Стр.
М. А. Осоргинъ. Тосканскій мессія	5
И. С. Рябининъ. Тадеушъ Косцюшко	18
В. Н. Перцевъ. Политика Гогенцоллерновъ. III. Вильгельмъ I и Бисмаркъ	58
С. Л. Аваліани. 50-лѣтіе начала крестьянской реформы въ Закавказьѣ.	81
II. Воспоминанія:	
Л. А. Ушаковъ. Корпусное воспитаніе при императорѣ Николаѣ I.	90
Гр. де-ла Гардъ. Картины изъ исторіи Вѣнскаго конгресса. .	134
В. В. Берви. Воспоминанія	160
Е. И. Берви. Изъ воспоминаній	169
III. Матеріалы:	
И. И. Пущинъ. Письма къ И. В. Малиновскому.	184
С. Я. Штрайхъ. Н. И. Пироговъ о любви, о призваніи женщины-матери и др.	191
Ч. Вѣтринскій. Глѣбъ Успенскій въ его перепискѣ: VIII. Успенскій въ собственной передѣлкѣ. IX. Уничтоженная повѣсть. X. Успенскій и Толстой	206
В. Н. П. Дѣло Н. В. Шелгунова.	229
IV. Некрологъ.	
С. А. Ефремовъ. Михаилъ Павлыкъ.	238
V. Критика и библиографія.	
Р. И. Выдринъ. Парламентскія рѣчи по еврейскому вопросу. И. Балинскій. Ч. Сароли. Англо-германская проблема. Проф. Крэмбъ. Германія и Англія. В. В. Міяковскій. В. П. Семенниковъ. Русскіе сатирическіе журналы 1769—1774. А. С. Поляковъ. Полное собраніе сочиненій А. С. Грибоѣдова. И. Н. Розановъ. Пушкинѣсть. Сборн. подъ редакціей Венгерова. С. Г. Сватиковъ. А. Корниловъ. Курсъ исторіи Россіи XIX в. М. Н. Коваленскій. Книга для чтенія по исторіи новаго времени. В. Н. Сторожевъ.	

ГОЛОСЪ МИНУВШАГО

ЖУРНАЛЪ ИСТОРИИ И ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ.

(Годъ изданія III)

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

С. П. МЕЛЬГУНОВА и В. И. СЕМЕВСКАГО.

№ 6.

І ю н ъ.

1915

МОСКВА.
Типографія Т-ва Рябушинскихъ. Страстной бул., Путинковский пер., домъ № 3.
1915.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

I. Статьи:	Стр.
М. А. Осоргинъ. Тосканскій мессія	5
И. С. Рябининъ. Тадеушъ Косцюшко	18
В. Н. Перцевъ. Политика Гогенцоллерновъ. III. Вильгельмъ I и Бисмаркъ	58
С. Л. Аваліани. 50-лѣтіе начала крестьянской реформы въ Закавказьѣ.	81
II. Воспоминанія:	
Л. А. Ушаковъ. Корпусное воспитаніе при императорѣ Николаѣ I.	90
Гр. де-ла Гардъ. Картины изъ исторіи Вѣнскаго конгресса. .	134
В. В. Берви. Воспоминанія	160
Е. И. Берви. Изъ воспоминаній	169
III. Матеріалы:	
И. И. Пущинъ. Письма къ И. В. Малиновскому.	184
С. Я. Штрайхъ. Н. И. Пироговъ о любви, о призваніи женщины-матери и др.	191
Ч. Вѣтринскій. Глѣбъ Успенскій въ его перепискѣ: VIII. Успенскій въ собственной передѣлкѣ. IX. Уничтоженная повѣсть. X. Успенскій и Толстой	206
В. Н. П. Дѣло Н. В. Шелгунова.	229
IV. Некрологъ.	
С. А. Ефремовъ. Михаилъ Павлыкъ.	238
V. Критика и библіографія.	
Р. И. Выдринъ. Парламентскія рѣчи по еврейскому вопросу. И. Балинскій. Ч. Сароли. Англо-германская проблема. Проф. Крэмбъ. Германія и Англія. В. В. Міяковскій. В. П. Семенниковъ. Русскіе сатирическіе журналы 1769—1774. А. С. Поляковъ. Полное собраніе сочиненій А. С. Грибоѣдова. И. Н. Розановъ. Пушкинистъ. Сборн. подъ редакціей Венгерова. С. Г. Сватиковъ. А. Корниловъ. Курсъ исторіи Россіи XIX в. М. Н. Коваленскій. Книга для чтенія по исторіи новаго времени. В. Н. Сторожевъ.	

	<i>Стр.</i>
Акты и документы, относящіеся къ исторіи Спб. городского управленія въ эпоху Отечественной войны. К. В. Сивковъ . 50-лѣтній юбилей «Русскихъ Вѣдомостей». В. Е. Сыроѣчковскій . Студенческій историко-этнографическій кружокъ при университетѣ св. Владимира. Б. М. Соколовъ . В. И. Симаковъ . Сборникъ деревенскихъ частушекъ. Е. Н. Елеонская . То-же.	253
Поправка къ статьѣ В. Я. Богучарскаго	278

VI. Изъ текущей литературы.

М. П. Чубинскій . Изъ юбилейной литературы къ 50-лѣтію Судебныхъ Уставовъ.	280
М. М. Клевенскій . Тургеневскій Сборникъ.	293
П. Л. Войковъ . Фаворитъ Людовика XIV	299
С. П. Мельгуновъ . Запрещенная книга.	304

VII. Романъ.

Шарль де Костеръ . Легенда о подвигахъ Уленшпигеля. Переводъ В. Н. Карякина	307

VIII. Рисунки.

- 1) Ученіе кадетовъ въ 40 г.г. 2) Косцюшко (въ текстѣ) 3) **Л. А. Ушаковъ** (въ текстѣ). 4) **И. И. Пущинъ**. Заставки изъ изданій XVII в.

IX. Объявленія.

При этомъ номерѣ разсылается бланкъ о подпискѣ на «Голось Минувшаго».

Тосканскій мессія.

Въ южной части Тосканы, тамъ, гдѣ приморская болотистая полоса смѣняется къ востоку холмами и отрогами Апеннинъ и гдѣ къ чистотѣ тосканской рѣчи начинаетъ примѣшиваться красота римскаго выговора, явился, жилъ, училъ и былъ убитъ послѣдній итальянскій пророкъ и мессія, Давидъ Ладзаретти, прозванный всѣми «святымъ», а послѣдователями признанный за «Христа—вождя и судію», вновь воплотившагося, чтобы создать «Республику и Царство Божіе на землѣ».

Послѣдователи Ладзаретти, умершаго трагической смертью въ концѣ семидесятихъ годовъ, живы и посейчасъ. Ихъ можно найти во многихъ мѣстечкахъ, окружающихъ красивую гору Монте Аміата, особенно въ селеніи Арчидоссо, на родинѣ пророка, въ городкѣ Санта Фіора, гдѣ онъ похороненъ, въ Пьянкастаньяйо и другихъ живописныхъ группахъ домиковъ, разбросанныхъ по кудрявымъ холмамъ. Въ большинствѣ это—уже старые, почтенные люди, отличающіеся отъ другихъ длинными бородами, выдержанные, спокойные, трудящіеся, грамотѣи; новыхъ, молодыхъ ладзареттистовъ или, какъ они себя называютъ, «юрисдавидиковъ» (giurisdavidici)—немного. Осталась сильной и прочной вѣра въ грядущее воскресеніе Давида Ладзаретти, предсказавшаго и свою смерть, и свое возстаніе изъ мертвыхъ. На закатѣ, съ порога своихъ домовъ, вѣрные ученики смотрятъ на вершину горы Монте Лабаро, гдѣ виденъ силуэтъ развалинъ дома, церкви и башни, выстроенныхъ пророкомъ съ ихъ помощью; тамъ онъ и явится снова міру.

Тосканскій Христосъ родился слишкомъ поздно, чтобы ученіе его охватило и увлекло широкіе круги населенія внѣ его родныхъ мѣстъ. Но и ученіе его, и особенно жизнь его настолько интересны, что время отъ времени одинокій изслѣдователь, чаще иностранецъ, отправляется паломникомъ въ селенія Монте Аміата и на святую гору Лабаро, «Новый Сіонъ», разспросить послѣднихъ ладзареттистовъ объ ихъ учителѣ, сдѣлать нѣсколько снимковъ мѣстности и живыхъ людей, и пополнить еще очень скудную литературу о послѣднемъ мессіи. Есть книги о Ладзаретти на англійскомъ, датскомъ, итальянскомъ и французскихъ языкахъ ¹⁾. Но Россіи, на сколько я знаю, имя Давида Ладзаретти еще совсѣмъ неизвѣстно. Это и внушаетъ мнѣ мысль дать нѣсколько чертъ изъ его біографіи и ученія.

Давидъ Ладзаретти родился въ Арчидоссо въ 1834 году, въ семьѣ крестьянина, промышлявшаго извозомъ. Хотя преданію и угодно обставить его рожденіе особой таинственностью (говорятъ, напримѣръ, что онъ родился съ двумя языками, одинъ изъ которыхъ послѣ отпалъ), но рѣшительно ничего мистическаго ни въ дѣтствѣ, ни въ юности Ладзаретти нѣтъ. Занимаясь извознымъ промысломъ вмѣстѣ съ отцомъ, Давидъ, какъ и большинство жителей и рабочихъ мареммы (приморскихъ болотъ), страдалъ въ дѣтствѣ и позже лихорадкой, въ припадкахъ которой галлюцинировалъ. Такъ, по`его рассказамъ, въ апрѣлѣ 1848 года, ему явился во снѣ монахъ, сказавшій ему: «Твоя жизнь будетъ чудомъ, которое однажды тебѣ откроется». Ровно черезъ двадцать лѣтъ, день въ день, также въ припадкѣ лихорадки, Давиду вновь явилось то же видѣніе,—и съ той поры его внутренняя и внѣшняя жизнь перемѣнилась совершенно.

Однако, до этого времени Давидъ жилъ, какъ всѣ. Ломовикъ по профессіи, способный и умный малый, здоровякъ, силачъ на рѣдкость, онъ дѣлилъ время между несложной работой и чтеніемъ. Разъѣзжая по мареммѣ, онъ составилъ себѣ двойственную репутацию: во-первыхъ задиры и «ругателя», во-вторыхъ—интереснаго рассказчика и чтеца стиховъ; онъ зналъ почти наизусть всего Данте, писалъ стихи и самъ. По описаніямъ знавшихъ его

¹⁾ Основной трудъ о Ладзаретти написанъ итальянскимъ ученымъ и философомъ *Giacomo Barzelotti* («Monte Amiata», Milano, 1910). Его изслѣдованіемъ, написаннымъ еще въ началѣ 80-хъ годовъ и позже переизданнымъ, пользовались *O. Hutton* (In unknown Tuscany, London, 1909), *E. Rasmussen* (En Kristus fra vore Dage: italiensk Kulturbilled, Kopenhagen, 1914), *B. de Nolva* (Le Christ du mont Amiata, «Revue», 1 Janvier 1914). О Ладзаретти писали также итальянцы: Lombroso, Verga, Buccola, Zerbogli, Tanzi, Morsetti и другіе «альенисты». Но основными матерьялами остаются труды самого Ладзаретти и его послѣдователей, особенно книга монаха *Filippo Imperiuzzi* «La storia di David Lazzaretti, profeta di Arcidosso, Siena», 1907.

лично, онъ былъ въ то время высокимъ, сильнымъ, чернобородымъ парнемъ, съ крупнымъ лбомъ, живыми глазами, обычно веселымъ и спокойнымъ, но въ раздраженіи доходившимъ до бѣшенства. Рассказываютъ, какъ однажды на него напало пятеро сильныхъ парней мѣстечка, обиженныхъ его шутками. Сначала Давидъ отбивался отъ нихъ палкой, но затѣмъ, видя, что этимъ орудіемъ справиться съ ними нельзя, оттолкнулъ ближайшаго изъ нападавшихъ, вбѣжалъ на лѣстницу виннаго склада, схватилъ тяжелый боченокъ съ виномъ, и съ такой силой швырнулъ его въ противниковъ, что сшибъ ихъ всѣхъ съ ногъ и обратилъ въ бѣгство оставшихся невредимыми. Вообще, анекдотовъ, какъ о его силѣ, такъ и о его умѣ и талантахъ, безчисленное множество.

И вотъ, однажды, этотъ богатырь и забавникъ обратился на иной путь жизни. Къ этому времени онъ уже былъ женатъ, имѣлъ дѣтей, успѣлъ побывать добровольцемъ на войнѣ, гдѣ участвовалъ въ сраженіи при Кастельфидардо; его «обращеніе» совпало со вторымъ видѣніемъ во время приступа лихорадки. Давиду Ладзаретти шелъ въ это время 34-й годъ.

Бросивъ свои обычныя занятія, Давидъ исчезъ изъ родного села на пять мѣсяцевъ. Онъ отправился въ Римъ, гдѣ добился личной аудіенціи у Пія IX, которому вручилъ «памятку о случившихся съ нимъ странностяхъ». Папа благословилъ Давида, и онъ отправился въ заброшенный горный монастырь подготовиться къ великой миссіи. Здѣсь въ темномъ гротѣ, гдѣ Давидъ молился, ему явилась тѣнь нѣкоего воина, приказавшаго ему раскопать и предать христіанскому погребенію его кости, зарытыя въ гротѣ. Давидъ, дѣйствительно, нашелъ въ гротѣ остатки античныхъ предметовъ культа и полуистлѣвшія кости. Затѣмъ Давиду вновь явился тотъ же воинъ вмѣстѣ съ Маріей Дѣвой, святымъ Петромъ, Михаиломъ Архангеломъ и монахомъ, и, во время «конференціи» съ нимъ, эти лица открыли ему тайну его происхожденія «по прямой линіи отъ французскаго короля». Однимъ изъ высокихъ предковъ его оказался умершій въ этомъ гротѣ воинъ, а святой Петръ одарилъ Давида даромъ пророчества и знакомъ на лбу Э+С. Позже этотъ знакъ изображался на одеждахъ и знаменахъ ладзареттистовъ, и посейчасъ его можно видѣть надъ входной дверью домовъ послѣдователей Давида.

Здѣсь будетъ не лишнее сказать, что романтическая исторія воина, сына короля Франціи и предка Давида, была позже объяснена существованіемъ въ тѣ времена лубочнаго «историческаго» романа, который могъ быть извѣстнымъ Давиду; въ его рассказѣ остались неизмѣненными всѣ имена романа. Однако «конференція» Давида съ Маріей Дѣвой и святыми, подкрѣпленная находкой

клада и костей, создала и ему, и гроту большую славу. Близъ чудеснаго грота были выстроены часовня и скить, а въ память его бесѣды со святыми написана картина «*Madonna della Confegenza*», многочисленныя копіи которой чтятся ладзареттистами. Къ моменту возвращенія на родину за Давидомъ уже упрочилась слава «человѣка великой тайны».

Вернувшись въ родныя мѣста, Давидъ избралъ своей резиденціей мрачную, почти обнаженную отъ растительности гору *Monte Labbro*, переименовавъ ее въ Монте Лабаро. Здѣсь слава объ его «обращеніи» и чудесныхъ видѣніяхъ собрала вокругъ него первыхъ послѣдователей и учениковъ. Въ тѣ смутныя времена, передъ паденіемъ свѣтской власти папы, религіозные католики ждали защитника и преобразователя церкви, отмѣченнаго благословеніемъ свыше. Появленіе фанатическаго пророка, поднявшаго настроеніе народа до религіознаго экстаза, оставаясь при этомъ вѣрнымъ церкви и папѣ, было на руку и католической партіи; неудивительно поэтому, что духовенство въ началѣ покровительствовало Ладзаретти и даже освятило церковь, выстроенную его сподвижниками на горѣ Лабаро. Кромѣ церкви здѣсь же былъ выстроенъ большой скить и приступлено къ сооруженію башни изъ каменныхъ глыбъ, не соединенныхъ цементомъ; послѣднее сооруженіе имѣло значеніе подвижничества и окружено было сложной легендой о «Новомъ Сіонѣ» и о первомъ изъ семи вѣчныхъ городовъ, имѣющихъ возникнуть на землѣ по предсказанію Ладзаретти. Башня была воздвигнута надъ гротомъ и здѣсь Ладзаретти нашелъ истлѣвшія кости и старинные предметы (позже, по изслѣдованіи, кости эти были признаны однимъ врачомъ за остатки овечьей челюсти). Въ сыромъ гротѣ Давидъ воздвигъ каменный алтарь и проводилъ здѣсь время за молитвой.

Окончательно выросла слава Давида Ладзаретти, какъ святаго подвижника, послѣ его удаленія изъ міра на уединенный островъ Монтекристо, гдѣ онъ провелъ въ молитвѣ 47 дней, взявъ съ собой только 11 хлѣбовъ. Отъѣзду его предшествовала символическая трапеза съ ближайшими учениками, послѣ которой онъ положилъ основаніе ордену «Скитниковъ-исповѣдниковъ и кающихся». Слухъ о возвращеніи его съ острова собралъ на встрѣчу ему экзальтированную его подвижничествомъ громадную толпу народа, которой Давидъ въ длинной рѣчи рассказалъ мельчайшія подробности своей долгой бесѣды съ Богомъ, семь разъ являвшемуся ему «въ блескѣ молніи и сотрясеніи всего острова». Свою словесную «борьбу со Господомъ», которая «велась въ музыкальномъ тонѣ, въ формѣ тихой стихотворной декламации», Ладзаретти изложилъ въ книгѣ, изданной имъ позже. За рѣчь

къ народу онъ былъ привлеченъ къ судебной отвѣтственности, но судомъ оправданъ.

Слѣдующее подвижничество Ладзаретти состояло также въ суровомъ постѣ, во время котораго онъ написалъ «Сводъ законовъ религіозныхъ, нравственныхъ, политическихъ и гражданскихъ», сочиненіе, секвестрованное властями послѣ его смерти, но въ общихъ чертахъ извѣстное, характера ярко теократическаго. «Святой первосвященникъ Рима, пишетъ Ладзаретти, будетъ признанъ королемъ и монархомъ надъ всѣми королями и монархами земли; онъ будетъ единымъ судьей нашихъ споровъ и вѣковыхъ тяжбъ между нами, народами и націями; оружіемъ и эмблемой націи будетъ оружіе первосвященника». «Ликуй небо и трепещи адъ, когда осуществляются эти законы. Трепещите великіе и власть на землѣ имущіе. Судьбы ваши—прахъ и разрушеніе» ¹⁾).

Какъ мы видимъ, въ этотъ періодъ Ладзаретти не выступаетъ еще въ роли мессіи и «Христа—вождя и судьи». Онъ не только признаетъ власть папы, но и проповѣдуетъ объединеніе всѣхъ государствъ и народовъ подъ этой властью. Съ высоты своего «Новаго Сіона» онъ отзывался на всѣ значительныя политическія событія (Седанъ, плѣнъ Наполеона, паденіе папскаго Рима). Королю Пруссіи онъ грозитъ крушеніемъ его плановъ, французской націи онъ приказываетъ разбить статую Вольтера и сжечь его труды, папѣ совѣтуетъ не довѣряться иностранцамъ, хотящимъ погубить его; королю Италіи онъ открываетъ глаза на его личныхъ враговъ, поставленныхъ имъ во главѣ своего правительства.

«Твой дворъ,—пишетъ онъ,—сталъ Вавилономъ, твое правительство—тираны и разбойники, твои законы и инструкціи полны глупостей, ереси и безсмысленныхъ проектовъ. Не знаю, чѣмъ помочь тебѣ: плохо твое положеніе». Но уже проскальзываетъ въ пророчествахъ Ладзаретти мечта о его будущей миссіи: «Знай,—пишетъ онъ прусскому королю,—что выйдетъ изъ народа юноша воинственнаго вида, и итальянскія женщины встрѣтятъ его гимнами, какъ второго царя израильскаго».

Въ 1873 г. Ладзаретти уѣхалъ впервые во Францію, возвѣстивъ въ своемъ послѣднемъ пророческомъ письмѣ скорый приходъ освободителя, реформатора новой церкви и обновителя политическаго строя. Во Франціи, пользуясь гостепріимствомъ и покровительствомъ высшаго духовенства и монашества, онъ написалъ цѣлый рядъ книгъ, пророчествъ и манифестовъ. Здѣсь же

¹⁾ Barzelotti, op. cit., p. 202.

онъ окончательно пришелъ къ убѣжденію, что великимъ реформаторомъ и монархомъ народовъ призванъ быть, именно, онъ, Давидъ Ладзаретти, потомокъ королей Франціи, второй мессія. Свой приходъ въ міръ онъ возвѣстилъ особымъ манифестомъ, въ которомъ ставился королямъ и народамъ грозный ультиматумъ ¹⁾).

Однако книга Ладзаретти «Моя борьба со Господомъ», вышедшая въ Арчидоссо, испугала католическое духовенство, въ началѣ ему покровительствовавшее. По распоряженію изъ Рима, его капелла на Monte Labbro попала подъ запрещеніе. Это напугало французскихъ покровителей Ладзаретти, и они отступились отъ новоявленного мессіи. Тѣмъ временемъ умеръ Пій IX, и въ этотъ моментъ, по утверженію Ладзаретти, окончилась «Эра закона Милости» и должна была начаться съ 14 марта 1878 года новая, третья, міровая «Эра новаго закона Права», иначе «Реформы Духа Святого», о которой онъ и поспѣшилъ извѣстить міръ новыми эдиктами, составивъ и «Кодексъ реформы».

Ненадолго вернувшись въ кругъ своихъ послѣдователей, Давидъ Ладзаретти открылъ имъ, что въ его лицѣ они видятъ вторично воплотившагося Христа, и объявилъ имъ, что ѣдетъ въ Римъ, чтобы представить новому папѣ Льву XIII доказательства своего духовнаго и королевскаго сана и своей миссіи, а именно печать, кольцо и жезлъ. «Говорю вамъ, что Левъ Рима будетъ имѣть дѣло со львомъ горъ».

Онъ, дѣйствительно, отправился въ Римъ, но аудіенціи у папы не получилъ. Его «вещественныя доказательства» были отъ него отобраны, а всѣ его книги занесены въ запретительный индексъ.

Вернувшись на время во Францію, Ладзаретти отвѣтилъ оттуда на свое осужденіе рѣшительнымъ письмомъ къ своимъ послѣдователямъ, которыхъ призывалъ бороться за общее дѣло противъ «идолопоклонства папѣ». Онъ послалъ имъ и новое «Вѣрую», текстъ котораго знакомитъ насъ съ религіозными отличіями ученія Ладзаретти отъ ученія католической церкви. Такъ онъ устанавливаетъ «исповѣдь исправленія», отрицаетъ вѣчность загробнаго наказанія, вводя постепенность его, смотря по грѣхамъ; далѣе онъ утверждаетъ, что природа зла, олицетворяемаго въ дьяволѣ, есть лишь продуктъ порочнаго и распущеннаго духа нашего тѣла; что подъ концомъ міра нужно подразумѣвать не конецъ міра матеріальнаго, а лишь «тѣлеснаго міра», такъ какъ «человѣческая природа» возстановится

¹⁾ «Manifeste de David Lazzaretti aux peuples et aux princes chrétiens».

въ жизни вѣчной отъ грѣховной смерти къ бытію въ милости Божьей». Въ послѣднемъ членѣ символа вѣры утверждается что «Давидъ Ладзаретти, Помазанникъ Божій, судимый и осужденный римской Куріей, есть воистину живое воплощеніе второго пришествія Господа Іисуса Христа въ міръ, какъ Сына Божія, пришедшаго обновить весь человѣческій родъ во имя третьяго божественнаго закона Права и всеобщей реформы Духа Святого» ¹⁾).

Вслѣдъ затѣмъ Давидъ въ послѣдній разъ вернулся на гору Лабаро въ свой скитъ, чтобы начать здѣсь «пятый актъ своей трагедіи».

Осужденіе Давида Ладзаретти вначалѣ отпугнуло отъ него колеблющихся послѣдователей. Но едва онъ вернулся окончательно на родину прежнимъ энтузіастомъ, грознымъ обвинителемъ «идолопоклонства папѣ», проповѣдникомъ новой милосердной религіи, отвергающей вѣчную муку за гробомъ и сулящей воскресеніе тѣла,—какъ къ нему вернулись усомнившіеся, и толпы его учениковъ возросли до предѣловъ, ранѣе небывалыхъ. Теперь Давидъ уже не былъ только пророкомъ,—онъ былъ воплотившимся Христомъ; съ нимъ приблизилось тысячелѣтнее царство и великая реформа Духа Святого; и точную дату пришествія этого царства Давидъ не замедлилъ указать. Оно начнется 14 августа 1878 года, въ тотъ моментъ, когда онъ съ учениками и апостолами торжественно сойдетъ въ міръ съ горы Лабаро. Къ этому дню—канунъ Успенія—толпы народа явились на «Новый Сіонъ», чтобы увидѣть возвѣщенное чудо и принять участіе въ сошествіи съ горы «Христа—вождя и судіи».

Незадолго передъ этимъ Верховный Совѣтъ учрежденнаго Давидомъ ордена «Исповѣдниковъ и кающихся» на торжественномъ религіозномъ собраніи, послѣ прочтенія и истолкованія вѣрующимъ новаго «Символа Вѣры», избралъ единогласно двѣнадцать апостоловъ для новаго мессіи. Кое-кто изъ этихъ апостоловъ еще живы и посейчасъ, и ихъ рассказы возстановливаютъ картину событій тѣхъ дней на горѣ Лабаро. Никто изъ этихъ апостоловъ не усомнился впоследствии въ божественности своего учителя и не отрекся отъ него даже на судѣ.

Сошествіе Давида съ горы Лабаро состоялось не 14, а лишь 18 августа. Три предшествовавшихъ дня Давидъ, его апостолы, ученики и весь народъ провели въ молитвѣ и бесѣдахъ. Лишь немногимъ удалось помѣститься въ церкви, остальнымъ Давидъ говорилъ свои странныя, экзальтированныя рѣчи внѣ ея, а съ

¹⁾ Barzelotti, op. cit, p. 244.

ближайшими учениками бесѣдовалъ по ночамъ въ гротѣ подъ башней. Готовясь къ сошествію, Давидъ надѣлъ самъ и велѣлъ надѣть ученикамъ особыя, ранѣ заготовленныя одежды, подобныя тѣмъ, въ какихъ ему явились Мадонна и святые въ одномъ изъ его сновидѣній. Нѣсколько сотъ человѣкъ нарядились въ пурпуровыя фуфайки и сѣрыя панталоны на выпускъ, съ синими и желтыми кушаками, съ разноцвѣтными кистями; Давидъ и его первый священникъ надѣли шляпы съ полями, расшитыя золотомъ, съ тремя разноцвѣтными перьями на головѣ; остальные мужчины—многоцвѣтные береты съ длинной кистью, всѣ—плащи, съ красной подкладкой. Такіе же фантастическіе, не лишенные вкуса и очень парадные костюмы были заготовлены для женщинъ: красныя съ синимъ плащемъ для «сестеръ милосердія», синія для «матронъ», бѣлыя съ синимъ кушакомъ и плащемъ для дѣвушекъ, съ бѣлымъ плащемъ и вѣнкомъ на головѣ—для маленькихъ дѣвочекъ, участницъ хора. На груди у всѣхъ вышитъ былъ знакъ Давида Ладзаретти Э+С. Самъ мессія по костюму очень мало отличался отъ другихъ. Для «легіоновъ новаго войска» были заготовлены знамена, трехцвѣтное и красное. За два дня до событія на башнѣ водруженъ былъ деревянный штандартъ со знакомъ Давида и надписью: «Республика и Царство Божіе».

Въ теченіе трехъ дней, проведенныхъ въ молитвѣ и слушаніи вдохновенныхъ проповѣдей Давида Ладзаретти, религіозный экстазъ толпы все возрасталъ. Послѣдняя ночь была проведена безъ сна, въ непрестанной молитвѣ. Въ эту ночь Давидъ, положивъ руку на алтарь, поклялся и заставилъ поклясться всѣхъ быть готовыми на всякое испытаніе. Подъ утро онъ явился въ церковь съ плащемъ, перевернутымъ на изнанку, и, указывая на ея красный цвѣтъ, сказалъ: «вотъ знакъ крови; скоро моя кровь, кровь новаго Авеля, прольется и смѣшается съ кровью этой чаши». Затѣмъ онъ роздалъ ученикамъ освященный хлѣбъ, чтобы подкрѣпиться передъ подвигомъ, и объявилъ выступленіе.

Въ переднихъ рядахъ двинувшейся процессіи шли дѣти, дѣвушки и женщины. За ними оркестръ музыки, затѣмъ Давидъ и его священникъ Имперіуцци, далѣе «князья», «апостолы» и другіе, надѣвшіе форму ладзареттистовъ, наконецъ—огромная толпа народа, все возрастающая по мѣрѣ движенія процессіи.

Слухъ о готовящемся сошествіи новаго мессіи съ горы Лабаро разнесся задолго передъ этимъ, но вліяніе его было настолько велико, что мѣстная полиція не рѣшалась принять предупредительныя мѣры и абсолютно не подготовилась къ событію.

Правда, делегатъ полиціи, знавшій Давида лично, просилъ его оставаться спокойно на горѣ, не перенося свою дѣятельность въ населенныя мѣста; Давидъ отвѣтилъ отказомъ. Въ тотъ моментъ, когда уже началось выступленіе, къ Давиду прибѣжалъ посланный изъ Арчидоссо, чтобы сообщить ему, что карабинеры будутъ стрѣлять въ толпу. «Я не иду никому причинять зло,— отвѣтилъ мессія,—за мной, во имя Божіе, пусть идутъ другіе безъ боязни: единственной жертвой буду я».

Спускъ съ горы до ближайшихъ селеній продолжался долго. Въ нѣсколькихъ пунктахъ къ процессіи присоединялись новые толпы вѣрующихъ и просто любопытныхъ, и каждый разъ Давидъ громко обращался къ нимъ съ вопросомъ, желаютъ ли они республику. Ему хоромъ отвѣчали «да», и тогда Давидъ объявлялъ, что съ этого дня и впредь въ мірѣ начинается республика, «но она будетъ не такой, какъ въ 1848 году, а будетъ царствомъ Бога, закономъ Права, преемницей эры Милости». И по знаку его женщины пѣли религіозныя гимны.

Когда процессія подходила къ селенію Арчидоссо—родина Давида, навстрѣчу ему вышелъ полицейскій делегатъ и синдикъ города, въ сопровожденіи двухъ коммунальных стражниковъ и восьми карабинеровъ. Увидя ихъ, Давидъ прошелъ впередъ всѣхъ черезъ ряды женщинъ и пошелъ навстрѣчу делегату. Изъ краткаго разговора между нимъ и делегатомъ, также отдѣлившимся отъ группы и вышедшимъ впередъ до ближнихъ рядовъ, донеслись только слова Давида: «Если хотите мира, я несу вамъ миръ; если хотите милосердія—получите милосердіе, если крови хотите—вотъ я предъ вами»¹⁾. Въ отвѣтъ на тройное предупрежденіе делегата, Давидъ грозно поднялъ свою палку, затѣмъ рѣзко повернулся къ своимъ съ возгласомъ: «Да здравствуетъ республика!», подхваченнымъ всей огромной толпой. Въ тотъ же моментъ раздалась команда «пли», и первымъ, изолированно отъ толпы, палъ посреди дороги тосканскій пророкъ и мессія.

Послѣдовала страшная паника толпы, сжатой въ узкомъ проходѣ. Озвѣрѣвшіе карабинеры стрѣляли вдогонку бѣжавшимъ, убивъ нѣсколько дѣтей. Возлѣ Давида Ладзаретти, смертельно раненаго тремя пулями въ голову, осталось лишь нѣсколько его вѣрныхъ учениковъ, да нѣсколько лежавшихъ на дорогѣ раненыхъ и убитыхъ. Но, говоритъ очевидецъ, «на лицахъ его учениковъ не было ни тѣни скорби». Случилось лишь то, что онъ предсказалъ. Онъ умретъ, чтобы воскреснуть. И если Республика

¹⁾ Barzelotti, op. cit. p., 28.

и царство Божіе еще не пришли, то это лишь значитъ, что *i tempi non erano maturi*,—что «времена не назрѣли»; и ни въ коемъ изъ его вѣрныхъ учениковъ не поколебалась вѣра, что «Христосъ—вождь и судія» живъ и скоро явится имъ вновь. То же съ той же вѣрой повторяютъ и сейчасъ тѣ изъ нихъ, кому удалось дожить до нашихъ дней.

Давидъ похороненъ на кладбищѣ ближняго села Санта Фіора; надъ могилой его нѣтъ ни креста, ни надписи. Нѣтъ никакого знака и на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ былъ убитъ. Его церковь, скитъ, и башня разрушены временемъ и руками невѣрующихъ. На облупившихся стѣнахъ нѣсколько туристовъ оставили въ надписяхъ свидѣтельство о своемъ грязномъ цинизмѣ и свою неспособность уважать чужую вѣру и чужой энтузіазмъ.

Объяснить ли одной силой религіознаго фанатизма то вліяніе, которое «святой» Давидъ Ладзаретти завоевалъ въ широкихъ кругахъ населенія Монте Аміата? Намъ думается—нѣтъ.

Прежде всего, этотъ единственный въ своемъ родѣ пророкъ былъ славенъ именно въ своемъ отечествѣ, гдѣ его знали съ малолѣтства, гдѣ въ молодости онъ былъ извозчикомъ и пользовался репутаціей задиры и мечтателя. Трудно затѣмъ представить себѣ, чтобы Ладзаретти могъ лишь однимъ обращеніемъ къ религіозному чувству католическаго населенія сохранять свое исключительное вліяніе въ теченіе десяти лѣтъ, пронести его черезъ горнило папскаго осужденія и оставить послѣ смерти. Религіознымъ экстазомъ проникнута вся картина его сошествія съ Монте Лабаро съ толпой народа,—но его длительное господство надъ умами имѣло и другіе источники. Здѣсь мы подходимъ къ наименѣе изслѣдованной сторонѣ ученія Давида Ладзаретти—къ его проповѣди социальныхъ реформъ и новаго социальнаго строя.

Нѣтъ сомнѣнія, что пылкое и болѣзненное, всегда ажитированное воображеніе Давида Ладзаретти не могло создать строгой и ясной практической картины обновленнаго социальнаго строя. Есть, однако, во всѣхъ его проповѣдяхъ, книгахъ и начинаніяхъ одна руководящая идея, сформулированная имъ самимъ, какъ переходъ отъ «Закона Милости» къ «Закону Права», переходъ, имъ самимъ названный Великой реформой. О томъ, что могъ Давидъ разумѣть подъ этой реформой, мы поймемъ лучше всего, обратившись къ уставу трехъ обществъ, учрежденныхъ имъ въ селеніяхъ Monte Amiata.

Первое общество, учрежденное Давидомъ въ 1870 г., передъ

отъѣздомъ на островъ Монтекресто, называлось «Обществомъ или Конгрегаціею исповѣдниковъ и кающихся». Его символомъ была *вѣра*. Это было чисто религіозное общество, имѣвшее цѣлью «пробуждать вѣру въ народѣ», при помощи личной добродѣтели, молитвы и воздержанія отъ мірскихъ заботъ, соблюденія божественнаго закона и уваженія къ правильно поставленной гражданской власти. Тридцать три скитника-исповѣдника и семьдесятъ два кающихся должны были жить, вмѣстѣ, подъ одной кровлей, въ религіозномъ подвижничествѣ, бесплатно работая на нужды скита и капеллы.

Въ томъ же году Ладзаретти учредилъ «Общество священной лиги или христіанскаго братства», имѣвшее символомъ *милосердіе*. Въ уставѣ этого общества цѣли религіозно-нравственнаго характера совмѣщены съ задачами экономическими: воздержаніе отъ клятвы Божьимъ именемъ, отъ бродяжничества, трактировъ, игръ, а также благотворительность, призрѣніе вдовъ и сиротъ и *организованная взаимопомощь*.

Третье общество, организованное Ладзаретти нѣсколько позже, имѣло цѣлью религіозно-нравственное воспитаніе членовъ и приученіе ихъ къ общему труду, «дабы сдѣлать изъ труда средство упроченія и прогресса земледѣлія и всякаго ручного и фабричнаго труда». Называлось оно «Обществомъ христіанскихъ семействъ», а символомъ имѣло *надежду*. Согласно уставу общества, выработанному съ помощью адвоката Сальви, впослѣдствіи защитника Давида, всѣ члены отдавали въ свое общество все свое имущество и свой трудъ на долгіе годы. Общество являлось, такимъ образомъ, *коммуной чистаго типа*, дирекція которой вѣдала не только распредѣленіе имущества и труда, но и давала согласіе на браки членовъ между собою и съ посторонними. Въ общую кассу поступали и заработки, общею была пища и одежда. Всѣ члены должны были одѣваться одинаково. Такихъ коммунъ Давидъ учредилъ двѣ; всѣ онѣ пережили своего учителя.

Всѣ три общества были объединены въ одинъ институтъ, цѣлью котораго было «бороться противъ порчи нравовъ и безбожія нашего времени». Однимъ изъ важнѣйшихъ средствъ для этого признавалось образованіе, и общество обязывалось содержать на свой счетъ учителя и учительницу.

Если чисто религіозная проповѣдь Давида Ладзаретти мало беспокоила правительство, то его коммунистическія идеи внушали тревогу. Въ виду отсутствія прямыхъ поводовъ для привлеченія его къ отвѣтственности, къ нему предъявлено было обвиненіе въ мошенничествѣ. Ладзаретти былъ дважды аресто-

ванъ. Въ первый разъ дѣло его было прекращено за отсутствіемъ состава преступления, во второй разъ (въ 1874 г.) послѣ долгихъ мѣсяцевъ предварительной тюрьмы онъ былъ осужденъ, но, по апелляции его защитниковъ, окончательно оправданъ во второй инстанціи.

Послѣ скитаній Ладзаретти за границей и послѣ осужденія его римской Куріей, незадолго до его смерти, въ писаніяхъ его все чаще и чаще начинаютъ встрѣчаться упоминанія о социальномъ неравенствѣ, о необходимости раздѣлить имущества и подготовить приходъ «Эры закона Права». Несомнѣнно, такіа слова западали въ душу его послѣдователей не менѣе глубоко, чѣмъ слова его проповѣдей чисто религіозныхъ.

О нѣсколько путанныхъ политическихъ идеяхъ Ладзаретти мы уже упоминали выше. Онъ училъ о неминуемомъ крушеніи всѣхъ царствъ и властителей и созданіи общемировой «республики и царства Божія», подъ духовной властью новаго «Христа-вождя и судіи», которымъ и являлся онъ самъ.

По смерти Давида, его наиболѣе близкіе послѣдователи были арестованы и преданы суду. Но все, что могъ открыть судъ, это—необыкновенно высокія ихъ нравственныя качества, снискавшія имъ уваженіе всѣхъ окрестныхъ сель. Попытка сообщить ихъ дѣлу характеръ бунта противъ властей или социалистической пропаганды (по тѣмъ временамъ каравшейся) не привели ни къ чему и рушились сами собой. Процессъ окончился къ вящей славы Давида и его ученія, укрѣпивъ на долгіе годы память о подвижничествѣ и нравственной высотѣ тосканскаго мессіи. Если уже немногіе продолжаютъ считать его подлиннымъ Христомъ, то имя «святого» окончательно связано съ его мірскимъ именемъ.

Многочисленныя произведенія Ладзаретти, въ прозѣ и стихахъ, въ видѣ проповѣдей, уставовъ, мистическихъ поэмъ, молитвъ и проч., слишкомъ разбросаны и не объединены,—да далеко не всѣ и напечатаны,—чтобы можно было извлечь изъ нихъ суть его религіознаго ученія безъ предварительнаго, тщательнаго и критическаго ихъ обслѣдованія. Италія мало интересовалась этимъ своимъ пророкомъ. Его главный изучатель проф. Барцелотти, трудомъ котораго, остающимся пока основнымъ, мы здѣсь по преимуществу пользовались, почти оставляетъ въ сторонѣ социальное ученіе Ладзаретти, относясь къ тосканскому пророку, какъ къ большому энтузіасту и фанатику вѣры. Такъ же и еще уже смотрятъ на Ладзаретти ученые позитивной антропологической школы, интересовавшіеся имъ въ періодъ процесса ладзареттистовъ въ Сіенѣ. Односторонность такого отношенія,

конечно, очевидна. Но всесторонняя оцѣнка жизни и ученія Ладзаретти и его послѣдователей требуетъ не только изученія на мѣстѣ обстановки, въ которой развилась его дѣятельность, но и историческихъ экскурсій въ область идей, зарождавшихся въ Италіи въ первое десятилѣтіе ея объединенія, анализа міровыхъ событій того времени, слухъ о которыхъ доносился до тосканской мареммы и окрестныхъ горъ, внимательнаго опроса послѣднихъ свидѣтелей его подвижничества, тщательнаго изслѣдованія его печатныхъ трудовъ, ставшихъ библіографической рѣдкостью, и его рукописей, затерявшихся въ архивахъ судовъ; это, конечно, не могло входить въ нашу задачу: познакомить читателя лишь въ самыхъ общихъ чертахъ съ личностью и трагической судьбой послѣдняго итальянскаго народнаго пророка.

М. А. Осоргинъ.

Тадеушъ Косцюшко¹⁾.

Х.

Внѣшнія отношенія Польши въ эпоху возстанія.—Пораженіе поляковъ у Щекоцина и Холма.—Сдача Кракова.—Характеристика Косцюшки.

Расчеты поляковъ на содѣйствіе Франціи, на созданіе при ея посредствѣ антирусской коалиціи, на благожелательную нейтральность Пруссіи и Австріи оказались обманчивыми. Проникшія даже въ официальные акты польскаго революціоннаго правительства указанія на помощь Франціи, которая «требуеъ польскаго возстанія», были опрометчивы и недостаточно обоснованы. Въ неизданныхъ запискахъ Станислава-Августа Понятовскаго находимъ слѣдующій отрывокъ изъ бесѣды его съ министромъ иностранныхъ дѣлъ Игнатіемъ Потоцкимъ отъ 27 мая 1794 г. *Король*: «Есть ли у васъ деньги изъ Франціи?» *Потоцкій*: «Нѣтъ, но возможно, что онѣ будутъ». *Король*: «А когда будутъ, принуждены ли вы будете слѣдовать французской системѣ и французскимъ принципамъ?» *Потоцкій*: «Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ. Нѣкоторое сходство будетъ въ началѣ, но не въ дальнѣйшемъ (Il y aura quelque ressemblance dans le commencement, mais pas dans la suite). И французы сами хорошо знаютъ, что этого не будетъ. Во всякомъ случаѣ, какова бы ни была наша революція, она всегда принесетъ имъ большую пользу». ²⁾ И это именно несходство между французской и польской революціей лишило поляковъ возможности получить изъ Франціи помощь. Польша, въ которой не дѣйствовала гильотина, въ которой благополучно проживалъ заподозрѣнный въ народной измѣнѣ король, въ которой осуждались самимъ верховнымъ вождемъ Косцюшкой лозунги французской революціи, раздававшіеся въ Варшавѣ и

¹⁾ См. «Гол. Мин.» № 4.

²⁾ Документы Моск. Главнаго Архива Минист. Иностр. Дѣлъ. Кн. 323, лл. 213—217.

Вильнѣ, оказалась съ точки зрѣнія якобинскихъ террористовъ не заслуживающей французской поддержки, а возстаніе, предпринятое ею, лишь «дѣломъ шляхты». Зато правъ былъ Потоцкій, предсказывая выгоду для Франціи отъ польскаго возстанія. Оно, дѣйствительно, отвлекло въ другую сторону силы составившейся противъ Франціи европейской коалиціи, особенно Австріи и Пруссіи, которыя, по полученіи извѣстія объ удаленіи изъ Варшавы Игельстрома, обратили свое вниманіе, сосредоточенное до того на бельгійскомъ театрѣ войны, на Польшу, почувявши здѣсь болѣе легкую для себя добычу.

Еще 8 мая, т.-е. черезъ полтора мѣсяца послѣ начала возстанія, Косцюшко, приглашая жителей Варшавы къ укрѣпленію города, напоминалъ имъ о необходимости смертельной борьбы съ Россіей, «съ московской тираніей», но совершенно умалчивалъ о Пруссіи; и среди окружающихъ Косцюшку лицъ, и въ самой Варшавѣ долгое время господствовало убѣжденіе въ нейтральности Пруссіи. Изъ цитированныхъ выше неизданныхъ записокъ Станислава-Августа мы узнаемъ, что на предложенный королемъ Игнатію Потоцкому 27 мая вопросъ о степени вѣроятности слуховъ относительно тайнаго соглашенія (*une intelligence secrète*) между Косцюшкой и прусскимъ королемъ Потоцкій отвѣчалъ, что «Косцюшко старался своимъ поведеніемъ дать понять пруссакамъ, что онъ не желалъ бы дѣйствовать враждебно противъ теперешнихъ прусскихъ границъ, лишь бы только и пруссаки не дѣйствовали враждебно противъ насъ. Но такъ какъ послѣдніе совершали и совершаютъ враждебныя противъ насъ дѣйствія (*des hostilités contre nous*), то я полагаю, что Косцюшко будетъ преслѣдовать русскихъ даже въ теперешнихъ прусскихъ границахъ, если онъ не сможетъ пресѣчь имъ путь раньше». Этихъ признаковъ враждебности Пруссіи, не вѣрившей на первыхъ порахъ въ успѣшность польскаго возстанія и полагавшей, что оно направлено главнымъ образомъ противъ Россіи, накопилось постепенно немало. Прибытіе прусскихъ войскъ подъ Варшаву на помощь Игельстрома, предоставленіе послѣднему убѣжища въ прусскомъ лагерѣ, наконецъ, вступленіе 10 мая 11000-наго прусскаго корпуса подъ начальствомъ ген. Фаврата въ предѣлы краковскаго воеводства—все это должно было разсѣять надежды на прусскую нейтральность. Несмотря, однако, на это, несмотря даже на открытыя стычки арміи Фаврата съ повстанческими отрядами, прусскій посолъ Бухгольтцъ спокойно оставался въ Варшавѣ до 23 іюня, а выработанный великопольской делегаціей и сообщенный въ началѣ мая президенту Варшавы Закржевскому планъ поднятія возстанія въ перешедшихъ къ Пруссіи

польскихъ областяхъ не подвергся по какимъ-то соображеніямъ даже разсмотрѣнію. Вѣра въ нейтральность Пруссіи простира-лась до того, что появленіе прусскихъ войскъ въ несчастномъ для поляковъ сраженіи 6 іюня при Щекоцинахъ явилось, по сло-вамъ Корзона, полною неожиданностью для Косцюшки.

Что касается Австріи, то Косцюшко съ самаго начала возстанія официально заявлялъ о необходимости сохранять съ нею мирныя и добрососѣдскія отношенія, «свято чтить» ея границы и не

Т. Косцюшко. (Съ порт. Месіна).

привлекать ея поддан-ныхъ на польскую воен-ную службу; онъ не распространилъ на ав-стрійскую монархію об-щаго запрета относитель-но вывоза за границу польскаго зерна и съѣст-ныхъ припасовъ, выра-жалъ сожалѣніе по по-воду попытокъ нѣсколь-кихъ польскихъ отрядовъ пройти черезъ присоеди-ненную къ Австріи Гали-цію и еще 28 мая пред-писалъ краковскому ко-менданту отдать городъ въ депозитъ австрійскимъ властямъ, въ случаѣ не-возможности отраженія прусскаго натиска. Но ему не удалось добиться даже того «формальнаго увѣренія въ благожела-

тельныхъ планахъ его императорскаго величества по отношенію къ Польшѣ», о которомъ онъ просилъ. Застигнутая врасплохъ польскимъ возстаніемъ, видѣвшая въ немъ на первыхъ порахъ простую авантюру, не выработавшая по отношенію къ нему никакого опредѣленнаго политическаго или военного плана, Австрія сначала ограничилась опроверженіемъ черезъ своего посла де Каше слуховъ о покровительствѣ вѣнскаго двора повстан-цамъ, заявленіемъ о невозможности для нея «поддерживать пред-пріятіе, затѣянное въ подражаніе господствующимъ во Франціи принципамъ», и изданіемъ ряда распоряженій, носившихъ болѣе полицейскій, чѣмъ военный характеръ, но свидѣтельствовавшихъ

все-таки о враждебномъ отношеніи австрійской администраціи къ полякамъ и исключавшихъ возможность перенесенія возстанія на галиційскую территорію.

Но въ теченіе первыхъ двухъ мѣсяцевъ возстанія поведеніе и Пруссіи, и Австріи могло до нѣкоторой степени поддерживать иллюзіи поляковъ. Подступившія въ апрѣлѣ прусскія войска не вошли все-таки въ самый городъ; происходившія въ маѣ стычки корпуса ген. Фаврата съ польскими отрядами толковались нѣкоторыми, какъ простая демонстрація; распоряженія австрійской администраціи не простирались далѣе запрета ввозить оружіе и порохъ въ возставшій Краковъ или трудно исполнимыхъ приказовъ о заарестованіи Мадалинскаго и Косцюшки, при вступленіи ихъ въ Галицію; вся внѣшняя политика Австріи въ виду отъѣзда ея руководителя, министра иностранныхъ дѣлъ Тугута, на театръ военныхъ дѣйствій въ Бельгію, носила крайне неопредѣленный характеръ; его планы относительно использованія возстанія для обогащенія польскими землями устранившейся отъ участія во второмъ польскомъ раздѣлѣ Австріи оставались пока тайной не только для польскихъ, но и для большинства австрійскихъ дипломатовъ ¹⁾.

Къ началу іюня положеніе дѣлъ измѣнилось. И Пруссія, занятая до того времени волненіями среди берлинскаго городского населенія и силезскихъ рабочихъ, и Австрія, удерживаемая неудачной войной съ французской революціей, двинули теперь сильныя арміи къ границамъ Польши. Одновременно съ этимъ Россія отправила вспомогательныя войска противъ повстанцевъ. 6 іюня Косцюшко, располагавшій 14000 войска, сразился при Щекоцинахъ съ 26000-мъ русско-прусскимъ корпусомъ и потерпѣлъ отъ него сильное пораженіе. Самъ Косцюшко объяснялъ причины своей неудачи неосвѣдомленностью относительно соединенія русской и прусской арміи. Корзонъ признаетъ это толкованіе вполне приемлемымъ и обвиняетъ развѣдочную службу Косцюшки и его штабъ; но другіе историки съ Игнатіемъ Прондзинскимъ во главѣ находятъ, что «подобная защита со стороны Косцюшки хуже самого пораженія». «Неужели—спрашиваетъ Прондзинскій—главнокомандующій могъ не знать о движеніи насчитывавшей нѣсколько десятковъ тысячъ арміи, приходящей воевать съ нимъ въ его собственной странѣ и враждебно дѣйствующей въ ней? Вѣдь армія не палатка, которая складывается, прячется въ возъ и отправляется». По мнѣнію стараго біографа и современника

¹⁾ Объ отношеніи Пруссіи и Австріи къ возстанію см. кромѣ *Корзона* (*Kościuszko*, 352—364) *Barłógiewicz*, op. cit., 155, 247—248 и *Kurczynski*, op. cit., 122—130.

Косцюшки, Пашковского, Косцюшко сознательно скрывалъ полученное имъ извѣстіе о приближеніи прусской арміи, желая поддержать бодрость своего войска и укрѣпить его вѣру въ побѣду. Какъ бы то ни было, но добровольное принятіе сраженія съ сильнѣйшимъ противникомъ, вызвано ли оно было неосвѣдомленностью о количествѣ послѣдняго или чрезмѣрными надеждами на косиньеровъ, составлявшихъ болѣе одной трети польскаго корпуса, представляло весьма рискованный шагъ со стороны Косцюшки и имѣло серьезныя послѣдствія для возстанія. Малочисленная польская армія утратила на полѣ битвы около 1000 человекъ, въ томъ числѣ двухъ генераловъ и 8 пушекъ; поколебленъ былъ престижъ «непобѣдимаго» Косцюшки, омрачена вѣра въ его звѣзду, ослаблена бодрость арміи, особенно крестьянъ. «Уже первое совмѣстное выступленіе русскихъ и прусскихъ войскъ—замѣчаетъ Бартошевичъ—затмило блескъ Рацлавицъ и варшавской святой инсurreкціи» ¹⁾).

Спустя два дня повстанческое войско понесло новый уронъ. Ген. Заіончекъ, завѣдывавшій обороной линіи Буга, потерпѣлъ 8 іюня у Холма пораженіе отъ русскаго корпуса подъ начальствомъ ген. В. Х. Дерфельдена. «У непріятеля—разсказываетъ Энгельгардтъ—убито было болѣе трехсотъ человекъ..., много взято въ плѣнъ косиньеровъ, которые, какъ неохотно сражавшіеся, отпущены по домамъ». Преслѣдуя поспѣшно отступавшаго къ Вислѣ Заіончка, Дерфельденъ ознаменовалъ свой путь разгромомъ м-ка Пулавы, знаменитой резиденціи генерала подольскихъ земель, кн. Адама Чарторыскаго, подозрѣваемаго въ активномъ сочувствіи возстанію. «Богато украшенный огромный домъ—пишетъ Энгельгардтъ—(былъ) разоренъ, картины изорваны, библіотека, состоявшая изъ 40 тысячъ волюмовъ, вся истреблена..., натуральный кабинетъ весь разбитъ, а превосходное собраніе окаменѣлостей все раздроблено».

Черезъ недѣлю послѣ пораженія Заіончка наступила сдача Кракова пруссакамъ. Виновникомъ этого событія обыкновенно признается молодой комендантъ Кракова, Игнатій Венявскій, человекъ честолюбивый и самонадѣянный, но безхарактерный и неопытный въ военномъ дѣлѣ, отдавшій городъ непріятелю, далеко не исчерпавши средствъ обороны; военный судъ, приговорившій Венявскаго къ смертной казни, не приведенной, впрочемъ, въ исполненіе, приписалъ ему распространеніе завѣдомо ложныхъ, возбуждающихъ напрасную тревогу слуховъ о силѣ непріятеля и даже подстрекательство населенія и войска къ

¹⁾ *Bartoszewicz*, op. cit., 259.

бѣгству передъ послѣднимъ. Была ли въ данномъ случаѣ явная измѣна, какъ гласилъ приговоръ суда, или только простое легкомысліе и плохо понятый патріотизмъ, какъ утверждаютъ Коллонтай и защитникъ Венявскаго, Заіончекъ,—судить трудно; несомнѣнно, однако, что почвой для поступка Венявскаго послужило настроеніе самого населенія, безъ достаточнаго сочувствія относившагося къ распоряженіямъ Косцюшки, направленнымъ къ оборонѣ города. Сознаніе необходимости сохраненія Кракова, столь важнаго по своему положенію на границѣ польскихъ владѣній Австріи и Пруссіи и могшаго служить базисомъ для распространенія возстанія на захваченныя этими державами польскія земли, краковскому населенію было чуждо; у него были свои интересы, свои нужды и тревоги: шляхта жаловалась на убытки, причиненные ей Поланецкимъ и другими универсалами Косцюшки; мѣщане—на утомительное стереженіе окоповъ передъ невидимымъ врагомъ, на упадокъ торговли и ремеслъ и грозящую городу нужду; неимущіе классы—на постыдное бѣгство изъ города наиболѣе зажиточныхъ гражданъ, сваливавшихъ всю тягость повинностей на безпомощныхъ пролетаріевъ¹⁾. Вслѣдствіе этого вина Венявскаго состояла, быть можетъ, не столько въ явной измѣнѣ, сколько въ неумѣннн поддержать духъ населенія, подчинить его классовые и личные интересы болѣе высокимъ патріотическимъ цѣлямъ. Во всякомъ случаѣ паденіе Кракова, хотя и не имѣвшаго уже для Косцюшки особеннаго стратегическаго значенія, нанесло возстанію сильный моральный ударъ. Утрачена была древняя столица государства, резиденція королей, хранительница національныхъ сокровищъ; позорно, почти безъ выстрѣла, сдался городъ, являвшійся колыбелью возстанія, городъ, первымъ выступившій съ призывомъ къ борьбѣ за «свободу, равенство и независимость».

Косцюшко въ это трудное время обнаруживалъ большую энергію и душевную мощь. Среди постоянныхъ переходовъ онъ приводилъ въ порядокъ остатки своей арміи; онъ издалъ новое обращеніе къ народу, въ которомъ изложилъ подробности сраженія при Щекоцинахъ и, сославшись на «древніе и новые примѣры, когда народы, будучи на краю гибели, не теряли мужества и, близкіе къ паденію, побѣждали непріятеля», призывалъ поляковъ не падать духомъ и не отчаиваться въ конечной побѣдѣ польскаго оружія. Извѣрившись 6 іюня при Щекоцинахъ въ нейтральность Пруссіи, онъ обнародовалъ циркуляръ ко всей «вооруженной народной силѣ» съ приказомъ вступать въ прусскія и русскія

¹⁾ *Kurczulski*, *op. cit.*, 241, 246, 249.

владѣнія и призывать тамошній угнетенный и утѣсненный ярмомъ неволи народъ къ соединенію съ поляками и вооруженію противъ насильниковъ.

Энергію, трудолюбіе и настойчивость Косцюшки признають почти всѣ его современники и позднѣйшіе біографы. Объ его безкорыстїи говоритъ нерасположенный къ полякамъ прусскій посолъ въ Варшавѣ Бухгольтцъ. За простоту и доступность его хвалятъ Нѣмцевичъ и Заіончекъ. Войда въ своемъ дневникѣ пишетъ: «попойки, шумныя забавы, всякаго рода развлеченія были чужды Косцюшкѣ; черный хлѣбъ, кислая капуста и стаканъ пива составляли его обычное и любимѣйшее кушаніе, полотняная куртка—повседневное платье; его не окружала толпа слугъ, не было у него блестящей упряжи; онъ удовлетворялся нѣсколькими верховыми лошадьми, полученными въ даръ отъ своихъ согражданъ» ¹⁾. Въ одномъ изъ хранящихся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ неизданныхъ писемъ находимъ слѣдующую характеристику Косцюшки (отъ 23 іюня 1794 г.): «самъ начальникъ на соломѣ, на одной только подушкѣ, нераздѣтый, мало спитъ, живетъ самымъ скромнымъ образомъ, одѣвается, какъ простой солдатъ... Съ утра и до поздней ночи... онъ пишетъ секретныя экспедиціи и получаетъ рапорты, даетъ резолюціи, а менѣе важныя посылаетъ съ его подписью канцелярія, которой завѣдуетъ Юліанъ Нѣмцевичъ. Онъ милъ и веселъ въ разговорѣ, суровъ и серьезенъ во время военныхъ резолюцій. Когда онъ пишетъ, на лицѣ его отпечатлѣваются всѣ заботы, все внутреннее напряженіе и присутствіе духа, котораго требуетъ столь великая тяжесть дѣла. Не только съ генералами и своими прибочными офицерами, но и съ прибывающими къ нему гражданами онъ обращается одинаково просто, безъ всякихъ церемоній, и даетъ имъ скорыя и краткія резолюціи. Лаконическій, онъ въ свободное время умѣетъ быть разговорчивымъ и любить весело развлечься». Но это согласное признаніе высокихъ душевныхъ качествъ Косцюшки не простирается на военную сторону его дѣятельности. Военные авторитеты находятъ въ Косцюшкѣ «способности прекраснаго генерала, но только втораго ранга» (Прондзинскій). Роль главнокомандующаго была не по немъ. Геніальные приемы Фридриха Великаго или Наполеона Косцюшкѣ были недоступны. «Вождь, со всѣхъ сторонъ заслоняющійся, со всѣхъ сторонъ подвергается пораженію»—говоритъ ген. Прондзинскій. Косцюшко же усвоилъ себѣ именно систему тщательной обороны передъ непріателемъ посредствомъ

¹⁾ *Kraszewski*. Polska w czasie trzech rozbiorów. Warszawa, 1903, стр. 446—449.

загражденія ему пути незначительными отрядами; но такъ какъ въ 1794 г. численный перевѣсъ находился обыкновенно не на сторонѣ поляковъ, то отряды эти не могли сдерживать наступательнаго движенія противника, а раздѣленная на мелкія части польская армія была парализована въ своихъ дѣйствіяхъ и лишена возможности атаковать отдѣльные непріятельскіе корпуса. «Изъ этой основной ошибки въ планѣ военныхъ дѣйствій возникла цѣль бѣдствій, кончившаяся пораженіемъ при Мацѣйовицахъ и рѣзней Праги» ¹⁾).

XI.

Уличные беспорядки въ Варшавѣ. — Отношеніе революціонныхъ властей къ королю Станиславу Понятовскому. — Борьба партій. — Вступленіе австрійскихъ войскъ въ Польшу. — Возстаніе Курляндіи.

Послѣ сдачи Кракова Косцюшко, не имѣя возможности удержаться въ Краковскомъ воеводствѣ, направился со всей своей арміей къ Варшавѣ, представлявшей главный базисъ повстанческихъ дѣйствій. Но еще до прибытія въ этотъ городъ онъ былъ непріятно пораженъ дошедшимъ до него извѣстіемъ о новыхъ волненіяхъ варшавскаго населенія. Небезосновательная ненависть жителей Варшавы къ заарестованнымъ участникамъ Тарговицкой конфедерации, ихъ недовольство уголовнымъ судомъ, который медлилъ съ разборомъ дѣлъ по обвиненію въ государственной измѣнѣ и какъ будто не рѣшался произнести свой приговоръ надъ украшенными коронами и митрами преступниками, наконецъ, крайнее возмущеніе позорной капитуляціей Кракова—все это вызвало повтореніе варшавскихъ событій 9 мая. Чернь, подстрекаемая нѣкимъ Казиміромъ Конопкой, который по дошедшимъ до насъ, но не поддающимся провѣркѣ, извѣстіямъ дѣйствовалъ по наущенію Коллонтая, бросилась 28 іюня на тюрьмы и, извлеки изъ нихъ корифеевъ тарговицкой конфедерации, виленскаго епископа Массальскаго, кн. Антона Четвертинскаго и другихъ наиболѣе ненавистныхъ измѣнниковъ, состоявшихъ ли на русской службѣ и получавшихъ жалованіе отъ русскаго правительства или проявившихъ свое недоброжелательное отношеніе къ возстанію, повѣсила ихъ на насоро выстроенныхъ, качавшихся и поддерживаемыхъ пиками и саблями висѣлицахъ. Самосудъ разъяренной черни, не отдѣлявшей правыхъ отъ виноватыхъ, сопровождался дикими сценами истязанія и издѣвательства

¹⁾ *Zawierucha*, op. cit., 120.

многочисленной толпы надъ жертвами народнаго гнѣва и стопами и плачемъ казнимыхъ, цѣловавшихъ руки своихъ палачей съ мольбою о пощадѣ.

Властями, королемъ и его родственниками овладѣла тревога. Не случайно одна изъ висѣлицъ воздвигнута была 28 іюня на Сенаторской улицѣ передъ дворцомъ брата короля, примаса короны польской и гнѣзненскаго архіепископа, князя Михаила Понятовскаго. Въ трактирахъ и на рынкѣ, по окончаніи экзекуціи, народъ распѣвалъ пѣсенку: «мы, краковяки, носимъ петлю у пояса, повѣсимъ на ней короля и примаса»; въ другихъ мѣстахъ раздавались многознаменательныя жалобы: «мы задумали одно, а вышло другое». Въ теченіе двухъ ночей, предшествовавшихъ событіямъ 28 іюня, цехъ варшавскихъ рыбаковъ усиленно караулилъ варшавскій замокъ, подозрѣвая короля въ намѣреніи бѣжать изъ столицы. Испуганный этимъ возбужденіемъ населенія Станиславъ-Августъ тревожно допрашивалъ Косцюшку, какія мѣры онъ предполагаетъ принять для водворенія спокойствія въ столицѣ и обезпеченія особы короля; онъ обращался 27 и 28 іюня къ Коллонтаю, къ президенту Закржевскому, къ председателю отдѣла безопасности Кохановскому съ просьбой умиротворить разбушевавшіяся народныя страсти. Но власть въ эти дни ускользала изъ рукъ лицъ, стоявшихъ у кормила правленія. Высочайшій народовой совѣтъ на другой день послѣ казней издалъ обращеніе къ населенію съ мягкимъ упрекомъ по адресу виновниковъ мятежа и съ обѣщаніемъ ускорить дѣятельность уголовного суда. Членъ этого совѣта Августинъ Деболи, освѣдомлявшій короля, по порученію Косцюшки, о дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ правительства, откровенно заявлялъ, что у товарищей его «нѣтъ власти надъ народомъ» (*ils ne sont pas les maîtres du peuple*) ¹⁾. Одинъ только Косцюшко, получивши извѣстіе о событіяхъ 28 іюня, отправилъ жителямъ Варшавы изъ лагеря подъ Голковомъ посланіе, въ которомъ сурово упрекалъ ихъ въ неуваженіи къ закону и призывалъ тѣхъ, которыхъ «горячая отвага увлекаетъ на мелкую дѣятельность», обратить свою горячность противъ непріятелей. Семеро лицъ, принадлежавшихъ къ наихудшимъ подонкамъ общества и принимавшихъ наиболѣе близкое участіе въ казняхъ, было приговорено высочайшимъ уголовнымъ судомъ къ повѣшенію, другіе, помогавшіе палачамъ,—къ трехлѣтнему тюремному заключенію. По порученію Косцюшки полковникъ-сапожникъ Килинскій собралъ въ одну ночь 6000 праздношатаю-

¹⁾ См. въ печатающемся сборникѣ въ честь проф. М. К. Любавскаго нашу замѣтку «Къ вопросу объ отношеніи революціонныхъ властей 1794 г. къ королю Станиславу Понятовскому».

щагося варшавскаго люда и отослалъ его въ лагерь Косцюшки; въ послѣдствіи полкъ, составленный изъ этихъ лѣвтяевъ, мужественно сражался при оборонѣ столицы.

Уличные безпорядки послѣ этого не повторялись болѣе въ Варшавѣ, но продолжалась борьба различныхъ партій, усилилось соперничество между крайними, якобинскими элементами и консервативными, шляхетскими. Якобинцы съ Гугономъ Коллонтаемъ, Іосифомъ Заіончкомъ и Яковомъ Ясинскимъ во главѣ требовали принятія болѣе энергичныхъ мѣръ для подавленія реакціи, проповѣдывали терроръ по образцу Франціи и явно стремились къ власти, которой, впрочемъ, въ виду своей малочисленности они не могли бы удержать въ своихъ рукахъ. Коллонтай со своими послѣдователями, прозванными «гугонистами», составлялъ проскрипціонные списки «умѣренныхъ», недостаточно сочувствовавшихъ революціи лицъ, и заносилъ въ нихъ самого Косцюшку, короля и его родныхъ, президента Закржевскаго и всѣхъ, не примыкавшихъ къ этой польской «горѣ». Умѣренные элементы, проникшіе въ высочайшій совѣтъ, были чужды революціи и старались поскорѣ ликвидировать ее; нѣкоторые явно вредили дѣлу возстанія, а засѣдавшій въ совѣтѣ Августинъ Деболи оказался даже агентомъ—провокаторомъ Екатерины II. Дворская или королевская партія, находившая извѣстную опору въ богатомъ варшавскомъ мѣщанствѣ, злоумышляла и интриговала противъ Косцюшки. Король вызвалъ изъ-за границы своего племянника, кн. Іосифа Понятовскаго, съ цѣлью противопоставить его Косцюшкѣ; и хотя кн. Іосифъ не поддался интригамъ и удовольствовался лишь торжественнымъ обѣщаніемъ Косцюшки, что «революція эта, какъ бы успѣшна она ни была, не будетъ направлена противъ короля», но вокругъ его особы и вокругъ главнокомандовавшаго въ Мазовецкомъ воеводствѣ ген. Мокроновскаго несомнѣнно группировались скрытые враги и возстанія, и верховнаго начальника его. Недовольно было Косцюшкой и офицерство. Въ литовскомъ войскѣ замышлялась какая-то контръ-революція, направленная къ сверженію Косцюшки. Литовскіе офицеры жаловались королю, что они «не хотятъ быть подданными человѣка, который безъ королевскаго титула является наихудшимъ и наиболѣе кровавымъ деспотомъ и, быть можетъ, въ ближайшій день покинетъ, обогатившись, страну», и спрашивали у короля совѣта; король просилъ не предпринимать ничего, что могло бы вызвать внутренніе безпорядки, но въ то же время заявлялъ, что онъ не оставитъ своею благодарностью этихъ офицеровъ, злоумышлявшихъ противъ законнаго своего начальника.

Косцюшко старался всѣми мѣрами умиротворить эти разгорѣвшіяся страсти и партійные споры. Онъ увѣрялъ короля въ своихъ заботахъ о безопасности королевской особы и объ удовлетвореніи его матеріальной нужды и въ готовности лично прибыть въ Варшаву для водворенія въ ней спокойствія. Онъ писалъ кн. Юсифу Понятовскому, что ему ничего неизвѣстно о «черной клеветѣ», распространяемой будто бы на князя. Онъ не хотѣлъ вѣрить слухамъ о враждебныхъ замыслахъ Коллонтая и сохранилъ за нимъ вліяніе на правительственную политику. Одновременно съ этимъ онъ шелъ въ нѣкоторыхъ вопросахъ навстрѣчу требованіямъ консервативной партіи. Но всѣ эти интриги, козни и заговоры отвлекали Косцюшку отъ непосредственныхъ его обязанностей главнокомандующаго и пагубно отражались на ходѣ возстанія.

Въ довершеніе внутреннихъ бѣдствій у Косцюшки увеличилось въ то время количество внѣшнихъ враговъ его: нейтральная до того Австрія ввела свои войска въ предѣлы Польши. Главнокомандующій австрійской арміей генераль Гарнонкуръ разослалъ полякамъ прокламацію, составленную, впрочемъ, въ весьма мягкихъ выраженіяхъ, въ которой заявлялъ, что вступленіе австрійскихъ войскъ преслѣдуетъ лишь цѣли охраненія спокойствія земель, принадлежащихъ австрійскому императору, и отдаленія опасности отъ галиційскихъ границъ въ виду возникшихъ въ Польшѣ безпорядковъ. Австрійскій императоръ Францъ II не объявлялъ войны полякамъ и не стремился къ враждебнымъ противъ нихъ дѣйствіямъ. Онъ, по словамъ Каз. Бартошевича, хотѣлъ «получить плодъ, который самъ упадетъ съ дерева; ему не удалось занять Краковъ, поэтому онъ вступалъ въ воеводства, почти свободныя отъ воюющихъ войскъ ¹⁾; ничѣмъ не рискуя, не подвергаясь никакой опасности, онъ, вводя свои войска, говорилъ союзникамъ: и я здѣсь, и мнѣ должна достаться часть будущей добычи» ¹⁾. На конечный исходъ борьбы поляковъ австрійскія войска въ Польшѣ не оказывали вліянія, но они наносили польскому возстанію несомнѣнный ущербъ. Они забирали рекрутъ и производили стратегическую диверсію, такъ какъ полякамъ приходилось держать поблизости сторожевые отряды, вслѣдствіе чего уменьшались боевыя силы польской арміи; наконецъ постои австрійцевъ въ плодороднѣйшихъ польскихъ воеводствахъ затрудняли провіантированіе Варшавы.

Нѣкоторымъ свѣтлымъ пятномъ на темномъ фонѣ внутреннихъ и внѣшнихъ неудачъ, преслѣдовавшихъ Косцюшку, явилось

¹⁾ Люблинское и Холмское.

²⁾ *Bartoszewicz*, *op. cit.*, 281.

присоединеніе къ возстанію иноплеменной Курляндіи, отдаленнѣйшаго уголка Рѣчи Посполитой, управляемаго въ то время суровымъ, крайне враждебно относившимся къ польскому возстанію, герцогомъ Петромъ Бирономъ. Курляндское возстаніе представляетъ лишь мелкій эпизодъ въ исторіи польской войны 1794 г., но оно любопытно вслѣдствіе чисто народнаго своего характера. Крестьянскія массы искренно ему сочувствовали и ревностно стремились подъ знамена «хлопскаго генерала» (*generałs miżykoŭ*) Косцюшки, который предоставилъ каждому курляндскому землепашцу право покинуть помѣщика подъ условіемъ уплаты всего причитающагося съ него и предписаль подвѣдомственнымъ ему органамъ слѣдить за исполненіемъ со стороны шляхты всѣхъ указовъ о крестьянскихъ вольностяхъ. Курляндское мѣщанство также оказывало по мѣрѣ силъ содѣйствіе возстанію. Враждебно къ нему относилось одно только дворянство. Оно созвало сеймъ для выработки мѣръ противъ «бѣшенной черни». Его возмущали указы Косцюшки объ освобожденіи крестьянъ отъ барщинныхъ повинностей. Особенно настроилъ его противъ временнаго польскаго правительства слѣдующій случай, приводимый Генрихомъ Мосцицкимъ въ его «Исторіи Литвы и Руси послѣ раздѣловъ Рѣчи Посполитой»: одинъ курляндскій дворянинъ приказалъ подвергнуть наказанію кнутомъ своего проворовавшагося крестьянина. Послѣдній обратился съ жалобой къ польскимъ повстанческимъ властямъ, которыя распорядились арестовать дворянина и отослать его въ Либаву; тамъ дворянина освободили, но кнутъ, которымъ былъ наказанъ крестьянинъ, былъ публично сожженъ палачомъ на рынкѣ города. Случай этотъ возмутилъ все курляндское дворянство, являвшееся до того времени владыкой жизни и имущества своихъ крестьянъ. Враждебность дворянства къ полякамъ не замедлила использовать русскіе и безъ труда подавили возстаніе ¹⁾.

XII.

Осада Варшавы. — Упадокъ литовскаго возстанія.

13 іюля 41-тысячная прусско-русская армія, располагавшая большимъ числомъ орудій, осадила Варшаву. Войско Косцюшки и количественно, и качественно уступало ей. Въ значительной своей части оно состояло изъ свѣжихъ рекрутъ, плохо одѣтыхъ и слабо вооруженныхъ. Косцюшко жаловался, что «войску плохо безъ палатокъ и почти безъ одежды», что въ теченіе четырехъ

¹⁾ *Mościcki*, *op. cit.*, 226—238.

мѣсяцевъ онъ напрасно дожидается плащей, что люди его «совсѣмъ голые». Подвѣдомственные ему военачальники заваливали его просьбами о присылкѣ сукна, шапокъ, рубашекъ, сапогъ, доносили, что солдаты носятъ заряды въ карманахъ за отсутствіемъ пороховницъ, «ходятъ, какъ Адамы», «босые отправляются на сторожевую службу и такъ несутъ ее по три дня». Всѣ въ равной мѣрѣ жаловались на недостатокъ оружія. Немногочисленные оружейныя фабрики, въ виду слабаго развитія въ Польшѣ промышленности, не могли найти достаточнаго количества потребнаго имъ матеріала; сосѣднія же державы не оказывали полякамъ никакой помощи, такъ что даже простыя косы приходилось контрабандно привозить изъ Австріи, на которую въ началѣ вооруженія возлагались большія надежды и которая, какъ выше сказано, оккупировала польскія воеводства. Французы прекратили денежную субсидію, обвиняя польскихъ революціонеровъ въ аристократическихъ и монархическихъ тенденціяхъ и забывая, что начала французской революціи не могутъ быть сразу осуществлены въ странѣ, далеко уступающей Франціи въ социальномъ, экономическомъ и культурномъ отношеніи. Турція, намѣревавшаяся объявить войну Россіи, медлила съ исполненіемъ своего плана ¹⁾. Но и эти неблагопріятныя обстоятельства не могли парализовать энергію Косцюшки и мужественныхъ защитниковъ польской столицы. Оборона Варшавы единогласно признается одной изъ наиболѣе крупныхъ заслугъ Косцюшки, поддержавшаго на должной высотѣ духъ населенія и умѣло примѣнившего свой, вынесенный еще изъ Америки, инженерныя свѣдѣнія. Осажденная столица не переставала веселиться подъ грохотъ вражескихъ орудій. Вылазки и стычки чередовались съ балами и пирушками; невинныя развлечения—съ казнями лицъ, болѣе или менѣе основательно подозрѣваемыхъ въ государственной измѣнѣ. Среди этихъ заподозрѣнныхъ находился и братъ Станислава Августа, примасъ кн. Михаилъ Понятовскій. Его скоростигшая смерть во время осады Варшавы доннынѣ окутана покровомъ таинственности. Ярый сторонникъ Россіи, князь Михаилъ, не вѣря въ возможность защиты столицы, обратился, по дошедшимъ до насъ извѣстіямъ, къ пруссакамъ съ письмомъ, въ которомъ указывалъ средства овладѣнія городомъ. Существуетъ разсказъ, будто письмо это было перехвачено, и князь Михаилъ, опасаясь народной мести, самъ принялъ ядъ по совѣту короля, приславшаго будто бы гробъ, по полученіи извѣстія объ его измѣнѣ. Населеніе Варшавы, въ виду ходившихъ по городу

¹⁾ *Zawierucha*, op. cit., 100 sq.

слуховъ о бѣгствѣ примаса и замѣнѣ его другимъ покойникомъ, было допущено въ архіепископскій дворецъ; болѣе любопытные поднимали зеленую китайку, которой было покрыто тѣло, и подолгу всматривались въ изуродованное и опухшее лицо, стараясь найти на немъ знакомыя черты примаса ¹⁾.

Продолжительная, почти двухмѣсячная, осада Варшавы не приводила ни къ какимъ результатамъ. Штурмы оканчивались неудачами; гранаты и бомбы не причиняли городу вреда; осажденные получали свѣжій провіантъ, такъ какъ непріятелю не удалось прервать сообщеніе Варшавы съ сѣверо-западною частью края; не уменьшалось рвеніе польскаго войска, и не ослабѣвалъ энтузіазмъ варшавскаго населенія. Между тѣмъ въ недавно присоединенной къ Пруссіи Великой Польшѣ начиналось возстаніе, поднятое куявскимъ каштеляномъ Мневскимъ, извѣстнымъ впоследствии среди эмигрантовъ демократомъ-республиканцемъ, и угрожавшее Фридриху-Вильгельму II пресѣченіемъ путей сообщенія съ Берлиномъ. Въ то же время все усиливался разладъ между русскими и прусскими войсками подъ Варшавой, являвшійся отголоскомъ несогласія между Фридрихомъ-Вильгельмомъ и Екатериной II. Русская императрица была недовольна прусскимъ королемъ, который оставилъ французскій театръ военныхъ дѣйствій и прибылъ подъ Варшаву, чтобы, воспользовавшись численнымъ перевѣсомъ своего войска, распорядиться Польшею по своему усмотрѣнію и отстранить Австрію отъ участія въ новомъ дѣлѣжѣ польскихъ земель. Она не хотѣла дѣлать новыхъ уступокъ Пруссіи за счетъ Польши, признавала справедливымъ вознагражденіе Австріи южно-польскими воеводствами, одобряла поведеніе начальствовавшего надъ русской арміей ген. Ферзена, который совершенно бездѣтельно стоялъ подъ Варшавой и издѣвался надъ прусскими стратегами, и даже предполагала отдать приказъ объ отступленіи русской арміи отъ Варшавы. Всѣ эти обстоятельства побудили Фридриха-Вильгельма снять 4 сентября осаду Варшавы и заняться спасеніемъ собственныхъ, объятыхъ пламенемъ возстанія, владѣній. Русскимъ солдатамъ, которыхъ Фридрихъ-Вильгельмъ всегда старался выставить впередъ при злополучныхъ штурмахъ Варшавы, онъ предоставилъ одолѣніе польскаго генералиссимуса и взятіе тѣхъ «страшныхъ укрѣпленій» Варшавы—такъ выразился Фридрихъ-Вильгельмъ въ письмѣ къ Екатеринѣ отъ 1 сентября 1794 г.,—которые для него самого оказались неприступными ²⁾. Съ этого времени и до самаго конца возстанія, т.-е. въ теченіе почти трехъ мѣсяцевъ,

¹⁾ *Kraszewski*, op. cit., 483—484.

²⁾ *Соловьевъ*. Исторія паденія Польши. М. 1863 г., 346—348.

прусскія войска почти совершенно отсутствовали на главномъ театрѣ войны; они нисколько не способствовали послѣдующему торжеству русскихъ войскъ подъ начальствомъ Суворова и Ферзена, такъ какъ были парализованы въ своихъ дѣйствіяхъ великопольскимъ возстаніемъ, талантливо руководимымъ генераломъ Яномъ-Генрихомъ Домбровскимъ.

Варшава была свободна. Радостно настроенное населеніе готово было видѣть въ отступленіи прусскаго короля близящійся конецъ войны и предполагало ознаменовать это событіе устройствомъ праздника, соединеннаго съ чествованіемъ Косцюшки. Но Косцюшко отказался отъ участія въ какихъ бы то ни было торжествахъ. Онъ вѣжливо объяснилъ высочайшему совѣту, что для этого не наступило еще время, что лишь послѣ того, какъ «Богъ, освободившій столицу, освободитъ и отечество», онъ раздѣлитъ всеобщую радость уже не какъ должностное лицо, а какъ гражданинъ. Памятный день освобожденія столицы Косцюшко закончилъ тѣмъ, что легъ спать раздѣтымъ, чего онъ не могъ позволить себѣ уже въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Празднества, дѣйствительно, были несвоевременны. Въ то время какъ Ферзенъ бездѣятельно стоялъ подъ стѣнами Варшавы, другая часть русской арміи подъ начальствомъ Б. Ѳ. Кнорринга нанесла роковой ударъ возстанію въ Литвѣ. При изложеніи начальной стадіи литовскаго возстанія уже было сказано о разладѣ, царившемъ среди тамошнихъ дѣятелей, и о неудачномъ назначеніи ген. Михаила Віельгорскаго командиромъ литовской арміи. Віельгорскій «буквально ничего не дѣлалъ» (Бартошевичъ). Въ его квартирѣ «штабные офицеры пировали за обильно уставленнымъ столомъ и играли по большой въ карты, а солдаты умирали съ голода, и лошади стояли безъ корма» (Огинскій). Не лучше обстояло дѣло въ лагерѣ ближайшаго помощника главнокомандующаго, ген. Антона Хлевинскаго, гуляки и расточителя общественныхъ денегъ, подозрѣваемаго даже въ государственной измѣнѣ. «Въ Вильнѣ—разсказываетъ Огинскій,—собирались большія скопища на общественныхъ площадяхъ и на главныхъ улицахъ; раздавался громкій ропотъ противъ Віельгорскаго и всѣхъ, носившихъ мундиры; мѣщане, дававшіе блестящія доказательства своего рвенія и мужества при отраженіи непріятеля, задѣвали оскорбительными словами встрѣчаемыхъ ими офицеровъ главнаго штаба и принадлежавшихъ къ свитѣ Віельгорскаго». Внимая этому ропоту и уступая просьбамъ самого Віельгорскаго, ссылавшагося на свое болѣзненное состояніе, Косцюшко назначилъ на его мѣсто ген.-лейт. Станислава Мокроновскаго, отличившагося въ борьбѣ съ Игельстромомъ на улицахъ Варшавы; но тотъ при-

былъ въ Вильно уже послѣ сдачи этого города русскому войску, сдачи, не обошедшейся безъ унижительныхъ для національнаго самолюбія сценъ и открывавшей русской арміи возможность перехода черезъ Литву для подавленія возстанія въ Коронѣ.

Дезорганизованное литовское войско не было болѣе приведено въ порядокъ; рекруты и косиньеры стали покидать ряды арміи и подстрекать къ неповиновенію населеніе, которое въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ занимало грозную позицію по отношенію къ повстанческимъ властямъ. Отправленная въ Литву 5000-ая отборная дивизія подъ начальствомъ ген. Карла Сѣраковскаго послѣ нѣсколькихъ стычекъ съ русскими войсками была 19 сентября разбита при Тересполѣ близъ Бреста на голову А. В. Суворовымъ. Литовское возстаніе пало. Отвлекая въ теченіе четырехъ съ лишнимъ мѣсяцевъ силы русской арміи отъ главнаго театра военныхъ дѣйствій, оно отдалило на этотъ срокъ подавленіе движенія въ Коронѣ, но оно далеко не оправдало тѣхъ надеждъ, которыя возлагали на него его руководители, мечтавшіе даже о распространеніи его на литовско-русскія земли, отнятыя у Польши въ 1772—73 гг.; населеніе этихъ областей не только не поддержало поляковъ въ ихъ послѣдней борьбѣ за независимость, но даже поставляло въ русскую армію офицеровъ и солдатъ ¹⁾.

XIII.

Мацѣювице.—Вавржецкій преемникомъ Косцюшки.—Взятіе Суворовымъ Праги и Варшавы.—Общій взглядъ на причины неуспѣха возстанія 1794 г.

Остатки литовской арміи Косцюшко поручилъ командованію ген. Мокроновскаго. Армія эта была настолько дезорганизована, что Косцюшко принужденъ былъ отдать въ Гроднѣ приказъ, «чтобы во время битвы часть пѣхоты съ артиллеріею всегда стояла позади линіи съ пушками, заряженными картечью, изъ которыхъ будутъ стрѣлять въ бѣгущихъ»; «всякій пусть знаетъ—читаемъ въ этомъ приказѣ,—что идя впередъ, получаетъ побѣду и славу, а подавая тылъ, встрѣчаетъ срамъ и неминуемую смерть». Когда Косцюшко былъ занятъ отправленіемъ вспомогательныхъ отрядовъ разбитому Суворовымъ Сѣраковскому, къ нему пришло роковое извѣстіе о переправѣ Ферзена черезъ Вислу. Рѣшительное сраженіе оказалось неизбѣжнымъ. Необходимо было немедленно

¹⁾ О литовскомъ возстаніи и взятіи Вильно см. *Mościcki*, op. cit., 238—272, *Barłoszewicz*, op. cit., 302, 311, 314, 315, *Костомаровъ*, op. cit., 803—806.

уничтожить корпусъ Ферзена, такъ какъ въ противномъ случаѣ Варшава могла очутиться отрѣзанной отъ главной дороги, по которой ей доставлялся провіантъ, и подвергнуться нападенію двухъ соединенныхъ русскихъ армій, Ферзена и Суворова. Косцюшко сосредоточилъ свои силы при Мацѣювицахъ въ Сандомирскомъ воеводствѣ. Битва произошла 29 сентября (10 октября) 1794 г. Виновникомъ понесеннаго въ ней поляками пораженія обыкновенно признается ген. Адамъ Понинскій, стоявшій на правомъ берегу Вислы, у Вепря, во главѣ отряда въ 3500 человекъ и не исполнившій даннаго ему приказанія переправиться во время битвы черезъ Вислу и напасть на непріятеля съ тыла. Онъ былъ преданъ впослѣдствіи военному суду по обвиненію въ измѣнѣ, но оправданъ имъ, хотя и не смогъ дать достаточныхъ объясненій на вопросъ, почему онъ пошелъ въ сторону, противоположную той, съ какой былъ слышенъ грохотъ орудій. Можно, однако, думать, что даже своевременное прибытіе Понинскаго съ его небольшимъ отрядомъ, состоявшимъ въ значительной степени изъ плохо вооруженныхъ новобранцевъ, не оказало бы рѣшающаго вліянія на исходъ Мацѣювицкаго сраженія. Вмѣстѣ съ этимъ отрядомъ Косцюшко располагалъ бы 10—11 тысячами солдатъ противъ 16000 регулярнаго русскаго войска, имѣвшаго въ своемъ распоряженіи втрое сильнѣйшую артиллерію. Изъ 7000 польскихъ солдатъ, сражавшихся при Мацѣювицахъ, спаслась лишь тысяча; двѣ тысячи пали на полѣ битвы, а остальные были взяты въ плѣнъ; среди плѣнниковъ находились всѣ генералы и тяжело раненый въ голову, грудь и ногу Косцюшко.

Обстоятельства плѣненія Косцюшки донинѣ недостаточно освѣщены въ исторической литературѣ, но не подлежатъ сомнѣнію, что Косцюшко не произносилъ при этомъ усердно приписываемыхъ ему нѣкоторыми русскими и иностранными писателями словъ: «Finis Poloniae». Эта эффектная фраза впервые появилась въ «Süd-Preussische Zeitung», въ № отъ 25 октября 1794 г., и затѣмъ повторена была гр. Сегюръ въ «Décade Historique» 1801 г. Косцюшко въ письмѣ къ гр. Сегюръ отъ 20 брюмера XII года (31 октября 1803 г.) протестовалъ противъ этихъ навязываемыхъ ему словъ, какъ «неумѣстныхъ и преступныхъ въ устахъ каждаго поляка, а тѣмъ болѣе въ моихъ», и Сегюръ въ 4-мъ изданіи своего труда, вышедшемъ въ 1824 г., сдѣлалъ требуемую поправку. Косцюшко былъ лишенъ даже физической возможности произнести эти слова, такъ какъ отъ полученныхъ ранъ онъ впалъ въ безпамятство и лишился на время языка. Извѣстно, что Екатерина II назначила за поимку Косцюшки, живого или мертваго, крупную награду, поэтому претендентовъ на эту честь выступало

немало. Ферзенъ въ своемъ рапортѣ представилъ къ наградѣ за этотъ подвигъ трехъ корнетовъ, Лысенка, Смородскаго и Пономарева, и двухъ казаковъ, Топилина и Лосева. Можно думать, что если бы Косцюшко и произнесъ приписываемое ему латинское выраженіе, то едва ли простые казаки и даже корнеты XVIII в. сумѣли бы повторить его.

«Мацѣйовице—говоритъ историкъ—представляли нѣчто большее, чѣмъ проигранную битву. Они убили ослабленный уже духъ. Ибо не только перестала существовать наилучшая, пожалуй, часть польской арміи, бѣльшимъ ударомъ была утрата Косцюшки. Въ военномъ отношеніи его могъ бы съ успѣхомъ заступить Янъ-Генрихъ Домбровскій. Но какъ идейнаго руководителя революціоннаго дѣла никто не былъ въ состояніи замѣнить его. Ни у кого не было этого духовнаго закала, этой республиканской доблести, этого большого горячаго сердца; никто не пользовался такимъ довѣріемъ массъ, никто не умѣлъ въ такой степени объединять силы общества».

Извѣстіе о плѣненіи Косцюшки вызвало въ средѣ жителей Варшавы чувство живѣйшей скорби. Одни хотѣли бѣжать отбивать своего начальника, другіе—перерѣзать находившихся въ Варшавѣ русскихъ плѣнниковъ, число которыхъ достигало 2000. Высочайшему народовому совѣту пришлось усмирять эти чрезмѣрные проявленія патріотизма. Онъ издалъ прокламацію съ указаніемъ, что нельзя «мстить безоружнымъ людямъ изъ московскаго края, находящимся у насъ въ плѣну», что «судьбу ихъ слѣдуетъ уважать», что «мечь должна быть достойна доблести поляка». На мѣсто Косцюшки высочайшій совѣтъ назначилъ верховнымъ начальникомъ возстанія генерала Томаша Вавржецкаго, человека честнаго и прямодушнаго, но нерѣшительнаго, неопытнаго въ военномъ искусствѣ, придерживавшагося консервативныхъ убѣжденій, яраго врага якобинцевъ, которые послѣ плѣненія Косцюшки особенно настойчиво проповѣдывали мѣры террора и разжигали населеніе противъ короля и вельможъ. Совѣтъ отправилъ къ Косцюшкѣ письмо съ увѣреніемъ, что всѣ члены его готовы отдать свою свободу за свободу его, послалъ ему 4000 червонныхъ злотыхъ на его личныя нужды, помѣстилъ его портретъ въ залѣ засѣданій и сдѣлалъ предложеніе ген. Ферзену относительно обмѣна на Косцюшку всѣхъ русскихъ, находящихся въ польскомъ плѣну. Ферзенъ, однако, не принялъ этого предложенія и поспѣшилъ къ Суворову, двинувшемуся изъ Бреста для совмѣстныхъ съ пруссаками дѣйствій противъ Варшавы. Тогда совѣтъ сталъ поспѣшно укрѣплять предмѣстье и ключъ Варшавы—Прагу, воздвигать новые окопы, строить под-

земныя казармы и пловучія батареи, вооружилъ городскую милицію и сформировалъ новые regimenty. Но у него не было ни достаточнаго количества опытныхъ исполнителей своихъ постановленій, ни времени для исполненія послѣднихъ. Самъ Вавржецкій объ активной оборонѣ Варшавы мало думалъ, а наиболѣе храбрые сподвижники его, усомнившись въ возможности конечнаго успѣха, старались лишь умереть съ честью, съ оружіемъ въ рукахъ. Вслѣдствіе этого къ 23 октября (4 ноября), когда Суворовъ приступилъ къ штурму Праги, укрѣпленія ея оказались недостаточными; часть окоповъ не была окончена, нѣкоторыя намѣченныя батареи не установлены, вторая линія рва даже не начата.

При такихъ обстоятельствахъ 30000-ной арміи Суворова, поддержанной 86 орудіями, овладѣніе пражскими валами не стоило особеннаго труда. Послѣ штурма началась знаменитая «рѣзня Праги», печальнѣйшій и, къ сожалѣнію, неоспоримый фактъ въ исторіи польско-русскихъ отношеній ¹⁾. Въ чемъ бы мы ни искали смягчающихъ обстоятельствъ, въ воспоминаніи ли русскихъ солдатъ о Рацлавицахъ, когда польскіе косиньеры, «не зная слова «пардонъ», били на смерть и затѣмъ обирали трупы» (Сляскій), въ стремленіи ли русскихъ отомстить за кровь безоружныхъ товарищей своихъ, погибшихъ въ Варшавѣ въ день «святой инсurreкціи», въ составѣ ли русскаго войска, «куда старались отдавать за проступки буяновъ съ самою дурною нравственностью, самыхъ негодныхъ въ обществѣ, гдѣ служили донцы, носившіе на себѣ много признаковъ азіатской грубости» (Костомаровъ),—мы не можемъ не осудить этой безсмысленной бойни, сопровождавшейся избіеніемъ бросившихъ оружіе польскихъ воиновъ и стоившей жизни десяткамъ тысячъ мирныхъ жителей, женщинъ и дѣтей. Суворовъ слишкомъ поздно остановилъ ярость своихъ солдатъ при Прагѣ. Надо, однако, признать, что варшавскимъ депутатамъ, явившимся къ нему послѣ штурма Праги для переговоровъ о капитуляціи, онъ предложилъ сравнительно умѣренные условія; и въ дѣйствіяхъ его послѣ вступленія въ Варшаву нельзя найти признаковъ умышленной жестокости. «Твердое управленіе» завоеванной страной, которое предписывалось ему изъ Петербурга и которое должно было сопровождаться контрибуціями, конфискаціями и арестами, не находило въ Су-

¹⁾ Онъ подтверждается мало расположенными къ полякамъ мемуаристами: поэтомъ и офицеромъ русскаго генеральнаго штаба Зейме (*Einige Nachrichten über die Vorfälle in Polen. Leipzig, 1794*), прусскимъ интендантскимъ комиссаромъ Нюферомъ (*Nufers Friedrichs Schicksale während und nach seiner Gefangenschaft in Warschau. Posen. 1795*), Л. Н. Энгельгардтомъ («Записки», стр. 177) и др.

воровъ сочувствія. «Благородное великодушіе» онъ считалъ болѣе полезнымъ, чѣмъ «стремглавый военный мечъ». Въ отвѣтъ на жалобы короля Станислава-Августа относительно насилій, причиняемыхъ казаками мирнымъ жителямъ, Суворовъ заявилъ: «если казаки или другіе солдаты будутъ совершать злоупотребленія, пусть любой гражданинъ свяжетъ ихъ и отправитъ по начальству или, по крайней мѣрѣ, донесетъ послѣднему, и я увѣряю, что послѣдуетъ удовлетвореніе, ибо хотя я называю казаковъ богатырями, но когда эти богатыри грабятъ, я прикажу здорово пороть ихъ». Какъ извѣстно, онъ получилъ отъ магистрата Варшавы золотую эмальированную табакерку съ гербомъ Варшавы—сиреною и съ надписью: «Варшава—своему спасителю». Но мы не рѣшимся все-таки утверждать вслѣдъ за однимъ писателемъ, что «подарокъ этотъ являлся отголоскомъ несомнѣнной симпатіи, которой пользовался фельдмаршалъ въ широкихъ слояхъ польскаго народа, за пощаду Варшавы простившаго ему гибель Праги»¹⁾. Такую же табакерку, хотя и безъ надписи, получилъ отъ города Варшавы соратникъ Суворова, участникъ штурма Праги, гр. Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ, не только ничѣмъ не заслужившій особенной благодарности поляковъ, но имѣвшій безтактность представить Станиславу-Августу списокъ генераловъ, участвовавшихъ въ штурмѣ Праги, для награжденія ихъ польскими орденами; въ списокѣ фигурировалъ также русскій министръ въ Польшѣ, баронъ К. Я. Бюлеръ, настаивавшій на отправленіи къ Екатеринѣ II послѣ взятія Варшавы польской «депрекаціонной» депутаціи въ составѣ 4 сенаторовъ и 12 членовъ рыцарскаго сословія. Станиславъ-Августъ, вспоминая объ этомъ эпизодѣ, пишетъ, что онъ сослался «на непристойность награждать москалей за пражскій штурмъ и за уничтоженіе Польши»; а неумѣстность «депрекаціонной» депутаціи призналъ самъ П. С. Потемкинъ и предложилъ отправить къ Екатеринѣ II другую депутацію съ просьбой о... «защитѣ императрицей поляковъ отъ алчности другихъ сосѣдей».

Взятіе Варшавы и послѣдовавшее за нимъ 8 (19) ноября плѣненіе Вавржецкаго, покинутаго въ послѣднее время собственными солдатами, положили предѣлъ поднятому Косцюшкой возстанію. Упорная восьмимѣсячная борьба, въ которой съ польской стороны приняло участіе около 150.000 человекъ и къ которой былъ привлеченъ впервые въ Польшѣ крестьянскій людъ и городской рабочій классъ, привела въ окончательномъ своемъ результатѣ къ послѣднему раздѣлу польскаго государства и къ отреченію

¹⁾ С. Масловскій. «Суворовъ». Русскій Біографическій Словарь. Спб. 1912 г.

Станислава-Августа отъ престола въ 31-ую годовщину его коронаціи. На этотъ печальный исходъ геройской борьбы Косцюшки сложилось, какъ мы видѣли, много причинъ. Прежде всего, слишкомъ неравномѣрны были силы борющихся: съ одной стороны—двѣ могущественнѣйшія европейскія державы, Россія и Пруссія, съ другой—возрождающаяся, но далеко не окрѣпшая еще, не оправившаяся отъ вѣковой анархіи, Польша. Полная безпомощность польскаго общества въ эпоху саксонскихъ королей и при Станиславѣ-Августѣ, обусловившая невозможность веденія какихъ бы то ни было войнъ и длительный упадокъ военнаго духа въ польскомъ народѣ, должна была также сказаться отрицательнымъ образомъ на исходѣ поднятаго Косцюшкой возстанія. Сюда надо прибавить трудность вооруженія введенныхъ въ бой народныхъ массъ, трудность, непосредственно вытекавшую изъ хозяйственнаго положенія тогдашней Польши; затѣмъ, отказъ иностранныхъ державъ отъ помощи польскимъ повстанцамъ, предоставленіе ихъ собственнымъ слабымъ силамъ; наконецъ, стратегическія и тактическія ошибки какъ самого Косцюшки, такъ и другихъ военачальниковъ, то мало опытныхъ и талантливыхъ, то недостаточно преданныхъ дѣлу, которое они защищали. «Была и болѣе глубокая причина неудачи возстанія: недостаточная политическая сознательность и недостаточная матеріальная мощь народныхъ массъ, безусловный перевѣсъ шляхты во всей народной жизни, необходимость примиренія революціонной политики съ желаніями этого, самаго сильнаго, класса населенія. Правда, шляхта дала возстанію цѣлый легіонъ героевъ..., но въ совокупности своей она положила за отечество только половину души, а другую половину удержали личные интересы» (Завѣруха).

XIV.

Косцюшко въ Петропавловской крѣпости.—Освобожденіе изъ плѣна.—Вѣрноподданническая присяга имп. Павлу.

2 (13) октября тяжело раненый Косцюшко былъ отправленъ въ Россію. Утомительное путешествіе до Петербурга, совершавшееся кружнымъ путемъ черезъ Кіевъ, Черниговъ, Могилевъ, Витебскъ и Новгородскую губернію, продолжалось почти два мѣсяца, вплоть до 29 ноября, и было обставлено всевозможными предосторожностями. «Главный польскій бунтовщикъ», «начальникъ бунтовщиковъ»—такъ называютъ Косцюшку современные русскіе документы—препровождался подъ именемъ польскаго шляхтича Шуманскаго; «любопытствующіе видѣть его или знать о немъ пристойнымъ образомъ отъ того удалялись». Ген.-маіоръ

А. И. Хрущовъ, эскортировавшій Косцюшку и другихъ польскихъ плѣнниковъ до Заславля Волынской губ., предписалъ смѣнившему его премьеръ-маіору Василию Титову, «чтобы Косцюшко отдѣльно отъ другихъ офицеровъ везенъ былъ, и чтобъ сей преступникъ подъ глазами стерегущаго офицера неспускно день и ночь былъ, и главнѣйше съ нимъ, а также съ другими никто бы изъ обывателей видѣться и переговаривать не имѣлъ случая, словомъ, чтобы до С.-Петербурга никто ни подъ какимъ видомъ не зналъ, кого вы везете, подъ наистрожайшимъ на васъ и свиту вашу взысканіемъ». Наконецъ, 29 ноября отрядъ съ плѣнными прибылъ въ Царское Село и, по наступленіи ночи, привезенъ былъ въ Петропавловскую крѣпость. Здѣсь плѣнники поступили въ вѣдѣніе генераль-прокурора А. Н. Самойлова, а Титовъ и шесть другихъ оберъ-офицеровъ, «находившіеся у присмотра Косцюшки», вѣроятно, получили «въ воздаяніе награжденіе чинами»; Хрущовъ представилъ ихъ Самойлову еще 4 ноября, «всепокорнѣйше прося принять въ уваженіе ихъ службу и труды» ¹⁾).

Въ Петропавловской крѣпости Косцюшко былъ подвергнутъ строгому надзору. Премьеръ-маіоръ Титовъ, коллежскій совѣтникъ А. С. Макаровъ, впоследствии, при Павлѣ, начальникъ тайной экспедиціи и сенаторъ, и подполковникъ Сергѣй Каменевъ подробнѣйшимъ образомъ ежедневно доносили Самойлову о каждомъ почти словѣ и движеніи Косцюшки, объ его физическомъ и душевномъ состояніи. Изъ рапортовъ этихъ, сообщавшихся, вѣроятно, черезъ П. А. Зубова самой императрицѣ, явствуетъ, что Косцюшко со времени заключенія находился «въ превеликой задумчивости» и «въ грусти», «безпрестанно плакалъ», сидѣлъ «съ утра до вечера на одномъ мѣстѣ», такъ что у Титова зародилось большое опасеніе «въ разсужденіе его жизни». Въ январѣ и февралѣ 1795 г. Титовъ докладывалъ, что «извѣстный арестантъ грустенъ попрежнему», «чрезвычайно похудѣлъ и перемѣнился», «весьма нездоровъ отъ головной боли». Наконецъ, въ маѣ Самойлову было донесено, что Косцюшко «отчаянно боленъ». Результатомъ этого донесенія былъ переводъ Косцюшки изъ крѣпости въ Штегельмановъ домъ, а оттуда въ Мраморный дворецъ (бывшій Г. Г. Орлова). Здѣсь Косцюшко сталъ постепенно поправляться ²⁾.

Во время заключенія въ Петропавловской крѣпости Косцюшко и девять другихъ польскихъ плѣнниковъ, являвшихся ближайшими участниками возстанія (Игн. Потоцкій, Вавржецкій, Килинскій, Капостасъ и др.), подверглись тщательному допросу

¹⁾ *Горяиновъ*. Заточеніе О. Косцюшки въ крѣпости. М. 1912 г., стр. 1—15.

²⁾ *Ibid.*, стр. 18—28.

со стороны генераль-прокурора Самойлова. Материаломъ для составленія допросныхъ пунктовъ послужили многочисленныя свѣдѣнія, поступавшія въ распоряженіе русскаго правительства какъ отъ польскихъ измѣнниковъ, такъ и отъ цѣлой сѣти заграничныхъ русскихъ агентовъ. «У Екатерины II—пишетъ проф. Аскеназы—были свои «каналы» не только въ средѣ польской эмиграціи въ Дрезденѣ и Лейпцигѣ, въ Краковѣ и возставшей Варшавѣ, но и въ революціонномъ Парижѣ, среди людей, за-сѣдавшихъ въ тамошнихъ центральныхъ органахъ, въ якобинскомъ клубѣ, въ парижской коммунѣ, въ національномъ конвентѣ, въ министерствахъ иностранныхъ дѣлъ и военномъ и въ комитетахъ общественной безопасности и общественнаго спасенія»¹⁾. Екатерину особенно интересовали данныя относительно связи возстанія съ французской революціей, участія въ немъ королевской семьи и семьи Чарторыскихъ и сношенія повстанцевъ съ русскимъ казачествомъ. Косцюшко на предложенные ему скользкіе и искусно составленные вопросы далъ правдивый и исполненный достоинства отвѣтъ. Онъ отрицалъ приписанныя ему Самойловымъ сношенія съ комитетомъ общественнаго спасенія и сдѣланныя будто бы имъ послѣднему обѣщанія ввести въ Польшу тотъ порядокъ, какой существовалъ въ то время во Франціи, но онъ призналъ, что у него были свѣдѣнія о намѣреніи революціонной Франціи субсидировать польское возстаніе деньгами, и откровенно заявилъ, что если бы Франція находилась въ возможности диктовать другимъ державамъ условія мира и содѣйствовать возвращенію Польшѣ отнятыхъ у нея областей и установленію въ ней формы правленія, согласной съ желаніями польскаго народа, то онъ не препятствовалъ бы заключенію польско-французскаго трактата, хотя и руководствовался бы въ данномъ случаѣ указаніями завѣдывавшего отдѣломъ иностранныхъ дѣлъ въ высочайшемъ народономъ совѣтѣ Игнатія Потоцкаго въ виду своей неосвѣдомленности въ вопросахъ внѣшней политики (*dans les choses politiques... je ne comprends pas du tout*); онъ не скрылъ, что Польша заключила бы союзъ и съ Турціей, если бы послѣдняя объявила Россіи войну. Косцюшко категорически отвергъ слухи объ оказанной будто бы ему Чарторскими поддержкѣ (*je n'ai pas reçu d'eux pas un sou sur aucun prétexte*) и отговорился незнаніемъ относительно знакомства Станислава-Августа съ проектомъ и планами возстанія; онъ заявилъ также, что не зналъ никакого способа возмущенія русскихъ областей и посягательства на русскій черноморскій флотъ. На вопросъ о происхожденіи власти, которой онъ пользовался

¹⁾ *Askenazy*. Przysięga Kościuszki (Bibl. Warsz. 1912, t. III, стр. 478).

во время возстанія (*se l'est il arrogée lui-même?*), онъ не безъ гордости отвѣтилъ: «титулъ мой я получилъ въ Краковѣ отъ населенія и войска» ¹⁾).

Въ русскомъ плѣну Косцюшко пробылъ два года, до смерти Екатерины II. Екатерина постепенно смягчала тюремный режим своего плѣнника, перевела его, какъ уже было сказано, въ Мраморный дворецъ и окружила здѣсь всѣми удобствами, предоставивши экипажъ для прогулокъ по городу, возвративши собственную прислугу, снабдивши припасами кухню и т. п. Согласно свидѣтельству пользовавшаго Косцюшку лейбъ-медика Роджерсона, Екатерина, тронутая кротостью Косцюшки (*il est doux comme un agneau*—писала она), дважды совѣтовалась передъ своею смертью относительно его освобожденія. Но свободу возвратилъ Косцюшкѣ только Павелъ, убѣжденный противникъ польскихъ раздѣловъ, выражавшій еще при жизни матери демонстративное вниманіе полякамъ, радушно принимавшій ихъ въ своемъ Маломъ Гатчинскомъ дворцѣ и сохранившій къ нимъ благодарность за гостепріимство, оказанное ему—тогда еще наслѣднику престола, путешествовавшему подъ именемъ *comte du Nord*,—въ Вишневецѣ, родовомъ имѣніи гр. Мнишховъ, во время извѣстной встрѣчи его съ королемъ Станиславомъ Понятовскимъ въ 1781 г. Спустя 10 дней послѣ вступленія на престолъ, Павелъ въ сопровожденіи наслѣдника престола пріѣхалъ въ Мраморный дворецъ и выразилъ Косцюшкѣ сожалѣніе объ его участи и радость по поводу возможности вознаградить его за перенесенныя имъ продолжительныя страданія. «Вы свободны—сказалъ Павелъ,—я самъ желалъ принести вамъ эту утѣшительную вѣсть». Косцюшко благодарилъ и въ послѣдующей бесѣдѣ горько жаловался на печальную судьбу своей родины. Когда Павелъ напомнилъ Косцюшкѣ о паденіи древней Греціи и Рима, тотъ горячо возразилъ, что Польша прекратила свое политическое существованіе при другихъ обстоятельствахъ, что она была раздѣлена въ то время, когда стремилась установить у себя разумную свободу, когда проявила столько энергіи и патріотизма и принесла столько жертвъ въ послѣднемъ возстаніи ²⁾. При слѣдующемъ свиданіи Косцюшко

¹⁾ Допросы Косцюшкѣ, Нѣмцевичу и прочимъ и ихъ показанія (Чтенія въ И. О. И. и Др. Росс., 1866 г., кн. 3, Смѣсь, стр. 38—54, кн. 4, Смѣсь, стр. 185—230).

²⁾ На распространенной копіи съ картины Henry Singleton'a (Лондонъ, 1797 г.), изображающей свиданіе Косцюшки съ Павломъ, представленъ, очевидно, казематъ Петропавловской крѣпости; небольшое окно, изъ котораго падаетъ свѣтъ, обнесено рѣшеткой; Косцюшко изображенъ одѣтымъ въ гусарскій мундиръ и быстро поднимающимся на встрѣчу Павлу. Картину эту надо признать фантастической: свиданіе происходило, какъ извѣстно, въ Мраморномъ дворцѣ, и Косцюшко не могъ тогда произвести подобнаго движенія, такъ какъ не владелъ лѣвой ногой.

обратился къ Павлу съ просьбой объ освобожденіи другихъ поляковъ, находящихся въ русскомъ плѣну. Павелъ исполнилъ и эту просьбу, распространивши свою милость не только на заключенныхъ въ Петербургъ, но и на 12000 сосланныхъ въ Сибирь.

16/28 ноября Косцюшко принесъ Павлу І вѣрноподданническую присягу. Онъ торжественно поклялся быть «послушнымъ подданнымъ» русскаго государя и проливать кровь свою во славу Россіи. У подножія русскаго престола онъ, живой символъ польской независимости, сложилъ свою власть, данную ему любовью и довѣріемъ его народа. Онъ созналъ свое безсиліе и невозможность защищать далѣе родную страну «передъ суровостью и гнѣвомъ русскаго самодержца» (Корзонъ). Несомнѣнно, ему былъ извѣстенъ взглядъ Павла на польскій вопросъ, съ особенною откровенностью высказанный государемъ при посѣщеніи Игнатія Потоцкаго. «Вы свободны—сказалъ тогда Потоцкому Павелъ,—но общайтесь мнѣ оставаться спокойнымъ. Я всегда былъ противъ раздѣла Польши, признавая его дѣломъ настолько же несправедливымъ, какъ и неполитическимъ; но теперь это—совершившійся фактъ. Для возстановленія Польши необходимо содѣйствіе и согласіе со стороны трехъ державъ на возвращеніе отобранныхъ частей; но представляется ли вѣроятнымъ, чтобы Австрія и въ особенности король прусскій отдали свои доли? Не могу же я одинъ отдать принадлежащую мнѣ часть и ослабить себя въ то самое время, когда она усилилась... Развѣ я одинъ могу объявить имъ войну, чтобы ихъ къ тому принудить?... Имперія моя крайне нуждается въ мирѣ»¹⁾... Но въ этомъ дружескомъ совѣтѣ Павла «оставаться спокойнымъ» не заключалось какого бы то ни было скрытаго смысла, какой бы то ни было задней мысли. Въ немъ нельзя доискаться ни постановки опредѣленныхъ условій для освобожденія Потоцкаго и Косцюшки изъ петербургскаго плѣна, ни предъявленнаго къ нимъ требованія принести вѣрноподданническую присягу. Двойственность, въ хорошихъ ли поступкахъ или въ дурныхъ, совершенно чужда была характеру Павла. Согласно недавно высказанному проф. Аскеназы мнѣнію²⁾, Павелъ безъ всякихъ оговорокъ, движимый лишь искреннимъ желаніемъ вознаградить своихъ плѣнниковъ за перенесенныя ими страданія, выпускалъ ихъ на волю. Принесеніе присяги являлось актомъ излишнимъ и съ юридической, и съ международной точекъ зрѣнія. Трактатъ третьяго раздѣла Польши допускалъ такъ называемыхъ *sujets mixtes* и свободный выборъ подданства при условіи отказа отъ владѣнія недвижимою собственностью въ пре-

¹⁾ Шильдеръ. Имп. Павелъ І. Стр. 320—321.

²⁾ *Askenazy*, op. cit., 477—491.

дѣлахъ даннаго государства. Поэтому Косцюшко, отказавшись отъ пожалованной ему тысячи душъ, освобождался тѣмъ самымъ отъ необходимости присяги. Мысль же о принесеніи послѣдней Косцюшкой добровольно, по собственному побужденію, отпадаетъ сама собой. Проф. Аскеназы предполагаетъ, что на Косцюшку произведено было въ данномъ случаѣ «сильное давленіе или, вѣрнѣе, внушеніе» (*suggestia*) близкими къ Павлу І поляками, камергеромъ Августомъ Илинскимъ и бывшимъ участникомъ Тарговицкой конфедераціи Юріемъ Віельгорскимъ, согласившимися съ корыстною цѣлью, по наущенію русскихъ государственныхъ дѣятелей, вѣроятно, Самойлова и Растопчина, повліять въ этомъ направленіи на Косцюшку, убѣдить его въ томъ, что освобожденіе не только его и его петербургскихъ товарищей по плѣну, но и двѣнадцати тысячъ польскихъ узниковъ, томившихся въ Европейской Россіи и Сибири, обусловлено принесеніемъ имъ, Косцюшкой, а по примѣру его и остальными поляками вѣрноподданнической присяги. «Получается такое впечатлѣніе—пишетъ проф. Аскеназы,—что Косцюшко собственными соотечественниками, главнымъ образомъ, Илинскимъ и Віельгорскимъ, являвшимися въ свою очередь орудіемъ въ рукахъ вліятельныхъ и нерасположенныхъ къ Польшѣ русскихъ политическихъ дѣятелей, былъ ошибочно освѣдомленъ о дѣйствительныхъ намѣреніяхъ и настроеніи Павла, и что онъ спохватился слишкомъ поздно, уже послѣ принесенія присяги». «Для него—читаемъ въ той же статьѣ проф. Аскеназы,—вопросъ былъ, конечно, не въ немъ самомъ, а въ тысячахъ польскихъ плѣнниковъ и ссыльныхъ, которымъ якобы исключительно цѣною этой жертвы онъ могъ возвратитъ свободу». Какъ бы то ни было, фактъ этотъ изобиловалъ весьма серьезными послѣдствіями. Присяга была совершена человѣкомъ, относившимся съ особенною чуткостью къ вопросамъ чести, съ особенною суровостью къ исполненію принятаго на себя обязательства. Вѣдь черезъ нѣсколько дней послѣ Мацѣвицкаго сраженія Косцюшко, узнавши, что девять польскихъ офицеровъ, взятыхъ въ плѣнъ Ферзеномъ и содержавшихся на честное слово, бѣжало изъ русскаго лагеря, назвалъ ихъ «негодьями и подлецами, забывшими святость даннаго слова и честь офицера, а также тѣ непріятныя послѣдствія, которыя они навлекали на честныхъ товарищей своихъ, оставшихся въ плѣну», и потребовалъ отъ высочайшаго народоваго совѣта «задержать этихъ негодяевъ, заковать въ цѣпи и препроводить въ лагерь генерала Ферзена подъ конвоемъ, какъ можно скорѣе, а если они въ Варшавѣ не отыщутся, то приказать ихъ вездѣ искать и доставить, затѣмъ имена ихъ вычеркнуть изъ списковъ и напечатать въ газетахъ».

Присяга Косцюшки, широко разглашенная, произвела сильное впечатлѣніе, особенно на Литвѣ. Примѣру верховнаго начальника возстанія послѣдовали многіе другіе участники его. Илинскій и Віельгорскій получили щедрыя награды за оказанную ими русскому правительству услугу. Но для Косцюшки его присяга явилась жестокимъ ударомъ. «Она—говоритъ проф. Аскеназы—въ значительной степени отразилась на всемъ дальнѣйшемъ душевномъ настроеніи его; несмотря на послѣдовавшій въ 1798 г. письменный разрывъ съ Павломъ, она осталась кошмаромъ, угнетавшимъ кристально чистую, незапятнанную душу его; непроизвольно, незамѣтно, косвенно она вліяла на болѣе важные факторы, подавлявшіе его инициативу въ переломные моменты 1806, 1809 и 1812 гг. и содѣйствовала прекращенію его активной исторической роли, нанося тѣмъ самымъ въ извѣстной мѣрѣ ущербъ общественному дѣлу».

За освобожденіе изъ плѣна, разрѣшеніе покинуть Петербургъ и пожалованные дары (карета, устроенная такъ, что можно было лежать въ ней, соболья шуба, походная кухня, столовое бѣлье и 1000 душъ крестьянъ, замѣненныхъ, впрочемъ, деньгами по просьбѣ Косцюшки, признававшего владѣніе крестьянами несогласнымъ со своими взглядами и отказавшагося отъ собственнаго имѣнія), Косцюшко выразилъ желаніе лично принести благодарность Павлу. Онъ былъ принятъ въ Зимнемъ дворцѣ въ кругу императорской семьи, всѣ члены которой наперерывъ старались оказать ему знаки особаго вниманія, просили вести съ ними переписку и т. п. «Косцюшко—говоритъ Корзонъ—оцѣнилъ весьма низко полученные имъ дары... Онъ принялъ только часть ихъ, поскольку не могъ отказаться совсѣмъ, не вызывая обиды и гнѣва. Одну только императрицу онъ отблагодарилъ скромнымъ подаркомъ (табакеркой собственной работы), исполняя актъ вѣжливости въ отношеніи дамы. Но по отношенію къ Павлу онъ проявилъ такое равнодушіе, какого нельзя было ожидать отъ него, зная чувствительность его характера, развившуюся на почвѣ сентиментализма... Онъ прощался съ Павломъ со скрытымъ возмущеніемъ, такъ какъ полагалъ, что личная свобода куплена имъ слишкомъ дорогою цѣной, что императоръ надѣлъ на него ошейникъ невольника. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ съ покрытымъ ранами тѣломъ, а уѣхалъ съ новой щемящей раной въ сердцѣ. Но Павелъ не могъ ни въ чемъ упрекнуть себя. Для человѣка несчастнаго онъ сдѣлалъ все, чего требовало сочувствіе и утонченнѣйшая деликатность чувства. Неужели же онъ долженъ былъ выпустить на волю полководца и все храброе войско, не обезпечивши Россію средствами, въ цѣлесообразность которыхъ онъ вѣрилъ?»...

XV.

Второй отъездъ Косцюшки въ Америку.—Возвращеніе во Францію.—Отсылка имп. Павлу его денежнаго дара.—Тревога трехъ дворовъ по поводу возвращенія Косцюшки въ Европу.

На слѣдующій день послѣ прощальной аудіенціи, 19 дек. 1796 г., Косцюшко покинулъ сѣверную столицу, направляясь черезъ Финляндію, Швецію и Англію во «второе отечество свое», Америку. Еще у воротъ Петербурга царскій адъютантъ Нелидовъ передалъ ему послѣдній привѣтъ. Желая внушить имп. Павлу особое довѣріе, К. просилъ о назначеніи офицера для сопровожденія его до Стокгольма. По странному стеченію обстоятельствъ, обязанность эта была возложена на того самаго маіора Сибирскаго гренадерскаго полка Остафія Удома, который два года тому назадъ участвовалъ въ конвоированіи раненаго при Мацѣювицахъ «начальника польскихъ бунтовщиковъ». Павелъ простеръ свою любезность до того, что приказалъ русскому посланнику въ Стокгольмѣ Д. М. Алопеусу ежедневно навѣщать Косцюшку и сообщать о состояніи его здоровья; впослѣдствіи онъ поручилъ своему лондонскому послу С. Р. Воронцову бывать у Косцюшки. «Эта непрестанная опека,—пишетъ современный историкъ Адамъ Скалковскій,—являлась отчасти простымъ слѣдствіемъ и естественнымъ дополненіемъ перваго благороднаго движенія царской воли; она не удивляла современниковъ; ее не толковалъ въ дурную сторону и Нѣмцевичъ (сопровождавшій Косцюшку въ Америку)... Но она была также актомъ русскаго *raison d'état*, выраженіемъ недовѣрія совѣта министровъ, желаніемъ обезопасить себя передъ дальнѣйшими поступками начальника. Косцюшко хорошо это понималъ. Въ литовской замкнутой душѣ своей онъ, быть можетъ, даже черезчуръ болѣзненно чувствовалъ это бремя опеки». «Косцюшко,—говоритъ тотъ же историкъ,—не уѣзжалъ, какъ человѣкъ безповоротно уstraненный отъ общественной жизни, униженный, сломанный физически и нравственно, бѣдный, больной... Нѣтъ. Гдѣ ни ступилъ онъ, вездѣ свои и чужіе признавали въ немъ представителя великаго дѣла свободы народовъ и независимости Польши... Въ его лицѣ старались принести дань уваженія покоренной, но непреклонной доблести. Съ этими чувствами бѣдные шведы толпами стекались къ нему на поклонъ, а жители англійскихъ городовъ выходили къ нему навстрѣчу съ музыкой и цвѣтами»¹⁾.

¹⁾ *Skalkowski*. O kokardę legionów. Lwów. 1912. Стр. 20 и 23.

Это всеобщее сочувствіе трогало и поддерживало Косцюшку. Скромный и застѣнчивый, онъ уклонялся лишь отъ интервьюировъ и отъ официальныхъ чествованій; въ Стогкольмѣ онъ отказался даже отъ предложеннаго ему свиданія со шведскимъ королемъ Густавомъ IV.

Въ Филадельфію Косцюшко прибылъ 18 авг. 1797 г. Его мирную жизнь въ этомъ городѣ, протекавшую въ кругу старыхъ знакомыхъ, неожиданно нарушили полученные имъ въ мартѣ 1798 г. письма отъ соотечественниковъ, призывавшихъ его, вѣроятно, обратно въ Европу. Можно думать, что его корреспонденты предлагали ему моральную диктатуру въ средѣ пребывавшихъ во Франціи польскихъ эмигрантовъ, участниковъ возстанія 1794 г. Въ основанной послѣдними въ Парижѣ такъ называемой «польской депутаціи», ставившей своею цѣлью возстановленіе Польши въ ея историческихъ границахъ, царило сильнѣйшее несогласіе; умѣренные члены депутаціи, дѣйствовавшіе лишь противъ правительствъ, принявшихъ участіе въ раздѣлахъ, возстали противъ членовъ—радикаловъ, задавшихъ цѣлью поднять крестьянство противъ помѣщиковъ и вызвать въ польскихъ земляхъ социальную революцію. Уладить эти раздоры, по ихъ мнѣнію, могъ только Косцюшко. Только онъ, признанный руководитель послѣдняго возстанія и диктаторъ польскаго народа, обладалъ достаточнымъ авторитетомъ и для того, чтобы отъ имени Польши говорить съ Европой, чтобы обезпечить достойное существованіе сформированнымъ ген. Домбровскимъ польскимъ легіонамъ, долженствовавшимъ продолжить борьбу, начатую въ 1792 г. и возобновленную возстаніемъ 1794 г. Толчкомъ къ отъѣзду могло послужить также желаніе явиться посредникомъ между Франціей и Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами въ виду крайней обостренности отношеній между этими двумя государствами, обостренности, угрожавшей близкой войной. Какъ бы то ни было, онъ, «послушный прежнимъ своимъ обѣтамъ—во всякой долѣ служить соотечественникамъ своимъ и странѣ своей—возвращался изъ-за океана»¹⁾. Покидая въ началѣ мая 1798 г. Америку, онъ оставилъ своему другу Томасу Джефферсону довѣренность на продажу подаренной ему американскимъ правительствомъ земли и просилъ вырученныя отъ продажи деньги употребить на дѣло освобожденія негровъ и на устройство для нихъ школы.

Косцюшко пріѣхалъ въ Парижъ 14 іюня 1798 г. и спустя три недѣли отослалъ имп. Павлу полученные имъ въ даръ передъ

¹⁾ *Skalkowski*, op. cit., 25—29, 75.

отъѣздомъ изъ Петербурга деньги. Актъ этотъ, по мнѣнію польскаго историка, былъ необходимъ для Косцюшки, для его спокойствія, для его здоровья, для внутренней и внѣшней свободы дѣйствія, для очищенія собственной совѣсти и удовлетворенія общественнаго мнѣнія. Но форма его исполненія, внушенная, вѣроятно, Косцюшкѣ членомъ директоріи, другомъ поляковъ, Ларевельеръ-Лепо, скорѣе отвѣчала интересамъ Франціи, чѣмъ Польши, «соотвѣтствовала, быть-можетъ, принципамъ революціи, стремившейся унижить «тирановъ», но противорѣчила элементарнымъ расчетамъ политическихъ вѣроятностей» (Скалковскій). «Я пользуюсь первыми минутами свободы, которой наслаждаюсь подъ защитой покровительственныхъ законовъ величайшаго и благороднѣйшаго народа,—писалъ Косцюшко Павлу, препровождая деньги,—чтобы возвратить вамъ даръ, къ принятію котораго меня принудила ваша мнимая доброта и жестокое отношеніе ко мнѣ вашихъ министровъ. Если я согласился принять даръ этотъ, то пусть ваше величество припишетъ это исключительно непреодолимой силѣ привязанности моей къ соотечественникамъ моимъ, товарищамъ моихъ бѣдствій, и надеждѣ еще разъ услужить родинѣ... Мнѣ казалось, что несчастное положеніе мое тронуло ваше сердце, но ваши министры и ихъ сателиты не поступили со мной согласно вашимъ желаніямъ»... Письмо это, доставленное Павлу черезъ русскаго посла въ Вѣнѣ гр. А. К. Разумовскаго, вызвало сильнѣйшій гнѣвъ императора, вѣрившаго слову Косцюшки не воевать болѣе противъ Россіи и ея союзниковъ. «Получа съ удивленіемъ черезъ васъ пакетъ отъ Косцюшки,—гласилъ рескриптъ государя на имя Разумовскаго отъ 8 дек. 1797 г.,—съ неудовольствіемъ къ вамъ оный отсылаю, предписывая, какимъ вы хотите способомъ, возвратить ему письмо, давъ знать, что я отъ измѣнниковъ ничего не принимаю». «На случай, если извѣстный Косцюшко пойманъ будетъ на границахъ австрійской монархіи или тамъ, гдѣ войска союзника нашего императора римскаго будутъ оставаться—читаемъ въ другомъ рескриптѣ на имя того же Разумовскаго,—мы поручаемъ вамъ требовать у австрійскаго министерства, чтобы онъ выданъ былъ для препровожденія въ границы наши, какъ нарушитель присяги, учиненной имъ на вѣрное намъ подданство»¹⁾).

Корзонъ признаетъ, что имп. Павелъ благороднымъ отношеніемъ къ своему плѣннику нисколько не заслужилъ тѣхъ рѣзкихъ выраженій, которыя допустилъ въ письмѣ Косцюшко, но онъ находитъ оправданіе для этого поступка Косцюшки въ

¹⁾ *Васильчиковъ. Семейство Разумовскихъ. Спб. 1882. III, стр. 262—263.*

сознанной послѣднимъ необходимости вновь принести себя и свои силы на службу своей расчлененной родинѣ. *Salus populi suprema lex esto*. «Павелъ I—говорить Корзонъ—долженъ былъ знать, что Россія всегда пользовалась этимъ принципомъ въ самомъ распространительномъ смыслѣ и съ наибольшимъ преувеличеніемъ, поэтому примѣненное имъ выраженіе «измѣнникъ» являлось не приговоромъ справедливаго суда, но вспышкой гнѣва». Въ оцѣнкѣ этого поступка Косцюшки разошелся, очевидно, съ имп. Павломъ даже его сынъ и преемникъ, Александръ Павловичъ. Въ нарушеніи вѣрноподданнической присяги онъ не могъ видѣть «измѣны» со стороны Косцюшки, разъ продолжалъ питать «особенное уваженіе» къ нему и считалъ его «человѣкомъ великимъ по своимъ добродѣтелямъ»¹⁾. Встрѣтившись съ Косцюшкой въ 1814 г. въ Парижѣ, Александръ Павловичъ принялъ его съ распростертыми объятіями, цѣловалъ его и увѣрялъ въ своихъ наилучшихъ стремленіяхъ по отношенію къ Польшѣ. На вечерѣ у кн. Яблоновской, устроенномъ по совѣту кн. Адама Чарторыскаго, Александръ I и в. кн. Константинъ Павловичъ, взявши Косцюшку подъ руки, вели его сквозъ толпу гостей, говоря: «дорогу, дорогу, вотъ великій человѣкъ».

Еще до полученія имп. Павломъ письма Косцюшки правительства трехъ державъ, участвовавшихъ въ раздѣлахъ Польши, стали проявлять крайнее безпокойство при извѣстіяхъ о прибытіи Косцюшки во Францію, о дружескихъ по его адресу манифестаціяхъ французовъ и итальянцевъ, о чествованіяхъ его въ Парижѣ и Миланѣ и о высказываемыхъ во время этихъ чествованій по желаніяхъ, чтобы «знаменитый и несчастный Косцюшко могъ скорѣ возвратиться на свою родину, освобожденную отъ ярма ея теперешнихъ тирановъ». Приѣмъ, оказанный Косцюшкѣ въ Парижѣ, толковался державами въ смыслѣ желанія французовъ подстрекнуть поляковъ къ новому возстанію. 12/23 окт. 1798 г. русскій посланникъ въ Берлинѣ, гр. Н. П. Панинъ, сообщилъ рижскому военному губернатору Х. И. Бенкендорфу о полученныхъ имъ свѣдѣніяхъ относительно отъѣзда Косцюшки подъ именемъ Дю Френэ (Du Fresnay) изъ Парижа въ Польшу «для возмущенія вновь соотчичей своихъ»; полагая, что Косцюшко постарается «ворваться моремъ черезъ какой-либо приморскій городъ, гдѣ его не знаютъ», Панинъ предупреждалъ объ этомъ Бенкендорфа и посылалъ ему «довольно похожій на Косцюшку эстампъ, по которому скорѣ можно узнать его, если онъ появится». Тревожное извѣстіе Панина вызвало цѣлый потокъ циркуляровъ,

¹⁾ Шильдеръ. Имп. Александръ I, т. I, стр. 116, т. III, стр. 236.

объявленій, отношеній и рапортовъ генераль-прокурора П. В. Лопухина, лифляндскаго губернатора Рихтера, начальника литовской инспекціи Б. П. Ласси, управляющаго литовской губерніей Н. В. Репнина, военнаго губернатора Каменца-Подольска гр. И. В. Гудовича и др. Въ этихъ циркулярахъ и объявленіяхъ изъяснялись «безпримѣрныя благодѣянія» имп. Павла по отношенію къ Косцюшкѣ, оказавшемуся нынѣ «въ измѣнѣ и единомысліи съ непріятелями его императорскаго величества», и предписывалось «ловить» Косцюшку, когда онъ появится въ предѣлахъ Россіи, стараться открыть его переписку и сношенія, имѣть «неослабное и недреманное примѣчаніе» относительно поступковъ жителей тѣхъ областей, въ которыхъ «мысли народныя объ ономъ Косцюшкѣ до чрезмѣрности были предзаняты», представлять этимъ жителямъ «въ омерзительномъ и гнусномъ видѣ клятвопреступный поступокъ» ихъ бывшаго верховнаго вождя и т. п. Съ «похожаго на Косцюшку эстампа» были сняты въ большомъ количествѣ копіи и разосланы въ разные мѣста. Ласси самъ отправился для объѣзда всей литовской губерніи и полученія достовѣрныхъ извѣстій о Косцюшкѣ¹⁾. Не въ мѣру усердствовавшіе русскіе чиновники, обнадеженные со стороны Н. В. Репнина «особливымъ воздаяніемъ» за рачительное исполненіе своего служебнаго долга, поймали въ мѣстечкѣ Борунахъ Ошмянскаго уѣзда какого-то мужичка, похожаго на Косцюшку, и экстренно доставили его въ Петербургъ. Аналогичныя распоряженія съ подробными описаніями внѣшнихъ примѣтъ Косцюшки изданы были австрійскимъ и прусскимъ правительствами. Но эта тревога трехъ державъ была напрасна. Ни въ Литву, ни въ Россію Косцюшко не собирался ѣхать. Его всецѣло занимали теперь мысли о сформированныхъ ген. Домбровскимъ польскихъ легіонахъ и о степени основательности надеждъ, возлагаемыхъ поляками на французскую помощь.

XVI.

Косцюшко и легіоны.—Отношеніе Косцюшки къ Наполеону.—Его уклоненіе отъ политической дѣятельности.

Вопросъ объ отношеніи Косцюшки къ польскимъ легіонамъ долгое время не находилъ себѣ правильнаго освѣщенія въ исторической литературѣ. Предполагалось, что Косцюшко, стоялъ въ сторонѣ отъ этого предпріятія польскихъ эмигрантовъ и не принималъ въ немъ большого участія. Историки, очевидно, вве-

¹⁾ «По случаю слуха о прибытіи Косцюшки въ русскія владѣнія въ 1798 г.». (Чтенія въ И. О. И. и Др. Росс. 1867 г., II. Смѣсь, стр. 40—48).

дены были въ заблужденіе отказомъ Косцюшки отъ предложеннаго ему командованія легіонами. Отказъ этотъ, дѣйствительно, имѣлъ мѣсто. Въ письмѣ отъ 29 окт. 1798 г. Косцюшко заявлялъ, что онъ не хочетъ подвергать преслѣдованіямъ своихъ соотечественниковъ, по отношенію къ которымъ правительства дворовъ, участвовавшихъ въ раздѣлахъ Польши, стали примѣнять особенно суровыя репрессіи со времени его возвращенія въ Европу. Возможны и другіе мотивы этого отказа. Несомнѣнно, однако, что Косцюшко, не занимая официальнаго поста въ легіонахъ, игралъ въ нихъ руководящую роль. Новые документы, обнаруженные въ недавнее время¹⁾, неоспоримо устанавливаютъ, что Косцюшко являлся верховнымъ руководителемъ легіоновъ, представителемъ ихъ и ходатаемъ за нихъ передъ республиканскимъ правительствомъ Франціи. Черезъ него или при его содѣйствіи велась вся переписка начальниковъ легіоновъ съ французскимъ правительствомъ, ему эти начальники дѣлали рапорты, онъ представлялъ къ назначенію офицеровъ и писалъ воззванія къ войску.

Для легіонеровъ, для всей польской эмиграціи, даже для тогдашняго французскаго правительства было ясно, что разъ Косцюшко находится въ Европѣ, то вся Польша будетъ ждать отъ него сигнала. Отсюда вытекало то вліяніе и уваженіе, которымъ пользовался Косцюшко въ правительственныхъ кругахъ Франціи. Съ другой, однако, стороны, слѣпое довѣріе поляковъ къ Косцюшкѣ возлагало на него большую нравственную отвѣтственность, побуждало съ особенною осторожностью относиться къ туманнымъ обѣщаніямъ, даваемымъ Франціей легіонамъ. Убѣленный сѣдинами старецъ Косцюшко оставался вѣренъ своимъ республиканскимъ идеаламъ, своему герою-коринфянину Тимолеону, облюбванному имъ въ ранней юности. Но онъ сомнѣвался въ искренности республиканизма тѣхъ лицъ, которыя стояли въ то время во Франціи у кормила правленія. Онъ требовалъ отъ нихъ приведенія польскихъ легіонеровъ къ присягѣ «въ ненависти королямъ и аристократіи, вѣрности французской республикѣ и вѣчнымъ принципамъ свободы и равенства». «Je jure haine à la royauté et à l'aristocratie, je jure fidélité à la république française et aux principes toujours constans de liberté et d'égalité» — гласила формула присяги, составленная имъ для польскихъ легіонеровъ и представленная 17 вандемьера VIII года французскому правительству. Легіонеры тоже не были роялистами. На-

¹⁾ *Kraushar Al.* Nieznane listy T. Kościuszki w sprawie legionów z czasów dyrektoryatu i konsulatu. Kwart. Hist. 1898. II.—*Kozłowski W.-M.* Listy Kniaziewicza do Dąbrowskiego i do Kościuszki. Ibid. 1899. III—IV.—*Dzwonkowski W.* Kościuszko a legiony. Ibid. 1910. I—II.

чальникъ придунайскаго легіона, воевавшего съ австрійцами въ Германіи, генераль Карль Князевичъ, въ любопытномъ письмѣ къ Косцюшкѣ отъ 27 термидора VII года увѣряетъ послѣдняго, что онъ «также никогда не будетъ сражаться за королей», но тутъ же онъ добавляетъ, что «если того политическаго зданія, которое стремится воздвигнуть каждый добродѣтельный полякъ, нельзя поставить сразу, то надо строить его по частямъ». Существенною составною частью этого прекраснаго зданія будущей свободной Польши, быть можетъ, даже основаніемъ его, должна была, по убѣжденію легіонеровъ, служить кровь, проливаемая ими за Францію. Легіонеры вѣрили, что, сражаясь подъ французскими знаменами, они приносятъ жертву на алтарь своей расчлененной родины. Удовлетворяясь сознаниемъ своего участія въ великой борьбѣ за общую свободу, они не требовали отъ французскаго правительства особенныхъ гарантій и декларацій. «Между вольностью и вольностью—разсуждали они—нѣтъ разницы (*dystynkcyi*). Она—одна и нераздѣлима. Прежде чѣмъ она дойдетъ до насъ, будемъ драться за нее вездѣ, гдѣ ощущается въ насъ надобность, тѣмъ болѣе противъ тѣхъ самыхъ враговъ, которые отняли ее у насъ».—Косцюшко не раздѣлялъ подобныхъ взглядовъ. Въ противоположность Домбровскому или Князевичу, онъ упорно искалъ пути, по которому легіонеры могли бы проникнуть въ Польшу. Онъ не хотѣлъ быть «слугою Франціи», слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ членовъ ли директоріи или честолюбиваго перваго консула. «Онъ, какъ Косцюшко, какъ верховный вождь польскаго народа, могъ добыть саблю только подъ собственнымъ національнымъ польскимъ знаменемъ, въ походѣ къ границамъ Польши» (Корзонъ). Онъ требовалъ отъ французскаго правительства увѣренія въ томъ, что легіоны будутъ косвенно работать для возстановленія своего отечества (*pour la rétablissement de l'indépendance de leur pays*), «à la régénération de leur patrie»; онъ боялся, что поляки, борясь за чужое дѣло, станутъ сознавать себя простыми наемниками (*ils ne peuvent s'envisager que comme un corps franc de mercenaires*); онъ просилъ членовъ директоріи подать хоть какой-нибудь лучъ надежды (*quelque lueur d'espérance*) на то, что поляки вновь получатъ при помощи Франціи хотя бы тѣ свои земли, которыя находятся подъ властью Австріи и Россіи. Но эти его обращенія и просьбы оставались часто безъ отвѣта, а происходившія во Франціи событія усиливали тревогу за судьбу легіоновъ.

Наступилъ переворотъ 18 брюмера 1799 г. Генераль Бонапартъ, сдѣлавшійся первымъ консуломъ, сталъ умѣло пользоваться тоской поляковъ по свободной родинѣ для цѣлей Франціи.

Онъ давалъ полякамъ знаменательныя обѣщанія, оказывалъ большое вниманіе вождямъ польскихъ легіоновъ, писалъ ген. Домбровскому: «скажите своимъ доблестнымъ соратникамъ, что они всегда у меня на умѣ, что я разсчитываю на нихъ, цѣню ихъ самопожертвованіе на пользу защищаемаго нами дѣла и всегда буду ихъ другомъ и товарищемъ». Онъ не могъ не считаться и съ Косцюшкой, олицетворявшимъ вполне опредѣленное теченіе не только польскаго, но и европейскаго общественнаго мнѣнія, представлявшимъ идею польской независимости во всей ея полнотѣ, являвшимся, подобно Лафайету, «живымъ воспоминаніемъ о недавнемъ прошломъ и символомъ будущихъ стремленій» (Скалковскій). Онъ искалъ сближенія съ Косцюшкой и старался расположить его въ свою пользу. Но на этотъ разъ онъ не имѣлъ успѣха. Къ первому консулу, угрожавшему послѣднимъ остаткамъ республиканскихъ формъ во Франціи, Косцюшко относился съ большимъ недоувѣріемъ. И онъ не обманулся въ своихъ предчувствіяхъ. Люневильскій миръ 1801 г. подписалъ польскимъ легіонамъ смертный приговоръ.¹⁾

Отъ новаго удара пошатнулся даже сильный организмъ Косцюшки. У него возобновились головныя боли и вернулось удрученное состояніе духа. Познакомившись съ проживавшими въ Парижѣ швейцарцами, братьями Зельтнеръ, и сблизившись съ ними на почвѣ общности исповѣдываемыхъ республиканскихъ убѣжденій, Косцюшко переселился въ 1801 г. къ одному изъ Зельтнеровъ, Петру-Іосифу, полномочному министру швейцарскаго союза, а затѣмъ переѣхалъ на постоянное жительство въ усадьбу его Бервиль, близъ Фонтенебло. Сюда въ 1806 г. прибылъ къ Косцюшкѣ министръ полиціи Фуше по приказу французскаго императора Наполеона I, пожелавшаго опять воспользоваться услугами поляковъ въ предстоящей кампаніи противъ Россіи. Фуше заявилъ Косцюшкѣ, что Наполеонъ, зная о томъ довѣріи, съ какимъ польскій народъ относится къ Косцюшкѣ, желаетъ предварительно посовѣтоваться съ нимъ и предлагаетъ ему сопровождать его, императора, въ предстоящемъ походѣ въ Россію. Но Косцюшко не замедлилъ освѣдомиться у французскаго министра, что предполагаетъ императоръ сдѣлать для Польши взаимнѣ этихъ услугъ. Когда возмущенный этимъ вопросомъ Фуше заявилъ, что «самое снисходительное пожеланіе государя признается каждымъ и даже монархами, какъ приказъ», и что поэтому императоръ можетъ заставить Косцюшку сопутствовать

¹⁾ О надеждахъ поляковъ на Францію и о Люневильскомъ мирѣ см. въ октябрьской книгѣ «Голоса Минуваго» за 1914 г. нашу статью: «Къ исторіи воссоединенія Польши».

сму, куда ему угодно,—тотъ съ достоинствомъ возразилъ, что онъ отдаетъ себѣ ясный отчетъ въ своемъ положеніи и понимаетъ, что въ данную минуту находится во французскомъ государствѣ. «Его величество — сказалъ Косцюшко — воленъ распорядиться мною, какъ ему будетъ угодно, воленъ вести меня за собой, но я сомнѣваюсь, чтобы народъ мой оказалъ ему при такихъ условіяхъ какія-нибудь услуги».

Косцюшко оставался въ Бервилѣ, и ни побѣды французовъ при Іенѣ и Ауэрштедтѣ, ни занятіе ими Берлина, ни даже движеніе Наполеона къ берегамъ Вислы не смогли вывести его изъ этого пассивнаго состоянія. Безрезультатны были и настойчивыя указанія проживавшихъ въ Парижѣ поляковъ на необходимость подчиниться на этотъ разъ волѣ императора для блага находящейся на пути возрожденія родины. «Въ немъ сохранилось прежнее недовѣріе, не безъ основанія поднимавшееся изъ могилъ легіонеровъ и запечатлѣнное въ душѣ его гробовымъ о Польшѣ молчаніемъ всѣхъ заключенныхъ до того времени трактатовъ... Онъ чувствовалъ себя слабымъ и старымъ. Не являлся ли бы онъ лишь манекеномъ въ рукахъ французскихъ маршаловъ? Представитель Польши, защитникъ принциповъ свободы на обоихъ полушаріяхъ; долженъ ли былъ онъ ѣхать по простому мановенію императора, по призыву министра полиціи?» Эти вопросы ставилъ польскій историкъ Скалковскій и такой даетъ на нихъ отвѣтъ: «Косцюшко разсуждалъ ошибочно. Онъ утратилъ связь съ отечествомъ. Въ тотъ моментъ, когда всѣ соображенія должны были уступить передъ однимъ величайшимъ усиліемъ, направленнымъ къ спасенію Рѣчи Посполитой,... онъ, начальникъ, король народа, оставался бездѣтельнымъ, колеблющимся, далекимъ»¹⁾. Только извѣстія о лихорадочномъ вооруженіи польскаго народа, поступавшія къ Косцюшкѣ съ его родины, и вѣроятныя обращенія къ нему изъ Литвы, Волыни и Украины за совѣтомъ и руководствомъ въ ожидаемомъ возстаніи побудили Косцюшку, по словамъ Скалковскаго, выйти изъ его апатіи и пойти навстрѣчу Наполеону весной 1807 г. составленіемъ проекта военныхъ операций въ Польшѣ противъ Россіи.

Существованіе этого проекта, найденнаго Скалковскимъ въ парижскомъ національномъ архивѣ, устраняло бы распространенное мнѣніе о непримиримой позиціи Косцюшки по отношенію къ Наполеону. Но принадлежность названнаго документа Косцюшкѣ, не подписаннаго послѣднимъ, оспаривается біографомъ Косцюшки Корзономъ²⁾. Особого мнѣнія придерживается Кор-

¹⁾ *Skalkowski*. Op. cit., 158—159.

²⁾ *Skalkowski*. *Kościuszko i Litwini w r. 1807*. Kwart. Histor. 1911, II; *Korzon*, «Polemika», *ibid.*, 1911, III—IV.

зонъ и по другимъ затронутымъ выше вопросамъ. Съ полнымъ одобреніемъ онъ относится къ уклоненію Косцюшки отъ участія въ Наполеоновской эпопее 1806 года и послѣдующихъ лѣтъ. Въ обращеніи польскихъ полководцевъ, Домбровскаго и Выбицкаго въ ноябрѣ 1806 г. къ польскому народу съ призывомъ вооружаться и вступать въ ряды Наполеоновской арміи, въ обращеніи, состоявшемся безъ вѣдома Косцюшки, Корзонъ видитъ настоящее преступленіе. «По отношенію къ коронованному монарху—пишетъ Корзонъ—ихъ поступокъ былъ бы названъ государственнымъ преступленіемъ и повлекъ бы за собой суровую кару. Косцюшко же, какъ монархъ идейный, не располагавшій въ то время властью матеріальной, не могъ къ такой карѣ прибѣгнуть». Не рѣшаясь высказываться по существу изложеннаго спора, мы не можемъ не отмѣтить, что сознательное уклоненіе Косцюшки отъ политической дѣятельности послѣ 1801 г., въ наиболѣе критическіе моменты жизни польскаго народа, встрѣчаетъ осужденіе со стороны многихъ польскихъ историковъ, Теодора Моравскаго, Аскеназы, Дембинскаго, Скалковскаго и др. Польскій народъ пошелъ за Наполеономъ, а Косцюшко, позабытый своими соотечественниками, лишенный даже возможности печатно къ нимъ обратиться, такъ какъ ни одна газета, польская ли или иностранная, не рѣшилась бы помѣстить его воззванія, не получившій даже паспорта на выѣздъ въ Швейцарію, короталъ время въ Бервилѣ, копаясь въ своемъ садикѣ или работая за токарнымъ станкомъ.

XVII,

Отношеніе Косцюшки къ имп. Александру I и къ царству Польскому.—Жизнь въ Швейцаріи.—Кончина.

Наступилъ 1814 годъ. Три монарха, побѣдители Наполеона, торжественно вступили въ Парижъ. Съ однимъ изъ нихъ, имп. Александромъ, Косцюшко вошелъ въ переписку. Въ письмѣ изъ Бервиля отъ 9 апр. 1814 г. онъ просилъ императора даровать общую амнистію полякамъ, освободить въ теченіе 10-ти лѣтъ крестьянъ, надѣлить ихъ правомъ собственности на землю, открыть для нихъ на средства государства школы, объявить себя королемъ польскимъ и предоставить полякамъ конституцію по образцу англійской. «Если просьбы мои будутъ выслушаны—писалъ Косцюшко,—я, хотя и больной, приду лично пасть къ ногамъ вашего импер. величества, чтобы поблагодарить васъ и первымъ засвидѣтельствовать вамъ, какъ моему монарху, мой вѣрноподданическій долгъ». Не получая долгое время отвѣта,

Косцюшко пріѣхалъ въ Парижъ и просилъ объ аудіенціи. Она была дана ему, а затѣмъ имп. Александръ прислалъ свое отвѣтное письмо отъ 3(15) мая 1814 г.; въ этомъ письмѣ онъ увѣрялъ Косцюшку въ своей надеждѣ «осуществить возрожденіе храброй и почетной націи, къ которой вы принадлежите»; «пройдетъ еще нѣсколько времени—писалъ Александръ,—и при мудромъ управленіи поляки будутъ снова имѣть отечество и имя, и мнѣ будетъ отрадно доказать имъ, что именно тотъ человѣкъ, котораго они считаютъ своимъ врагомъ, забывъ прошедшее, осуществить всѣ ихъ желанія. Какъ отрадно будетъ мнѣ, генералъ, имѣть васъ помощникомъ въ этихъ благотворныхъ трудахъ! Ваше имя, вашъ характеръ, ваши способности будутъ мнѣ лучшею поддержкою»¹⁾.

Созданное на Вѣнскомъ конгрессѣ новое «царство польское» не соответствовало этимъ широкимъ обѣщаніямъ Александра I и не удовлетворяло поляковъ. Считаясь, однако, съ затрудненіями, встрѣченными Россіей со стороны Австріи и Пруссіи, русскій министръ иностранныхъ дѣлъ кн. Адамъ Чарторыскій находилъ возможнымъ примириться и съ этимъ компромисснымъ рѣшеніемъ польскаго вопроса. Онъ увѣдомлялъ объ этомъ Косцюшку и призывалъ его въ Вѣну. Къ Косцюшкѣ обратился и Александръ I съ предложеніемъ прибыть въ главную квартиру русской арміи. Возможно, что русскій императоръ желалъ объяснить бывшему польскому диктатору причины своего отказа отъ первоначальныхъ намѣреній относительно возстановленія всей Польши; возможно, что онъ дѣйствительно хотѣлъ имѣть Косцюшку своимъ «помощникомъ», такъ какъ возвращеніе вождя возстанія 1794 г. въ Польшу наглядно свидѣтельствовало бы о прекращеніи поляками ихъ борьбы за независимость и укрѣпляло бы дѣло Вѣнскаго конгресса. Свиданіе состоялось въ Браунау 27 мая 1815 г. Оно продолжалось 15 минутъ и, очевидно, не удовлетворило Косцюшку. Замѣтивши безплодность своихъ убѣжденій, имп. Александръ предложилъ Косцюшкѣ отправиться въ Вѣну и выслушать доводы кн. Чарторыскаго. Въ столицѣ Австріи Косцюшко настойчиво допрашивалъ Чарторыскаго относительно территоріальныхъ границъ царства польскаго; включеніе въ составъ послѣдняго тѣхъ только областей, которыя составляли герцогство варшавское, онъ считалъ «посмѣшищемъ», исключаяющимъ возможность возвращенія его, Косцюшки, на родину. Онъ написалъ къ Александру I письмо, ставя свой отъѣздъ въ Польшу въ зависимость отъ отвѣта императора. Отвѣта этого онъ напрасно ждалъ въ Вѣнѣ 15 дней и затѣмъ уѣхалъ обратно въ

¹⁾ Переводъ у Шильдера. Имп. Александръ I, т. III, стр. 236—237.

Швейцарію, вѣрный своей идеѣ, что возвратиться онъ можетъ только въ цѣлое и независимое отечество. Въ оставленномъ передъ отъѣздомъ прощальномъ письмѣ къ кн. Чарторыскому онъ подробно изложилъ мотивы своего рѣшенія. «Мы обязаны благодарностью императору за воскресеніе уже загубленного польскаго имени—писалъ Косцюшко,—но одно имя не составляетъ народа; только возвращеніе полякамъ земли до Двины и Днѣпра могло бы, по его мнѣнію, создать «равновѣсіе и прочную дружбу съ русскими», ничтожное же по своей численности населеніе царства «никогда не будетъ въ состояніи противостать интригѣ, перевѣсу и насилію русскихъ»; «неужели—воскричалъ Косцюшко—мы должны молчать о братьяхъ нашихъ—литовцахъ, оставшихся подъ властью Россіи? Наше сердце содрогается и скорбитъ, что они не соединены съ нами; безъ нихъ прошу найти 10 или 11 милліоновъ людей, которые, согласно святымъ словамъ самого императора, должны были составить царство». Свое высокое званіе бывшаго верховнаго начальника вооруженныхъ польскихъ силъ Косцюшко готовъ былъ сложить къ стопамъ болѣе счастливаго воскресителя Польши, но воскресителя *всей* Польши, а не «страны, громко названной царствомъ польскимъ».

На далекой чужбинѣ, на склонѣ своихъ лѣтъ, Косцюшко неизмѣнно полонъ была мыслями о Польшѣ и тоской по ней. «Прошу тебя—писалъ онъ своему другу гр. Юсіфу Сѣраковскому—сообщать мнѣ частыя свѣдѣнія о себѣ и о томъ, что происходитъ на свѣтѣ, а особенно о нашей дорогой родинѣ; не бываетъ ночи, чтобы она не пришла мнѣ на память». «Я отъ души желалъ служить отечеству, но не сумѣлъ этого сдѣлать и очень скорблю объ этомъ». «Я хотѣлъ бы незримо прилетѣть къ вамъ на воздушномъ шарѣ и расцѣловать каждого изъ васъ въ отдельности и твоихъ дорогихъ литвинокъ». Онъ вновь заявлялъ о своихъ благодарныхъ чувствахъ къ имп. Александру «за самое имя Польши, котораго мы не могли получить отъ Бонапарта, проливши кровь почти 30-ти тысячъ нашихъ соотечественниковъ», но онъ не понималъ «дипломатическихъ галиматій» и опять выражалъ сожалѣніе, что «столь доброй душѣ Александра не дано довершить роль безсмертнаго чловека возвращеніемъ нашихъ провинцій до Двины и Днѣпра, какъ это обѣщалъ онъ мнѣ». «Существуетъ большое опасеніе—писалъ онъ Сѣраковскому,—какъ бы наше царство не превратилось въ царство Астраханское, претворившееся въ русскія провинціи». Изъ Золотурна (Soleure, Solothurne), мѣста своего постоянного пребыванія, Косцюшко предпринималъ изрѣдка путешествія по Швейцаріи, при чемъ во время одного изъ нихъ онъ

посѣтилъ въ Лозаннѣ Фридриха Лагарпа. «Для Лагарпа—писаль онъ Сѣраковскому по поводу этого визита,—нѣтъ ничего больше, чѣмъ его ученикъ (Александръ I); даже родину свою онъ продасть для него, а тѣмъ болѣе себя самого; скажи ему, что я—большой поклонникъ Александра, но въ равной мѣрѣ я привязанъ къ своему отечеству»¹⁾. Свои досуги Косцюшко заполнялъ чтеніемъ книгъ, игрой въ вистъ и прогулками верхомъ по окрестностямъ Золотурна, во время которыхъ приученная лошадь сама останавливалась передъ нищими, въ большомъ количествѣ окружавшими Косцюшку и щедро имъ одѣляемыми. Благотворительность Косцюшки въ эту пору его жизни приняла громадныя размѣры. Крайне нетребовательный, жившій въ одной комнатѣ, собственноручно готовившій утренній кофе и отдававшій въ починку свое старое платье, онъ неизмѣнно откликался на обращаемыя къ нему просьбы о денежномъ пособіи или протекціи, и самъ разыскивалъ нуждающихся; въ 1817 г. онъ произвелъ даже заемъ для оказанія помощи пострадавшимъ отъ неурожая швейцарцамъ; онъ не забывалъ въ то же время и своихъ сехновицкихъ крестьянъ и подписалъ въ годъ своей смерти нотаріальный актъ о надѣленіи ихъ личной свободой и предоставленіи имъ въ собственность занимаемой ими земли.

Умеръ Косцюшко въ Золотурнѣ, въ домѣ Зельтнеровъ, 15 окт. 1817 г. Въ слѣдующемъ году тѣло его было перевезено въ Краковъ и погребено въ королевской усыпальницѣ. Сердце Косцюшки хранится въ польскомъ національномъ музеѣ, въ Рапперсвилѣ, въ особой урнѣ, у которой крестьяне въ Рацлавицкихъ сермягахъ несутъ почетный караулъ.

И. Рябининъ.

¹⁾ Цѣнные матеріалы для послѣднихъ лѣтъ жизни Косцюшки заключаютъ недавно обнародованные *д-ромъ Владиславомъ Загорскимъ* «Listy nieznane Tadeusza Kościuszki» (1814—1817). Wilno, 1911.

Политика Гогенцоллерновъ¹⁾.

III. Вильгельмъ I и Бисмаркъ.

Вильгельмъ I принималъ власть въ то время, когда для прусской политики наступило время критической провѣрки ея традиціонныхъ принциповъ. Позади него, въ политикѣ его предшественниковъ лежали бюрократическія привычки управленія, покровительство дворянскому сословію, культъ военной силы. Если по временамъ предшественники Вильгельма и измѣняли этимъ старымъ традиціямъ, какъ то имѣло мѣсто въ эпоху прусскихъ великихъ реформъ, во время созданія Таможеннаго Союза и въ революціонный 48-й годъ, то это мало вліяло на общія линіи прусской политики, и реформы, поднимавшія значеніе городской буржуазіи, освобождавшія крестьянство и допускавшія общество къ дѣламъ правленія, только нѣсколько ослабляли военно-бюрократическо-дворянскій характеръ прусскаго государства, не лишая прусскую политику ея специфическихъ свойствъ. Внѣшнее униженіе, въ которомъ находилась Пруссія въ 50-хъ годахъ XIX ст., крушеніе честолюбивыхъ плановъ Фридриха-Вильгельма IV (объединить подъ своею властью всю Германію), позорное подчиненіе Австріи на ольмюцкомъ свиданіи,—все это достаточно ясно показало, что старыя опоры власти въ лицѣ бюрократіи и дворянства уже изжили свой вѣкъ, и что для поднятія международнаго престижа Пруссіи направлятелямъ ея политики надо искать другихъ средствъ.

Вильгельмъ I не обладалъ ни политической прозорливостью, ни даже достаточнымъ пониманіемъ современной ему общественно-политической конъюнктуры, но въ его характерѣ были свойства, которыя необходимы для монарха страны, стоящей на поворотномъ пунктѣ своего историческаго пути. Въ политикѣ онъ былъ чистымъ реалистомъ и хорошимъ практикомъ, во всемъ слѣдовавшимъ соображеніямъ о пользѣ и выгодѣ. Его голова никогда не была

¹⁾ См. статьи «Политика Гогенцоллерновъ» въ «Гол. Мин.» 1914 г. №№ 11 и 12.

богата идеями, но она была всегда ясна; ее не затемняли ни романтическія бредни Фридриха-Вильгельма IV, ни мистическая фантастика и чувственные увлеченія Фридриха-Вильгельма II, ни погоня за внѣшними титулами Фридриха I; его не могли увлечь ни звучная фраза, ни красивая поза; реальный, ощутительный успѣхъ онъ всегда предпочиталъ самымъ яркимъ и увлекательнымъ фантазіямъ. Отъ своего отца Фридриха-Вильгельма III, на котораго онъ былъ чрезвычайно похожъ и лицомъ, онъ унаслѣдовалъ добродѣтели средняго нѣмецкаго бюргера, честнаго, разсудительнаго и простаго въ обращеніи, но не надѣленнаго ни смѣлой инициативой, ни критическимъ умомъ. Онъ любилъ порядокъ, былъ экономенъ до скупости, трудолюбивъ и могъ безъ скуки и отягощенія проводить цѣлые часы за работой; скудость идей и неспособность къ сомнѣніямъ даже помогали ему въ работѣ, такъ какъ, разъ принявъ какое-нибудь рѣшеніе, онъ осуществлялъ его безъ всякихъ колебаній, съ той упрямой твердостью, на которую вообще способны несложныя натуры. Корона Барбароссы и Оттоновъ не увлекала его головы въ той мѣрѣ, какъ это было съ его романтически настроеннымъ братомъ; но онъ уже въ началѣ своего царствованія проникся убѣжденіемъ, что объединеніе Германіи подъ эгидой Пруссіи—задача, которая продиктована непреложнымъ ходомъ исторіи, которой нельзя избѣгнуть, не уронивъ національнаго достоинства Пруссіи и даже самой Германіи,—и онъ принялъ эту задачу не съ радостью, а съ покорностью судьбѣ, какъ тяжелую обязанность, какъ своего рода испытаніе, посланное ему Провидѣніемъ. Какъ и многіе изъ его предковъ, онъ былъ религіозенъ и искренно проникнутъ мыслью, что надъ династіей Гогенцоллерновъ и всѣми ея поступками почіетъ благословеніе Божіе. «Неужели вы думаете,—говорилъ онъ своимъ приближеннымъ послѣ окончанія франко-прусской войны,—что я могъ бы принять на себя тяжелое бремя этой войны и что были бы возможны всѣ эти успѣхи, если бы я не былъ твердо увѣренъ, что Провидѣніе хотѣло этого и что оно избрало насъ въ качествѣ своихъ орудій?» Тѣмъ не менѣе, въ его натурѣ совсѣмъ не было мистицизма: увѣренность въ божественномъ руководствѣ сообщала только большую твердость его поведенію, но никогда не заставляла его искать въ религіозныхъ идеяхъ направляющихъ принциповъ для его дѣятельности и измѣнять реалистическимъ началамъ его правленія; идея Провидѣнія нужна была ему только для того, чтобы сообщать оправданіе уже совершеннымъ поступкамъ, а не затѣмъ, чтобы сообразоваться съ ней въ опредѣленіи цѣлей дѣятельности и въ выборѣ средствъ для ихъ осуществленія.

Въ молодости онъ былъ завзятымъ реакціонеромъ и сохранилъ консервативныя склонности до конца своей жизни, но надъ его практической головой не имѣла силы никакая идеологія,— въ томъ числѣ и реакціонная. Поэтому онъ всегда былъ доступенъ вліянію духа времени и способенъ сообразовать свои поступки съ практическими нуждами момента, хотя бы это и противорѣчило его интимнымъ симпатіямъ и основамъ его міровоззрѣнія. Въ 1848 г. онъ былъ противъ дарованія конституціи, и его обвиняли даже въ томъ, что онъ былъ вдохновителемъ вооруженной расправы съ народомъ 18—19 марта и сторонникомъ борьбы противъ революціи до конца. Но когда конституція была дана, онъ сталъ считаться съ ней, какъ съ совершившимся фактомъ, и оставилъ всякія мысли о возвратѣ къ абсолютизму. Онъ даже принялъ участіе въ засѣданіяхъ національнаго собранія въ качествѣ депутата, избраннаго отъ одного изъ избирательныхъ округовъ Пруссіи. Когда позднѣе, уже 60-тилѣтнимъ старикомъ, онъ принялъ въ свои руки власть, его умъ еще не былъ настолько неподвиженъ, чтобы замкнуться для новыхъ идей, и онъ позволилъ Бисмарку уговорить себя на такія мѣры, которыя показались бы еретическими и революціонными ему же самому въ 40-хъ годахъ, когда онъ былъ еще вполне ортодоксальнымъ консерваторомъ. При этомъ онъ имѣлъ способность довольно глубоко чувствовать все то, что относилось къ славіи или къ униженію Пруссіи. Въ моментъ ольмюцкаго униженія, когда прусскій министръ Мантейфель долженъ былъ принять всѣ условія Шварценберга (австрійскаго министра), онъ плакалъ, какъ ребенокъ, и съ тѣхъ поръ проникся самой горячей ненавистью противъ Австріи. Задолго до призыва Бисмарка въ правительство, онъ понималъ, что объединеніе Германіи можно произвести только оружіемъ. Еще въ 1850 году онъ говорилъ: «кто хочетъ управлять Германіей, тотъ долженъ ее завоевать; à la Гагернъ (президентъ франкфуртскаго парламента) этого не можетъ случиться». Враждебныя чувства противъ Австріи были въ немъ настолько сильны, что, въ бытность свою наслѣднымъ принцемъ, онъ отказался явиться въ Берлинъ во время визита туда Франца-Иосифа. Позднѣе, когда разрывъ съ Австріей сталъ неизбежнымъ, онъ, наблюдая энтузіазмъ ландвера, находилъ этотъ душевный подъемъ еще болѣе возвышеннымъ, чѣмъ настроеніе народа во время возстанія 1813 года, «потому что онъ не былъ вызванъ семилѣтнимъ иноземнымъ угнетеніемъ».

Большимъ надеждамъ, которыя Вильгельмъ возлагалъ на армію, соотвѣтствовала и его необыкновенная любовь къ военному дѣлу. «Онъ любилъ армію со страстью», говоритъ о немъ фран-

пузскій историкъ Ernest Denis ¹⁾: «постоянно устраивалъ маневры, интересовался малѣйшими деталями организаціи, записывая всѣ замѣченные имъ недостатки и медленно и терпѣливо искалъ средствъ для ихъ исправленія». Въ этомъ отношеніи онъ представлялъ полную противоположность своему старшему брату, который, какъ извѣстно, былъ вполне равнодушенъ къ арміи и отдавалъ свои симпатіи искусствамъ и литературѣ. Вильгельмъ I зато былъ вполне свободенъ отъ всякихъ художественныхъ увлеченій. На этой почвѣ даже возникло взаимное непониманіе и холодность въ отношеніяхъ между нимъ и его женой Августой, которая съ молодыхъ лѣтъ увлекалась музыкой и литературой и среди литераторовъ чувствовала себя въ своемъ обществѣ. Вильгельмъ, наоборотъ, всегда предпочиталъ общество военныхъ. Эта любовь къ военному дѣлу была традиціонной въ домѣ Гогенцоллерновъ, и не онъ, а его романтически настроенный братъ представлялъ собою исключеніе въ рядѣ прусскихъ государей XVIII и XIX вѣка.

Въ литературѣ о Вильгельмѣ до сихъ поръ идетъ споръ о степени его самостоятельнаго участія въ той политикѣ, которая въ концѣ концовъ привела къ объединенію Германіи. На практикѣ этотъ споръ сводится къ вопросу объ отношеніи Вильгельма къ Бисмарку. Несмотря на всѣ старанія нѣкоторыхъ изъ германскихъ историковъ доказать, что руководящая роль принадлежала Вильгельму, а Бисмаркъ былъ только искуснымъ и послушнымъ исполнителемъ предначертаній своего государя,—теперь можно считать доказаннымъ, что и инициатива, и идеи, и способъ осуществленія по большей части принадлежали Бисмарку и роль Вильгельма въ дѣлѣ объединенія Германіи была подчиненной. Мнѣніе Оттокара Лоренца, что Вильгельмъ былъ политикомъ высшей марки и что Бисмаркъ былъ даже не помощникомъ, а помѣхой въ объединительныхъ стремленіяхъ Вильгельма,—не можетъ вызвать ничего иного, кромѣ улыбки. Но было бы также крайне несправедливымъ видѣть въ Вильгельмѣ политическое ничтожество и сравнивать его отношеніе къ Бисмарку съ отношеніемъ Людовика XIII къ Ришелье, какъ это дѣлали нѣкоторые историки. Даже такой антогонистъ Вильгельма, какъ К. Марксъ, и такой осторожный историкъ, какъ Онкенъ, признавали что Вильгельмъ не только ассистировалъ Бисмарку во всѣхъ его дѣйствіяхъ, но не отказывался въ то же время и отъ самостоятельности въ своемъ образѣ дѣйствій; и дѣйствительно, едва ли можно оспаривать, что Вильгельмъ, во всякомъ случаѣ, горячо пережи-

¹⁾ Ernest Denis. La fondation de l'empire Allemand, p. 210.

валъ все то, что предпринималъ и на чемъ настаивалъ Бисмаркъ, никогда не оставаясь только пассивнымъ и безличнымъ орудіемъ въ рукахъ послѣдняго. На приведенномъ примѣрѣ изъ отношеній Вильгельма къ Австріи мы видимъ, что самая мысль объ объединеніи Германіи силою орудія явилась въ головѣ Вильгельма самостоятельно и до Бисмарка. Бисмаркъ только выразилъ эту мысль въ иныхъ словахъ и когда наступило время ея проведенія въ жизнь, осуществлялъ ее съ большей энергіей и рѣшительностью, а также и съ большимъ искусствомъ, чѣмъ это могъ бы сдѣлать Вильгельмъ безъ него.

Главное, что раздѣляло Вильгельма и Бисмарка (конечно помимо колоссальной разницы въ способностяхъ)—это традиціонализмъ перваго и смѣлая готовность къ самымъ неожиданнымъ поворотамъ въ политикѣ у втораго. Несмотря на всю реалистичность міровоззрѣнія Вильгельма, въ его душѣ все-таки еще жилъ какой-то піэтетъ передъ старыми династіями. Когда въ 1863 году Австрія, предвидя свое близкое исключеніе изъ Германскаго Союза, попыталась заново объединить государей Германіи на старыхъ началахъ и созвала для этого во Франкфуртъ на конгрессъ нѣмецкихъ государей, то Вильгельмъ едва не поѣхалъ туда—только на томъ основаніи, что съѣздъ тридцати нѣмецкихъ государей былъ въ его глазахъ слишкомъ импозантнымъ собраніемъ, чтобы его можно было игнорировать. Бисмарку стоило большого труда отговорить короля отъ этой поѣздки; онъ понималъ, что если бы король поѣхалъ, то это было бы равносильно отказу Пруссіи отъ созданія Германіи подъ ея главенствомъ. Въ 1866 году онъ опять-таки очень неохотно и только по усиленнымъ настояніямъ Бисмарка согласился вступить въ союзъ съ итальянскимъ королемъ, потому что видѣлъ въ немъ представителя революціонныхъ началъ, низвергшаго нѣсколько законныхъ династій въ Италіи.

Въ характерѣ Бисмарка, наоборотъ, не было никакого уваженія къ старымъ традиціямъ, и онъ готовъ былъ перевернуть все вверхъ дномъ, если надѣялся на быстрый и рѣшительный успѣхъ. На практикѣ это сводилось къ тому, что въ взаимныхъ отношеніяхъ короля и министра, второй былъ всегда наступающей стороной и требовалъ самыхъ энергичныхъ мѣръ, а первый представлялъ изъ себя элементъ сопротивленія и всегда сдерживалъ чрезмѣрную пылкость и стремительность Бисмарка. Побѣда почти всегда оставалась на сторонѣ министра, но и королю удавалось часто внести нѣкоторую мягкость и умѣренность въ образъ дѣйствій Бисмарка.

Но въ міровоззрѣніи и привычкахъ поведенія короля и мини-

стра, конечно, было и много общаго. Тѣмъ обстоятельствомъ, что Бисмаркъ, несмотря на всѣ угловатости своего характера, удержался у власти до самого конца царствованія Вильгельма, онъ былъ обязанъ не только тѣмъ, что сумѣлъ подчинить своему уму и своей волѣ небогатаго идеями короля, но и сходству въ основныхъ симпатіяхъ. И тотъ, и другой были проникнуты уваженіемъ къ силѣ, понимаемой въ смыслѣ накопленія матеріальныхъ средствъ культуры;—только Бисмаркъ вѣрнѣе угадывалъ, гдѣ она лежитъ и въ чемъ заключается. Феодалъ по убѣжденіямъ, въ душѣ котораго всегда жили самые древніе предрассудки его касты, онъ безъ колебаній вступаетъ въ союзъ съ самыми различными партіями, когда видитъ въ нихъ силу, и безъ церемоніи отбрасываетъ своихъ недавнихъ союзниковъ и поворачивается къ нимъ спиной, когда находитъ, что отъ нихъ уже ему болѣе нечего взять. Выше его феодальныхъ влеченій стоитъ для него идея внѣшней силы и матеріальнаго господства, и для созданія мощной во внѣ и обильной внутренними матеріальными ресурсами Германіи онъ готовъ, въ случаѣ нужды, поступиться своими личными симпатіями и вступить въ соглашеніе—конечно, временное—не только съ буржуазіей, но и съ демократіей. Вильгельмъ не обладалъ политической гибкостью своего министра и часто неохотно шелъ за неожиданными поворотами его политики, но въ его душѣ жило то же самое преклоненіе предъ внѣшней силой и властью, что и въ душѣ Бисмарка. Оба они въ глубинѣ души презирали нѣмецкую интеллигенцію и видѣли въ ней оторванную отъ народа кучку людей съ большими претензіями, съ смутными понятіями, съ сумбурнымъ политическимъ міровоззрѣніемъ. Реалистическое настроеніе обоихъ заставляло ихъ пренебрежительно относиться ко всякаго рода идеологамъ и главнымъ надеждамъ возлагать на «кровь и желѣзо». У Бисмарка, помимо интеллигенціи, былъ еще и другой врагъ, котораго онъ презиралъ съ одинаковой силой во всѣ періоды своей политической дѣятельности: это—бюрократія. Начиная съ первыхъ своихъ неудачныхъ служебныхъ опытовъ въ срединѣ 30-хъ годовъ и до конца своей жизни Бисмаркъ не вѣрилъ въ способности нѣмецкаго чиновничества и не любилъ того духа кропотливости, аккуратности и чинопочитанія, соединеннаго съ полнымъ незнаніемъ жизни, который господствовалъ въ его средѣ. Въ рѣчи, которую онъ произнесъ уже послѣ своей отставки представителямъ центрального комитета сельскихъ хозяевъ, онъ называетъ бюрократію «трутнями, которые управляютъ нами, но ничего не производятъ кромѣ законовъ». Въ продолженіе этой рѣчи онъ возмущается тѣмъ, что у министровъ есть всегда гарантирован-

ное жалованье независимо отъ того, хорошо или дурно живетъ управляемой ими странѣ. Чтобы стать хорошимъ правителемъ, министръ, по его мнѣнію, долженъ быть лично заинтересованъ въ результатахъ своего правленія. «Вотъ если бы размѣръ жалованья», восклицаетъ онъ: «колебался бы вверхъ и внизъ вмѣстѣ съ благосостояніемъ государства и управляемыхъ, то министръ былъ бы внимательнѣе и настойчивѣе» ¹⁾. Такимъ образомъ, въ глазахъ Бисмарка бюрократія была въ той же мѣрѣ безпочвенной, лишенной истиннаго пониманія кровныхъ народныхъ интересовъ кучкой людей, какъ и интеллигенція. Политика, которая была основана на преклоненіи передъ реальной силой, не могла опираться на этихъ людей, стоящихъ вдали отъ жизни, и потому-то Бисмаркъ въ своихъ разнообразныхъ поискахъ поддержки для своей политики только среди бюрократіи никогда не искалъ для себя опоры. Это было уже крупнымъ отклоненіемъ отъ прежней прусской политики, отъ пріемовъ Фридриха-Вильгельма I, Фридриха II и ихъ преемниковъ, съ огромнымъ усердіемъ насаждавшихъ въ Пруссіи бюрократизмъ и никогда не хотѣвшихъ внимательно присмотрѣться къ тѣмъ силамъ, которыя назрѣвали внутри самого народа.

Если принять во вниманіе внутреннее положеніе Германіи и въ частности Пруссіи въ началѣ второй половины XIX вѣка, то станетъ вполнѣ ясно, какой общественной силѣ въ то время принадлежало въ Германіи первое мѣсто и на кого въ силу этого должна была опереться творимая Бисмаркомъ и поддерживаемая Вильгельмомъ реалистическая политика. Этой силой была буржуазія. Время послѣ революціи 1848 г. было для Германіи временемъ необычайно быстрого накопленія капиталовъ. Въ исторіи Германіи это время отчасти напоминаетъ царствованіе Луи-Филиппа во французской исторіи. «Вся страна», говоритъ Н. Lichtenberger въ своей книгѣ «L'Allemagne moderne», «утомленная политической борьбою и бесплодностью политической агитаціи, съ удвоеннымъ рвеніемъ бросается на пріобрѣтеніе матеріальнаго благосостоянія и богатства. Духъ предпринимательства и интересъ къ спекуляціямъ уже не ограничиваются, какъ это было въ началѣ вѣка, небольшою частью общества. Они захватываютъ глубокіе слои націи и окончательно завладѣваютъ дѣловымъ міромъ. Современная капиталистическая Германія возникаетъ въ теченіе двадцати лѣтъ, отдѣляющихъ кризисъ 1848—49 гг. отъ франко-прусской войны». Другой французскій историкъ Германіи Е. Denis утверждаетъ, что послѣ 1848 г.

¹⁾ См. Гернеръ, Die Arbeiterfrage, 2-е изд., стр. 295.

Германія за короткій срокъ пережила въ своей общественной жизни и въ умственныхъ и моральныхъ привычкахъ болѣе существенную перемѣну, чѣмъ за предшествовавшіе 10 вѣковъ. Въ это время усиленно начинается разрабатываться каменноугольный бассейнъ Силезіи, основываются мануфактурныя фабрики, возникаютъ заводы, за одно десятилѣтіе усиливается вдвое и болѣе того производство свекловичнаго сахара и желѣза. Буржуазія, которая до этого времени не имѣла почти никакого значенія въ политическихъ вопросахъ, теперь начинаетъ сознавать свою силу и съ большей энергіей, чѣмъ прежде, настаиваетъ на объединеніи Германіи. Отсутствие единства чувствовалось ею съ особенною силою именно въ этотъ періодъ оживленія торгово-промышленной жизни Германіи. Правда, таможенный союзъ, разстроенный Австріей въ 1850 году, возродился уже къ 1853 году, вобравъ въ себя еще новыхъ членовъ (Ганноверъ, Брауншвейгъ, Ольденбургъ, Мекленбургъ, ганзейскіе города). Но онъ только уничтожилъ внутреннія таможенныя пошлины, не устраняя ряда другихъ препятствій къ успѣшному развитію торговли и промышленности. Ему не удалось установить единства мѣръ и вѣсовъ, однообразной монетной системы, единаго тарифа на желѣзныхъ дорогахъ. Конечно, оставалось въ полной силѣ различіе законовъ, регулирующихъ дѣловыя отношенія коммерческаго міра, продолжали дѣйствовать попрежнему полицейскія стѣсненія и административное усмотрѣніе, разнообразившіяся сообразно съ мѣстными обычаями. Поэтому либеральная буржуазія не могла удовлетвориться однимъ таможеннымъ союзомъ и продолжала дѣйствовать въ пользу болѣе дѣйствительнаго объединенія Германіи. Въ 1859 г. ея представителями (во главѣ съ Беннигсеномъ) былъ основанъ «Національный Союзъ», который поставилъ своею цѣлью содѣйствовать «идеѣ объединенной Германіи съ учрежденіями, сильными по отношенію къ иноземцамъ и свободными внутри страны». Программа союза явно благопріятствовала Пруссіи, потому что въ ней было сказано, что главенство въ объединенной Германіи должно принадлежать самому большому чисто-нѣмецкому государству, каковымъ являлась, конечно, Пруссія, а не Австрія съ ея разнообразнымъ племеннымъ составомъ. «Національный Союзъ» былъ наиболѣе прямымъ выразителемъ интересовъ нѣмецкой капиталистической буржуазіи, какъ это доказало его поведеніе въ эпоху конфликта,—поведеніе, столь отличное отъ образа дѣйствій въ то время партіи прогрессистовъ, которая также примыкала къ буржуазіи, но не выражала ея интересовъ въ столь чистомъ видѣ, какъ «Національный Союзъ».

Бисмаркъ началъ свою политическую карьеру въ качествѣ довольно рьянаго противника буржуазіи. И членомъ соединеннаго ландтага 1847 года, примыкавшимъ по своимъ взглядамъ къ реакціонно-феодальной «*Kreuzzeitung*», и депутатомъ палаты 1849 г., собравшейся на основѣ новой октроированной конституціи, онъ громилъ прусскій индустріализмъ, отстаивалъ цеховую организацію промышленности и клеймилъ представителей движимаго капитала въ качествѣ людей, только «рѣжущихъ купоны». Его симпатіи лежали всецѣло на сторонѣ аграріевъ, которые въ революціонный періодъ прусской исторіи вполне естественно казались ему главной опорой трона. Но когда, въ 1862 году, онъ былъ призванъ къ власти и поставленъ во главѣ министерства, онъ, тѣмъ не менѣе, направилъ прусскую государственную жизнь по путямъ, благопріятнымъ для развитія буржуазіи. Правда, первые годы его пребыванія у власти ознаменовались отчаянной борьбою съ партіей прогрессистовъ, которая образовалась въ концѣ 61 года и, какъ мы уже говорили, примыкала къ либеральной буржуазіи. Борьба эта, какъ извѣстно, возникла изъ-за желанія правительства короля Вильгельма усилить численный составъ арміи и изъ-за его требованій новыхъ кредитовъ на военныя нужды. Требованіе военной реформы выставилъ военный министръ фонъ-Роонъ, завзятый реакціонеръ, но палата, главнымъ образомъ, по настояніямъ прогрессистовъ, отклонила предложенный имъ военный законопроектъ (1862 г.). Бисмаркъ, приглашенный на постъ министра-президента по совѣту Роона, не нашелъ, однако, необходимымъ уступить и сталъ собирать неутвержденные палатою налоги. Началось 4-лѣтнее управленіе безъ бюджета, получившее въ прусской исторіи названіе эпохи конфликта. Въ это время Бисмаркъ былъ едва ли не самымъ непопулярнымъ человѣкомъ во всей Германіи; палата возбуждала даже вопросъ о преданіи его суду за нарушеніе конституціи, но онъ не обращалъ на это никакого вниманія и продолжалъ управлять страной безъ бюджета, вопреки протестамъ палаты, которой за весь 4-лѣтній періодъ конфликта продолжали руководить прогрессисты. Связь прогрессистовъ съ либеральной буржуазіей для Бисмарка была, конечно, вполне ясна, и онъ съ своей стороны не щадилъ въ этотъ періодъ своей дѣятельности нѣмецкой буржуазіи и даже завязывалъ сношенія съ ея врагами, т.-е. съ вождями пролетаріата. Именно къ этому времени относятся знаменитыя свиданія Бисмарка съ Лассалемъ, при чемъ каждый изъ нихъ надѣялся использовать другого для своихъ цѣлей: Бисмаркъ—для пріобрѣтенія поддержки среди рабочихъ, а Лассаль—для склоненія Бисмарка къ идеѣ

всеобщаго избирательнаго права и къ организаціи государственной помощи производительнымъ ассоціаціямъ. Онъ велъ игру въ это время и съ другими вождями рабочихъ, а именно съ представителями «Интернаціонала» и предлагалъ никому другому, какъ Марксу, писать корреспонденціи въ «Прусскій Правительственный Вѣстникъ» (1865 г.) и Либкнехту—мѣсто редактора «Norddeutsche Allgemeine Zeitung». Въ случаяхъ конфликта между фабрикантами и рабочими онъ вступался за интересы послѣднихъ, какъ это было въ случаѣ съ силезскими ткачами изъ округа Вальденбурга, которые пріѣхали въ Берлинъ жаловаться на фабрикантовъ и которымъ Бисмаркъ доставилъ аудіенцію у короля, давшего имъ по совѣту Бисмарка денежную субсидію въ 12 тысячъ талеровъ на устройство производительной ассоціаціи.

Но, несмотря на всѣ относящіеся къ этому времени выпады Бисмарка противъ буржуазіи, его конфликтъ съ ней могъ быть только временнымъ. Она была въ то время силой, и такого поклонника силы, какимъ былъ Бисмаркъ во всѣ времена своей политической дѣятельности, не могло не смущать то, что онъ былъ съ ней въ раздорѣ. Его ободряло лишь то обстоятельство, что партія прогрессистовъ, несмотря на свою несомнѣнную связь съ буржуазіей, не была плотью отъ плоти и костью отъ кости новаго нѣмецкаго дѣловаго міра. Ея представители въ то время были въ массѣ интеллигентами, людьми отвлеченныхъ принциповъ, не впутанными лично въ дѣловые расчеты коммерческаго міра. Бисмаркъ, со своей специфической точки зрѣнія практика-реалиста, имѣлъ основаніе третировать ихъ, какъ безпочвенныхъ идеологовъ, и въ этой позиціи его не могло не укрѣплять то обстоятельство, что Національный Союзъ, въ которомъ было больше духа практицизма и коммерческой дѣловитости, совсѣмъ не поддерживалъ прогрессистовъ въ ихъ борьбѣ противъ Бисмарка и относился сочувственно къ агрессивному поведенію Бисмарка во время войны съ Даніей изъ-за Шлезвига и Голштиніи. Для настоящей дѣловой буржуазіи энергичная внѣшняя политика, которую велъ Бисмаркъ, могла быть только выгодна, потому что она заразъ вела и къ объединенію Германіи, и къ новымъ территоріальнымъ захватамъ; Бисмаркъ могъ не сомнѣваться, что въ концѣ концовъ дѣловой духъ восторжествуетъ въ нѣмецкой буржуазіи надъ преклоненіемъ предъ принципами и доктринами и что буржуазія только возблагодаритъ его за его политику. Въ дѣйствительности, въ эпоху торжества нѣмецкаго національ-либерализма, какъ мы знаемъ, такъ и случилось.

Съ другой стороны, Бисмарка ободряло и то, что его торговая политика съ самаго начала соотвѣтствовала требованіямъ пар-

тіи прогрессистовъ, и дѣловой міръ былъ въ этомъ вполнѣ согласенъ съ прогрессистами. Нѣмецкая буржуазія стояла тогда цѣликомъ на точкѣ зрѣнія свободной торговли и отвергала всякое вмѣшательство правительства въ экономическую жизнь. Идейные руководители буржуазіи, засѣдавшіе въ палатѣ депутатовъ среди членовъ прогрессивной партіи, связывали обыкновенно идею экономической свободы съ идеей свободы политической; имъ казалось, что, отстаивая принципы чистаго манчестерства, они тѣмъ самымъ осуществляютъ и тѣ либеральные лозунги, подъ знаменемъ которыхъ они боролись въ 1848 г. (среди членовъ партіи прогрессистовъ было довольно много дѣятелей 1848 г.). Несмотря на то, что экономическая наука нанесла къ тому времени уже довольно чувствительные удары принципу невмѣшательства, прогрессисты находили несокрушимый, какъ имъ казалось, аргументъ въ пользу манчестерства въ ссылкѣ на огромные экономическіе успѣхи Англіи, достигнутые ею при режимѣ полной свободы въ экономической области. Надъ дѣловой буржуазіей либеральная идеологія сама по себѣ, конечно, не могла имѣть большой силы, но прусскіе индустріалы, работающіе по преимуществу на вывозъ, находили для себя болѣе выгоднымъ открыть для своихъ товаровъ иностранные рынки низкими таможенными ставками, чѣмъ закрыть нѣмецкій рынокъ протекціонистскимъ тарифомъ для иностраннаго ввоза. Вѣрно ли они понимали свои интересы, защищая режимъ свободной торговли,—это является спорнымъ до сихъ поръ, но, во всякомъ случаѣ, идеи манчестерства были тогда очень популярны въ дѣловыхъ кругахъ Пруссіи, и Бисмарку это было извѣстно. Еще за полтора мѣсяца до его назначенія на постъ перваго министра Пруссіи подписала (2 авг. 1862 г.) таможенный договоръ съ Франціей, удовлетворявшій требованіямъ экономического либерализма и устанавливавшій довольно низкія таможенныя ставки, при чемъ было объявлено, что таможенный союзъ будетъ возобновленъ только съ тѣми государствами, которыя признаютъ договоръ съ Франціей. Большинство крупныхъ государствъ Германіи, по большей части отсталыхъ въ промышленномъ отношеніи (Вюртембергъ, Ганноверъ, Баварія, оба Гессена и Нассау), не были согласны идти въ этомъ отношеніи за Пруссіей, и только одна Саксонія смѣло стала на ея сторону. Конечно, и Австрія всѣми мѣрами старалась воспрепятствовать возобновленію Таможеннаго Союза. Но Бисмаркъ не посмотрѣлъ на всѣ эти препятствія и послѣ своего назначенія упорно продолжалъ проводить тенденціи экономического либерализма въ своей политикѣ. Онъ сломилъ сопротивленіе настроенныхъ въ пользу вы-

сокихъ тарифовъ государствъ угрозой исключенія ихъ изъ Таможеннаго Союза, и они должны были уступить, потому что таможенное объединеніе съ Пруссіей,—государствомъ, которое держало въ то время въ своихъ рукахъ морскіе пути и, кромѣ того, снабжало экономически отсталыя германскія территоріи продуктами своей промышленности,—было для нихъ необходимо, затрагивало ихъ самые жизненные интересы. Австрія, конечно, осталась попрежнему изолированной. Бисмаркъ шелъ навстрѣчу политикѣ экономического либерализма съ особенно легкимъ сердцемъ потому, что въ то время теорія экономического либерализма, господствовавшая среди буржуазіи, совпадала съ интересами прусскихъ аграріевъ. Германія въ то время еще не была ввознымъ рынкомъ для русскаго, американскаго и аргентинскаго хлѣба, какъ позднѣе, и прусскіе юнкера, не подвергаясь конкуренціи иноземнаго хлѣбнаго ввоза, сами вывозили изъ своихъ имѣній хлѣбъ. Поэтому система низкихъ таможенныхъ ставокъ была для нихъ только выгодна: она предупреждала излишнее скопленіе хлѣба внутри германскихъ государствъ, не вызывая въ то же время прилива въ нихъ иноземнаго хлѣба.

Если принять во вниманіе этотъ общественный смыслъ Бисмарка, который заставлялъ его прислушиваться къ мнѣніямъ вліятельныхъ общественныхъ круговъ, то надо внести нѣкоторое ослабленіе въ пресловутое мнѣніе о его преклоненіи передъ политикой «крови и желѣза». Самая рѣшительность его внѣшней политики, которая привела его уже въ первые года его правленія къ вооруженному столкновенію съ Даніей и Австріей, была отчасти попыткой побѣдоносными войнами примирить съ собою общественное мнѣніе страны. Онъ глубоко чувствовалъ неудобства управленія вопреки конституціи, безъ общественной поддержки и, несмотря на всѣ свои гнѣвные выпады противъ палаты, въ теченіе всей эпохи конфликта искалъ какого-нибудь компромисса, на почвѣ котораго можно было бы заключить миръ съ палатой. Еще менѣе рѣшительно былъ настроенъ самъ король. Самъ Бисмаркъ не вѣрилъ въ твердость короля и въ январѣ 1864 года писалъ Роону, что король «въ концѣ-концовъ рѣшилъ уступить демократіи. Если не случится чуда, наша партія проиграна, и на нашу долю останутся лишь оскорбленія современниковъ и потомства».

Но было бы, конечно, очень большимъ преувеличеніемъ думать, что въ сторону агрессивной внѣшней политики Бисмарка толкали только поиски примиренія съ палатой. Исканіе общественной поддержки было только одной стороною его дѣятель-

ности. Другая ея сторона питалась традиціонной вѣрой прусской администраціи и самой династіи въ силу меча и преклоненіемъ передъ пріемами вооруженнаго воздѣйствія. «Не рѣчами и постановленіями большинства будутъ рѣшаться великіе вопросы современности,—это мнѣніе было огромною ошибкою 1848 и 1849 годовъ,—а желѣзомъ и кровью», эта часто цитировавшаяся фраза Бисмарка, произнесенная имъ 30 сентября 1862 года въ бюджетной комиссіи палаты, выражаетъ собою не всю совокупность политическихъ его пріемовъ, направленныхъ къ объединенію Германіи, какъ это нерѣдко доказывается, а только часть ихъ, но часть, очень характерную. Бисмаркъ только одною половиною своего политическаго существа примыкалъ къ новой конституціонной Европѣ и поэтому долженъ былъ искать поддержки общественныхъ силъ и считаться съ общественными настроеніями, но, съ другой стороны, въ немъ сидѣлъ прусскій юнкеръ, властный и категоричный въ своихъ рѣшеніяхъ, любившій разрубать саблей запутавшіеся узлы политическихъ отношеній. До сихъ поръ Австрія была главною помѣхою на пути къ германскому объединенію подъ главенствомъ Пруссіи, слѣдовательно, Австрію надо устранить; а для этого ее необходимо разбить. На этомъ Бисмаркъ стоялъ твердо. Онъ, однако, обладалъ достаточной политической дальнозоркостью для того, чтобы понимать, насколько непрочно только военное торжество надъ соперникомъ, не сопровождающееся одновременно униженіемъ его въ глазахъ общественнаго мнѣнія. Для этого онъ никогда не упускалъ случая подчеркнуть политическую и общественную отсталость Австріи въ сравненіи съ Пруссіей и уже съ первыхъ лѣтъ своего пребыванія у власти любилъ подчеркивать ту мысль, что только Пруссія можетъ дать объединившейся Германіи демократическія, отвѣчающія общественнымъ настроеніямъ, учрежденія. Такъ, еще въ 1863 г., въ разгаръ конфликта, представляя своему королю записку о необходимости отклонить австрійскій проектъ будущей германской конституціи, который предлагалъ помимо союзнаго совѣта установить еще парламентъ изъ трехсотъ депутатовъ, раздѣленныхъ на двѣ палаты и избираемыхъ ландтагами отдѣльныхъ государствъ,—Бисмаркъ прежде всего указывалъ на его недемократическій характеръ и утверждалъ, что только «истинное, основанное на прямомъ участіи всей націи народное представительство» можетъ освободить страну отъ «династическихъ и партикуляристическихъ интригъ». Изъ этого видно, что политика Бисмарка, даже и въ разгаръ его борьбы съ прусскимъ народнымъ представительствомъ не была построена на чистомъ, непримѣсномъ

культъ «крови и желѣза» и не вполне была чужда тѣхъ самыхъ идей, которыя вдохновляли и дѣятелей 1848—49 гг.

Самую свою политику «крови и желѣза» онъ началъ съ защиты популярной въ общественномъ мнѣніи идеи національной автономіи. Въ началѣ 1864 г. онъ объявляетъ войну Даніи съ цѣлью изгнать *датское* правленіе изъ *нѣмецкихъ* герцогствъ—Шлезвига и Голштиніи. «Здѣсь,—говорилъ онъ,—мы имѣемъ дѣло съ такимъ вопросомъ, по поводу котораго можно во всякое время начать войну, какъ это только дозволить политическое положеніе Европы». Война начиналась во имя освобожденія изъ-подъ датскаго ига нѣмецкихъ провинцій, но въ душѣ Бисмаркъ при этомъ руководился, конечно, далеко не принципомъ національной независимости, а стремленіемъ къ территориальному приращенію: приобрѣтеніе Шлезвига съ его выходами къ Балтійскому и Сѣверному морямъ, съ его превосходною гаванью Килемъ, слишкомъ соотвѣтствовало традиціямъ прусской политики, ея тягѣ къ морямъ для того, чтобы онъ могъ упустить этотъ случай. Позднѣе онъ говорилъ съ полною откровенностью: «я всегда думалъ, что присоединеніе Шлезвига къ Пруссіи составляетъ лучшее изъ всѣхъ рѣшеній вопроса». Но на этомъ пути ему было суждено столкнуться съ Австріей. Война противъ Даніи велась въ союзѣ съ Австріей, но, уже затѣвая войну, Бисмаркъ предугадывалъ, что дѣло кончится столкновеніемъ съ Австріей изъ-за дѣлежа завоеванныхъ земель. Впослѣдствіи соратникъ Бисмарка, Мольтке, такъ писалъ о настроеніяхъ въ правительственныхъ кругахъ, которыми руководилъ Бисмаркъ: «Война 1866 года не была вызвана необходимостью защищать наше угрожаемое существованіе: это былъ конфликтъ, признанный необходимымъ въ кабинетѣ, задолго задуманный и постепенно подготовлявшійся». Къ этому конфликту Бисмаркъ давно готовился; для него онъ цѣною разрыва съ палатою усиливалъ военныя силы Пруссіи. Но и здѣсь онъ, помимо надежды на прусскія войска, заботился о томъ, чтобы во время столкновенія Пруссія выступила въ качествѣ прогрессивной, а Австрія—въ качествѣ реакціонной силы, цѣпляющейся за отжившія политическія формы. Къ общественному мнѣнію тогдашней Германіи, въ которомъ главную роль играла либеральная буржуазія, онъ не былъ равнодушенъ во всякомъ случаѣ, и въ предстоящемъ конфликтѣ съ Австріей возлагалъ свои надежды не на одну только силу оружія. Конфликтъ разыгрывался довольно быстро. Сначала герцогства были отданы (по вѣнскому договору 30 окт. 1864 г.) въ совмѣстное управленіе Пруссіи и Австріи; черезъ годъ, въ виду возникшихъ несогласій между совладѣльцами, ихъ

раздѣлили, при чемъ Австрія получила Голштинію, а Пруссія—Шлезвигъ (ганзейская конвенція 14 августа 1865 г.). Но и здѣсь онѣ не поладили между собою въ виду того, что Бисмаркъ по давнишней привычкѣ прусскихъ администраторовъ сразу и слишкомъ рѣзко принялся за искорененіе въ Шлезвигѣ всякаго духа мѣстнаго патріотизма, а Австрія—тоже въ силу давнихъ австрійскихъ традицій ¹⁾ ввела въ своей провинціи довольно мягкіе порядки. На этой почвѣ между Австріей и Пруссіей возникли очень серьезныя тренія. Бисмаркъ не находилъ нужнымъ особенно считаться съ настроеніемъ присоединенныхъ земель, несмотря на національный лозунгъ, во имя котораго съ виду была поднята война съ Даніей; онъ зналъ, что общественное мнѣніе Германіи быстро проститъ ему его слишкомъ рѣшительную политику опрусачиванія; но зато по отношенію къ этому общегерманскому общественному мнѣнію онъ сразу сдѣлалъ двѣ существенныхъ уступки: во-первыхъ, завязалъ переговоры съ итальянскимъ королемъ Викторомъ-Эммануиломъ, несмотря на то, что Австрія и другія нѣмецкія государства видѣли въ савойскомъ домѣ революціонную династію, добивавшуюся единства Италіи, путемъ сверженія нѣсколькихъ законныхъ династій. Самъ прусскій король не хотѣлъ имѣть ничего общаго съ итальянскимъ королемъ, и Бисмарку стоило большихъ усилій преодолѣть отвращеніе Вильгельма къ революціонному происхожденію власти савойскаго дома. Конечно, союзъ съ Италіей былъ нуженъ Бисмарку далеко не только затѣмъ, чтобы привлечь къ себѣ расположеніе нѣмецкихъ либераловъ: на первомъ планѣ для него здѣсь стояли соображенія о военной помощи, которую Италія могла оказать Пруссіи въ предстоящей ей войнѣ противъ Австріи; но Бисмаркъ не упускалъ изъ виду и того, что союзъ съ Италіей привлекаетъ на его сторону либеральные круги Германіи, и что, заключая его, онъ одновременно убиваетъ двухъ зайцевъ. Другая диверсія Бисмарка въ сторону либеральной буржуазіи заключалась въ томъ, что когда окончательно выяснилась невозможность мирнаго разрѣшенія конфликта съ Австріей изъ-за управленія Шлезвигомъ и Голштиніей, онъ неожиданно предложилъ созвать общегерманскій парламентъ путемъ прямыхъ выборовъ и всеобщаго голосованія всей нѣмецкой «націи», который долженъ былъ заняться вопросомъ о переустройствѣ Германіи—конечно, на основѣ прусскихъ предложеній. Второй разъ уже Бисмаркъ пускалъ противъ Австріи это оружіе, и оно должно было и теперь сослужить ему хорошую службу. Образъ дѣйствій

¹⁾ См. «Политика Гогенцоллерновъ», «Гол. Мин.» 1914, № 11.

Бисмарка отъѣнялся тѣмъ ярче, что Австрія только что передъ этимъ предлагала передать шлезвигъ-голштинскій вопросъ на разрѣшеніе союзнаго сейма,—учрежденія, которое до этого времени служило только помѣхой всякимъ попыткамъ объединенія и реформъ въ Германіи и уже давно заслужило презрительную кличку «собраніе мумій». Предложеніе Бисмарка произвело тѣмъ болѣе сильное впечатлѣніе, что этимъ онъ открыто давалъ понять, что идея германскаго единства имъ никогда не забывается и что онъ готовъ ее снова поднять изъ-за всякаго частнаго повода. Въ Германіи выступленіе Бисмарка именно такъ и было понято. «Теперь дѣло шло», писалъ объ этомъ выступленіи Мольтке: «уже не о завоеваніи новой территоріи, а о господствѣ надъ Германіей». Мольтке писалъ «о господствѣ надъ Германіей» потому, что для всѣхъ становилось все болѣе яснымъ, что германское объединеніе можетъ произойти только въ формѣ прусской гегемоніи, но рѣчь шла здѣсь именно о германскомъ единствѣ. Такъ понимали дѣло нѣмецкіе либералы еще въ эпоху франкфуртскаго парламента. Бисмаркъ, поднимая теперь старое знамя нѣмецкаго единства, хотѣлъ, чтобы война съ Австріей велась подъ прежними, популярными въ общественномъ мнѣніи лозунгами. Мы видимъ, что и здѣсь Бисмаркъ возлагалъ свои надежды не на одну «кровь и желѣзо», а заботился о привлеченіи къ себѣ тѣхъ общественныхъ круговъ, за которыми онъ въ данную минуту признавалъ силу.

Но расчеты Бисмарка смотрѣли болѣе въ будущее, чѣмъ въ настоящее. Въ 1866 г., наканунѣ войны съ Австріей, общественное мнѣніе Германіи находилось въ высокой степени смущенія и въ общемъ было неблагоприятно для политики Бисмарка. Онъ слишкомъ запугалъ его своею рѣшительною, не останавливающейся предъ открытымъ нарушеніемъ конституціи политикой; кромѣ того, цѣли войны не представлялись въ достаточной мѣрѣ ясными, и неповоротливые умы нѣмецкихъ бюргеровъ не могли въ то время еще достаточно осмыслить, какое значеніе въ исторіи германскаго объединенія займетъ предстоящая война съ Австріей. Именно въ этой неясности цѣлей войны и упрекалъ Бисмарка въ своемъ манифестѣ «Національный Союзъ».

Но Бисмаркъ вѣрно рассчитывалъ на оправданіе своимъ дѣйствіемъ *post factum*, и расчетъ не обманулъ его. Извѣстенъ исходъ австро-прусской войны: несмотря на то, что на сторону Австріи стали Ганноверъ, Кургессенъ, Нассау, Саксонія и южная Германія (Баварія, Баденъ, Вюртембергъ), Пруссія, безъ большого труда, опираясь на союзъ съ Италіей, разбила своихъ противниковъ. Ганноверская армія капитулировала черезъ 2 недѣли послѣ начала военныхъ дѣйствій; Саксонія была занята безъ боя, и

вслѣдъ за этимъ наступила очередь за Австріей. Прусское ружье Дрейзе оказалось неизмѣримо выше вооруженія австрійскаго пѣхотинца, прусскіе генералы, во главѣ которыхъ стоялъ Мольтке, дальновидностью и способностью къ самостоятельнымъ дѣйствіямъ далеко превосходили австрійскихъ; смѣлое и рѣшительное наступленіе пруссаковъ сразу перепутало всѣ планы австрійскаго штаба, построенныя на соображеніяхъ осторожнаго веденія кампаніи; австрійская система дѣйствій сомкнутыми рядами повела къ страшнымъ опустошеніямъ въ рядахъ австрійской арміи, между тѣмъ какъ пруссаки въ открытыхъ мѣстахъ предпочитали разсыпаться цѣлью и вообще обнаружили умѣнье считаться съ условіями почвы и мѣстности. При такихъ условіяхъ разгромъ австрійской арміи былъ необычайно быстръ: Австрія объявила войну 17 іюня; черезъ 2 недѣли послѣ этого 13 іюля австрійцы были наголову разбиты при Садовой, а еще черезъ 2 недѣли прусская армія стояла уже подъ стѣнами Вѣны. Еще раньше другой прусской арміей были разбиты войска южно-германскихъ государствъ. Побѣда пруссаковъ была полная, но Бисмаркъ не находилъ ни выгоднымъ для Пруссіи, ни даже возможнымъ чрезмѣрно унижать Австрію. Его задачей было только уничтоженіе того противодѣйствія, которое онъ неизмѣнно встрѣчалъ въ лицѣ Австріи на пути къ объединенію Германіи подъ главенствомъ Пруссіи. При крайне опасномъ международномъ положеніи Пруссіи, граничившей съ запада и востока съ двумя сильными державами, Россіей и Франціей—готовыми при первомъ удобномъ случаѣ занять враждебную по отношенію къ ней позицію, наживать для своего отечества новаго непримиримаго врага въ лицѣ Австріи Бисмаркъ отнюдь не хотѣлъ. Поэтому онъ настаивалъ передъ королемъ Вильгельмомъ, чтобы Пруссія отказалась и отъ триумфальнаго вступленія въ Вѣну, что осталось бы навсегда тяжелымъ воспоминаніемъ для австрійцевъ, и, главное, отъ территоріальныхъ уступокъ въ пользу Пруссіи. Въ первомъ король уступилъ сравнительно легко, но по вопросу объ отказѣ отъ территоріальныхъ приращеній Бисмарку пришлось употребить много краснорѣчія и энергіи, чтобы убѣдить короля и окружавшихъ его лицъ. Въ концѣ-концовъ король уступилъ и здѣсь своему болѣе дальновидному министру, и Австрія въ результатъ войны потеряла только одну венеціанскую область, уступленную ею Италіи (кромѣ, конечно, своихъ правъ на Шлезвигъ и Голштинію; эти герцогства были переданы въ единоличное владѣніе Пруссіи). Зато Пруссія постаралась вознаградить себя за счетъ второстепенныхъ государствъ Германіи. Теперь, наконецъ, насталъ удобный случай для уни-

чтоженія чрезполосности прусскихъ земель, и Пруссія воспользовалась имъ въ полной мѣрѣ. Къ ней были цѣликомъ присоединены: Ганноверъ, Кургессенъ, Нассау, городъ Франкфуртъ-на-Майнѣ и нѣкоторыя болѣе мелкія территоріи (небольшія области въ Баваріи и въ Гессенъ-Дармштадтѣ). Вмѣстѣ съ Шлезвигомъ и Голштиніей это составляло около 1.300 квадр. миль и 4.300 тыс. населенія (до этихъ присоединеній въ Пруссіи было около 20 милл. населенія).

Побѣда была одержана, и Вильгельмъ I уже думалъ воспользоваться внѣшними успѣхами своего оружія для реакціоннаго поворота во внутренней политикѣ. Несмотря на весь его практическій смыслъ, его симпатіи всегда были на сторонѣ консерваторовъ, и онъ думалъ, что теперь, въ виду двухъ побѣдоносныхъ войнъ, общество не будетъ противодействовать усиленію королевской власти. Онъ не думалъ возвращаться къ чистому монархизму, но ему казалось, что теперь возможно измѣнить конституцію въ смыслѣ увеличенія правъ короны. Феодално-юнкерская партія ободряла его въ этомъ, и отъ нея къ нему даже была отправлена депутація съ просьбой пересмотрѣть конституцію. Но Бисмаркъ оказался гораздо дальновиднѣе и короля, и своихъ прежнихъ политическихъ друзей. Онъ зналъ, что повернуть на путь реакціи послѣ побѣдоносныхъ войнъ нетрудно; но ему ясно было и то, что реакціонная политика—плохое средство для достиженія германскаго единства, и что объединять Германію можно было только при поддержкѣ общества. Поэтому изъ удачной внѣшней политики онъ хотѣлъ сдѣлать совсѣмъ другое употребленіе, чѣмъ король, а именно—воспользоваться ею не для усиленія королевской власти, а для примиренія съ обществомъ. Онъ видѣлъ, что теперь прусское общество охотно проститъ ему его прежнюю автократическую политику, принявъ во вниманіе, къ какимъ блестящимъ результатамъ она привела; поэтому онъ сталъ убѣждать короля, чтобы тотъ обратился къ парламенту съ просьбой сложить съ министерства отвѣтственность за расходование денегъ, собранныхъ со страны безъ разрѣшенія палаты. Король послѣ долгихъ возраженій уступилъ и здѣсь, такъ какъ Бисмаркъ успѣлъ уже пріобрѣсти на него неограниченное вліяніе. Въ засѣданіи палаты Вильгельмъ произнесъ рѣчь, въ которой призналъ, что «государственные расходы за послѣдніе годы не имѣютъ того законнаго основанія, котораго требуетъ ст. 99 конституціи». Правда, король не выражалъ раскаянія въ безбюджетномъ управленіи страной, и, ссылаясь на жизненные интересы страны, заявлялъ, что, въ случаѣ повторенія прежнихъ обстоятельствъ, онъ вынужденъ былъ бы поступить попрежнему;

но было уже большой уступкой конституціонному режиму то, что король просилъ для своего правительства индемнитета за расходование неутвержденныхъ палатою налоговъ и самъ первый протягивалъ народнымъ представителямъ руку примиренія, выражая надежду, что «послѣднія событія будутъ содѣйствовать необходимому соглашенію», и что теперь «будетъ навсегда прекращенъ конфликтъ, продолжавшійся до сихъ поръ».

Палата охотно приняла протянутую ей руку примиренія. Еще до начала парламентской сессіи, въ которой король произнесъ свою знаменитую рѣчь, произошли новые выборы, на которыхъ прогрессисты потерпѣли поражение. Это было показателемъ настроенія страны и, главнымъ образомъ, конечно буржуазіи, которая теперь начинала понимать, какія перспективы для нея сулитъ энергичная политика Бисмарка. Даже многіе изъ тѣхъ депутатовъ, которые прошли въ палату подъ флагомъ прогрессистовъ, уже въ самой палатѣ перемѣнили свои взгляды. Заявивъ, что въ вопросахъ внутренней политики, они попрежнему остаются на почвѣ лойальной, но бдительной оппозиціи, эти депутаты рѣшили, однако, поддерживать внѣшнюю политику правительства Бисмарка. Таково было происхожденіе національ-либеральной партіи, которая съ этого времени на ряду съ Бисмаркомъ беретъ на себя роль повивальной бабки германскаго единства и освящаетъ именемъ либерализма политику націоналистическихъ стремленій. Къ ней примкнули либералы изъ вновь присоединенныхъ областей, и одинъ изъ нихъ—вождь ганноверской либеральной оппозиціи Беннигсенъ—даже сталъ лидеромъ этой партіи; кромѣ того въ ея составъ вошли и представители лѣваго центра изъ прежняго состава прусской палаты. Эта партія въ скоромъ времени стала настоящей опорой Бисмарка, и ей не пришлось, какъ мы увидимъ ниже, совсѣмъ примѣнять своей оппозиціи противъ правительства. Националистическія стремленія и объединительный энтузіазмъ уже очень рано перевѣсили въ ней либеральный духъ, и либеральный лозунгъ у этихъ «людей съ двумя душами» скоро стали декорацией, которой они лишь окружали свои выступления въ торжественныхъ случаяхъ. Они быстро сдали свои либеральныя позиціи во всѣхъ существенныхъ вопросахъ; зато они превосходно усвоили себѣ дѣловой духъ нѣмецкой буржуазіи и быстро поняли ея наиболѣе кровные интересы. Если у нѣмецкихъ прогрессистовъ 50-хъ и начала 60-хъ годовъ политическая идеология съ ея либеральными лозунгами часто заставляла ихъ забывать о реальныхъ интересахъ буржуазіи, то у національ-либераловъ всегда на первомъ планѣ стояли коммерческія тенденціи дѣловаго міра и въ угоду имъ они готовы были принести

въ жертву всякую идеологию. Это и сближало ихъ съ Бисмаркомъ, который такъ же, какъ и они, не считался ни съ какой идеологіей и вѣрилъ только въ силу и реальные интересы; это вообще должно было сдѣлать изъ нихъ опору реалистическаго царствованія Вильгельма, что очень скоро и случилось.

Заручившись поддержкой прусской палаты, Бисмаркъ твердыми шагами идетъ къ своей главной цѣли—германскому единству. Время для окончательнаго объединенія всей Германіи въ одно государство еще не пришло. Для этого нужно было пройти еще черезъ войну съ Франціей, ибо по основнымъ условіямъ мирнаго договора, выработаннымъ въ Парижѣ Наполеономъ и прусскимъ посланникомъ Гольцемъ, южно-германскія государства должны были составить отдѣльный союзъ. Франція, которая уже теперь, послѣ блестящихъ побѣдъ прусскаго оружія, начинала утрачивать свою гегемонію въ Западной Европѣ, отнюдь не хотѣла допускать дальнѣйшаго разрастанія прусскаго могущества. Сейчасъ же послѣ австро-прусской войны начинать новую войну Бисмаркъ еще не чувствовалъ себя готовымъ, и потому онъ принялся пока за частичное объединеніе Германіи.

Во исполненіе прежнихъ обѣщаній Бисмарка въ февралѣ 1867 г. на основѣ всеобщаго, равнаго и прямого избирательнаго права былъ созванъ Учредительный Рейхстагъ Сѣверо-Германскаго Союза, который и принялъ съ незначительными измѣненіями предложенную ему Бисмаркомъ конституцію. Предлагая рейхстагу свою конституцію, Бисмаркъ не хотѣлъ отказываться отъ двухъ вещей—отъ рѣшительнаго преобладанія Пруссіи надъ другими государствами, входившими въ составъ союза, и отъ столь же рѣшительнаго преобладанія власти президента Сѣверо-Германскаго Союза, которымъ долженъ былъ стать, конечно, прусскій король, надъ выбраннымъ на основѣ всеобщей подачи голосовъ рейхстагомъ.

Перваго достигнуть было нетрудно: въ тогдашней Пруссіи было 24 милл. населенія, а во всѣхъ остальныхъ 21 государствахъ, входившихъ въ составъ Сѣверо-Германскаго Союза, было только 6 милліоновъ; но и эти 6 милліоновъ не имѣли основаній жалѣть объ утратѣ ими независимости. Войско, международныя отношенія, таможни, косвенные налоги, желѣзныя дороги, почтово-телеграфное вѣдомство и монетное дѣло, санитарная организація—все это признано было необходимымъ передать въ руки союзныхъ учрежденій, и благодаря этому страна должна была получить и гораздо болѣе сильную, чѣмъ прежде, охрану извнѣ, и единые желѣзно-дорожные тарифы, и однообразные монеты и вѣсъ, и единое торговое законодательство, не говоря уже объ

установленномъ раньше таможенномъ единствѣ. Конечно, больше всего отъ этого выигрывали торгово-промышленные классы, и Бисмаркъ слишкомъ вѣрилъ въ силу коммерческихъ интересовъ для того, чтобы не знать, какимъ прочнымъ цементомъ, въ видѣ дѣловыхъ расчетовъ, онъ спаивалъ создаваемое имъ германское единство.

Другую цѣлью Бисмарка было создать преобладаніе авторитарной власти президента союза надъ собраніемъ народныхъ представителей. Поддержка общественнаго мнѣнія была для Бисмарка всегда только средствомъ для созданія германскаго единства и притомъ такимъ средствомъ, на которое онъ шель скрѣпя сердце, исканіе котораго противорѣчило его интимнымъ симпатіямъ феодала, и отъ котораго онъ надѣялся съ теченіемъ времени отдѣлаться. Поэтому, вводя всеобщее избирательное право въ создаваемомъ имъ Сѣверо-Германскомъ Союзѣ, онъ считалъ возможнымъ воспользоваться всѣми средствами, которыя, создавая для исполнительной власти видимость общественной поддержки, въ то же время развязывали бы ей руки для самостоятельной и независимой дѣятельности. Главнымъ изъ этихъ средствъ была обычная для Бисмарка политика разъединенія различныхъ общественныхъ классовъ. Демократіей Бисмаркъ хотѣлъ пользоваться противъ буржуазіи, а обоими этими классами противъ реакціонеровъ и консерваторовъ. Въ то, что народная масса сама по себѣ можетъ пріобрѣсти большое вліяніе въ политикѣ благодаря всеобщему избирательному праву, онъ рѣшительно не вѣрилъ; для него былъ въ глубокой степени убѣдительно примѣръ Наполеона, умѣвшаго очень искусно пользоваться демократическими лозунгами въ цѣляхъ авторитетной политики. Въ письмѣ къ графу Бернстрофу (прусскому послу въ Лондонѣ) онъ писалъ: «въ странѣ съ монархическими традиціями и лойяльными чувствами всеобщее избирательное право, устраняя вліяніе либеральныхъ буржуазныхъ классовъ, будетъ приводить и къ выборамъ въ монархическомъ духѣ... Въ Пруссіи $\frac{9}{10}$ народа вѣрны королю и лишь благодаря искусственному механизму выборовъ лишены возможности проявить свое мнѣніе». На всякій случай онъ, однако, настоялъ на безвозмездности депутатскаго званія, что должно было оттолкнуть отъ него людей неимущихъ, и пытался даже ввести и открытое голосованіе, въ чемъ, однако, встрѣтилъ настолько сильный отпоръ со стороны Учредительнаго Рейхстага, что предпочелъ уступить. Какъ бы то ни было, всеобщимъ избирательнымъ правомъ онъ надѣялся воспользоваться противъ буржуазіи, если послѣдняя попытается вести самостоятельную политику, какъ

это было въ эпоху конфликта. Что же касается до консерваторовъ, союзъ съ которыми для Бисмарка въ эпоху его объединительныхъ стремленій былъ рѣшительно неудобенъ, то онъ не сомнѣвался, что при всеобщемъ избирательномъ правѣ они не смогутъ пріобрѣсти преобладающаго значенія въ рейхстагѣ. Обезопасивъ себя, такимъ образомъ, всеобщимъ избирательнымъ правомъ отъ возможной оппозиціи со стороны самаго вліятельнаго, какъ онъ думалъ, общественнаго класса, Бисмаркъ боялся давать, однако, и рейхстагу въ цѣломъ слишкомъ много правъ. Исполнительная власть была освобождена отъ отвѣтственности передъ рейхстагомъ; законы, вотированные имъ, требовали еще утвержденія со стороны Союзнаго Совѣта (собранія представителей отъ правительствъ отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствъ) и президента Союза; за рейхстагомъ оставалось право законодательной инициативы, право запросовъ и право отклоненія бюджета и законовъ. Съ такими правами онъ, конечно, не могъ получить руководящаго значенія; главная роль въ Союзѣ отошла къ исполнительной власти, единственнымъ органомъ которой былъ союзный канцлеръ, и этимъ канцлеромъ, естественно, сталъ самъ Бисмаркъ. Бисмаркъ не хотѣлъ создавать должностей другихъ союзныхъ министровъ, кромѣ должности имперскаго канцлера, потому что иначе ему пришлось бы считаться съ мнѣніями его товарищей по министерству, чего онъ совсѣмъ не желалъ.

Фактически хозяиномъ Сѣверо-Германскаго Союза сталъ теперь Бисмаркъ. Парализуя слишкомъ самостоятельныя дѣйствія рейхстага властью Союзнаго Совѣта и президента, прибѣгая къ авторитету народнаго представительства въ тѣхъ случаяхъ, когда надо было убѣдить короля, пользуясь, кромѣ того, огромнымъ личнымъ вліяніемъ на Вильгельма I и не имѣя дѣла ни съ какими товарищами по власти, онъ велъ свою собственную политику, довершая созданіе германскаго единства. Но теперь эта политика находила себѣ уже горячее одобреніе въ рейхстагѣ. Рейхстагъ самъ пошелъ навстрѣчу ему. Преобладающее значеніе въ немъ получила національ-либеральная партія, и Бисмаркъ вполне сошелся съ ней въ высокой оцѣнкѣ технической культуры и экономической мощи. Только для Бисмарка развитіе техническихъ средствъ и экономическихъ силъ нужно было лишь какъ орудіе для дальнѣйшаго роста военныхъ силъ и для подъема международнаго значенія Германіи, и онъ никогда не отказывался отъ мысли оттолкнуть отъ себя поддержку либеральной буржуазіи, когда его конечная цѣль внѣшняго возвеличенія Пруссіи и Германіи будетъ достигнута и когда ему представится во всѣхъ отношеніяхъ безопасная

возможность вернуться въ родное ему по духу лоно феодально-консервативныхъ круговъ.

Пока же Бисмаркъ торопился закрѣпить свой союзъ съ національ-либералами и смѣло выкинулъ знамя полной экономической свободы. Были уничтожены повсюду цеховыя организаціи, монополіи и всякаго рода ограничительные регламенты; пали также и ограниченія относительно высоты процента. Денежное обращеніе было упрощено и установленъ явочный порядокъ для образованія акціонерныхъ обществъ. Усердно изыскивались новые торговые пути (прорытіе Сень-Готардскаго тоннеля) и оборудовывались новыя гавани. Сохранившіяся еще рѣчныя пошлины по Эльбѣ и Рейну были уничтожены. Чтобы обезпечить вновь возникавшія фабрики нужнымъ количествомъ рабочихъ, была установлена свобода передвиженія и повсемѣстнаго жительства, при чемъ былъ установленъ крайне дешевый желѣзно-дорожный тарифъ для пассажировъ четвертаго класса; паспортная система уничтожалась. Все это дѣлалось крайне быстро, съ какой-то лихорадочной поспѣшностью, какъ будто бы рейхстагъ и канцлеры спѣшили поскорѣе навестать прежде даромъ потраченное время. Результаты не заставили себя ждать, и уже въ этотъ короткій промежутокъ существованія Сѣверо-Германскаго Союза обнаружился значительный ростъ прусской текстильной, красильной, добывающей и орудейной промышленности. Зато во всемъ томъ, что не касалось торгово-промышленнаго процвѣтанія Германіи, ни Бисмаркъ, ни рейхстагъ не торопились. Никакихъ серьезныхъ внутреннихъ реформъ произведено не было, дворянство попрежнему оставалось хозяиномъ на мѣстахъ, чиновничество попрежнему во все вмѣшивалось и своею придирчивостью вызывало жалобы населенія, тяжесть финансоваго обложенія еще больше увеличилась, такъ какъ войны и великодержавная политика, на путь которой становился Сѣверо-Германскій Союзъ, требовали большихъ расходовъ. Къ демократіи, съ которой Бисмаркъ заигрывалъ въ эпоху конфликта, онъ теперь все опредѣленнѣе поворачивался спиною, такъ какъ для него все болѣе выяснялась прочность его союза съ національ-либералами и онъ не имѣлъ уже нужды въ поддержкѣ демократическихъ массъ для борьбы съ буржуазной оппозиціей, которую онъ прежде считалъ возможной.

В. Перцевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

50-лѣтіе начала крестьянской реформы въ Закавказьѣ.

(1864—1914 гг.).

13 октября 1864 г. были утверждены дополнительныя правила къ Положенію 19 февраля 1861 г., или Мѣстное Положеніе, которымъ упразднялось въ Тифлисской губерніи крѣпостное право.

8 ноября 1864 г. состоялось торжественное объявленіе воли, въ присутствіи властей, духовенства, представителей дворянства и крестьянъ, во всѣхъ уѣздныхъ городахъ Тифлисской губерніи.

Мѣстное Положеніе 13 октября 1864 г., изданное для Тифлисской губ., послужило началомъ для раскрѣпощенія крестьянскаго населенія на всемъ Закавказьѣ; это же положеніе послужило основаніемъ, съ незначительными измѣненіями, сообразно съ мѣстными условіями, для другихъ губерній края. Такъ, крѣпостное право было уничтожено въ 1865 г. въ Кутаисской губ.; въ 1866 г.—Мингреліи, Сванетіи, Самурзакани, Сухумскомъ отдѣлѣ и, наконецъ, въ 1870 г., съ изданіемъ Поселянскаго Положенія, были упразднены зависимыя сословія въ мусульманскихъ провинціяхъ Закавказья. Мѣстныя положенія, изданныя для названныхъ губерній и областей, находятся въ непосредственной связи съ основнымъ Положеніемъ 13 октября 1864 г., которое каждый разъ подвергалось незначительнымъ измѣненіямъ и дополненіямъ, по мѣрѣ того, какъ того требовали мѣстныя условія, какъ чисто географическаго, такъ равно историческаго характера.

Въ свою очередь, Положеніе 13 октября 1864 г. является примѣненіемъ и приспособленіемъ общихъ началъ Положенія 19 февраля 1861 г. къ условіямъ Тифлисской губ.

Крестьянская реформа въ Закавказьѣ, особенно въ Грузіи, не была неожиданностью. Она непосредственно вытекала изъ той политики, которую проводило русское правительство въ крестьянскомъ вопросѣ въ теченіе ста лѣтъ со времени своего

водворенія въ краѣ. Русское правительство старалось распространить на грузинское крѣпостное населеніе дѣйствующіе внутри имперіи законы и практику, имѣющую отношеніе къ крѣпостному населенію; грузинское крѣпостное населеніе въ теченіе XIX в. управлялось на основаніи русскихъ законовъ о крѣпостномъ населеніи. Если были исключенія, если среди грузинскаго крѣпостного населенія дѣйствовали мѣстныя обычныя нормы, то онѣ имѣли значеніе въ сравнительно узкой сферѣ поземельныхъ, повинностныхъ отношеній, въ тѣхъ именно отношеніяхъ, которыя возникли на почвѣ пользованія крестьянскимъ трудомъ и его достояніемъ, распоряженіе которыми обусловливалось поземельнымъ правомъ. Въ теченіе почти цѣлаго столѣтія, особенно въ послѣднія 50 лѣтъ, русская власть старалась приспособить нормы русскаго закона къ условіямъ жизни закавказскаго крестьянства, но не всегда это приспособленіе сопровождалось должнымъ изученіемъ и вниманіемъ къ той новой сферѣ, куда переносился русскій законъ, слѣдствіемъ чего являлись печальныя послѣдствія и недоразумѣнія.

Реформа 1864 г. увѣнчала дѣятельность русской власти въ отношеніи къ крѣпостному населенію. Основныя положенія законодательныхъ актовъ 19 февраля 1861 г. во всей своей полнотѣ и цѣлости были перенесены въ Мѣстное Положеніе для Тифлисской губ., и составители проекта Мѣстнаго Положенія строили проектъ даже съ чисто виѣшней редакціонной стороны по аналогіи съ общимъ Положеніемъ 19 февраля 1861 г.

25 марта 1861 г. намѣстникъ Кавказа кн. А. И. Барятинскій вызвалъ въ Тифлисъ предводителей дворянства, вмѣстѣ съ «нѣкоторыми изъ первѣйшихъ дворянъ» для сужденія о примѣненіи къ Тифлисской губерніи крестьянскаго положенія, изданнаго для внутреннихъ губерній имперіи, и просилъ приступить «къ пріуготовительнымъ мѣрамъ по устройству быта здѣшнихъ помѣщичьихъ крестьянъ». Весьма характерно, что ни административныя власти, ни помѣщики не говорили на первыхъ порахъ объ освобожденіи крестьянъ, всѣ старательно избѣгали этихъ словъ и упорно твердили лишь объ «устройствѣ быта крестьянъ».

Въ цѣляхъ привлеченія дворянъ губерніи къ предварительной работѣ по выработкѣ проекта рѣшено было образовать *дворянскіе комитеты* въ тѣхъ уѣздахъ губерніи, въ которыхъ были крѣпостные крестьяне; уѣздные комитеты первоначально проектировались изъ 5 членовъ, избранныхъ уѣзднымъ дворянствомъ подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства. Уѣздные комитеты, главнымъ образомъ, должны были заняться обсужденіемъ способовъ «устройства ихъ (крестьянъ) сообразно мѣст-

нымъ особенностямъ», «самыя полныя, вѣрныя и положительныя данныя объ отношеніяхъ личныхъ и по имуществу существующихъ въ настоящее время между помѣщиками и крестьянами», собранныя уѣздными комитетами, должны были послужить «для установленія на будущее время отношеній между ними, которыя должны основываться на свободной волѣ обѣихъ сторонъ и на обоюдныхъ выгодахъ помѣщика и крестьянина, а не на произволѣ и выгодѣ одной только стороны». Но дворянство предпочло обсуждать проектъ реформы не въ комитетахъ, а въ общихъ дворянскихъ сѣздахъ по уѣздамъ.

Для руководства и направленія всего дѣла реформы въ Тифлисѣ при Главномъ Управленіи Намѣстника былъ организованъ *Закавказскій Комитетъ по устройству помѣщичьихъ крестьянъ*, во главѣ котораго сталъ ст. секр. А. Θ. Крузенштернъ, а съ сентября 1863 г. бар. А. П. Николаи, который и принялъ главное руководство имъ до конца реформы.

Полуѣздные дворянскіе сѣзды къ веснѣ 1862 г. успѣли намѣтить кое-какія положенія будущей реформы, но для согласенія мнѣній сѣздовъ уѣзднаго дворянства было рѣшено созвать обще-дворянскій сѣздъ; онъ намѣревался: 1) «разсмотрѣть частные проекты, представленные по уѣздамъ», 2) «установить основанія, на которыхъ могло совершиться *освобожденіе* крестьянъ отъ помѣщичьей зависимости», 3) «избрать уполномоченныхъ для развитія сихъ основъ и составленія самаго проекта положенія»; сѣздъ былъ разрѣшенъ на 20 апрѣля 1862 г. Первый дворянскій общегубернскій сѣздъ выбралъ въ качествѣ уполномоченнаго Д. И. Кипіани, которому было поручено, на основаніи матеріаловъ уѣздныхъ дворянскихъ сѣздовъ, составить дворянскій проектъ реформы. Въ маѣ 1863 г., т.-е. черезъ годъ, Д. И. Кипіани новому общему сѣзду дворянъ губерніи представилъ проектъ реформы, который встрѣтилъ полное одобреніе значительнѣйшей части дворянъ—539 человекъ; лишь 16 человекъ возражали противъ частныхъ проекта.

Д. И. Кипіани явился выразителемъ дворянскихъ чаяній; какъ уѣздное дворянство, такъ и общегубернскій сѣздъ самымъ рѣшительнымъ образомъ отстаивали идею безземельнаго освобожденія крестьянъ и проектировали даровать имъ только личную свободу; для поземельнаго ихъ устройства предлагалось перевести крестьянъ на положеніе арендаторовъ помѣщичьихъ земель съ предоставленіемъ крестьянамъ вступать съ помѣщиками въ арендныя соглашенія. Въ рѣчи, обращенной къ обще-дворянскому сѣзду, Д. И. Кипіани очень выпукло выразилъ дворянскія пожеланія: «въ одномъ старинномъ зданіи,—говорилъ

ораторъ,—помѣщалось съ давнихъ временъ семейство древняго почетнаго рода, и жили члены этого семейства хотя бѣдно, но успокоенные нѣкоторымъ образомъ отъ различныхъ переворотовъ судьбы. Въ ожиданіи еще лучшихъ временъ слышали они вдругъ отъ архитекторовъ, что надобно немедленно выбираться изъ зданія, а не то оно можетъ обрушиться надъ ними. Прошло еще нѣсколько времени, и то здѣсь послышался трескъ стѣны, то тамъ признаки разрушенія стали появляться чаще и чаще, и тогда уже убѣдились, что въ самомъ дѣлѣ нужно было выбираться, иначе дѣйствительно угрожала опасность. Куда бы преклонить голову—не вѣдали, но стали выбираться въ надеждѣ, что Богъ и Государь не отринуть уповающихъ». Дворяне были испуганы стихійнымъ бѣдствіемъ, нагрянувшимъ съ такой силой, они были встревожены, что *«разрушается... крѣпостное право»*; не вѣря, что такой прочный институтъ будетъ упраздненъ, дворяне окончательно удостовѣрились *«изъ положительныхъ свѣдѣній, получавшихся изъ Россіи, что дѣло это дѣйствительно доходитъ до насъ»*; дворяне очень избѣгали касаться этого вопроса, *«постоянно избѣгали письменнаго выраженія мыслей, не довѣряя даже другъ другу въ этой общей бѣдѣ»*, но тѣмъ не менѣе *«пріучили мысли свои къ этому неожиданному и весьма прискорбному дѣлу и стали всѣ одинаково заботиться о наилучшемъ его исходѣ»*. Однако, видя неизбѣжность и неотвратимость реформы, дворянство рѣшилось примириться съ нею и *«какъ прилично первенцамъ Грузіи, наслѣдовавшимъ добродѣтели временъ героическихъ и питающихъ чувства воиновъ рыцарей, такъ подѣ Богомъ, безъ страха и торопливости, взглянули мы на дѣло, ничего, казалось, кромѣ бѣдствій, не предвѣщавшее намъ и нашему потомству. Что же вышло? Вышло то, что ни одного изъ бывшихъ въ обществѣ собраніи грузинскихъ помѣщиковъ не могло увлечь ни негодование временное, или неудовольствіе какое-либо, ни эгоизмъ, или влеченіе къ личнымъ интересамъ, ни страхъ невѣдомаго будущаго, ни, наконецъ, скажемъ и то, наша необразованность и непросвѣщенность, и когда разсмотрѣли дѣло всѣ вмѣстѣ, какъ два или три любящихъ и уважающихъ другъ друга брата, сказали мы въ одинъ голосъ: даруемъ свободу крестьянамъ нашимъ! Да скажетъ же кто-нибудь изъ ученыхъ и просвѣщенныхъ, въ какой просвѣщенной странѣ рѣшено дѣло это съ большимъ спокойствіемъ и съ большимъ достоинствомъ! И какое дѣло! Взгляните же ближе на это дѣло»*.

Несмотря на такія широковѣщательныя заявленія, дворяне, когда дошло дѣло до выработки основъ проекта, стали отстаивать самыя крѣпостническія тенденціи. Дворянство примирилось съ

мыслью о необходимости дарованія свободы крестьянамъ, оно охотно соглашалось даровать крестьянамъ личную свободу; но такъ какъ съ освобожденіемъ крестьянъ помѣщики оставались безъ даровыхъ рабочихъ рукъ, то они рѣшительно настаивали на выдачѣ имъ денежнаго вознагражденія изъ средствъ казны. Громаднѣйшая часть дворянства самымъ рѣшительнымъ образомъ возстала противъ земельного надѣленія; «удѣлять имъ земли въ собственность считаютъ рѣшительно невозможнымъ»; аргументы въ пользу такого рѣшенія двоякаго характера: одни изъ нихъ имѣютъ чисто моральное значеніе, другіе—характера экономическаго; дворяне утверждали: «гдѣ земли будутъ принадлежать крестьянамъ, тамъ помѣщику невозможно будетъ жить, и все, ему принадлежащее, подвергнется разоренію»; «земля есть собственность помѣщика, и распоряженіе ею должно зависѣть отъ него», если же земли будутъ предоставлены крестьянамъ въ собственность, то «владѣльцамъ останется пуститься въ путь по волѣ судьбы и съ посохомъ странника искать себѣ хлѣбъ для существованія». Наиболѣе разумное рѣшеніе, справедливое для обѣихъ сторонъ, по мнѣнію помѣщиковъ, будетъ слѣдующее: освобождаемые отъ крѣпостной зависимости крестьяне освобождаются отъ личныхъ повинностей, земельныя угодья, лѣса, пастбища, находящіеся въ пользованіи крестьянъ, остаются и впредь въ крестьянскихъ рукахъ съ обязательнымъ отбываніемъ всѣхъ существующихъ повинностей, установленныхъ обычаемъ; но такой порядокъ сохраняется лишь до условленнаго времени; это мѣра временная; окончательнымъ рѣшеніемъ, завершающимъ реформу, долженъ явиться переводъ крѣпостныхъ на положеніе вѣчно-наслѣдственныхъ арендаторовъ; для такого устроенія дворяне нашли и подходящий институтъ, существовавшій съ давнихъ поръ—*хизанство*; временно-обязательныя отношенія проектировались на разные сроки отъ 1 до 12 лѣтъ. Помѣщики отлично понимаютъ, что реформа крѣпостныхъ отношеній есть «требованіе времени», которое не можетъ обойтись безъ «жертвъ», но они не могутъ допустить, чтобы «на общепользное дѣло жертва могла требоваться не отъ всего общества, а отъ одного лишь класса въ немъ»; «трудъ крестьянина не что иное, какъ извѣстный процентъ на капиталъ», слѣдовательно, «въ правѣ на трудъ крестьянина виновны не владѣльцы, а законы, допустившіе это право», наконецъ, дворянство убѣждено, что *«освобожденіе крестьянъ требуется не въ видахъ пользы владѣльцевъ, а въ видахъ пользы государства»*.

Предоставляя личную свободу крестьянамъ, дворяне и за это просятъ вознагражденія; правда, они заявляютъ, что «при-

скорбно,... больно для чувствъ,... тяжело для вѣковаго званія,... что, даря крестьянамъ свободу,... пятнаемъ это священное дѣло просьбою о денежномъ содѣйствіи».

Тифлисское дворянство въ цѣломъ слишкомъ далеко стояло отъ эмансипаціонныхъ идей, оно, въ большой паникѣ и страхѣ отъ неизбежности реформы, стало отстаивать интересы только личные и матеріальныя, и никакихъ идеальныхъ порывовъ и строгой логической послѣдовательности нельзя искать въ ихъ поступкахъ и дѣйствіяхъ.

Предварительная подготовка проекта реформы въ дворянскихъ кругахъ заняла очень много времени; дворянство особенно не спѣшило со своимъ проектомъ, и только въ декабрѣ 1863 г. закавказскій центральный комитетъ приступилъ къ детальному обсужденію дворянскаго проекта.

Закавказскій центральный комитетъ рѣзко разошелся съ дворянскимъ проектомъ. Приглашенные въ комитетъ эксперты отъ дворянъ предприняли послѣднюю попытку для спасенія основныхъ положеній проекта. Закавказскій комитетъ отвергъ проектъ безземельнаго освобожденія, какъ несогласный съ основами Положенія 19 февраля 1861 г., и принялъ обязательность земельного надѣла крестьянъ съ возложеніемъ на крестьянъ обязанности несенія повинностей съ переходомъ во временно-обязательное отношеніе, т.-е. перенесъ въ Закавказье цѣликомъ нормы общеимперскаго положенія.

Въ сентябрѣ 1864 г. окончательный проектъ мѣстнаго положенія для Тифлисской губерніи былъ препровожденъ въ Кавказскій Комитетъ, который имѣлъ сужденія совмѣстно съ Главнымъ Комитетомъ объ устройствѣ сельскаго населенія; названные комитеты нашли, что Закавказскій Комитетъ «неуклонно стремился къ тому, чтобы крестьянская реформа въ Тифлисской губерніи была совершена на тѣхъ же главныхъ началахъ, *какія для сего были приняты въ Россіи, и цѣль эта вполне достигнута* Комитетомъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, *гдѣ мѣстныя особенности не полагали этому преградъ*»; соединенные комитеты, произведя много поправокъ, дополнили и одобрили проектъ центрального комитета, который получилъ законодательную санкцію 13 октября 1864 г.

При внимательномъ анализѣ Мѣстнаго Положенія можно отмѣтить, что отступленія отъ общихъ нормъ законовъ 19 февраля 1861 г. не столь многочисленны. Отступленія, по преимуществу, коснулись укрѣпленія за крестьянами ихъ имущественныхъ пріобрѣтеній, произведенныхъ за время крѣпостного права, сохраненія обычныхъ формъ и принциповъ отбыванія повинно-

стей и пользованія угодьями; отступленія были допущены также въ устройствѣ крестьянскихъ учреждений. Закавказскій Комитетъ отказался отъ устройства сельскаго и волостного управленія; изъ крестьянскихъ учреждений онъ сохранилъ институтъ мировыхъ посредниковъ и губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, но исключилъ вторую инстанцію—сѣздъ мировыхъ посредниковъ.

По даннымъ камеральнаго описанія 1860 и 1861 г.г., въ Тифлисской губерніи числилось 1.751 помѣщиковъ, изъ нихъ владѣющихъ населенными землями 1.537, и 214, т.-е. 14%, владѣющихъ одними крѣпостными безъ земли; значительная часть помѣщичьихъ владѣній была мелкаго типа; крестьянскихъ домовъ числилось 16.388, проживающихъ въ уѣздахъ и округахъ. Это было населеніе чисто земледѣльческое, оброчныхъ же городскихъ числилось 873, т.-е. 5%; наконецъ, 4.685 домовъ, или 27% всего земледѣльческаго населенія, одновременно состояло въ крѣпостной зависимости отъ своихъ помѣщиковъ и арендаторами наслѣдственного типа постороннихъ земель; такое положеніе вытекало изъ необезпеченности крѣпостного крестьянскаго земельного довольствія. Земельная скудость и матеріальная необезпеченность вынуждали 32% крестьянскаго населенія уходить изъ помѣщичьихъ усадебъ и искать на сторонѣ средствъ существованія, оставаясь въ то же время въ тискахъ крѣпостной зависимости; иначе говоря, $\frac{1}{3}$ крѣпостного населенія, помимо бремени крѣпостныхъ узъ, не была совершенно обезпечена землей.

Все наличное количество крестьянскихъ дымовъ размѣщалось въ 3.242 отдѣльныхъ помѣщичьихъ владѣніяхъ. Слѣдовательно, на одно помѣщичье владѣніе приходилось по 5 дымовъ крестьянъ или въ среднемъ по 37 душъ обоего пола.

Согласно мѣстному положенію для Тифлисской губерніи, крестьяне, получая высшій размѣръ подымнаго полевого участка, получали въ поливныхъ поляхъ на дымъ 10-дневное паханіе, т.-е. 5 дес., а въ неполивныхъ 20-дневное паханіе, или 10 дес.; излишекъ сверхъ этой нормы составлялъ полную собственность помѣщика. Но въ нѣкоторыхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ крестьянскіе дымы не получили земли и по этой нормѣ; такъ, 1.334 дыма не получили совсѣмъ надѣла, 386 не получили усадебной земли, изъ общаго количества 14.230 дымовъ въ 1864 г. 1.830 дымовъ, или 13%, не получили земельного обезпеченія; такимъ образомъ, въ самый начальный періодъ раскрѣпощенія крестьянскаго населенія было положено начало образованія малоземельнаго и безземельнаго пролетаріата, и тѣмъ былъ заложенъ ферментъ для постояннаго броженія и общественнаго неурядства. Въ до-

реформенное время на долю одного крестьянскаго дыма приходилось около 6 дес. (5,9 дес.). При надѣленіи крестьянъ за ними цѣликомъ сохранили виноградники и усадьбы—7.049 дес., а изъ пахотныхъ земель оставлена за крестьянами только часть—23.376 дес. поливныхъ и 25.254 дес. неполивныхъ, всего пахотныхъ земель 55.679 дес., слѣдовательно, крестьяне потеряли 84.665—55.679—28.986 дес., подымное надѣленіе крестьянъ опустилось до 3,9 дес. вмѣсто дореформенной нормы 5,9 дес.; на ѣдока въ среднемъ приходилось въ начальный моментъ реформы менѣ половины десятины.

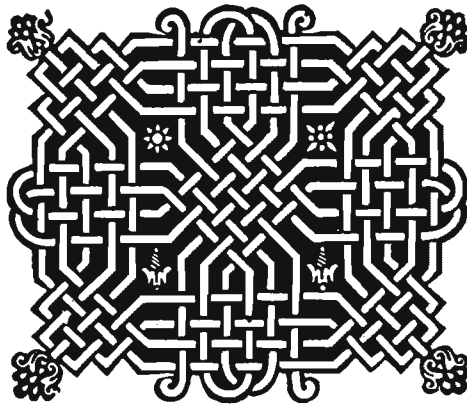
Еще болѣе пострадали крестьянскіе интересы при рѣшеніи двухъ важныхъ статей: лѣса не поступили въ составъ крестьянскаго надѣла, крестьяне получили лишь право пользоваться необходимымъ лѣснымъ матеріаломъ изъ помѣщичьихъ лѣсовъ въ теченіе первыхъ 9 лѣтъ обязательнаго держанія надѣловъ, но за плату; право же пользованія выгонами и пастбищами оставлено въ порядкѣ, установившемся обычаемъ, что при новыхъ правовыхъ отношеніяхъ не сулило возможности мирнаго и спокойнаго пользованія ими, когда помѣщикъ сохранялъ право эксплуатаціи пастбищъ и выгоновъ въ любое время.

Наконецъ, новые размѣры повинностей и платежей усугубили тяжесть малоземельнаго крестьянства; мѣстное положеніе установило однообразную повинность съ земныхъ произведеній въ размѣрѣ $\frac{1}{4}$, или 25% урожая; эта норма платежей увеличила прежніе дореформенные размѣры; повинность съ полевыхъ угодій почти удвоилась, повинность за виноградные сады возросла противъ прежней нормы не въ большей мѣрѣ, но все же чувствительно; такимъ образомъ, крестьянство Тифлисской губерніи понесло съ реформой двойную потерю: лишившись значительной части земель, оно должно было нести въ общей совокупности за меньшее количество поземельныхъ угодій почти двойную сумму повинностей. Если къ этому прибавить возложенную на крестьянъ плату за пользованіе лѣсными матеріалами, да плату въ $\frac{1}{3}$ за пользованіе сѣнокосными угодьями, то очевиднымъ станетъ, что крестьянскія повинности болѣе чѣмъ удвоились.

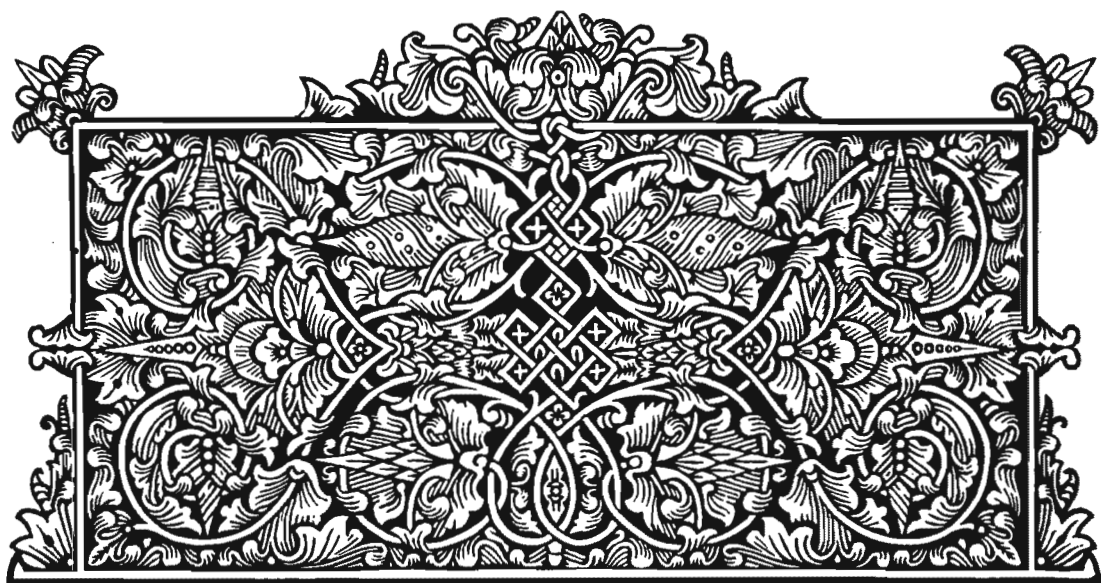
На крестьянъ Тифлисской губерніи распространили дѣйствіе выкупной операціи въ 1868 г., но наказъ о выкупѣ содержитъ въ себѣ нѣсколько такихъ неудовлетворительныхъ пунктовъ, что, благодаря имъ, все значеніе правительственнаго содѣйствія было сведено къ незначительнымъ послѣдствіямъ. Выкупу не подлежали наиболѣе цѣнные части крестьянскихъ надѣловъ, т.-е. виноградники, не подлежали выкупу выгоны и мѣста для пастбы скота до составленія для этого рода угодій особыхъ правилъ; при такихъ

условіяхъ выкупа крестьянскій надѣлъ разстраивался, и крестьянское хозяйство экономически теряло все свое значеніе, такъ какъ исключеніе виноградниковъ, какъ наиболѣе доходныхъ частей надѣла, ничѣмъ не компенсировалось; размѣръ же правительственной ссуды за выкупаемыя земельныя угодія, сравнительно съ земельными цѣнами въ губерніи, былъ настолько незначителенъ, что крестьянину не было выгодно вступать въ долгосрочныя обязательства. Въ самомъ дѣлѣ, правительственная ссуда на дымъ не могла быть болѣе 350 р. и менѣе 250 р.; при такомъ содѣйствіи въ Горійскомъ уѣздѣ крестьянская доплата равнялась 400 р., т.-е. въ среднемъ въ губерніи крестьянская доплата составляла 50% правительственной ссуды; наконецъ, выкупъ земельныхъ угодій всецѣло зависѣлъ отъ согласія помѣщика. Такимъ образомъ, хотя реформа и даровала крестьянамъ личную свободу, но въ отношеніи экономического положенія они очень много потеряли, будучи поставлены на путь полнѣйшей пролетаризаціи ¹⁾).

С. Аваліани.

¹⁾ Подробнѣе въ моемъ изслѣдованіи: «Крестьянскій вопросъ въ Закавказьѣ», т.т. I—III, Од., 1912—1914 г.; «Очерки по крестьянскому вопросу въ Закавказьѣ», Од., 1913 г.

Корпусное воспитаніе при императорѣ Николаѣ I ¹⁾:

На склонѣ дней я взялся за перо, чтобы записать, что припомню изъ далекаго прошлаго. Хотѣлось, хотя въ воспоминаніяхъ, пережить безвозвратно минувшее.

Отецъ мой Алексѣй Евграфовичъ, уроженецъ Устюженскаго уѣзда Новгородской губерніи, воспитывался въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, былъ произведенъ въ офицеры въ 1807 г. и служилъ въ нѣсколькихъ кавалерійскихъ полкахъ; въ 1810 г., въ Турецкую войну, тяжело раненый въ плечо, послѣ годичной болѣзни, вышелъ въ отставку и поселился у дѣда моего въ деревнѣ. Пребываніе въ родительскомъ домѣ было, кажется, не изъ пріятныхъ; онъ былъ красивъ, говорили, что къ нему очень шель уланскій мундиръ, а потому для всякаго гостя дѣдъ заставлялъ его одѣваться въ полную форму, что для раненаго было не легко. Какъ-то разъ отецъ, отговариваясь болью въ ранѣ, отказался исполнить капризъ дѣда, который до того разсердился, что, схвативъ пистолетъ, погнался за нимъ; къ счастью, отецъ успѣлъ выбѣжать на дворъ и спрятаться.

Въ годъ отечественной войны отецъ вновь вступилъ въ службу

¹⁾ Авторъ воспоминаній, Леонидъ Алексѣевичъ Ушаковъ (1827—1897), — одинъ изъ старѣйшихъ земскихъ дѣятелей: состоялъ гласнымъ Бѣжецкаго уѣзднаго и Тверскаго губернскаго земскаго собранія съ 1865 г. до конца дней своихъ. Въ первые двѣнадцать лѣтъ дѣятельности земствъ (1865—1877) былъ членомъ губернской земской управы. *Ред.*

въ 1-й Волонтерный Ехонтова полкъ; въ 13-мъ году онъ былъ въ партизанахъ у знаменитаго Фигнера. Въ дневникѣ отца, между прочимъ, занесены замѣчательныя дѣйствія отряда Фигнера послѣ Бауценскаго сраженія и безчеловѣчная расправа Фигнера съ плѣнными французами. «Изъ мѣстечка Гольцберга,—записано у отца,—13 мая мы пошли въ тылъ непріятельской арміи и находились часто среди непріятеля. Маршалъ Викторъ, открывъ отрядъ, не могъ себѣ представить, какъ могли русскіе зайти въ тылъ французской арміи, когда сами отступаютъ, и, принявъ отрядъ Фигнера за авангардъ австрійцевъ, поспѣшно отступилъ со всѣмъ корпусомъ. 17-го взято было въ плѣнъ до 100 человѣкъ французовъ, нѣмцевъ, испанцевъ и итальянцевъ; французы были разстрѣляны; 18-го были открыты стоявшія недалеко отъ одного селенія двѣ французскія артиллерійскія роты, не выдержавшія атаки и сдавшіяся въ плѣнъ; французы опять были разстрѣляны, а изъ остальныхъ плѣнныхъ образованъ иностранный легіонъ. Всѣ офицеры отряда возмущались жестокостію Фигнера, который и самъ скоро погибъ, бросившись въ р. Эльторъ, когда французы, не предупредивъ насъ объ окончаніи перемирія, атаковали его отрядъ».

Л. А. Ушаковъ.

Въ 1816 г. отецъ женился на С. Н. Вельяминовой-Зерновой и вышелъ вторично въ отставку съ пенсіей въ 1200 р. ас.

Я родился въ г. Ржевѣ, Тверской губ., 19-го февраля 1827 г. и былъ младшимъ изъ оставшихся въ живыхъ четверыхъ братьевъ, а потому, какъ говорили, былъ любимцемъ и баловнемъ. Послѣ крестинъ меня отправили въ деревню съ бабушкой Е. А. Извѣковой; первое мое путешествіе было неудачно, на насъ напали волки, и бабушка такъ испугалась, что съ того времени постоянно тряслась.

С. Ѳедейково, Зубцовскаго уѣзда, гдѣ я провелъ раннее дѣтство, стояло на лѣвомъ берегу Осуги. Хорошо помню нашъ деревянный подъ красною крышею домъ, съ мезониномъ и большими колоннами по фасаду, и старинный садъ съ липовыми аллеями, круто опускавшимися къ тремъ прудамъ, выкопаннымъ по берегу рѣки.

По другую сторону дома былъ чистый дворъ, средину котораго занималъ большой цвѣтникъ. По сторонамъ двора стояли

кухня, флигеля и другія службы; въ людской жила старуха Устинья, несмотря на свой столѣтній возрастъ, исполнявшая какую-то должность. Нашъ домъ походилъ на всѣ помѣщичьи дома средней руки: крыльцо вело въ обширныя сѣни; въ передней по стѣнамъ стояли лари, на которыхъ спало, шило и вязало чулки лакейство; изъ передней одна дверь вела въ коридоръ, а другая въ залъ. Коридоръ выходилъ въ столовую, изъ которой чрезъ дѣвичью былъ выходъ въ дѣвичьи сѣни; по одну сторону коридора расположены были парадныя комнаты: залъ, гостиная и диванная, а по другую—кабинетъ отца и спальня. Изъ столовой стеклянная дверь вела на лѣстницу, приводившую въ мезонинъ; послѣдній состоялъ изъ двухъ комнатъ: одну съ перегородкой занимала бабушка, а другая была дѣтской. Стѣны комнатъ были оклеены простой бумагой и окрашены разными колерами. Потолки были оштукатурены и расписаны букетами и гирляндами цвѣтовъ подъ трафаретъ. Рамы въ окнахъ были подъемныя. Мебель вообще была незатѣйлива и большею частію состояла изъ турецкихъ дивановъ. Въ залѣ и столовой стояли березовые стулья съ плетенками, и только въ кабинетѣ секретеръ и письменный столъ были краснаго дерева. На столѣ въ величайшемъ порядкѣ были разложены, кромѣ письменныхъ принадлежностей, множество разныхъ вещицъ; тутъ же, какъ реликвія, на пьедесталѣ подъ колпакомъ помѣщалась вырѣзанная изъ картона, въ $\frac{3}{4}$ оборота, чрезвычайно схожая фигура имп. Александра I, у подножія которой лежали ордена отца. По дѣтскому любопытству мы часто брали въ руки ту или другую вещь со стола и хотя потомъ старались опять положить ее такъ же, какъ она лежала, но глазъ отца тотчасъ замѣчалъ, что на столѣ у него кто-нибудь хозяйничалъ, затѣмъ слѣдовало общее внушеніе, что благовоспитанныя дѣти не должны прикасаться ни къ чему чужому. Еще строже относился онъ къ виновному, тронувшему что-нибудь изъ оружія, висѣвшаго въ образцовомъ порядкѣ на стѣнѣ, въ рамѣ. На одномъ изъ дверныхъ косяковъ отецъ отъ времени до времени отмѣчалъ нашъ ростъ.

Въ кабинетѣ же часто играли въ вистъ; мнѣ позволялось сидѣть возлѣ игравшихъ, чѣмъ я и пользовался. Скоро, однако же, надоѣдало мельканіе картъ, меня начиналъ клонить сонъ, и я отъ стола переходилъ на коверъ къ Гиду, лягавой собакѣ отца, и сладко засыпалъ, пока не приходили за мной, чтобы отвести въ дѣтскую. Братья съ учителемъ жили въ одномъ изъ флигелей. Изъ учителей я помню двухъ: Ѳ. И. Рафа, высокаго краснолицаго нѣмца, отъ котораго я впервые услышалъ русскую рѣчь на нѣмецкій ладъ и который исправно выпивалъ, за что, наконецъ, былъ уволенъ.

На его мѣсто поступилъ А. П. Лебедевъ, котораго братья очень любили. Не знаю, велики ли были успѣхи братьевъ съ этими педагогами, но старшій братъ мой былъ принятъ въ московскій университетскій пансіонъ.

Я засыпалъ, какъ и большинство дѣтей нашего времени, подъ монотонный припѣвъ или сказку няни, а открывалъ глаза подъ добродушный упрекъ, что долго заспался. Будила меня часто и бабушка, особенно наблюдавшая за моей молитвой.

Отецъ мой считался между сосѣдями хорошимъ хозяиномъ, но усердно посѣщая конный дворъ, не знаю, заглядывалъ ли когда на скотный. По вечерамъ онъ обыкновенно долго бесѣдовалъ со старостой. Василій, высокій, худощавый мужикъ, съ добродушнымъ лицомъ, небольшими смѣявшимися глазками, въ сѣромъ кафтанѣ, съ тавлинкою за голенищемъ, становился у двери, вынималъ изъ-подъ мышки бирку за биркой и, прищуриваясь на зарѣзки, мѣрно выкрикивалъ, пока не отдавалъ полнаго дневного отчета: что сработано въ полѣ и что выдано изъ амбара. Утромъ, еще до чая, отецъ объѣзжалъ поля верхомъ или на бѣговыхъ дрожкахъ; на дрожкахъ онъ часто сажалъ спереди меня и къ величайшему удовольствію позволялъ держаться за вожжи. Матушка также постоянно хлопотала по хозяйству, заглядывала безпрестанно то на кухню, то въ кладовыя, переполненныя разнаго рода посудой, пуховиками, подушками, тальками, льняными кругами и всякимъ добромъ.

Бабушкины комнаты были наполнены сушившимися травками, бутылками съ наливками и уксусами всевозможныхъ сортовъ, отъ чего на всемъ верху былъ особый запахъ, который мнѣ нравился, вѣроятно, по привычкѣ.

Съ ближайшими сосѣдями Извъковыми, Фишевыми и Басовыми мы видались чуть ли не каждый день. Въ торжественные дни, когда съѣзжалось немало гостей, дамы занимали позицію обыкновенно въ гостиной, а мужчины, перецѣловавъ у всѣхъ дамъ по очереди ручки, пристраивались къ карточнымъ столамъ.

Годъ турецкой войны помню потому, что привозимыя письма были исколоты и походили на рѣшето; въ холерный годъ насъ, дѣтей, водили въ фланелевыхъ набрюшникахъ, но больныхъ у насъ не было. Еще очень маленькимъ меня возили въ Москву, куда ѣздили родители провѣдать старшаго брата. Зимнимъ утромъ, съ огнемъ, поднялся весь домъ, и затемно, напившись чаю, послѣ обычнаго присѣста и молитвы выѣхали мы на своихъ лошадяхъ въ возкѣ и кибиткѣ. Все путешествіе въ Москву и обратно я совершилъ въ одной рубашкѣ, сидя у отца на колѣняхъ, прикрытый его шубой. По дорогѣ останавливались кормить и но-

чевать по деревнямъ въ крестьянскихъ избахъ, иногда черныхъ. Въ занятой избѣ все приводилось въ возможный порядокъ, накрывался скатертью столъ, разстилался коверъ, обтирались скамейки, протирались оконныя стекла и только послѣ всего этого подавался чай и кушанье; спали на сѣнѣ. Въ Москвѣ мы остановились у нашихъ родственниковъ, Свѣчиныхъ, жившихъ въ собственномъ домѣ у Успенья на Могильцахъ въ Мертвомъ переулкѣ. Въ одинъ изъ первыхъ вечеровъ для моей забавы приглашенъ былъ фокусникъ; я такъ былъ пораженъ его чудесами, что послѣ долго не могъ заснуть, требуя объясненія, какимъ образомъ истолченные въ ступкѣ часы могли появиться опять невредимыми. Черезъ нѣсколько дней мы переѣхали на нанятую близъ Неопалимой Купины квартиру. Дядя Свѣчинъ очень полюбилъ меня, часто заѣзжалъ за мной, чтобы прокатить по ближайшимъ улицамъ и переулкамъ. Разъ какъ-то привезъ онъ меня вечеромъ домой, родители еще не возвратились; я утомленный заснулъ, какъ убитый, и, конечно, не слыхалъ, какъ они пріѣхали. Отецъ, разбудивъ меня, заставилъ молиться, но я спросонокъ рѣшительно не понималъ, чего отъ меня хотятъ, это приписано было упрямству, меня наказали и добились, что я прочиталъ молитву.

Еще и теперь, казалось, я указалъ бы ложу на лѣвой сторонѣ 1-го яруса въ Большомъ театрѣ, въ которой въ первый разъ въ жизни сидѣлъ; шло «Горе отъ ума». Представленіе меня такъ заинтересовало, что долго потомъ я бредилъ Фамусовымъ.

Возвращеніе наше изъ Москвы обошлось не безъ приключенія: только что съ обычными въ то время задержками мы выѣхали за заставу, какъ поднялась мятель, усилившаяся до того, что мы потеряли дорогу и, наконецъ, возокъ упалъ на бокъ. Матушку вынули скоро, но намъ съ отцомъ приходилось плохо отъ свалившихся на насъ коробокъ и картонокъ, которыми возокъ былъ набитъ, меня поймалъ за ногу камердинеръ отца Павелъ Филипповъ, и я очутился въ одной рубашкѣ на снѣгу; отца, чуть не задохнувшись, вынули послѣ. Павелъ Филипповъ, кажется, состоялъ на особомъ положеніи, вѣроятно, потому, что съ дядей моимъ дѣлалъ походъ и былъ даже въ плѣну у французовъ; онъ былъ грубъ, но всѣ грубости сходили ему съ рукъ безнаказанно, надъ нимъ только подшучивали; онъ сердился и по обыкновенію укоризненно восклицалъ: «баринъ, баринъ, а еще баринъ!»

Въ 33 году отецъ купилъ у дяди А. Н. Вельяминова имѣніе подъ Ржевомъ, въ которое мы и переѣхали жить. С. Михирево, наша купленная усадьба въ 3 вер. отъ города, стояла на лѣвомъ берегу Волги. Домъ былъ небольшой, каменный, съ террасой, вы-

ходившею въ садъ, и бельведеромъ надъ овальной столовой; въ послѣдствіи по бокамъ дома были сдѣланы деревянныя, заштукатуренныя снаружи, пристройки, въ которыхъ помѣщались домашніе, очень уютные покои. Старинный садъ былъ невеликъ, и отецъ тотчасъ занялся его распространеніемъ, а возлѣ, по берегу, посадкой березовой рощи; матушка же, какъ большая любительница цвѣтовъ, занялась устройствомъ цвѣтниковъ, которые были всегда безподобны. Надъ бельведеромъ развѣвался флагъ, когда хозяева были дома.

Въ томъ же году меня отдали учиться въ Ржевъ въ пансіонъ для дѣтей обоюго пола, содержавшійся нѣмками Гинтеръ. Сначала я ходилъ только въ классы, а жилъ въ почтенномъ семействѣ соборнаго протоіерея Соколова, одинъ изъ сыновей котораго Иванъ Егоровичъ былъ моимъ первымъ учителемъ еще до поступленія въ пансіонъ. Ив. Ег. пользовался любовью всѣхъ его знавшихъ, а я передъ нимъ благоговѣлъ, и до самой его смерти въ пятидесятихъ годахъ чувствовалъ къ нему «влеченье, родъ недуга».

Не знаю, почему черезъ нѣкоторое время меня перевели со всѣмъ на жительство въ пансіонъ, гдѣ помѣстили въ мезонинѣ съ ходомъ черезъ холодный чердакъ. Со мной помѣщался одинъ изъ моихъ товарищей—Володя Алисовъ; съ нами жила и моя няня, Олимпиада, тогда уже старая и хвора. Няня меня любила и баловала, а я, несмотря на привязанность, мучилъ ее, особенно по ночамъ, заставляя ее вставать, когда дурно спалось.

По воскресеньямъ, послѣ обѣдни, въ пансіонъ обыкновенно пріѣзжали родные и знакомые; въ ихъ присутствіи происходилъ танцевальный классъ: мы танцевали экосезъ и плясали по-русски; для танцевъ мнѣ былъ сшитъ голубой, обшитый галуномъ кафтанъ.

Разъ какъ-то мы съ Алисовымъ провинились: послѣ ужина по дорогѣ въ мезонинъ мы ворвались въ спальню воспитанницъ; тогда мы уже влюблялись, ревновали и страдали. Въ первое послѣ этого происшествія воскресенье мнѣ не разрѣшили надѣть праздничнаго кафтана, и я въ самомъ жалкомъ видѣ былъ введенъ въ залъ, гдѣ было немало гостей, и поставленъ въ уголъ на все время танцевъ.

Въ одно зимнее утро портной принесъ сшитую для меня курточку малолѣтнаго кадета; въ тотъ же день вечеромъ я обновилъ ее по приказанію отца, который и повезъ меня показывать по всѣмъ знакомымъ; кажется, это былъ одинъ изъ счастливейшихъ дней моей жизни.

Зимой свезли меня въ Москву и отдали 25 января 1835 года въ малолѣтнее отдѣленіе московскаго кадетскаго корпуса. Не за-

былъ я этого тяжелаго дня; послѣ прощанья съ родителями я такъ плакалъ, что со мной сдѣлался припадокъ, меня уложили на койку, и я проспалъ чуть ли не цѣлыя сутки. Невесело было пробужденіе; меня окружили незнакомыя, насмѣшливыя лица моихъ новыхъ товарищей, а непривычный шумъ и командныя слова тоскливо раздавались въ ушахъ. Я поступилъ въ 4-ое отдѣленіе и день провелъ у директрисы, у которой и обѣдалъ.

Въ дѣтствѣ впечатлѣнія быстро смѣняются одно другимъ; скоро я пересталъ скучать, перенесъ искусь въ видѣ колотушекъ, щипковъ и тому подобнаго, которыми обыкновенно надѣляли новичковъ, и болѣе не подвергался задиранію со стороны товарищей. Тогда же мнѣ были внушены краткія правила кадетской морали: никого изъ товарищей не выдавать и не жаловаться начальству.

Персоналъ нашего начальства составляли: директриса, баронесса Корфъ, позднѣе княгиня Шаховская, завѣдующій, полковникъ Дорошинскій, послѣ него Черкезь, и 4 классныя дамы, изъ которыхъ помню Матрену Савишну Чурашеву, Магдалину Ивановну Бѣлаго и Александру Григорьевну Филиппову. При каждомъ отдѣленіи состояли дядьки и няньки. Дядьки наши были почтенные старослуживые унтеръ-офицеры. Они были нашими первыми наставниками, и своими разсказами про военный бытъ и боевую жизнь заставляли насъ рано и прочно полюбить военное ремесло; вообще вліяніе ихъ было хорошее. Помню троихъ, особенно любимыхъ, дядекъ: Карлашева—преображенца, Гончарова — измайловца и Шабанова; четвертаго, менѣе любимаго, — семеновца фамиліи не помню. Моимъ дядькою былъ Карлашевъ; сядешь, бывало, къ нему на колѣни, играешь его медалями и заслушиваешься разсказомъ о Суворовѣ, переходѣ черезъ Чортовъ мостъ и о французскихъ войнахъ. Отъ дядекъ рѣшительно мы пользовались бѣльшей снисходительностью и лаской, чѣмъ отъ классныхъ дамъ и нянекъ; дядьки частенько являлись заступниками за насъ, когда женскій персоналъ грозилъ наказаніемъ за какую-нибудь провинность. Государь Николай Павловичъ зналъ каждого дядьку. Обходя нашъ фронтъ, обыкновенно обращался къ нимъ: «Здравствуй, Карлашевъ, какъ поживаешь, доволенъ ли дѣтьми?»

Зданіе малолѣтняго отдѣленія стояло на Нѣмецкой улицѣ въ Лефортовской части и было расположено между дворомъ и садомъ, выходившимъ на Коровій бродъ, противъ тогдашняго Ремесленнаго заведенія. Парадный ходъ по срединѣ зданія велъ въ швейцарскую, къ которой съ обѣихъ сторонъ примыкали классныя комнаты, за ними расположены были длинныя залы (рекреаціонная и столовая), умывальная и цейхгаузы, упиравшіеся въ поперечныя залы (спальни), оканчивавшіяся у квартиръ директрисы.

и одной изъ классныхъ дамъ. Изъ лѣвой классной комнаты былъ ходъ еще въ старшій классъ, изъ котораго большія, на нѣсколько створовъ, двери вели въ церковь, очень уютную, съ бѣлымъ иконостасомъ и хорами, на которыхъ становились больные изъ лазарета, занимавшаго мезонинъ надъ серединою зданія.

Въ подвальномъ этажѣ помѣщались баня и другія службы.

Одежда наша состояла изъ суконныхъ брюкъ стального цвѣта, пристегивавшихся къ лифу того же сукна, темно-зеленой курточки, застегивавшейся на верхнюю пуговицу и отложного отъ рубашки воротничка съ гофрированной оборкой. Эти воротнички давали большой трудъ нянямъ: онѣ каждое утро обязаны были приводить ихъ въ безукоризненный видъ. Лѣтомъ суконные панталоны замѣнялись полотняными.

Будили насъ въ 6 час. утра по барабану, но такъ какъ барабанщикъ былъ въ швейцарской, то дежурная дама усиленно звонила въ колокольчикъ (атрибутъ дежурства); нѣжиться не дозволялось, нянька или дядька сдергивали одѣяло, и поневолѣ приходилось вставать и бѣжать мыться, а у круглаго умывальника обыкновенно ожидала нянька, наблюдавшая за порядкомъ, такъ какъ всякій старался, хотя съ боя, скорѣе занять мѣсто.

Послѣ умыванья насъ выстраивали на молитву, но предварительно отдѣльная дама осматривала одежду и насъ причесывала, а послѣдняя операція была не изъ пріятныхъ. Нянька несла глубокую тарелку съ холодной водой, а дама передъ каждымъ погружала въ воду щетку, безъ церемоніи лѣвой рукой схватывала за подбородокъ, а правой чесала волосы, при чемъ со щетки шла вода; пріемы эти производились быстро, а потому вызывали прескверное ощущеніе, и причесываемый строилъ пресмѣшную рожу. Молитвы читали передъ серединой фронта по очереди кадеты; онѣ оканчивались поминаніемъ «начальниковъ, наставниковъ и всѣхъ пекущихся о насъ». Завтракъ состоялъ изъ бѣлой, очень вкусной булки и кружки кипяченаго молока, иногда подозрительной синевы; впрочемъ все уничтожалось до послѣдней капли.

Въ малолѣтнемъ корпусѣ было 3 класса; учили насъ вообще незанимательно, по крайней мѣрѣ, теперь я не могу припомнить, въ чемъ заключался трехгодичный курсъ, и съ тѣми познаніями, которыя я пріобрѣлъ въ пансіонѣ, кажется, я перешлъ изъ малолѣтняго корпуса. Однако же уроки французскаго и нѣмецкаго языковъ остались у меня въ памяти по оригинальному методу преподаванія (кажется, метода Жакото). Къ большой классной доскѣ прикрѣплялась картина съ изображеніемъ раскрашенныхъ цвѣтовъ или животныхъ, учитель, указывая на изображеніе, стучалъ палочкой и командовалъ скорымъ или бѣглымъ шагомъ маршъ, и

весь классъ въ соответствующій темпъ пѣлъ до команды «стой», когда все замирало. Успѣхи наши, конечно, соответствовали качеству преподаванія; читать съ толкомъ мы не умѣли и тѣмъ болѣе пересказать прочитанное и въ послѣдствіи преуспѣвали въ зубреніи. Послѣ классовъ дядьки учили насъ фронту: стойкѣ, поворотамъ и маршировкѣ; старшій возрастъ учился и ружейнымъ приѣмамъ. 20 маленькихъ ружей и 2 барабана были подарены наслѣдникомъ Александромъ Николаевичемъ и стояли въ пирамидѣ въ спальныхъ залахъ. У дядекъ были настоящія 12 фун. ружья, составлявшія предметъ нашего особаго вниманія, и, несмотря на запрещеніе, пробраться въ цейхгаузъ и выкинуть артикулъ большимъ ружьемъ было верхомъ нашихъ желаній.

Послѣ ученія мы, конечно, съ нетерпѣніемъ ожидали барабана, возвѣщавшаго время обѣда. Строемъ водили насъ къ столу и обратно, барабанъ билъ на молитву и при смѣнѣ кушаній. Кормили насъ недурно; обѣдъ обыкновенно состоялъ изъ трехъ блюдъ: супа или щей, мясного блюда и пироговъ, каши или жаренаго картофеля. За ужиномъ подавалось два блюда: супъ и пироги или каша, иногда размазня.

Послѣ обѣда и вечернихъ классовъ намъ позволялось играть; любимую игрою была игра въ мячъ, особенно въ саду, гдѣ на обширномъ кругу было раздолье бѣгать. Во время игръ происходили часто и драки, въ которыхъ соблюдались извѣстныя правила. Бѣзда верхомъ практиковалась больше въ залахъ. Бѣздокъ садился на плечи желавшаго изобразить коня, который, забравши ноги бѣздока подъ мышки, бѣгалъ; часто игра оканчивалась плачевно для бѣздока; если его сбрасывали или кто-нибудь кричалъ «мала куча», то бѣдному приходилось совсѣмъ плохо: на него наваливалась толпа мальчугановъ, и онъ только съ большимъ трудомъ освобождался, сильно помятымъ, а иногда и окровавленнымъ. Какъ-то весною, когда огни уже не зажигались, барабанщикъ билъ повѣстку къ ужину, дежурная дама усиленно звонила, унимая шумъ и возню, отъ которой пыль стояла столбомъ, а въ залѣ былъ полумракъ, во входныхъ дверяхъ вырисовалась величавая фигура государя и раздался его громкій голосъ: «смирно, дѣти». Эффектъ сцены былъ поразителенъ: сразу все замерло и поблѣднѣло, а дежурная дама чуть-чуть не упала въ обморокъ. Государь строго обратился къ намъ съ наставленіемъ, но тотчасъ же смягчился, пробылъ все время ужина, по обыкновенію шутилъ и кушалъ съ нашихъ тарелокъ кашу.

Государь Николай Павловичъ пріѣзжалъ въ Москву раза два въ годъ и во время своего пребыванія нѣсколько разъ посѣщалъ корпусъ. Посѣщенія царя были для насъ праздниками, мы

съ дѣтской привязанностію беззавѣтно любили его. Николай Павловичъ производилъ на насъ чарующее впечатлѣніе своимъ богатырскимъ видомъ и своимъ ласковымъ и милостивымъ обхожденіемъ. Представьте себѣ царя, играющаго и забавляющагося съ дѣтьми: велить, бывало, снять умывальникъ, сядетъ въ нашъ огромный тазъ и прикажетъ себя вытаскивать; дружно, толпой приступали мы, хватая его за руки и за ноги, но такъ какъ работа оказывалась непосильной, то пускали въ ходъ щекотку и щипки. «Ну, не щипаться, мальчуганы», крикнетъ государь и начнетъ уступать, тогда, наконецъ, раскраснѣвшись, мы осиливали и вытаскивали его. «Молодцы, дѣти! Ну теперь проходи въ ворота» и, разставивъ ноги, пропускаетъ подъ собой всѣхъ ¹⁾. Забавлялся государь и смотромъ, выстраивая насъ съ ружьями и командуя приѣмы, благодарилъ дядекъ, командовалъ вольно и заставляя сморкаться и чихать, самъ дѣлалъ гримасу, сморкаясь въ три пальца. Мы провожали государя обыкновенно толпой до подъѣзда, обрывая темлякъ и вырывая перья изъ султана.

Помню и посѣщеніе императрицы, приѣзжавшей къ намъ съ одной изъ великихъ княженъ; императрица, несмотря на свои года, была еще очень красива. Она всѣхъ удостоила допустить къ рукѣ, а за ужиномъ на одномъ изъ столовъ раздавала кушанья и сама кушала. День кончался вечерней молитвой, но уже передъ ужиномъ, а особенно зимой, наслушавшись рассказовъ дядекъ, насъ клонила усталость, и мы на диванахъ, привалясь другъ къ другу, сладко засыпали, пока досадливый барабанъ не будилъ насъ и сонныхъ не собиралъ въ ряды.

Вѣроятно, женское начальство считало необходимымъ совершенствовать насъ во французскомъ языкѣ, по крайней мѣрѣ въ часы рекреации нѣкоторыя дежурныя дамы требовали, чтобы между собою мы говорили не иначе, какъ по-французски; провинившемуся давалась карточка, которую онъ торопился передать другому, заговорившему по-русски, а такъ какъ почему-то мы съ каждымъ днемъ теряли и тѣ познанія во французскомъ разговорномъ языкѣ, съ которыми поступили въ корпусъ, то карточка быстро переходила отъ одного къ другому, и горе тому, кто не успѣвалъ сбыть злополучной карточки передъ обѣдомъ или ужиномъ: онъ оставался безъ одного блюда. Назначавшіеся дежурными въ комнаты директрисы, являясь къ ней и вытянувшись въ струнку, рапортовали о семъ по-французски.

Матрена Савишна Чурашева, наша отдѣленная дама, выходила

¹⁾ Аналогичный рассказъ о вознѣ государя съ кадетами малолѣтней роты морского корпуса см. въ книгѣ П. К. Мартынова «Дѣла и люди вѣка». Спб. 1896 г., т. III, 241. Ред.

утромъ съ исписанной діалогами картой; выучившіе діалоги, въ видѣ награды, приглашались къ ней на завтракъ, казавшійся намъ очень изысканнымъ, хотя онъ состоялъ обыкновенно изъ жареной говядины съ картофелемъ, очень вкусно приготовленной, аппетитъ же былъ хорошій. Нерѣдко, наскоро уничтоживъ завтракъ, пользуясь отсутствіемъ М. С., мы заигрывали съ симпатичной Дашей, горничной, стараясь проѣхать у ней на плечахъ верхомъ; ни разу насъ не поймали на этой шалости, не обходившейся безъ шума и возни; вѣроятно М. С. милосердствовала за хорошіе отвѣты изъ діалоговъ.

Разъ въ недѣлю послѣ утреннихъ классовъ насъ занимали гимнастикой, а послѣ вечернихъ, также разъ въ недѣлю, былъ танцевальный классъ. Въ полусвѣтѣ, который проливали въ длинную залу двѣ масляныхъ лампы, мы становились въ одну шеренгу, повторяли всѣ пять позицій и по командѣ выступали, поднимая страшную пыль, подъ игру скрипки, съ которой неизмѣнно являлся, въ потертой солдатской шинели, старый горнистъ Пуховъ, предметъ нашей постоянной насмѣшки за его совсѣмъ невоинственную фигуру. На его музыку были подобраны и слова, которыя, выдѣлывая па, мы подпѣвали: «дрожки, кареты, пажи и кадеты, уланы, гусары спѣшаютъ на парадъ». Послѣ разныхъ гезисадовъ и балансе, которые насъ заставляли продѣлывать не одинъ разъ, классъ кончался: до кадрили и другихъ танцевъ мы еще не доходили.

Вспомнивъ Пухова, всегда благодушно переносившаго наши досадливыя приставанья, мнѣ невольно приходитъ въ память случай, доказывающій незлобіе простого русскаго человѣка. Разъ меня вызвали въ швейцарскую, что обыкновенно дѣлалось, когда къ кому-нибудь изъ дома присылали лакея или другую прислугу; такъ какъ моихъ родителей въ Москвѣ въ то время не было, то я вышелъ съ недовѣріемъ, предполагая или ошибку, или шутку товарищей, но, прибѣжавъ въ швейцарскую, увидѣлъ пожарнаго солдата со связкой кренделей, бросившагося цѣловать у меня руки. Только тогда узналъ я нашего псаря Павля; онъ убѣдительно просилъ принять гостинецъ, сообщивъ, «что, дескать, папенька часто на меня гнѣвались и теперь отдали въ солдаты».

По воскресеньямъ и праздникамъ насъ водили къ обѣднѣ, а наканунѣ ко всенощной; я пѣлъ въ хорѣ на клиросѣ и часто фальшивилъ, за что и получалъ щелчки отъ тѣхъ, у кого ухо было болѣе развито.

На святки, а иногда на масленицу пріѣзжали въ Москву на своихъ лошадяхъ и съ своей провизіей отецъ съ матерью. Съ какимъ нетерпѣніемъ ожидалъ я этого времени; въ послѣдніе

дни пропадалъ аппетитъ, замирало сердце отъ каждаго необычнаго шума и, кажется, совершенно переставало биться, когда ожидаемая минута наступала, и я видѣлъ отца, входившаго въ залъ. Одно путешествіе изъ Лефортова куда-нибудь на Пречистенку или на Арбатъ доставляло такое удовольствіе, что не чувствовался холодъ, хотя верхняя одежда наша состояла изъ холодной шинели, какъ остроумно говорили, «подбитой воздухомъ». На квартирѣ мать уже ожидала за чайнымъ столомъ, установленнымъ всякою деревенскою благодатью до замороженныхъ сливокъ включительно. Послѣ объятій, поцѣлуевъ и замѣчаній, что выросъ, похудѣлъ, начиналось чаепитіе и усердное уничтоженіе деревенскаго добра. Время отпуска обыкновенно пролетало незамѣтно и, когда наставала несносная минута прощанья, появлялись слезы и длинная дорога до корпуса казалась уже короткой: снова надобно было привыкать къ суровой обстановкѣ заведенія, что доставалось нелегко.

Лѣтомъ въ 1836 году меня брали на лѣто въ отпускъ въ деревню. Отецъ по обыкновенію пріѣхалъ на своихъ лошадахъ и остановился на Тверскомъ бульварѣ у двоюроднаго дяди матери моей, С. А. Мусина-Пушкина, который очень любилъ нашу семью, насъ дарилъ деньгами, по возрасту даже большими. Куда какъ просто жилось тогда въ доброе старое время даже въ Москвѣ. Дѣдушка кушалъ чай на бульварѣ, какъ у себя въ саду: былъ вынесенъ столъ, чайный приборъ и поданъ самоваръ; самъ онъ вышелъ въ спальномъ платьѣ и, вѣроятно, это никого не удивляло особенно. Онъ слылъ за чудака, какихъ въ то время было немало; небольшого роста, съ выразительными глазами, сходявшимися и нависшими бровями, дѣдушка производилъ внушительное впечатлѣніе, и хотя надъ нимъ посмѣивались, но только втихомолку.

Онъ былъ *persona grata* въ англійскомъ клубѣ, велъ большую игру и на языкъ былъ дерзокъ; когда послѣ выигрыша съ него громаднаго куша С..... прислалъ ему въ подарокъ какую-то рѣдкую чашку, онъ не принялъ, а посланному поручилъ передать: «скажите, что я удивляюсь, какъ государь назначаетъ своими ген.-адъютантами такихъ п....., какъ онъ».

Въ 1812 году дѣдушка былъ въ ополченіи; во время преслѣдованія французовъ, въ какомъ-то городишкѣ офицерамъ дружины были отведены прескверныя квартиры; чтобы помочь горю, они выдумали поднять на ноги Сергѣя Алексѣевича, котораго застали сидящимъ по срединѣ горницы въ бѣломъ пудермантелѣ, кругомъ его ходилъ челоуѣкъ и чѣмъ-то его окуривалъ. «Что скажете, господа?» — «С. А., вамъ и намъ отведены невозможныя квартиры, нельзя ли похлопотать, чтобы дали лучшія». — «Извольте. Малый,

сходи къ коменданту и пригласи его сюда». Пришелъ комендантъ; дѣдушка, не привставая, обращается къ нему такимъ образомъ: «Какъ тебѣ не стыдно: враги, пришедшіе разорять наше отечество, имѣютъ квартиры, а защитникамъ его ты отвелъ какіе-то хлѣвы; я требую, чтобы намъ тотчасъ же были отведены хорошія квартиры». Къ удивленію всѣхъ эта рѣчь возымѣла полный успѣхъ, квартиры были перемѣнены. Въ Рождественскіе праздники и въ Пасху я приходилъ къ дѣду съ поздравленіемъ и обыкновенно получалъ приглашеніе къ обѣду на другой день; отвѣчалъ на немудрые вопросы: кто начальникъ, какихъ лѣтъ и т. д., выслушивалъ повѣствованіе о необыкновенномъ умѣ дѣдушкинаго попу-гая и, снабженный бѣлою ассигнаціею, уходилъ до слѣдующаго праздника. Я совѣстился чаще бывать у старика, чтобы не беспокоить его и не подавать повода думать, что являюсь за подачкой.

Батюшка купилъ на Неглинной новую бричку, запасся провизіей на дорогу, и мы на другой день тронулись въ путь. На заставѣ, во избѣжаніе задержки для прописки вида, объявили, что ѣдемъ на богомолье. Миновавъ Ходынку, гдѣ рысцей, гдѣ шагомъ, съ обычными кормежками, ѣхали на новый Іерусалимъ, Волокъ-Ламскій и Ульяновское. Не помню, далеко ли мы отъѣхали отъ Москвы, какъ въ новой бричкѣ начались поломки, а на третьей станціи намъ пришлось оставить московскую покупку и взять телѣгу, въ которой на третій день и добрались до дому. Съ какой радостью увидѣлъ я флагъ на домѣ и съ какимъ восторгомъ обнялъ мать, бабушку и всѣхъ домашнихъ, цѣловавшихъ у меня руки; не засталъ я въ живыхъ только няни, умершей вскорѣ послѣ моего вступленія въ корпусъ.

Въ это лѣто меня возили на показъ къ роднымъ и знакомымъ, часто заставляли декламировать стихи, хвалили и вездѣ кормили до отвала; только одинъ изъ дядей потѣшался надо мной особеннымъ образомъ, вырѣзывая изъ бумаги коньковъ со шпорами, чѣмъ доводилъ до слезъ.

Особенно памятны мнѣ гощенія у родного дяди матери, Алексѣя Романовича Вельяминова-Зернова, въ сельцѣ Клепининѣ. Думаю, что изъ моихъ сверстниковъ никто не видалъ такого образа жизни, какой велъ мой дѣдъ. Усадьба его находилась въ 20 вер. отъ Ржева, по Осташковской дорогѣ, и стояла на лѣвомъ высокомъ берегу Волги. Проѣзжая въ Клепинино, у Ильи Пророка на Кокошѣ мы обыкновенно выходили изъ экипажа, чтобы поклониться могиламъ погребенныхъ тамъ родичей Вельяминовыхъ и Мусиныхъ-Пушкиныхъ. Отъ погоста до усадьбы дорога шла проселкомъ надъ обрывистымъ берегомъ рѣчки, которую переѣзжали вбродъ и, поднявшись, полями скорехонько доѣзжали до раз-

валенныхъ каменныхъ воротъ въ ветхой оградѣ. На поросшемъ всякимъ быльемъ дворѣ бродила кривая вороная лошадь, несшая нелегкую службу на конномъ приводѣ мельницы, которая стояла тутъ же на дворѣ и обмалывала многочисленную дворню и псарню.

Въ усадьбѣ все смотрѣло стариной середины прошлаго столѣтія. Потемнѣвшій отъ старости деревянный домъ стоялъ противъ воротъ; угрюмымъ казался онъ некрашенный, съ двойными, никогда не выставлявшимися рамами, и внутри не отличаясь ни удобствомъ расположенія, ни убранствомъ комнатъ. Стѣны были простыя, закоптѣвшія; въ столовой на нихъ висѣли домашней выдѣлки лисьи и волчьи шкуры и музыкальные инструменты доморощенного оркестра. Меблировка была самая простая, впрочемъ, въ гостиной наверху мебель была красного дерева съ бронзой. Возлѣ столовой помѣщалась спальня бабушки Дарьи Романовны, родной сестры дѣдушки. Бабушка была старушка не отъ міра сего; она была крива на одинъ глазъ, всегда съ распущенными, еще черными, волосами, въ ватномъ замасленномъ капотѣ, она, казалось, была пропитана деревяннымъ масломъ, которое получала вмѣсто obroka съ своей бѣлозерской деревни. Чистотою вообще не отличался клепининскій домъ, но бабушкина комната представляла что-то невозможное по этой части. Всѣ стѣны были увѣшаны образами, многіе изъ нихъ были въ драгоценныхъ окладахъ, но были и простые суздальскаго письма и даже бумажные. Лампадъ было множество, и величайшимъ наслажденіемъ старушки было зажечь ихъ всѣ; когда же масло подходило къ концу, а мужики не высылали его въ домъ, она зажженную лампадку подносила то къ одному образу, то къ другому и, какъ бы извиняясь, что не могла зажечь всѣхъ лампадокъ, шептала: «вотъ Тебѣ, Батюшка, вотъ Тебѣ, Матушка, красавица моя Казанская». Бабушка цѣлый день и большую часть ночи стояла на молитвѣ, хотя не знала, кажется, ни одной. Войдешь, бывало, къ ней, поцѣлуешь руку, она кликнетъ босоногую дѣвчонку, велитъ подать гостинца, дастъ изюму, шепталы или мучную конфетку и продолжаетъ молитву: «Красавецъ ты мой, женишокъ ты мой, красавица моя, помилуйте», тутъ слѣдовали имена ближайшихъ родичей, въ числѣ которыхъ поминался и я; но, любя особенно дядю, вырѣзавшаго мнѣ коньковъ со шпорами, Θεопемпта Николаевича, она оканчивала такъ: «Пепешу-то, Пепешу», и т. д. безъ счета. Когда обѣдали и ужинали безъ постороннихъ, бабушка выходила къ столу; за ней обыкновенно становилась босоножка, которая получала подачки, и кромѣ того ей опускались въ ридикюль разные куски, которыми потомъ одѣлялись прочія дѣвчонки. Несмотря на то, что у бабушки и лицо и руки всегда были въ дере-

вянномъ маслѣ, родные и знакомые подходили къ ея рукѣ, и если ей казалось, что подходящій дѣлалъ только видъ, касаясь ее губами, она, не стѣсняясь, замѣчала: «никакъ ты руки у меня не поцѣловалъ», и тому поневолѣ приходилось повторить поцѣлуй. Дядя Александръ Николаевичъ, гусаръ Давыдовскихъ временъ, дѣлавшій кампанію 12 года и введшій 1-й эскадронъ Елисаветградскаго полка въ Парижъ, и тотъ, какъ всѣ другіе, цѣловалъ у бабушки руку, а если до нея доходила вѣсть, что у Алешеньки разболѣлась голова, а дядя былъ мнителенъ и часто жаловался то на то, то на другое, посылала за нимъ и, несмотря на увѣреніе, что ему теперь лучше, приказывала наклониться и вытирала голову масломъ изъ лампадки. И такъ велико было уваженіе къ старушкѣ, что, боясь огорчить ее, дядя безропотно подвергался этому, не совсѣмъ пріятному, лѣченію.

Дѣдушка, небольшого роста, съ добродушнымъ взглядомъ, одѣтый въ сѣрую пару, всегда лежалъ въ своемъ кабинетѣ, служившемъ ему и спальней. За печкой стоялъ огромный пукъ бирока, замѣнявшій для него сельскохозяйственныя книги; у оконъ на длинныхъ столахъ разложены были образчики печенаго хлѣба съ различными къ ржаной мукѣ примѣсями лебеды, древесной коры и т. п.; годъ былъ голодный, и помѣщики изыскивали средства, какъ бы прокормить своихъ крестьянъ. Хлѣбы эти предлагались на пробу всѣмъ гостямъ; пробовавшіе, конечно, давали одобрительные отзывы, хотя хлѣбы были горьки и очень невкусны.

Дѣдушка А. Р. пользовался большимъ уваженіемъ не только родныхъ, но вообще всего помѣстнаго дворянства; онъ много помогалъ бѣднымъ сосѣдямъ, которые на его амбаръ надѣялись, какъ на свой собственный; когда приходило время посѣва, то обыкновенно они присылали за сѣменами, и отказа никому не было. Правда, что на клепининскихъ поляхъ урожай всегда былъ удивительный: они удобрялись не только навозомъ, но и костями. На продовольствіе псарни убивалось не мало лошадей, и масса костей обрабатывалась на удобреніе; какъ только повѣтъ вѣтерокъ, такъ толчея и заворачаетъ крыльями; она только и служила для толченія костей. Особенно симпатичный чертой старика, какъ говорили, было его правдолюбіе и незлобіе; сохрани Богъ при немъ заговорить дурно о комъ-нибудь,—онъ начинаетъ поводить бровями и показывать, что это ему непріятно, а если собесѣдникъ не понимаетъ, то онъ скромно замѣчалъ ему: «что всѣ люди грѣшны и что въ данномъ случаѣ вѣрно было что-нибудь не такъ, какъ говорятъ».

Насъ дѣдушка любилъ и ласкалъ такъ, что, несмотря на многія неудобства гощенія въ Клепининѣ, я всегда съ удоволь-

ствіемъ ѣхалъ туда. Особенно баловалъ меня дѣдушка катаньемъ верхомъ и музыкой; велить бывало засѣдлать мнѣ охотничьимъ сѣдломъ смирную савраску и поѣхать со мной самъ. Онъ увѣрялъ, что и въ болѣзни ему только помогаетъ верховая ѣзда и, какъ только чувствовалъ себя нездоровымъ, приказывалъ привести осѣдланную лошадь въ столовую, гдѣ и ѣздилъ вокругъ стола. Вечеромъ, послѣ чая, который подавался къ дѣдушкиной постели, небритое лакейство разбирало свои музыкальные инструменты, ставились въ столовой пюпитры и задавался концертъ; играли, вѣроятно, плохо, но для меня удовольствіе было вволю. «Слався симъ Екатерина» было боевымъ конемъ дѣдушкинаго оркестра. Въ торжественныхъ случаяхъ гостей собиралось много. Пиръ обыкновенно происходилъ въ залѣ съ хорами; она была во второмъ этажѣ и занимала средину дома во всю его ширину; съ боковъ помѣщались гостиныя. Обѣдъ накрывался во всю длину залы; на хорахъ помѣщались музыканты и дворовыя семьи. Закуска тогда не играла никакой роли и передъ обѣдомъ, какъ и всегда, подавались желавшимъ на подносѣ настойка и сладкая водка; разсаживались за столъ по чинамъ. Дѣдушка кушалъ у себя въ кабинетѣ. Обѣдъ былъ продолжителенъ, кушанья не изысканны, но очень вкусны; баранина, куры и цыплята въ разныхъ видахъ составляли главную суть, а бланманже миндальнымъ обѣдъ заканчивался. За обѣдомъ обносилось десертное вино «бишевъ», о которомъ теперь забыли: оно приготавлилось дома, дешевое лиссабонское фабриковалось померанцами и сахаромъ, пили и похваливали. Здравницу пили донскимъ или выморозками, которые были очень вкусны и обходились чуть ли не по рублю ассигнаціями бутылка. Послѣ обѣда къ гостямъ входилъ дѣдушка подъ звуки польскаго; одинъ изъ дворовыхъ, наряженный медвѣдемъ, встрѣчалъ его торжественной рѣчью, въ которей восхвалялъ его хлѣбосольство и величалъ отцомъ своихъ подвластныхъ. Затѣмъ начинались танцы, которые заканчивались продолжительной мазуркой со всевозможными фигурами, изъ которыхъ зеркало и колѣнопреклоненіе кавалеровъ мнѣ особенно памяты.

Въ 1837 году меня перевели въ неранжированную роту Главнаго корпуса. Можно себѣ представить радость мальчугана, наслушавшагося рассказовъ суворовскихъ служивыхъ, когда его облачили въ мундиръ со стоячимъ воротникомъ и погонами, надѣли черезъ плечо бѣлую перевязь съ тесакомъ, а на голову киверъ. Первые дни я былъ въ какомъ то чаду, все было ново: и помѣщеніе, и начальство, и большинство товарищей, особенно въ классахъ. За всякую шалость насъ ожидало взысканіе, увы! не было болѣе дядекъ и не кому было за насъ заступаться.

Въ этомъ году строгости въ корпусѣ особенно усилились; за годъ до моего перехода произошло событіе, разсказъ о которомъ даже казался страшнымъ. Кадетъ гренадерской роты Житковъ, выпускной, отпустилъ тесакъ и, подкравшись къ офицеру Соколовскому, слушавшему спѣвку кадетъ въ столовомъ залѣ, хотѣлъ его изрубить, но, удержанный во-время, успѣлъ однако же тяжко ранить въ голову. Причиною этого было, по ходившей версіи, слѣдующее обстоятельство. Соколовскій былъ влюбленъ въ сестру Житкова, но любовь была, вѣроятно, односторонняя, потому что, сдѣлавъ предложеніе, получилъ отказъ. Заподозрѣвъ въ своей неудачѣ брата, Соколовскій систематически сталъ гнать его, а такъ какъ Житковъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ достойный юноша, то и взысканія, сдѣланныя ни за что, не могли не раздражать его; наконецъ дѣло дошло до того, что Соколовскій, ведя переписку съ отцомъ Житкова, вооружилъ его до такой степени, что въ письмѣ къ сыну было упомянуто о проклятіи, если не исправится. Это несчастное письмо было каплей, переполнившей чашу терпѣнія Житкова, который порѣшилъ покончить Соколовскаго. Житковъ долго сидѣлъ въ темномъ карцерѣ, судили военнымъ судомъ, сентенція была прочитана съ полной торжественностью передъ фронтомъ, и онъ сосланъ былъ рядовымъ безъ выслуги въ одинъ изъ оренбургскихъ или сибирскихъ линейныхъ баталіоновъ. Впослѣдствіи было слышно, что за отличное поведеніе онъ былъ переведенъ въ казачкія войска, тамъ получилъ знакъ военного ордена, но дослужилъ-ли до офицерскаго чина — не знаю. Соколовскій былъ прикомандированъ къ Штабу военно-учебныхъ заведеній, составилъ немудрый учебникъ географіи, который принять былъ однако же въ корпусахъ. При выпускѣ моемъ въ офицеры Соколовскій состоялъ еще при Штабѣ; помню эту несимпатичную фигуру, въ черной повязкѣ на головѣ.

Вскорѣ въ корпусѣ случилось и еще происшествіе. Одинъ изъ большихъ уже кадетъ, какъ передавали, за наушничество былъ такъ сильно избитъ, что тутъ же отдалъ Богу душу; особенно виновныхъ, помнится, не нашлось.

Неранжированной ротой командовалъ П. К. Шефлеръ, маленькій, гнусавый, съ отвисшими ушами человѣчекъ, никогда не улыбавшійся, взыскательный, а потому нами не любимый. Фельдфебелемъ былъ Свищевъ, стройный, высокій, красивый молодой человѣкъ, задававшій намъ также страху. Какъ-то разъ меня кто-то щипнулъ. Свищевъ замѣтилъ, что я скорчилъ гримасу, вызвалъ меня изъ фронта и надавалъ такихъ фухтелей, что нѣсколько дней я ходилъ скорчившись. Странными привилегіями пользовалось наше начальство: директоръ, баталіонный командиръ,

инспекторъ классовъ и ротный командиръ — сѣчь; субалтернъ офицеры и учителя—драть за уши, а своя братья фельдфебеля и унтеръ-офицеры—драться. Все это было до того въ порядкѣ вещей, что никого не возмущало; одного, чего мы равнодушно не могли выносить, это—несправедливости наказанія, тутъ иногда поднимался такой ропотъ, что само начальство начинало трусить, какъ бы дальше да больше чего серьезнаго не вышло и старалось или не замѣтить, или какъ-нибудь иначе выйти изъ неловкаго положенія, что съ малышами, конечно, всегда удавалось.

Въ числѣ нашихъ унтеръ-офицеровъ были Л. А. Квашинъ, впослѣдствіи архимандритъ Троицко-Сергіевой лавры и П. С. Ванновскій, военный министр. Послѣдній былъ товарищемъ по классу моего брата Николая Алексѣевича, а потому, хотя подчасъ и сторожилъ, но вообще благоволилъ ко мнѣ. Не знаю, вслѣдствіе какихъ соображеній меня помѣстили въ 1-й нижній классъ, старшій изъ 7-ми, хотя я по своимъ познаніямъ и не отличался отъ товарищей, посаженныхъ въ младшіе классы, а по лѣтамъ я и подавно не подходилъ къ классу. Впрочемъ на лѣта не обращалось никакого вниманія; не только у насъ, но и въ 7-мъ нижнемъ классѣ были молодые люди 17 и 18 лѣтъ; въ нашемъ классѣ кадетами 1-й роты Грибоѣдову и Ибанскому было больше 18 лѣтъ. Эти патріархи были «старыми кадетами», типъ, которому многіе изъ насъ старались подражать и который начальство сильно не долюбливало.

Старый кадетъ не выдавалъ никого даже подъ розгами, при случаѣ заступался за безсильныхъ и слабыхъ, не билъ лежачаго, однимъ словомъ былъ своеобразно честенъ, но, оцѣнивъ свою вещь или оказанную услугу въ извѣстное количество булокъ, отбиралъ ихъ сполна, несмотря на протестъ противной стороны, которая на нѣсколько дней оставалась безъ завтрака. Старый кадетъ былъ фронтовикомъ, говорилъ басомъ и учился слабо; курточка сидѣла на немъ мѣшкомъ и панталоны спущены до невозможности. Старый кадетъ фрондировалъ и съ начальствомъ, и былъ грубъ. Старые кадеты вымѣщали ротному командиру обыкновенно на баталіонныхъ ученьяхъ, а иногда и на смотрахъ, подстраивая дѣло такъ, что ему не удавалось показать товаръ лицомъ. Когда командиръ заранѣе торжествовалъ, что рота его, прекрасно выученная, отличится, выходило нѣчто совершенно противное, ружейные приемы шли вяло, не чисто, при движеніяхъ фронтъ волновался, а на церемоніальномъ маршѣ онъ окончательно выходилъ изъ себя и отъ начальства получалъ головомойку, что и требовалось доказать; виновныхъ найти было нелегко и все оканчивалось сравнительно благополучно. Старый кадетъ былъ хорошимъ товарищемъ и,

благодаря имъ, духъ товарищества былъ въ насъ сильно развитъ, сохраняясь какъ завѣтъ нашей *almae matris*.

Какъ преподаватели, такъ и преподаваніе учебныхъ предметовъ были удивительные. Нѣмецкому языку насъ училъ нѣкій Ульденштокъ, зеленое лицо котораго, съ злыми, никогда не смѣявшимися глазами, выглядывало изъ черной рамки волосъ и бакенбардъ. Этотъ педагогъ, конечно, нами не любимый, въ другихъ классахъ преподавалъ французскій и русскій языки. Методъ преподаванія иностранныхъ языковъ былъ тотъ же, о которомъ я говорилъ, но мы чаще прерывали пѣніе, благодаря хорошо развитому слуху нашихъ патріарховъ, заботившихся не о правильномъ чтеніи, а о согласіи хора, и какъ кто-нибудь фальшивилъ, обыкновенно раздавался такой щелчокъ по головѣ виновнаго, что самъ учитель вздрагивалъ и происходила остановка. Это повторялось безпрестанно, пока виновнаго, поднимавшаго, наконецъ, ревъ, не выгоняли изъ класса, патріархи же оставались въ сторонѣ: ихъ и учителя побаивались.

Учителемъ географіи былъ Ходкевичъ, толстый, неуклюжій хохоль; мы его любили, но постоянно искушали, прося неожиданно указать на картѣ какой-нибудь мысъ или заливъ; зная свой предметъ плохо, онъ терялся и всей пятерней, зачастую далеко отъ искомаго, показывалъ часть карты и торжественно восклицалъ: «во, ребята, во, ищи тутъ». Подмѣтивъ, что Ходкевичъ боится мышей, одинъ изъ товарищей принесъ въ классъ вытѣпленную изъ хлѣба мышъ и на шнуркѣ помѣстилъ у каѳедры; какъ только Ходкевичъ сѣлъ на мѣсто, мышъ дернули; онъ до того перепугался, что схватилъ со стѣны классный списокъ въ рамкѣ подъ стекломъ и пустилъ имъ въ импровизованную мышъ; посыпались осколки, а мы отъ души хохотали своей затѣѣ. Досталось бы намъ, если бы на этой шалости застало насъ начальство. Ходкевича же мы упростили не жаловаться и сказать, что стекло разбилъ нечаянно самъ.

Большіе держали насъ, маленькихъ, въ большой строгости и, какъ примѣръ, до чего они доходили, мною вспоминается случай съ однимъ изъ моихъ товарищей И , котораго за какую-то провинность спустили за окно, держа за плечевые погоны, а окно ни много ни мало было на высотѣ 6 сажень надъ дворомъ; конечно пациентъ заревѣлъ бѣлугой и тѣмъ привлечь вниманіе дежурнаго офицера, который показался у окошка двери. Къ счастью не всѣ участвующіе въ проказѣ потерялись, иначе несчастный разбился бы; его успѣли благополучно вытащить обратно блѣднаго, какъ смерть. Пойманные на мѣстѣ преступленія были, конечно, высѣчены. Тѣлесное наказаніе въ наше

время было излюбленнымъ педагогическимъ средствомъ. Средство это преимущественно практиковалось по субботамъ.

Какъ только раздавался по коридору звонъ шпоръ, мы догадывались, что это знаменовало торжественное шествіе инспектора классовъ полковника Зеновича-Кашенко и подъ его предводительствомъ такъ называемыхъ архангеловъ, во образѣ служителей съ пучками розгъ и скамейкою. Всѣ, чаявшіе наказанія, какъ-то растерянно прислушивались, ежились всѣмъ существомъ и читали молитву, чтобъ чаша миновала ихъ. Старые кадеты бывали только сосредоточены. Двери въ классъ распахивались, бомбой влеталъ Кашенко, а за нимъ и его грозная сила. Обыкновенно изъ класса выдергивалось человѣка три или четыре, надъ которыми производилась публично экзекуція по всѣмъ правиламъ искусства; долго потомъ въ ушахъ стояли крики наказанныхъ и особенно пронзительный визгъ розгъ. Впослѣдствіи я встрѣчалъ Зеновича-Кашенко въ Кронштадтѣ, гдѣ онъ былъ командиромъ крѣпостной артиллеріи и, кажется, пилъ мертвую, о чемъ свидѣтельствовалъ сине-багровый носъ и нетвердая походка.

Утренними расправами дѣло однако же не оканчивалось; вечеромъ въ ротахъ, куда передавались, такъ называемые, лѣнныя списки, въ цейхгаузахъ, послѣ выдачи счастливымъ, шедшимъ въ отпускъ, мундировъ и амуниціи, надъ лѣнными, поощаженными въ классахъ, ротные командиры производили экзекуцію. Въ это время у дверей обыкновенно собиралась толпа любопытныхъ подсматривать въ щелочку, что тамъ происходило, и подслушивать, кто изъ наказываемыхъ держитъ себя молодцомъ, т.-е. не кричитъ. Я прогуливался разъ по залѣ и въ то время, когда подошелъ къ дверямъ цейхгауза, толпа, замѣченная ротнымъ командиромъ, отхлынула, такъ что я одинъ очутился передъ нимъ. Схвативъ меня за погонъ, несмотря на увѣреніе, что я только что подошелъ къ цейхгаузу, высѣкъ меня, приговаривая въ носъ: «не любопытничай».

Въ воскресенье, послѣ обѣда, въ двѣ или три классныя комнаты засаживались вплоть до ужина занесенные въ лѣнныя списки, и хотя для присмотра за ними наряжался дежурный офицеръ, но наблюденіе его было обыкновенно слабо; лѣнныя всѣхъ возрастовъ были перемѣшаны въ лѣнныхъ классахъ, книга раскрывалась только для вида, и тамъ стоялъ дымъ коромысломъ, такъ что эта мѣра исправленія была не только бесполезна, но вредна.

Счастливымъ, которые шли въ отпускъ, ротный командиръ дѣлалъ смотръ, муштровка была продолжительная, осматри-

валася одежда, амуниція, коротки ли волосы и т. д. Случалось, что за какую-нибудь ничтожную неисправность бѣднягу не только лишали отпуска, но еще подвергали наказанію. Послѣ осмотра отпускаемому выдавался билетъ, на одной сторонѣ котораго значилось названіе корпуса, роты, званіе, имя и фамилія, куда и на какой срокъ отпущенъ; тутъ же была и подпись ротнаго командира, а на другой—слѣдующее наставленіе, которому долженъ былъ слѣдовать отпускной кадетъ: «предписывается на время отпуска соблюдать вездѣ и со всѣми правила вѣжливости и благопристойности, равно какъ форму и чистоту въ одеждѣ; всѣмъ гг. генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ дѣлать фронтъ, ходить по улицамъ и быть въ публичныхъ собраніяхъ не иначе, какъ съ провожатымъ, и билетъ сей всегда имѣть при себѣ (между 3-й и 4-й пуговицами мундира). Несоблюденіе сего приказанія лишаетъ воспитанника, не оправдавшаго довѣрія начальства, права на отпускъ изъ заведенія впредь».

Въ 1839 г. меня перевели во 2-ю роту; мальчугановъ сначала забавляло, что имъ роздали ружья со штыками, пригнали амуницію и водили на фронтное ученіе два раза въ день, приготавливая къ выступленію въ лагерь, въ составъ роты. Наконецъ, желанный день наступилъ, послѣ ранняго обѣда грянулъ во дворѣ генераль-маршъ, и насъ вывели въ шинеляхъ и полной походной амуниціи на плацъ и ввели въ линію. Гренадерскій взводъ, молодецъ къ молодцу, сопровождалъ знамя, встрѣченное съ обычными почестями и ставшее среди нашей роты карапузиковъ. Отслужили передъ фронтомъ напутственный молебенъ; священникъ призвалъ на насъ благословеніе Божіе, а директоръ далъ наставленіе, какъ вести себя въ лагерь. Баталіонный командиръ Святковскій, чувствовавшій себя не совсѣмъ ловко верхомъ, скомандовалъ: «ружье вольно, по отдѣленіямъ направо маршъ», и подъ бой барабановъ и звуки музыки мы двинулись къ Проломной заставѣ. Всѣ лица были торжественны, а ноги отбивали тактъ; только нашъ ротный командиръ, капитанъ Флейшеръ I, измѣнялъ изрѣдка общее настроеніе, когда, озираясь, негромко повторялъ: «смотри, ракаліи, штыковъ не заваливать и равняться», а такъ какъ онъ букву р не выговаривалъ, замѣняя ее буквой л, то и вызывалъ у насъ невольную улыбку, которую приходилось скрывать.

За заставой, какъ и быть должно, были вызваны по взводу въ авангардъ и въ арьергардъ, и мы походнымъ порядкомъ двинулись дальше. Въ Кожуховѣ перешли по пловучему мосту Москву-рѣку, дѣлали привалъ и подъ вечеръ церемоніальнымъ маршемъ вошли въ лагерь.

Въ этомъ году мы стояли еще въ старомъ лагерѣ, верстахъ въ полтора отъ историческаго села Коломенскаго; объ этомъ свидѣтельствовала, между прочимъ, надпись на воротахъ: «Се Россій Виаіемъ, Коломенско село, Петра Великаго на свѣтъ произвело». Коломенское было въ виду лагеря, лѣвѣ виднѣлся Николо-Перервинскій монастырь. Мѣстность лагеря была низменная со склономъ къ плацу, чѣмъ мы въ дождливое время пользовались какъ нельзя лучше, спуская послѣ каждаго дождя воду на плацъ, успѣвая такъ его нагрязнить, что день, а иногда другой нельзя было дѣлать ученья.

Мы жили уже не въ маленькихъ палаткахъ, какъ было прежде и о чемъ мы очень жалѣли, а въ шатрахъ съ двойнымъ верхомъ; въ каждомъ шатрѣ помѣщался взводъ, на концахъ шатра были отдѣленія для офицеровъ, которые въ окошко могли наблюдать за всѣмъ происходившимъ въ шатрѣ. Койки были устроены на двоихъ кадетъ съ перегородкой посрединѣ, въ головахъ на полкѣ помѣщались ранцы, а возлѣ висѣла амуниція, ружья стояли у среднихъ столбовъ, поддерживавшихъ наметъ шатра. Всѣхъ шатровъ по числу взводовъ было 8, по четыре съ каждой стороны палатокъ лагернаго караула; впереди плаца стояли палатки полевого караула, а позади всего лагеря—задняго; между шатрами и палатками задняго караула располагались палатки баталіоннаго командира, адъютанта, навѣсъ для обѣда, кухня, цейхгаузы, конюшни и служительскія палатки.

День нашъ начинался рано; въ шесть часовъ барабанъ билъ повѣстку, а черезъ четверть часа утреннюю зорю; мы вставали и въ одномъ бѣльѣ съ накинутыми на плечи шинелями бѣжали на заднюю линейку умываться, торопясь не опоздать въ строй, такъ какъ на весь туалетъ давалось очень мало времени; путешествіе къ умывальникамъ въ лѣтнее время не представляло особенныхъ неудобствъ, но въ августѣ, когда, случалось, бывалъ морозъ, было не изъ пріятныхъ.

Выстроившись на линейкахъ, послѣ осмотра одежды и молитвы, мы пили сбитень съ булкой, послѣ чего надѣвали амуницію и выходили на ротное ученье, продолжавшееся около двухъ часовъ. Усталые, только что успѣвали мы разоблачиться, какъ снова должны были выстраиваться на линейкѣ, чтобы итти на гимнастику. Черезъ день по очереди назначался разводъ съ церемоніей, послѣ котораго караулы занимали свои мѣста на все то время, которое свободные отъ развода были на гимнастикѣ. Караулы выставлялись опять вечеромъ, передъ зарей съ церемоніей до 11 ч. ночи. Послѣ гимнастики насъ сажали съ книгами подъ навѣсомъ заниматься; предполагалось, что мы будемъ по-

вторять то, что было сдано на экзаменахъ, но начальство сильно ошибалось; оставаясь подъ присмотромъ одного дежурнаго офицера, которому невозможно было усмотрѣть за 400 чел., мы проводили время въ разговорахъ и разныхъ шалостяхъ. Безцѣльное сидѣнье, въ самый жаръ, въ теченіе часа или болѣе, утомленныхъ физически дѣтей было сущей пыткой, насъ томилъ голодъ и особенно жажда; а тутъ, какъ на грѣхъ, въ запертыхъ чанахъ стоялъ квасъ; поневолѣ, съ рискомъ остаться безъ обѣда, мы, поодионокѣ, наблюдая осторожность, чтобы не быть замѣченными, пробирались къ ближайшему чану и, припавъ къ нему, черезъ соломинку скоро натягивались квасомъ. Обѣдъ слѣдовалъ тотчасъ послѣ классныхъ занятій; только что мы успѣвали убрать книги, какъ барабанъ билъ столовый сборъ, и насъ велѣи подъ тотъ же навѣсъ; на столахъ уже стояли деревянные чашки съ горячимъ, скатертей и салфетокъ въ лагерѣ не полагалось, ложки были также деревянные. Обѣдъ продолжался не болѣе получаса, такъ что приходилось торопиться съ каждымъ блюдомъ и часто не доѣдать, а въ дежурство А. И. Голеновскаго, который почему-то заботился, чтобы обѣдъ оканчивался еще скорѣе, мы постоянно обжигали себѣ ротъ горячимъ.

Послѣобѣденный часъ былъ для насъ свободнымъ временемъ, начальство кушало; но утомленіе было такъ велико, что большинство этой свободой пользовалось своеобразно, а именно ложилось на койки и мертвецки засыпало.

Въ три часа вызывали на застрѣльщицье ученіе несчастную третью шеренгу, а въ четыре обыкновенно выводили въ амуниціи, изрѣдка въ фуражкахъ, всѣхъ на баталіонное ученіе, продолжавшееся около двухъ часовъ.

Памятны мнѣ эти ученія, особенно, когда я былъ во 2-й ротѣ, и памятны по многому. Передъ началомъ ученія проходилъ по фронту баталіонный командиръ, при чемъ подивизионно командовали «на плечо, глаза направо», командира провожали глазами и требовалось, чтобы всѣ смотрѣли весело и на привѣтливое «здравствуйте, господа» отвѣчали согласно и безъ крика: «здравія желаемъ». Сдѣлавъ замѣчанія относительно выправки, чистоты одежды и пригонки амуниціи, баталіонный командиръ начиналъ ученіе командой «смирно, баталіонъ, на плечо, на караулъ» и т. д. Продѣлывали множество пріемовъ, теперь несуществующихъ; ружья у насъ были кремневые, и мы носили ихъ подъ прикладъ въ лѣвой рукѣ, только одни унтеръ-офицеры носили ружье, какъ теперь всѣ носятъ винтовку; заряденіе было на 12 темповъ, на 4 и вольное.

Въ началѣ лагеря каждый пріемъ повторялся нѣскольк

Рисунокъ 20—30 гг. изъ собранія акад. В. И. Вернадскаго.

разъ до тѣхъ поръ, пока онъ выходилъ совершенно отчетливо. Ружейные приемы оканчивались командой «ружье къ ногѣ, стоять вольно, оправиться». Это былъ кратковременный отдыхъ; кому удавалось, тотъ спѣшилъ снять украдкой киверъ, который такъ давилъ лобъ, что оставлялъ на немъ красный рубецъ. При командѣ «смирно» мы, маленькіе, начинали сильно волноваться и было отчего: мы знали, что тотчасъ начнется вторая, особенно страшная часть ученія—движеніе баталіона развернутымъ фронтомъ и ломка фронта, а эти штуки куда были не легки, при трехшереножномъ строѣ и той строгости, съ которою тогда требовалось равненіе. Легко ли было двѣнадцатилѣтнимъ ребятамъ, занимавшимъ въ строю батальона середину, шагать, не отставая отъ фланговъ, на которыхъ маршировали молодые люди 17—20 лѣтъ; въ гренадерскомъ и второмъ взводахъ фланговые кадеты были 12 и 14 верш. росту. Неудивительно поэтому, что, какъ только раздавалась команда: «батальонъ впередъ, дирекція на середину», мы, предчувствуя, особенно при движеніи тихимъ шагомъ, что какой-нибудь рядъ изъ ближайшихъ къ знаменнымъ унтеръ-офицерамъ будетъ вытѣсненъ, ощущали нѣчто подобное тому, что ощущали лѣнвые, когда по класснымъ коридорамъ звенѣла шпора Зеновича-Кащенко. Злосчастные частенько находились, и тогда тотчасъ слышался ласковый голосъ Святковскаго: «поручикъ, имя-рекъ, а дайте имъ на заднемъ караулѣ по десяти горяченькихъ», что, конечно, и исполнялось поручикомъ неукоснительно. Въ этомъ году наказанныхъ на ученіяхъ было немало, благодаря особенно еще тому обстоятельству, что въ жары появились какія-то пребольно кусавшія мухи; укушенные инстинктивно шевелились, и горе было замѣченнымъ, такъ какъ шевеленье во фронтѣ было преступленіемъ, которое никогда не оставалось безнаказаннымъ. Ученіе оканчивалось церемониальнымъ маршемъ; сначала мы проходили шеренгами, потомъ повзводно, дивизионно и, наконецъ, взводною или дивизионною колонною. Мы особенно старались на церемониальномъ маршѣ, когда хотѣли купаться; тогда почти каждый взводъ при прохожденіи мимо начальства заслуживалъ одобренія: «хорошо такой-то взводъ», «рады стараться», дружно отвѣчали мы, зная, что за похвалой послѣдуетъ приказаніе вести на купанье. Насъ водили купаться въ Москву-рѣку по коломенскимъ огородамъ, въ которыхъ мы производили порядочныя опустошенія. Хотя всякаго рода кража обыкновенно возбуждала въ насъ гадливое чувство и пойманный несъ наказаніе отъ самихъ товарищей, но тутъ, когда отъ зноя и усталости пересыхало во рту, соблазнъ во образѣ сочныхъ огурцовъ былъ такъ великъ,

что неумолимые при другихъ обстоятельствахъ судьи сами обращались въ воришекъ.

Впрочемъ, сами огородники смотрѣли на наши экскурсіи благодушно и только въ рѣдкихъ случаяхъ заявляли претензію, жалуясь начальству. Помню, что въ одинъ злосчастный день, вѣроятно, выведенный изъ терпѣнія нашимъ мародерствомъ огородникъ, притаившись, успѣлъ схватить фуражку съ одного изъ кадетъ нашей роты, замѣшковавшагося въ грядкахъ; вещественное доказательство было налицо и пойманному даромъ это не прошло, другихъ виновныхъ открыто, конечно, не было, а такъ какъ гряды были опустошены, то наказали всю роту, продержавъ ее на другой день подъ ружьемъ на линейкѣ. Наказаніе это было не изъ легкихъ, особенно для нашего дѣтскаго возраста: держать долго ружье подъ прикладъ было трудно и, хотя удавалось изрѣдка тишкомъ подхватывать ружье правою рукой, но въ концѣ-концовъ отъ продолжительнаго стоянія подъ ружьемъ многимъ дѣлалось дурно.

Ужинали мы опять подъ навѣсомъ и, если заря была простая, послѣ молитвы на ротной линейкѣ усталые торопились скорѣе лечь. Въ продолженіе лагеря нѣсколько разъ бывала ночная тревога, прерывавшая нашъ отдыхъ; приходилось въ полумракѣ одѣваться, надѣвать походную амуницію, отыскать свое ружье, и все это сдѣлать проворно, чтобы рота въ какія-нибудь пять минутъ была во фронтѣ и, какъ говорилось, не осрамилась передъ другими. Почти всегда послѣ ночной тревоги были пораненные и ушибленные.

Заря съ церемоніей назначалась въ тѣ дни, когда бывалъ разводъ. Тотчасъ послѣ вечерняго ученія выставлялись караулы и по постамъ разводились часовые. Послѣ ужина батальонъ выстраивался на передней линейкѣ, и заря игралась на сигнальной ракетѣ, оканчиваясь гимномъ: «Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ». Молитву Господню пѣлъ весь батальонъ. Долго послѣ зари раздавались по лагерю дѣтскіе голоса часовыхъ, усердно выкрикивавшихъ «слушай», пока рунды повѣряли знаніе ими своего дѣла; затѣмъ караулы снимались.

Передъ окончаніемъ лагеря директоръ корпуса обыкновенно дѣлалъ смотръ, на который батальонъ являлся вполнѣ выученнымъ; тогда же устраивался лагерный праздникъ, т.-е. сжигался фейерверкъ, приготовленный старшими классами. Они, сверхъ общихъ занятій, работали въ лабораторіи, упражняясь въ боевой стрѣльбѣ въ цѣль и ходили на геодезическую съемку.

Въ воскресенье и праздничные дни бывалъ всегда церковный парадъ; усталые и облитые потомъ, мы отстаивали въ Коломен-

ской церкви обѣдню, конечно, безъ должнаго вниманія и еще болѣе усталыми возвращались въ лагерь. Не всѣмъ и въ праздничные дни приходилось отдохнуть: многіе изъ насъ искупали свои вины, совершенныя на недѣлѣ, отстаивали на линейкѣ.

Въ это лѣто случился въ лагерь пожаръ; денщикъ, раздувая офицерскій самоваръ, зажегъ шатеръ, который моментально былъ охваченъ огнемъ, и хотя почти все успѣли спасти, но начальство замѣтило, что нѣкоторые старатели дѣлали только видъ, что спасаютъ вещи, а сами бросали ихъ подъ вѣтеръ, а такъ какъ въ суматохѣ виновныхъ доискаться не могли, то всю роту нѣсколько дней продержали на линейкѣ.

Изъ лагеря насъ выводили къ 10-му августа тѣмъ же порядкомъ, какимъ водили въ лагерь.

Въ корпусномъ зданіи послѣ лѣтняго ремонта вездѣ пахло свѣжей краской; вся незатѣйливая обстановка нашихъ помѣщеній носила печать обновленія и производила пріятное впечатлѣніе. Послѣ лагеря давался намъ недѣльный отдыхъ, и распускали по домамъ тѣхъ, кому было, куда итти.

Въ этомъ году были маневры подъ Бородинымъ и освященіе памятника на Бородинскомъ полѣ; изъ каждой роты избранные, я не былъ въ числѣ ихъ, присутствовали на этихъ церемоніяхъ.

Весь конецъ августа и начало сентября насъ усиленно готовили къ царскимъ смотрамъ на корпусномъ лугу ¹⁾. 8-го сентября рано утромъ насъ поднимали, наскоро заставили позавтракать, одѣли во все новое и повели въ парадъ на закладку храма Христа Спасителя. Въ манежѣ мы дѣлали привалъ и чистились; тамъ отъ купечества намъ роздали по калачу и по куску холоднаго мяса, что было очень кстати. Въ то же время въ манежѣ вѣхала прямо съ похода конная батарея, вызванная государемъ наканунѣ изъ Коломны, сдѣлавшая менѣе чѣмъ въ сутки болѣе 100 верстъ. По Волхонкѣ стояли батальоны безсрочно-отпускныхъ гренадеръ, съ сѣдыми усами и бакенбардами, увѣшанныхъ медалями, настоящихъ чудо-богатырей; они провожали насъ добродушной улыбкой и сожалѣніемъ, «что бѣдные графчики

¹⁾ На этомъ же лугу учился всегда 2-й учебный Карабинерный полкъ обыкновенно въ наше рекреаціонное время. Строгости тамъ были неимоверныя, людей наказывали сразу цѣлыми шеренгами, пропуская только рядовыхъ изъ дворянъ; для наказаній каждый унтеръ-офицеръ обязанъ былъ въ дулѣ ружья носить гибкую трость. Масса людей отмѣчалась еще мѣловымъ крестомъ на воротникѣ; этимъ предстояло наказаніе въ казармахъ, и вотъ мы считали своею обязанностію, для добраго дѣла, когда карабинеры возвращались съ плаца, стирать, какъ можно болѣе, этихъ крестовъ, для чего съ большою ловкостью и несмотря на угрозы карабинернаго начальства шныряли между шеренгами и всегда дѣйствовали болѣе или менѣе успѣшно.

устали». Батальонъ нашъ занялъ развернутымъ фронтомъ западную сторону площади, на остальныхъ трехъ расположены были свободныя части гвардіи, которую мы видѣли въ первый разъ; она поражала ростомъ людей и щеголеватостью мундировъ, особенно же «поскутѣемъ знаменъ побѣдныхъ». О послѣднихъ я упоминаю потому, что наше знамя, не издавшее, конечно, видовъ, было цѣло и мы, чтобы придать ему болѣе почтенный видъ, при всякомъ удобномъ случаѣ дырявили его штыками. Довольно долго пришлось намъ любоваться гвардейцами, дивиться на великана тамбуръ-мажора Преображенскаго полка, Лучкина. Но вотъ раздались стихійные крики «ура», издали доносившіеся до насъ,—государь выѣзжалъ изъ Кремля. Окруженный многочисленной свитой, подъ бой барабановъ и звуки музыки при несмолкаемомъ «ура!» онъ, объѣхавъ войска и галопомъ подѣхавъ къ намъ, поздоровался: «Здравствуйте, молодцы», шагомъ проѣхалъ по нашему фронту при восторженныхъ крикахъ и, отскакавъ къ мѣсту закладки, скомандовалъ всѣмъ «на молитву». Богослуженіе происходило въ глубокомъ фундаментномъ выемѣ, но, несмотря на значительное разстояніе, возгласы знаменитаго протодіакона Александра Антоновича были довольно ясно слышны, а возгласъ «во блаженномъ успеніи», а потомъ «на многая лѣта» достигали до насъ совершенно отчетливо. По окончаніи церемоніи мы черезъ всю Москву промаршировали подъ музыку и только вечеромъ возвратились домой голодные и большинство со стертymi ногами, но вполне счастливые отъ всего, что видѣли и перечувствовали въ этотъ памятный день.

Вскорѣ послѣ закладки храма, наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ, по порученію государя, дѣлалъ намъ смотръ на лугу передъ корпусомъ. Онъ былъ въ мундирѣ Бородинскаго полка, шефомъ котораго только что былъ назначенъ; помню, что мы разсѣяннo держали себя на этомъ смотрѣ, шевелились, смѣялись и разговаривали, чего не смѣли позволить на домашнихъ ученьяхъ. Наслѣдникъ неоднократно повторялъ: «господа, нельзя же во фронтѣ смѣяться»; однако церемоніальный маршъ покрылъ все козыремъ, мы получили «спасибо», роспуски по домамъ и, кажется, по фунту конфетъ, которыя присылались намъ въ каждый царскій пріѣздъ въ Москву.

Послѣ отъѣзда государя изъ Москвы корпусная жизнь вошла въ свою обычную колею. По средамъ послѣ утреннихъ классовъ и въ воскресенье передъ церковнымъ парадомъ намъ читался воинскій артикулъ Петра В., который мы мало понимали, но постоянно повторявшіяся слова «аркебузировать, весьма живота лишать за всякія преступленія противъ вѣры, государя и воин-

ской дисциплины» сильно вліяли на наше дѣтское воображеніе и вселяли въ насъ ужасъ.

Каждую среду насъ водили въ баню, стоявшую особнякомъ, саженьяхъ въ 30-ти отъ главнаго зданія. Зимой это путешествіе было спартанскимъ подвигомъ; въ однѣхъ курточкахъ, фуражкахъ набекрень, съ кускомъ мыла и полотенцемъ подъ мышкой проводили насъ по холоднымъ коридорамъ и открытому двору, и такъ какъ при проходѣ всякой двери строй растягивался, то насъ постоянно останавливали, чтобы подтянулись задніе ряды. Дежурные офицеры особенно любили останавливать роту при выходѣ изъ бани и на дворѣ давать до того продолжительныя наставленія, что у насъ покрывались инеемъ волосы. Впрочемъ мы и сами любили молодцовать: прямо сошедши съ полка, ложились подъ кранъ съ холодной водой, а если не останавливалъ дежурный офицеръ, то выбѣгали изъ бани и валялись въ снѣгу; и, конечно, все сходило благополучно.

Еженедѣльно у насъ были также гимнастическій и танцевальный классы. Гимнастическія занятія состояли въ бѣганіи, прыганіи черезъ натянутый канатъ, черезъ конскую чучелу и упражненіи на параллельныхъ брусьяхъ, лазаніи на рукахъ по лѣстницѣ, шесту и канату. Танцевать учили кадрили, вальсъ, галопадъ и мазурку. И гимнасты, и танцоры изъ насъ были недурные.

Немного свободного времени оставалось у насъ для игръ и отдыха, но зато, какъ только представлялась возможность, мы не упускали случая затѣять такую возню, что дежурному офицеру съ трудомъ удавалось возстановить порядокъ и еще труднѣе произвести слѣдствіе, такъ какъ всегда получалось, что многіе оказывались съ разбитымъ носомъ, вырванными погонами или другими знаками насилія. Въ теченіе дня наказанныхъ стоять на серединѣ залы, на колѣняхъ, у колонны въ столовой. оставленныхъ безъ одного или двухъ блюдъ и, наконецъ, посаженныхъ на хлѣбъ и воду было обыкновенно немало. Этимъ наказаніямъ подвергали насъ не только офицеры, но и унтеръ-офицеры.

Совершенно понятно, что отъ такой жизни иногда хотѣлось отдохнуть; бывало, притворишься больнымъ «*febris хитримесь*», какъ мы называли притворную болѣзнь, передъ дежурнымъ офицеромъ—она и сходила за настоящую лихорадку, и якобы больного отправляли съ дежурнымъ унтеръ-офицеромъ въ лазаретъ. Хорошо, если дежурнымъ ординаторомъ оказывался Н. З. Юшеновъ, добрейшій человѣкъ, хорошій врачъ, онъ скроетъ притворство, и пациентъ отоспится и сладко поѣстъ лазаретной

порціи, но, если угодишь въ дежурство штабъ-лекаря Тимофеева, толстенъкаго, рябого, гнусаваго человѣка, то горе было притворщику; осмотрѣвъ его, онъ назначалъ самое ехидное лѣченіе: «раздѣть, положить въ постель, напоить теплымъ, не давать обѣдать и въ три часа въ классъ». Ну, конечно, послѣ такого лѣченія сейчасъ выздоровѣешь и въ лазаретъ скоро не захочешь. Въ эту осень я, впрочемъ, попалъ въ лазаретъ заправски: въ одинъ изъ праздниковъ насъ выпустили гулять въ рощу; обширная роща, окаймлявшая съ одной стороны лугъ передъ зданіемъ корпуса, по преданію была посажена какимъ-то вельможей, какъ сюрпризъ для императрицы, въ одну ночь. Въ мое время деревья, преимущественно березы, были уже очень почтеннаго возраста и размѣровъ, тѣни давали вдоволь. Такъ мы обыкновенно разсыпались во всѣ стороны и были на всей своей волѣ; играть въ мячъ было нельзя, а потому въ саду мы устраивали съ большими предосторожностями катанье на плотахъ, а въ рощѣ игру въ войну. Въ этотъ злосчастный для меня день, я, погулявъ немного съ братомъ, ушелъ отъ него и ввязался въ игру, а игра состояла въ томъ, что двѣ противныхъ стороны, расположившись цѣпами на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга, перебрасывались камнями. Не успѣлъ я стать въ линію, какъ почувствовалъ сильный ударъ въ високъ; что-то теплое полилось по лицу и я свалился, какъ снопъ, потерявъ сознание. Очнулся я въ лазаретѣ, гдѣ меня привели въ чувство и перевязали: рана моя была серьезна, попади камень лѣвѣе, она могла быть смертельной, а попади правѣе, я лишился бы глаза. Начальство мое хорошо знало, что пораненіе мое не могло быть случайнымъ, а потому, какъ только мнѣ стало лучше, приступило къ допросамъ съ застраиваніями, кто и какимъ образомъ меня ранилъ? Я зналъ, что камнемъ въ меня угодилъ кн. Джеморджидзе, но, конечно, его не выдалъ и какъ сталъ на томъ, что бѣжалъ и наткнулся на сукъ, такъ отъ меня больше ничего и не могли добиться.

Старшій врачъ О. П. Дубецкій, высокій, сутуловатый, смотрѣвшій изъ подлобья старикъ, всегда щеголевато одѣтый, былъ, кажется, не мудрый докторъ, но добрый человѣкъ; объ немъ говорили: О. П. всякую болѣзнь сначала переведетъ въ горячку, а потомъ начнетъ лѣчить. Доброту его мы испытывали, прося назначить на порцію куриную котлетку и молочную кашу, приготовлявшіяся необыкновенно вкусно, и рѣдко получали отказъ. Смертность была у насъ незначительная, умирали преимущественно отъ легочной чахотки, а дѣтскія эпидеміи—корь, скарлатина, помнится, всегда давали благопріятный исходъ; о диф-

теритѣ мы тогда и не слыхивали. Если тяжело больному дѣлали особые превенансы и назначали чай, то мы смекали, что дѣло плохо и что бѣдняга умереть. Съ замираніемъ сердца тайкомъ мы прбирались въ лазаретный цейхгаузъ смотрѣть на покойниковъ, что почему-то строго запрещалось. Въ день похоронъ обыкновенно назначался въ парадъ взводъ кадетъ съ хоромъ музыки для отданія воинской почести умершему.

Зимою по субботамъ въ тронной залѣ бывало баталіонное ученіе. Зала эта въ два свѣта, квадратная такъ велика, что батальонъ съ музыкантами на флангѣ становился покоемъ; здѣсь Святловскій, что называется, доводилъ насъ до совершенства, добиваясь, чтобы при маршировкѣ не было слышно ни малѣйшаго шарканья, чего при большомъ резонансѣ въ залѣ достигнуть было нелегко.

Въ праздничные дни въ тронной залѣ бывали церковные парады, иногда со знаменемъ, а послѣ обѣдни разводъ съ церемоніей отъ очередной роты; караулъ стоялъ цѣлый день и снимался только послѣ вечерней зари.

Я постоянно переходилъ изъ класса въ классъ, хотя, по правдѣ сказать, до старшихъ классовъ учился весьма посредственно. У насъ было 7 нижнихъ, 6 среднихъ и 2 верхнихъ класса; изъ нихъ были образованы 2 приуготовительныхъ, 6 общихъ и 2 специальныхъ; приуготовительные и общіе классы имѣли по два отдѣленія. Въ 1839 году я былъ уже во 2-мъ общемъ классѣ. Изъ преподавателей въ общемъ классѣ особенно памятенъ профессоръ естественной исторіи А. К. Рулье, высокій, красивый брюнетъ съ длинными, откинутыми назадъ волосами, умными и добрыми глазами и развинченной походкой; мы его очень любили и, когда онъ манкировалъ урокомъ, мы бывали искренно огорчены. Его образный, ясный языкъ намъ особенно нравился; у него всѣ учились хорошо и шалили мало; Н. Ѳ. Бикъ, на высокихъ каблукахъ, безпрестанно шутившійся, съ тоненькимъ голоскомъ, преподавалъ въ первомъ общемъ классѣ тригонометрію, а потому мы прозвали его «синусомъ»; его любили за то, что онъ всегда съ нами шутилъ, былъ вообще снисходителенъ, а передъ экзаменами спрашивалъ обыкновенно: кому сколько выставить балловъ; А. И. Ивановъ, учитель физики, былъ небольшого роста, нѣсколько пришепетывалъ, а во время ходьбы присѣдалъ; его мы звали «частичкой» и считали почему-то необыкновенно ученымъ; свой предметъ преподавалъ онъ занимательно и нерѣдко водилъ въ физическій кабинетъ на опыты, гдѣ мы промышляли себѣ лакомство въ видѣ куска сахара, который обильно поливали виннымъ спиртомъ.

Въ 40-мъ году братъ мой Н. А. былъ выпущенъ изъ корпуса съ производствомъ въ офицеры и назначенъ въ 5-ю конную батарею. Мнѣ было всего 13 лѣтъ; я былъ переведенъ въ 3-ю роту, въ которой пробылъ только лагерь, осенью же переведенъ въ гренадерскую; по какимъ соображеніямъ меня такъ рано перевели въ привилегированную роту, я никогда не могъ узнать, но тогда это льстило моему самолюбію, и я не безъ гордости надѣлъ желтый помпонъ стрѣлка. Привилегія кадетъ гренадерской роты состояла въ томъ, что они были избавлены отъ тѣлеснаго наказанія, заслуживавшихъ же его предварительно переводили въ 1-ю роту. Впрочемъ мнѣ памятенъ случай съ кадетомъ Потаповымъ, окончившійся величайшимъ скандаломъ, такъ какъ эта привилегія была нарушена. Потаповъ былъ уже выпускнымъ, но по фронту былъ слабъ; на шереножномъ ученьи взводный офицеръ С. нѣсколько разъ кричалъ на него, чтобы онъ подтянулъ прикладъ, тотъ поправлялся, какъ могъ, но затѣмъ отвѣтилъ, что подтянуть приклада больше не можетъ. Этого отвѣта было достаточно, чтобы загорѣлся сыр-боръ. Су... нажаловался ротному командиру, тотъ напустился на несчастнаго, въ это время вошелъ въ залу директоръ корпуса Н. П. Ан., бывшій вѣроятно не въ духѣ, и резолюція была готова: наказать виновнаго примѣрно передъ ротою, перевести въ 1-ю роту и надѣть сѣрую куртку. Но какъ только было приступлено къ исполненію резолюціи, произошло необычайное нарушеніе воинской дисциплины: изъ рядовъ поднялся ропотъ, и вся рота, какъ бы по командѣ, вышла изъ зала. Начальство, вѣроятно, сильно струхнуло, потому что эта исторія была замолчана и осталась безнаказанною. Потаповъ же, выдержавъ весь искусь, въ томъ же году былъ произведенъ въ офицеры въ конную артиллерію.

Въ 41 году весной государь пріѣзжалъ въ Москву съ молодыми; въ этомъ году женился наслѣдникъ Александръ Николаевичъ. Выходъ былъ торжественный; нашъ батальонъ былъ выстроенъ отъ Краснаго крыльца до южныхъ дверей Успенскаго собора. Народъ покрывалъ все видимое пространство и даже крыши. Появленіе государя на Красномъ крыльцѣ было встрѣчено стихійнымъ «ура!», колокольнымъ звономъ, пушечной пальбой и музыкой. Въ дверяхъ собора митрополитъ Филаретъ привѣтствовалъ государя, который держалъ подъ руку цесаревну, рѣчью; наслѣдникъ стоялъ сзади. Послѣ молебствія государь вывелъ цесаревну изъ собора и снова былъ встрѣченъ несмолкаемыми криками восторгá; она подняла зонтикъ, но государь приказалъ ей опустить, «народъ желаетъ тебя видѣть», сказалъ

онъ и, указавъ на насъ, прибавилъ: «у меня здѣсь нѣтъ гвардіи, вотъ моя гвардія». При возвращеніи съ парада государь еще разъ милостиво привѣтствовалъ насъ съ балкона Николаевского дворца.

Въ одно изъ посѣщеній Москвы царскою фамиліею, бывшее осенью, государь сдѣлалъ намъ ученіе, расхвалилъ и приказалъ распустить въ отпускъ на три дня. Великій князь Михаилъ Павловичъ, которому государь, вѣроятно, передалъ объ этомъ, назначилъ намъ смотръ. При приближеніи великаго князя къ фронту было замѣтно, что онъ былъ не въ духѣ; батальонъ дѣйствительно былъ хорошо выученъ, но увы! на этотъ разъ все оказалось скверно—и ружейные приемы, и движенія; батальономъ великій князь отвелъ насъ къ старымъ кирпичнымъ ямамъ и сочинилъ совершенно новый маневръ, скомандовавъ «наступленіе полубатальонами», маневръ—противный тактическому понятію атаки. Командиры, конечно, растерялись, дѣлали не то, что желалъ великій князь, онъ разсердился и водилъ насъ до тѣхъ поръ, пока маленькіе не стали клевать носами, многимъ дѣлалось дурно, и ряды такъ разрѣдѣли, что въ маленькой ротѣ къ церемоніальному маршу осталось во взводѣ по 6-ти рядовъ. Церемоніальный маршъ также не удался,—ужь очень мы были утомлены и сконфужены; великій князь, разбранивъ насъ еще разъ, назначилъ черезъ день опять смотръ. Какимъ образомъ мы могли усовершенствоваться въ одинъ день? Въ назначенное время насъ вывели на дворъ, гдѣ было совершенно гладко, но это нашему успѣху не помогло: великій князь разбранилъ насъ еще больше, приказалъ дѣлать по два раза въ день ученіе и (срамъ!) обѣщалъ для обученія прислать унтеръ-офицеровъ изъ образцоваго полка, что и исполнилъ. Зимой онъ опять былъ въ Москвѣ, дѣлалъ батальону смотръ въ манежѣ учебнаго полка, расхвалилъ, а отъ нашей роты, которой сдѣлалъ ротное ученіе, пришелъ въ такой восторгъ, что объявилъ, что до такого совершенства выученной роты онъ не видывалъ; объявилъ благодарность въ приказѣ по военно-учебнымъ заведеніямъ, а начальство было награждено орденами.

За одно изъ ученій, кажется въ ту же осень, намъ порядкомъ досталось, но уже по другому случаю. Нашимъ взводомъ командовалъ Ив. Н. П....ъ. Маленькаго роста, кривенькій, съ рахитической грудью, вытянутымъ лицомъ, широкимъ носомъ и бѣгающими глазами, въ рыжемъ парикѣ, И. Н. какъ разъ могъ служить Дарвину и его послѣдователямъ аргументомъ для подкрѣпленія извѣстной теоріи. Во время пальбы, когда И. Н. въ треугольной шляпѣ, надѣтой по формѣ, стоялъ за взводомъ,

кто-то замѣтилъ, что по улицѣ ведутъ мартышку; невольно всѣ обратили на этотъ поѣздъ вниманіе, а на шарманкѣ въ шляпѣ также по формѣ съ саблею въ рукахъ сидѣла обезьяна. Въ это время И. Н. командуеъ, а мы хохочемъ, прикладываемся и стрѣляемъ несогласно, вмѣсто темпа выходитъ какая-то дробь. Ив. Н. бѣснуется, батальонный командиръ Н. М. Флейшеръ, толстякъ и добрякъ, замѣчаетъ, что у насъ происходитъ безобразіе, кричитъ на Ив. Н., тотъ окончательно теряется, грозитъ намъ всевозможными карами и только съ трудомъ водворяетъ порядокъ. Надолго мы были оставлены безъ отпуска, а многіе, въ томъ числѣ и я, сверхъ того, не одинъ день искупали свое прегрѣшеніе, стоя во время обѣда и ужина у столба. Недолго послѣ того Ив. Н. оставался во фронтѣ. Зимой великій князь Михаилъ Павловичъ, помнится передъ смотромъ, о которомъ я говорилъ, по тревогѣ сдѣлалъ ученіе въ тронной залѣ; Ив. Н. по несчастію былъ дежурнымъ по ротѣ, и ему пришлось командовать гренадерскимъ взводомъ. Фигура его, особенно передъ рослыми гренадерами, была до того фатальна, что в. к. разсмѣялся и выслалъ бѣднаго Ив. Н. за фронтъ; съ тѣхъ поръ онъ болѣе во фронтѣ не служилъ, а преподавалъ русскій языкъ въ приготовительныхъ классахъ.

Въ 42-мъ году я былъ переведенъ во 2-й спеціальный классъ и, не знаю за какія заслуги, произведенъ въ ефрейторы, съ назначеніемъ вице-унтеръ-офицеромъ въ 3-ю роту; однако же въ этомъ чинѣ оставался недолго и былъ смѣщенъ, съ переводомъ снова въ гренадерскую роту; а смѣщенъ я былъ за то, что директорскому племяннику, величайшему повѣсѣ, разсѣкъ ключемъ голову.

Итакъ 15-ти лѣтъ, учившись до спеціальныхъ классовъ съ грѣхомъ пополамъ, я попалъ въ выпускной классъ, программа котораго была такъ разнообразна и обширна, что говорили, будто самъ великій Гумбольдтъ отказывался выдержать по ней экзаменъ. Въ самомъ дѣлѣ въ нее входили, насколько запомню: по закону Божію—исторія христіанской церкви и исторія русской церкви; по русскому, французскому и нѣмецкому языкамъ—исторіи ихъ литературъ, а такъ какъ иностранными языками мы вообще плохо владѣли, то приходилось всѣ курсы вы зубрить; по математикѣ—теоретическая и практическая механика, химія неорганическая и органическая; новая всеобщая исторія и исторія Россіи съ воцаренія Дома Романовыхъ; статистика Россіи; законовѣдѣніе и военно-судное устройство и судопроизводство; прикладная тактика и малая война, исторія войнъ 12, 13, 14 и 15 годовъ; долговременная фортификація съ осадой и обо-

роною крѣпостей и миннымъ искусствомъ, по артиллеріи—конструкція лафетовъ и орудій полевыхъ, осадныхъ и крѣпостныхъ, литье орудій, дѣйствительность выстрѣловъ прямыхъ, прицѣльныхъ и навѣсныхъ, исторія артиллеріи и т. д.; фортификаціонное и артиллерійское черченіе. Не помню, кончали мы курсъ низшей геодезіи въ 1 или во 2-мъ специальномъ классѣ.

Каждый преподаватель старался проходить свой предметъ возможно полнѣе, а потому учиться было нелегко, и свободного времени у насъ рѣшительно не было. Руководство помню было только по прикладной тактикѣ, по нѣкоторымъ предметамъ мы составляли записи сами въ классахъ, а по другимъ они составлялись преподавателями и литографировались.

Священникъ отецъ, Александръ Шавровъ, высокій, худощавый брюнетъ въ очкахъ, съ приплюснутымъ носомъ, раздвоенной толстой губой, жидкой бородой, впрочемъ внушительной наружности, служилъ очень хорошо; часто сердился на пѣвчихъ за нотное пѣніе, долго исповѣдывалъ, ставилъ на поклоны, не прочь былъ иногда пожаловаться начальству, хотя самъ бранился исправно, но вообще пользовался надлежащимъ авторитетомъ, и урокъ его проходилъ пріятно, въ бесѣдѣ. Когда батюшку выводили изъ терпѣнія неумѣстными вопросами, онъ съ азартомъ плевалъ и говорилъ: «отойди отъ меня, сатана»; припоминаю его афоризмы: «кто въ судъ, тотъ плутъ» и «пока у насъ сосуды были деревянные, попы были золотые, а съ тѣхъ поръ, какъ завелись сосуды золотые, пошли попы деревянные»¹⁾. Учились у батюшки вообще хорошо, рѣдко кто имѣлъ по Закону Божію менѣе 10 балловъ.

По-русски мы учились также недурно, но иностранные языки шли плохо; нѣмца Баера мы еще любили за его снисходительность, но француза Каро, придиричиваго, несимпатичнаго, безпрестанно стращавшаго обѣщаніемъ «je vous mettrai un zéro», ненавидѣли отъ души. Математику преподавалъ Н. Ф. Бикъ, а химію А. И. Ивановъ, о которыхъ я уже говорилъ. Учитель исторіи И. Г. Лихаревъ, толстый, неуклюжій старикъ, читалъ свой предметъ увлекательно: его оригинальный языкъ, связанный, живой рассказъ, возможно критическое отношеніе къ событіямъ, кстати приведенный анекдотъ, дѣлали уроки исторіи излюбленными.

Изъ остальныхъ учителей нельзя не вспомнить И. В. Кобылякова, преподававшаго тактику и фортификацію; вѣрно, добрую память сохранили о немъ всѣ учившіеся у него московскіе кадеты.

¹⁾ Слова масона Невзорова. *Ред.*

а такихъ было немало, такъ какъ Иванъ Васильевичъ, кажется, болѣе тридцати лѣтъ состоялъ преподавателемъ военныхъ наукъ въ московскомъ корпусѣ. Пожилой, съ черными коротко стриженными волосами, нависшими съ просѣдью усами и бакенбардами, карими добрыми глазами, небольшого роста, въ общearмейскомъ сюртукѣ и штабъ-офицерскихъ эполетахъ съ тремя звѣздочками, Иванъ Васильевичъ входилъ въ классъ скоро, сѣменя ножками, съ улыбкой, которую тщательно старался скрыть. Но лишь только клалъ Ив. Вас. на столъ классный журналъ, какъ кто-нибудь начиналъ хихикать, весь классъ моментально заражался смѣхомъ, при этомъ кто взвизгивалъ, кто завывалъ; нѣсколько секундъ Ив. Вас. сдерживался, но потомъ быстро оборачивался къ классу, хваталъ себя за усы и самъ начиналъ смѣяться съ какимъ-то особымъ завываньемъ до слезъ, усиленно махалъ руками, чтобы мы перестали, но такъ какъ самъ не могъ остановиться, то и весь классъ продолжалъ еще долго гоготать и только понемногу успокаивался подъ укоризненные сквозь смѣхъ возгласы Ив. Вас.: «теперь, собственно, скажемъ довольно, школьники, перестаньте!» Это оригинальное веселье повторялось изъ раза въ разъ и продолжалось нѣсколько минутъ; оно происходило часто и во время урока, но тогда начиналъ смѣяться обыкновенно самъ И. В., хватавшій себя за усы и захлебывавшійся смѣхомъ при каждомъ нелѣпомъ вопросѣ или отвѣтѣ ученика. Только одинъ разъ И. В., разсердился не на шутку, когда мы для большаго эффекта встрѣчи, посадили въ столъ каѳедры кошку; однако же все окончилось хорошо, послѣ многократнаго обозванія насъ школьниками. Говорили, что Ив. Вас. пострадалъ на службѣ въ турецкую войну 29-го года и чуть ли не былъ разжалованъ въ солдаты за рѣзкую выходку передъ старшимъ. Завѣдуя пловучимъ мостомъ черезъ Дунай, онъ нашелъ опаснымъ пропустить по немъ воловій гуртъ и приказалъ доложить генераль-интенданту, «что не для скота Б а строенъ мостъ». Если каламбуръ этотъ дѣйствительно былъ сказанъ И. В., то, конечно, не могъ пройти ему даромъ, но сколько мы не пытали его объ этомъ, онъ всегда отмалчивался. Ив. Вас. былъ всецѣло преданъ дѣлу своего преподаванія, которое велось вполнѣ своеобразно. Все, что составляло сущность извѣстнаго отдѣла, онъ старался запечатлѣть въ нашей памяти, прибѣгая къ мимикѣ и употребляя такія выраженія, которыя по своей оригинальности, иногда просто бессмысленности, обращали все наше вниманіе на предметъ и гвоздемъ въ головѣ засѣдало то, что Ив. Вас. считалъ необходимымъ. Потребность прибѣгать на войнѣ къ постройкѣ укрѣпленій Ив. Вас. объяснялъ нагляднымъ примѣромъ: «тепериче скажемъ, что сдѣлаетъ малосильный,

если на него нападаетъ сильный? Скажемъ, такъ, онъ постарается закрыться табуретомъ, столомъ или другою преградою и оттуда защищаться отъ сильнаго». При объясненіи профиля укрѣпленія Ив. Вас. съ линейкою, замѣнявшею ему ружье, приближаясь къ окну или удаляясь въ глубь классной комнаты, доказывалъ зависимость мертваго пространства отъ высоты профиля, толстоты бруствера и паденія кроны. Понятіе о неборонимомъ секторѣ онъ давалъ, сдвигая и раздвигая двѣ линейки, и т. п. Кто не помнитъ его выраженія: «теперь скажемъ, ночь, темно свѣтитсѣ» при урокахъ фортификаціи, чтобы мы запомнили, что ночью производятся преимущественно всѣ работы, которыя важно скрыть отъ непріятеля, осадныя, а обороняющимся починка поврежденій, а также вылазки, а при урокахъ тактики, что слѣдуетъ избѣгать ночныхъ движеній, какъ особенно утомительныхъ для войскъ и при которыхъ трудно соблюдать необходимый порядокъ. Кто могъ не усвоить свойствъ кавалеріи, когда Ив. Вас., возвышая и понижая голосъ, декламировалъ: «зыкъ, бряканье, конскій топотъ, ржаніе коней, теперь, скажемъ, сильно дѣйствуютъ на нравственныя силы пѣхоты, особенно скажемъ, отступающей пѣхоты», а въ параллель, чтобы мы усвоили себѣ, что главное свойство пѣхоты есть стойкость, онъ прибавлялъ, что хорошую пѣхоту не прорветъ никакая кавалерія.

Не прочь былъ Ив. Вас. иногда посмѣяться надъ зубрилами. Помню, какъ сейчасъ, въ первомъ специальномъ классѣ вызвалъ онъ къ доскѣ К.; начертите планъ штернъ-шанца — начертить, теперь собственно скажите К., на какихъ же ножкахъ онъ стоитъ? К., къ общему изумленію, указалъ на два исходящихъ угла, начерченныхъ внизу доски. Ив. Вас. схватилъ себя за усы и зашелся смѣхомъ до слезъ, весь классъ захохоталъ и долго продолжался этотъ смѣхъ, такъ какъ Ив. Вас. самъ не могъ остановиться, безпрестанно повторяя: «теперь хорошо, именно такъ, скажемъ К., очень хорошо». К. благодаря однакоже умѣнью поддѣлываться къ начальству, несмотря на свои ограниченныя способности, былъ фельдфебелемъ, вышелъ въ конную артиллерію, пристроился въ штабъ главнаго артиллерійскаго управленія и достигъ степеней извѣстныхъ, былъ и начальникомъ артиллеріи въ двухъ округахъ и комендантомъ первоклассной крѣпости.

Нечего говорить, что большинство изъ насъ выходило съ основательнымъ знаніемъ предметовъ, которые преподавалъ Ив. Вас.

Въ 1843-мъ году за молодостью лѣтъ (мнѣ было только 16 лѣтъ), я не былъ выпущенъ изъ корпуса, хотя по экзамену могъ бы выйти въ артиллерію и притомъ не изъ послѣднихъ.

Многіе изъ товарищей моихъ выпуска 43-го года пострадали и

пострадали сильно. Н. Н. Спиглазовъ, поэтъ и въ послѣдствіи извѣстный папиросный фабрикантъ, за какую-то продерзость былъ возвращенъ изъ Петербурга на годъ въ корпусъ и сверхъ того наказанъ розгами предъ батальономъ. Это безобразіе до крайности насъ возмутило, насъ, привыкшихъ ко всякаго рода странностямъ; всѣ были нѣкоторое время какъ-то особенно подавлены и грустно настроены.

Въ томъ же злосчастномъ году во время петербургскаго лагеря случилось происшествіе, за которое пришлось поплатиться своею участію шестнадцати человѣкамъ москвцевъ.

Въ садъ собственной дачи государыни, въ Александріи, часто допускались кадеты, пользовавшіеся тамъ совершенною свободой, такъ какъ дежурные офицеры оставались за рѣшеткой, и, какъ оказалось, пользовавшіеся ею не совсѣмъ благоразумно; передаю разсказъ пострадавшихъ товарищей.

Воспитанники всѣхъ военно-учебныхъ заведеній въ послѣ-обѣденную пору гуляли въ Александріи, было немало и, подгулявшихъ; вѣроятно возившись около какой-то вазы, они разбили ее и, когда дворцовый служитель хотѣлъ задержать виновныхъ, толпа его избила, послѣ чего бросилась бѣжать. Одна изъ великихъ княженъ, сидѣвшая на балконѣ дворца, услыша шумъ и увидя бѣжавшую толпу, конечно, испугалась. Государь въ это время отдыхалъ. Когда ему было доложено о происшествіи, онъ страшно разгнѣвался и приказалъ командующему лагеремъ во что бы то ни стало отыскать виновныхъ.

Было донесено, что буяны были съ красными погонами, которые тогда носили пажи, подпрапорщики, первый и московскій кадетскіе корпуса; но такъ какъ за всѣхъ петербургскихъ была заступа въ лицѣ директоровъ, людей заслуженныхъ и вліятельныхъ, а представителемъ москвцевъ являлся оберъ-офицеръ, съ которымъ они прибыли въ дворянскій полкъ, неимѣвшій, конечно, никакого голоса передъ наибольшими, то за всѣхъ пришлось расплачиваться однимъ москвцамъ. Принявъ въ соображеніе, что «гуртомъ дешевле», они порѣшили утверждать, что въ этой исторіи, въ числѣ прочихъ, участвовали всѣ до одинаго, что и исполнили, такъ что начальство, не добившись ничего, опредѣляло виновность по наружному виду и по собственному вдохновенію. Шестнадцать человѣкъ, изъ которыхъ многіе могли доказать свое *alibi*, по командѣ были отдѣлены отъ фронта и о нихъ, какъ виновникахъ буйства, было сдѣлано представленіе. Государь повелѣлъ четверыхъ, вѣроятно, рекомендованныхъ начальствомъ Дворянскаго полка, написать въ рядовые, а двѣнадцать остальныхъ въ унтеръ-офицеры, всѣхъ впредъ до выслуги. Нѣкоторыхъ изъ потерпѣв-

шихъ, назначенныхъ на службу въ полки 6-го корпуса, я видѣлъ раза два, но какая судьба постигла ихъ въ послѣдствіи—не знаю.

Оставшись на второй годъ въ выпускномъ классѣ, я благодушествовалъ; заниматься приходилось очень мало и то по большей части только тогда, когда кто-нибудь изъ первогодниковъ просилъ помочь. Въ свободное время я много читалъ, хотя чтеніе журналовъ и авторовъ, кромѣ журнала для военно-учебныхъ заведеній, было запретнымъ плодомъ; начальство, учителя относились ко мнѣ значительно мягче, чѣмъ это было вообще принято. Вмѣстѣ съ нѣкоторыми избранными меня зимой возили на литературные вечера и въ нѣмецкую оперу, которую тогда прославили Ферзингъ и Зонтагъ. Каждый праздникъ по особой привилегіи я ходилъ въ отпускъ безъ провожатаго.

Къ святкамъ я былъ произведенъ въ младшіе унтеръ-офицеры 1-й роты. Приближалось время экзаменовъ и выпуска; я былъ преисполненъ самыми розовыми надеждами, что, какъ первый ученикъ, буду выпущенъ въ гвардію, въ этомъ, впрочемъ, были увѣрены всѣ, не исключая и моихъ родителей; однако же общимъ ожиданіямъ не суждено было сбыться.

Экзамены мои прошли блистательно, въ томъ числѣ и публичный изъ Закона Божія, на которомъ экзаминаторомъ былъ митрополитъ Филаретъ; я окончилъ ихъ первымъ, но мнѣ понадобилось учинить выходку, за которую пришлось поплатиться всею служебной карьерой. Въ тотъ несчастный день я былъ дежурнымъ унтеръ-офицеромъ, а дежурнымъ по ротѣ былъ Ш. К. Ш...ъ, по прозвищу «змѣя», смахивающій на нее по наружности и не лишенный ехидности и злости, хотя мудростію далеко не былъ ей сродни. Ш. обыкновенно садился въ рекреационной залѣ съ книгой, какъ будто читая, на самомъ же дѣлѣ высматривалъ, нельзя ли поймать кого съ чѣмъ-нибудь запрещеннымъ; и потѣшались же надъ нимъ шалуны. Кто-нибудь, замѣтивъ, что Ш. смотрѣлъ въ его сторону, дѣлалъ видъ, что понюхалъ табакъ, чихалъ и какъ будто пряталъ что-то въ карманъ; Ш. бросался, какъ угорѣлый, крича: «а поймалъ, поймалъ», схватывалъ пациента за погоны, осматривалъ носъ, карманы, но, не найдя ничего, бѣсился, а въ концѣ-концовъ придирался къ милостивому государю, тащилъ на середину залы и часа два продерживалъ его стоя. Выражаться Ш. любилъ цвѣтисто, напр., когда въ спальнѣ нагоралъ ночникъ, онъ обращался къ дневальному съ такой тирадой: «ночной стражъ, ночной стражъ, возобнови огонь мерцающаго свѣтила!»

Въ то дежурство я ходилъ по обыкновенію по залѣ съ своими товарищами; замѣтивъ, что Ш. ехидно на насъ посматриваетъ, я

почувствовалъ необыкновенное желаніе его взбѣсить, подошелъ къ столу, на которомъ стоялъ его киверъ и рядомъ поставилъ свой. Никто другой не обратилъ бы на это вниманія, но Ш. почелъ себя оскорбленнымъ, вскипѣлъ, потребовалъ къ себѣ и съ пѣной у рта накинулся на меня: «вы, милостивый государь, забываетесь, вы предполагаете, что, выдержавъ экзаменъ первымъ, вы можете себѣ все позволять; какъ смѣли вы поставить свой киверъ съ моимъ?»

Выслушавъ, стоя истуканомъ, какъ того требовала дисциплина, умныя рѣчи Ш., я полагалъ, что этимъ дѣло окончится, но увы, жестоко ошибся. Вѣроятно, замѣтивъ невольную улыбку, когда я дѣлалъ налѣво кругомъ, уходя отъ него, Ш. озлился не на шутку, и когда рота строилась къ ужину, я по вольности дворянства, стоялъ за фронтомъ, не надѣвъ кивера, Ш. окончательно вышелъ изъ себя, повторилась прежняя рѣчь съ варіаціей «вашъ киверъ долженъ быть на вашей головѣ». Затѣмъ послѣдовала жалоба ротному командиру Н. И. Л..., который не оставилъ меня также безъ распеканія; дѣло начинало портиться. Въ поведеніи у меня было 11 балловъ и на прибавку двѣнадцатаго въ ротномъ комитетѣ, послѣ столкновенія съ Ш., надежды было мало; но такъ какъ окончательное рѣшеніе зависѣло отъ корпуснаго комитета, то я не особенно унывалъ, рассчитывая найти тамъ участіе къ себѣ. Черезъ нѣсколько дней послѣ происшествія, когда, готовясь къ акту, мы усердно фехтовали въ тронной залѣ, подошелъ ко мнѣ дежурный барабанщикъ и передалъ приказаніе директора тотчасъ явиться къ нему.

Во все время пребыванія въ корпусѣ, ни разу не удостоился директорскаго приглашенія, понятно, съ какимъ волненіемъ я шелъ до директорской квартиры; очутившись же въ полномъ присутствіи корпуснаго комитета, совершенно растерялся и почувствовалъ себя прескверно, не замѣтивъ ни одного привѣтливаго взгляда; лица всѣхъ выражали полное равнодушіе и безучастіе.

Директоръ Л. В. Дав. встрѣтилъ меня словами: «вы удостоились безпримѣрной чести быть приглашеннымъ въ корпусный комитетъ»; я кланяюсь; «вы окончили курсъ первымъ, но у васъ въ поведеніи 11-ть балловъ, и вашъ ротный командиръ доложилъ, что ротный комитетъ не нашелъ возможнымъ аттестовать васъ полными баллами, а потому вы не можете быть выпущены въ гвардію; комитетъ, имѣя въ виду, что вамъ только 17 лѣтъ, рѣшилъ спросить васъ: не пожелаете ли вы остаться въ корпусѣ еще на годъ, въ такомъ случаѣ вы получите шевронъ и въ будущемъ году, конечно, выйдете въ гвардію, или желаете быть выпущеннымъ теперь въ артиллерію или въ инженеры, съ прикомандированіемъ

къ соотвѣтствующему училищу для продолженія курса наукъ въ офицерскихъ классахъ?» Мнѣ показалось, что комитету желательно было вынудить у меня согласіе на первое предложеніе, но, возмущенный полнымъ безучастіемъ ко мнѣ корпуснаго ареопага и не надѣясь благополучно вынести еще годъ кадетской жизни, я заявилъ желаніе быть выпущеннымъ въ инженеры.

Первую испытанную мною несправедливость я такъ близко принялъ къ сердцу, что со мной сдѣлались истерическіе припадки, продолжавшіеся нѣсколько дней; въ то время мнѣ стоило большихъ усилій воздержаться, чтобы не надѣлать дерзостей виновникамъ моего горя. И горевать была полная причина: въ служебномъ отношеніи я потерялъ очень много; гвардейскій офицеръ, даже неудовлетворительно окончившій офицерскіе классы или выходявшій изъ училища до окончанія курса, въ 10 или 11 лѣтъ достигалъ чина полковника, инженерный же офицеръ при этихъ условіяхъ могъ дожидаться въ прапорщичьемъ чинѣ сѣдыхъ волосъ.

Въ торжественный, особенно для выпускныхъ, день акта, по окончаніи богослуженія, всѣ пять ротъ и малолѣтнее отдѣленіе были выстроены покоемъ въ тронной залѣ.

На свободной сторонѣ поставленъ былъ длинный, покрытый краснымъ сукномъ столъ, а на немъ гора книгъ и оружія, назначенныхъ въ награду; возлѣ стола стояло множество креселъ для почетныхъ гостей.

Послѣ обычной церемоніи при встрѣчѣ директора, гости заняли мѣста, корпусный адъютантъ прочиталъ списокъ выпускныхъ и началась раздача наградъ. Вызывавшійся подходилъ къ директору, получалъ похвальный листъ и подарокъ, дѣлалъ три шага назадъ, раскланивался и возвращался на свое мѣсто: въ это время музыка играла тушъ. Я былъ вызванъ первымъ и хотя, совсѣмъ былъ не въ праздничномъ настроеніи, однако же пришлось продолжать этотъ довольно сложный маневръ съ веселымъ видомъ. Полученный мною похвальный листъ за № 1 гласилъ: «Въ знакъ вниманія въ отличному вашему поведенію, прилежанію и успѣхамъ въ наукахъ начальство признало справедливымъ назначить вамъ въ подарокъ такую-то книгу и Новый Завѣтъ».

Вскорѣ послѣ акта мы разстались съ корпусными стѣнами, въ которыхъ провели немало лѣтъ.

Въ назначенный день, послѣ ранняго обѣда, простившись съ оставшимися товарищами и выслушавъ наставленіе начальства, мы тронулись въ путь, размѣстившись въ четырехъ дилижансахъ; съ нами сѣли и два офицера, обыкновенно сопровождавшіе выпускныхъ въ Петербургъ.

Петербургское шоссе на всемъ протяженіи представляло тогда

какъ бы разноцвѣтную живую ленту; дуга на дугѣ тянулись въ обѣ стороны троешники съ кладью, на рысяхъ двигались дилижансы, мчались курьеры, мальпосты, почтовые брики, экипажи всевозможныхъ видовъ и перекладныя; звонъ колокольчиковъ, звукъ почтовыхъ рожковъ и несмолкаемый людской гомонъ такъ и стояли въ воздухѣ. Путевыя гостиницы на станціяхъ и въ городахъ были переполнены проѣзжающими, повсюду раздавались веселыя голоса на скорую руку трапезовавшихъ путниковъ. Въ *pendant* гостиницамъ и постоялыя дворы кишѣли сѣрой публикой, которая вела себя совсѣмъ на распашку, пѣсни и ругань такъ и неслись въ открытыя окна, а въ ямахъ, гдѣ празднаго люда было много, веселье выносилось и на улицу.

Въ Броницахъ осматривали чудо тогдашняго строительнаго искусства — мостъ черезъ Мсту, въ Новгородѣ только успѣли перекреститься во Св. Софіи и на пятыя сутки къ вечерни, помывшись и почистившись на послѣдней станціи, вѣхали въ Петербургъ.

Скоро дилижансы наши остановились передъ высокимъ, нештукатуреннымъ казарменнаго вида зданіемъ, въ которомъ помѣщался дворянскій полкъ, куда непригляднымъ въ сравненіи съ изящнымъ зданіемъ нашего корпуса.

Выпускнымъ всѣхъ корпусовъ въ теченіе нѣсколькихъ дней производилось испытаніе по всѣмъ предметамъ. Главнымъ экзаменаторомъ былъ Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ, бывший начальникомъ штаба военно-учебныхъ заведеній; на экзаменѣ присутствовало немало военныхъ и статскихъ генераловъ.

Кормили въ дворянскомъ полку гораздо хуже, чѣмъ въ корпусѣ, а ужинъ ежедневно состоялъ изъ одного картофеля въ мундирѣ съ гомеопатическимъ кусочкомъ весьма подозрительнаго масла, который никакъ не могъ утолить голода молодежи, проводившей на воздухѣ почти цѣлый день и ходившей два раза на фронтное ученье.

При выступленіи въ лагерь въ составъ отряда вошли: батарея артиллерійскаго училища, эскадронъ кавалерійскихъ юнкеровъ и воспитанники изъ кавказскихъ горцевъ, составлявшіе сотню иррегулярной кавалеріи.

Великихъ князей Николая и Михаила иногда привозили въ каретѣ на отрядное ученье; они ходили рядовыми во фронтѣ 1-го кадетскаго корпуса. Въ концѣ лагеря государь дѣлалъ смотръ отряду и въ серединѣ смотра, давъ вольно, слѣзъ съ лошади (занимъ во фронтѣ были знамена) и отправилъ естественную надобность, повернувшись къ вереницѣ экипажей, наполненныхъ блестящими дамами, которыя тотчасъ прикрылись зонтиками. По окончаніи

ученья, государь повелѣ насъ съ задняго плаца на штурмъ лагеря, направивъ колонну 1-го корпуса, въ которой шли великіе князья, на лагерный клоакъ, который они и перешли по поясъ.

Въ дворянскомъ полку всѣхъ вновь произведенныхъ въ офицеры помѣстили въ отдѣльномъ флигелѣ, въ которомъ мы и прожили до времени отправленія къ мѣстамъ служенія въ полномъ безначаліи. Кутежъ и карточная игра происходили во всѣхъ комнатахъ, и заснуть удавалось только тѣмъ, кто сваливался отъ усталости или отъ вина.

Присяга наша происходила торжественно въ церкви дворянскаго полка въ присутствіи множества почетныхъ гостей, между ними былъ и дѣдушка Ив. Анд. Крыловъ, на котораго, помимо знаменитости, нельзя было не обратить вниманія: онъ выдавался массивною фигурою съ открытымъ полнымъ лицомъ, умнымъ насмѣшливымъ взглядомъ и лѣнивою поступью. Въ первый и послѣдній разъ привелось мнѣ его увидѣть живымъ, въ ту же зиму видѣлъ его въ гробу. Я явился къ директору главнаго инженернаго училища П. К. Ломновскому, принявшему меня, хотя величаво, но довольно милостиво, и командиру кондукторской роты барону Розену — грубому и надменному нѣмцу, насквозь продушенному табакомъ.

Новые мои товарищи офицеры нижняго класса приняли меня, какъ бывшаго кадета, не особенно дружелюбно; впрочемъ русскіе, составлявшіе меньшинство, были привѣтливѣе, а съ нѣкоторыми изъ нихъ я впослѣдствіи хорошо сошелся. Нѣмецкій и польскій говоръ слышенъ былъ постоянно, такъ какъ нѣмцы и поляки были въ большинствѣ.

Лекціи начинались въ 8 час., а потому приходилось вставать рано, а зимой затемно путешествовать въ училище, отсиживать до 2 час. въ классахъ, а, возвратясь домой, вечеромъ готовиться къ слѣдующему дню. Мы однакоже не отказывали себѣ въ удовольствіяхъ: многіе были записными театрами, а большинство усердно посѣщало балы благороднаго собранія (соединеннаго общества), маскарады и даже танцклассы. Оргіи, происходившія въ послѣднихъ, были заурядны, а такъ какъ дѣло доходило часто до серьезныхъ столкновеній между военною и статскою молодежью, то въ танцклассъ мы ѣздили обыкновенно большою компаніей. Послѣ безсонной проведенной ночи тяжело было высиживать 6 час. на лекціяхъ застегнутыми на всѣ крючки и пуговицы и, если профессоръ поднималъ для отвѣта, со срамомъ приходилось отказываться. Когда по какой-нибудь причинѣ офицеръ не желалъ отсиживать на лекціяхъ, то присылалъ рапортъ о болѣзни, а въ дежурство штабъ-офицера Гартунга, который по разсѣянности ничего не замѣчалъ, самъ якобы больной вручалъ ему рапортъ.

Намъ запрещалось, между прочимъ, носить калоши и отпускать длинные волосы, но и то и другое мы себѣ позволяли, за что подчасъ случалось расплачиваться, иногда и серьезно.

Въ теченіе года приходилось нѣсколько разъ заводится калошами; какъ, бывало, начальникъ училища заглянетъ въ темную комнату, гдѣ мы оставляли ихъ, такъ и распорядится сжечь на кухнѣ.

За длинные волосы я чуть-чуть не былъ исключенъ изъ училища. Прическа *à la moujik* была модною и мы, одѣвшись въ офицерскій мундиръ, позаботились и о модной прическѣ. Вел. кн. Михаилъ Павловичъ, посѣтивъ училище, обратилъ вниманіе на длинные волосы дежурнаго С., приказалъ: въ присутствіи всѣхъ обучавшихся офицеровъ остричь его на барабанъ и арестовать на недѣлю, а всѣмъ объявить, что впредь офицеръ, замѣченный съ длинными волосами, будетъ исключенъ изъ училища и переведенъ въ армію тѣмъ же чиномъ. Операція надъ С. была произведена при насъ, присутствовавшихъ въ величайшемъ смущеніи; всѣ остриглись.

Строгости и съ офицерами были большія, преслѣдовалось даже куренье въ перемѣну между лекціями, хотя мы курили съ предосторожностію въ трубу, въ прохладной комнатѣ. Замѣченныхъ или сажали подъ арестъ при училищѣ, или наряжали на дежурство не въ очередь. Дежурства вообще были непріятны, но когда приходилось дежурить не въ очередь, да притомъ черезъ день, впредь до приказанія, какъ случилось со мной, то они дѣлались невыносимыми. Въ одно изъ дежурствъ, отходявъ по спальнямъ свою треть ночи, я, для большей безопасности, справился у швейцара, возвратился-ли домой ротный командиръ и, получивъ удовлетворительный отвѣтъ, «что молъ возвратились и легли почивать», устроился весьма удобно: снялъ шпагу, шарфъ и скюртку, завернулся въ шинель и, какъ убитый, заснулъ на свободной кондукторской кровати. Недолго однакожъ пришлось мнѣ безпечно проспать; почувствовавъ, что съ меня кто-то стаскиваетъ шинель, я вскочилъ и, увидѣвъ полковника Розена, сталъ растерянно извиняться за свое дезабилье, оправдываясь тѣмъ, что мнѣ нездоровилось; однако же это ни къ чему не послужило, и суровый нѣмецъ прочамкалъ: «я васъ отучу раздѣваться на дежурствѣ, извольте-ка, батюшка, дежурить черезъ день, впредь до приказанія». Это наказаніе можетъ свидѣтельствовать о той жестокости, къ которой были способны начальники-нѣмцы. Дежурному приходилось съ утра одѣваться въ полную парадную форму, отсидѣть затынутымъ на лекціяхъ, остальную часть дня провести на чеку, среди шума и гама, ночь почти не спать,—какой ужъ сонъ въ эпо-

летахъ и при шпагѣ,—на другой день опять отсидѣть шесть часовъ въ классахъ и только въ четвертомъ часу попасть домой, зная, что на завтра предстоитъ снова полуторасуточная пытка. Проходитъ недѣля, другая, проходитъ, помнится мѣсяць, нѣмецъ молчитъ, вѣроятно полагая, что еще недостаточно меня извелъ, а я дошелъ уже до какого-то автоматическаго состоянія, занятія были брошены, такъ какъ въ свободное время я отсыпался. Когда этотъ варварскій искусь мнѣ сталъ рѣшительно не въ моготу, я заявилъ Розену, что подамъ рапортъ о болѣзни; «ну теперь довольно», опять прочамкалъ онъ, тогда какъ на мнѣ, какъ говорится, лица не было.

Изъ нашихъ профессоровъ Мих. Вас. Остроградскій, читавшій дифференціальное и интегральное исчисленіе, пользовался всемірною извѣстностью, но слушать его съ успѣхомъ можно было только тогда, когда тоже самое предварительно прочтеть его репетиторъ, въ то время еще молодой поручикъ Паукеръ. М. В. былъ поэтъ въ душѣ; воодушеваясь похождениями своихъ Х-овъ и У-овъ, онъ въ своихъ выводахъ до такой степени быстро и неожиданно приходилъ къ рѣшенію вопроса, что оставалось только хлопать глазами и ничего больше. М. В. не могъ похвалиться красотой, но, несмотря на свой кривой глазъ, вся фигура его была представительна. Высокаго роста, коротко стриженный, въ золотыхъ очкахъ, всегда задумчивый, онъ сановито входилъ въ классъ, еле-еле удостаивая насъ легкимъ поклономъ, и грузно опускался у стола, на которомъ готовилась громадная посуда съ водою для губки. Посидѣвъ со сложенными на животъ пухлыми руками, обведя неторопливо весь классъ единственнымъ глазомъ поверхъ очковъ, М. В. вставалъ, усердно макалъ губку и начиналъ лекцію, по большей части импровизаціей, не имѣвшей отношенія къ ожидавшейся лекціи. Случилось разъ, что онъ началъ лекцію по-французски и только черезъ нѣсколько времени извинился за свою разсѣянность. Бывало, возвратясь съ Волкова поля со стрѣльбы, прочитаетъ цѣлую лекцію изъ баллистики. М. В. вызывалъ насъ и на конкурсъ съ офицерами артиллерійскаго училища, задавая рѣшеніе какого-нибудь неопредѣленнаго уравненія, подзадоривая, что надѣется, что инженеры не осрамятся передъ артиллеристами, которые рѣшили его скоро и вѣрно. Во время курса М. В. иногда продергивалъ, но на экзаменахъ не рѣзалъ, выражался не безъ юмора, съ хохлацкимъ акцентомъ, и хотя говаривалъ, что 50 балловъ поставить одному Богу, а себѣ и Паукеру только 49, но на экзаменѣ и намъ грѣшнымъ ставилъ полный баллъ; вообще М. В. пользовался большою популярностію.

Л. Ушаковъ.

Картины изъ исторіи Вѣнскаго конгресса 1814—1815 г.¹⁾.

(Изъ воспоминаній гр. де-ла Гарда).

II.

Большой военный праздникъ въ честь мира.—Императорскій дворецъ.—Императоръ Александръ.—Подарки императоровъ.—Большой костюмированный балъ.

«До свиданья, до завтра», сказалъ мнѣ Теттенборнъ, прощаясь со мною. «Я буду у васъ въ десять часовъ. Потомъ мы отправимся на большой военный праздникъ, который будетъ данъ въ честь мира. Прежде чѣмъ сложить оружіе, монархи хотятъ благодарить Провидѣніе за милость, которую оно имъ даровало»...

Хотя въ то, чисто солдатское время, часто приходилось быть свидѣтелемъ подобныхъ торжествъ, но я не думаю, чтобы какой-либо прежній праздникъ казался бы такимъ совершеннымъ и величественнымъ, какъ этотъ. Эта война, эта ужасная борьба, ожесточеніе и продолжительность которой привели въ ужасъ міръ, только что была окончена. Исполинъ славы былъ не побѣжденъ, а раздавленъ численнымъ превосходствомъ; упоенье побѣдой и восхищеніе успѣхомъ служили слишкомъ яркимъ доказательствомъ, какъ силенъ былъ противникъ и какъ неожиданъ былъ триумфъ.

Многіе батальоны пѣхоты, кавалерійскіе полки, среди другихъ также полкъ улановъ Шварценберга и кирасиръ великаго князя Константина, были собраны на огромной лужайкѣ. Всѣ эти войска отличались образцовой выправкой.

Государи пріѣхали верхомъ. Войска образовали двойное карре. Въ центрѣ этого карре была устроена палатка или, вѣрнѣе, храмъ, воздвигнутый въ честь всеобщаго мира. Колонны, на которыхъ онъ покоился, были украшены трофеями, оружіемъ и знаменами, которыя колыхались въ воздухѣ. Кругомъ

¹⁾ См. «Гол. Мин.» № 5.

палатки земля была усыпана цвѣтами; по срединѣ ея стоялъ алтарь, богато задрапированный дорогими матеріями и украшенный золотомъ и серебромъ со всею пышностью, присущей католическому культу. Множество свѣчей лили свѣтъ, затмеваемый солнцемъ, которое сіяло утреннимъ блескомъ.

Ковры изъ красивой дамасской ткани покрывали ступени алтаря.

Скоро показались по дорогѣ въ придворныхъ каретахъ, каждая запряженная четверкой, императрицы, королевы и эрцгерцогини. Когда все это блестящее собраніе, это множество военныхъ, придворныхъ, шталмейстеровъ и пажей стали на предназначенныхъ для нихъ мѣстахъ, почтенный архіепископъ вѣнскій, который, несмотря на свой преклонный возрастъ, захотѣлъ лично совершать богослуженіе, началъ обѣдню, окруженный всѣмъ своимъ клиромъ. Все населеніе Вѣны и ея окрестностей сбѣжалось сюда, чтобы взглянуть на это торжественное зрѣлище.

Послѣ религіозной церемоніи всѣ властители и всѣ принцы стали на возвышеніи около входа въ Бургъ. Войска дефилировали передъ ними. Великій князь Константинъ и другіе принцы маршировали во главѣ своихъ полковъ. Со всѣхъ сторонъ звучали радостные клики и горячія пожеланія сохраненія мира, первой и главной потребности всѣхъ народовъ.

Это торжество, имѣвшее совершенно особенный характеръ, соотвѣтствовало цѣлому ряду зрѣлищъ. Въ самомъ дѣлѣ, австрійскій дворъ принималъ въ своей столицѣ своихъ высокихъ гостей съ поразительной роскошью. Одинъ человекъ не въ состояніи перечислить всѣ эти блестящія подробности.

Для забавы королей, которымъ и безъ того въ продолженіе 20 лѣтъ могли бы, кажется, наскучить картины сраженій, въ Вѣнѣ было расквартировано 20 тысячъ гренадеръ. Заходила также рѣчь объ устройствѣ лагеря въ 60 тысячъ человекъ, которые должны были участвовать въ большихъ маневрахъ.

Великолѣпную гвардію, составленную изъ дворянъ, значительно увеличили и пополнили молодыми людьми изъ самыхъ знатныхъ фамилій имперіи. Войска были заново экипированы. Не хотѣли, чтобы слѣды войны оскорбляли зрѣніе на праздникъ, который былъ всецѣло посвященъ миру и радости.

Со всѣхъ нѣмецкихъ конскихъ заводовъ были приведены великолѣпныя лошади. У высокихъ государственныхъ сановниковъ былъ ежедневно открытый столъ для самыхъ вліятельныхъ лицъ, сопровождавшихъ государей.

Дворъ вызвалъ танцоровъ и танцовщицъ изъ Парижской Оперы. Наличный составъ королевскаго театра былъ увеличенъ,

и лучшіе нѣмецкіе актеры должны были непрерывно поддерживать веселье новыми пьесами, которыя по своему содержанію подходили ко всеобщей радости этого момента.

Императоръ Францъ размѣстилъ въ своемъ дворцѣ высокихъ посѣтителей. Среди его гостей насчитывали въ то время двухъ императоровъ, двухъ императрицъ, четырехъ королей, двухъ наслѣдныхъ принцевъ (одного императорскаго, одного королевскаго), двухъ эрцгерцоговъ и двухъ принцевъ, которые жили въ Бургѣ.

Императорская молодежь принуждена была переселиться въ замокъ Шёнбруннъ. Привлекаемая новизною зрѣлища толпа всегда тѣснилась въ проходахъ Бурга, горя любопытствомъ увидать главныхъ персонажей конгресса, который былъ единственнымъ въ лѣтописяхъ исторіи.

Вѣнцы съ полнымъ правомъ гордились тѣмъ, что ихъ городъ былъ избранъ для засѣданій этого высокаго собранія. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ съѣздъ первыхъ властителей Европы въ одномъ городѣ былъ однимъ изъ самыхъ любопытныхъ событій всѣхъ временъ.

Чтобы дать понятіе о размѣрахъ издержекъ вѣнскаго двора, достаточно сказать, что королевскій столъ стоилъ ежедневно 50 тысячъ гульденовъ. Неудивительно, что на празднества во время пятимѣсячныхъ засѣданій конгресса, была истрачена сумма въ 40 милліоновъ франковъ. И это тотчасъ же послѣ войны, которая, казалось, истощила всѣ источники богатства. Если еще къ расходамъ двора прибавить содержаніе 700 посланниковъ, то легко составить понятіе о тратахъ города Вѣны.

Приливъ иностранцевъ былъ такъ великъ, что всѣ предметы, въ особенности топливо, невѣроятно вздорожали. Поэтому австрійское правительство вынуждено было уменьшить жалованье всѣмъ своимъ чиновникамъ.

Нехватало фантазіи для устройства ежедневно новыхъ празднествъ, банкетовъ, концертовъ, поѣздокъ на охоту, костюмированныхъ баловъ, каруселей. По примѣру главы царской семьи, всѣ австрійскіе принцы распредѣлили между собою роли, чтобы достойнымъ образомъ принять своихъ высокихъ гостей въ Вѣнѣ. Дворъ, чтобы не прерывать увеселеній, не наложилъ даже траура по королевѣ неаполитанской Маріи-Каролинѣ, хотя эта послѣдняя дочь Маріи Терезіи окончила свою безпокойную жизнь еще задолго до прибытія государей въ Вѣну. Избѣгали официального объявленія о ея смерти, потому что не хотѣли радостное собраніе смущать мрачными траурными цвѣтами.

Государи видались каждый день. Чтобы при церемоніалѣ

избѣжать вопроса о преимуществахъ, они единогласно постановили, что рангъ долженъ соответствовать единственно лишь возрасту какъ при входахъ и выходахъ, такъ и въ кавалькадахъ и въ поѣздкахъ въ экипажахъ. Какъ говорятъ, императоръ Александръ первый предложилъ руководствоваться этимъ правиломъ и благодаря ему былъ утвержденъ слѣдующій порядокъ:

Король вюртембергскій род. въ 1754 г., король баварскій—въ 1756 г., король датскій—въ 1768 г., имп. австрійскій—въ 1768 г., король прусскій—въ 1770 г., имп. русскій—въ 1777 г.

Но этотъ порядокъ соблюдался лишь при празднествахъ, на официальныхъ же совѣщаніяхъ конгресса государи не присутствовали лично.

Одною изъ ихъ самыхъ большихъ любезностей было дарить другъ-другу большіе кресты ихъ орденовъ. Трудно было разобратъ въ этихъ украшеніяхъ всѣхъ формъ и всѣхъ наименованій, начиная со святыхъ и кончая самыми странными названіями, какъ, напр., слонъ, фениксъ, черный, красный и бѣлый орелъ, мечъ, сѣверная звѣзда, левъ и др. Этотъ обмѣнъ составлялъ прологъ къ болѣе важнымъ вещамъ: подаркамъ цѣлыхъ королевствъ, провинцій, опредѣленнаго количества душъ. Изъ церемоній такого рода слѣдуетъ упомянуть о той, которая произошла, когда лордъ Кэстльри вручилъ австрійскому императору, отъ имени своего короля, орденъ Подвязки. Принцъ де-Линь, который былъ при этомъ однимъ изъ зрителей, рассказывалъ мнѣ, что эта церемонія была выполнена съ большимъ достоинствомъ и большой пышностью. Сэръ Исаакъ Хертъ, герольдъ ордена, былъ единственно для этого присланъ изъ Лондона. Онъ надѣвалъ на императора каждую отдѣльную часть одежды этого ордена и, наконецъ, опоясалъ его такъ страстно желаемой и вождѣльной Подвязкой. Послѣ того лордъ Кэстльри преподнесъ императору статуйку Ордена. Чтобы отблагодарить за эту любезность, императоръ поспѣшилъ назначить фельдмаршалами принца-регента и принца іоркскаго, его брата.

Послѣ того, какъ въ области орденовъ все уже было исчерпано, властители начали назначать другъ-друга шефами полковъ въ ихъ арміяхъ. Разъ назначеніе было получено, считалось почетною обязанностью тотчасъ же показаться въ мундирѣ своего полка. Спѣшили добыть модель мундира, потому что нельзя было допустить отступленій хотя бы въ самой незначительной мелочи. Поэтому тотчасъ же появились на сцену портные, и фавориты-адъютанты тотчасъ же отправились къ хранителю блестящихъ мундировъ и тамъ принялись все изучать до мельчайшихъ деталей. Потомъ закипѣла работа, совершенно мирная

работа, хотя и надъ воинственной формою, надъ изготовленіемъ полныхъ костюмовъ, начиная отъ шпоръ на сапогахъ и кончая обязательнымъ султаномъ на шлемѣ. Такъ, императоръ австрійскій назначилъ императора русскаго Александра шефомъ полка Хиллера, а наслѣднаго принца Вюртембергскаго шефомъ Блакенштейнскихъ гусаръ. Александръ, отвѣчая на это почетное назначеніе, назначилъ императора шефомъ своего императорскаго гвардейскаго полка. Чтобы показать, какъ высоко онъ цѣнитъ принятое имъ назначеніе, онъ захотѣлъ самъ передать солдатамъ ихъ полковое знамя. Это знамя было роскошно вышито самою австрійскою императрицей, и по немъ было написано: «неразрывный союзъ между императорами Александромъ и Францемъ».

Чтобы вознаградить генерала Хиллера за потерю титула, имп. Александръ подарилъ ему 10 тысячъ гульденовъ и, кромѣ того, каждому офицеру по тысячѣ гульденовъ. У монарховъ были привычки простыхъ частныхъ людей. Замѣтно было, что они любили избѣгать стѣснительнаго этикета. Австрійскаго императора и прусскаго короля часто встрѣчали на улицѣ идущими подъ руку, въ штатскомъ платьѣ.

Александръ также часто ходилъ гулять съ принцемъ Евгеніемъ Богарне. Они дѣлали другъ-другу визиты и часто заставляли другъ-друга врасплохъ, какъ старые добрые друзья. Императоръ Александръ и король прусскій вздумали внезапно нагрянуть къ императору Францу въ день его рожденія. Они застали его еще въ постели и преподнесли ему: одинъ—халатъ, подбитый куницами, а другой—умывальный приборъ и превосходную серебряную трость берлинской работы. Эти сцены домашней интимности скоро стали достояніемъ публики и составляли предметъ ежедневныхъ разговоровъ. Среди монарховъ особенно выдѣлялись: король баварскій, король датскій и русскій императоръ, первый своею добротою, второй тонкостью своего ума и мѣткими остротами, третій—своею обходительностью. Фридрихъ датскій болѣе всѣхъ другихъ чужеземныхъ государей посѣщалъ достопримѣчательности и общественныя учрежденія, повсюду раздавая щедрыя награды. Что касается Александра, то онъ не упускалъ ни одного удобнаго случая оказать любезность, что привлекало къ нему всѣ сердца. Во время прогулки верхомъ, въ Пратерѣ, австрійскій императоръ хотѣлъ сойти съ лошади и искалъ глазами кого-нибудь изъ своей свиты, но напрасно: его шталмейстеръ, отрѣзанный отъ него толпою народа, не могъ его видѣть. Александръ угадываетъ его намѣреніе, соскакиваетъ съ лошади и спѣшитъ предложить

руку своему коллегѣ. Такъ однажды Фридрихъ Великій держалъ стремя Іосифу II. При этой сценѣ со всѣхъ сторонъ раздались радостныя восклицанія, и это показало, какъ толпа была благодарна Александру за его милую внимательность. Въ другой разъ, во время смотра войскъ, вокругъ него тѣснилась огромная толпа любопытныхъ, стараясь поближе его разсмотрѣть. Одинъ крестьянинъ особенно отличался усердіемъ. Александръ замѣтилъ, какъ онъ старался раздвинуть толпу зрителей, и самъ приблизился къ нему.

«Милый другъ», сказалъ онъ ему, «вы, вѣроятно, хотите видѣть русскаго императора; смотрите на меня и расскажите потомъ, что вы съ нимъ говорили».

Для иностранцевъ такая пріятная жизнь, жизнь шумныхъ праздниковъ, была полна упоенья. Чтобы достойно отпраздновать это достопамятное событіе, Вѣна, казалось, хотѣла превзойти самое себя въ доставляемыхъ ею удовольствіяхъ. Расположенный въ центрѣ южной Германіи, этотъ городъ является очагомъ безопасности и отдыха. Среди серьезныхъ, научныхъ и философскихъ интересовъ сосѣднихъ странъ онъ весь отдался чувственнымъ удовольствіямъ, и его жизнь наполнена празднествами, пирушками, танцами и особенно музыкой. Мало или совсѣмъ не заражаясь чужеземными идеями, нація продолжаетъ управляться по старой политической системѣ, основанной на тайномъ доносѣ, хотя и лишенной гнусностей венеціанскаго доноса, но приводящей къ тѣмъ же послѣдствіямъ. Иностранца въ Вѣнѣ принимаютъ охотно; онъ находитъ у частныхъ лицъ сердечное гостепріимство, въ присутственныхъ мѣстахъ откровенность и любезность. Взамѣнъ этого отъ него требуютъ лишь одного, чтобы онъ воздержался говорить или дѣйствовать противъ правительства.

«Наслаждайтесь», говорятъ ему, «всѣмъ пріятнымъ, что васъ окружаетъ, забавляйтесь въ нашихъ богатыхъ окрестностяхъ, посѣщайте театры, казино, балы, но не омрачайте нашего веселья никакими политическими размышленіями. Удержитесь отъ всякой критики».

Горе иностранцу, который нарушитъ эти условія! Онъ тотчасъ получитъ маленькую записочку, въ которой его вѣжливо попросятъ на слѣдующій день явиться въ полицію вмѣстѣ съ присланнымъ отъ нея чиновникомъ. Тамъ ему вѣжливо наекнутъ, что его паспортъ не въ порядкѣ, а его дѣла окончены. Напрасно онъ будетъ протестовать, ссылаясь на свою приверженность ко всякому правительству; напрасно онъ будетъ говорить, что думаетъ только о томъ, чтобы пріятно провести время, Все напрасно. Онъ долженъ будетъ уѣхать.

Такова вѣнская полиція. Но можно предположить, что во время конгресса, въ центрѣ такого множества политическихъ вопросовъ, такихъ напряженныхъ интересовъ, было бы затруднительно запретить разговоры и разсужденія на политическія темы. По счастью вѣнское правительство нашло себѣ въ развлеченіяхъ и забавахъ могущественнаго союзника. По правдѣ сказать, мало интересовались дипломатическими преніями. Общество гораздо болѣе было озабочено увеселеніями текущаго дня и приготовленіями къ празднествамъ слѣдующаго.

Непроницаемая тайна окутывала переговоры. На этихъ совѣщаніяхъ предсѣдательствовалъ Меттернихъ. Его коллеги оказали ему, эту честь, чтобы выразить этимъ свою благодарность за оказанное имъ гостепріимство. Но на это согласились такъ охотно потому, что это не давало никакого преимущества австрійскому дипломатическому кабинету.

Что происходило въ этихъ тайныхъ засѣданіяхъ заслуженныхъ дипломатовъ судить объ этомъ не входитъ въ мою задачу. Потомству предстоитъ оцѣнить всю важность результатовъ этихъ совѣщаній.

Между тѣмъ государи употребляли ихъ предобѣденное время на смотры, парады, поѣздки на охоту и находились частью въ Пратерѣ, частью въ ихъ королевскихъ покояхъ. Однако они ежедневно собирались на одинъ часъ, и полагаютъ, что они тогда занимались обсужденіемъ тѣхъ дѣлъ, которыми были заняты. Часто эти дебаты прерывались извѣстіемъ о новой забавѣ. Дѣла тотчасъ же низводились съ престола, и боги становились простыми смертными. Среди всѣхъ празднествъ австрійскаго двора самыми блестящими, бесспорно, были большіе костюмированные балы, которые устраивались въ императорскомъ дворцѣ. Принцу де-Линь я обязанъ былъ моимъ присутствіемъ на маломъ костюмированномъ балу, который былъ данъ въ честь прибытія русскаго императора и прусскаго короля. На этихъ собраніяхъ монархи появлялись или въ маскахъ, или инкогнито, но на большихъ костюмированныхъ балахъ они присутствовали во всемъ ихъ блескѣ. Мы отправились въ Бургъ. Государи еще не появлялись, такъ что у меня было время полюбоваться рѣдкимъ зрѣлищемъ. Никогда не бывало такого ослѣпительнаго соединенія роскоши убранства, богатства, разнообразія костюмовъ и выдающихся людей. Для большого бального зала было взято два меньшихъ зала, соединенныхъ между собою галлереей. Малый бальный залъ былъ также открытъ; далѣе шелъ императорскій манежъ, приготовленный для танцевъ, — образцовое произведеніе архитектуры.

Было бы бесполезно и невозможно стараться перечислить всѣ отдѣльныя подробности внутренняго убранства. Во-первыхъ, множество цвѣтовъ и рѣдкихъ деревьевъ покрывали всѣ лѣстницы и галлерей; аллея изъ апельсиновыхъ деревьевъ вела въ главный залъ. Огромные канделябры съ восковыми свѣчами, поставленные между кадками съ цвѣтами, и люстры съ тысячами сверкающихъ хрустальныхъ подвѣсковъ разливали фантастическій свѣтъ сквозь вѣтви великолѣпныхъ деревьевъ и заставляли еще рельефнѣе выступать цвѣты, которыми эти деревья были усыяны. Малый залъ былъ украшенъ цвѣточными вазами, съ цвѣтами самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ, которые придавали ему видъ сказочнаго сада. Ковры были изъ бѣлаго шелка съ украшеніями изъ серебра и золота. Отъ 7 до 8 тысячъ свѣчей лили свѣтъ, который былъ ярче дневного. Наконецъ звуки нѣсколькихъ оркестровъ еще болѣе усиливали волшебство этого зрѣлища. Въ зданіи манежа для монарховъ была воздвигнута эстрада, украшенная, какъ и большой залъ, бѣлымъ шелкомъ съ серебромъ.

Какое невиданное разнообразіе мундировъ! Какое множество орденовъ и украшеній! Но, прежде всего, какая масса красивыхъ женщинъ!

Если въ это время Европа, въ лицѣ своихъ знаменитостей всякаго рода, была представлена въ Вѣнѣ, то, конечно, красота не была при этомъ забыта. Никогда, ни одинъ городъ не насчитывалъ въ своихъ стѣнахъ столько дамъ, обращающихъ на себя вниманіе, какъ австрійская столица въ продолженіе пяти мѣсяцевъ конгресса. Трубачи заиграли фанфару и вошли государи, ведя подъ руку королевъ и эрцгерцогинь. Пройдя, при всеобщихъ привѣтствіяхъ, черезъ всѣ залы, они отправились въ манежъ и заняли мѣста на эстрадѣ. Въ первомъ ряду сидѣли императрицы австрійская и русская, королева баварская, принцесса Ольденбургская, любимая сестра Александра, на котораго она была поразительно похожа, потомъ эрцгерцогиня Беатриса и великая герцогиня Веймарская.

На скамьяхъ, направо и налево, помѣстились дамы, оспаривающія другъ у друга скипетръ красоты и изящества. Принцесса фонъ Турнъ-Таксисъ, графиня Бернсдорфъ, принцесса фонъ Гессенъ-Филиппштадтъ, гордая серьезная красавица, обѣ ея дочери, уже обѣщающія пойти по стопамъ матери, графиня Тереза Аппони, высокаго роста, съ выразительными глазами, княжны Сапѣга и Лихтенштейнъ, у которыхъ правильная красота соединялась съ мягкимъ выраженіемъ, графиня Клары, княгини Эстергази и Багратіонъ, дочери адмирала сэра Сиднея

Смита, графиня Замойская, урожденная Чарторыская, высокая блондинка съ ослѣпительнымъ цвѣтомъ лица, на которомъ выразились всѣ оттѣнки польской красоты и, наконецъ, многія другія, чьи имена и образы будутъ еще часто появляться въ этихъ воспоминаніяхъ. Въ эту минуту, при звукѣ живой и увлекательной музыки, вошла группа замаскированныхъ и переодѣтыхъ дѣтей, которыя исполнили венеціанскую пантомиму, закончившуюся общимъ балетомъ. Выразительныя движенія этихъ юныхъ танцоровъ, повидимому, доставили большое удовольствіе высокимъ зрителямъ.

Послѣ ухода государей оркестръ заигралъ вальсъ. Тотчасъ же какъ бы электрическая искра пробѣжала по всему обществу. Германія—отечество вальса. Въ этой странѣ, и въ особенности, въ Вѣнѣ, благодаря музыкальности жителей, вальсъ пріобрѣлъ всю свою прелесть. Нужно наблюдать его здѣсь, на мѣстѣ, нужно видѣть, какъ кавалеръ, въ тактъ музыки, поддерживаетъ и приподнимаетъ свою даму въ головокружительномъ движеніи, а послѣдняя вся отдается сладкому очарованію танца, и кокетство придаетъ ея взору неопредѣленное и плутовское выраженіе, увеличивающее ея красоту. Трудно постигнуть ту власть, которую имѣетъ вальсъ. Какъ только раздадутся первые такты, лица проясняются, глаза оживляются, трепетъ восторга овладѣваетъ всѣми присутствующими. Образуются грандіозные кубари, приходятъ въ движеніе, сталкиваются, обгоняютъ другъ друга, въ то время, какъ зрители, которыхъ возрастъ приговорилъ къ бездѣйствію, отбиваютъ тактъ ногами, и въ мысляхъ и въ воспоминаніяхъ еще утопаютъ въ забавѣ, которая для нихъ уже стала прошлымъ.

Нужно видѣть этихъ очаровательныхъ, красивыхъ женщинъ, сплошь залитыхъ брилліантами и цвѣтами, увлеченныхъ этою непреодолимою музыкой, опирающихся на плечо ихъ кавалеровъ. Онѣ похожи на блестящіе метеоры. Блестящій шелкъ и легкій газъ ихъ одежды поражаетъ при каждомъ ихъ движеніи и мягко обрисовываетъ волнующіяся линіи ихъ стана. На лицахъ ихъ виденъ экстагическій восторгъ.

Это веселье окончилось лишь вмѣстѣ съ ночью; только лучи восходящаго солнца положили конецъ забавамъ этого оживленнаго, блестящаго общества.

III.

Пратеръ.—Государи инкогнито.—Александръ Ипсиланти.—Кн. Козловскій.—Вѣнская полиція и королева Ф***.

Я долженъ былъ сойтись съ Александромъ Ипсиланти въ главной аллеѣ Пратера. Въ назначенный часъ я былъ тамъ.

Съ какимъ удовольствіемъ смотрѣлъ я на этотъ чудный паркъ, съ которымъ у меня соединялось воспоминаніе о праздникѣ, о любовномъ или дружескомъ свиданіи.

Пратеръ представляетъ картину сельской нетронутой природы, но въ то же время украшенную всѣми дарами искусства и культуры. Когдаходишь со стороны города, то слѣва тянется обширное, болотистое, заросшее травой пространство, предназначенное для фейерверковъ; справа—циркъ, вмѣщающій въ себѣ нѣсколько тысячъ зрителей; прямо передъ вами каштановая аллея, по обѣимъ сторонамъ которой тянутся изящныя постройки. Тамъ находится безконечное множество лавокъ, кафе, увеселительныхъ общественныхъ помѣщеній, гдѣ вѣнскій народъ можетъ, сколько душѣ угодно, отдаваться своему увлеченію музыкой. Если войдемъ въ одно изъ заведеній, то увидимъ тамъ мужчинъ и женщинъ, которые танцуютъ менуэтъ съ такою серьезностью, что невольно можно предположить, что они веселятся по заказу. Часто толпа зрителей разъединяетъ танцующихъ, но они тотчасъ же, съ непобѣдимымъ хладнокровіемъ, продолжаютъ прерванныя фигуры танца.

Вслѣдъ за этой несложной, медленной музыкой слѣдуетъ болѣе оживленный ритмъ вальса. Знакъ веселья поданъ,—и тѣ же самыя пары, которыя только что казались такими невозмутимыми, кружатся цѣлый часъ съ граціозной быстротой въ этомъ страстномъ танцѣ. Сзади, на простой карусели, городской ребенокъ учится ловко попадать въ кольцо, не теряя равновѣсія на сѣдлѣ. Тамъ цѣлыя семьи купцовъ и ремесленниковъ размѣстились за столомъ, обильно уставленнымъ кушаньями, и мирно попиваютъ венгерское. Странствующие музыканты и театры на открытомъ воздухѣ придаютъ картинѣ видъ вѣчной ярмарки.

Чѣмъ особенно поражаетъ народъ, такъ это внѣшнимъ видомъ, свидѣтельствующимъ о спокойствіи, довольствѣ и достоинствѣ. Его издержки, его спокойное счастье служатъ доказательствомъ его трудолюбія и того, что онъ подчиненъ отеческому управленію. Никакія ссоры не тревожатъ эту толпу; ея веселье серьезно, но эта серьезность происходила не изъ склонности къ грусти, но имѣетъ свое основаніе въ надежномъ чувствѣ покоя. Въ чудной каштановой аллеѣ, по которой непрерывно движутся экипажи и всадники, съ венгерской ловкостью объѣзжающіе лошадей всѣхъ расъ, самъ императоръ ѣдетъ въ скромномъ экипажѣ съ простотою обыкновеннаго гражданина, а нанятый на часы фіакръ пересѣкаетъ ему дорогу; вскорѣ этотъ фіакръ обгоняетъ богемскій магнатъ или польскій намѣстникъ, у которыхъ въ экипажъ впряжены четыре капризные лошади,

изгибающія шеи. Въ легкихъ коляскахъ, запряженныхъ лошадьми, гривки которыхъ развѣваются по вѣтру, появляются дамы въ бѣлыхъ и розовыхъ платьяхъ, словно цвѣты въ корзинѣ. Смѣна сценъ, толкотня пѣшеходовъ, которая увеличивается, благодаря присутствію иностранцевъ, но умѣряется нѣмецкой вѣжливостью, все это представляетъ оживленную и подвижную картину и походить на сцену изъ Теньера, вставленную въ ландшафтъ Рюисдаля.

Во время конгресса въ Пратерѣ можно было увидать доселѣ невиданный блескъ. Вѣна никогда не была такъ полна иностранцами, собравшимися сюда изъ всѣхъ странъ, чтобы быть свидѣтелями того торжества, которое должно было подвести итоги всѣмъ чудеснымъ событіямъ этой эпохи. Благодаря присутствію этихъ иностранцевъ количество экипажей возросло до невѣроятія. Виднѣлась безконечная смѣсь венгерскихъ, польскихъ и восточныхъ одеждъ и военныхъ мундировъ всѣхъ странъ Европы, и глаза были почти ослѣплены этимъ блескомъ. Масса гуляющихъ, въ каретахъ, верхомъ и пѣшкомъ, подъ осенними лучами солнца, оживляющими это восхитительное мѣсто. Что меня болѣе всего поразило при первомъ взглядѣ, это—множество каретъ одинаковой формы и одинаковаго цвѣта, запряженныхъ парами и четверками. То была любезность императора, который не захотѣлъ, чтобы государи или кто-нибудь изъ ихъ свиты пользовались другими экипажами, кромѣ его собственныхъ. Поэтому онъ приказалъ сдѣлать триста каретъ, которыя во всякій часъ дня и ночи были предоставлены въ распоряженіе его гостей. Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ передо мной, какъ въ живой панорамѣ, прошли всѣ находившіеся тогда въ Вѣнѣ властители и знаменитости. Тамъ лордъ Стюартъ, англійскій посланникъ, который самъ правилъ четверкой лошадей, способныхъ возбудить восхищеніе даже въ Гайдъ-Паркѣ. Въ элегантной коляскѣ ѣхали императоръ Александръ и принцесса Ольденбургская, его очаровательная сестра; по обѣимъ сторонамъ коляски ѣхали принцъ Евгений Богарне и наслѣдный принцъ Вюртембергскій, которые по совершенно различнымъ побудительнымъ причинамъ изъявляли чувство преданности этой высокой парѣ. Изъ всѣхъ орденовъ Александръ надѣлъ лишь шведскій орденъ меча, который, нужно сознаться, лучше всѣхъ другихъ орденовъ выдѣлялся на его зеленомъ мундирѣ и блисталъ очень кокетливо. Сзади, въ открытой каретѣ, я замѣтилъ другую его сестру, не менѣе прекрасную и граціозную, великую герцогиню Саксенъ-Веймарскую. Сзади нихъ ѣдетъ императоръ Францъ въ довольно невидномъ фэтонѣ со своей восхититель-

ной супругой. На его лицѣ сіяетъ отблескъ окружающаго его счастья. Тамъ толпа гуляющихъ замедляетъ свои шаги передъ эрцгерцогомъ Карломъ, который въ скромномъ экипажѣ ѣдетъ съ своей семьей.

Король прусскій ѣдетъ верхомъ въ сопровожденіи одного адъютанта. Изъ глубины кареты показывается длинное скучающее лицо лорда Кэстльри. Съ другой стороны фіакръ наѣхалъ на коляску паши изъ Виддина.

Затѣмъ слѣдуютъ кареты эрцгерцоговъ, которые ѣдутъ рядомъ и желаютъ, чтобы во время увеселеній съ ними обращались, какъ съ простыми людьми.

При поворотѣ въ одну изъ аллей я замѣтилъ кн. Александра Ипсиланти. Прошло пять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я оставилъ его въ Петербургѣ. Тогда онъ былъ только поручикомъ въ кавалергардскомъ полку, а теперь я нашелъ его генераль-маіоромъ, украшеннымъ множествомъ орденовъ, но потерявшимъ руку въ битвѣ при Бауценѣ. Если счастье ему измѣнилось, то его сердце осталось тѣмъ же, и онъ всегда воодушевляется при словахъ: *дружба и отечество*.

Александръ Ипсиланти былъ сыномъ господаря Молдавіи и Валахіи. Его отецъ былъ свергнутъ во время заговора въ Сераля, которые такъ обычны въ Турціи, и былъ вынужденъ бѣжать. Александръ, которому въ то время едва минуло 16 лѣтъ, провожалъ его во главѣ корпуса албанцевъ, состоящаго изъ 800 человекъ, черезъ Карпаты и спасъ его, когда ему удалось ускользнуть отъ нѣмыхъ слугителей Сераля и когда онъ захотѣлъ искать убѣжища въ Россіи. Благодаря великодушію имп. Александра, воспитанный съ отеческой заботливостью, молодой князь поступилъ на службу и скоро сдѣлалъ блестящую карьеру. Его благородный характеръ, его живой, подвижный умъ, искренность привлекли меня къ нему, и онъ скоро сдѣлался моимъ душевнымъ другомъ. Такъ какъ мы, послѣ такой долгой разлуки, хотѣли продлить удовольствіе встрѣчи, то отправились обѣдать въ гостиницу «Императрица австрійская». Тамъ собирались тѣ изъ иностранцевъ, которыхъ дворъ не кормилъ на казенный счетъ, или тѣ, которымъ хотѣлось избѣгнуть этикета.

Мы приказали поставить наши приборы на столъ, который былъ уже занятъ двадцатью лицами различныхъ національностей. Несмотря на несходство интересовъ и положеній, иностранцы сближаются очень охотно въ странѣ, далекой отъ ихъ отечества.

Генералы, дипломаты, путешественники, всѣ собрались вмѣстѣ за этимъ импровизованнымъ обѣдомъ. Одни были верховными сановниками грабящихъ величествъ, а другіе были хо-

дателями величествъ ограбленныхъ. Первая половина обѣда прошла, какъ и всегда, довольно натянуто: музыка очень хорошаго оркестра долгое время служила темой для разговора.

Я сидѣлъ около молодого Луккезини, который за нѣсколько дней передъ тѣмъ явился въ Вѣну въ качествѣ посланника великой герцогини Тосканской, чтобы сговориться съ Альдини относительно притязаній г-жи Баккіочи на великое герцогство Лукка. Я встрѣчалъ Луккезини совсѣмъ еще юнымъ, въ Парижѣ, у его матери, но я не сразу узналъ его. Въ его наружности, какъ и во взглядѣ, произошла большая переменѣ. Его отецъ, маркизъ Луккезини, нѣсколько лѣтъ подъ рядъ занималъ постъ прусскаго посланника при Наполеонѣ и пользовался въ Парижѣ большимъ почетомъ, что дало ему возможность прослыть гениальнымъ человѣкомъ и искуснымъ дипломатомъ. Онъ старательно воспиталъ своего сына. Такъ, при хорошихъ предзнаменованіяхъ, вступилъ этотъ молодой человѣкъ въ свѣтъ, снабженный всѣми преимуществами, которыя составляютъ ступени къ счастью. Представленный своею семьею новому тосканскому двору, онъ скоро былъ замѣченъ своей теперешней повелительницей и былъ назначенъ оберъ-шталмейстеромъ. Говорятъ, что любовь, сглаживающая всѣ различія, сдѣлала судьбу молодого фаворита предметомъ зависти. Я замѣтилъ, что его щекотливое положеніе мѣшаетъ ему говорить со мною обо всемъ безъ утайки. Онъ разсказалъ мнѣ, что его семья живетъ въ прекрасномъ имѣніи, которымъ она владѣетъ вблизи Лукки, и послѣ общихъ вопросовъ мы обмѣнялись визитными карточками и дали слово другъ друга отыскать.

Общество, такое разнородное, мало-по-малу оживилось и перешло къ болтовнѣ и сплетнямъ Table d'hôte'a. Одинъ изъ присутствующихъ за столомъ, кн. Козловскій, русскій посланникъ въ Туринѣ, уполномоченный своимъ государемъ содѣйствовать на конгрессѣ соединенію Генуи и Пьемонта, сопровождалъ каждый стаканъ токайскаго острою или эпитафией, которыя касались или его двора, или того двора, при которомъ онъ былъ уполномоченнымъ. На его открытомъ, оживленномъ лицѣ было выраженіе искренности, которая влекла къ нему и возбуждала желаніе сойтись съ нимъ поближе. Онъ приходился внукомъ тому человѣку, котораго Екатерина Великая послала къ Вольтеру, какъ образецъ русской учтивости и цивилизованности. Онъ слылъ однимъ изъ умнѣйшихъ людей того времени, въ которое, кстати сказать, умъ не считался рѣдкостью. Разговоръ кн. Козловскаго пылко-увлекательный и разносторонній могъ бы быть совершеннымъ, если бы не превращался такъ часто въ

монологъ. Позднѣе Козловскій исполнялъ обязанности русскаго полномочнаго министра въ Штуттартѣ, и кромѣ того довольно долгое время прожилъ въ Англіи, странѣ, гдѣ быстро подмѣчаютъ все смѣшное. На него писали карикатуры, что льстило его тщеславію, потому что популярность, какого бы сорта она ни была, всегда является предметомъ зависти. Самъ увлеченный тѣмъ весельемъ, которое онъ возбудилъ въ насъ, онъ рассказывалъ намъ анекдоты столь правдивые, что о нихъ лучше умолчать даже въ настоящее время. Хотя имп. Александръ, котораго онъ потѣшалъ своими шутками, относился къ нему очень благосклонно, а его подчиненные, льстящіе всегда тому, кого они не могутъ съ безопасностью для себя погубить, ладили съ нимъ, но все-таки мнѣ казалось, что онъ какъ будто прокладываетъ себѣ вѣрный путь къ немилости или къ изгнанію, потому что онъ выражался съ благородною независимостью, которой онъ научился, конечно, ужъ не въ обществѣ придворныхъ. Истина и сила его замѣчаній были таковы, что еслибы онъ заговорилъ такъ свободно въ Петербургѣ, какъ онъ это дѣлалъ въ Вѣнѣ, я могъ бы побиться объ закладъ, что для него тотчасъ же были бы приготовлены фельдъегерь и кибитка, чтобы отвезти его въ глубь Сибири для того, чтобы онъ тамъ научился молчанію, которое должно быть неотъемлемою принадлежностью его дипломатическаго положенія. Тѣмъ не менѣе, кн. Козловскій былъ нелицемерно преданъ своему государю и былъ воодушевленъ славой и величіемъ своей родины.

Когда обѣдъ кончился, то всякій отправился, куда глаза глядятъ, искать себѣ развлеченія. Ипсиланти ожидали у принцессы Ольденбургской, гдѣ молодой Озеровъ, одинъ изъ выдающихся русскихъ поэтовъ, къ сожалѣнію, погибшій во цвѣтъ лѣтъ въ 1818 г., долженъ былъ читать свою трагедію «Дмитрій Донской».

Когда онъ меня оставилъ, нѣкоторые изъ обѣдающихъ, въ томъ числѣ и я, отправились въ театръ Леопольдштадтъ, который въ ту пору былъ однимъ изъ самыхъ посѣщаемыхъ. Тамъ серьезные дипломаты расправляли свое чело, полное заботъ, и смѣялись надъ комическими сценами, которыми ихъ угощалъ взамѣнъ серьезныхъ драмъ актеръ Штольцъ, одинъ изъ знаменитыхъ комиковъ своего времени. Планъ, фабулу и развитіе этихъ комическихъ сценъ дипломаты сами набрасывали каждое утро.

Среди всѣхъ этихъ флегматическихъ лицъ одинъ изъ моихъ сосѣдей обратилъ мое вниманіе на молодую даму, голубые глаза которой, ослѣпительный цвѣтъ волосъ и туалетъ затмевали все ее окружающее.

«Видите ли вы эту даму,—сказалъ онъ мнѣ,—съ ней произошелъ

удивительно счастливый случай. Чувствительная, благодаря своему общественному положенію, и легко уступающая, она всего лишь недѣлю назадъ вышла изъ той неизвѣстности, въ которой ее не могли отличить отъ остальныхъ одалисокъ, населяющихъ эту столицу. А теперь она одна изъ звѣздъ блестящаго созвѣздія конгресса. Такая, какъ вы ее сейчасъ видите, она почти «Величество».

— Вы, повидимому, ее прекрасно знаете, такъ расскажите мнѣ все подробнѣе.

— Дней восемь тому назадъ Л. Т. и я уходили изъ ресторана «Діана», гдѣ мы обѣдали, и отправились къ Каролинѣ и заказали у нея пуншъ, какъ мы это раньше дѣлали. Мы скоро забыли о правилахъ воздержанности, слѣдствіемъ чего былъ шумъ, обезпокоившій сосѣдей, и большой разгромъ, за который я, уходя, забылъ заплатить. Дня черезъ два я снова туда возвратился, чтобы исправить мою оплошность и оправдать передъ Каролиной буйство моихъ собутыльниковъ. Я подымаюсь по лѣстницѣ самымъ непринужденнымъ образомъ, что дается короткимъ знакомствомъ съ привычками дома. Вхожу и что же я вижу! Въ передней камергеръ въ придворномъ костюмѣ, съ золотымъ ключемъ на кафтанѣ, загораживаетъ мнѣ дорогу въ храмъ. «Сударь,—говоритъ онъ,—вы не можете сюда войти!»

«Приказаніе, сударь, меня не касается. Мнѣ нужно сказать лишь одно слово, и я это быстро сдѣлаю».

«Позвольте, моему господину, королю, поговорить раньше васъ. Его величество тамъ, а я здѣсь нахожусь на служебномъ посту».

«Понимаю, сударь. Я пришелъ по поводу сломанной мебели, но каковъ господинъ, такова и честь. Я уступаю мѣсто тому, кто можетъ лучше вознаградить за несправедливость».

Итакъ, я отправился назадъ.

Но это еще не все. Его Величество—нельзя сказать, чтобы былъ неистощимымъ говоруномъ, и его бесѣда скоро была окончена. Въ то самое мгновенье, когда онъ намѣревается проститься съ прелестнымъ ребенкомъ, является полицейскій и приноситъ сложенный, въ видѣ любовной записки, приказъ, значеніе котораго ни одно мгновенье не могло оставаться неяснымъ. Это письмо было отъ совѣтника Зидеръ, директора вѣнской полиціи.

«Мамзель, говоритъ полицейскій, обращаясь къ Каролинѣ, господинъ директоръ получилъ жалобу отъ вашихъ сосѣдей по поводу шума и стука позавчера у васъ».

Онъ приказалъ мнѣ привести васъ къ нему, чтобы вы могли оправдаться въ своемъ поведеніи».

Тутъ слѣдуетъ замѣтить, что вѣнская полиція, которая остается вѣрна старымъ обычаямъ и привычкамъ, для особъ такого рода и такого положенія, какъ *mademoiselle* Каролина, сохранила слѣдующій обычай. Если послѣдняя должна быть подвергнута наказанію за свой проступокъ, то полиція, такъ какъ она поступаетъ по-отечески, подвергаетъ грѣшницу извѣстному наказанію, подобному тому, какъ разгнѣванный отецъ взыскиваетъ съ своего напраказавшаго ребенка.

Однако, все дѣлается съ примѣрнымъ приличіемъ. Жестокій судъ, совершающійся въ одной изъ отдаленныхъ комнатъ дома директора полиціи, порученъ женщинѣ. Единственное средство смягчить строгость наказанія зависитъ лишь отъ большаго или меньшаго количества гульденовъ, которые виновная сунетъ въ руки своей мучительницѣ.

Бѣдной Каролинѣ всѣ эти подробности были хорошо извѣстны. При видѣ полицейскаго агента и его приказа она блѣднѣетъ, ужась пробѣгаетъ по всѣмъ ея членамъ, и она уже видитъ мстительную фурію, вооруженную позорнымъ инструментомъ наказанія. Поэтому она, вся утопая въ слезахъ, бросается къ ногамъ своего царственнаго обожателя и восклицаетъ со всею силою страха, тономъ самымъ убѣдительнымъ и трогаящимъ сердце, «Государь, вы король, защитите меня, спасите меня!»

Полицейскій агентъ, увидавъ коронованную особу, смутился. Ему въ нѣсколькихъ словахъ разъясняютъ дѣло. Успѣхъ такой трогательной просьбы не заставилъ себя долго ждать. Одной рукой король подымаетъ плачущую красавицу, а другой дѣлаетъ знакъ сбитому съ толку посланному.

«Вы можете уходить. *Madame* принадлежитъ къ моему штату и не обязана никому отдавать отчетъ, кромѣ меня».

Королямъ, такъ же, какъ и женщинамъ, нравится все неожиданное. Изъ этого заступничества, которое должно было быть переходящимъ капризомъ, возникло настоящее продолжительное покровительство.

Съ тѣхъ поръ молодая фаворитка стала украшать себя всевозможными подарками. Его величество былъ даже недавно съ ней на костюмированномъ балу, и, несмотря на то, что онъ былъ лишь въ легкомъ домино, предложилъ ей руку.

Но этимъ не должны были закончиться перемѣны счастья и бѣдствія Каролины.

Когда король покинулъ Вѣну, чтобы возвратиться въ свое государство, онъ поручилъ банкиру *** выплачивать своей покинутой Аріаднѣ,—которую во все время конгресса и еще нѣсколько

лѣтъ спустя называли не иначе, какъ королева***, — ежегодную пенсію въ 12000 франковъ.

Безъ сомнѣнія, воспоминаніе о королевскомъ времяпрепровожденіи получило другое направленіе, и банкиръ М. потрудился отправиться къ своей интересной кліенткѣ, чтобы лично извѣстить ее, что кредиту наступилъ конецъ. При этомъ неожиданномъ жестокомъ ударѣ красавица упала въ обморокъ и по удивительной случайности упала прямо въ объятія галантнаго банкира. Состраданіе финансиста было такъ велико, что пансіонъ и впредь выплачивался очень аккуратно, но однако такъ, что для пансіонерки не требовалось больше фигурировать въ бюджетѣ секретныхъ расходовъ одного изъ сѣверныхъ дворовъ.

IV.

Вѣнскіе салоны.—Княгиня Багратіонъ.—Семья Нарышкиныхъ.—Лотерея.—Ипсиланти и освобожденіе Греціи.—Генераль Уваровъ.

Сто тысячъ иностранцевъ, съѣхавшихся въ Вѣну, дѣлали конгрессъ болѣе похожимъ на увеселительную прогулку, чѣмъ на политическое собраніе. Если у каждаго государя были свои министры и посланники, то у общества каждой страны были свои представители. Однимъ были предоставлены дѣловыя обсужденія и охраненіе государственныхъ интересовъ, а другимъ единственная забота — пользоваться удовольствіями, присутствуя на торжествахъ и праздникахъ. Среди уполномоченныхъ этой салонной дипломатіи были: графиня Эдмунда де Перигоръ отъ Франціи, княгиня Турнь-Такисъ отъ Пруссіи, Эмилиа Кэстльри отъ Англіи, графиня Бернсдорфъ отъ Даніи. Знатное нѣмецкое общество дѣлилось на нѣсколько кружковъ, изъ которыхъ каждый имѣлъ свою особенную фізіономію и свой особенный оттѣнокъ.

Въ кружкахъ княгини Маріи Эстергази, Колоредо, Лихтенштейнъ, графини Циши поражалъ хорошій тонъ, изящество въ соединеніи съ любезнымъ гостепріимствомъ. У графини Фуксъ царили непринужденность и искренность. Напротивъ, у княгини Фюрстенбергъ было очень чопорно и строго. Выдѣляясь своимъ энергичнымъ характеромъ и познаніями, эта дама принимала у себя запросто государей. Сколько властелиновъ сдѣлались ея подданными. Домъ прекрасной герцогини де Саганъ находился въ числѣ самыхъ посѣщаемыхъ домовъ. Эта замѣчательная женщина, благодаря ея гибкому уму, могла имѣть большое вліяніе на общество, пользовавшееся вѣсомъ и значеніемъ, но она никогда имъ не злоупотребляла.

Дипломатическія силы собирались у Гумбольта и Меттерниха,

котораго я долженъ былъ бы поставить на первомъ планѣ. Въ самомъ дѣлѣ, хотя онъ и былъ центральной личностью дѣловой жизни, онъ все же умѣлъ удѣлять время на приемы иностранцевъ, съ которыми онъ обходился съ неизмѣнной вѣжливостью. Изъ русскихъ салоновъ важную роль игралъ салонъ княгини Багратионъ. Эта дама, супруга фельдмаршала, охотно принимала своихъ земляковъ въ Вѣнѣ. Она была одною изъ самыхъ блестящихъ звѣздъ, собранныхъ во время конгресса. Благодаря своей прелести и величественности манеръ, она, казалось, была призвана къ тому, чтобы перенести въ Вѣну тѣ формы приличія и аристократической непринужденности, которыя дѣлали въ то время петербургскіе салоны первыми въ Европѣ; и въ этомъ отношеніи одинъ уполномоченный министръ не сумѣлъ бы такъ блестяще выполнить свои инструкціи. Княгиня, которая прзднѣ приводила въ восхищеніе весь Парижъ, была въ то время въ полномъ расцвѣтѣ своей красоты. Представьте себѣ юное лицо бѣлизны алебаstra, на которое какъ бы дунули легкимъ румянцемъ. Выразительная, легко приходящая въ волненіе фізіономія съ нѣжными чертами, взглядъ, которому близорукость придавала что-то застѣнчивое и неувѣренное, фигура средняго роста, но великолѣпно сложенная. Во всей ея наружности восточная мягкость соединялась съ андалузскою граціею. Ее можно было назвать безо всякой лести восхитительной княгиней, призванной развлекать на своихъ вечерахъ знаменитыхъ людей, которые, порой, такъ скучали, какъ будто бы они были не очень веселящимися поклонниками m-me Ментенонъ.

Когда мы пришли, Козловскій и я, тамъ уже собрались имп. Александръ, короли Прусскій и Баварскій, многіе другіе принцы и государи и значительное число иностранцевъ. Тамъ можно было встрѣтить всю русскую аристократію: Нессельроде, Поццо ди Барго, гр. Разумовскаго, русскаго посланника при австрійскомъ посольствѣ, кн. Волконскаго и многихъ другихъ. Среди этой толпы, гдѣ я едва различалъ знакомыя лица, я, казалось, былъ опять перенесенъ въ одинъ изъ петербургскихъ салоновъ, назадъ въ 1810-й годъ. Среди этой аристократіи блистали своимъ происхожденіемъ, своимъ виднымъ положеніемъ и прелестью ума члены семьи Нарышкиныхъ. Нарышкины стояли близко къ русскому императорскому дому. Мать Петра В. была Нарышкина. Старшій изъ братьевъ, оберъ-камергеръ, считался однимъ изъ умнѣйшихъ людей при дворѣ имп. Александра. Его разговоръ былъ разностороненъ и занимателенъ, и собраніе его *bons-mots* могло бы составить цѣлый толстый томъ. Они не были такъ тонки и блестящи, какъ *bons-mots* принца де Линь или еще того менѣе кн. Та-

лейрана, но когда всѣ эти трое случайно собирались вмѣстѣ,—получался настоящій фейерверкъ художественныхъ остротъ.

Его дочь, княжна Елена, обладала большою красотою и возвышеннымъ и нѣжнымъ характеромъ. Она была замужемъ за сыномъ знаменитаго генерала Суворова. По странной случайности ея мужъ утонулъ въ Рымникѣ, маленькой валахской рѣчкѣ, названіе которой было присвоено его отцу. Несмотря на предостереженіе своего ямщика, онъ непремѣнно настаивалъ на томъ, чтобы переѣхать черезъ рѣчку въ бродъ, въ каретѣ, въ то время, когда рѣчка, благодаря грозѣ и дождямъ, обратилась въ настоящій потокъ. Волны унесли его съ собой, такъ что къ нему не успѣли даже прибѣжать на помощь. Въ моментъ смерти Павла I, Елена жила съ отцомъ во дворцѣ, въ амфиладѣ комнатъ, которыя были расположены подъ комнатами императора. Разбуженная суматохой,—неизбѣжнымъ послѣдствіемъ заговора, ея кормилица унесла ребенка и въ смятеніи спрятала его въ уединенно стоящей будкѣ, гдѣ онъ только на слѣдующій день былъ отысканъ.

Оберъ-камергеръ пользовался благосклонностью Павла и приобрѣлъ также расположеніе его сына, Александра. Роскошь, которою онъ окружалъ себя, превосходила всякое описаніе. Въ его домѣ царили вѣчное оживленіе и шумныя удовольствія. Этотъ домъ можно было бы назвать караванъ-сараемъ для государей. Зелень, цвѣты, пѣніе птицъ среди зимы какъ будто переносили сюда итальянскую весну. Его щедрость была безгранична и переходила въ мотовство; она часто ставила его въ затруднительное положеніе. Слѣдующій случай служить этому доказательствомъ: Нарышкинъ получилъ отъ имп. Александра орденъ св. Андрея, весь осыпанный брилліантами, и, вслѣдствіе денежныхъ затрудненій, его заложилъ. Однако, приближались именины императрицы, на которыя онъ долженъ былъ явиться въ полной парадной формѣ и съ драгоцѣнной звѣздой, которую его украсилъ государь. Что ему было дѣлать? Какъ ее достать? Заклада онъ не могъ выкупить, а только у государя была точно такая же звѣзда. Въ этой бѣдѣ онъ обратился къ камердинеру царя и, прибѣгнувъ къ обѣщаніямъ, просьбамъ, угрозамъ, довелъ его до того, что тотъ одолжилъ ему орденъ его господина, но, придя въ ужасъ отъ возможныхъ послѣдствій оказанной услуги, самъ рассказалъ обо всемъ государю. Александръ весь вечеръ напролетъ подшучивалъ надъ своимъ любимцемъ, приближаясь къ нему и внимательно разсматривая въ лорнетъ взятую напрокатъ звѣзду, чѣмъ подвергъ камергера настоящей пыткѣ. Онъ удовольствовался этой ласковой молчаливой местию и никогда ни слова не сказалъ ему объ этомъ. Нарышкинъ сопрово-

ждалъ имп. Елизавету во время ея путешествія изъ Петербурга въ Вѣну. Когда Александръ далъ ему это порученіе, онъ приказалъ отослать ему 50 тысячъ ассигнаціями и вмѣстѣ съ тѣмъ маршрутъ, которымъ онъ долженъ былъ руководиться въ путешествіи. Нѣсколько дней спустя императоръ подошелъ къ нему.

— Ну, кузень,—говорить онъ ему,—получилили вы пакетъ, который я вамъ отослалъ.

— Да, государь, я его получилъ и прочелъ первый томъ маршрута.

— Какъ уже, и вы ожидаете второго?

— Т.-е. второго изданія, если это угодно вашему величеству.

— Я понимаю, второе, просмотрѣнное и дополненное изданіе сказалъ царь и отъ души расхохотался.

Второе изданіе не заставило себя долго ждать.

Братъ оберъ-камергера, оберъ-егермейстеръ былъ супругомъ прекрасной Маріи Антоновны, урожденной княжны Четвертинской, одной изъ самыхъ красивыхъ женщинъ Европы, которая сумѣла надолго приковать къ себѣ сердце прекраснаго самодержца. Хотя онъ и не былъ такимъ блестящимъ придворнымъ, какъ его старшій братъ, у него не было недостатка въ умѣ; онъ доказывалъ это тѣмъ философскимъ хладнокровіемъ, съ которымъ переносилъ свою неудачу въ супружествѣ, своими отвѣтами, которые давалъ царю. Очень часто онъ выражался по этому поводу въ формѣ наивной веселой шутки. Однако, это вовсе не была малодушная предупредительность мужа, который считаетъ за честь свой позоръ, а обдуманная покорность, которую противупоставляютъ непоправимому несчастью.

Александръ спросилъ у него однажды, что дѣлаютъ его дѣти.

— Мои собственныя, государь, или дѣти вашего величества?

Въ другой разъ Александръ съ добротой освѣдомился о его дочеряхъ.

— Но, ваше величество, вторая вѣдь ваша.

Александръ отошелъ, улыбаясь.

Понятно, что никому не дававшій пощады сатирическій духъ оберъ-камергера не оставилъ неосмѣяннымъ и его родного брата. Оберъ-егермейстеръ очень занимался своими волосами, которые были всегда завиты и съ особеннымъ искусствомъ убраны въ локоны. На это обратили вниманіе оберъ-камергера.

— Неудивительно,—сказалъ онъ,—вѣдь онъ подвигъ рукою господина и хозяина.

Несмотря на эту продолжительную связь, несмотря на ту власть, которую имѣла Нарышкина надъ сердцемъ своего возлюбленнаго, Александръ никогда не жертвовалъ для нея при-

личіемъ. Посреди непрерывныхъ празднествъ конгресса, въ этой жизни, почти освобожденной отъ оковъ этикета, имп. Елизавета должна была бы на каждомъ шагу сталкиваться съ своей соперницей, что больно уязвляло бы ея сердце. Поэтому Нарышкина не появлялась въ Вѣнѣ во время конгресса.

Около русскаго царя сидѣла княгиня Турнъ-Таксисъ, урожденная принцесса Мекленбургъ-Стрелицкая, свояченица прусскаго короля. Этотъ государь сохранилъ самое нѣжное воспоминаніе о своей покойной супругѣ и перенесъ всю глубину своего чувства на ея сестру. Она была одарена гибкимъ умомъ и красотою, почти вошедшей въ пословицу, но которая все же не могла сравниться съ красотою королевы, ея покойной сестры. Во всей ея наружности было много прелести и достоинства, которыя вызывали восхищеніе и уваженіе. Въ Вѣнѣ, гдѣ находилось столько выдающихся лицъ, она была одною изъ тѣхъ, которыя блистали всѣми выдающимися качествами.

Я сидѣлъ около князя Козловскаго и барона Омтеда и былъ увѣренъ, что среди такого многочисленнаго общества они найдутъ много поводовъ для своихъ язвительныхъ замѣчаній.

— Видите ли вы,—сказалъ баронъ,—тамъ, за стуломъ имп. Александра стоитъ его братъ, великій князь Константинъ, третье лицо въ государствѣ, котораго прочать въ наслѣдники престола. Какъ раболѣпно держитъ онъ себя въ присутствіи царя, съ какой аффектаціей старается показать себя первымъ среди его подданныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, можно подумать, что онъ почерпаетъ воодушевленіе въ подчиненіи тогда, какъ другіе—въ свободѣ. Я не могу понять, какъ можно такъ захлебываться восторгомъ и наслажденіемъ отъ послушанія.

Послѣ того Козловскій обратилъ мое вниманіе на сидящую недалеко отъ имп. Елизаветы графиню Толстую, супругу гофъ-маршала, урожденную княжну Барятинскую. Ея мать происходила изъ фамиліи Гольдштейнъ-Бекъ и была кузиной Екатерины.

— Знаете,—сказалъ онъ мнѣ,—что гофъ-маршалъ совсѣмъ въ немилости?

— Да, князь, но я не знаю причины.

Дѣло заключается въ слѣдующемъ: гр. Толстой въ виду того, что императоръ относился къ нему весьма снисходительно, позволилъ себѣ принять съ нимъ порицающій его тонъ, который бы немногіе государи потерпѣли. Онъ противорѣчилъ ему на всякомъ шагу, во всемъ. Чаше всего Александръ смѣялся надъ его ворчливыми замѣчаніями, но иногда это его сердило, и онъ отмстилъ гофъ-маршалу, по своему обыкновенію, шуткой.

Когда они разъ ѣхали вмѣстѣ въ открытыхъ саняхъ и мелоч-

ныя придирки гофъ-маршала истощили терпѣніе царя, онъ, не отвѣчая ему на нихъ, такъ толкнулъ Толстого въ плечо, что тотъ упалъ изъ саней въ снѣгъ, а затѣмъ заставилъ его нѣсколько минутъ бѣжать за легкимъ экипажемъ. Когда онъ нашелъ наказаніе достаточнымъ, онъ приказалъ остановиться. Гофъ-маршалъ, ворча, усѣлся рядомъ съ своимъ повелителемъ, и все было забыто. Въ увѣренности, что доброта царя никогда не изсякнетъ, Толстой противился тому, чтобы государь присутствовалъ на конгрессѣ, такъ какъ, по его мнѣнію, Александръ не могъ тамъ играть никакой, достойной его, роли. Уже давно утомленный вѣчными пререканіями, его величество на этотъ разъ взглянулъ на дѣло серьезнѣе и разстался съ своимъ гофъ-маршаломъ. Послѣдній, какъ говорятъ, не можетъ утѣшиться отъ этой немилости.

— Вотъ послѣ того и полагайтесь на дружбу царей.

И правда, спустя нѣкоторое время, Толстой умеръ отъ огорченія въ Дрезденѣ, куда онъ удалился, не будучи въ состояніи пережить потерю царской благосклонности.

Вдругъ все смолкло. Молодая французская актриса *mademoiselle Л.*, ученица Тальмы, только что пріѣхавшая изъ Парижа, которой покровительствовала княгиня Багратіонъ, должна была начать декламировать. Такъ какъ французскіе классическіе стихи, для созданія иллюзіи, особенно требуютъ подмостокъ и ослѣпительныхъ туалетовъ, то этотъ родъ развлечения не былъ тогда еще такъ распространенъ, какъ въ настоящее время.

Всѣ столпились вокругъ прекрасной трагической актрисы. *Mademoiselle Л.* прочла съ большою искренностью нѣсколько сценъ изъ «Заиръ» и въ особенности сдѣлала честь своему учителю въ прекрасной сценѣ «Сонъ Агаволіи». Поэтому въ похвалахъ не было недостатка, и я не думаю, чтобы у дебютантки когда-либо былъ такой партеръ цѣнителей.

Затѣмъ столпились около стола, покрытаго богатыми и красивыми вещами. Должна была разыгрываться лотерея,—придворная любезность, въ духѣ вѣка Людовика XIV, которому его любовь къ m-me Лавалльеръ дала эту идею, а дамы нашли эту моду восхитительной. Каждый государь жертвовалъ на эти лотереи по одному или по нѣскольку подарковъ, которые, доставаясь на долю нѣкоторыхъ счастливыхъ кавалеровъ, давали послѣднимъ возможность сдѣлать посредствомъ подношенія этихъ вещей признаніе въ любви дамѣ сердца.

Это развлеченіе очень часто повторялось во время конгресса. Самыя богатыя лотереи были устроены у княгини Маріи Эстергази, у г-жи Бруссе, урожденной Мусиной-Пушкиной. Эти лотереи не ограничивались лишь салонами и позднѣе стали

причиною одного приключенія, сильно занимавшаго умы. Нѣкоторые изъ выигрышей были великолѣпны. Великій князь Константинъ выигралъ двѣ фарфоровыя вазы, которыя король Пруссій приказалъ доставить съ своего берлинскаго завода. Онъ ихъ преподнесъ очаровательной хозяйкѣ дома. Баварскій король получилъ шкатулку мозаичной работы, которую онъ просилъ принять княгиню Эстергази, а графъ Коподистрія сундукъ изъ *point d'acier*, который онъ презентовалъ княгинѣ Волконской. Императору Александру достались два бронзовыхъ подсвѣчника. Онъ ихъ подарилъ *mademoiselle Л.*, которою онъ тогда увлекался.

«Любовныя дѣла его величества,—перешоптывались около меня,—не сдѣлаютъ большой брешы въ царской казнѣ. Этими подсвѣчниками онъ сдѣлалъ *m-elle Л.* подарокъ въ нѣсколько луидоровъ. Поистинѣ это удивительная щедрость, потому что онъ часто вмѣсто того, чтобы преподносить, самъ принимаетъ подарки. Все бѣлье, которое на немъ, сшито прелестными ручками г-жи Нарышкиной. Что онъ принимаетъ въ подарокъ работу—это въ порядкѣ вещей,—но онъ почему-то всегда забываетъ возратить ей деньги, уплаченные за матеріаль. Фаворитка рассказываетъ объ этомъ всѣмъ, кому угодно. Здѣсь часто говорятъ объ Людовикѣ XIV, при всякомъ случаѣ ссылаются на малѣйшія детали его празднествъ. Наши государи могли бы ему подражать. И какъ бы эти подсвѣчники ни были хорошо отчеканены, они все же не настолько цѣнны, какъ брилліантовый браслетъ, который великій король выигралъ въ лотереѣ *madame* и такимъ деликатнымъ способомъ предложилъ *mi-me Лавалльеръ*».

— Безъ сомнѣнія все это устроено съ большимъ вкусомъ,—сказалъ мнѣ кн. Козловскій,—но развѣ могутъ эти празднества сравниться съ тѣми, которыя давалъ Потемкинъ императрицѣ Екатеринѣ въ Таврическомъ дворцѣ послѣ взятія Очакова, и фантастическія картины которыхъ еще живы въ памяти нашихъ матерей. Тамъ тоже было нѣчто въ родѣ лотереи, но при розыгрышѣ брала перевѣсъ ловкость, а не случай. Въ бальной залѣ былъ воздвигнутъ длинный рядъ мраморныхъ колоннъ, украшенныхъ гирляндами изъ драгоцѣнныхъ украшеній. Каждому кавалеру приходилось во время танца проходить очень близко отъ колонны и, не останавливаясь, срывать драгоцѣнное украшеніе, которое онъ затѣмъ преподносилъ танцующей съ нимъ дамѣ. Императрица отблагодарила за это своего фаворита тѣмъ, что осыпала его новыми богатствами. Въ самомъ дѣлѣ мы мельчаемъ.

Потомъ разыгрывали множество выигрышей меньшей стои-

мости. Въ залѣ было такъ много народу, что я только сейчасъ замѣтилъ Александра Ипсиланти, когда ему достался куній мѣховой воротникъ, который онъ преподнесъ княгинѣ Суворовой. Воспользовавшись моментомъ, когда стало менѣе тѣсно, я подошелъ къ нимъ и выразилъ княгинѣ Еленѣ радость, что снова вижу ее.

— У насъ, безъ сомнѣнiя, — сказала она, — найдется многое, о чемъ поговорить. Приходите завтра ко мнѣ завтракать вмѣстѣ съ Ипсиланти. Мы будемъ одни и меньше на виду, чѣмъ здѣсь.

Я съ радостью согласился.

По уходѣ государей заиграла музыка, танцовали, потомъ былъ сервированъ изящный ужинъ, который сопровождался откровенной болтовней и интимнымъ шопотомъ.

Я общалъ Ипсиланти зайти за нимъ, чтобы вмѣстѣ отправиться къ княгинѣ Суворовой. Ипсиланти въ то время былъ буквально осаждаемъ тѣми легкими искательницами любовныхъ приключенiй, которыя такъ часто бываютъ способны опьянить молодую голову. Его благородная воинственная фигура, его высокiй стройный ростъ, нисколько не были обезображены потерей руки. Любовныя записки присылались къ нему массами, но тѣмъ не менѣе онъ не подтолкнули его ни на какое дурачество.

— Видите, — сказалъ онъ мнѣ, указывая на цѣлую груду писемъ, — шесть со вчерашняго дня, и всѣ на разныхъ языкахъ, на итальянскомъ, французскомъ и даже греческомъ. Мой милый, у меня свиданья почти во всѣхъ вѣнскихъ церквахъ.

Почти во всѣхъ этихъ запискахъ указывали ему какую-нибудь часовню для свиданья. Австрія сохранила итальянскiй обычай, слѣдуя которому любовь скрывается подъ покрываломъ набожности.

— Идемте, мой другъ, мое сердце въ другомъ мѣстѣ, мы будемъ говорить о Греціи.

Завтракъ у княгини Елены былъ превосходный. Среди женщинъ знатнаго русскаго общества она выдавалась соединенiемъ интеллигентности съ нѣжной, тонко чувствующей душой. Она искусно направляла нашу бесѣду. Разговоръ шелъ объ интересныхъ петербургскихъ событіяхъ, которыя произошли съ тѣхъ поръ, какъ я оттуда уѣхалъ, обо всемъ касающемся нашихъ друзей. Прежде всего мы коснулись безнадежной, но постоянной любви ея брата Льва къ его теткѣ, красавицѣ Маріи Антоновнѣ Нарышкиной, потомъ мы говорили о второмъ бракѣ Вiельгорскаго на Биронъ, объ остротахъ кн. Голицына, о строгости великаго князя Константина и объ язвительныхъ шуткахъ оберъ-

камергера, ея отца. Итакъ, все время слѣдовалъ одинъ разсказъ за другимъ; мы были какъ бы перенесены на берега Невы.

Ипсиланти слушалъ насъ молча. Между тѣмъ въ его взглядѣ, въ выраженіи его лица сквозила та экзальтація, зародыши которой жили въ его душѣ еще въ Крыму. Лишь недавно, по смерти своего отца, сдѣлавшись владѣтелемъ огромнаго состоянія, окруженный лучами военной славы, добытой кровью, окруженный всѣми соблазнами и радостями любви, онъ все-таки всѣ свои желанія и мечты о будущемъ соединялъ съ Греціей, его отечествомъ, рабство которой онъ оплакивалъ, и искалъ повсюду мстителей за нее. Достопримѣчательныя событія, которыхъ онъ только что былъ свидѣтелемъ, могли лишь увеличить его пылъ и жажду дѣятельности.

Я вскорѣ замѣтилъ, что во всѣхъ его надеждахъ на освобожденіе Греціи его немало поощряла княгиня Елена, которая вмѣстѣ со всѣмъ знатнымъ русскимъ обществомъ лелѣяла эту мечту, которая въ продолженіе цѣлаго вѣка передавалась изъ рода въ родъ, какъ человѣколюбивое и благочестивое наслѣдство.

— Да,—сказалъ онъ,—великая европейская война окончена, теперь наступилъ моментъ для освобожденія Греціи. Ея благородное дѣло сдѣлается дѣломъ всей Европы; изъ Вѣны долженъ быть данъ сигналъ къ ея независимости.

— Ну хорошо,—сказала княгиня,—но зачѣмъ же пребывать въ бездѣйствіи. Какъ должно быть прекрасно въ 23 года сдѣлаться освободителемъ угнетеннаго народа. Нашъ вѣкъ—вѣкъ юности; онъ преодолеваетъ всѣ препятствія. Вспомните слезы Александра у гробницы Ахиллеса.

— Конгрессъ не можетъ оставаться глухъ къ голосу религіи и гуманности. У Греціи уже есть много мстителей: въ Пелопонессѣ, въ обоихъ княжествахъ, на архипелагѣ, а также и въ другихъ мѣстахъ. Достаточно послѣдней капли, чтобы чаша переполнилась.

Звучныя имена: Аѣины, Спарта, Периклъ, Леонидъ естественно рѣяли въ нашемъ разговорѣ, и я былъ даже захваченъ воодушевленіемъ. А въ словахъ Ипсиланти, въ его восторженномъ языкѣ можно было прочесть пророческое предсказаніе о возстановленіи его отечества.

Только что мы хотѣли поспѣшить на помощь Греціи, какъ вошелъ безъ доклада генераль Уваровъ. Разговоры сразу приняли болѣе умѣренное направленіе. Какими бы выдающимися качествами ни обладалъ генераль, но никогда не указывали на него, какъ на образецъ краснорѣчія и познаній. Уваровъ, генераль-адъютантъ императора Александра, былъ его любимцемъ. Такъ

какъ онъ зналъ, что правда рѣдко доходитъ до ушей царя, то онъ взялъ на себя тяжелую обязанность заставлять своего государя ее выслушивать.

— Вы должны слышать правду, — сказалъ онъ однажды государю, — а у меня хватитъ мужества вамъ ее говорить. Обращайте вниманіе не на форму, а на сущность. Я буду говорить такъ, какъ мнѣ велитъ мой долгъ, а вамъ слѣдуетъ извлекать изъ этого пользу.

То былъ Уваровъ, который послѣ битвы при Аустерлицѣ на вопросъ Наполеона, какой генераль командовалъ русской кавалеріей, отвѣтилъ: «Je, sire».

Можно легко повѣрить тому, что синонимъ мой привелъ въ немалую веселость счастливыхъ побѣдителей этого дня.

Его присутствіе заставило насъ перемѣнить тему разговора. Вслѣдъ за нашими диѳирамбами освобожденію Эллады слѣдовалъ полный курсъ объ одеждѣ кавалеріи. Добрый генераль думалъ насъ въ высшей степени заинтересовать этимъ и потому подробно входилъ въ самыя мелкія подробности этой науки, которая была въ то время главнымъ средствомъ составить карьеру у царя.

Сначала онъ трактовалъ о стрижкѣ волосъ, затѣмъ надолго остановился на блестящихъ сравненіяхъ сюртуковъ и отворотовъ въ различныхъ корпусахъ, завелъ рѣчь о мѣстахъ для пуговицъ и, наконецъ, перешелъ къ формѣ сапога. Итакъ, мало-по-малу, были пройдены всѣ части военной одежды. Онъ только что хотѣлъ заняться лошадьми, какъ по счастью, доложили, что карета княгини подана. Тогда только прекратился этотъ казарменный разговоръ, чтобы дать возможность дамѣ отправиться въ Пратеръ, гдѣ, по итальянскому обычаю молодая элегантная женщина должна была показываться ежедневно, если она не хотѣла быть вычеркнутой изъ золотой книги высшаго общества.

Пер. М. Барсуковой.

Воспоминанія В. В. Берви (Н. Флеровскаго¹).

II. Ссылка въ Астрахань.

Мое дѣло кончилось тѣмъ, что я долженъ былъ отправиться въ ссылку въ городъ Астрахань. Въ этомъ городѣ издавалась мѣстная газета, имѣвшая редакторомъ предприимчиваго еврея Бенземана. Въ то время въ Россіи частная мѣстная газета составляла большую рѣдкость. Я предложилъ редактору планъ сдѣлать ее интересной для мѣстной публики. Я предложилъ взаимно передовыхъ статей дѣлать обзорѣніе періодической печати какъ заграничной, такъ и русской, и притомъ, какъ столичной, такъ и мѣстной. Читатели могли такимъ образомъ получать интересныя для нихъ свѣдѣнія изъ такихъ газетъ, которыя для нихъ были окончательно недоступны. Въ одномъ изъ первыхъ номеровъ я помѣстилъ сравненіе, которое должно было характеризовать настроеніе умовъ въ провинціальныхъ городахъ либеральной тогда Россіи и ультра-консервативной Франціи Наполеона III. Въ русскомъ городѣ Кишиневѣ ожидали губернатора, а въ одномъ изъ французскихъ городовъ, не помню въ какомъ именно, префекта. Я сравнилъ по извѣстіямъ газетъ, что волновало умы жителей по этому случаю. Въ русскомъ городѣ дамы спрашивали: красивъ онъ или нѣтъ, любить ли онъ поволочиться и т. п.; чиновники: имѣетъ ли онъ обыкновеніе задавать головоломки; помѣщики: любить ли онъ играть въ карты, виверъ онъ или нѣтъ; купцы: любить ли онъ парадныя обѣды и угощенія. Во французскомъ городѣ интересовались знать, какого онъ политическаго направленія, какое у него политическое прошлое, какимъ онъ сочувствуетъ идеямъ, интереснымъ для мѣстныхъ жителей и т. п. Это сравненіе показалось губернатору такимъ крупнымъ преступленіемъ, что обзоръ періодической печати былъ окончательно запрещенъ. Губернаторы въ это либеральное время были въ такой степени бичами мѣстной прессы, что всѣ интересныя для мѣстныхъ

¹) См. «Гол. Мин.» №№ 2, 3 и 4.

жителей корреспонденці должны были помѣщаться въ столичныхъ газетахъ. При этомъ сочинители корреспонденцій разыскивались всѣми средствами и, разъ открытые, подвергались безжалостнымъ преслѣдованіямъ. Умѣнье корреспондента скрываться считалось великимъ искусствомъ мѣстнаго публициста.

Я прибылъ въ декабрѣ, вскорѣ начались грабежи, которые наводили на жителей панической страхъ. Во время навигаціи и улова рыбы въ Астрахани скопляется множество рабочаго народа; зимой народъ этотъ остается безъ работы, и такъ какъ администрація не принимаетъ никакихъ мѣръ для обезпеченія голодающихъ, то погибающій отъ нужды народъ прибѣгаетъ къ грабежамъ. Когда паника достигла максимума, администрація прибѣгла къ приему, которымъ она пользовалась и въ другихъ русскихъ городахъ въ минуту народныхъ бѣдствій: пожаровъ, отравленія фальсификаціей, грабежей и т. п. Она стала обвинять въ этомъ политическихъ ссыльныхъ. Въ прежнія времена, когда она сваливала вину на поляковъ, ей это удавалось; еще недавно съ помощью консервативной прессы правительству удалось свалить пожары и отравленія фальсификаціей въ Петербургъ и Москвѣ на революціонеровъ. Катковъ такъ усердно доказывалъ, что поджоги и отравленія составляютъ одинъ изъ приемовъ проповѣдниковъ революціи, что ему удалось сбить съ толку нѣсколькихъ несчастныхъ юношей. Много лѣтъ спустя, я зналъ въ Архангельскѣ чиновника, который имѣлъ уже жену и четверыхъ дѣтей. Онъ мнѣ рассказывалъ, что, будучи четырнадцати лѣтъ отъ роду, онъ воспылялъ желаніемъ прославиться революціонной дѣятельностью, но не имѣлъ никакихъ знакомствъ и никакихъ путей для сближенія съ революціонерами; у Каткова ему удалось прочесть, что поджоги составляютъ революціонный принципъ, и это вызвало въ немъ рѣшимость сдѣлать поджогъ; несчастный мальчикъ былъ сосланъ въ Мезень, въ городъ, лежащій при сѣверномъ полярномъ кругѣ. Другого подобнаго же злополучнаго ребенка императоръ хотѣлъ велѣть разстрѣлять для успокоенія общества. Его удержалъ отъ этого князь Суворовъ; этотъ благородный человѣкъ неоднократно удерживалъ Александра II...

Слухи, распускаемые про насъ администраціей, могли поставить насъ въ ужасное положеніе; пришлось защищаться. Полиція и администрація сваливали вину на насъ, а мы на нихъ. Мы выпустили по городу въ стихахъ и въ прозѣ множество веселыхъ листовъ, которые изображали дѣятельность полиціи и администраціи во время народнаго бѣдствія; между астраханскими чиновниками не оказалось юмористовъ, способныхъ отвѣчать намъ

тѣмъ же. Одному изъ нашихъ удалось поймать грабителя и представить его въ полицію. Частный приставъ узналъ въ немъ извѣстнаго вора и ударилъ его по щекѣ; но на другой день полиція тихомолкомъ выпустила его изъ-подъ ареста. Вышелъ и смѣхъ, и грѣхъ; весь городъ зналъ насъ, всѣ были возмущены попыткой администраціи отдать насъ народу на растерзаніе, всѣ забавлялись нашими веселыми пріемами самозащиты и единодушно утверждали, что если на кого-нибудь изъ двухъ должна падать вина настоящаго бѣдствія, то, конечно, на администрацію, а не на насъ. Такимъ образомъ мы были втянуты въ борьбу, которая во всякомъ провинціальномъ городѣ происходитъ между жителями и администраціей. Сыпались стихи и листки; нѣкто Д., членъ петербургской центральной студенческой сходки, обвинявшійся въ печатаніи подпольной газеты «Великоросъ» и оправданный сенатомъ ¹⁾, писалъ стихи, изъ которыхъ нѣкоторые были настоящими шедеврами и впослѣдствіи попали отчасти въ заграничную и отчасти въ цензурную печать. Эти стихи и листки, вступавшіеся за жителей, обиженныхъ администраціею, получили впослѣдствіи громкое названіе «*подпольной литературы, которая читается съ жадностью*», и подали отчасти поводъ къ нашей ссылкѣ въ Сибирь. Въ особенности между купцами мы получили такимъ образомъ популярность, такъ какъ купцы болѣе другихъ классовъ общества сосредоточиваютъ на себѣ взгляды жадной до взятокъ администраціи.

Въ это время въ Польшѣ вспыхнулъ мятежъ. Александръ II дѣлалъ видъ, что онъ либеральныя реформы свои хочетъ распространить и на западныя окраины и на Польшу. Для произведенія реформы ему, конечно, слѣдовало бы обратиться къ естественнымъ руководителямъ польскаго народа. Эти естественные руководители были слишкомъ опытными политиками, чтобы не понять, что получить отъ Александра II такое же самостоятельное положеніе, какимъ пользуется теперь Венгрія,

¹⁾ Въ качествѣ великаго преступника онъ сидѣлъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ, настолько же знаменитомъ въ Петербургѣ, какъ Тоузъ въ Лондонѣ. Здѣсь погибали заговорщики, мѣтившіе на престолъ, а другіе переносились прямо изъ тюрьмы въ зимній дворецъ. Онъ рассказывалъ мнѣ объ устройствѣ этой ужасной тюрьмы. Она ниже уровня воды въ Невѣ, а потому тамъ сырость и холодъ, противъ которыхъ ничто не помогаетъ. Въ той клѣткѣ, которую онъ занималъ, печь была до такой степени накалена, что къ ней нельзя было подойти, а на окнѣ мерзла вода. Чтобы избавиться отъ этихъ противоположностей, онъ ходилъ сначала изъ жаркаго угла въ холодный, т. е. изъ бани въ ледникъ, но за это скоро заплатилъ простудой; тогда онъ сталъ ходить въ пространство, составляющемъ грань между двумя крайними температурами; но какъ ни ходи, какъ ни сиди, а пребываніе въ этой клѣткѣ составляло пытку утонченной изобрѣтательности и ей подвергали людей, которыхъ потомъ даже пристрастный судъ вынужденъ былъ признать невиновными.

было для нихъ гораздо выгоднѣе, чѣмъ вести революціонную борьбу съ очень малыми шансами на успѣхъ. Но Александръ II не имѣлъ ни малѣйшаго желанія поставить во главѣ управленія популярныхъ въ Польшѣ людей и произвести такія реформы, которыя могли бы удовлетворить поляковъ; онъ затѣвалъ передѣлки, которыя ему нравились, и такъ же, какъ въ Россіи, поставилъ во главѣ дѣла ненавистныхъ полякамъ людей. Все это возмущало меня до крайности»...

Въ это время я прочелъ знаменитую передовицу «Московскихъ Вѣдомостей», лозунгомъ которой были слова: «законность насъ губить».—«Такъ вотъ до чего у насъ дошло, подумалъ я; они же сами ухитрились производить свои реформы такъ, что вызвали между свободомыслящими людьми въ Россіи революціонную пропаганду, а въ Польшѣ бунтъ, и они же теперь громко провозглашаютъ, что законы ихъ стѣсняють, и требуютъ для себя права на беззаконіе и произволь. Послѣ этого намъ остается одно—отвергать ихъ самихъ, ихъ произволь»...

Въ Астрахани существовалъ революціонный комитетъ, я вступилъ въ него. Ознакомившись съ его дѣятельностью, я нашелъ ее слишкомъ слабою и старался убѣдить членовъ, что пропаганда въ средѣ одного образованнаго класса не можетъ дать успѣха; пока въ массѣ народа не пробудится стремленіе къ политической самостоятельности, до тѣхъ поръ образованный классъ не будетъ имѣть опоры и во всякой борьбѣ съ администраціей долженъ будетъ покориться. Комитетъ обновился, прежніе члены вышли, новые вступили. Къ намъ обращались старообрядцы, но я находилъ ихъ мало пригодными для нашихъ цѣлей, такъ какъ они консервативнѣе самого правительства; мы стали сноситься съ казаками, но получили въ отвѣтъ, что настоящее время неудобно для пропаганды въ ихъ средѣ, такъ какъ командующій военной частью въ астраханской губерніи полякъ Врубель, котораго я лично зналъ за прекраснаго человѣка, заботится о полезныхъ для нихъ нововведеніяхъ. Мы обратились въ другую сторону. Астраханская губернія—губернія садовъ и рыбопромышленниковъ,—и тутъ, и тамъ рабочее населеніе терпѣло отъ возмутительныхъ злоупотребленій. Существовали крѣпостные садоводы; разведенные ими сады и построенные ими въ этихъ садахъ дома считались собственностью ихъ помѣщиковъ. При освобожденіи крестьянъ помѣщики безсовѣстно завладѣвали всѣмъ этимъ и выгоняли ихъ ни съ чѣмъ на улицу. Еще хуже было положеніе рыболововъ; тамъ существовалъ знаменитый ловецкій контрактъ, который до такой степени опутывалъ ловцовъ, что они находились въ рабской зависимости отъ откупщиковъ рыбныхъ ловлей. Съ этими обиженными и угне-

тенными мы и вступили въ сношенія. Я доказывалъ, что лучший случай для распространенія въ рабочемъ народѣ необходимыхъ для нихъ политическихъ идей представляется тогда, когда защищаешь существенные для нихъ интересы. Въ это время изъ-за рыбныхъ ловлей боролись двѣ партіи; одна была партія монополистовъ, во главѣ которыхъ стоялъ Макаровъ; она старалась законодательнымъ путемъ сосредоточить рыбныя ловли въ возможно меньшемъ числѣ рукъ; другая была партія буржуазная, она старалась о томъ, чтобы рыбныя ловли были разбиты на мелкіе участки и розданы купцамъ средней руки. Во главѣ этой партіи стоялъ ловкій проходимецъ Кафтанниковъ; онъ успѣлъ создать себѣ капиталъ изъ ничего. Онъ заключилъ съ богатымъ купцомъ Рѣпинымъ обыкновенный ловецкій контрактъ; на основаніи этого контракта онъ получилъ капиталъ и ловилъ рыбу, но когда Рѣпинъ хотѣлъ завладѣть этой рыбой, какъ дѣлали всѣ откупщики, онъ сталъ оспаривать законность этого контракта на томъ основаніи, что онъ заключаетъ въ себѣ лихвенный изворотъ. Судъ не дозволилъ Рѣпину наложить свою руку на рыбу; то, что всегда считалось вполне законнымъ по отношенію къ рабочимъ, сдѣлалось противузаконнымъ, когда жертвою ловецкаго контракта сталъ капиталистъ, умѣющій ловко задаривать судъ. Мы создали третью, демократическую партію, которая вступила въ состязаніе съ монополистами и съ буржуазіей. Намъ удалось привлечь къ себѣ лицо, которое завѣдывало частной почтой рыбопромышленниковъ; такимъ образомъ мы вступили съ ловцами въ переписку; я убѣждалъ ихъ домогаться закона, который избавилъ бы ихъ отъ ловецкаго контракта. Мой планъ состоялъ въ томъ, чтобы всѣ рыбныя ловли изъять изъ предметовъ частной собственности, что было тѣмъ легче исполнить, что всѣ воды были въ рукахъ казны, казацкаго войска, общинъ и т. п.; частная собственность касалась только такъ называемыхъ заливныхъ водъ. Интересъ частныхъ лицъ былъ сравнительно ничтожный, между тѣмъ онъ существенно мѣшалъ урегулированію рыбнаго промысла и дѣлался источникомъ рыбоистребленія; устранить этотъ интересъ съ вознагражденіемъ было очень легко. Затѣмъ я предполагалъ дать полную свободу рыбной ловли всѣмъ, кто не нарушаетъ регламента для огражденія рыбы отъ истребленія. Какъ ловъ для непосредственнаго потребленія, такъ и для продажи рыбакомъ прямо потребителю должны были оставаться свободными, но всѣ мѣста торговли рыбою: лавки, склады, садки, вся рыба, ввозимая въ астраханскую губернію изъ моря и провозимая въ Россію, должны были выплачивать акцизъ. Дѣло у насъ пошло прекрасно, и члены революціоннаго комитета скоро убѣ-

дились, что они имѣютъ въ рукахъ прекрасное орудіе пропаганды; на большомъ пространствѣ ловцы составляли сходы, избирали уполномоченныхъ, которыхъ посылали къ намъ.

Въ то время, когда дѣло наше расширилось, случилось происшествіе, которое значительно увеличило нашу популярность въ Астрахани. Въ одномъ селеніи произошло недоразумѣніе между крестьянами и полицейской властью. Исправникъ донесъ губернатору, что крестьяне бунтуютъ; губернаторъ съ большой торжественностью и съ военной силой отправился усмирять. Мы старались дѣлать все возможное, чтобы парализовать его карающую руку. На мѣстѣ губернаторъ появляется Юпитеромъ-громовержцемъ и только что собрался уничтожить непокорныхъ, какъ неожиданно встрѣчаетъ сопротивленіе, и въ комъ же?—въ жандармскомъ полковникѣ. Такъ онъ и уѣхалъ, не солоно хлебавши. Тайна этого сопротивленія заключалась въ томъ, что жандармскій полковникъ былъ холостякъ шестидесяти лѣтъ. Онъ имѣлъ большое довѣріе къ одному астраханскому радикалу, который газетными корреспонденціями спихнулъ съ мѣста предшествоващаго губернатора; онъ считалъ его человѣкомъ, обладающимъ тонкимъ чутьемъ относительно политическихъ вѣяній въ Петербургѣ. Этотъ радикалъ былъ влюбленъ въ женщину, которая была вполне предана нашему дѣлу. На стараго жандарма также нашлись женскія вліянія: такъ и совершилось это для всѣхъ неожиданное дѣло. Губернаторъ и жандармская власть возвращались въ Астрахань на одномъ пароходѣ и составляли два враждебныхъ лагеря.—Губернаторъ съ своимъ штабомъ на кормѣ, жандармскій полковникъ съ однимъ изъ нашихъ товарищей по ссылкѣ на носу (ассоціація странная, но повторявшаяся не разъ). Въ городѣ дѣло это произвело большой шумъ, все общество рукоплескало жандарму и въ то же время, увы, кричало, что это наше дѣло. Губернаторъ повторялъ то же и творилъ по этому поводу различныя глупости. Въ это время въ Казани разыгралась драма, извѣстная подъ именемъ вооруженнаго возстанія на Волгѣ; губернаторъ увѣрялъ, что мы принадлежимъ къ организации и съ помощью одураченнаго нами жандармскаго полковника сдѣлаемъ въ Астрахани революцію. Онъ офиціально спросилъ Врубеля, начальника военной части, какими онъ располагаетъ силами для подавленія возстанія. Мы подняли на смѣхъ этотъ запросъ, и онъ не только не перепугалъ, но развеселилъ жителей. Осмѣянный всѣми и взбѣшенный губернаторъ полетѣлъ въ Петербургъ требовать мести. Послѣ большихъ усилій ему удалось достигнуть своей цѣли; послѣдовалъ первый ударъ: жандармскій полковникъ былъ уволенъ и, къ крайнему удивленію жителей,

было сказано, что онъ увольняется за то, что подчинялся вліянію ссыльныхъ. Губернаторъ поднялъ высоко голову и захотѣлъ и съ своей стороны дать жителямъ урокъ. Онъ повторялъ: «многіе считаютъ себя независимыми отъ меня; я докажу, что все здѣсь отъ меня зависитъ». Произошелъ пожаръ, жившій по сосѣдству молодой студентъ выскочилъ на улицу въ студенческой фуражкѣ и въ партикулярномъ платьѣ; губернаторъ велѣлъ его арестовать за то, что онъ одѣтъ былъ не по формѣ. Арестовать человѣка за то, что онъ, спасая свою жизнь, и въ минуту опасности не позаботился о томъ, чтобы одѣться по формѣ, была возмутительная жестокость! Губернаторъ зналъ это прекрасно, но онъ именно и хотѣлъ совершить возмутительную жестокость, чтобы навести страхъ на жителей; такова была система бюрократовъ.

Едва прошло полгода послѣ моего прибытія въ Астрахань, какъ я снова былъ арестованъ. Предлогомъ послужило взятое при обыскѣ письмо, въ которомъ рассказывались разныя явныя небылицы и слухи о революціонныхъ затѣяхъ и затѣмъ прибавлялось: «кажется, хотятъ втянуть въ это дѣло Б.» (т.-е. меня). Этого было достаточно, чтобы сослать меня въ Сибирь. Меня, бывшаго профессора петербургскаго университета Калиновскаго¹⁾ и Даненберга свезли въ Казань, гдѣ дѣйствовала комиссія, производившая дознаніе о заговорѣ съ цѣлью произвести вооруженное возстаніе на Волгѣ. Для произведенія слѣдствія въ Астрахань командированъ былъ членъ комиссіи Афанасенко. Въ то время, когда я служилъ при министрѣ юстиціи, Афанасенко домогался мѣста оберъ-прокурора сената; чтобы испытать его способности, министръ далъ ему важное порученіе обревизовать нѣкоторыя судебныя мѣста Петербурга. Представленный имъ отчетъ былъ переданъ мнѣ на разсмотрѣніе. Узнавши объ этомъ, товарищи единодушно умоляли меня хорошенько его пронять; Афанасенко былъ извѣстный негодяй и взяточникъ, который нажилъ себѣ большое состояніе злоупотребленіемъ своей властью; я, дѣйствительно, постарался такъ, что онъ не получилъ мѣста оберъ-прокурора. Теперь онъ имѣлъ въ своихъ рукахъ орудіе мести; онъ поднялъ на ноги все и всѣхъ; онъ опросилъ 400 свидѣтелей, изъ нихъ двѣсти человѣкъ подъ присягою; все это были

¹⁾ Балтазаръ Ѳомичъ Калиновскій, авторъ магистерской диссертациі «О развитіи и распространеніи идеи свободной торговли» (1859 г.) и статьи «О рабочемъ классѣ въ Англіи», помѣщенной въ сборникѣ, изданномъ въ томъ же году І. Огрызкою, былъ въ концѣ 1861 г. утвержденъ адъюнктомъ по кафедрѣ законовъ о гусударственныхъ повинностяхъ и финансахъ, но затѣмъ университетъ былъ закрытъ, а въ сентябрѣ 1862 г. Калиновскій былъ уволенъ отъ службы, не успѣвъ прочесть ни одной лекціи. В. Григорьевъ. «Имп. С.-Петербург. Университетъ», прим. стр. 48—49. Ред.

люди, которые находились въ самыхъ близкихъ сношеніяхъ съ народомъ: содержатели кабаковъ, служители въ заведеніяхъ, гдѣ народъ веселился и т. п. Эти, разумѣется, не замедлили сдѣлать себя интересными въ глазахъ своихъ давальцевъ и со словъ Афанасенко рассказывали разукрашенную собственной фантазіей легенду объ ужасномъ заговорѣ съ цѣлью произведенія въ Астрахани вооруженнаго возстанія. Такимъ образомъ Афанасенко велъ въ Астрахани такую дѣятельную революціонную пропаганду, о какой мы и подумать бы не могли, и довелъ общество до крайнихъ предѣловъ возбужденія. О томъ, что было, онъ однако же ровно ничего не узналъ, кромѣ того, что знали всѣ, потому что руководствовался письмомъ, подавшимъ поводъ къ слѣдствію. Онъ домогался узнать, не пытались ли мы возбудить народъ къ возстанію, доказывая ему, что земля должна ему принадлежать; между тѣмъ въ Астраханской губерніи господствуютъ сыпучіе пески и солончаки; землей тамъ никто не дорожитъ, частнаго землевладѣнія мало, да и тамъ крестьяне отказывались отъ надѣловъ, чтобы не платить; вся земля принадлежитъ казнѣ, казацкому войску и безпрепятственно оставляется во владѣніи крестьянъ, такъ какъ на ней и лѣсовъ не растетъ; единственный предметъ, который составлялъ яблоко раздора между казною и крестьянами, была рыбная ловля. Въ Сибири я имѣлъ утѣшеніе прочесть о томъ, что возбужденъ законодательный вопросъ о вольномъ ловѣ, слѣдовательно, мы не даромъ работали; но купцы сумѣли таки подпустить свою интригу, крупный акцизъ назначался съ лодки, угроза ловецкаго контракта опять становилась передъ народомъ. Года два спустя я въ Томскѣ встрѣтилъ приказчика, пріѣхавшаго изъ Астрахани; то былъ едва грамотный человѣкъ. Онъ мнѣ рассказывалъ объ астраханскихъ жителяхъ. Дѣлились они по его рассказамъ на двѣ партіи: одну изъ нихъ называютъ матрикулистами; какъ только сойдутся, такъ и начинаютъ спорить—одни за матрикулистовъ, а другіе противъ нихъ; «и водой не разольешь», прибавлялъ онъ. Странное названіе матрикулистовъ произошло отъ слова «матрикула». Петербургское студенческое движеніе вертѣлось около вопроса о матрикулахъ, и вотъ оказалось, что астраханскіе мѣщане раздѣлились на матрикулистовъ и ихъ враговъ, т.-е. по-нашему на прогрессистовъ и консерваторовъ. Этотъ наивный рассказъ все-таки доставилъ мнѣ удовольствіе: наше пребываніе въ Астрахани создало тамъ двѣ партіи, изъ которыхъ одна назвалась нашимъ именемъ.

Въ Казани я сидѣлъ въ тюрьмѣ рядомъ съ Иваницкимъ, разстрѣляннымъ за покушеніе произвести вооруженное возстаніе на Волгѣ. Онъ составилъ подробное описаніе заговора и той роли, которую онъ въ немъ игралъ, и бросилъ мнѣ въ камеру. Жена моя, которой тогда было семнадцать лѣтъ, жила у ближайшихъ его друзей, гдѣ собиралась радикальная казанская молодежь. Такимъ образомъ я имѣлъ случай довольно подробно познакомиться съ этимъ дѣломъ, тѣмъ болѣе, что всѣ казанскіе студенты, которыхъ я зналъ въ Астрахани, принадлежали къ этому движенію¹⁾...

В. Берви.

¹⁾ Такъ называемый «Казанскій Заговоръ» подробно изложенъ А. Ершовымъ въ «Голосъ Минувшаго» 1913 г. №№ 6 и 7. Иваницкій, ротный командиръ стрѣлковой роты, былъ главнымъ руководителемъ возстанія. Ред.

Изъ воспоминаній.¹⁾

II. Ссылка.

I. Въ Астрахани.

Благодаря остановкѣ, пароходъ пришелъ въ Астрахань въ необычное время. Пристань была совершенно пуста, а между тѣмъ вечерѣло.

«Что же мнѣ дѣлать, думала я, кто мнѣ поможетъ устроиться съ багажемъ, какъ найти квартиру мужа. Ни одного извозчика». Спасеніе, однако, явилось.

Ко мнѣ подходитъ полицейскій чинъ.

— Позвольте васъ спросить, вы госпожа Берви?

— Да,—отвѣтила я.

— Вы, вѣроятно, ожидали встрѣтить здѣсь вашего супруга?

— О, да, разумѣется.

— Видите ли, вся публика и въ томъ числѣ вашъ супругъ ожидали здѣсь нѣсколько часовъ и, предположивъ, что пароходъ придетъ утромъ—разошлись. Я объѣзжалъ свой постъ и увидѣлъ, какъ причалилъ пароходъ. Позвольте предложить вамъ мой экипажъ, я васъ немедленно доставлю на вашу квартиру..

Отъ радости, я чуть-чуть только не дѣлаю реверансъ. Онъ забираетъ мой ручной багажъ, и мы садимся въ пролетку, которая послѣ петербургскихъ дрожекъ кажется мнѣ очень помѣстительной и широкой.

Мы быстро катимся, переѣзжаемъ мостъ и скоро въѣзжаемъ, очевидно, въ демократическую часть города съ бѣдными постройками. На улицѣ цѣлое озеро воды, которая брызжетъ изъ-подъ колесъ, но что еще удивительнѣе, такъ это скачущіе тамъ и сямъ лягушата.

¹⁾ См. «Гол. Мин.» № 5.

Мнѣ уже начинаетъ казаться, что я брежу наяву. Я ожидаю встрѣтить сыпучіе пески, а мы ѣдемъ по водѣ и рядомъ со мною сидитъ полиція, къ которой въ Петербургѣ я привыкла относиться сверху внизъ, и держитъ себя такъ вѣжливо и просто, и такую мнѣ оказываетъ существенную услугу, что я не знаю, какъ и благодарить.

— Но это странно, въ высшей степени странно,—говорю я,—вѣдь здѣсь должна быть страшная сушь; я еще никогда въ жизни не видала, чтобы по улицамъ скакали лягушки. На дачахъ это случается, но въ городѣ...

— Вы совершенно правы и здѣсь это величайшая рѣдкость,—замѣтилъ, улыбаясь, сосѣдъ.—У насъ бываетъ два-три ливня въ году, а иногда и того не бываетъ. Вы пріѣхали случайно именно послѣ такого ливня, и этимъ все объясняется. Но вотъ мы и пріѣхали.

Входимъ. Съ виду домикъ невзрачный, а внутреннее убранство еще и того хуже. На первомъ планѣ диванъ съ просиженнымъ сидѣньемъ, два стола и нѣсколько стульевъ. За досчатой перегородкой комодъ и кровать. По всему видно, что это квартира бѣднаго и одинокаго человѣка, до которой не касается ничья заботливая рука. Вскорѣ пріѣхалъ мужъ. За нимъ послалъ предупредительный надзиратель.

— Боже ты мой, милостивый! Пресвятая Богородица!—громко восклицаетъ хозяйка, входя въ комнату съ самоваромъ. И такъ-то вы заночевали, на стульяхъ, на голыхъ, батюшки свѣты! Ну, чтобы постучать къ намъ въ стѣнку, вѣдь мы тутъ рядомъ спимъ, я бы живо перинку принесла и устлала вамъ постель. Вѣдь намъ все было слышать, прокаляли вы до вторыхъ пѣтуховъ, тутъ слышимъ замолкли. Ну ужъ питерскіе вы господа, подлинно что не сонливые. Головка-то, чай, затекла.

Поднимаюсь съ трудомъ. И руки, и ноги, все у меня болитъ и ноетъ.

— Благодарю васъ,—отвѣчаю я ей,—вѣдь сегодня мы привеземъ съ парохода мои вещи. Мы прекрасно устроимся, и я отдохну за все время. А теперь хорошо бы умыться.

Послѣ чаю мужъ собирается уходить.

— Куда такъ рано,—спрашиваю я.

— Да развѣ я не писалъ? вѣдь я служу писцомъ въ акцизномъ управленіи и получаю цѣлыхъ двадцать пять рублей въ мѣсяцъ.

На меня нападаетъ неудержимый припадокъ веселости. Что

это? Водевиль съ переодѣваньемъ. Ну не прелестно ли, не восхитительно ли? Человѣкъ работалъ въ министерствѣ надъ законодательными вопросами, сдалъ на магистра и предназначался на кафедру международного права и государственнаго права европейскихъ державъ. По совѣту профессора Кавелина онъ отказался занять въ харьковскомъ университетѣ кафедру и, назначенный въ Гейдельбергъ съ научной цѣлью, долженъ былъ черезъ два года занять въ петербургскомъ университетѣ кафедру государственнаго права и даже получилъ 500 руб. на выѣздъ—и вдругъ удостоился мѣста писца въ астраханскомъ акцизномъ управленіи.

А мужъ прибавляетъ мнѣ въ назиданіе: «то ли еще будетъ, посмотришь».

Вотъ оно что, соображаю я, и веселости моей какъ не бывало, значитъ начинается...

И началось, и даже гораздо скорѣе, чѣмъ я предполагала. Десять дней промелькнули, какъ одинъ часъ.

Полночь. Мы только что собрались лечь, какъ слышимъ стукъ въ окно. «Торопитесь,—говорить голосъ,—дѣлаютъ обыскъ у К. и Д., скоро будутъ у васъ».

Мы встрепнулись, началась беспорядочная суeta. Я бросила ворохъ бумагъ, не найдя печки, прямо на полъ и зажгла. А время мчится. Комната полна дымомъ.

Но вотъ уже подъѣзжаютъ экипажи, слышны голоса, звуки шпоръ и наша маленькая квартирка быстро наполняется непрощенными гостями.

Полицеймейстеръ немедленно распахиваетъ окна, прибавляя невинно: странно, отчего здѣсь пахнетъ гарью и дымомъ.

На зарѣ всѣ формальности окончены. Протоколъ составленъ, мужъ арестованъ, увезенъ, и я остаюсь совершенно одинока въ первый разъ въ своей жизни.

Черезъ нѣсколько дней арестованныхъ отправляютъ въ Казань и я спѣшу вслѣдъ за мужемъ.

Сборы мои очень коротки. Добрѣйшій Шестоперовъ помогаетъ мнѣ уложиться. Сколько разъ я впослѣдствіи благодарила этого добраго, участливаго друга. Только по его настоянію я увезла свое бѣлье, часть серебра и кое-что изъ одежды.

Нужно ли прибавлять, что все мое прекрасное приданое осталось навсегда въ пространствѣ, и я его не только не получила, согласно обѣщанію К., но даже не имѣю ни малѣйшаго понятія о томъ, что съ нимъ сдѣлалось и куда оно дѣвалось.

Добрые люди снабдили меня адресомъ, и въ Казани я попала сразу, точно въ родную семью, къ Миттерманъ, прекрасной матери семейства.

2. Въ Казани.

Иваницкій оказался товарищемъ мужа по заключенію. Такъ какъ въ крѣпости все было полно арестованными, то приходилось размѣщать иныхъ по полицейскимъ частямъ.

Мужъ и его двое товарищей помѣщались въ воскресенской части. Здѣсь было 5 номеровъ; длинныя, узкія помѣщенія въ одно окно. Въ двери было прорѣзано круглое отверстіе для наблюденія солдату или жандарму. Мужъ сидѣлъ въ первомъ номерѣ, въ слѣдующемъ Иваницкій, третій—была женская арестантская, а четвертый и пятый занимали товарищи мужа, одновременно арестованные съ нимъ въ Астрахани. Воздухъ въ коридорѣ былъ поистинѣ ужасный, прямо удушающій, что вскорѣ не замедлило отразиться на заключенныхъ. У нихъ стало развиваться худосочіе, десны изъязвились, а цвѣтъ лица получилъ землистый оттѣнокъ.

Первый мѣсяцъ мнѣ дали два свиданія въ присутствіи полиціи. Второе свиданіе пришлось какъ разъ 30 августа, когда мнѣ исполнилось 18 лѣтъ. И какъ же я была счастлива и довольна.

Послѣ этого я начала хлопотать о свободномъ пропускѣ въ камеру мужа.

— Это невозможно,—отвѣчали мнѣ члены комиссіи,—вѣдь предварительное слѣдствіе еще не кончено; погодите, когда оно кончится.

Не долго думая, я рѣшила отправиться къ предсѣдателью комиссіи, сенатору Жданову. Прихожу. Въ передней два жандарма.

— Можно видѣть генерала?

— Заняты-съ, не принимаютъ.

— Но я по дѣлу, понимаете, по дѣлу, мнѣ совершенно необходимо,—настаиваю я. Передайте генералу, что жена арестованнаго Берви проситъ принять ее по дѣлу.

Жандармъ идетъ и возвращается со словами: «можно, пожалуйста».

Я тороплюсь и попадаю въ канцелярю. «Прямо пожалуйста, вотъ кабинетъ его п—ства».

Открываю дверь и устремляюсь къ столу, за которымъ сидитъ предсѣдатель. Ни положенія своего, ни правъ своихъ, вѣрнѣе сказать, своего безправія, ничего-то я не понимаю.

Я даже не прошу, а просто жалуюсь.

— Помилуйте, генераль,—говорю я,—что это значить. Почему меня не пускаютъ къ мужу, я вѣдь цѣлый мѣсяцъ уже въ Казани.

Передо мною человѣкъ лѣтъ шестидесяти. Лицо бритое съ коротко остриженными фельдфебельскими усами. Маленькіе темные глаза смотрять пытливо и подозрительно.

Лицо далеко не изъ пріятныхъ.

— Свиданія не разрѣшаются, пока не окончено предварительное слѣдствіе,—отчеканиваетъ онъ.

— И вы тоже, а я такъ надѣялась! И при чемъ тутъ слѣдствіе, и при чемъ тутъ я? Развѣ я для васъ помѣха. Я прошу лишь пропуска для себя, какъ жена. Надѣюсь, я имѣю право быть съ мужемъ.

— Это невозможно,—говоритъ онъ,—невозможно.

— Невозможно—для васъ? А вы возьмите перо, разрѣшите, и сейчасъ все это сдѣлается возможнымъ.

Чудесное совершилось. Черезъ нѣсколько минутъ въ моихъ рукахъ драгоцѣнный пропускъ, за который я горячо благодарю, и лечу сообщить мужу о нашей радости.

Сначала мнѣ не повѣрили.

— Вы шутите,—говорили мои новые знакомые,—неужели этотъ извергъ способенъ смягчиться, неужели же въ немъ хоть на минуту проснулся человѣкъ. Это невѣроятно, непостижимо.

А между тѣмъ это было такъ, и я стала ежедневно проводить все время въ камерѣ мужа. Вечеромъ, за мною приходилъ кто-нибудь изъ новыхъ друзей, а иногда провожалъ кто-нибудь изъ персонала стражи, до квартиры М., гдѣ я жила.

Ея старшій сынъ сидѣлъ въ крѣпости, дома оставался меньшей гимназистъ и двѣ дочери гимназистки.

Старшая, Клементина, была всеобщей любимицей и въ семьѣ и среди молодежи. Да и возможно ли было не полюбить ее. Навѣщая брата, она подъ всякими другими предлогами успѣвала передавать заключеннымъ то письмо, то добрый совѣтъ, то что-нибудь вещественное. Ее ждали, какъ красное солнышко, ловили всякое слово, припоминали ея добрую улыбку. И какъ просто она себя держала и въ то же время съ какимъ достоинствомъ. Она же мнѣ передала письмо отъ невѣсты Иваницкаго. На другое утро, я бросила письмо въ окошечко сосѣдней камеры, гдѣ сидѣлъ Иваницкій, а черезъ часъ въ нашъ глазокъ влетѣлъ отвѣтъ, который я и передала, кому слѣдуетъ, также черезъ добрыхъ людей. По вечерамъ у М. обыкновенно собиралась молодежь. Время было тревожное. Передавались всевозможные слухи и тревожные, и утѣшительные.

Мы всѣ, поочередно, то страшились, то надѣялись, обсуждая благопріятные и опасные шансы. Случалось нерѣдко, начинать

пѣть, танцовать. Пѣсенъ я наслушалась разныхъ и сама многимъ выучилась.

Но вотъ разнеслась тяжелая вѣсть. Одинъ изъ заключенныхъ стойкій труженикъ, студентъ изъ крестьянъ, не выдержалъ и предалъ товарищей. Никогда въ немъ не подозрѣвали слабости. Онъ учился и пробивался безъ всякой поддержки, перенося тяжкія лишенія.

Всѣ задавались вопросомъ, какъ это могло случиться, и трудно выразить всеобщее негодованіе, когда обнаружилось, какимъ образомъ бѣднякъ былъ доведенъ до предательства.

Но для этого надо сказать нѣсколько словъ по поводу слѣдственной комиссіи и ея персонала.

Чтобы успѣшнѣе дѣйствовать на молодежь члены комиссіи распредѣлили между собою роли и составили дружный хоръ. Предсѣдатель (Ждановъ) неизмѣнно фигурировалъ въ качествѣ Юпитера-громовержца. Полковникъ Слуцкій разыгрывалъ Манилова. Приходя въ камеру, онъ скорбѣлъ о заключенномъ, краснорѣчиво изображая ему то горе и то отчаяніе, въ которомъ должны находиться его родители, описывая мрачными красками его будущее, взывалъ къ сыновней любви и къ сыновнему долгу, при чемъ смахивалъ слезу, якобы туманившую его очи при одной мысли, что и его родной сынъ могъ бы легко попасть въ такое горькое положеніе, поддавшись легкомысленному искушенію. По мѣрѣ того какъ неопытный юноша все болѣе поддавался обаянію его ласки и сожалѣній, добрейшій полковникъ глубже и глубже запуская свой крючокъ и только убѣдившись, что у собесѣдника въ горлѣ рыданія и что нервы его окончательно разбиты, онъ приступалъ къ настоящей цѣли своего посѣщенія. Тихимъ и вкрадчивымъ полушопотомъ онъ совѣтывалъ успокоиться, вѣдь не все потеряно... Кто въ молодости не заблуждался, кто не ошибался. Онъ нѣжно просилъ его не забывать, что чистосердечное раскаяніе все сглаживаетъ, все исправляетъ и указывалъ при этомъ на простѣйшій способъ примиренія и съ собственной совѣстью, и съ правительствомъ,—это полнѣйшая искренность и откровенность, которая якобы будетъ оцѣнена по достоинству и можетъ все искупить, все исправить.

При этомъ онъ давалъ торжественное обѣщаніе все хранить въ глубочайшей тайнѣ, увѣряя, что никто въ мірѣ не узнаетъ сообщенныхъ именъ и фактовъ. Онъ же, полковникъ Слуцкій, долженъ узнать обо всемъ лишь для того, чтобы имѣть нравственное право ходатайствовать объ участи заключеннаго.

И поддавались, положимъ, немногіе, но все-таки поддавались.

Роль трезваго Ментора взялъ на себя Превлоцкій. Его система была—внушать трезвые и благоразумныя понятія. «Ну стоитъ ли,—говорилъ онъ,—губить себя изъ-за такого призрачнаго дѣла, какъ ваше. Я понимаю сложить голову за родину, гдѣ встрѣтится настоящая опасность, или на войнѣ, гдѣ всякій отстаиваетъ интересы патріотическіе. О! тутъ не можетъ быть ни колебаній, ни сомнѣній, онъ собственнаго сына благословилъ бы на опасность. А теперь... не лучше ли побережь силы, чтобы достигнуть положительныхъ результатовъ въ будущемъ. Вѣдь жизнь долга. Кто знаетъ, можетъ быть арестованный выдвинется еще на какой видной аренѣ общественной дѣятельности. Разумѣется, его дѣло сторона, пусть юноша губить себя, если желаетъ, но онъ, Превлоцкій, всегда былъ и будетъ сторонникомъ чистаго разума, а потому и не можетъ отказать себѣ въ святой обязанности дать молодости трезвый и полезный совѣтъ».

И камеру мужа посѣтилъ мудрецъ. Онъ явился, также въ качествѣ доброжелателя, съ стихотвореніемъ, написаннымъ мужемъ по поводу одной изъ катковскихъ передовицъ, гдѣ доказывалось, что законность насъ губить. Стихотвореніе было хлесткое и остроумное.

— Попрошу вашего позволенія,—заявилъ онъ торжественно,—совершить маленькое *auto-da-fé*. Эта бездѣлица могла бы васъ обезпокоить, будучи пришитою къ дѣлу. Поэтому я испросилъ позволенія у товарищей уничтожить ее. Надѣюсь, вы это мнѣ разрѣшите.

И самодовольно улыбаясь, онъ зажегъ спичку и поднесъ ее къ листку, который мгновенно запылалъ.

Превлоцкій былъ слишкомъ опытенъ, чтобы пытаться убѣждать мужа или зондировать, какъ онъ это продѣлывалъ съ молодежью. А потому онъ удовольствовался этой маленькой комедіей, все-таки разыгравъ доброжелателя и защитника.

Оставались еще два члена комиссіи: полковникъ Анненковъ и Афанасенко. Первый изъ нихъ пользовался репутаціей самаго умнаго, способнаго и хитраго. Онъ былъ руководителемъ и инициаторомъ, отъ него исходило все жестокое, всѣ подвохи и ловушки.

Второй же пользовался репутаціей вѣроломнѣйшаго чело-вѣка, который пускалъ въ ходъ всевозможныя средства, ничѣмъ не стѣсняясь и не брезгуя.

Но мнѣ еще придется воротиться къ нему, такъ какъ ему было поручено произвести слѣдствіе по дѣлу мужа въ Астрахани.

Наконецъ, предварительное слѣдствіе было окончено, и над-

зоръ значительно ослабленъ. При содѣйствіи крѣпостной стражи, молодежь нашла способъ передавать другъ другу различныя свѣдѣнія, относящіяся къ ихъ общему дѣлу. Такимъ образомъ, наконецъ, выяснилось и то, какимъ путемъ были добыты показанія и тогда же узнали подробности относительно NN. Вотъ какъ все произошло.

Вскорѣ послѣ его ареста, рѣшили воспользоваться его слабостью къ вину. Жандармы носили ему въ камеру водки четвертями. Онъ пилъ, что называется, безъ просыпу, самъ не помня, сколько пьетъ. Говорили, будто это длилось не менѣе двухъ недѣль, въ теченіе которыхъ къ нему нѣсколько разъ заходилъ полковникъ и подзадоривалъ его.

— Ну чего вы молчите, что вы за козлище искупленія. Товарищи васъ выдаютъ, сваливаютъ на васъ всю бѣду, а вы ихъ спасаете. Признаюсь, я не ожидалъ отъ васъ такой недалекости, извините, чтобы не сказать, глупости. Да вы только послушайте, что они рассказываютъ (слѣдуетъ эпизодъ, добытый Слуцкимъ-Маниловымъ при помощи слезъ и жаркихъ словъ).

— Вотъ видите,—воодушевляется полковникъ, замѣтивъ какое ошеломляющее дѣйствіе производятъ его слова на пьянаго и невмѣняемаго человѣка,—вотъ видите, то ли мы еще знаемъ, то ли они намъ рассказали.

На десятый или на двѣнадцатый день полковникъ снова въ камерѣ несчастнаго. Сторожа рассказывали впослѣдствіи, что видъ его былъ ужасенъ: воспаленные и кровью налитые глаза, волосы и одежда въ крайнемъ безпорядкѣ; онъ лихорадочно бросался изъ стороны въ сторону, то кому то угрожая, то впадая въ полное отчаяніе.

Моментъ былъ самый подходящій и почва вполне подготовлена.

Товарищъ, изображавшій Манилова, сообщилъ еще одинъ мелочный, но характерный фактъ, долженствовавшій окончательно убѣдить юношу, что товарищи его предають.

— Тамъ-то, и тогда-то,—говорилъ полковникъ,—вы настаивали на томъ-то, и на томъ-то, и были такъ-то, и такъ-то одѣты. Они говорятъ, что вы пойдете въ Сибирь, что вы слишкомъ сильно скомпрометированы.

Это было послѣдней каплей, переполнившей чашу.

— Такъ вотъ какъ! Они же грозятъ мнѣ Сибирью; ну такъ ладно же, если я пойду, то не одинъ, а поведу за собой 200 человѣкъ.

И тотчасъ же потребовалъ чернилъ и бумаги.

Донесеніе его, говорили, было длиннѣйшее, со всевозможными подробностями. Кромѣ того, ему было предложено дать очную ставку со студентами, чтобы указать, кого онъ видѣлъ на сходкахъ.

По поводу этой очной ставки произошелъ забавный инцидентъ.

Какъ и часто въ жизни, ничтожные сами по себѣ поступки влекутъ за собою важныя послѣдствія, такъ вышло и здѣсь.

Одинъ изъ студентовъ, добрѣйшій человѣкъ и вѣрный товарищъ, чувствовалъ себя крайне удрученнымъ. Онъ былъ на всѣхъ сходкахъ и зналъ, что ему уже не вернуться съ очной ставки.

Существовали, кромѣ того, другія улики и подозрѣнія, и онъ прямо говорилъ, что пропалъ.

Возвращаясь вечеромъ изъ камеры мужа и застаю радость и ликование.

Юноша цѣлъ и невредимъ.

Оказалось, что его, какъ и прочихъ, показали NN.

— Вы знаете его, бывалъ онъ на сходкахъ.

— Не знаю,—былъ отвѣтъ,—не видалъ его ни на одной сходкѣ.

— Припомните, присмотритесь, есть показаніе, что онъ на сходкахъ бывалъ.

— Нѣтъ,—прозвучалъ рѣшительный отвѣтъ,—я его никогда въ глаза не видалъ и не знаю.

Юноша вышелъ изъ камеры, ликующій и недоумѣвающій.

Какъ это могло произойти?

Начали соображать, припоминать и припомнили. Дѣло въ томъ, что у горемыки, всегда перебивавшимся съ хлѣба на квасъ, не было одежды, и товарищъ, самъ бѣднякъ, отдалъ ему свою, выручивъ его такимъ образомъ въ тяжелое время. Эта услуга не была забыта и, сослуживъ неоцѣненную службу, подала намъ поводъ къ шумному веселью и радости.

Мы устроили пѣніе и танцы и ликовали до глубокой ночи, празднуя чудесное избавленіе.

Что же касается Иваницкаго, то вѣсти были нехорошія, очень нехорошія. Солдаты, наблюдавшіе въ глазокъ за казематомъ мужа и сосѣднимъ—Иваницкаго, донесли, что мы перестукиваемся, поемъ и даже танцуемъ. Это была правда. Когда Иваницкій запѣвалъ, я немедленно также начинала пѣть, и наше пѣніе было громко слышно во всѣхъ казематахъ, благодаря хорошему резонансу: профессоръ Калиновскій, сидѣвшій въ послѣднемъ номерѣ, говорилъ, какія пѣсни мы пѣли, до того было ясно слышно. Иногда Иваницкій, необыкновенно живой, вздумаетъ протанцовать мазурку и даже какъ-то ухитрится щелкать ка-

блуками въ подражаніе шпорамъ. Конечно, я не отстаю. Мужъ сдвинетъ столъ и табуретки къ стѣнкѣ, и мы носимся каждый по своему каземату, припѣвая: «еще Польша не сгинела».

Пѣли также патріотическіе польскіе гимны и такимъ образомъ разнообразили время.

Послѣ доноса, Иваницкаго перевели въ крѣпость, а, во избѣжаніе будущаго соблазна, казематъ оставался пустымъ.

Сопровождавшій меня по вечерамъ солдатикъ чистосердечно сознался въ томъ, что они донесли. «Намъ себя тоже беречь надо, барыня, наше дѣло казенное, пропадешь тутъ съ вами».

И сидя въ крѣпости, Иваницкій не переставалъ бравировать. Кромѣ того, по своей впечатлительности и живости характера, онъ не могъ, да и не желалъ скрывать своего презрѣнія къ членамъ комиссіи. Передавали, что онъ доводитъ ихъ до бѣлаго каленія, до полнѣйшей потери самообладанія, что они его наконецъ возненавидѣли, какъ личнаго врага, личнаго противника.

Приведутъ его, напр., къ фотографу, чтобы снять съ него кзрточку. Онъ долго усаживается, постоянно мѣняетъ позы и поворотъ головы, но вотъ, наконецъ, кажется, онъ уgomонился, и фотографъ считаетъ секунды.

Не тутъ-то было. Иваницкій мгновенно высовываетъ языкъ во всю длину и получается, конечно, карикатурный негативъ.

Снова и снова пытаются снять его, и всякій разъ онъ устраиваетъ имъ забавную каверзу.

Или, напримѣръ, вотъ одинъ изъ его отвѣтовъ, вызвавшій величайшее негодованіе въ членахъ комиссіи. Его спрашиваютъ: «а чѣмъ вы объясните сочувствіе, выраженное вами къ семьямъ такого-то, ваши хлопоты на похоронахъ отца ихъ и т. д.»

(Семья изъ заподозрѣнныхъ).

— Хлопоты на похоронахъ! О что до этого,—положа руку на сердце, комически театрално увѣряетъ онъ,—то я съ такимъ же усердіемъ, скажу болѣе, съ величайшимъ удовольствіемъ готовъ былъ бы распоряжаться и на вашихъ, и на вашихъ похоронахъ (указывая при этомъ поочередно на различныхъ членовъ комиссіи), если бы вамъ было только угодно умереть. И какъ бы я старался! Какъ бы я все хорошо устроилъ. И музыку, и погребальное шествіе съ факелами и надгробныя рѣчи! Поручите только.

Легко представить себѣ, какъ бѣсились распорядители его судьбы. Въ обществѣ возникло даже убѣжденіе, что Иваницкій много повредилъ себѣ, озлобляя и безъ того злобныхъ и жестокихъ людей, что они изъ личной мести немилосердно подта-

совывали факты, дружно работая противъ него, пока не довели его до казни.

Казнили пятерыхъ: Иваницкаго, Киневича, Станкевича, Мрочка и Черняка. Объ этихъ казняхъ мы узнали уже въ Сибири, изъ газетъ. Переписка съ Казанью у насъ какъ-то оборвалась, да и немудрено: письма шли черезъ полицію, получались измятыми, а подчасъ и запачканными отъ долгаго пребыванія въ грязныхъ карманахъ.

До насъ дошло лишь одно свѣдѣніе объ Иваницкомъ, и то совершенно случайно, изъ частнаго источника.

Передъ казнью, утромъ, въ канцелярію жандармскаго управленія позвали Зосю, очаровательную невѣсту Иваницкаго.

Прошло нѣсколько томительныхъ часовъ ожиданія, пока, наконецъ, въ канцелярію не вошелъ адъютантъ.

Блѣдный, съ трудомъ сдерживая волненіе, онъ доложилъ: «все кончено».

Несчастная дѣвушка вскочила съ мѣста, простирая руки, и тутъ же упала въ нервномъ припадкѣ.

3. Отправка въ Сибирь.

Въ началѣ января 1864 г. въ нашу камеру явилось начальство, въ образѣ полиціи и жандармеріи, и во всеуслышаніе было прочитано Высочайшее повелѣніе о высылкѣ мужа въ Сибирь административнымъ порядкомъ. Я почему-то еще ранѣе освоилась съ этой мыслью. Когда въ Астрахани, я, послѣ ареста мужа, обратилась съ вопросомъ къ жандармскому полковнику, что могутъ сдѣлать мужу, онъ отвѣчалъ флегматически: «дальше, какъ за Уралъ, едва ли пошлутъ».

Итакъ, въ перспективѣ новое разставанье. Давно ли, кажется, я ѣхала въ Астрахань въ надеждѣ обосноваться тамъ. И люди, и событія, и городъ, все еще такъ свѣжо въ памяти, а между тѣмъ казанскія дѣла и впечатлѣнія все собою заполнили, заставляя по очереди переживать разнообразнѣйшія чувства.

Но и это уже кончилось. Не успѣешь привыкнуть, не успѣешь освоиться, и опять новые образы и новыя событія.

Мы крѣпко обнялись съ дорогой Миттерманъ и съ ея милою, милою дочерью Кминой. За 6 мѣсяцевъ они стали очень дороги и близки моему сердцу.

Нашъ отъѣздъ былъ назначенъ на 29 января.

На слѣдующій день явился портной, присланный неизвѣстнымъ доброжелателемъ, чтобы снять съ меня мѣрку и сшить мнѣ полушубокъ.

По молодости, я, признаюсь, мало заботилась объ одеждѣ и о Сибири имѣла представленіе весьма смутное.

Но зато же время сборовъ нашихъ совсѣмъ не производило впечатлѣнія горестныхъ сборовъ. Въ камеру мужа допускали родныхъ¹⁾ и знакомыхъ. Товарищи тоже приходили по вечерамъ изъ своихъ камеръ. Говорили, обсуждали, и время мчалось.

Кто-то далъ длинный барскій возокъ, который долженъ былъ прослѣдовать съ нами до Томска и затѣмъ при удобномъ случаѣ вернуться обратно къ своему обладателю.

Наша общая любимица, Кминочка, получила изъ крѣпости, отъ Киневича, прекрасные стихи, но ея впечатлительное сердечко желало получить еще и еще, и молодой товарищъ мужа исполнилъ ея просьбу, написавъ ей на память слѣдующія стихотворенія:

Въ тиши гробовой казематовъ,
Въ сырой глубинѣ рудниковъ
Страдаютъ свободные люди
За вѣчно безмолвныхъ рабовъ.
Но смыслъ этихъ гордыхъ страданій
И рабское сердце пойметъ,
И горько народъ угнетенный
Оковы свои проклянетъ.
Очнувшись отъ сна вѣкового,
Какъ море народъ зашумитъ,
Торжественный громъ искупленья
Надъ русской землей прогремитъ.

* * *

Тихо въ тюрьмѣ, какъ въ могилѣ,
Тускло ночникъ мой горитъ...
Отблескъ невѣрный по стѣнамъ,
Темному своду скользитъ.
Жметъ болѣзненно сердце—
Гдѣ-то собратья мои,
Что за свободу святую
Въ битву святую пошли?..

Стихи эти были встрѣчены нами всѣми съ большимъ сочувствіемъ.

— А вы,—обратилась Кминочка къ мужу,—неужели вы мнѣ ничего не напишете на память?

— Помилуйте, помилуйте, отвѣчалъ мужъ, скажите только, въ какомъ духѣ желаете вы, чтобъ я написалъ: въ торжественномъ или веселомъ?

Она призадумалась на минуту и затѣмъ сказала: у меня уже есть три торжественныхъ, пусть будетъ одно веселое.

¹⁾ Братъ мужа и его двѣ сестры жили въ Казани.

На слѣдующій день среди шутокъ и смѣха онъ преподнесъ ей комическій экспромптъ, подъ заглавіемъ «Несчастливая угодливость».

Угодить я ~~засударю~~
Весь свой вѣкъ старался.
Но куда я ни ударю,
Всюду обрывался.

Онъ моргнетъ: за нимъ я всюду,
Тотчасъ поспѣваю.
Прежде всѣхъ на мѣстѣ буду,
Все я исполняю.

Онъ сказалъ: всего нужнѣе
Намъ теперь учиться,
И въ народѣ—просвѣщеніе
Пусть распространится.

И я тотчасъ за студентовъ
Сталъ тогда вступаться,
Я хотѣлъ, чтобъ не мѣшали
Имъ здѣсь размножаться.

За такую ревность къ дѣлу
Я лишился мѣста,
Мнѣ прикладами все тѣло
Обратили въ тѣсто.

Я тогда въ воскресныхъ школахъ
Обучать пустился
И старался, что есть мочи,
Чтобъ народъ учился.

За такое поведеніе,
Меня отослали
Въ домъ рабочій, на смиреніе,
Мѣсяцъ тамъ держали.

Но тогда узналъ я кстати,
Что ~~отъ державы~~
Поощрялъ дворянъ російскихъ
Сдѣлать подвигъ славный.

Я услышалъ, что тверскіе
Многіе дворяне
Захотѣли, чтобъ землею
Разжились крестьяне.

Я душой къ нимъ прилѣпился,
Но за это что же?!
Въ сумашедшемъ очутился...
Господи Ты, Боже!

Но тогда узналъ я снова,
Что ~~миньчары~~ желаетъ
Возвратить народу въ руки
Все, что подобаетъ.

Чтобы голодъ и морозы
Не морили моромъ,
И не дѣлали народа
Нищимъ или воровъ.

За голодныхъ земледѣльцевъ
Я тогда вступался.
За такое поведеніе,
Въ каторгу попался.

Но тогда...
Услыхалъ ужъ лично,
Что свободу дать полякамъ
Очень намъ прилично.

Я свободы для поляковъ
Долго добивался,
Но за то меня повѣсить
Муравьевъ покаялся.

Угодить я государю
Весь свой вѣкъ старался,
Но куда я ни ударю
Всюду обрывался.

* * *

Экспромптъ былъ встрѣченъ веселымъ одобреніемъ и тотчасъ же положенъ на мотивъ одной польской пѣсни.

Но вотъ и 29 января 1854 года. Широко распахнулись для насъ ворота воскресенской полицейской части; настолько широко, что огромный троечный возокъ и двѣ парныя перекладныя легко пролетѣли сквозь нихъ другъ за другомъ.

Ямщикъ нашъ правилъ, стоя. Молодцовато передернувъ возжами, онъ сразу взбодрилъ свою тройку, и мы понеслись быстро, быстро такъ, что даже духъ захватывало. А, можетъ быть, я просто отвыкла отъ воздуха. Въ камеру я приходила рано, а уходила послѣ 9 и 10. Я даже разучилась смотрѣть на солнышко и радоваться его свѣту и блеску.

Колокола мѣрно гудѣли, народъ направлялся къ вечернѣ. Господи, какъ хорошо, какъ привольно на просторѣ, какъ легко дышится. Тюремное окно съ матовыми стеклами осталось далеко позади. А что же впереди? Чему же я радуюсь. Вѣдь будетъ та же неволя, то же стѣсненіе—только рамки пошире; вмѣсто одинокой камеры какой-нибудь унылый жалкій городишко. Посмотримъ, каковы будутъ люди, главное люди.

Для мужа навсегда погибъ Гейдельбергъ и возможность работать для науки.

Что касается до меня, то я видѣла ясно, что всегда молодость возьметъ свое.

Что бы ни говорилъ разумъ, какъ бы ни давили обстоятельства, но когда за плечами лишь восемнадцать лѣтъ, то будешь счастливъ, какъ-то самъ по себѣ. И не опредѣлишь, отчего это происходитъ. Отъ избытка ли впечатлительности и доброжелательства, или просто это юношеское легкомысліе, но въ результатѣ всегда

и безсмѣнно одно хорошее. Отъ тоски и заботы, бывало, отмахиваешься, какъ отъ комара или мухи. Забыть хочется все тяжелое, все гнетущее, забыть, скорѣе забыть.

Выѣхали за городъ. Морозъ крѣпчалъ, а солнышко пряталось. Мой голубой плюшевый капоръ, присланный мнѣ родными, надувался отъ вѣтра, какъ парусъ, и упрямо отказывался соблюдать ту форму, которую предназначила ему петербургская модистка. Онъ не грѣлъ, а морозилъ мнѣ голову, а потому рѣшили купить мнѣ въ первомъ же городкѣ мужскую мѣховую шапку, только бы избѣгнуть ревматизма. Мнѣ до сихъ поръ тяжело вспомнить, что я, по слабости, была лишь помѣхой и балластомъ въ путешествіи.

Товарищи по добротѣ и деликатности переносили мое недомоганіе, но дорога вслѣдствіе этого затянулась до марта. Ликовали одни жандармы. Ихъ суточные росли и росли. Не «торопитесь, барыня, не торопитесь, отдохните по-настоящему, по-хорошему,—уговаривалъ меня старшой,—еще расхвораетесь въ дорогѣ».

Я же видѣла съ тоской, какъ нудно было товарищамъ мужа, какъ уныло смотрѣли они на дорогу, не предвидя ей конца.

И все это изъ-за меня, все изъ-за меня.

Но куда же дѣвалась моя сила, мое пышное здоровье, спрашивала я себя. Ни слѣда былого румянца.

Въ мѣховой шапкѣ и енотовой шубѣ, поверхъ полушубка, я походила на блѣднаго юношу и даже вызвала забавное недоразумѣніе.

Одновременно съ нами и приблизительно съ одинаковой скоростью ѣхалъ какой-то бурбонъ изъ военныхъ.

Увидѣвъ меня въ станціонной комнатѣ, онъ предположилъ, что жандармы везутъ переодѣтую женщину и поднялъ шумъ, грозя довести это до свѣдѣнія начальства.

Я испугалась. Не вышло бы задержки. Тогда мужъ нашелъ нужнымъ вступить и строго сказалъ жандармамъ: «Что это за человѣкъ, и какъ вы себѣ позволяете разговаривать, когда везете секретныхъ арестантовъ».—«Я не человѣкъ, а полковникъ», заоралъ онъ въ отвѣтъ, но уже болѣе не заходилъ къ намъ въ станціонную комнату. Мелькнетъ и только.

Чѣмъ ближе къ Уралу, тѣмъ гористѣе и красивѣе становилась мѣстность. Не забыть мнѣ, какъ мы летѣли одну станцію. Ямщикъ былъ татаринъ, лошади лихія. Мы то взлетали въ гору, то стремглавъ мчались внизъ, точно падали, до того круты были подъезы и спуски. И хорошо, и жутко.

А вотъ и перевалъ.

Что-то будетъ? Подъѣзжаемъ къ станціонному дому, и насъ

встрѣчаетъ одно удовольствіе: комната и чиста, и хорошо натоплена, и не угарная.

Повсюду безукоризненная чистота. Нигдѣ нѣтъ пыли и грязи, которою изобиловала казанская губернія. Самоваръ вычищенъ. Столъ накрытъ домотканной бѣлой скатертью, и на немъ чистая тарелка съ чистыми баранками. При этомъ невольно вспоминалась грязь предыдущихъ станцій, въ особенности казанскихъ, гдѣ страшно было прикоснуться къ чему-нибудь и сѣсть на стулъ. Всѣ предметы сплошь были покрыты густымъ слоемъ пыли, которую путешественники невольно переносили на себя, садясь на стулъ или на диванъ или раскладывая вещи. Даже ситникъ, даже баранки намъ подавались какіе-то противные, грязные. Что до почтового свидѣтельства, висѣвшаго въ рамкѣ на стѣнѣ, то его даже невозможно было разглядѣть, равно какъ и портреты царственныхъ особъ и Скобелева. Все сплошь было покрыто грязью и засижено мухами.

Чѣмъ ближе къ перевалу, начиная съ пермской губ., тѣмъ лучше и опрятнѣе становились станціонныя помѣщенія. Въ Сибири мы скоро освоились съ чистотою. Къ хорошему вѣдь скоро привыкнешь.

Но зато какое же унылое, даже тоскливое впечатлѣніе произвела на насъ Барабинская степь или Бараба, какъ называлъ ее ямщикъ. Пустынная, снѣжная степь тянулась на долгія версты. Намъ встрѣтились обозы, которые при первомъ окрикѣ жандармовъ смиренно сворачивали въ сторону, утопая въ снѣгу, съ товарами и лошадьми. Пришлось также встрѣтить покинутую лошадь съ переломанной ногой. Она скакала на трехъ, безжалостно осужденная на голодную смерть.

«Пристрѣлите, ее» обратились мы къ жандарму-вахмистру, у котораго побѣдоносно торчалъ изъ-за пояса пистолетъ крупнаго калибра.

Но ему пришлось еознаться, что пистолетъ не заряженъ и что онъ носить его только для опаски, чтобы страхъ былъ.

— Куды жъ ее таперича дѣвать, лошадь эту самую,—меланхолически разсуждалъ ямщикъ,—много ихъ тутъ сердешныхъ пропадаетъ—какъ ногу сломить, ну ее сейчасъ выпрягутъ и оставятъ на Божье произволенье; не стоять же изъ-за нея обозу.

Говоря это, онъ, не переставая, ѣжилъ въ своихъ лохмотьяхъ.

Горемыка жилъ у содержателя почтовой станціи за жалкіе гроши, только бы какъ нибудь прокормить семью зимой.

Считалось, что онъ на хозяйской одеждѣ. Эти рваные и заплатанные клочки неуклюже висѣвшаго на немъ армяка имѣли

Изъ воспоминаній.

претензію въ глазахъ хозяина считаться одеждой, и за нихъ даже полагалась скидка съ убогаго жалованья.

Но онъ спокойно и незлобиво говорилъ о своихъ неудачахъ, о своихъ болѣзняхъ (его, очевидно, мучали и лихорадка и ревматизмы), а главное о своемъ желаніи только бы дожидаться весны и приняться за пашню.

Грустные мысли навѣваль его жалкій видъ. Смотрѣла я на его согнутую спину и голову въ старой шапкѣ, точно ушедшей въ плечи, и думала: «вотъ онъ передъ нами поилецъ и кормилецъ русской земли. По странной прихоти судьбы, онъ препровождалъ въ ссылку своихъ друзей и заступниковъ, не вѣдая и не зная о томъ. Онъ, свободный гражданинъ, корчится при этомъ и кашляетъ, не имѣя во что одѣться, а мы, подневольные и гонимые, сидимъ въ шубахъ и прикрыты войлоками. Такъ-то награждаетъ родина своихъ вѣрныхъ и покорныхъ сыновъ».

Но Боже мой, какъ утомительна показалась мнѣ эта безконечная дорога. Я наконецъ заболѣла, и тяжелое сознаніе, что я вѣчная помѣха товарищамъ, окончательно лишало меня покоя. Разъ какъ-то ямщикъ остановился на дорогѣ поправить гужи и еще что-то. При вѣздѣ въ убогую деревеньку я попросила жандарма посадить меня и безъ спроса хозяевъ вошла въ первую маленькую избушку. Въ дверь надо было пролѣзть, согнувшись чуть не вдвое. Хозяйка такая же старенькая, какъ и ея жилище, сидѣла за пряжей.

— Прости, бабушка, что я просто вошла, позволь обогрѣться.

— Ништо, ништо, родимая, присядь, Богъ съ тобой.

Но я не сѣла, а прямо повалилась на полъ. Половики зачищенные и заплатанные были такъ чисты и опрятны, что можно было, не брезгуя лечь, на нихъ и протянуться. Ноги мои затекли, голова ныла, а за эти четверть часа остановки я и погрѣлась и выслушала трогательную повѣсть матери, скорбящей о своемъ сынѣ-солдатикѣ.

— Только объ немъ, родимая, и мысли, только объ немъ и молюсь, привелъ бы Господь дожидаться. Вотъ тѣ, что побогатѣе, тѣ шлютъ своимъ сынкамъ и новинки, и сапожки, и портяночки, а мнѣ—гдѣ взять? Ни у меня кормильца, ни у меня деньжонокъ, ничего нѣтути, одна какъ перстъ. Съ осени еще грибовъ и ягодокъ клюковки поношу, а съ весны и сама собираюсь. Хоть бы узнать, живъ ли, и того не знаю, а паренекъ у меня смиреннѣйшій да неграмотнѣйшій, гдѣ ужъ ему противу начальства словечка поспросить. Дѣло наше сиротское, кто хочетъ, тотъ и обидитъ. Прощай родимая, дай Богъ тебѣ счастливую путинушку, вишь сама какъ разнемоглась.

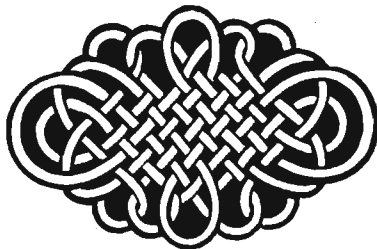
Поцѣловались мы съ нею на прощанье, когда вошелъ жандармъ и позвалъ садиться.

Дорога, наконецъ, подошла къ концу. Мы въ Томскѣ, и узнаемъ, что губернаторъ назначилъ два города на выборъ: Кузнецкъ и Бійскъ. Я смѣюсь, припоминая, какъ всю дорогу мужъ съ профессоромъ Калиновскимъ вели горячіе споры по поводу политико-экономическихъ теорій. Оба ученые, оба во всеоружіи знанія, но придерживавшіеся различныхъ взглядовъ.

— Съ кѣмъ же вы будете теперь спорить, спрашиваю я ихъ; какъ мнѣ будетъ недоставать вашихъ споровъ, и кто такіе будутъ новые товарищи.—Прощайте дорогой Балтазаръ Ѳомичъ,—пожимаю я руку профессора Калиновскаго,—окончилось ваше дорожное испытаніе, увидимся ли когда?

Калиновскій выбираетъ Бійскъ, предоставляя намъ Кузнецкъ.

Е. Берви.

Изъ переписки декабристовъ ¹⁾.

Иванъ Васильевичъ Малиновскій, сынъ перваго директора Царскосельскаго лицея В. Ф. Малиновскаго, которому направлены нижеслѣдующія письма, былъ товарищъ Ив. Ив. Пущина по лицей. Малиновскій находился въ тѣсныхъ связяхъ съ ссыльными декабристами, такъ какъ сестра его Анна Вас. была замужемъ за декабристомъ бар. Розеномъ, и самъ онъ женился въ 1834 г. на сестрѣ Пущина, Маріи Ивановнѣ. Подробности объ отношеніяхъ Пущина къ Малиновскому см. т. III книги Гастфрейнда «Товарищи Пушкина по Императорскому Царскосельскому лицей» (Спб. 1913 г.). Письма Пущина получены редакціей отъ *Ив. Павл. Малиновскаго*. Въ одномъ изъ слѣдующихъ №№ «Голоса Минувшаго» будутъ помѣщены письма изъ ссылки Ан. Вас. Розенъ къ брату. Получены нами изъ того же источника.

С. М.

III. И. И. Пущинъ—И. В. Малиновскому.

Ялutorовскъ, Ноября 844.

Очень понимаю, любезный другъ Иванъ, что мои письма для тебя тревожны: ты получаешь листки, въ которыхъ я обращаюсь къ живой для меня Маріи²⁾, когда уже она не существуетъ. Обстоятельства заставляютъ насъ ощущать тоже, но не въ одно время, такъ какъ и солнце не въ одно время для насъ восходитъ.— Письмо твое отъ 19-го сентября дошло ко мнѣ на прошлой недѣлѣ—оно снова привело на думы о незабвенной. Спасибо тебѣ, что ты не отдѣляешь мысль объ ней отъ всѣхъ твоихъ занятій и успѣховъ. Въ попеченіяхъ твоихъ о миломъ Тони³⁾ прибавь къ

¹⁾ См. «Гол. Мин.» №№ 3 и 4.

²⁾ Жена И. В. Малиновскаго, урожд. Пущина.

³⁾ Сынъ Малиновскаго—Антонъ.

твоей привязанности частицу материнской любви; это удвоить твои силы и облегчить твою заботу. Благодарю тебя, что ты познакомилъ меня съ домашнимъ твоимъ кругомъ. Привѣтствую всѣхъ отъ незнакомаго знакома, который часто заглядываетъ къ вамъ въ Каменку. Помоги тебѣ Богъ—помоги Онъ всѣмъ намъ помириться съ скорбнымъ чувствомъ.

Съ особеннымъ удовольствіемъ мы вмѣстѣ съ Евгеніемъ¹⁾ читали послѣднее твое письмо, гдѣ ты подробно говоришь о твоихъ сельскихъ занятіяхъ. Вполнѣ увѣренъ, что ты находишь свою пользу въ пользѣ крестьянъ. Вѣрно имъ у тебя хорошо во всѣхъ отношеніяхъ. Пожалуй ты заставишь иногда думать, что не нужно и свободы для этого класса. Продолжай дѣйствовать для ихъ блага, но всетаки согласишься, что такой помѣщикъ, какъ ты, только счастливое исключеніе. Оно не можетъ подкрѣплять общаго правила, вреднаго въ примѣненіи и для управляемыхъ и для управляющихъ. Ты на опытѣ долженъ убѣдиться лучше нежели всякой теоріей. Вопросъ въ томъ, какъ лучше разрѣшить эту трудную задачу, а разрѣшеніе дѣлается необходимымъ отъ времени до времени. Много бы хотѣлось сказать, но это не для тѣсной рамки нашей переписки.

У насъ, любезный другъ, все идетъ прежнимъ порядкомъ. Новаго нечего сказать о нашемъ здѣшнемъ бытѣ. Ты больше или меньше его знаешь. Слава Богу, мы оба и всѣ наши товарищи здоровы.—Дѣлимъ время и все, что оно приноситъ съ собой. Такимъ образомъ облегчается горькое и болѣе радуетъ пріятное.

Поцѣлуй Тони за его двѣ строчки. Пусть онъ привыкаетъ на твоемъ листкѣ сказать мнѣ словечко. Дружески привѣтствую Марью Васильевну²⁾, если письмо мое застанетъ ее вмѣстѣ съ тобой. Вари вѣрно уже не будетъ въ Каменкѣ, когда этотъ листокъ придетъ.

Будьте всѣ по возможности покойны. Крѣпко жму тебѣ руку, любезный другъ Иванъ.—Отъ тебя теперь отправляюсь къ Розену.

Твой вѣрный И. Пущинъ.

Евгеній принеси тебѣ листокъ.

12-го февраля 849.

На прошлой недѣлѣ дошло до меня, любезный другъ Малиновскій, твое письмо отъ 21 декабря. Благодарю тебя за добрыя строки и сердечныя воспоминанія. Въ этихъ воспоминаніяхъ

¹⁾ Декабристъ Е. П. Оболенскій.

²⁾ Марія Вас. Вольховская (урожд. Малиновская).

И. И. Пушинъ.
(Изъ собранія И. П. Малиновскаго).

давній нашъ союзъ, который и въ разлукѣ утѣшителенъ взаимною увѣренностію. Проходятъ годы, а онъ остается невредимъ. Хвала Богу!—Очень радъ, что ты свидѣлся съ братомъ Петромъ ¹⁾: я уже отсюда благодарилъ его за эту поѣздку. Понимаю, какъ вамъ обоимъ пріятно было обнять другъ друга,—я издали живо участвую при всѣхъ этихъ встрѣчахъ. Отзывы Петра объ Антоніи вполне отрады. Помоги тебѣ Богъ помѣстить его въ учебное заведеніе—время приближается. Теперь наши собрались въ Петербургъ, ему не такъ будетъ тамъ пусто: нѣсколько облегчится переходъ изъ отцовскаго дома. Вѣроятно, вы лѣтомъ пуститесь къ сѣверу. Ты, кажется, давно не былъ въ столицѣ,—и тебѣ будетъ отрадно повидаться съ родными и друзьями. Ты меня не знаешь съ кѣмъ здѣсь вообразить себѣ. Кромѣ Оболенскаго, въ нашей Ялуторовской Колоніи Тизенгаузенъ, Матвѣй Муравьевъ, Якушкинъ и Басаргинъ. Изъ насъ шестерыхъ трое женатыхъ. Кромѣ того, здѣсь живутъ двѣ вдовы: Ентальцова и Кюхельбекера. Такимъ образомъ насъ довольно много, когда всѣ соберемся. Тутъ же есть новое поколѣніе, оживляющее общество стариковъ, изъ которыхъ старшему 71 годъ, а юнѣйшему 50: я стою вторымъ съ лѣваго фланга—въ маѣ минетъ полсотня съ единицей, если суждено дожить до 4-го числа. Мы часто бываемъ вмѣстѣ, живемъ ладно въ товарищескомъ нашемъ кругу. Евгений проситъ обнять тебя и пожелать тебѣ на 49 годъ всего отраднѣшаго. Исполняю его волю, хотя увѣренъ, что ты въ годовую полночь, и безъ этого письма, вспомнишь насъ, какъ мы тебя вспоминали, навѣщая по обычаю всѣхъ близкихъ и далекихъ. Давно я невидимкой бываю у тебя въ Каменкѣ ²⁾; всегда признателенъ тебѣ за радушный пріемъ. Вмѣстѣ съ тобой молюсь на могилкѣ нашей Марьи и благословляю милаго ея сына. Но что объ этомъ распространяться. Сердце сердцу вѣсть даетъ—горе и радость дѣлать пополамъ, когда другъ друга привыкли понимать.

Спасибо тебѣ, милый Тони, за твою приписку въ письмѣ отца. Нераздѣльно съ вами бесѣдую,—и потому ты не потребуешь повтореній, которыя и безъ того часто встрѣчаются въ моихъ листкахъ. Меня порадовала разсказами о тебѣ твой другъ и дядя Петръ. Жалѣетъ только объ одномъ, что не могъ дольше пробыть у васъ. Поцѣлуй за меня брата и сестру и привѣтствуй Катерину Федосѣевну ³⁾. Теперь ты вѣрно дѣйствуешь на Катушкѣ,—у васъ должно быть уже не такъ холодно въ это время. Здѣсь же, какъ нарочно для масленицы, около пятнадцати градусовъ въ пол-

¹⁾ П. И. Пушнымъ.

²⁾ Имѣніе Малиновскаго, Изюмскаго у. Харьковской губ.

³⁾ Вторая жена Малиновскаго, урожд. Зеньковичъ.

день. При вѣтрѣ это не слишкомъ пріятно для гуляющихъ. Такая температура и въ Сибири ощутительна. Нынѣшній годъ постоянно поддерживается зима.

Прощайте, добрые друзья. Дружески васъ обнимаю. Перехожу на другой листокъ,—надобно написать къ Набоковымъ. Они должны уже быть на новосельѣ, хотя еще не имѣлъ оттуда вѣсти о переѣздѣ. Давно что то не имѣю писемъ отъ Егора Антоновича ¹⁾. Здоровъ ли онъ? и ты мнѣ ничего не сказалъ, любезный другъ Иванъ, о 19-мъ октябрѣ 1848 года ²⁾. Какъ оно прошло? Много ли ветерановъ было на сходкѣ? Годъ отъ году меньше въ сборѣ. Оно такъ и должно быть: время кладетъ на все неумолимую свою печать, а живущимъ остается философствовать и по возможности слѣдить за ходомъ и вліяніемъ его. Обними брата Андрея ³⁾. Пожалуйста, безъ моихъ вопросовъ, упоминай объ немъ въ твоихъ письмахъ. Розенъ постоянно въ свое время къ намъ пишетъ. Спасибо, что не забываетъ зауральскихъ своихъ друзей.

Вѣрный твой *И. Пущинъ*.

¹⁾ Энгельгартъ—директоръ Царскосельскаго лицея, преемникъ В. Ѳ. Малиновскаго.

²⁾ Годовщина I выпуска питомцевъ Царскосельскаго лицея.

³⁾ А. В. Малиновскій.

Н. И. Пировъ о любви, о призваніи женщины—(матери и пр.¹⁾).

II.

2 апрѣля. Вечеръ.

Никогда я не занимался столько собою, какъ теперь. Зная меня хоть немножко, ты вѣрно не дашь слову *занимался* значеніе—смотрѣлся въ зеркало; хотя мое теперешнее занятіе, можетъ быть, ничѣмъ не лучше смотрѣнія въ зеркало.

Я слѣжу за собою, какъ чиновникъ тайной полиціи, анализирую, сужу, требую безпрестанно отчета и безпощадно. И знаешь ли, кто главною причиною этихъ занятій собою? Ты. Ты у меня лежишь на душѣ. Я предпринялъ жениться на тебѣ съ твердымъ намѣреніемъ, во что бы то ни стало, сдѣлать тебя счастливою. Ты знаешь, какъ насъ Богъ свелъ, и какъ мы скоро сошлись. Узнавъ тебя, я былъ слишкомъ счастливъ и слишкомъ восхищенъ, чтобы разсмотрѣть во всѣхъ подробностяхъ, въ какой мѣрѣ я способенъ сдѣлать тебя счастливою. Хотя и не мы дѣлаемъ счастливыми другихъ и себя, а Тотъ, кто выше насъ. Онъ Самъ видитъ, я всѣми силами тщусь возложить на Него мое упованіе и Ему одному, Сердцевѣдцу, поручить твою и мою участь, но я окруженъ людьми, голоса ихъ невольно доходятъ до моего сердца и заставляютъ меня безпрестанно спрашивать самого себя: точно ли я такъ худъ или такъ хорошъ, какъ они обо мнѣ отзываются? Много и мною самимъ совершаются дѣла, которыя также ставятъ меня въ тупикъ, задавая вопросы: худы ли или хороши онѣ, или еще болѣе, такъ ли онѣ худы, какъ онѣ кажутся другимъ, и такъ ли же хороши, какъ онѣ кажутся мнѣ самому?

Люди про меня говорятъ, какъ я слышу, слѣдующее: этотъ человѣкъ въ родѣ синей бороды. Первая жена его была несчастлива съ нимъ. Онъ иногда нарочно дѣлаетъ операціи надъ дѣтьми,

¹⁾ См. «Гол. Мин.» № 5.

чтобы находить удовольствіе въ ихъ крикѣ и плачѣ. Онъ несчастливъ. Онъ закоренѣлый эгоистъ, холоденъ и безъ сердца. Онъ умѣетъ только рѣзать и не болѣе.—Онъ добрый человѣкъ и съ душою. Онъ благородный человѣкъ. Онъ умный человѣкъ. Онъ чудакъ, оригиналь.

Должно слушать людей или нѣтъ? Можно ихъ не слушать или нѣтъ?—Откровеніе говорить, я долженъ любить ихъ. Опытъ и, вѣроятно, мое самолюбіе говорятъ мнѣ: большая часть изъ нихъ достойна презрѣнія. Должно ли же любить ихъ и не обращать никакого вниманія на ихъ слова? Должно ли питать къ нимъ презрѣніе и все-таки ихъ любить?

Но вотъ предо мною лежитъ раскрытое Откровеніе, и я читаю его утѣшительныя слова: «Блаженны вы, когда возненавидятъ васъ человѣки и когда отлучатъ васъ отъ общества и будутъ поносить и разслаблять имя ваше, какъ зло, сына *человѣческаго ради*».

О, если бы душа моя была полна увѣренности, что клевета и поношеніе моего имени дѣлается *Его ради*!

Но вотъ читаю далѣе: «горе вамъ, когда всѣ люди будутъ говорить доброе о васъ; ибо такимъ же образомъ поступали со лжепророками отцы ихъ.—Но вотъ говорю слушающимъ: благословляйте кленущихъ васъ и молитесь за оскорбляющихъ васъ. Любите враговъ вашихъ, творите добро ненавидящимъ васъ... Вы любите враговъ вашихъ, и благотворите, и займы давайте, ничего не ожидая, и будетъ вамъ награда великая, и вы будете сынами Всевышняго; ибо Онъ благу къ неблагодарнымъ и злымъ. И такъ, будьте милосердны, какъ и Отецъ вашъ милосердъ есть. Не судите и не будете судимы, не осуждайте и не будете осуждены; прощайте и прощены будете».

Неоцѣненные минуты вдохновенной молитвы, навѣщайте чаще смущенную душу, чаще, чаще осѣняйте ее, какъ теперь, какъ въ это мгновеніе, когда я оставляю мое перо, забываю все и на колѣняхъ... со слезами... молюсь за оскорбляющихъ меня... Мнѣ мнится, я не одинъ въ эту торжественную минуту мольбы... И ты со мною, дорогая, мнѣ мнится, я держу твою руку и мы оба молимся за оскорбляющихъ насъ... Свѣтло и чудно въ душѣ моей!.. Да, это однѣ мимолетныя минуты... минуты уединенія и тихой бесѣды съ милой сердцу... чрезъ нѣсколько часовъ я опять въ вихрѣ свѣта, опять нашептыванія, опять сомнѣнія. Но и за одни эти минуты не отдамъ цѣлыхъ годовъ жизни. Замѣть, теперь 11 часовъ вечера (2 апрѣля) не донеслось ли и до тебя эхо призывнаго гласа?

3 апрѣля.

Враги обыкновенно образуются изъ завистниковъ. Говорятъ, что у меня есть также непріатели; но отъ чего? Чему бы имъ было во мнѣ завидовать? Правда, когда я былъ моложе, то имѣлъ о себѣ довольно высокое мнѣніе, хотя никогда слишкомъ высокое; но теперь, когда я открылъ въ себѣ столько слабостей и несовершенствъ,—я вовсе о себѣ не большого мнѣнія; правда, дорожу моими убѣжденіями¹⁾, купленными дорогою цѣною трудовъ, думъ, горькихъ заблужденій и обманутыхъ надеждъ; но не навязываю никому моихъ убѣжденій и тогда только держусь ихъ, когда мнѣ нужно дѣйствовать, и отвѣтственность за мои поступки лежитъ на мнѣ самомъ. Я ни отъ кого не отбивалъ хлѣба, а то, что самъ достаю, право не такъ много, чтобы возбудить зависть. Завидовать можно только щастливымъ, а мое щастіе право не таково, чтобы ему завидовать, по крайней мѣрѣ, оно не должно быть велико въ глазахъ тѣхъ, которые ищутъ совсѣмъ другого щастія.

Не щадятъ даже и моихъ чувствъ, клеветуютъ и на мой семейный бытъ. Можетъ быть, именно отъ того, что я не дорожу мнѣніемъ, считаю его мнѣніемъ черни, и еще болѣе, можетъ быть, отъ того, что я показываю нерѣдку, что не дорожу.—Прежде я былъ, однако же, въ томъ отношеніи щастливъ, что, имѣя большое мнѣніе о себѣ, гораздо меньше трогался мнѣніемъ другихъ. Уродливые слухи обо мнѣ меня еще болѣе подстрекали не обращать на нихъ ни малѣйшаго вниманія, пренебрегать ими. Теперь же съ лѣтами, когда во мнѣ обнаружилось несравненно сильнѣе стремленіе быть ревностнымъ послѣдователемъ *идеала* христіанскаго ученія, когда я началъ болѣе обращать вниманія на мои слабости и пороки, строже судить себя; теперь эти слухи потому какъ-то болѣе тяготятъ меня, что я начинаю дѣйствительно сомнѣваться еще болѣе въ себѣ и думать: что, если они дѣйствительно справедливы? что, если я въ самомъ дѣлѣ такъ худъ, какъ они иногда обо мнѣ разносятъ? что если хорошее, которое видятъ во мнѣ, есть только слѣдствіе пристрастнаго взгляда? На людскія мнѣнія я теперь, какъ и прежде, мало обращаю вниманія; но самому о себѣ мнѣ бы хотѣлось имѣть чистый и

¹⁾ Интересно сравнить это мѣсто съ письмомъ Пирогова къ попечителю медико-хирургической академіи Н. Н. Анненкову (мартъ 1848 г.), которому знаменитый ученый сообщалъ, что считаетъ невозможнымъ продолжать дѣятельность въ академіи, если вынужденъ будетъ поступаться своими убѣжденіями. Заявленіе это было вызвано происками тѣхъ же «черниговцевъ», которые, при содѣйствіи Ѳаддея Булгарина, проводили въ профессора нѣкоего Шипулинскаго, научныя заслуги котораго сильно уступали его патріотизму. Подробнѣе, а также литературу см. Сочиненія, т. I, изд. 1914 г.

безпристрастный взглядъ и этимъ-то желаніемъ объясняется, почему мнѣнія, которыя до меня обо мнѣ доходятъ, не всегда остаются безъ впечатлѣнія, особливо, когда они касаются самыхъ чувствительныхъ струнъ сердца.

Для меня происхожденіе всѣхъ слуховъ обо мнѣ, и хорошихъ, и худыхъ, понятно и весьма объяснимо; есть много людей, которые имѣютъ удовольствіе, а можетъ быть и честь, считаться моими непріятелями, не то чтобы въ высшемъ значеніи этого слова, а такъ себѣ, готовыми радоваться всякой моей неудачѣ; а кто меня хорошо знаетъ, тотъ знаетъ также, что никому на свѣтѣ нѣтъ легче имѣть неудачи, какъ мнѣ; я по характеру принадлежу: 1) къ искателямъ сильныхъ ощущеній и былъ бы страстнымъ, азартнымъ игрокомъ, если бы игралъ въ карты; былъ бы отчаяннымъ спекулянтомъ, если бы былъ банкиромъ; 2) къ людямъ съ убѣжденіемъ, что нужно жертвовать, рисковать и не малодушничать въ поступкахъ и предпріятіяхъ, касающихся чести и жизни, будетъ ли это честь и жизнь наша, или чужая собственность; 3) къ людямъ, дорожащимъ своимъ призваніемъ и ставящимъ его выше всего на свѣтѣ, послѣ Бога и религіи, слѣдовательно и выше самого себя.

Къ этому нужно прибавить, что въ молодости всѣ эти три свойства моей индивидуальности были еще несравненно болѣе развиты и не обузданы опытомъ и временемъ. И такъ, понятно, что при такихъ свойствахъ души и темперамента, при занятіяхъ моего призванія, основою которыхъ служить научная вѣроятность (*probabilité scientifique*), сходная съ потерейною, я долженъ былъ подвергаться и теперь подвергаюсь множеству неудачъ. Имѣя при томъ характеръ открытый и смѣлый, я не скрываю ни моихъ заблужденій, ни моихъ слабостей и пороковъ, и поэтому не дѣлаю секретовъ изъ моихъ неудачъ, стыжусь и считаю низкимъ прикрывать ихъ чрезъ *savoir faire*, которымъ, впрочемъ, если бы хотѣлъ, умѣлъ бы пользоваться.

Не скрою и того, что любовь къ моей наукѣ и къ моему призванію, отчасти же и любовь къ славѣ,—но не суетность, которую презираю,—увлекали меня нерѣдко къ дѣйствіямъ, которыхъ благоразуміе, при моемъ положеніи, требовало бы избѣгать; самонадѣянность, основанная, впрочемъ, на сознаніи достоинства, купленного дорогою цѣною трудовъ и потери здоровья, которымъ я, впрочемъ, до сихъ поръ не дорожилъ, заставляли меня пренебрегать мнѣніями другихъ, которыхъ я, можетъ быть, не совсѣмъ несправедливо считалъ ниже себя.

Все это послужило къ тому, что неудачи мои и мои слабости нашли себѣ наущниковъ и крикуновъ;—я презиралъ ихъ, пока

не сдѣлался строгимъ наблюдателемъ и безпристрастнымъ судьей собственныхъ своихъ поступковъ, и не только поступковъ, но и ихъ внутреннихъ, скрытыхъ въ глубинѣ души, мотивовъ. Если бы моя карьера началась теперь, при настоящемъ состояніи души, то я увѣренъ, что при всемъ моемъ отвращеніи къ мнѣніямъ и дѣйствіямъ толпы, я бы ужился съ этой толпою.

Но было время, когда я, любя также, какъ и теперь, мое призваніе, любилъ еще и страстно мою отчизну, мечталъ, что въ ней найду самое живое участіе и сочувствіе къ моему стремленію быть ей полезнымъ (какъ всѣ молодые люди, которые мечтаютъ, чувствуютъ въ себѣ и энергію, и способность быть ей полезнымъ ¹⁾).

Не любя ничего дѣлать въ половину, я составлялъ планы нововведенія, съ жаромъ и самоотверженіемъ искалъ распространить ихъ. Неопытный, я не зналъ еще всѣхъ скрытыхъ пружинокъ механизма, управляющаго обществомъ, и, разумѣется, обманулся въ моихъ надеждахъ.

Все-таки я не жалѣю о потерянномъ времени на эти попытки и думаю, что имѣю нѣкоторое право на благодарность Россіи; если не теперь, то, можетъ быть, когда нибудь послѣ, когда мои кости будутъ гнить въ землѣ, найдутся безпристрастные люди, которые, разглядѣвъ мои труды, поймутъ, что я трудился не безъ цѣли и не безъ внутренняго достоинства.

Ты видишь, моя дорогая Саша, что тебѣ, если бы ты немного лучше знала человѣческое сердце, не трудно бы было давно догадаться и безъ моихъ писемъ, что я въ разладѣ съ собою; а если бы ты была болѣе опытной и, слѣдовательно, болѣе бы сомнѣвалась, то тебѣ не такъ бы легко казалось увѣрить меня, что ты помиришь меня со мною. Я знаю, что мнѣ не нужно бы было тебя въ этомъ разочаровывать, тѣмъ болѣе, что это и дѣйствительно, съ помощью Божіею и съ твоимъ сердечнымъ чувствомъ, религіознымъ убѣжденіемъ, можетъ случиться *въ извѣстной степени*. Но время врѣзываетъ въ душѣ такія же глубокія колѣна, какъ старость и думы морщины на челѣ,—ихъ выровнять нельзя. Но чудной душѣ твоей и за одно намѣреніе—вѣчно спасибо!... ²⁾.

¹⁾ Отмѣчу письмо къ баронессѣ Раденъ отъ 27 февраля 1876 г., въ которомъ Пироговъ, возвращаясь къ 1847 году, рассказываетъ о своихъ злоключеніяхъ въ тогдашнихъ канцеляріяхъ и другихъ бюрократическихъ учрежденіяхъ въ связи съ проектами оздоровленія Россіи и предохраненія ея отъ эпидемій. Косность и невѣжество начальственныхъ инстанцій довели Пирогова до отчаянія и онъ готовъ былъ оставить государственную службу, но его отговорила отъ этого великая княгиня Елена Павловна, къ кружку которой онъ сталъ съ того времени очень близокъ. См. Сочиненія, т. I, изд. 1914 г.

²⁾ Это письмо печатается здѣсь безъ второй половины, посвященной характеристикѣ души А. А. Пироговой, сообщеніямъ о семейной жизни ея родственницы и разныхъ приключеніяхъ послѣдней. (Она напечатана

III 1).

Писано для тебя одной.

Сегодня, въ первый разъ, между нами, дружеское *ты* вступило въ святыя права свои. Какъ чудно чувство!—одно измѣненіе простаго звука, ничего самой по себѣ не значущей буквы, уже достаточно возбудить въ насъ самыя сладкія ощущенія... какъ чудно совершается въ насъ мысль, когда мертвая буква получаетъ то или другое значеніе и можетъ по какимъ то опредѣленнымъ законамъ выражать самыя завѣтныя ощущенія души; мнѣ казалось, что *ты*, произнесенное твоими устами, сокрушило послѣднюю преграду нашей связи, мнѣ казалось, что сегодня, «въ день для меня незабвенной», рука судьбы уже скрѣпила священный союзъ нашъ... благодарность моя къ Провидѣнію и къ *тебѣ*, безцѣнной другъ мой, невыразима... и какъ же мнѣ не быть благодарнымъ къ высшему Промыслу, когда онъ исполнилъ теплыя мольбы мои и показалъ мнѣ путь къ твоему сердцу, которое начинаетъ биться для моего блаженства, какъ не благодарить мнѣ тебя, когда ты обещаешься посвятить жизнь твою для водворенія спокойствія въ душѣ моей, хочешь стараться примирить меня съ самимъ собою, — я чувствую, я живо чувствую, какъ поминутно таетъ ледяная кора, облекавшая мое чувство, какъ постепенно исчезаетъ мертвящая пустота въ сердцѣ, твой образъ, твоя душа, твое я начинаетъ заполнять это хаотическое, мертвое ничто, которое во мнѣ, какъ нѣкогда предъ миротвореніемъ, предшествовало осуществленію идеи.

Другъ нѣжный, неоцѣненный! объ одномъ еще прошу тебя,—изучай меня и себя, убѣдись сначала мыслью, что мы, какъ и

въ журналѣ «Рус. Школа», 1915, III). Эта часть письма датирована 6-мъ апрѣля, но въ самомъ концѣ его Пироговъ возвращается къ основной темѣ своихъ писаній и подъ датой «6 апрѣля, вечеръ» продолжаетъ:

«Суетна жизнь человѣческая, милая Саша, и завидна участь тѣхъ, которые уже болѣе не существуютъ. Для нихъ Идеаль превратился въ существенность, борьба кончилась и насталъ миръ и спокойствіе,—или миръ настоящей вѣчной жизни,—или спокойствіе настоящей вѣчной смерти. А здѣсь—ни жизнь, ни смерть, такъ что-то, середина; но для чего я говорю тебѣ это; этотъ языкъ для тебя непонятенъ».

Слѣдуетъ отмѣтить, что и часть непомѣщенного здѣсь отрывка и только что приведенный написаны рукою не самого Н. И. Пирогова, а, судя по почерку, рукою А. А. Пироговой. Во всякомъ случаѣ листокъ отъ письма Пирогова оторванъ и часть послѣдняго написана на другомъ листкѣ бумаги.

¹⁾ Письмо это даты не имѣетъ. Въ пояснительномъ указателѣ, составленномъ Вл. Ник. Пироговымъ, по поводу этого письма отмѣчено: «въ началѣ сватовства». Это-же событіе имѣло мѣсто приблизительно въ началѣ марта 1850 г. Письмо это въ значительной степени посвящено описанію любви Н. И. къ невѣстѣ, а также его первой любви къ дочери его крестнаго отца, Лукутиной. Во второй половинѣ письма Пироговъ излагаетъ свои мысли о задачахъ семейной жизни.

всякій для себя, стѣбимъ этого, что это изученіе, хотя трудное, но возможное, можетъ открыть намъ истинныя отношенія наши другъ къ другу, къ другимъ, къ свѣту,—и, что всего важнѣе, къ Тому, Кто выше свѣта и насъ; какъ давно уже прилежнымъ изученіемъ себя я открылъ въ себѣ то, что, безъ того, для всѣхъ казалось во мнѣ не существующимъ, для меня самаго—не очевиднымъ и скрытымъ; и теперь, я уже объ этомъ писалъ однажды къ тебѣ, проникая глубже въ этотъ извилистый лабиринтъ, въ которомъ то мысли текутъ въ стройномъ порядкѣ, то чувства скрываются, скопленные въ безобразныя группы, то гнѣзятся хищныя страсти,—я открываю сладкое, сладкое чувство упованія... приди же мой Ангелъ-Хранитель, и полнымъ благодатной теплоты дыханіемъ Эдема содѣйствуй къ развитію неземнаго на почвѣ, изсохшей отъ сомнѣній и безвѣтрія.

Но подожду говорить съ тобою о высокомъ и неземномъ;—рѣчь зашла объ изученіи самаго себя въ отношеніи къ другимъ и къ свѣту; вотъ для тебя моя исповѣдь: начиная, я восклицаю съ Жанъ Жакомъ: «пусть звучитъ труба страшнаго Суда, я предстану съ этою исповѣдью предъ Верховнымъ Судьею и громко воскликну: вотъ, каковъ я былъ здѣсь, вотъ, что я дѣлалъ, вотъ, какъ я мыслилъ!!!»¹⁾

Безъ порядка, безъ всякой постепенности повѣдаю тебѣ завѣтныя тайны души. Начинаю съ самаго любопытнаго для тебя. Расскажу тебѣ о моихъ бывшихъ отношеніяхъ къ твоему полу, о моихъ взглядахъ на загадочное для насъ существо—женщину. Развившись слишкомъ рано, одаренный отъ природы чувствомъ въ избыткѣ, окруженный родными женщинами, я уже давно началъ думать о женщинѣ. Мнѣ не было еще 17 лѣтъ, какъ я влюбился въ одну дальнюю родственницу²⁾, и знаешь ли, что скажу тебѣ?—она была похожа на тебя; тѣ же нѣжныя, тонкія черты лица, тѣ же свѣтло-русые волосы, тѣ же глаза, напоминающіе небо, уста, сотворенныя для поцѣлуя, эфирная поступь,—все это, какъ теперь помню, приводило меня каждый разъ въ какой-то неизъяснимый восторгъ, когда я устремлялъ на нее мой взоръ, всякой разъ, когда я бралъ ее руку, тихой, сладостной

¹⁾ Эти же слова Руссо (но по-французски) Пироговъ приводитъ въ самомъ началѣ своего дневника.

²⁾ Въ «Дневникѣ стараго врача» Пироговъ рассказываетъ о любви своей къ дочери его крестнаго отца, Лукутиной: «предметъ моей платонической первой любви была стройная блондинка съ тонкими чертами, чрезвычайно мелодическимъ и звучнымъ голосомъ и голубыми, улыбающимися глазами. Эти глаза и этотъ голосъ, сколько я помню, и плѣнили мое сердце»... (изд. 1910 г., стр. 402). Въ другомъ мѣстѣ Н. И. вспоминаетъ, что даже изъ Дерпта, гдѣ онъ готовился къ профессурѣ, онъ не забылъ «отправить письмо туда, гдѣ молодое сердце въ первый разъ зашевелилось при взглядѣ на улыбающіеся женскіе глаза» (стр. 458).

трепетъ пробѣгалъ по мнѣ, вблизи ея я чувствовалъ себя невыразимо щастливымъ. Не знаю, замѣчала ли она это, она была старѣе меня,—но думаю, что, не смотря на мой возрастъ, она не совсѣмъ была ко мнѣ хладнокровна; какъ теперь помню, я приходилъ въ прекрасное весеннее утро, когда она спала еще, въ садѣ, садился предъ окнами ея спальней, мечталъ объ ней, вздыхалъ и *о чемъ то* плакалъ.

Сладки были эти слезы! Черезъ 15 лѣтъ ¹⁾ послѣ того, только теперь, смотря на тебя, однажды у меня показались въ первый разъ слезы, подобныя тѣмъ. Зачѣмъ я не далъ воли имъ течъ, какъ онѣ хотѣли, зачѣмъ?!... Я все еще думаю объ этомъ сходствѣ между тобой и ею. Вѣрно въ душѣ моей, при самомъ первомъ ея развитіи, уже сформировался милой образъ, которой долженъ былъ нѣкогда, осуществившись, слиться въ одно съ собственнымъ я моимъ; чѣмъ болѣе припоминаю прошедшее, тѣмъ болѣе нахожу, что всегда всѣ очерки лица, сходные съ твоими, мнѣ нравились неизъяснимо.

Кто разгадаетъ всѣ тайны сердца? Спустя пять лѣтъ, отдаленіе, время и занятія уничтожили совершенно во мнѣ первую зарождавшуюся любовь, но удивительное дѣло!—Я пріѣхалъ чрезъ пять лѣтъ опять въ Москву и непроизвольно что-то меня тянуло увидѣться съ нею, она уже была не та! Но воспоминаніе еще осталось, чрезъ 2 года послѣ того, я еще разъ былъ въ Москвѣ и опять не утерпѣлъ,—но въ ней все уже измѣнилось, кромѣ глазъ и голоса... Пусть же послѣ этого разсудительные люди и безобразныя женщины утверждаютъ, что не нужно влюбляться въ одну наружность, что такая любовь не прочна; а я напротивъ, твердо увѣренъ, что всякая любовь въ (къ?) женщину(ѣ?) основана преимущественно на наружности; я разумѣю подъ этимъ словомъ не одно лице, но все, что дѣйствуетъ на наши наружныя чувства; можно ли влюбляться въ одну добродѣтель, въ поступки, плѣнительное обращеніе? Мнѣ скажутъ, есть тысячи примѣровъ тому; но та же ли эта любовь, то же ли сладкое упоительное чувство, которое разливается отъ одного взгляда, отъ одного прикосновенія, по всѣмъ нервамъ? Льется ли, въ отвлеченной любви, струя невѣдомой силы изъ очей обожаемой женщины; ищутъ ли безпрестанной встрѣчи глаза и уста? разливаетъ ли живительную теплоту по тѣлу прикосновеніе руки?

А если рѣчь пойдетъ о прочности той или другой любви, то я скажу, что любовь, по своей сущности уже, есть одно временное чувство, оно принадлежитъ только одному возрасту; природа

¹⁾ Здѣсь описка: первая любовь Пирогова относится къ 1826—1827 г., слѣдовательно, это было за 23—24 года до сватовства къ А. А. Бистромъ.

назначила ее для возрожденія и обновленія; животныя, цвѣты украшаются, для чего то сходнаго съ нашею любовью, только на время; какой же прочности можно требовать отъ чувства, назначеннаго для одной, преходящей, цѣли?

Не правда ли, такой взглядъ на любовь производитъ на тебя, милой другъ, непріятное впечатлѣніе? Тебѣ хотѣлось бы, чтобы она была вѣчна, неизмѣняема,—но повѣрь, она тогда перестаетъ быть тѣмъ, что она есть, и чтобы достигнуть желаемой прочности, мы должны всегда соединять любовь съ другимъ чувствомъ, не столько сладкимъ, но болѣе постояннымъ; счастливы тѣ супруги, которые постигли эту тайну соединенія!.. Но объ этомъ послѣ.

Спѣшу окончить рассказъ мой о первой любви признаніемъ, что второй до тебя уже не было. Ты уже знаешь, что я сватался за подругу твоего дѣтства; сообразивъ все, что я объ ней зналъ, всматриваясь въ ея меланхолической, неземной взоръ, увѣренный въполнѣ въ прекрасной добротѣ ея души, привязанный почти съ дѣтства къ ея семейству, не мудрено, что я позволилъ было чувству любви, послѣ 12-лѣтняго(?) заключенія, снова проситься на свѣтъ, и я не запираюсь,—еще нѣсколько мѣсяцевъ и...

Не думай, что я сегодня буду продолжать начатое вчера; я уже сказалъ тебѣ, не ищи порядка и строгой послѣдовательности въ моей исповѣди; потому что я стыдился показать ее другому, кромѣ тебя; чрезъ нѣсколько лѣтъ, можетъ быть, я буду стыдиться, что терялъ время на такое безпорядочное описаніе чувствъ и взглядовъ и точно ребенокъ гонялся, ловилъ и хотѣлъ прикрѣпить къ бумагѣ такую разноцвѣтную бабочку, какъ мое чувство, а ты, можетъ быть, будешь стыдиться, что изъ любви къ такому чудаку, какъ я, находила пріятность въ чтеніи безтолковаго сумасбродства; но остановимъ время дѣйствовать, какъ оно хочетъ; наслажденіе настоящимъ также чего-нибудь да стоитъ.

Письмо твоего батюшки, которое ты мнѣ вчера читала, привело меня на мысль поговорить съ тобою о щастіи, котораго я ищу въ супружеской жизни. Быть, какъ говорится, *нѣжной супругой и добродѣтельной матерью*—прекрасно, но дѣло состоитъ, не въ кудрявыхъ выраженіяхъ, а въ смыслѣ; нѣжность и добродѣтель! Легко сказать, но всякой можетъ объяснять эти два качества различно; что нужно для одного, то будетъ, можетъ быть, ужъ слишкомъ приторно для другого; поступокъ, которой въ глазахъ свѣта кажется высокою женскою добродѣтельною, можетъ быть, для несговорчивыхъ (каковъ, напримѣръ, и я) покажется однимъ движеніемъ скрытаго эгоизма. И такъ, вмѣсто того, чтобы терять время на витѣватые выраженія дѣйствій неопредѣленныхъ, весьма относительныхъ, я хочу тебѣ въ по-

дробности изложить мой собственный идеалъ счастливаго супружества. Чѣмъ болѣе я узнаю тебя, другъ безцѣнной, тѣмъ болѣе увѣряюсь, что ты поймешь меня и, что для меня всего трогательнѣе, я вижу, ты стараешься понять меня.

Слушай же. Тебѣ уже изъ первыхъ моихъ писемъ должно быть извѣстно, что, по моему мнѣнію, супружеское счастье чловѣка образованнаго и съ чувствомъ, тогда только можетъ быть совершенно, когда жена вполне разгадаетъ и пойметъ его; это значитъ, другими словами, она сначала должна узнать, что составляетъ главную цѣль жизни ея мужа, къ чему направлены всѣ его дѣйствія, какую роль онъ играетъ или хочетъ играть на сценѣ свѣта. Это не такъ легко и просто, какъ оно кажется, но въ одномъ случаѣ это бываетъ узнать легче, нежели въ другомъ. Есть люди, которые стараются обществу показать совсѣмъ другую цѣль, нежели какую они имѣютъ въ самомъ дѣлѣ, есть подлецы души, которые прикрываютъ низость своихъ взглядовъ и поступковъ возвышенностію изобрѣтенной ими цѣли, есть такая пошлость и пустота мыслей и цѣлей, которая ищетъ быть только прикрыта недостигаемою для толпы важностію поступковъ, есть... чего нѣтъ на свѣтѣ?

Но, никто такъ хорошо, какъ умная жена, не можетъ разгадать, несмотря на всѣ сложности потаеннаго механизма дѣйствій, главную цѣль, главное направленіе жизни своего мужа: халать въ семейномъ быту не въ состояніи такъ искусно прикрыть всѣ недостатки, уродливости, безобразія, которыхъ никто не замѣчалъ подъ мундиромъ; потому-то здравая политика тѣхъ мужей, которые хотятъ казаться не тѣмъ, каковы они въ самомъ дѣлѣ, требуетъ, чтобы они выбирали женъ или поглупѣе или такихъ женъ-дѣтей, которыхъ бы имъ легко было занять гремушнами, пестротою тряпокъ, блескомъ мелочей. Я совсѣмъ было забылъ сказать, что есть и такіе черезъ чуръ образованные мужья, особливо между нѣмцами, которые думаютъ, что всякая женщина слишкомъ ограничена, чтобы постигнуть всю важность ихъ цѣли, и опредѣляютъ ей въ единственный удѣлъ—кухню и погребъ,—и благодаря благодѣтельнымъ распоряженіямъ судьбы какъ то часто случается, что и жены ихъ твердо убѣждены въ томъ, что кухня, погребъ и, много развѣ еще, спальня, составляютъ самой удобный пріютъ для женскихъ добродѣтелей, почерпнутыхъ изъ поваренныхъ книгъ, сравнительнаго созерцанія расходныхъ тетрадей и пр. пр.

Я совершенно согласенъ въ томъ, что прекрасное качество въ одномъ полѣ можетъ быть уродствомъ въ другомъ и что женщина, которая судить и рядить о дѣлахъ мужскихъ, общества,

хочетъ прослѣдовать ученой артисткой и т. п., ни съ чѣмъ по дѣйствію не можетъ быть лучше сравнена, какъ съ самымъ сильнымъ растворомъ рвотнаго камня или чего нибудь другого въ такомъ же родѣ; но я не хотѣлъ бы, однако, имѣть женой такую женщину, которая бы не только не хотѣла вникнуть въ мои дѣйствія, которая бы не захотѣла примѣниться къ нимъ, узнавъ сначала вѣрнѣе идею или идеи, которыя я преслѣдую, проходя по извилистой тропѣ общественной жизни.

Жена кухарка и жена ученой—двѣ такія непріятныя крайности, которыя избѣгнуть значить уже достигъ хотя негативнаго счастья супружеской жизни; но кромѣ этихъ двухъ крайностей можетъ быть еще множество другихъ, среднихъ, непріятностей въ женѣ, изъ которыхъ иногда одна уже въ состояніи отравить всю жизнь человѣка съ образованіемъ, умомъ и чувствомъ. Перечислить всѣ эти непріятности, неровности въ характерѣ, обращеніи, воспитаніи и пр. женщины невозможно, да и здѣсь дѣло идетъ совсѣмъ не о томъ, а о идеалѣ супружеской жизни, которой я составилъ *только для себя*.

Мнѣ очень, очень жалко, что ты, милой другъ, не наблюдала меня прежде въ моемъ домашнемъ быту,—это впрочемъ вещь почти невозможная, особливо при нашихъ обстоятельствахъ,—тебѣ, при твоёмъ желаніи узнать меня, не трудно бы было замѣтить *отвлеченность* моихъ дѣйствій,—не знаю, выразился(ли?) я довольно ясно,—какъ бы иногда ни казалось мелочнымъ мое предпріятіе, разсмотрѣвъ его, я находилъ всегда, что назначеніе его было въ будущемъ, всегда я къ чему-то готовлюсь... но я чувствую, что эта цѣль моихъ дѣйствій еще мало ясна и для меня самага, потому оставимъ ее покуда и поговоримъ о той ближайшей моей цѣли, которая слишкомъ ясно открывается изъ моей прошедшей и настоящей жизни.

Эта цѣль до сихъ самыхъ поръ преобладала исключительно нравственнымъ моимъ бытіемъ, нѣтъ ни одной жертвы въ свѣтѣ, которой бы я не былъ въ состояніи принести моему идеалу, онъ управлялъ моими поступками, онъ облагородилъ меня, ему обязанъ я всѣмъ, всѣмъ, даже, можетъ быть, любовью къ тебѣ,—я въ правѣ гордиться тѣмъ, что съ сапоможертвованіемъ, безкорыстіемъ и непоколебимымъ терпѣніемъ преслѣдовалъ мою высокую цѣль, мой идеалъ до сего времени, до того самого времени, какъ началъ любить тебя. Другъ неоцѣненный! ты женщина, врожденный инстинктъ и воспитаніе готовили тебя съ раннихъ лѣтъ быть супругой и матерью, значить жить для другихъ, эта—ближайшая, благороднѣйшая цѣль твоего пола, по своей однообразности и опредѣленности, не могла способствовать къ

развитію въ тебѣ яснаго и точнаго понятія о цѣли той, которую могутъ избрать и преслѣдовать только одни мужчины и которую избралъ и неусыпно преслѣдовалъ доселѣ—я.

Знай же—*наука* составляла съ самыхъ юныхъ лѣтъ, идеаль мой, истина, составляющая основу науки, содѣлалась высокою цѣлію, къ достиженію которой я стремился безпрестанно. Ты, не испытавши, не можешь вообразить себѣ, съ какимъ высокимъ, неземнымъ наслажденіемъ соединено изслѣдованіе истины, особливо, если природа, въ своихъ волшебныхъ, очаровательныхъ превращеніяхъ, управляемая вѣчными законами, составляетъ предметъ этихъ изслѣдованій; что значать самыя утонченныя матеріальныя наслажденія въ сравненіи съ тѣмъ тихимъ, спокойнымъ, но возвышеннымъ чувствомъ, которое наполняетъ душу каждаго истинно любящаго свою науку.

Благодарность моя къ избранной мною наукѣ не изсякнетъ до конца моей жизни; я любилъ мою науку, какъ можетъ только любить сынъ нѣжную мать; что были бы годы жизни, проведенные мною, если бы въ нихъ не было тѣхъ сладкихъ мгновений и часовъ, которыя доставляли мнѣ занятія наукою, онѣ заставляли меня забывать ничтожную мелочность предразсудковъ, съ благородной гордостію смотрѣть на низкія пошлости свѣта и съ внутреннимъ сознаніемъ собственнаго достоинства презирать безсмысленные толки черни.

Наука поставила меня выше толпы, наука заставила меня любить истину, наука послужила къ развитію во мнѣ святой идеи о долгѣ и обязанности до такой степени, что я самое чувство подчинилъ этой идеѣ и готовъ умереть хладнокровно, когда этаго будетъ требовать долгъ, возлагаемой на меня наукою.

Теперь тебѣ будетъ понятно, что удерживало меня доселѣ удовлетворить потребностямъ моего сердца, отъ природы мягкаго и чувствительнаго; вѣрно, изъ тысячи людей, знающихъ меня только по внѣшнимъ отношеніямъ, ни одному не придется въ голову считать меня такимъ, каковъ я въ самомъ дѣлѣ,—одареннымъ чувствомъ въ избыткѣ, болѣе, нежели сколько нужно для щастливаго существованія; никто, не зная меня короче, не можетъ вообразить, чего мнѣ стоило, трудомъ и умствованіемъ, подавить этотъ избытокъ чувствительности до того, что я самъ, наконецъ, началъ сомнѣваться, есть ли во мнѣ настоящее чувство и теперь, входя въ самого себя, не всегда могу рѣшить, эгоизмъ ли или чувство составляетъ основу многихъ моихъ поступковъ.

Вообще всѣмъ холостякамъ, дожившимъ до 30 слишкомъ лѣтъ, дѣлается, съ каждымъ годомъ, труднѣе и труднѣе рѣшеніе жениться; мнѣ оно должно быть еще вдвое труднѣе; женясь, я оста-

вляю не только ту независимость, которой такъ много дорожатъ холостые въ молодости, но долженъ посвящать мое время, мои занятія не одному только любимому идеалу, столько лѣтъ услаждавшему мое нравственное существованіе; при мысли о женитьбѣ у меня всегда слѣдовалъ обыкновенно вопросъ: можешь ли ты найти такую женщину, которая, постигши въ тебѣ всю силу внутренняго влеченія къ высокому твоему идеалу, въ состояніи будетъ такъ горячо, такъ искренно, такъ *отвлеченно* любить тебя, чтобы любовь ея послужила новымъ средствомъ къ достиженію этого идеала?

И знаешь ли,—сами женщины, пожилыя, образованныя, не безъ чувства, которыхъ я спрашивалъ объ этомъ, качали головой и не совѣтовали мнѣ жениться; я терялъ съ каждымъ годомъ пріятную надежду. Ты можешь видѣть изъ этого, какихъ я мыслей объ тебѣ, ты можешь понять теперь причину сомнѣній, меня волнующихъ, можешь оцѣнить степень любви, привязывающей меня къ тебѣ. Я приношу въ жертву этой любви все, что меня привязывало до сихъ поръ къ землѣ, все, что услаждало мое существованіе, словомъ всю поэзію моей жизни!

Не мѣняю ли извѣстное на неизвѣстное? Вотъ мучительный вопросъ.—Но нѣтъ! теперь я спокоенъ, душа моей несравненной не холодна къ высокому, она пойметъ, она убѣдится, что не одни матеріальныя отношенія должны быть цѣлью нашего существованія; ежедневная проза жизни съ ея мелочными притязаніями на мгновенныя, преходящія наслажденія не можетъ удовлетворять требованіямъ души, содержащей въ себѣ хотя одну искру высокаго и поэтическаго.

И такъ, цѣль моего земнаго существованія будетъ вполне достигнута, сколько позволено человѣку достигнуть на землѣ своей цѣли—когда я найду въ женѣ, то, отрадной поэзіей исполненное, существо, которое, понявъ всю возвышенность, всю отвлеченность моего идеала, къ достиженію котораго я посвятилъ всю энергію моей умственной и нравственной дѣятельности, посвятилъ также и свою жизнь, чтобы отрадой улыбки, нѣжнаго поцѣлуя и всѣми, всѣми обнаруживаніями внутренняго чувства доказать своему избранному, что и она сочувствуетъ вполне его стремленію, содѣйствуетъ всѣми силами, всею мощностію любви къ достиженію предначертанной цѣли, услаждая привѣтною ласкою, привязанностію къ домашнему быту, тѣмъ невыразимымъ нѣмецкимъ «Gemüth» всѣ непріятности, встречаемыя нами на пути, когда мы съ самоотверженіемъ и любовью стремимся приблизиться къ нашему назначенію.

Только при этихъ условіяхъ, только при этомъ сочувствіи

и содѣйствию, только при такой усладительной гармоніи домашняго быта съ отвлеченнымъ стремленіемъ къ идеалу, я могу быть щастливъ; только при этихъ условіяхъ я раздѣлю поровну жизнь мою между отвлеченнымъ идеаломъ науки и милой, нѣжной женою; тогда я найду поэзію въ нѣдрахъ семейства, какъ доселѣ находилъ ее въ умственныхъ изысканіяхъ истины.

Ты видишь, другъ безцѣнной, что мое истинное щастіе теперь въ твоихъ рукахъ; обратись же съ горячею мольбою къ предвѣчному Промыслу, чтобы онъ укрѣпилъ и наставилъ тебя содѣлать щастіе любимаго тобою человѣка, который, вѣрь, по внутреннему своему сознанію чувствуетъ себя достойнымъ наслаждаться блаженствомъ, сосудомъ котораго да избересть тебя Высшая Воля. Что касается до меня, то ты можешь быть вполне убѣждена, что идея о святыхъ обязанностяхъ и долгѣ, которую наука сдѣлала неразлучною съ моимъ бытіемъ, руководить меня всегда и вездѣ; посвятить всю жизнь съ самоотверженіемъ исполненію того, что я считаю за мою обязанность,—составляетъ главное правило, сопровождающее меня на пути къ моему назначенію.

Ты узнала теперь причины моихъ сомнѣній, моего безпокойства, тогда какъ щастіе, которымъ не всякому здѣсь дано наслаждаться, должно бы было заглушить все прочее въ душѣ моей; ты поймешь эту причину еще болѣе, когда узнаешь, что я, потерявъ надежду когда-либо найти женщину, которая бы меня поняла совершенно, составилъ было себѣ планъ не влюбляться, а жениться болѣе по расчету, требуя отъ жены болѣе негативно, нежели положительно, тѣхъ качествъ, которыя бы желалъ въ ней видѣть.

Но судьба сдѣлала все по своему;—я не утерпѣлъ и—влюбился, я теперь слѣпъ, и это-то внутреннее сознаніе моей слѣпоты наводитъ на меня мучительное сомнѣніе о моемъ будущемъ щастіи. Меня плѣнило въ тебѣ не внутреннее убѣжденіе, что ты поймешь меня, но что-то необъяснимо милое, невыразимо прелестное въ существѣ твоёмъ, чистота души твоей, свѣтлый взглядъ на жизнь, твердость и увѣренность, съ которою ты, слабое, неопытное существо, выступаешь на ея поприщѣ; ахъ! въ женщинѣ неоцѣненна эта свѣжесть чувствъ, эта безоблачность взгляда, напоминающаго свѣтлое небо,—я забылъ все, все и рѣшился за блаженство, которое я нахожу возлѣ тебя, пожертвовать всѣмъ, что составляло поэзію моей жизни, за щастіе обладать тобою рѣшился быть несчастнымъ чрезъ удаленіе отъ моего назначенія... ты видишь теперь, люблю ли я тебя и какой любовью люблю тебя? уже слѣдствіемъ (а не началомъ) этой любви сдѣлалось

убѣжденіе, что ты поймешь меня и слѣдовательно сдѣлаешь исполнѣ счастливымъ,... я ничего теперь не могу тебѣ сказать болѣе, какъ повторить, что счастье мое теперь въ рукахъ 20 лѣтней, неопытной дѣвушки; что Богъ внушить ей, то и будетъ со мною; жребій брошенъ въ урну.

Судьбѣ предоставлено сдѣлать остальное, съ какой-то увѣренностію, однако-же, что *любовь научитъ тебя* дѣйствовать въ мою пользу, что молитва изъ устъ твоихъ будетъ услышана;—съ этой минуты оставляю сомнѣніе, вѣрю и надѣюсь, не хочу отравлять счастливейшихъ минутъ моей жизни...

Любовь научитъ тебя!.. пророческія слова... слова, полныя сладкой надежды... душа твоя многое, многое заключаетъ въ себѣ для моего счастья, но и чего не достаетъ въ тебѣ еще,—въ томъ *научитъ тебя любовь*.

Для чего ты не музыкантша!.. Ахъ! музыка иногда чаруетъ меня, но любовь научитъ тебя!.. Любовь, какъ и всѣ высокія безотчетныя чувства, дѣлаетъ чудеса надъ тѣми, кто вѣруетъ въ ея могущество; она измѣняетъ, обновляетъ, облагораживаетъ нашу природу, дѣлаетъ возможнымъ, что до того казалось несбыточнымъ... и неопытная, 20-лѣтняя дѣвушка, руководимая истинною любовью, можетъ достигнуть всего, что она считаетъ необходимымъ для счастья того, кого она любитъ... Я вѣрю въ это... и спокойный предоставляю руль моей будущности такому кормчему, какъ ты, мой безцѣнный другъ, наставляемый любовью!.. ¹⁾.

Сообщилъ С. Штрайхъ.

¹⁾ Пироговъ почти никогда не подписывалъ писемъ къ женѣ именемъ или фамиліей. Сравнить его «Севастопольскія письма», адресованныя женѣ. Спб. 1907 г.

Глѣбъ Успенскій въ его перепискѣ¹⁾.

VIII. Г. Успенскій въ собственной передѣлкѣ.

Съ 1883 г. выходило въ свѣтъ первое собраніе сочиненій Успенскаго. И критика, и читатели были удивлены тѣмъ, что во многихъ хорошо знакомыхъ произведеніяхъ Успенскаго, знакомыхъ и по журналу, гдѣ они появлялись, и по отдѣльнымъ сборникамъ разсказовъ, нехватаетъ то отдѣльныхъ мѣстъ, то цѣлыхъ страницъ и, наконецъ, даже цѣлыхъ разсказовъ, многое появилось подъ новыми заглавіями, и. т. п.

Въ предѣлахъ настоящей замѣтки, конечно, мы можемъ только отмѣтить здѣсь, на нѣсколькихъ примѣрахъ, общій характеръ этихъ передѣлокъ. Это даетъ намъ довольно существенное понятіе о томъ, какъ самъ авторъ смотрѣлъ на свое творчество, что считалъ въ немъ изъянами и чего бы онъ хотѣлъ отъ него.

Прежде всего должно отмѣтить измѣненія цензурныя. Они не были, повидимому, очень значительны. Конечно, цензура была огромнымъ препятствіемъ и досадной спутницей Успенскаго въ теченіе всей его жизни. Цѣлый рядъ темъ былъ совершенно изъятъ изъ обращенія, и юморъ писателя не могъ коснуться огромной области явленій, связанныхъ съ тяготѣвшимъ надо всѣми полицейско-бюрократическимъ строемъ со всѣми его многообразными отвѣтвленіями въ области народной и общественной жизни. Однако, Успенскій умѣлъ, и не вдаваясь въ запретную область, говорить о бытовыхъ явленіяхъ русской жизни такъ, что читатели очень хорошо чувствовали связь отрицательныхъ сторонъ этой жизни съ внѣшними ея рамками. За исключеніемъ второй части очерка «Очень маленькій человѣкъ» (О. З. 1874, № 5), уничтоженной вмѣстѣ съ книгою журнала, мы не знаемъ произведеній Успенскаго, въ свое время цѣликомъ погибнувшихъ отъ цензуры.

Тѣмъ не менѣе давленіе ея, конечно, чувствовалось и на отдѣльныхъ разсказахъ и подробностяхъ. Повѣсть изъ жизни

¹⁾ См. «Гол. Минув.» № 1—5.

революціонеровъ, о которой будетъ рѣчь въ дальнѣйшихъ замѣткахъ, была, очевидно, брошена по полной своей нецензурности для половины восьмидесятыхъ годовъ. Можетъ быть, по той же причинѣ не осуществился рассказъ «Овечьи слезы», о которомъ говорилось въ приведенномъ нами выше письмѣ къ Успенскому Н. П. Орлова. Въ статьѣ г. Розенберга «Успенскій въ годы безвременья» указано, какъ сильно пострадалъ очеркъ «Пока что» (2-е изд., т. I, стр. 1150). Здѣсь имѣется высоко забавная сценка: случайные собесѣдники на пароходѣ уперлись въ неразрѣшимые вопросы современности, для всѣхъ равно больные и мучительные, и могутъ въ заключеніе прибѣгнуть только къ мимикѣ и къ выразительнымъ «Тутъ-то вотъ оно и есть!» «То-то вотъ и оно-то!»... Первоначально это была живая и большая бесѣда по поводу извѣстныхъ дялиновскихъ циркуляровъ, преграждавшихъ доступъ къ образованію «кухаркинымъ дѣтямъ», бесѣда, полная истиннаго драматизма...

Еще больше урѣзокъ найдется въ отдѣльныхъ подробностяхъ и частностяхъ, и иногда въ нихъ чувствуются также цензурныя соображенія. Вотъ, напр., ранній рассказъ «Остановка въ дорогѣ» (О. З. 1868 г., № 7), вошедшій въ собраніе сочиненій (2-е изд., т. III, 38) съ особенно значительными передѣлками и цензурными смягченіями. Въ одной изъ главъ фигурируетъ сельскій священникъ, который именуется не священникомъ, а «наставникомъ»; въ журналѣ говорилось, что онъ былъ похожъ на «бабу»; въ собраніи сочиненій говорится, что въ немъ «было много женственнаго», и т. п.

Вообще, этотъ рассказъ подвергся значительнымъ передѣлкамъ и сокращеніямъ, отъ которыхъ несомнѣнно потерялъ въ своей красочности. Сокращена, напр., пѣсня о киселѣ, подробности которой—опущенныя—не менѣе характерны, чѣмъ уцѣлѣвшія: опущено, какъ рыбы взбунтовались отъ киселя: «одна рыбка удала въ Тулу просьбу подала», но въ Тулѣ ее прежде всего спрашиваютъ: «за что тебя бить-колѣтить?»... Жалобы кондуктора изображали весьма живописно, какъ провалился на пріемномъ экзаменѣ его сынъ, не умѣвшій отвѣтить, что такое корова? и о «скелетахъ», но онѣ сокращены. Мастеровой, бурлившій въ лодкѣ и угрожавшій ее опрокинуть, въ журналѣ успѣвалъ сообщить цѣлую высоко-комическую исторію своего неудачнаго сватовства, приведшаго его къ запою.

Въ томъ же рассказѣ исчезли или смягчены несуразные проекты управляющаго барскимъ имѣніемъ, который ихъ измышляетъ (по освобожденіи крестьянъ) для поднятія упавшей доходности имѣнія, питаемой только крѣпостнымъ трудомъ. Въ журналѣ

управляющій изъясняетъ случайнымъ новымъ слушателямъ: «устраивается деревянная башня для обзору; имѣемъ намѣреніе, съ теченіемъ времени, провести телеграфъ съ башни на колокольную и въ контору, дабы давать взаимные сигналы. Равно и для набатовъ»; имъ же изобрѣтаются паровыя грабли. Въ текстѣ собранія о телеграфѣ нѣтъ ни слова, а «грабли съ паровымъ краномъ» собственного изобрѣтенія превратились просто въ грабли.

Исчезли нѣкоторые эпизоды и въ «Тише воды, ниже травы». Вотъ болѣе характерный примѣръ.

Сестра рассказчика показываетъ школу брату, въ присутствіи Семена Андреевича, который разсуждаетъ:

«...У насъ какіе есть мастера,—ты ему твердишь, надсѣдаешься: подлежащее, подлежащее,—а онъ тебя-жъ надуеъ въ лавкѣ...

Я молчалъ, потому что Семенъ Андреевичъ продолжалъ:

— Да это еще что... Вы повѣрите мнѣ,—къ намъ однажды привели опредѣлять мальчишку; спрашиваю: какъ твое имя, а онъ брехать принялся... Т.-е. просто по собачьи—гамъ, гамъ... Что ни спросишь. Ну, собака да и только... Среди урока станеть на парту, на четвереньки—лаеъ... Вотъ исторія-то!.. Маленькій этакой клопъ, что вы съ нимъ подѣлаеъ... Говорю: гдѣ это вы такого вырастили, что себя отъ собаки отличить не можетъ? Да онъ у насъ, батюшка, сирота... Должно быть, гдѣ-нибудь въ канурѣ съ собаками росъ,—вотъ вы и дѣлаеъ изъ него человѣка!

Съ этимъ я ужъ не могъ не согласиться: дѣйствительно, мудро сдѣлать человѣка помощію логическаго разбора стиховъ.

— Это правда, сказалъ я.—Что-жъ теперь съ нимъ?

— Да что-жъ съ нимъ дѣлать... ходить... Махнешъ этакъ перчаткой около его морды,—ну, поймаеъ зубами... Смѣхъ!... Н-нѣтъ, батюшка... Это хорошо разговаривать... Поди-ко, поворочай!... Я ей Богу удивляюсь Марьѣ Петровнѣ, какъ еще они справляются... Почти все одни...»

Или вотъ эпизодъ, выпавшій изъ «Деревенскаго дневника» въ собраніи сочиненій (въ журналѣ изъ очерковъ подъ названіемъ «Люди и нравы»—съ подзаголовкомъ «деревенскіе жители»—Отеч. Записки, 1877, № 10).

По наблюденіямъ Успенскаго, старыхъ баръ въ деревнѣ вспоминаютъ только «утомленіемъ отъ этой возни съ людьми, которые не знаютъ, что дѣлаютъ, и бьютъ его, несчастнаго (мужика), и плюютъ, и ругаютъ, такъ зря, безо всякой причины», «ни за что» (Соч. т. II, стр. 8). Далѣе опущенъ слѣдующій эпизодъ:

«Разсказывалъ мнѣ одинъ слѣпинскій мужикъ такую исторію про стараго барина или, вѣрнѣе, исторію своей конюшни...

— При старомъ еще, при дѣдушкѣ, тоись, нынѣшняго то барина, Миколай то Миколаича... При старомъ, стало быть, Миколай Миколаичѣ... Пошелъ къ нему мой дѣдушка лѣску попросить, конюшню надо, молъ, строить, Миколай Миколаичѣ. А у насъ скота было—слава Богу. Убрались мы съ хлѣбомъ къ Успенью, спѣшить дѣдъ къ осени съ эстой съ конюшней. А ужъ и холодки пошли; дѣдушка скотинку берегъ, не давалъ ей зябнуть: бывало, чуть не вся изба зимой набита скотомъ—про сѣнцы и сарай и говорить нечего... Вотъ онъ и пошелъ къ барину, чтобы разрѣшилъ лѣску. «На что?»—Конюшню хочу строить!...—«Возьми!» Принялись мы рубить, возить, пошла у насъ стройка живымъ манеромъ; къ Покрову все начисто обладили, покрыли—и скотину ввели. И конюшню-то вывелъ дѣдъ—дворецъ. Почиталъ онъ скотинку—это что говорить: такой упокой ей уготовалъ—на! Вотъ хорошо. Вчера, такъ надо быть, поставили мы въ конюшню скотину, а нониче (будемъ такъ говорить) случилось мимо насъ барину ѣхать... Глянулъ такъ-то:—«А! что такое?... чье?»—Наше, говоритъ дѣдъ; конюшенку, батюшка, вашими милостями выстроили.—«А спрашивался, говорить?»—Какъ же, батюшка, спрашивался, это, т.-е. насчетъ лѣсу... Помычалъ что-то баринъ про себя, а наутро, только что было умылись, помолились—хватъ, подѣзжаетъ къ нашему дому двадцать четыре подводы. «Что такое, зачѣмъ, Господи помилуй!»—Съ господскаго двора, свозить конюшню. Барину понравилась. Туда-сюда—и Боже мой, и на глаза прикащики къ барину не пускаютъ... Что будешь дѣлать?... Свезли, сломали... А ужъ заморозки пошли настоящія, такъ что и совсѣмъ морозы по ночамъ бывали... Реветь скотина. На дѣдушкѣ лица нѣту... кипить у него ретивое... Опять идетъ къ барину, опять въ ножки... (что было то)! само собой—«лѣску!» Далъ, и такъ, что еще больше далъ, чѣмъ въ первый разъ... Опять мы принялись топорами звонить, и опять вторая конюшня поспѣла. Вывели мы, братецъ ты мой, эво—какія палаты, обомшили и оконопатили—чистый рай для скотины... вверху сѣна вали хоть тысячу пудовъ. Любилъ скотину дѣдушка, берегъ, покойникъ, дорожилъ... Недѣли не прошло, опять ѣдутъ разбирать... Фу ты, Боже мой, что такое! Ужъ тутъ чисто креста нѣтъ ни капельки... Ужъ тутъ дѣдъ себя не помнилъ, взвылъ, какъ волкъ, ошетинился—чисто звѣрь!... «Понравилась»... да и шабашъ.—«Да Господи помилуй! говоритъ дѣдушка:—ай у барина-то лѣсу нѣту. Пусть прикажетъ, такія ли мы ему хоромы выведемъ... Ужъ что же это такое завидовать мужицкому добру?» Лютовалъ дѣдъ и убивался, а и вторую конюшню такимъ манеромъ сломали и перевезли на барскій дворъ.—«Ну, сказалъ дѣдъ:—ужъ въ третій разъ не пойду

кланяться этому безстыжему»... Такъ-таки «безстыжимъ» и назвалъ при прикащикѣ при самомъ, ей-ей!... «На свои кровные выстрою—пушай тогда подойдетъ». Заложились опосля того мой дѣдъ и отецъ, начисто, все до нитки заложили, все распродали что было, сбили денегъ, купили за двадцать пять верстъ старую ригу, у одного дворника, лѣску прикупили—опять конюшня готова, и еще того лучше вышла, право слово... «Ну, теперь подходи, баринъ!»... сказалъ дѣдъ, и ждетъ что будетъ, лютей лютаго звѣря... Да и деревенскіе-то наши мужики тоже любопытствуютъ, что выйдетъ... И случись что, именно постояли бы за дѣда. Идутъ.—«Къ барину ступай!»—«Ты опять выстроилъ конюшню?»—«Такъ точно!»—«Какъ же ты у меня не спросился?»—Тутъ и сталъ дѣдъ стыдить барина, не вытерпѣлъ: «завидушіе твои глаза, говоритъ, ай у тебя добра мало! скажи только, не такую конюшню выстроимъ... Вздумалъ разорять мужика... есть-ли на тебѣ крестъ?... Ужъ не хочешь ли и эту отнять конюшню-то? Такъ опосля этого не баринъ ты, а безстыжій человѣкъ!»... Такъ устыдилъ онъ барина, страсть, и топалъ-то онъ, и кричалъ-то, «живымъ зарю въ землю», и въ бороду-то лѣзъ, а дѣдъ все свое, пронялъ барина, вогналъ его въ стыдъ... И съ этого стыда-то приказалъ баринъ дѣдушку драть... Шибко били старика, а конюшню оставили... Поди вотъ что было!».

Такъ, авторъ безпощадно выкидывалъ и штрихи, и черты, и цѣлыя страницы, на которыхъ искрился его прирожденный юморъ. Извѣстно, что съ Глѣбомъ Успенскимъ повторилось то же, что было съ Гоголемъ, и что потомъ случилось съ Чеховымъ: свойственный имъ даръ смѣха гасъ съ годами, но Успенскій еще явно и самъ гасилъ его, въ угоду требованій серьезности, какія и самъ себѣ ставилъ, и какія слышалъ отъ критики и людей, мнѣніемъ которыхъ дорожилъ.

Такъ, съ избыткомъ юмора безпощадно и расправлялся Г. Успенскій при передѣлкахъ и редактированіи своихъ сочиненій. Помимо того, не говоря о цѣлыхъ очеркахъ («Злые Новости», О. З. 1875 г.), исчезали безслѣдно цѣлыя страницы публицистическихъ разсужденій, иногда составляющія только повтореніе того, что было сказано въ другихъ мѣстахъ, но иногда и представляющія нѣчто оригинальное, съ чѣмъ приходится считаться для опредѣленія во всей полнотѣ дѣятельности и настроеній Успенскаго.

Иногда исчезаютъ подробности, касающіяся самого хода разсказа, а не только детали, которыми можно пожертвовать ради сжатости. Такъ, въ журнальномъ текстѣ «Тише воды ниже травы» имѣется сцена, изображающая похищеніе сектантами съ кладбища

гроба ихъ «мученика». Она исчезла изъ текста въ собраніи сочиненій, можетъ быть потому, что показалась Успенскому слишкомъ мелодраматической. Зато съ другой стороны въ собраніи сочиненій попадаются сцены и положенія, которыхъ нѣтъ въ журнальномъ текстѣ. Такъ, въ «Раззореніи», въ журнальной редакціи; отсутствуетъ заключительная сцена, смерть музыканта Вани, трогательное и сильное завершеніе всего этого въ достаточной мѣрѣ слабого произведенія, обличающее мастера-художника, какимъ мы знаемъ Успенскаго въ пору зрѣлости его таланта—въ семидесятые годы и начало восьмидесятыхъ (при-мѣрно, начиная 1884 г.).

Иногда, какъ въ обработкѣ «Тише воды, ниже травы», передѣлки и сокращенія, не исключая и приведенныхъ выше, какъ бы ни казались цѣнными исчезнувшіе отдѣльные штрихи, вполне оправдывались художественною цѣлью—усиленіемъ впечатлѣнія при сжатости. Такъ было, однако, не всегда. Печать отдѣлки, которая легла на произведенія Успенскаго, когда онъ выпускали первое собраніе, была въ большинствѣ случаевъ къ выгодѣ самыхъ произведеній. Но исправленія и передѣлки текста для второго изданія (конецъ 80-хъ г.г.) заставляютъ жалѣть о порчѣ авторомъ первоначальнаго текста. Въ такомъ измѣненномъ видѣ много потеряла «Остановка въ пути», вся состоящая изъ отдѣльныхъ штриховъ и случайныхъ наблюдений, только внѣшней нитью связанныхъ. Нѣкоторыя же статьи были перекроены и передѣланы авторомъ до неузнаваемости. Для примѣра надо указать статью, появившуюся въ II томѣ подъ заглавіемъ «На Кавказѣ» (стр. 122). Это полная передѣлка статей 1885 г. «Изъ путевыхъ замѣтокъ», въ томъ числѣ и той статьи, которая подала поводъ къ выпадѣ противъ Успенскаго со стороны Оболенскаго. Также передѣлана и статья «Непривычное положеніе» (т. III, 188), и др. Въ условіяхъ спѣшной работы, при крайнемъ переутомленіи и тяжкомъ нервномъ разстройствѣ, предвѣстникъ грозной душевной болѣзни. Успенскій, можно сказать, кривилъ свои произведенія самыхъ первыхъ и самыхъ послѣднихъ лѣтъ своей литературной дѣятельности. При этомъ онъ слабыхъ вещей не исправилъ, а порою вытравилъ, подъ вліяніемъ случайныхъ настроеній, и то, что было бы возможно—на посторонній современный взглядъ—сохранить...

Въ архивѣ Успенскаго сохранилось (неотправленное, повидимому, по назначенію) письмо его, отъ 9 декабря 1888 г., адресованное Влад. Львовичу Поляку. Послѣдній завѣдывалъ редакцію «Волжскаго Вѣстника», казанской газеты, пользовавшейся въ тѣ годы, благодаря сотрудничеству въ ней Анненскаго, Коро-

ленка, Елпатьевского, А. И. Богдановича и др., нѣкоторую извѣстностью. Въ какой-то статьѣ Н. В. Рейнгардта «*О старомъ трансформистѣ*» (псевдонимъ Н. Г. Чернышевскаго) была ссылка на «кошку и мышку», фигурирующія у Гл. Успенскаго. Послѣдній и хотѣлъ своимъ письмомъ разъяснить, что ссылка на него неосновательна и ничемна. Дѣло, однако, не въ этомъ, а въ томъ, какъ самъ Успенскій разъясняетъ, по какимъ соображеніемъ онъ иногда дѣлалъ урѣзки и сокращенія въ своихъ статьяхъ.

Въ «Отечеств. Зап.» 1878 г. № 11 («Изъ деревенскаго дневника» Г. Иванова) былъ напечатанъ рассказъ о конокрадѣ, убитомъ крестьянами. Присяжные оправдали убійцъ. Авторъ вдумывается въ настроеніе присяжныхъ и въ настроеніе самихъ убійцъ, въ глазахъ которыхъ

«хозяйственный ореолъ лошади помрачалъ всякія соображенія о страданіяхъ человѣка, помрачалъ до того, что во имя этого лошадиного ореола, оказывалось позволительнымъ ухлопать человѣка, какъ собаку, и не чувствовать при этомъ ничего, кромѣ сознанія, что вотъ, молъ, «теперь стало на этотъ счетъ потише»...

«Признаюсь, всѣ эти соображенія произвели на меня не очень то пріятное впечатлѣніе, непріятное почти въ той же мѣрѣ, какъ и слѣдующая, видѣнная мною на дняхъ сценка. На крылечкѣ одной избы сидѣла женщина и ласково-преласково гладила кошку; кошечка была хорошенькая, молоденькая, очевидно, еще недостигшая кошачьяго совершеннѣйшаго: женщина ласкала и приговаривала: — «Умница! Вотъ ужъ умница, Пеструшечка... Мышку поймала! Первенькую!» А хорошенькая молоденькая кошечка, нервно виляя хвостикомъ, утирала лапкой окровавленный ротикъ... Я очень хорошо знаю, что нельзя допускать мышей безнаказанно распоряжаться въ кладовой, я, кромѣ того, рѣшительно не стою за мышиную автономію, но я не люблю и милыхъ наивныхъ мордочекъ, у которыхъ окровавлены миленькія, хорошенькія губки... Я бы не рѣшился гладить и ласкать эту невинную съ окровавленной мордой тварь, хотя и признаю, что тварь эта дѣйствовала на законномъ основаніи, хотя и понимаю, что столь равнее сознаніе своихъ обязанностей, какое обнаруживала молоденькая кошка, достойно всякаго почтенія»...

Этотъ эпизодъ и живописное сравненіе Успенскій вычеркнулъ въ собраніи сочиненій (т. II, стр. 116—117). Вотъ что говоритъ онъ въ вышеупомянутомъ письмѣ:

«Рассказъ о конокрадѣ, напечатанный въ «Отеч. Запискахъ» (и перепечатанный въ 5 т.¹⁾ съ сокращеніемъ) заключается въ томъ, что вся деревня убила конокрада, который, однакожъ, выросъ съ дѣтскихъ лѣтъ въ этой же самой деревнѣ. Онъ былъ сирота, и въ то время деревня не могла быть къ нему внимательна. Онъ шлялся тамъ и тамъ, сталъ поворовывать. А когда сталъ конокрадомъ, деревня его убила. На судѣ «весь міръ» былъ оправданъ. Нѣтъ, не виновенъ! ск. прис. (сказали присяжные). Конокрадъ это первѣйшій врагъ хозяйства. И то (,) что невиновны въ убійствѣ злодѣя, — совершенно понятно и суду и читателю (фактъ заимствованъ изъ дѣйств. суд. дѣла въ Сам. (арскомъ) окр. судѣ). Но когда

¹⁾ Пятый томъ перваго павленковскаго собранія.

все это кончилось,—«благополучно»—на деревнѣ стало спокойнѣй и тише.

«...Слава Богу! теперь потише стало! говорить чистосердечнѣйшій и добродушнѣйшій крестьянинъ, наслаждаясь этой тишиной, и *поглаживая бороду*. Вотъ тутъ-то и было прибавлено сравненіе съ кошкой, которая *облизывается и пріятно мурлычетъ послѣ того* (,) какъ слопала *мышь*. Она исполнила свой кошачій долгъ, *слопала* и лапками оправляетъ свою окровавленную *морду*, (за что «какая-то» женщина ее и гладитъ). Вотъ такое же впечатлѣніе оставили во мнѣ убійцы конокрада, оправданные судомъ. Рыла у нихъ, хотя и *невинныя* (какъ же не истребить врага всего общества?), однако казались мнѣ окровавленными,—Федюшка былъ сирота, на котораго въ его сиротствѣ они не обращали вниманія, а убить не задумались, когда онъ сталъ конокрадомъ, злодѣемъ. Когда я писалъ этотъ разсказъ, я искренно ненавидѣлъ этихъ подлецовъ мужиковъ. Подлецовъ и злодѣевъ я и теперь ненавижу,—но съ тѣхъ поръ «кто виновать?» стало пониматься много многосложнѣе. Такимъ образомъ, когда этотъ разсказъ печатался въ 5 томѣ, я пожалѣлъ мужиковъ и выбросилъ параллель съ окровавленной мордой кошки, облизывающей и отирающей лапками кровь съ своей морды. Въ пятомъ томѣ, на который ссылается Н. В.,—*нѣтъ*, поэтому, *ни кошки, ни мышки*,—а остался одинъ мужикъ, который поглаживаетъ бороду, да намекъ на то, что фizioномія у него *не чиста*. Если бы Н. В. цитировалъ *по подлиннику*, т.-е. по «Отеч. Запискамъ»,—то этого факта ему совершенно не было (бы) надобности приводить въ доказательство правоты своихъ идей. Да весь Федюшка—сама борьба за жизнь и всю жизнь. Если же бы онъ въ самомъ бы дѣлѣ раскрылъ 5-ый томъ,—то тамъ бы онъ не нашелъ ни кошки, ни мышки. А вѣдь не дрогнула рука, во-первыхъ—уличить меня предъ читателями въ томъ, что я говорю сущую чепуху, глупость, и въ то же время плюнуть мнѣ въ лицо пустопорожней фразой «чрезвычайно симпатичнаго писателя». Вотъ и живи на свѣтѣ. Я на Н. В. не имѣю претензіи никакой,—но меня поражаетъ обиліе этихъ пустопорожнихъ фразъ и поступковъ. Зачѣмъ все это? Вотъ что непостижимо»...

Въ этой впечатлительности,—одинъ разъ заставившей пожалѣть больше несчастнаго Федюшку, а въ другой разъ—его убійцъ—узнается весь Успенскій. Будущій редакторъ полнаго собранія сочиненій, подбирая для отдѣла дополненій къ основному тексту, безчисленные варианты, въ этихъ вариантахъ не разъ натолкнется на подобныя колебанія настроеній писателя, освѣщающія его личность и творчество.

IX. Уничтоженная повѣсть Гл. Успенскаго и схема очерка «Выпрямилъ».

Въ воспоминаніяхъ Н. К. Михайловскаго о Г. Успенскомъ (Рус. Богат., 1902, мартъ и «Послѣдн. сочиненія», Спб. 1905, II, стр. 190—191) сообщается, что онъ не разъ бросалъ планы произведеній «не только въ послѣднее время, когда усталость все больше и больше одолѣвала его, а и гораздо раньше, въ молодую пору пробужденія, а затѣмъ и расцвѣта его таланта... Между прочимъ, его въ половинѣ семидесятыхъ годовъ очень занимала мысль о романѣ или повѣсти, которую онъ уже принялся было писать, которой и заглавіе было придумано («Удалой добрый молодецъ»), но которой онъ такъ и не написалъ.» Изъ цитированнаго Михайловскимъ письма видно, что въ центрѣ повѣсти Успенскій имѣлъ въ виду поставить «нѣчто въ родѣ Л.» (Германъ Лопатинъ).

Слѣдовъ этого замысла въ бумагахъ Г. Успенскаго не сохранилось. Но сохранился отрывокъ, повидимому, относящійся къ *восьмидесятымъ годамъ* изъ повѣсти или разсказа, дѣйствіе котораго должно было происходить въ той революціонной средѣ, въ которой и вращался Г. Лопатинъ. Этотъ отрывокъ представляетъ начало большого письма революціонера-самоубійцы. Уходя изъ жизни, онъ озабоченъ тѣмъ, чтобы товарищи по дѣлу правильно его поняли и не отнесли на счетъ дѣла то, что должно быть отнесено на счетъ личной непригодности для революціонной работы автора письма.

Отрывокъ этотъ написанъ на почтовомъ листѣ обыкновеннаго малаго формата. Вверху справа листокъ помѣченъ цифрою 19. Исписано три страницы листка, четвертая чиста. Внѣшній видъ листка сравнительно свѣжъ. Въ связи съ тѣмъ, что вообще въ семейномъ архивѣ Успенскихъ ничтожно количество писемъ и рукописей, писанныхъ до 1880 г.г., это также подтверждаетъ, что отрывокъ позднѣйшаго происхожденія, нежели замыселъ «Удалого добраго молодца». Быть можетъ, это остатокъ повѣсти «Овечьи слезы», о которой упоминается въ письмѣ Н. П. Орлова («Гол. Мин.», апрѣль).

«Солнце клонится къ западу, мой дорогой другъ, Сергѣй Николаевичъ, а восхода его я уже не увижу! Простите, что вчера я обманулъ Васъ,—такъ надо было. Мнѣ нечего ждать пріѣзда Сел.: видѣться съ нимъ лично я и не желаю, да и надобности не нахожу; въ обезпеченіе же его интересовъ оставляю долговую

записку на имя К. Н., составленную по указаніямъ послѣдняго. Болѣе гарантировать правъ Сел. я не могу. *Тороплюсь же развязкой потому*, что считаю лѣтнюю глушь самымъ удобнымъ временемъ для нея: моего самоубійства почти никто не замѣтитъ. Знаютъ меня сколько нибудь дюжины двѣ личностей, изъ коихъ половина знаетъ настолько хорошо, что врядъ ли даже особенно удивится, узнавъ о моемъ концѣ. Что же касается до другой половины, то врядъ ли, по причинѣ пребыванія внѣ Петербурга, кто нибудь обратитъ вниманіе на мою смерть и если и обратитъ, то я въ письмѣ къ Ленѣ изложилъ всѣ причины моего самоубійства. Прочтите, пожалуйста, это письмо, сообщите содержаніе его моимъ и вашимъ друзьямъ, а также и вашему тезкѣ, съ которымъ я былъ связанъ цѣлымъ рядомъ обязательныхъ отношеній. Всѣ послѣднія я теперь прерываю, а посему и считаю себя (обязаннымъ?) выяснить причины сего.

«Вообще я не думаю, чтобы моя смерть могла имѣть деморализующее вліяніе на товарищей. Вы сами, столько разъ подслушивавшій мои стоны, видѣвшій мои предсмертныя агоніи, можете удостовѣрить, что я рѣшился на подобный выходъ только послѣ долгой тяжелой борьбы и,—я говорю это предъ близкой смертью,—я вышелъ изъ нея просвѣтленный и очищенный. Я умираю спокойно, тихо. Я приравниваю себя къ солдату, вышедшему на войну съ чахоткой въ груди, израненному на войнѣ. Если онъ не въ состояніи итти рядомъ съ товарищами; если онъ противъ своей воли нарушаетъ порядокъ и дисциплину или, наконецъ, его стоны могутъ смутить товарищей—то развѣ онъ не правъ застрѣливаясь? Вѣдь это показываетъ только, что онъ не хочетъ отдаться въ руки враговъ и не хочетъ остаться на пути одному, чтобы медленно гнить.

«Самоубійство такъ тяжело дѣйствуетъ лишь потому, что предполагаютъ духовное паденіе человѣка еще прежде его смерти. Мнѣ кажется, по изложеннымъ въ письмѣ къ Ленѣ причинамъ, что у меня этого нѣтъ. Напротівъ, снова повторяю, я теперь чувствую себя чище и лучше, чѣмъ всегда. Почему же моя смерть должна навести на товарищей уныніе? Я имѣю много причинъ стыдиться многого въ моей жизни, однако, Вы не отвѣтывались при жизни отъ меня; но я не вижу причины стыдиться моей смерти.

«Я понимаю, что только человѣкъ, близко знавшій меня, можетъ притти къ такому выводу, къ какому пришелъ и я, т.-е. что я не только *имѣю право*, но даже *обязанъ* былъ умереть. Но лица, мало меня знавшія, вѣроятно и не обратятъ вниманія на мою смерть; лицамъ же, въ самомъ дѣлѣ знавшимъ меня, и посему удивленнымъ и огорченнымъ моей смертью,—Вы сами

объясните причины оной; не стѣсняйтесь деталями—мнѣ уже не придется за себя краснѣть.

«Говоря по совѣсти, въ одномъ лишь я признаю себя *глубоко виновнымъ* предъ Вами и всѣми другими товарищами: въ легмыслии, по милости котораго я не сообразилъ, какія нравственныя требованія возлагаетъ на меня новая дѣятельность и въ состояніи ли я имъ удовлетворить? Признавая себя несомнѣнно виновнымъ, я все же прибавлю, что подобные вопросы были не чужды мнѣ 1½ года тому назадъ, во время перваго знакомства съ Влад. Алек. Спросите его,—онъ подтвердитъ Вамъ, что я съ искреннимъ, неподдѣльнымъ сокрушеніемъ рассказывалъ ему мою печальную исторію, и прямо ставилъ вопросъ,—могу ли я удовлетворить тѣмъ нравственнымъ требованіямъ, какія ставилъ онъ? Онъ тогда меня успокоилъ, и чрезъ то сдѣлался участникомъ моей вины предъ всѣми Вами. Но я, по совѣсти говоря, не думаю, чтобы моя близость со всѣми Вами, повредила Вамъ. Если же и повредила, то, вѣроятно, очень незначительно. Вы знаете, С. Н., что я и при жизни мало обращалъ вниманія на внѣшнюю обстановку своей жизни; тѣмъ менѣе интересуется та обстановка, въ которую попадетъ мой трупъ. Но, *каюсь въ этомъ*, какъ при жизни я былъ очень равнодушенъ къ своей доброй славѣ, такъ и теперь мнѣ больно и тяжело думать, что Вы всѣ, или кто нибудь изъ Васъ осудить меня за мою смерть, обвините въ малодушіи, эгоизмѣ, самолюбіи. Но еще болѣе ужасно было бы думать, что я чѣмъ-то повредилъ Вамъ моей смертью. Но, снова повторяю, если Вы не обвините меня за мое легкомысліе, то, по моему, другихъ обвиненій мнѣ бояться нечего.

«Мы оба съ Вами знаемъ и К. Н. и Иван-скую, значить слыхали отъ нихъ обоихъ рассказы о провинціалахъ, держащихся нашихъ взглядовъ и оказывающихъ плохую услугу дѣлу своими поступками. Я, вѣдь, рисковалъ опуститься гораздо ниже этихъ несчастныхъ людей. Я и теперь (какъ я объяснялъ въ письмѣ къ Лелѣ) начинаю утрачивать живое нравственное чувство».

Этотъ отрывокъ прежде всего напоминаетъ о самоубійцѣ-революціонерѣ Неждановѣ Тургенева. Даже самое начало въ лирическомъ тургеневскомъ тонѣ. Вѣроятно, не случайно именно этотъ листокъ уцѣлѣлъ въ бумагахъ Успенскаго. Онъ могъ быть оставленъ въ нихъ намѣренно, какъ напоминаніе о центральномъ моментѣ рассказа. Такимъ образомъ, героемъ повѣсти оказывается, въ противоположность болѣе раннему замыслу, не «удалой, добрый молодецъ», а революціонеръ-неудачникъ. И онъ заставляетъ вспомнить всю серію неудачниковъ того же склада,

которыхъ изображалъ Успенскій, начиная съ Черемухина и героя «Тише воды, ниже травы», продолжая Долбежниковымъ и корресподентомъ «иностранца» (это одно и то же лицо) и кончая Тяпушкинымъ. «Люди воли» не давались ему. Герои Успенскаго неизмѣнно винять въ томъ, что они лишніе люди, самихъ себя, собственную свою непригодность, дряблость. Историки винять историческую и бытовую среду, создавшую и воспитавшую неудачниковъ.

Почему была не окончена или уничтожена эта повѣсть? Надо думать, что, взявшись за изображеніе людей революціонной среды, съ которыми онъ не разъ встрѣчался, писатель вдругъ почувствовалъ, что—помимо совершенной нецензурности темы—онъ не можетъ отнестись къ ней съ достаточною ясностью для самого себя, потому что чувствовалъ и притяженіе къ ней и отталкиваніе... Складывалась новая редакция тургеневской «Нови»,—свое же собственное отношеніе не опредѣлялось въ процессѣ работы надъ предметомъ слишкомъ большимъ для сердца, и такъ—работа была брошена въ срединѣ... Нѣсколько позднѣе Успенскій называлъ революціонные заговоры конца 70-хъ и начала 80-хъ годовъ «ужаснѣйшей истерикою (курсивъ Успенскаго), которая надолго пришибла сплошь все русское общество» (т. III, стр. 430). Надо думать, что переживать сызнова эту «истерику» Успенскій почувствовалъ себя просто не въ силахъ.

Въ письмѣ В. Н. Фигнеръ къ А. В. Успенской отъ 25. XI 1904 г. между прочимъ сообщено: «Быть можетъ, вы не знаете, что еще въ 84 г., во время суда, Глѣбъ Ивановичъ просилъ мою сестру передать мнѣ, что «онъ мнѣ завидуетъ»... Я выслушала тогда эти слова со смѣшаннымъ чувствомъ удивленія и грусти». Помимо простого смысла этихъ словъ, какъ утѣшенія и поддержки, они, конечно, отголосокъ того взгляда, какимъ Г. И. смотрѣлъ на нѣкоторыхъ народовольцевъ, взгляда снизу вверхъ, какъ на людей воли и подвига. Но въ то время, какъ напримѣръ Н. Н. Златовратскій довольно легко писалъ—правда, весьма натянутыя и риторическія—фантастическія сказки во славу народниковъ, а Степнякъ написалъ нѣсколько романовъ, Успенскій отступилъ въ концѣ-концовъ отъ изображенія народовольческой среды какъ отъ задачи слишкомъ трудной. Объясненіе лежитъ, сколько намъ кажется, всецѣло въ томъ, что само-то народовольчество, какъ программа и теорія, было ему, прежде всего художественному организму, довольно чуждо. Объ этомъ мы довольно подробно говорили въ нашихъ статьяхъ о Г. Успенскомъ въ «Русской Мысли»¹⁾.

¹⁾ Срав. замѣчанія Е. Е. Колосова по поводу этихъ статей въ «Сибирской Жизни» 1913 г. №№ 269 и 282, 1914 г. № 39. *Ред.*

Знаменитое «Выпрямила», съ извѣстной фигурой «дѣвушки почти монашескаго типа», подъ которою, какъ извѣстно, была прозрачно намѣчена В. Н. Фигнеръ, также въ концѣ-концовъ говорить о желанномъ типѣ человѣка, а не дѣятеля или партійнаго работника. Чисто этическій мотивъ здѣсь первенствуетъ, какъ во всемъ творествѣ Успенскаго.

Приводимъ здѣсь же первоначальный черновой набросокъ этого очерка. Здѣсь, во-первыхъ, документально подтверждено, что Успенскій, дѣйствительно, имѣлъ въ виду въ очеркѣ В. Н. Фигнеръ. Во-вторыхъ, эта схема принадлежитъ къ ничтожному числу сохранившихся матеріаловъ для изученія процесса творчества писателя. Обычно, Г. Успенскій писалъ безо всякихъ подготовительныхъ черновиковъ, а немногочисленные сохранившіеся представляютъ только брошенные начала статей. Въ схемѣ «Венеры Милосской» мы имѣемъ, едва ли не единственный, почти полный скелетъ, заранѣе подготовленный, будущаго законченнаго произведенія.

Изъ этой схемы, между прочимъ, видно, что хотя Успенскій и отнесъ «Выпрямила» къ запискамъ своего Тяпушкина, но очеркъ этотъ непосредственной связи съ этимъ героемъ не имѣлъ. Схема набросана на двухъ маленькихъ листахъ веленовой почтовой, бумаги, изъ которыхъ одинъ исписанъ нервнымъ торопливымъ почеркомъ весь, а во второмъ начата только одна страничка.

Венера Милосская.

(Зачеркнуто: «Изъ деревенскаго дневника» и «изъ воспоминаній несчастнаго человѣка»).

(О черкъ).

1.

Смерт. скука. Все плохо нескладно, жѣстко, бесплодно, темно надоѣдливо. И такъ вся жизнь прошла, пройдетъ, безобразно и бесплодно. Кто то радуется что въ Вяткѣ мужики дѣлають очень хорошія перчатки. А вотъ косы оказывается не дѣлають, покупають въ Австріи.

Былъ темный, осенній деревенскій вечеръ. По разнымъ обст. мнѣ пришлось пробыть въ деревнѣ одному, и въ грустѣйшую минуту жизни. Было нѣчто что заставляло чувствовать полное одиночество; все вокругъ меня какъ то разбрелось, распалось... И 20 разъ я самъ спрашивалъ себя.

Случилось какъ то такъ, что два три осеннихъ и начало зим-

нихъ мѣсяцевъ пришлось мнѣ прожить въ деревнѣ одному. Это были тяжелые дни. И вотъ выдался вечеръ, когда тоска совсѣмъ меня задушила. Все мнѣ въ жизни, и моей, въ окружающей,—казалось тяжелымъ и бессмысленнымъ сномъ. Нечего было вспомнить такого, на что можно бы было сказать: «вотъ была минута!».

Нечего вспомнить, все тяжело, несчастно (?), глупо до сегодня, до сей минуты...

Пришелъ мужикъ, но онъ до того мнѣ опротивѣлъ своей глупостью безконечной, что я даже попросилъ его уйдти спать, и ночью я вдругъ вспомнилъ, что-то свѣтлое—свѣтлое, что-то такое, что я тогда же сказалъ:

— Нѣтъ, у меня была хорошая минута.

И что-то знакомое мелкнуло, и я открылъ глаза.

2.

Свѣтъ брезжилъ,—а въ такой тоскѣ радъ свѣту,—слава Богу день начинается, день, а ночь уходитъ,—днемъ все лучше. И сталъ ... неотступно думать, что это такое я видѣлъ? Я такъ долго зажилъ въ деревнѣ, такъ долго нехор. впечатлѣнія напримѣръ, что трудно—трудно мнѣ было выб. на дорогу. Когда—гдѣ?... Прип. (омнилась) мнѣ баба... прип. (омнилась) мнѣ Ф... и я какимъ то тайнымъ путемъ наконецъ вспомнилъ, что и баба, и Ф. припом. мнѣ потому, что гдѣ то тамъ, въ глуб. души сохран. какое то чудное воспоминаніе—которое иногда на бабу и В. (Н.) и въ нихъ припомнилось какими то чертами—и... отмѣтивъ эти черты въ бабѣ и въ Ф. я понялъ тогда, что это свѣтлое и чудное есть Венера Милосская, давнымъ давно видѣнная мною въ Парижѣ.

3.

Еще минута и я вспом. Да! это она! Это тамъ я впервые узналъ прелесть того, что пот. понялъ въ бабѣ и Ф., но что за ... что за размѣры прелесть. Расскажу какъ было дѣло. Поѣз. за границу. Новизна... ...брод. рестораны... Нравилось, что не врутъ... Ко всему этому гуляющій тонъ дня.—Смотрѣть, пробовать, любоваться. Праздникъ ...(новизны?) и въ одинъ изъ такихъ дней зашелъ въ Лувръ.

4.

Свѣтъ. Свѣтъ. Свѣтъ. Что-то потрясло меня и что-то прояснѣло, потрясло такъ какъ бываетъ во снѣ, когда человѣкъ ра-

стетъ и я—почувствовалъ, что я выросъ, что мнѣ стало вдругъ *совѣстно*... всего на свѣтѣ.

Парижъ огромн. и огромный Лондонъ вдругъ какъ то сгустились до размѣровъ бедкеровскаго плана... Какъ мухи, вши, грязь, вонь, смрадъ, кровь, шарлатаны, топорная грубость, слезы, нищета и напряженное желаніе не показать горя...

5.

Отчего эта статуя меня потрясла. Я не зналъ, но я ежесекундно, ни днемъ ни ночью, не могъ отрѣшиться отъ той безкон. мысли новаго, важнаго, безконечно великаго, что я получилъ, неожиданно, что обязанъ былъ понимать, и не могъ понять. Но это—было огромно. Что въ ней такого? Отчего она такъ ужасно меня *обогатила* чѣмъ то, такъ проняла меня, выпрямила такъ, что хрустнули кости и стало велико и...

И не понималъ... Но не понимая я чувствовалъ, что обязанъ *вести* себя въ высшей степени деликатно по отношенію къ этой дамѣ. Я не зналъ что это, въ чомъ тутъ дѣло, но чув. что тутъ дѣло огромное.

Я не зналъ, не могъ опредѣлить, сказать—что тутъ хорошаго и великаго. И если меня спра(шивали?)—не м. отв. (ѣтить) кромѣ чего-нибудь об.(общаго). «Да замѣчательно, чудно! удивительно Вотъ гдѣ красота!» и т. д.

Но нѣтъ—она вовсе не красива. Мало того она калѣка—безрукая... А между тѣмъ я теперь зналъ, что выше и лучше этой безрукой калѣки—ничего нѣтъ въ мірѣ и не было никогда.

А въ чемъ тутъ дѣло опять таки мнѣ было неизвѣстно.

Разгов. какъ ее зарывали во вр. (емя) Комуны. Я при(шелъ) въ ужасъ...

— Что бы тогда случилось со свѣтомъ?

А въ чомъ дѣло—неизвѣстно!...

Къ этой схемѣ въ очеркѣ «Выпрямилъ» прибавлено въ сущности очень немного. Только ярче и детальнѣе подчеркнуто и развито впечатлѣніе статуи, и ощущение, въ наитіи художественнаго восторга, «выпрямленія» человѣческаго существа, развитъ *рѣзко* о пребываніи въ Парижѣ, существо же дѣла передано иногда тѣми же, что въ схемѣ, словами. Въ концѣ добавлена глава, уже полупублицистическаго характера, рационализирующая и объясняющая дѣло. Но въ схемѣ цѣликомъ дано все основное этого многозначительнаго разсказа Успенскаго, его исповѣди о задачахъ искусства, слитыхъ для него съ этическимъ и социальнымъ.

X. Глѣбъ Успенскій и Левъ Толстой.

Изъ коринѳеевъ литературы 60 и 70-хъ годовъ на художественную дѣятельность Успенскаго прямое и непосредственное вліяніе имѣлъ едва ли не одинъ Тургеневъ. Успенскій и вслѣдъ за нимъ Чеховъ блестяще развили форму «Записокъ охотника», вмѣстивъ въ нее все огромное содержаніе быстро развивавшейся русской жизни. Непосредственное вліяніе Тургенева улавливается также въ творествѣ Успенскаго въ обиліи «лишнихъ» людей, преемниковъ въ новой общественной средѣ «лишнихъ» дореформенной эпохи, и въ нѣкоторыхъ другихъ частностяхъ, особенно въ идеализаціи русской интеллигентной дѣвушки. Въ противоположность этому, между Успенскимъ съ одной стороны и Достоевскимъ и Львомъ Толстымъ съ другой—непосредственное вліяніе едва ли устанавливается, но зато съ бьющей въ глаза рѣзкостью бросается на видъ сродство нѣкоторыхъ ихъ настроеній.

О Достоевскомъ и Успенскомъ въ ихъ анализѣ особенностей склада русской интеллигенціи мы уже говорили. Совпаденія тѣмъ многозначительнѣе, что на Достоевскаго въ кругу Успенскаго смотрѣли прежде всего просто, какъ на юродиваго (см. воспоминанія о Д. г-жи Починковской). И точно такъ же цѣлый рядъ совпаденій самъ собою намѣчается, когда мы сопоставимъ съ Г. Успенскимъ Льва Толстого.

Еще задолго до того, какъ вопросы моральнаго порядка всецѣло и исключительно захватили Л. Н. Толстого, въ писаніяхъ Успенскаго мы наталкиваемся на образы и идеи, вполне родственныя позднѣйшимъ настроеніямъ Толстого. На первомъ мѣстѣ приходится назвать «правду нищеты», мысль о которой брошена Успенскимъ, изображавшимъ намъ цѣлую огромную галерею образовъ этой нищеты еще въ концѣ шестидесятыхъ годовъ («По черной лѣстницѣ», «Женскій Вѣстникъ» 1867 г., 2-е изд. соч. т. I, 902). Здѣсь Успенскій говоритъ (правда, лишь мимоходомъ) о «правдѣ нищеты и бѣдности», выработанной всѣмъ «чернымъ народомъ», покорной всему безропотно, и «только въ слезахъ и рыданіяхъ была она (одна изъ представительницъ этой нищеты) свободна, только въ нихъ высказывалась вся ея неподкупная, неизмѣримая, нравственная чистота». Тяжкій личный трудъ, несомый, наравнѣ съ безчисленными нравственными страданіями, этою массою бѣдности является также первостепеннымъ элементомъ въ правахъ ея на исключительное уваженіе (см. «Тише воды, ниже травы»). Эта идеализація всему покорной нищеты имѣетъ своеобразный апофеозъ въ превосходномъ произведеніи Успенскаго семидесятыхъ годовъ «Парамонъ юродивый» («Отеч. Зап.» 1877 г.,

№ 4). Здѣсь въ образѣ гонимаго юродиваго представленъ необыкновенно ярко, и просто въ то же время, «крестьянскій, мужицкій святой человѣкъ», весь—экстазъ святой дѣтской вѣры, настоящій калика переходящій русской земли ¹⁾. Онъ принесъ въ прозябаніе успеновщины сороковыхъ годовъ «радость чего-то новаго, незлаго, свѣтлаго и высокаго! Нѣчто *совсѣмъ постороннее* (курсивъ Успенскаго), чуждое нашему несчастному, холодному, боязливому влаченію жизни, пришло къ намъ, осчастливило насъ, оторвало наши мысли отъ земли, по которой мы ползали ползкомъ, подняло нашу уныло-согнувшуюся голову къ небу и звѣздамъ, неожиданно вошло въ сердце, заставило его сильнѣе биться, заставило грудь вбирать больше воздуха». Почти въ подобныхъ выраженіяхъ говоритъ Успенскій и о впечатлѣніи Венеры Милосской! И это можетъ служить мѣриломъ силы впечатлѣнія отъ Парамона. Но между парамоновскимъ странничествомъ, отрѣшеніемъ отъ всѣхъ мірскихъ узъ, какъ бракъ и паспортъ, и настроеніями толстовства, въ его чисто личномъ, анархическомъ уклоненіи отъ давленія и условій государственности существуетъ, конечно, глубокое внутреннее сродство. Какъ Л. Толстой съ восьмидесятыхъ годовъ, Успенскій, еще съ конца шестидесятыхъ годовъ и до конца дней своихъ, непримиримый врагъ государственнаго «порядка», симпатизирующий прежде всего своему «лѣнтяю», уклоняющемуся отъ всѣхъ проявленій новой русской государственности; всегда и вездѣ врагъ организованнаго насилія, въ которомъ не можетъ принять участія хотя бы даже въ безобидной формѣ службы по счетоводству на желѣзной дорогѣ. Хотя и близкій къ народо-вольцамъ-государственникамъ (потому что высоко цѣнили нѣкоторыя личности этой среды), Успенскій въ критикѣ русской интеллигенціи исходилъ отъ отрицанія служенія общему, предпочтительно предъ непосредственною отдачею себя ближнему, что есть въ сущности то же толстовство, цѣнящее и утверждающее лишь личную и непосредственную службу ближнему. И еще въ 1876 г. («Отеч. Зап.», № 9) въ «Хочешь не хочешь» (раньше тургеневской «Нови», пустившей въ ходъ слово «опрошеніе», такъ пришедшееся къ идеаламъ Толстого) Глѣбъ Успенскій далъ мастерской и глубоко жизненный правдивый образъ подлинно опростившагося человѣка: бывшій мучитель и живорѣзъ, баринъ, добровольно опустился въ среду своихъ бывшихъ крѣпостныхъ, учить дѣтей ихъ, помогаетъ имъ находить правду

¹⁾ См. В. В. Даниловъ. Литературные матеріалы и очерки. Рассказъ Успенскаго «Парамонъ юродивый». Варшава, 1908 г. Здѣсь между прочимъ указана статья чешскаго журналиста, сближающая непосредственно Парамона юродиваго съ Львомъ Толстымъ (стр. 46—47).

по судамъ и палатамъ. Наконецъ, статьи о власти земли, съ идеализаціей земледѣльческаго труда, какъ особливо гармоническаго и цѣннаго, совпали по времени съ окончательнымъ переломомъ во взглядахъ Л. Н. Толстого. Заключение этихъ статей, съ восторженнымъ удивленіемъ типу Платона Каратаева, окончательно сближаетъ Успенскаго въ его дѣятельности съ Толстымъ. Позднѣйшія заявленія Успенскаго, отрицаніе необходимости напряженной борьбы со зломъ, взамѣнъ чего нужно одно только прямое утвержденіе добра (статьи «Мы» въ «Рус. Вѣд.» 1887 г., 11 авг., цитировано въ нашихъ статьяхъ въ «Рус. Мысли»), не являются такимъ образомъ чѣмъ-то неожиданнымъ и нарушившимъ ходъ идей и настроеній Глѣба Успенскаго.

Должно, однако, замѣтить, что самъ онъ—стараясь довольно несвязно соединить мысли Михайловскаго и Толстого—временами крайне рѣзко протестовалъ противъ толстовскихъ мыслей, то обзывая ихъ «смердомъ» (письмо къ Соболевскому отъ Болгаріи), то радуясь освобожденію Эртеля отъ «толстовскаго скопчества», и т. п. Тотъ душевный кризисъ, которымъ Успенскій болѣлъ послѣднія сознательныя 10 лѣтъ своей жизни, переломъ отъ народническо-народовольческой идеологіи (за нее онъ, конечно, не мало поратовалъ) къ чему то новому, такъ и остался неразрѣшеннымъ.

Можетъ быть, личныя свиданія съ Львомъ Толстымъ помогли бы разрѣшиться этому кризису въ опредѣленную сторону. Они, какъ извѣстно, не состоялись. Изъ встрѣчъ конца восьмидесятыхъ годовъ В. Г. Короленко вспоминаетъ такой небольшой эпизодъ. «Войдя въ мой кабинетъ, онъ (Г. И.) увидѣлъ надъ столомъ большой литографированный портретъ Л. Н. Толстого.

Онъ долго задумчиво смотрѣлъ своими страдающими глазами въ суровыя черты портрета и потомъ сказалъ:

— Да! я вотъ давно собираюсь къ нему... Поговорить... о многомъ...

И потомъ улыбнувшись прибавилъ:

— Боюсь все. Огромный онъ... А все-таки соберусь... непременно... Вотъ укрѣплюсь и поѣду... поговорить... о многомъ...».

Молодые друзья Л. Н. Толстого въ этотъ періодъ настойчиво желали привлечь Успенскаго въ Ясную Поляну, считая его наиболѣе близкимъ къ Толстому изъ всѣхъ представителей литературы восьмидесятыхъ годовъ, и самъ Толстой былъ очень заинтересованъ Успенскимъ. Передаютъ его горячіе отзывы о Г. И., какъ писателѣ, необыкновенно правдивомъ и искреннемъ. Эртель въ страничкѣ дневника записалъ такой отзывъ: «этотъ не напишетъ,

какъ барыня возлежала на кушеткѣ и не изобразить кончикъ ея ботинка!» (*Гол. Мин.* 1913 г. № 2).

Подтвержденіемъ интереса Толстого и толстовцевъ къ Г. Успенскому служить въ особенности слѣдующее письмо извѣстнаго біографа Л. Н.—П. И. Бирюкова.

Долго-Хамовническій пер. № 15.

14-го января 1888 г.

Москва.

Дорогой Гл. Ив. Я на пути остановился на нѣсколько дней въ Москвѣ. Пристаю я теперь всегда въ домѣ Л. Н. Толстого. На дняхъ, вечеромъ, у него были гости. Л. Н. за чайнымъ столомъ попросилъ всѣхъ гостей желающихъ—слушать, а не желающихъ (зачеркнуто: уйти) не мѣшать—и прочелъ вслухъ вашу статью о паровомъ ципленкѣ. На всѣхъ она произвела сильное впечатлѣніе. Л. Н. расхваливалъ ее и любовался ею, какъ самымъ содержаніемъ, такъ мастерской формой. Особенно ему понравился господинъ въ резиновыхъ калошахъ и заключеніе. Мнѣ тоже статья эта очень, очень понравилась.

Простите меня, что я вамъ пишу все это. Я не думаю, чтобы для васъ могло имѣть большое значеніе мнѣніе какого-нибудь авторитета, а тѣмъ болѣе мое собственное или нѣсколькихъ неизвѣстныхъ вамъ людей. Я пишу вамъ это только потому, что мнѣ хотѣлось снова высказать вамъ то, что я уже говорилъ вамъ, что я чувствую много общаго въ мысляхъ, кот. высказываете въ вашихъ сочиненіяхъ вы и Л. Н., не смотря на различіе многихъ формъ. И потому я говорю и буду говорить, что и для всѣхъ людей, а особенно для васъ, писателей, нашихъ учителей, нужно не искать разницу во взглядахъ и мысляхъ и не придирается къ ошибкамъ вольнымъ и невольнымъ, а искать сходства, искать союза, единенія и общими силами служить людямъ, а не натравливать ихъ другъ на друга.

Лжей много, а правда одна, говоритъ пословица, и Л. Н. говоритъ, что онъ убѣжденъ, что всякій искренній человѣкъ съ нимъ согласенъ. Иначе и быть не можетъ.

Для взаимной помощи и единенія нужно общеніе, нужно знакомство, нужна не только внутренняя близость, но внѣшняя. Я былъ бы очень радъ за васъ и за всѣхъ, если бы вы, будучи въ Москвѣ, зашли и познакомились съ Л. Н. Знаю, что и Л. Н. вы бы доставили радость. Онъ нѣсколько разъ говорилъ мнѣ объ этомъ и всегда съ сочувствіемъ говорилъ о васъ.

Простите мнѣ еще разъ за это письмо. Уничтожьте поскорѣе его, если оно не пріятно вамъ, и повѣрьте мнѣ, что я не хотѣлъ

обидѣть васъ. Вы знаете, что я очень люблю Л. Н. И письмо это написалъ подѣ вліяніемъ такого же чувства къ вамъ.

П. Бирюковъ.

Разсказъ Г. Успенскаго «Паровой цыпленокъ» (появился въ «Рус. Вѣдомост.») основанъ въ значительной части на сущемъ недоразумѣніи: на ошибочномъ наблюденіи, будто куры, высиженные паромъ, не несутся. Это наблюденіе дало поводъ курятнику Глѣба Успенскаго прочесть цѣлую лекцію о куриной душѣ, нарождающейся, пока курица сидитъ на яйцахъ и думаетъ о своемъ романѣ съ пѣтухомъ. Лекція принадлежитъ къ комичнѣйшимъ страницамъ Успенскаго, но подсказываемые ею выводы, понравившіеся Толстому, очевидно, не весьма убѣдительны.

Упоминаемый въ письмѣ Бирюкова «господинъ въ резиновыхъ калошахъ», это—молодой помощникъ смотрителя станціи, мимоходомъ появляющійся въ разсказѣ. Онъ вмѣшивается въ разговоръ случайной группы простолюдиновъ о «душѣ», по поводу случая самоубійства на станціи. Это былъ молодой, веселый человѣкъ, только что получившій мѣсто, одѣвшійся въ форму... отъ нечего дѣлать, закуривая папиросу и радуясь самому себѣ, онъ бросаетъ на вѣтеръ только нѣсколько словъ—«Не пьянствуй, и не раздавай... Чортъ знаетъ что! Душа!»—Молодая жена и новый кипящій самоваръ, заполнявшіе его мысли, дѣлали его рѣчь веселой, отдававшей запахомъ «трынь-трава»...

Восхитило Толстого, очевидно, это умѣнье обрисовать человека двумя-тремя ничтожными штрихами.

Въ архивѣ Успенскаго сохранилось также нѣсколько писемъ И. И. Горбунова-Посадова, въ которыхъ рѣчь о включеніи въ серію изданій для народа фирмы «Посредникъ» (которую собственно создало и подняло участіе Льва Толстого) нѣкоторыхъ вещей Гл. Успенскаго. Указывая, что слѣдовало бы перепечатать, г. Горбуновъ-Посадовъ, между прочимъ, пишетъ: «Мы хорошо помнимъ ваше всегдашнее теплое участіе къ нашему дѣлу, помнимъ и добрыя слова ваши о томъ, что вы разрѣшаете намъ брать изъ вашихъ книгъ все, что только подойдетъ намъ для изданія» (письмо 19 марта 1891 г.).

Письмо Т. Бондарева.

По непосредственной связи съ теченіемъ толстовства такихъ явленій, какъ народное сектанство, помѣщаемъ здѣсь письмо къ Глѣбу Успенскому извѣстнаго Т. Бондарева, а также и приложенный къ письму отрывокъ его сочиненія. И письмо, и этотъ

отрывокъ живо вводятъ насъ въ кругъ тѣхъ настроеній народной массы, къ которымъ равно такъ тяготѣли и Успенскій, и Левъ Толстой.

Письмо Бондарева совершенно безграмотное, трудно читаемое, сохранять его орфографію и пунктуацию, совершенно произвольныя, мы не нашли нужнымъ.

Глѣбъ Ивановичъ! Я, извѣстный вамъ сочинитель «Трудолюбія и тунеядства», Бондаревъ, доношу до свѣдѣнія Вашего слѣдующее ¹⁾.

Полное мое помянутое сочиненіе, написанное мною на 200 небрѣзанныхъ листахъ, (содержить) 415 стат., я намѣренъ былъ представить его министру прошеніевъ, на Высочайшее имя приносимыхъ. Потомъ случайно попало мнѣ сочиненіе Ваше 1899 г. въ двухъ томахъ, томъ 2-й стран. 814 «*Трудами рукъ своихъ*». Тамъ напечатана маленькая частичка моихъ статей, потому я отмѣнилъ мое намѣреніе подавать помянутому министру, а отправилъ къ Вамъ для напечатанія, но и не по почтѣ, а въ рукахъ, съ Вашимъ петербургскимъ жителемъ Бубновскимъ, социалистомъ, который знаетъ Васъ лично, и отправился онъ съ Минусинска 17 іюля сего года. Гдѣ онъ живетъ въ Петербургѣ, адреса я отъ него не взялъ, и какъ жалѣю о томъ. Въ приказѣ сказано—пожить ему на родинѣ одинъ мѣсяцъ, а потому какое распоряженіе будетъ—неизвѣстно. Мнѣ кажется, Вамъ легко можно найти его тамъ.

Покорнѣйше прошу Васъ, Глѣбъ Ивановичъ, напечатайте слово въ слово мое предисловіе. Тогда вся вселенная узнаетъ, что это все писано крестьяниномъ, да и вотъ какимъ мученикомъ, а не бѣлоручкой, въ роскошахъ погруженнымъ. Потому и примутъ его съ жадностью во уваженіе. Также и все мое произведеніе пишите слово въ слово съ прибавленіемъ своего поясненія, но безъ отнятія моего сказанія. Пусть цензуръ захеритъ что-что, а Вы тогда будете правы предъ Богомъ и предъ всею вселенной, также и предо мною.

Я какъ увидалъ въ помянутомъ вашемъ сочиненіи, что Вы съ маленькаго того отрывочка отъ моей рукописи напечатали только 10-ую часть, а 9 прошли молчаніемъ, тутъ то я вздохнулъ предъ Богомъ тяжело и произнесъ горькую жалобу на зтотъ

¹⁾ Въ подлинникѣ эти строки написаны буквально такъ: «Я извѣснои Вамъ сочини тель трудолюбія и тунеятс тва Бондаревъ доношу да сведе нія Вашего следующе» и далѣе все въ томъ же родѣ.

неправосудный и лицемѣрный бѣлый свѣтъ. Съ многихъ статей я укажу хотя на одну, о мельничномъ жерновѣ. Сколько полезная статья, а вы и ту прошли молчаніемъ. Просилъ и прошу васъ, паки и паки прошу, не проходите ничего, а если нестерпимо вредное, то по-своему усмотрѣнію смягчайте его. При томъ почаще напоминайте, что не Россія причиною въ прикрытіи отъ людей первороднаго закона, а старшія ея по рожденію государства, такъ какъ вамъ это уже извѣстно. Это слово въ великое оправданіе послужить нашему правительству.

Я въ приложенномъ къ дѣлу письмѣ просилъ васъ, пришлите мнѣ подлинникъ, а теперь отмѣняю слово подлинникъ, а пришлите мнѣ копію, а подлинникъ оставьте при себѣ, потому что съ копіей никто вамъ не повѣритъ, что это писалъ крестьянинъ, а скажутъ, что Вы сами отъ себя выражали хулу на правительство. И можно думать, что они къ Вамъ привяжутся за это, а ко мнѣ привязаться правъ не имѣютъ. Приложенной къ этому листокъ подшить къ подходящей рѣчи въ 60-хъ статьѣ, гдѣ говорится о трудѣ и о любви.

Приписки: На 1-й страницѣ письма:

Адресъ мой. Енисейской губерніи, минусинскаго округа, бейской волости *дер. Иудиной Т. Бондаревъ*. (Подчеркнутое написано дрожащимъ почеркомъ, письмо писано подъ диктовку).

На 2-й страницѣ: Если будете добавлять отъ себя что-либо, то не завивайте да не закручивайте слова, а говорите какъ люди говорятъ.

На 4-й страницѣ: 1. Только копію пишите четко, чтобы всякой малограмотный безъ запинанія могъ читать.

Приложеніе къ рукописи Бондарева:

Скажемъ примѣръ тому:

Уничтожь во всемъ свѣтѣ правительственную власть, такъ хотя года на три, такъ что—убилъ, укралъ, ограбилъ, сжогъ и т. д. и никакого взыску и испроса нѣту и быть не можетъ, потому что никто не имѣетъ власти.

Тогда вселенная сдѣлается адомъ. При всемъ этомъ въ силахъ ли безъ правительства одна проповѣдуемая любовь, также ученіе Христа и примѣръ житія, страданія и смерть Его удержатъ людей въ мирѣ и согласіи? Нѣтъ: они тогда и не подумаютъ о Христѣ, также и о проповѣдуемой любви. А чрезъ три года истребится весь міръ на свѣтѣ, останутся два человѣка, и тѣ одинъ другого убьютъ, а остальной самъ собою погибнетъ, или лютый звѣрь растерзаетъ его.

Среди самаго разгара помянутаго убивства, власти не поставляй, а только напечатай силу сказаннаго закона такъ, какъ онъ у меня написанъ, съ приложеніемъ, но безъ отнятія, и доведи это до свѣдѣнія всякаго человѣка. Вѣрно и вѣрно, и еще вѣрно говорю вамъ, читатели, что въ тотъ же день, какъ только услышатъ всѣ это, возвратится весь міръ на прежнее, да еще и на большее благочестіе, за тѣмъ, что этотъ законъ при созданіи міра, кромѣ всякаго человѣка, самимъ Богомъ данъ, а прочіе и прочіе поздніе законы, кромѣ всякаго бога, самимъ человѣкомъ написаны. Эту истину мою подтверждаетъ слово Божіе: «Добро есть». И еще: «Свершилось небо и земля». Съ этихъ божественныхъ словъ видно, что тутъ есть какая то таинственная жизнь, неволею влекущая всякаго человѣка къ любви, миру и согласію. Да если бы и писанія на свѣтѣ не было, то съ естественнаго закона видно, что хлѣбъ своихъ трудовъ добро есть, а чужихъ трудовъ хлѣбъ безъ уважительныхъ причинъ зло есть.

Я знаю, что никто изъ васъ, читатели, не повѣритъ всему сказанному мною; а почему не повѣритъ? Потому что никто и никогда изъ васъ не трудился, да и впредь трудиться не намѣренъ въ честь помянутаго закона.

При созданіи міра поставлялъ ли Богъ правительство, такъ какъ это важнѣйшая въ свѣтѣ вещь, какъ это мы выше видали? Нѣтъ, не поставлялъ и даже намека на это не сдѣлалъ. А почему не поставилъ, если безъ этого жить нельзя? Потому что онъ зналъ, что при разъясненіи этого закона всякой человѣкъ самъ себѣ власть.

Всѣ движущіеся на сушѣ и въ водахъ живутъ дружелюбно безъ правительства, а если и убиваютъ одинъ другого, то инородные. Только одинъ человѣкъ не можетъ жить свободно безъ власти. А почему? Тутъ одна и таже язва, что отъ животныхъ никто не скрывалъ при созданіи міра даннаго имъ закона, а отъ человѣка скрыли, а кто и для чего скрылъ, это ужъ извѣстно вамъ, читатели: не повторять же одно и то же сто разовъ, кто и для чего скрылъ его.

Теперь опять къ прежде реченному возвращаюсь.

Ч. Вятринскій.

Процессъ Н. В. Шелгунова.

Черезъ годъ — 12 апрѣля 1916 года — исполняется двадцатипятилѣтіе со дня смерти одного изъ извѣстныхъ публицистовъ бурной эпохи 60-хъ гг. и «безвременья» 80-хъ гг. прошлаго столѣтія — Николая Васильевича Шелгунова. Будемъ надѣяться, что къ будущему юбилею появится обстоятельная біографія этого замѣчательнаго русскаго дѣятеля. До сихъ же поръ желающіе ознакомиться съ жизнью и дѣятельностью Шелгунова въ цѣломъ принуждены довольствоваться небольшими статьями въ словаряхъ (таковъ, наприм., біограф. очеркъ *П. Е. Щеголева* въ «Энцикл. Словарѣ» Брокгауза, 77-й полутомъ, Спб. 1903, стр. 401—404; и г. *Ф. В.* въ «Русскомъ Біографич. Словарѣ», издаваемомъ Импер. Русскимъ Историческимъ Обществомъ, Шибановъ-Шитцъ, Спб., 1911, стр. 64—68). Кромѣ того слѣдуетъ отмѣтить статью г. *А. Г. Фомина* «Писатель-гражданинъ» («Истор. Вѣстникъ» 1908 г. № 8), посвященную Н. В. Шелгунову, въ которой сдѣлана добросовѣстная сводка данныхъ о жизни Н. В.—ча, опубликованныхъ послѣ его смерти. Наконецъ, для характеристики Шелгунова, какъ публициста и представителя опредѣленно демократическаго направленія русской общественности, очень важной является статья *Н. К. Михайловскаго* въ предисловіи къ сочиненіямъ Н. В. Шелгунова (Спб. 1891 г.). Хорошіе указатели сочиненій (отдѣльныхъ изданій и журнальныхъ статей) Шелгунова, а равно и литературы о немъ имѣются въ 11-мъ выпускѣ «Обзора жизни и трудовъ русскихъ писателей и писательницъ» *Д. Д. Языкова* (Сборникъ отдѣленія русск. языка и словесности Импер. Академіи Наукъ, томъ LXXXVI, № 3, Спб. 1909 г., стр. 202—211) и въ книгѣ *И. В. Владиславлева* «Русскіе писатели XIX—XX ст.» (2-е изданіе, Москва, 1913, стр. 205—206), а равно подобнаго же рода бібліограф. указанія приведены и въ вышеотмѣченныхъ статьяхъ гг. Щеголева и *Ф. В.*

Намъ удалось познакомиться въ архивныхъ дѣлахъ военнаго министерства съ неизданными официальными матеріалами о судѣ надъ Н. В.—чемъ, вызвавшемъ его арестъ и многолѣтнюю

ссылку. Съ извлеченіями изъ этихъ любопытныхъ документовъ, поскольку они касаются неосвѣщенныхъ еще доселѣ въ печати обстоятельствъ изъ жизни Шелгунова и нѣкоторыхъ его современниковъ, мы и имѣемъ въ виду познакомить въ настоящей статьѣ читателя.

«Военно-судное дѣло объ отставномъ полковникѣ Николаѣ Шелгуновѣ» находится въ тѣсной связи съ дѣломъ, по которому въ 1861 г. осужденъ на каторгу извѣстный беллетристъ и переводчикъ М. И. Михайловъ—за составленіе и распространіе одной изъ первыхъ русскихъ политическихъ прокламацій: «Къ молодому поколѣнію» ¹⁾. Въ настоящее время можно считать установленнымъ фактъ составленія этой прокламаціи, если не цѣликомъ, то въ значительной ея части, Н. В. Шелгуновымъ ²⁾, но Михайловъ даже намекомъ отказался выдать своего друга и одинъ пострадалъ за нее. Тяжелая кара, постигшая М. Ил—ча, перевернула всю жизнь и Н. Вас—ча; въ декабрѣ 1861 г. Михайловъ былъ отправленъ въ ссылку, а въ началѣ 1862 г. Шелгуновъ уже подалъ въ отставку и въ мартѣ того же года былъ уволенъ отъ службы по корпусу лѣсничихъ, съ награжденіемъ чиномъ полковника и съ пенсіей. Весною же 1862 г. Н. В. вмѣстѣ съ своею женою Людмилой Петровной ³⁾ поѣхалъ въ Сибирь: супруги составили планъ освободить Михайлова изъ каторги и затѣмъ всѣмъ троимъ бѣжать за границу ⁴⁾.

Поводомъ для возбужденія противъ Шелгунова судебного преслѣдованія, разрушившаго весь планъ освобожденія сосланнаго Михайлова, послужили, какъ удостовѣряютъ видѣнные нами официальные документы, два довольно случайныхъ обстоятельства.

Первое изъ нихъ заключалось въ томъ, что 28 іюля 1862 г. въ III-е отдѣленіе Собственной Е. В. Канцеляріи было доставлено перехваченное тайной полиціей письмо Н. Вас—ча къ Н. Серно-Соловьевичу, содержавшемуся въ то время въ Алексѣевскомъ равелинѣ Петропавловской крѣпости. Въ этомъ письмѣ содержались указанія на поѣздку въ Сибирь четы Шелгуновыхъ и на то, что они хорошо знакомы съ Н. и А. Серно-Соловьевичами, почему за Н. В. и Л. П. было немедленно учреждено «секретное

¹⁾ О процессѣ Михайлова см. книгу М. Лемке, «Политическіе процессы М. И. Михайлова, Д. И. Писарева и Н. Г. Чернышевскаго», Спб., 1907.

²⁾ См. указанную книгу г. Лемке, стр. 26, 41—44 и сл.

³⁾ Л. П. Шелгунова, урожденная Михаэлисъ, извѣстная переводчица (1832—1901).

⁴⁾ Дубровина, Памяти М. И. Михайлова, «Бесѣда», 1905, XII.

наблюденіе». Вскорѣ затѣмъ попали въ руки жандармовъ и письма Шелгуновыхъ (три—Л. Петровны и одно—Н. Вас—ча), отобранныя у арестованнаго въ Уфѣ отст. капитана Авдѣева ¹⁾. Въ своемъ письмѣ Н. В., не зная, куда будетъ отосланъ тобольскимъ приказомъ въ ссылку Михайловъ, просилъ Авдѣева повѣрить узнать объ этомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ описывать подробности ареста Михайлова, какъ онъ велъ себя на судѣ и какъ былъ отправленъ въ Сибирь. Людмила же Петровна въ своихъ письмахъ, сообщая огромномъ сочувствіи Михайлову во всѣхъ общественныхъ слояхъ, какого и старики не запомнятъ, просила Авдѣева посодѣйствовать тому, чтобы въ Сибири не отягощали участи М. Ил—ча; далѣе она пишетъ, что послѣдній былъ тронутъ до слезъ, получивъ отъ Авдѣева деньги, что всѣ деньги приносятся къ ней, и что она сама повезетъ ихъ въ Нерчинскъ. Благодаря Авдѣева за желаніе помочь въ распространеніи билетовъ лотереи, устроенной въ пользу Михайлова, Л. П. послала съ письмомъ Авдѣеву 75 такихъ билетовъ и сообщала также, что въ Петербургѣ появился портретъ М—ва въ цѣпяхъ и арестантской одеждѣ ²⁾, сборъ отъ продажи котораго также будетъ обращенъ въ пользу узника. Одно изъ писемъ оканчивается такъ:

«Въ Петербургѣ скучно, грязно, военно, и потому хочется бѣжать и бѣжать. Въ Иркутскѣ дѣлаются такіе ужасы, что страшно за Миха, тѣмъ болѣе, что о немъ нѣтъ ни слуху, ни духу. Знаемъ только, что въ Тобольскѣ его приняли, какъ слѣдовало: дамы ѣздили къ нему на поклонъ, посѣтителі являлись съ утра и каждый день возили на обѣдъ ³⁾. Деньги мнѣ доставляйте въ Нерчинскій округъ, на Казаковскій золотой промыселъ, на имя Петра Ларіонова Михайлова» ⁴⁾.

Предсѣдатель слѣдственной комиссіи по дѣлу Серно-Соловьевича, ст.-секр. кн. А. О. Голицынъ, ознакомившись съ письмами Шелгуновыхъ, пришелъ къ выводу, что супруги, предпринимая поѣздку въ Сибирь, кромѣ облегченія участи Михайлова, имѣли въ виду и какія-то «другія» цѣли; поэтому въ августѣ 1862 г. онъ счелъ нужнымъ представить имп. Александру II докладную записку о поѣздкѣ Ш—выхъ въ Сибирь и объ ихъ сношеніяхъ съ Серно-Соловьевичемъ, Авдѣевымъ и Михайловымъ. Государь

¹⁾ Очевидно здѣсь разумѣется извѣстный беллетристъ М. В. Авдѣевъ (1821—1876).

²⁾ Вѣроятно, это рисунокъ, изображающій заковку въ кандалы М. И. М—ва, напечатанный въ вышеупомянутой книгѣ г. Лемке.

³⁾ О пребываніи М. И. Михайлова въ Тобольскѣ см. составленную на основаніи архивныхъ матеріаловъ статью г. Ник. Ставрогина въ №№ 3, 4 и 8 «Сибирскихъ вопросовъ» за 1908 г.

⁴⁾ Братъ М. И. М—ва, горный инженеръ, жившій въ Вост. Сибири и завѣдывавшій золот. приискомъ.

на этой запискѣ положилъ слѣдующую резолюцію: «Его (т.-е. Ш—ва) слѣдуетъ арестовать и по осмотрѣ его бумагъ и снятіи допроса, рѣшу его участь».

Между тѣмъ Шелгуновы въ это время были уже въ Сибири; въ іюнѣ они проѣхали черезъ Тобольскую губернію въ Иркутскъ; въ августѣ они были уже въ Казаковскомъ пріискѣ возлѣ Нерчинска, гдѣ М. И. Михайловъ жилъ у брата, числясь больнымъ. 28 сент. Н. В. и Л. П. были арестованы и обысканы командированнымъ для этой цѣли жандармскимъ подполковникомъ Дувингомъ. При обыскѣ Дувингъ нашелъ у Шелгунова: записку о томъ, сколько времени М—ву остается пробыть въ рудникахъ; статью «Русское Слово», запрещенную цензурою въ февралѣ 1862 г., адресованную Чернышевскому, и дорожныя замѣтки отъ Твери до Нерчинскихъ заводовъ; эти рукописи были отобраны. Въ донесеніи своемъ Дувингъ высказалъ предположеніе о причинахъ и поводахъ того участія, которое Ш—вы принимали въ М—вѣ. Это предположеніе, несмотря на характеръ инсинуаціи (намекалось на интимныя, якобы, отношенія М—ва и Ш—вой), повидимому, способствовало близкому освобожденію Ш—выхъ отъ ареста: по всеподданнѣйшему докладу результатовъ обыска, имп. Александръ повелѣлъ: не привлекать Ш—выхъ къ допросу и, освободивъ отъ домашняго ареста, оставить ихъ въ Иркутскѣ подъ надзоромъ полиціи.

Въ мартѣ 1863 г. послѣдовало новое обстоятельство, побудившее правительство привлечь Шелгунова къ суду и стоившее ему нѣсколькихъ мѣсяцевъ ареста въ Петропавловской крѣпости и долгихъ лѣтъ административной ссылки. Этимъ обстоятельствомъ было отобраніе у Всеволода Костомарова, сыгравшаго такую печальную роль въ дѣлѣ Чернышевскаго, письма къ какому-то, повидимому, не существовавшему лицу—Н. И. Соколову ¹⁾. Въ этомъ письмѣ, цѣликомъ напечатанномъ въ вышеупомянутой книгѣ г. Лемке ²⁾, Костомаровъ, между прочимъ, обвиняетъ Н. В—ча въ составленіи прокламаціи «Къ солдатамъ», приписывая Чернышевскому авторство подобной же прокламаціи «Къ барскимъ крестьянамъ». Кромѣ того, онъ указываетъ, что переодѣтый Н. В. съ нимъ, Костомаровымъ, ходилъ въ харчевни и казармы (какія именно, Костомаровъ отказался впоследствии припомнить) читать составленную имъ прокламацію нижнимъ чинамъ. Все это авторъ письма подтвердилъ и на до-

¹⁾ А не Соловьеву, какъ ошибочно указываетъ Н. В. Шелгуновъ въ своихъ воспоминаніяхъ. См. въ «Сборникѣ Литературнаго фонда» 1910 г. воспоминанія Н. В. Шелгунова, не вошедшія въ собр. его сочиненій. Сборникъ, стр. 418 и слѣд.

²⁾ Стр. 245—264.

просахъ. Шелгуновъ въ своихъ показаніяхъ, довольно подробно приведенныхъ у г. Лемке ¹⁾, отрицалъ и свое участіе въ составленіи приписанной ему прокламаціи и свое путешествіе съ Костомаровымъ по харчевнямъ и казармамъ, а также отрицалъ почти всякое знакомство свое съ Костомаровымъ, «съ которымъ не имѣлъ даже случая сталкиваться». Въ своихъ, не вошедшихъ по цензурнымъ условіямъ въ собраніе сочиненій 1891 г., воспоминаніяхъ ²⁾ Шелгуновъ также довольно опредѣленно указываетъ, что у него лично съ Костомаровымъ «почти не было никакихъ отношеній», и что обвиненія его въ составленіи и распространеніи являются плодомъ «фантазіи» Костомарова. Однако, если Костомаровъ кое-что и выдумалъ и сфантазировалъ, то существуютъ все же достовѣрныя указанія, что дѣйствительно Н. В. написалъ «прокламацію къ солдатамъ». Объ этомъ свидѣлствуютъ Н. Е. Кудринъ (въ его лекціи о Н. Г. Чернышевскомъ въ 1909 г.) и г. Л. Пантелѣевъ въ своемъ письмѣ въ газ. «Рѣчь» въ томъ же году, при чемъ г. Кудринъ ссылается на рассказъ ему Н. В., а г. Пантелѣевъ—на неизданный отрывокъ изъ воспоминаній Шелгунова.

Въ виду авторства Н. В.—ча въ прокламаціи къ солдатамъ и непоявленія этой прокламаціи въ печати, приведемъ официальное изложеніе ея содержанія (съ нѣкоторыми купюрами):

«Въ прокламаціи къ «Русскимъ солдатамъ» развивается, между прочимъ, мысль, что войны Польская и Венгерская были незаконны и противны чести; что русскіе шли противъ народа, ищущаго свободу; далѣе засимъ говорится, что еще хуже, если солдаты идутъ, согласно приказанію, противъ бунтующихъ крестьянъ, стрѣляютъ въ нихъ и военнымъ постоемъ разоряютъ въ конецъ и безъ того уже разореннаго крестьянина. Если бы солдаты понимали всю трудность положенія, то они бы не пошли на крестьянъ и тѣмъ заслужили отъ народа и честь и славу, а теперь нѣтъ солдатамъ ни чести, ни славы. Есть солдаты, которые и понимали, что они дурно дѣлали, но они боялись присяги, не зная того, что присяга какъ ими, такъ и начальниками, дается только на доброе дѣло, что самъ царь, вступая на престолъ, даетъ клятву, что будетъ управлять народомъ на счастье его... Затѣмъ, переходя къ манифесту объ освобожденіи крестьянъ, въ прокламаціи говорится, что воля, дарованная тѣмъ манифестомъ, не настоящая, а только притѣсненіе и разореніе крестьянамъ, что поэтому народъ останется недоволенъ... и что

¹⁾ Стр. 295—296.

²⁾ См. вышеупомянутыя «Воспоминанія Н. В. Шелгунова». Сб. литер. фонда, Спб., 1910, стр. 418—419 и сл.

будетъ возстаніе, и солдатъ пошлютъ для усмиренія крестьянъ. Пускай тогда солдаты вспомнятъ, что они родились сами въ тѣхъ же избахъ, которыя помѣщики отнимаютъ у крестьянъ, и пускай не думаютъ, что если они пойдутъ не на свою родную деревню, то грѣха будетъ меньше. Въ заключеніе совѣтуется не слушать въ такихъ случаяхъ приказанія начальства, и вздохнуть отъ того спокойно вся земля русская».

Слѣдственная комиссія, видимо, не довѣряла показанію Н. В—ча, отрицавшаго свою прикосновенность къ дѣлу составленія приведенной прокламаціи, и предприняла ея сличеніе со статьей, отобранной у него въ Казаковскомъ промыслѣ, о которой упоминалось выше.

Официальные матеріалы слѣдующимъ образомъ передаютъ содержаніе этой, оставшейся не напечатанной, статьи:

«Сперва Шелгуновъ развиваетъ ту мысль, что чѣмъ народъ нравственно сильнѣе, тѣмъ менѣе онъ подчиняется умамъ, желающимъ имъ властвовать, и что народъ сильный, подмѣтивъ подобныя покушенія вліятельныхъ людей, свергаетъ ихъ, правителемъ собою (sic!) является самъ; народамъ, нравственно слабымъ и терпѣливо сносящимъ всѣ общественныя невзгоды, слѣдуетъ не плакать, а дѣйствовать. Далѣе Шелгуновъ, чтобы доказать вышеизложенное положеніе, противопоставляетъ исторію Греціи—исторіи Россіи въ слѣдующемъ: Пифагоръ основалъ у грековъ общество пифагорейцевъ и хотѣлъ ввести особое политическое устройство, какъ бы желая сказать: «Народъ, ты глупъ, управляться самъ не можешь, мы будемъ управлять тобою», но народъ, сообразивъ, что онъ вовсе не такъ глупъ, побилъ и прогналъ пифагорейцевъ и сталъ управляться по-своему. Это—фактъ силы цѣлаго народа. Наконецъ, греки создали настоящую государственную жизнь. Народный духъ грековъ проявлялся въ стремленіи къ высокому и прекрасному въ дѣлѣ мысли и искусства, во всемъ этомъ равноправность была главнымъ условіемъ успѣха. Переходя, затѣмъ, къ исторіи Россіи, Шелгуновъ останавливается на изданіи уложенія царя Алексѣя Михайловича и говоритъ, что въ 1613 году выбрали царя; отъ этого послѣ всѣхъ неурядицъ, несчастій и смутъ, долженъ былъ быть новый порядокъ; но не такъ вышло. Оказалось, что въ странѣ попрежнему нѣтъ никакого толку. До царя дошли слухи, что Московское государство разорилось и опустѣло, что народъ страдаетъ отъ податей, отъ несправедливостей и прижимокъ писцовъ, чиновниковъ и насилія бояръ. Наконецъ составили уложеніе, но оно было написано только для боярства, духовенства и чиновниковъ, и вышелъ новый вопль. Народъ не понималъ, что за-

конъ вышелъ неудаченъ, а вопіющіе 160 чел. были сосланы въ Соловецкій монастырь. Такъ ли поступаютъ способные и энергичные народы? Алексѣй Михайловичъ могъ бы собрать выборныхъ отъ земства и держать имъ рѣчь объ ихъ гражданскихъ и человѣческихъ правахъ. Говорятъ, что онъ грубо поступилъ съ выборными, не позволивъ имъ даже разсуждать объ уложеніи, и выборные только выслушали и подписали его. Послѣ уложенія русскіе принялись снова вопіять на земское неустройство, но никто ихъ не слушалъ, и вотъ пошло неудовольствіе болѣе энергическое, народъ побушевалъ, побилъ и поломалъ, порывъ неудовольствія прошелъ, и народъ увидѣлъ, что все идетъ по-прежнему. Такъ дѣйствуетъ только безтолковая сила, не знающая, какъ приняться за дѣло; тутъ не сила, а безсиліе. Русскіе вслѣдствіе того лишились сначала областной свободы и федеративнаго управленія, мірскаго и вѣчевого управленія, а потомъ и свободныхъ мірскихъ сходокъ по селамъ и волостямъ и другихъ свободныхъ учрежденій; нельзя не питать сочувствія къ этому народу, нельзя не скорбѣть о длинномъ рядѣ потерь гражданскихъ правъ; все это, дѣйствительно, возбуждаетъ участіе къ странѣ, въ которой гражданскія права какъ-то не пускаютъ корней въ учрежденіяхъ. Этимъ-то и страдала Россія, она не чувствовала въ себѣ силы организовать другой порядокъ и другихъ людей для управленія страной. Россія не могла выработать такія понятія. Бѣднота жизни, у которой на все одинъ отвѣтъ: вопли да слезы. Нѣтъ въ этомъ никакой силы, и не такіе уроки намъ нужно искать въ исторіи. А все русское слово сбило съ толку, изъ-за него позабыли, что не слово нужно, а дѣло. Если должно сказать слово, скажетъ его весь народъ, вся страна».

Военный судъ первой инстанціи (военно-судная комиссія) нашелъ, что между изложенною статьею и воззваніемъ къ крестьянамъ (въ составленіи котораго обвинялся, однако, не Шелгуновъ, а Чернышевскій) «въ главныхъ основаніяхъ есть сходство, хотя и неясное: въ воззваніи крестьяне прямо призываются къ возстанію, а въ статьѣ—это же самое выражено въ формѣ философской исторіи, при чемъ призывается народность къ проявленію самостоятельности и нравственной силы», и поэтому судъ пришелъ, какъ видно изъ его сентенціи (т.-е. приговора), къ заключенію, что «Шелгуновъ нѣкоторымъ образомъ навлекаетъ на себя подозрѣніе въ составленіи воззваній».

По объявленіи этой «сентенціи» подсудимому, военный судъ вошелъ съ представленіемъ объ освобожденіи Н. В.—ча на поруки, «такъ какъ къ положительному изобличенію Ш.—ва не представляется ни доказательствъ, ни уликъ, а возникшее въ

винѣ его сильное подозрѣніе онъ изъявилъ готовность разъяснить принятіемъ очистительной присяги», судъ при этомъ полагалъ, что «хотя Ш—ва слѣдовало бы оставить въ сильномъ подозрѣніи, но какъ онъ изъявилъ желаніе по всѣмъ предметамъ обвиненія принять очистительную присягу, то, не допуская его, изъ опасенія клятвopреступленія,—освободить отъ подозрѣнія и предать дѣло волѣ Божіей, пока оно само собою объяснится».

Министръ государств. имуществъ ген.-адъют. Зеленой, въ качествѣ подтверждающаго начальника, высказался за утвержденіе приведеннаго приговора. Однако III отдѣленіе Собственной Е. В. Канцеляріи не пожелало согласиться съ такимъ исходомъ дѣла; въ отвѣтъ на просьбу Аудиторіатскаго департамента о доставленіи заключенія по дѣлу Шелгунова, III отдѣленіе сообщило, что «если бы полковн. Шелгуновъ и подлежалъ по суду освобожденію отъ ареста, тѣмъ не менѣе, по свѣдѣніямъ, имѣющимся о немъ въ отдѣленіи, онъ не можетъ быть оставленъ на жительствѣ въ С.-Петербургѣ, даже подъ надзоромъ полиціи». Кромѣ того III отд. высказало, что такъ какъ Шелгуновъ заключенъ подъ стражу по особому Высочайшему повелѣнію, то и вопросъ объ его освобожденіи «долженъ быть разрѣшенъ не иначе, какъ по совершенномъ окончаніи производящагося о немъ дѣла». Изъ этой, нѣсколько туманной, фразы видно, что III отдѣленіе не считало, или, вѣрнѣе, не хотѣло считать ликвидированнымъ дѣло Шелгунова о поѣздкѣ въ Сибирь къ М. И. Михайлову.

Наконецъ, въ октябрѣ 1864 г., генераль-аудиторіатъ составилъ и представилъ имп. Александру II особый докладъ по дѣлу о Н. В—чѣ. Въ этомъ докладѣ, соглашаясь, что юридическихъ доказательствъ виновности Ш. не имѣется, и что по закону онъ подлежитъ освобожденію, генераль-аудиторіатъ, однако, по указкѣ изъ III отдѣленія, ставитъ ему въ вину «дружескія отношенія къ государственному преступнику Михайлову» и указываетъ на «вѣроятность» предположенія, что Шелгуновъ зналъ «о существованіи возмутительныхъ воззваній и о преступномъ политическомъ направленіи того небольшого кружка литераторовъ, въ которомъ онъ самъ постоянно обращался». Въ статьѣ Шелгунова, содержаніе которой нами выше приведено, составители доклада усмотрѣли «въ высшей степени вредный образъ мыслей Шелгунова».

«По всѣмъ означеннымъ соображеніямъ генераль-аудиторіатъ находилъ: «подсудимый Шелгуновъ, если бы состоялъ на службѣ, то по вредному образу мыслей своихъ не могъ быть въ оной терпимъ, но какъ онъ уже находится въ отставкѣ, то, лишивъ его права на пенсію и на ношеніе въ отставкѣ мундира, отослать

его на жительство въ одну изъ отдаленныхъ губерній, по усмотрѣнію министра внутреннихъ дѣлъ, подчинивъ его на мѣстѣ жительства строгому полицейскому надзору».

Имп. Александръ II утвердилъ это заключеніе, собственноручно написавъ на докладѣ: «Быть по сему. Псковъ. 26 октября 1864 г.».

Въ ссылкѣ Н. В—чу пришлось провести болѣе 10 лѣтъ. Несмотря на рядъ хлопотъ и его и Людмилы Петровны, лишь въ концѣ 70-хъ г.г. ему разрѣшили вернуться на жительство въ Петербургъ (см. книгу Л. П. Шелгуновой «Изъ далекаго прошлаго», Спб. 1901).

Въ заключеніе приведемъ officialныя свѣдѣнія о службѣ Н. В—ча, не безполезныя для будущаго его біографа:

«По окончаніи въ лѣсной ротѣ Лѣснаго Межевого института курса наукъ, въ 1841 году произведенъ въ прапорщики по экзамену; въ 1843 г.—въ подпоручики и въ апрѣлѣ 1858 г.—въ подполковники; уволенъ отъ службы съ чиномъ полковника, мундиромъ и пенсіономъ двухъ третей жалованья, 1862 г. марта 26-го. Въ походахъ и дѣлахъ противъ непріятеля не былъ. Получалъ награды: 1844 г. 17 іюня денежную второго разряда; 1848 г.—награжденъ годовымъ окладомъ жалованья; 1849 г.—премією 250 р. сер.; 1851 г.—полугодовымъ окладомъ жалованья; 1852 г.—объявлена благодарность министра государственныхъ имуществъ; 1854 г.—денежною премією 250 р. сер.; 1856 г.—денежною наградю 400 руб.; 1859 г.—объявлена искренняя благодарность министра государственныхъ имуществъ ¹⁾ и награжденъ преміей перваго разряда и брилліантовымъ перстнемъ; 1862 г., января 12-го, съ разрѣшенія министра, назначено ему, сверхъ штатнаго содержанія по должности губернскаго лѣсничаго, еще ежегодно по 500 руб. добавочныхъ денегъ. Имѣетъ орденъ св. Станислава 3 ст. и бронзовую медаль въ память войны 1853—56 гг. Въ штрафахъ по суду и безъ суда и подъ слѣдствіемъ не былъ. Женатъ. Имѣнія никакого за нимъ, женою его и родителями ихъ не значится. По кондуитному списку способностей ума и въ хозяйствѣ—хорошъ, относительно нравственности ни въ чемъ предосудительномъ замѣченъ не былъ. Директоръ Лѣснаго Департамента удостовѣряетъ, что Шелгуновъ во время служенія въ корпусѣ лѣсничихъ ни въ чемъ предосудительномъ замѣченъ не былъ, чему служить доказательствомъ назначеніе его на высшую должность астраханскаго губернскаго лѣсничаго».

Сообщилъ В. Н. П.

¹⁾ М. Н. Муравьева (Вилenskaго), очень благоволившаго къ Шелгунову, и которому Шелгуновъ наоборотъ очень не симпатизировалъ.

Михаилъ Павлыкъ.

(1853—1915).

Среди украинскихъ дѣятелей Галичины, выступившихъ на общественное поприще въ 70-хъ годахъ, двѣ фигуры привлекаютъ особенное вниманіе—Иванъ Франко и недавно скончавшійся во Львовѣ Михаилъ Павлыкъ. Имена этихъ двухъ выдающихся людей, біографіи которыхъ составляютъ, по весьма удачному выраженію Франка, «часть исторіи» ихъ родины, мы находимъ всегда рядомъ, во всѣхъ литературныхъ и общественныхъ предпріятіяхъ 70-хъ годовъ и всѣхъ послѣдующихъ десятилѣтій. Они связаны не только близкими товарищескими отношеніями, но и единствомъ дѣятельности, міросозерцанія и отчасти даже личной судьбы. И вмѣстѣ съ тѣмъ трудно представить двѣ болѣе различныя, во многихъ отношеніяхъ прямо противоположныя индивидуальности, болѣе расходящіяся по своимъ внутреннимъ свойствамъ натуры, какъ эти два человѣка, жизнь которыхъ взаимно переплетается, связанная неразрывными узами. Янусъ былъ одинъ, но его два лица смотрѣли въ разныя стороны. Представители одного движенія, пріобщившаго Галичину къ истинно-демократической Европѣ, Франко и Павлыкъ, выражали двѣ стороны этого движенія,—и разница между ними не только въ силѣ отпущенныхъ имъ природой талантовъ, не только въ напряженности умственной работы, не только въ пріемахъ и методахъ ея. Разница прежде всего въ настроеніяхъ, съ которыми подходили къ общему дѣлу близкіе товарищи, въ характерѣ, который соотвѣтственно отражался и на поступкахъ. Франко, выдающійся художественный талантъ, извѣстный далеко за предѣлами своей родины, вносилъ въ движеніе кипучій темпераментъ борца, острый анализъ скептика, можетъ быть—неуравновѣшенность поэта. Это былъ дѣятельный, бродильный элементъ

движенія, его мятущаяся, ищущая душа, стремящаяся всегда впередъ и далѣе въ своихъ поискахъ истины. Павлыкъ въ этомъ отношеніи представлялъ полнѣйшую противоположность своему товарищу. Свою истину онъ нашелъ разъ навсегда, она была дана ему еще на зарѣ его юности, въ ипеяхъ Драгоманова, на которыхъ воспитались оба товарища, и эту истину въ томъ же видѣ, въ одинаковомъ почти объемѣ Павлыкъ донесъ до могилы. Это былъ типическій человѣкъ одной идеи, внѣ круга которой для него міръ почти не существовалъ, да и не интересовалъ его вовсе. Сообразно своему упорному, уравниженному характеру, Павлыкъ былъ сдерживающимъ, я сказалъ бы, консервативнымъ началомъ въ движеніи, хранителемъ его традицій, съ чисто религіозной, какъ ни странно звучитъ это слово въ приложеніи къ покойному, ревностью блюдущей ихъ чистоту, непрерываемость и неизмѣнность. И если Франку приходилось иногда отклоняться отъ общей линіи движенія, уходить впередъ, отвлекаться въ сторону, то въ дѣятельности Павлыка видимъ одну прямую линію, строгую и непреклонную даже во второстепенныхъ мелочахъ. Душою движенія, одухотворяющимъ и творческимъ началомъ, онъ не могъ быть, но тѣломъ его, основнымъ стержнемъ, онъ былъ несомнѣнно, сохраняя это значеніе спайки между партійными товарищами до послѣдняго момента своей жизни. Вотъ почему, не обладая ни выдающимся талантомъ, ни творческими способностями, Павлыкъ, тѣмъ не менѣе, сыгралъ весьма крупную роль въ исторіи умственного и политическаго развитія Галичины.

Павлыкъ родился 17 сентября 1853 г. въ Монастырскомъ предмѣстьѣ г. Косова, лежащаго въ горной части Галичины, въ Карпатахъ,—среди той самой «Гуцульщины», которая служила мѣстомъ подвиговъ неукротимыхъ «опришковъ» въ XVIII ст. и созданія весьма красочныхъ легендъ объ ихъ похищеніяхъ, живущихъ до сихъ поръ въ памяти мѣстнаго населенія ¹⁾. По собственному признанію самого Павлыка, и въ его жилахъ текла «оприська кровь», такъ какъ его прадѣдъ, по прозванію Гордица, не чуждался бранной потѣхи, доставляемой жизнью «опришковъ» ²⁾. Отъ своего дѣда Павлыкъ еще въ дѣтствѣ наслушался разсказовъ и пѣсенъ о Добощукѣ, самомъ популярномъ изъ предводителей «опришківства», преданія о которомъ составляютъ

¹⁾ Объ «опришкахъ» я упоминалъ въ своей статьѣ «Изъ исторіи возрожденія Галичины»,—«Голосъ Минувшаго», 1915, кн. II, стр. 12—13.

²⁾ Вездѣ, гдѣ нѣтъ другихъ ссылокъ, біографическія свѣдѣнія о Павлыкѣ заимствованы мной изъ юбилейнаго изданія—«Юбилей 30-лѣтней дѣятельности Михайла Павлика (1874—1904)». У Львові, 1905.

цѣлую литературу. Ко времени рожденія будущаго дѣтеля, семья Павлыковъ была уже обыкновенной крестьянской семьей, мало обеспеченной и живущей исключительно трудами рукъ своихъ. Глава семьи, отецъ Михаила Павлыка, былъ, повидимому, весьма незаурядной личностью, если судить по воспоминаніямъ его дѣтей. Неграмотный крестьянинъ, лучшіе годы проведеній на военной службѣ (тогда она въ Австріи продолжалась 14 лѣтъ), онъ не вынесъ изъ нея военной выправки, но сохранилъ любовь къ правдѣ, своеобразное, чисто крестьянское, вольнодумство въ церковныхъ дѣлахъ и удивительную въ малокультурной средѣ терпимость къ новымъ вѣяніямъ, неожиданно вторгшимся въ привычную сельскую жизнь въ лицѣ получившихъ образованіе дѣтей. «Я бы хотѣлъ, чтобы и мои дѣти были честными», неизмѣнно заканчивалъ онъ свои воспоминанія о военной службѣ и полной всевозможныхъ соблазновъ жизни «жовніра» (солдата) на чужбинѣ, повторяя дѣтямъ всегда одно и то же—«чтобы они не посягали на чужое и не говорили неправды». Сестра нашего дѣтеля передаетъ между прочимъ, что отецъ, который съ сочувствіемъ слѣдилъ за успѣхами въ наукахъ сына, сначала упорно стоялъ на томъ, что дѣвочкамъ не нужна школа; «однако,—продолжаетъ рассказчица,—когда я обошлась безъ его разрѣшенія и поступила въ школу противъ его воли, то въ скоромъ времени онъ убѣдился, что и дѣвочкамъ нужна наука, и младшую сестру уже самъ отдалъ въ школу». Интересно, что впоследствии, когда получившія образованіе дѣти вступили на тернистый путь борьбы съ существующими порядками, подвергаясь непрерывнымъ обыскамъ и арестамъ, этотъ простой крестьянинъ сумѣлъ понять, что дѣти его ни въ чемъ зазорномъ неповинны. «Отецъ—какой строгій былъ, а плакалъ»,—рассказываетъ объ одномъ изъ своихъ арестовъ Анна Павлыкъ. Самъ Михаилъ Павлыкъ впоследствии вспоминалъ, что когда онъ вернулся домой послѣ одной изъ столь частыхъ въ его біографіи исторій съ вмѣшательствомъ жандармеріи, то отецъ и мать съ рѣдкой деликатностью избѣгали касаться разбитыхъ надеждъ на помощь образованнаго сына и всегда передъ посторонними оправдывали его и доказывали, что онъ поступаетъ правильно, ведя борьбу съ угнетеніемъ простого народа. Нужно сказать, что и Павлыкъ платилъ родителямъ той горячей привязанностью, которая не разбираетъ социальныхъ положеній и видитъ только человѣка. Я лично помню, что при одномъ изъ посѣщеній покойнаго дѣтеля въ началѣ 900-хъ годовъ, я встрѣтилъ въ его скромной квартиркѣ во Львовѣ пожилую женщину въ крестьянской одеждѣ, державшуюся полновластной хозяйкой въ домѣ. Это

была мать покойнаго. Вообще съ родной средой и крестьянствомъ онъ до смерти не порвалъ чисто родственныхъ, интимныхъ связей и тѣхъ дружескихъ отношеній, которыя характеризуютъ истинную интеллигенцію, вышедшую непосредственно изъ народа, но не оставившую его, и сильную именно этой непрерываемой связью. Будучи уже студентомъ львовскаго университета, Павлыкъ, по собственному признанію, чувствовалъ себя среди крестьянъ, «какъ равный среди равныхъ и впервые въ жизни понималъ, что я—человѣкъ». Эта совершенно естественная близость общественнаго дѣятеля къ выдвинувшей его средѣ должна была отразиться какъ на его міросозерцаніи, такъ и на формахъ и способахъ его дѣйствій.

На 9-мъ году жизни Павлыкъ началъ свое образованіе въ нормальной (4-классной) народной школѣ въ Косовѣ. На способнаго мальчика обратилъ вниманіе учитель и, кромѣ классныхъ занятій, посвящалъ ему свои досуги, подготавливая его къ гимназическому курсу. Гимназію Павлыкъ проходилъ въ Коломыѣ и Львовѣ, зарабатывая средства къ жизни собственнымъ трудомъ—уроками, перепиской и т. п. Въ 1874 г. Павлыкъ поступилъ на философскій факультетъ львовскаго университета, еще на гимназической скамьѣ начавъ свою литературную дѣятельность въ органѣ студенческой молодежи «Другъ».

Два направленія боролись тогда на галицкой почвѣ—москвофилы и народовцы (народники). Первые стояли на почвѣ культурнаго объединенія съ Россіей, понимая это объединеніе, впрочемъ, крайне примитивно, и пытались, хотя и неудачно, писать по-русски. Вторые отстаивали самобытность украинской культуры и необходимость всесторонняго ея развитія, прежде всего употребленіе въ литературѣ и школѣ народной рѣчи. Кромѣ этого національнаго признака москвофилы и народовцы расходились еще и по другимъ основаніямъ, среди которыхъ главную роль играло откровенное ретроградство москвофильства, дошедшаго уже до полнаго разложенія. Къ указанному времени москвофильство на галицкой почвѣ начало мало-по-малу вырождаться въ такъ-называемое «рутенство», направленіе одинаково открещивающееся какъ отъ русской, такъ и отъ украинской культуры и выставившее уже совершенно нелѣпую теорію отдѣльнаго «рускаго» народа въ Австріи. Опасность «рутенства» была тѣмъ значительнѣе, что на его сторону переходило молодое поколѣніе подъ вліяніемъ старшихъ москвофиловъ, практически совершенно безсильныхъ въ дѣлѣ ознакомленія молодежи съ истинной русской культурой. Стиль и идеи Державина и Сумарокова, въ лучшемъ случаѣ Карамзина, которые пропаган-

дировались въ Галичинѣ москвофилами, застилали настоящую Россію, Россію Тургенева и Салтыкова и, конечно, не могли ничего дать молодому поколѣнію. Существовало, говоря словами Франка, опасеніе, что въ Галичинѣ «получить преобладаніе типъ «рутенца», т.-е. русина, который, извѣрившись въ спорахъ о народности, о Шевченкѣ, о языкѣ и идеяхъ Драгоманова, умоетъ руки отъ всего этого и перестанетъ интересоваться тѣмъ, что происходитъ за черножелтыми столпами, отдѣляющими Галичину отъ Россіи ¹⁾).

На эту наклонную плоскость вступилъ было и Павлыкъ, еще въ гимназіи подпавшій подъ вліяніе москвофильства. Правда, это москвофильство молодого студента было, какъ самъ онъ признаетъ впоследствии, слишкомъ поверхностнымъ, непостижимыми путями соединяясь съ отмѣченными выше тѣсными связями съ народной средой и мѣстной почвой. Вліяніе москвофильства было настолько наноснымъ и неглубокимъ, что не помѣшало болѣе вдумчивымъ изъ молодежи пройти довольно сложную эволюцію и очутиться въ концѣ-концовъ въ лагерѣ противниковъ всякаго ретроградства и доктринерства. «Я,—свидѣтельствуется самъ Павлыкъ,—бывшій членъ «Академическаго Клуба», въ началѣ 70-хъ годовъ самъ перешелъ эволюцію отъ «москвофильства» къ украинскому радикализму и собственными глазами видѣлъ, какъ эта эволюція оторвала отъ москвофильства молодежь и привела ее въ украинскій лагерь» ²⁾ Первымъ толчкомъ въ этомъ направленіи были извѣстныя и въ нѣкоторомъ отношеніи составившія эпоху въ галицкой общественной жизни письма Драгоманова въ редакцію упомянутаго журнала «Другъ». Въ этихъ письмахъ Драгомановъ, со свойственной ему несокрушимой логикой, безпощадно, одну за другой, разрушалъ москвофильскія легенды, основанныя на полномъ незнаніи Россіи, и переносилъ національный вопросъ съ абстрактныхъ вершинъ громкой фразы въ плоскость повседневной работы на пользу конкретнаго народа. Между прочимъ, чтобы познакомить молодежь съ настоящей Россіей, съ подлиннымъ русскимъ языкомъ и литературой, Драгомановъ не только свои письма пишетъ на русскомъ языкѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ усиленно распространяетъ лучшія произведенія современной русской литературы и даже убѣждаетъ редакцію «Друга» кое-что изъ нея перепечатать на страницахъ журнала. Извѣстный рассказъ Успенскаго «Неиз-

¹⁾ *Ів. Франко*—3 останніх десятиліть XIX в., «Л. Н. Вістник», 1901, кн. VII, стр. 5.

²⁾ *М. Драгоманов*—Переписка, т. I, зібрав і зладив М. Павлик. Львів, 1901, стр. 19—20.

лѣчимый», появившійся (подъ заглавіемъ «Отравленный діаконъ») въ «Другѣ», произвелъ потрясающее впечатлѣніе на молодежь, какъ полная антитеза подлиннаго живого слова тому мертвому «словосочиненію», которое москвофилы подносили подъ видомъ русской литературы. Въѣстъ съ тѣмъ молодежь убѣдилась, что и языкъ подлинныхъ русскихъ писателей ничего общаго не имѣетъ съ тѣмъ анемичнымъ, хотя и высокопарнымъ, «язычіемъ», которое употребляли въ своихъ изданіяхъ москвофилы. Наконецъ народолюбныя идеи русской литературы направляли вниманіе молодежи къ тому реальному народу, который жилъ вокругъ нея, т.-е. къ народу украинскому и, такимъ образомъ, практически украинизовали ее. Остроумный приѣмъ Драгоманова далъ, какъ видимъ, замѣчательные результаты въ смыслѣ поворота молодежи отъ абстрактнаго націонализма къ конкретному демократизму, и въ этомъ отношеніи его письма къ редакціи «Друга» являются дѣйствительно историческими ¹⁾. Вначалѣ редакція, помѣщая письма своего авторитетнаго корреспондента, пыталась спорить и полемизировать съ нимъ, присоединяя свои замѣчанія и «отповѣди». Но Драгомановъ былъ безпоощадеиъ и, въ свою очередь, подвергалъ эти «отповѣди» самой неумолимой и детальной критикѣ, настигая формирующееся «рутенство» въ его послѣднемъ убѣжищѣ. Мало-по-малу полемиическая нотка редакціи звучить все слабѣе, количество редакціонныхъ примѣчаній уменьшается; письма Драгоманова производятъ сильное впечатлѣніе въ студенческой средѣ, и ея органъ «Другъ» въкорѣ совершенно преображается. Изъ журнала, предназначеннаго для развлеченія «русскихъ красавицъ» (1), какъ значилось въ его программѣ, онъ дѣлается серьезнымъ органомъ съ опредѣленными демократическими задачами. Въмѣсто дѣтскихъ упражненій, беллетристическихъ и якобы научныхъ, написанныхъ притомъ на невозможномъ языкѣ, появляются на страницахъ «Друга» живые и талантливые очерки народной жизни и интересныя статьи по вопросамъ дня. «Рутенство» потерпѣло поражение въ собственномъ органѣ.

Среди молодежи, кровно заинтересованной тѣмъ, какъ будетъ рѣшенъ вопросъ ея дальнѣйшаго теоретическаго развитія и практическаго поведенія, и потому съ мучительной чуткостью прислушивавшейся къ словамъ Драгоманова—былъ и Павлыкъ. Какъ было уже упомянуто, онъ также прошелъ отмѣченную эволюцію отъ москвофильства къ украинскому радикализму и сразу же не только сдѣлался дѣятельнымъ и горячимъ адептомъ

¹⁾ Письма Драгоманова, о которыхъ идетъ рѣчь, перепечатаны г. Франкомъ въ книгѣ «Драгомановъ—Листи до Івана Франка і инъ». Львів, 1908.

послѣдняго, но и взялъ на себя трудъ выразить новыя настроенія среди молодежи. Павлыкъ сдѣлалъ это въ рефератѣ «Потреба этнографично-статистичної роботи в Галичині» (=«Необходимость этнографическо-статистическаго изученія Галичины»), прочитанномъ сперва на собраніи молодежи въ память Маркіана Шашкевича и опубликованномъ затѣмъ въ «Другѣ». Въ этой первой серьезной работѣ молодого дѣятеля сказались уже тѣ настроенія, которымъ покойный остался вѣренъ до конца своей жизни.

Подвергнувъ детальной критикѣ галицкія направленія того времени, Павлыкъ переходитъ къ обоснованію необходимости изученія народной жизни и ставитъ предъ молодежью цѣлый рядъ задачъ, выходящихъ далеко за предѣлы собственно этнографическаго изученія. Статистика и этнографія для него являются лишь средствомъ практической работы по улучшенію народной жизни и поднятію народнаго благосостоянія въ духовномъ и матеріальномъ отношеніи. «Молодежь, — пишетъ Павлыкъ, — безотлагательно должна взяться за то, чего до настоящаго времени не сдѣлала наша интеллигенція: она должна не только подвергнуть записи то, что сохранилось въ народной памяти изъ пѣсенъ и преданій, но и анатомическимъ методомъ изучить нашъ народъ. Такая работа покажетъ, что церковщина виситъ надъ нашимъ народомъ, какъ грозный фатумъ, отъ котораго, повидимому, нѣтъ въ настоящее время спасенія и который представляетъ поэтому громадную нравственную опасность. Но эта же работа, безъ сомнѣнія, откроетъ намъ въ сердцѣ народа не рабскій принципъ, повелѣвающій гнуть шею и разумъ предъ первымъ попавшимся диктаторомъ-крикуномъ, но и стремленіе народныхъ массъ къ свободѣ, всеобщему равенству, къ наукѣ... Этнографія скажетъ намъ, что духовныя потребности нашего народа далеко оставляютъ за собой ту мудрость, которую мы выносимъ изъ школы при современномъ ея устройствѣ; она покажетъ намъ, какія изъ европейскихъ идей нужны намъ, чтобы вести нашъ народъ къ пробужденію. Этнографическое изученіе установитъ предъ нами, что Галичина и Украина составляютъ одно цѣлое; оно же окажетъ содѣйствіе и всей украинской литературѣ въ томъ случаѣ, если наша мѣстная литература, благодаря дѣятельному участію молодежи, проникнется принципами реализма и жизненности. Оно вызоветъ и у насъ, какъ вызвало уже на Украинѣ, тысячи поборниковъ народнаго дѣла; оно и здѣсь, и тамъ разбудитъ народныя массы, противъ воли которыхъ не устоитъ никакая несправедливость, а все направится къ свободѣ и равенству каждой отдѣльной личности на землѣ... Пусть тотъ

языкъ, который называютъ малорусскимъ, имѣетъ только то значеніе, что живетъ въ сердцахъ 17 милліоновъ,—но онъ окажетъ намъ и всему міру громадную услугу, если на немъ мы передадимъ истинную науку нашему убогому и голодному брату и если мы, имѣя за собой весь малорусскій народъ, вмѣстѣ съ нимъ, въ борьбѣ обрѣтемъ ему такое мѣсто на землѣ, какого должны совѣсть и мысль человѣческія добиться когда-нибудь для всѣхъ темныхъ трудящихся массъ не только въ Европѣ, но и во всемъ мірѣ» ¹⁾. Какъ видимъ, въ очень осторожной формѣ здѣсь высказаны были уже тѣ идеи, которыя вскорѣ завладѣютъ вниманіемъ всѣхъ передовыхъ людей въ Галичинѣ; потребности народа, опредѣленные путемъ основательнаго его изученія, улучшеніе участи рабочихъ массъ, европеизація галицкой жизни и тѣсная связь съ Украиной—этими положеніями опредѣляется и дальнѣйшее направленіе дѣятельности Павлыка. Впослѣдствіи ему пришлось, конечно, по всѣмъ затронутымъ здѣсь вопросамъ высказаться полнѣе, глубже и основательнѣе, но рамки намѣчены уже въ юношеской работѣ будущаго вождя галицкаго радикализма.

Послѣдующая жизнь Павлыка представляла собой непрерывную цѣль борьбы за указанныя идеи съ внѣшними препятствіями и общественнымъ безразличіемъ. Уже лѣтомъ 1877 г. вся редакція «Друга», въ томъ числѣ и Павлыкь, была арестована по обвиненію въ сношеніи съ эмигрантами, въ особенности съ Драгомановымъ, и участіи въ тайномъ социалистическомъ сообществѣ. Возникъ громкій политическій процессъ, которому предшествовала формальная облава по всему краю на заподозрѣнныхъ лицъ и иностранцевъ, въ особенности русскихъ подданныхъ. Случайно потерпѣли и такія лица, какъ авторъ извѣстныхъ учебниковъ по исторіи Иловайскій, отдѣлавшійся, впрочемъ, всего лишь «трехдневнымъ плѣномъ», извѣстный ботаникъ Остенъ-Сакенъ и др. ²⁾. Въ числѣ вещественныхъ доказательствъ «преступленія» фигурировали такія орудія нигилистической пропаганды, какъ сочиненія Гоголя, Лермонтова, въ особенности петербургскія «Отечественныя Записки», возбуждавшія форменный ужасъ въ представителяхъ австрійской администраціи и суда ³⁾. Массовые аресты «членовъ тайнаго общества», изъ

¹⁾ «Другъ» 1876 г.; цит. по статьѣ М. Лозинскаго—«Михайло Павлыкь» въ упоминавшейся уже книжкѣ «Ювілей 30-лѣтньої діяльности М. Павлыка», стр. 5—6.

²⁾ К. В.—Дѣло г. Иловайскаго въ Галиціи. Небольшая глава изъ славянскій патологии, «Вѣстникъ Европы», 1878, кн. I.

³⁾ Во время процесса одинъ изъ членовъ суда, Кригсайзенъ, заявилъ, что если бы ему попались въ руки редакторы «Отечественныхъ За-

которыхъ многіе впервые встрѣтились лишь въ тюрьмѣ во время предварительнаго заключенія, не дали собственно никакихъ матеріаловъ относительно самаго существованія сообщества; тѣмъ не менѣе въ январѣ 1878 г. Франко, Павлыкъ и другія лица предстали предъ львовскимъ судомъ и обвиненіе противъ нихъ поддерживалось въ полномъ объемѣ. «По сообщенію политическихъ властей,—гласилъ обвинительный актъ,—и судя по содержанию перехваченной у заподозрѣнныхъ въ распространеніи социалистическихъ ученій лицъ переписки—Михайлъ Петровичъ Драгомановъ, бывший профессоръ кievскаго университета, въ настоящее время проживающій въ Женевѣ, занимаетъ первенствующее положеніе въ заграничномъ сообществѣ социалистовъ, дѣятельность котораго распространяется на малорусское населеніе отъ Днѣпра и за Карпаты до предѣловъ Венгріи; онъ служилъ также главнымъ и единственнымъ посредникомъ между украинскими («ruskimi») социалистами на Украинѣ и подобными же, существующими въ зародышѣ элементами украинскаго населенія въ Галичинѣ»¹⁾. Такъ какъ «главнаго и единственнаго» члена тайнаго сообщества было мудрено заполучить изъ Женевы, то львовскій судъ сосредоточилъ свое вниманіе на «существующихъ въ зародышѣ элементахъ», сидѣвшихъ на скамьѣ подсудимыхъ. Безсмысленный процессъ закончился безсмысленнымъ же осужденіемъ.

Это боевое крещеніе будущихъ дѣятелей выбило Павлыка изъ намѣчавшейся колеи. Разсчитывать на педагогическую дѣятельность, о которой онъ мечталъ, избирая философскій факультетъ, было послѣ этого черезчуръ наивнымъ. Павлыкъ оставляетъ университетъ и посвящаетъ себя всецѣло журналистикѣ. Въ томъ же году онъ совмѣстно съ Франкомъ начинаетъ издавать на средства Драгоманова журналъ уже опредѣленной социалистической окраски, пытаясь, съ одной стороны, легализировать въ Галичинѣ социалистическія идеи, а съ другой—проложить имъ дорогу къ обществу. Увы!—журналъ, выходявшій подъ различными названіями («Громадський Другъ», «Дзвінъ», «Молотъ») аккуратно, книжка за книжкой, подвергался конфискации, а предполагаемые читатели, напуганные процессомъ, отрешивались и отъ журнала, и отъ его издателей. «Нѣкоторое время,—пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Франко,—мы жили вмѣстѣ: Павлыкъ, его сестра Анна, Терлецкій и я. Часто слу-

писокъ», то онъ велѣлъ бы ихъ повѣсить. См. Франко—Др. Остап Терлецкій,—«Записки Наук. Т-ва ім. Шевченка», т. 50, стр. 42. Тамъ же и весьма любопытныя подробности перваго социалистическаго процесса въ Галичинѣ.

¹⁾ Тамъ же, стр. 40.

чалось, что сегодня мы не знали, что будемъ ѣсть завтра; съ платой за квартиру регулярно опаздывали; но больше всего донимало насъ то, что все украинское общество, за исключеніемъ группы молодежи, избѣгало насъ, какъ зачумленныхъ. Мы очутились въ положеніи отверженныхъ («банітів»), выброшенныхъ изъ общества, и повышенная нервность, естественная въ подобномъ положеніи, находила исходъ въ нашемъ журналѣ, который, номеръ за номеромъ, конфисковался прокуратурой»¹⁾. Для Павлыка, являвшагося однимъ изъ руководителей журнала и помѣстившаго здѣсь рядъ статей и рассказовъ («Ребенщукова Тетяна», «Юрко Куликів», «Пропавшій чоловік» и др.), дѣло не обошлось, впрочемъ, одной конфискаціей. За первый изъ упомянутыхъ рассказовъ онъ вновь былъ преданъ суду по обвиненію въ оскорбленіи «святости семейнаго начала» и приговоренъ къ 6-мѣсячному заключенію. Не желая, по разстроенному здоровью, отбывать наказаніе, Павлыкь эмигрировалъ въ Женеву, гдѣ сотрудничалъ въ изданіяхъ Драгоманова, въ цюрихскомъ «Jahrbuch für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik» и т. п., занимая въ то же время замѣтное мѣсто въ женевской эмигрантской колоніи²⁾.

Въ концѣ 1882 г. Павлыкь возвращается на родину. Отбывъ наказаніе, начинаетъ прежнюю борьбу за проведеніе въ жизнь своихъ убѣжденій, осложненную борьбой за кусокъ хлѣба. Скудный заработокъ въ украинскихъ изданіяхъ вскорѣ прекратился совершенно, такъ какъ группа радикаловъ опять прегрѣшила предъ обществомъ и была выброшена на улицу. Поводомъ къ этому послужили гражданскія похороны одного изъ львовскихъ народовцевъ, Адольфа Нарольскаго, въ которыхъ принялъ участіе Павлыкь. Для проникнутаго въ то время клерикализмомъ общества гражданскія похороны были неслыханнымъ преступленіемъ, и органъ народовцевъ прямо заявилъ, что необходимо пресѣчь «фанатическія, пагубныя для общаго дѣла демонстраціи», изгнавъ демонстрантовъ изъ общества³⁾. Результатомъ этого новаго конфликта было то, что Франко и Павлыкь потеряли доступъ въ украинскія изданія, находившіяся въ рукахъ старшаго поколѣнія, и послѣ неудачныхъ попытокъ основать собственный органъ, принуждены были отправиться, такъ сказать, на отхожіе промыслы, въ видѣ сотрудничества въ поль-

¹⁾ Тамъ же, стр. 46.

²⁾ Г. Дейчъ называетъ Павлыка «однимъ изъ наиболѣе выдающихся по образованію и характеру приверженцевъ Драгоманова». См. «Вѣстникъ Европы», 1914 г. кн. VIII, стр. 215.

³⁾ Драгомановъ—Переписка, т. I, стр. 44. Павликъ—Москвофильство та українофильство серед австро-руського народу. Львів, 1905, стр. 48—51.

скихъ радикальныхъ изданіяхъ. Начиная со второй половины 80-хъ годовъ, Павлыкъ участвуетъ въ газетахъ «Kurjer Lwowski», «Prawda», «Głos», «Przegląd Tygodniowy» и др. и вмѣстѣ съ тѣмъ работаетъ надъ исторіей просвѣтительнаго движенія въ Галичинѣ. Плодомъ этой послѣдней работы была изданная въ 1887 г. книга «Про русько-українські народні читальні», представляющая первую по времени сводку фактовъ изъ области просвѣтительныхъ начинаній въ Галичинѣ. Одновременно ему приходится подвергаться и административно-судебнымъ воздѣйствіямъ;—все по тому же трафаретному обвиненію въ пропагандѣ социалистическаго ученія (процессы 1882, 1883, 1886 гг.) или же и безъ всякаго обвиненія (арестъ 1889 г.). Гласностью судебного процесса Павлыкъ пользуется для того, чтобы во всеуслышаніе заявить о своемъ символѣ вѣры, чтобы еще разъ поставить открыто вопросъ объ освобожденіи родного народа. «Соціализмъ,—заявляетъ онъ въ своей рѣчи на судѣ въ 1886 г.,—является для насъ не цѣлью, а лишь средствомъ для улучшенія условій жизни нашего народа и человѣчества; при свѣтѣ его мы присматриваемся къ жизни нашего народа и къ его нуждамъ и пользуемся имъ, какъ рычагомъ, при посредствѣ котораго мы готовы содѣйствовать его матеріальному и моральному успѣху» ¹⁾. Что же дало народу это новое движеніе, принесенное изъ Украины, чѣмъ проявилось оно на галицкой почвѣ?—спрашиваетъ далѣе Павлыкъ и отвѣчаетъ: «Среди мѣстной украинской молодежи оно пробудило, съ одной стороны, больше интереса къ европейскому просвѣщенію, а съ другой—больше сочувствія къ простому народу; оно поставило на первомъ мѣстѣ экономическое благосостояніе народныхъ массъ; оно освѣтило какъ истинныя причины народной бѣдности и темноты, такъ и мѣры противъ нихъ; оно, главнымъ образомъ, вело къ тому, чтобы интеллигенція не эксплуатировала народа, какъ это обычно дѣлается... а брательница съ нимъ и всѣ свои силы посвятила тому, отъ кого она получила начало и жизнь» ²⁾. Изложивъ программу своего направленія, Павлыкъ прибавляетъ: «Вотъ грѣхи моей жизни! Это мое прошлое, мои принципы настоящаго и задачи будущаго. Изложенные здѣсь убѣжденія я прежде всего стараюсь самъ воплощать въ жизни; ихъ я проповѣдывалъ и буду проповѣдывать словомъ и дѣломъ, и скорѣе разстанусь съ жизнью, чѣмъ отрекнусь отъ нихъ, ибо эти мои мысли и убѣжденія, моя душа, мой міръ—все, что я

¹⁾ Павликъ М.—Переписка Драгоманова з Павликомъ, т. V, Чернівці, 1913, стр. 9.

²⁾ Тамъ же, стр. 10.

имѣю. И это я меньше всего намѣренъ скрывать предъ кѣмъ бы то ни было» ¹⁾.

Скоро, впрочемъ, обстоятельства измѣнились такимъ образомъ, что Павлыкь и его единомышленники получили возможность выступить уже въ качествѣ открытой политической партіи. Упорная борьба и работа надъ распространеніемъ демократическихъ идей и организаціей общественныхъ силъ не прошли даромъ; маленькая группа молодежи уже сама выросла въ замѣтную общественную силу. Послѣ неудачной попытки еще разъ сойтись съ народовцами на почвѣ практическаго дѣла (участіе Павлыка въ газетѣ «Батьківщина»), Франко и Павлыкь, при дѣятельной поддержкѣ Драгоманова, начинаютъ изданіе газеты «Народъ» (въ 1890 г.), а затѣмъ, когда собранная вокругъ этого органа демократическая группа окрѣпла, основываютъ радикальную партію съ цѣлью нести въ народныя массы сознание своихъ экономическихъ, политическихъ и національных интересовъ, выяснять и защищать ихъ путемъ открытой политической борьбы. Поставивъ во главу угла своей дѣятельности тѣхъ, «кто всѣхъ насъ вскормилъ своимъ кровавымъ трудомъ—трудящихся, народъ» ²⁾, новая партія создала первую въ Галичинѣ дѣйствительно исполнѣ демократическую организацію, способную опереться на массы трудового крестьянства. Для отсталой въ политическомъ отношеніи Галичины, гдѣ политика до того времени систематически превращалась въ мелочное политиканство, выступленіе радикальной партіи имѣло громадное значеніе. И моментъ былъ какъ нельзя болѣе подходящий. Только что прозвучали лозунги знаменитой «угоды», была провозглашена «новая эра» украинско-польскихъ отношеній, въ сущности съ головой выдававшая трудящіеся классы польской шляхтѣ,—и демократическимъ элементамъ края предстояла серьезная борьба не только съ правительствомъ, но и съ общественнымъ разладомъ. И радикальная партія сейчасъ же выдвинулась на первое мѣсто среди украинскихъ политическихъ организацій въ Галичинѣ. Безпощадная критика противниковъ соединялась съ внутренней работой по организаціи массъ, и радикальныя изданія и митинги («віча») впервые дали возможность заговорить о своихъ нуждахъ демократическимъ слоямъ, которые, такимъ образомъ, заставили высшіе круги прислушиваться къ ихъ голосу. Выдвигается рядъ писателей и ораторовъ изъ крестьянъ, явившихся незамѣтными агитаторами и организаторами въ народной средѣ. Начавъ организаціонную работу среди сочув-

¹⁾ Тамъ же, стр. 20.

²⁾ «Народъ», 1890, № 1.

ствующихъ элементовъ, радикальная партія попутно демократизировала и всю вообще національную украинскую работу въ Галичинѣ, заставивъ даже далекихъ отъ радикализма дѣятелей сдвинуться съ формальнаго и словеснаго народолюбія и замѣнить его практическими мѣропріятіями культурнаго и экономическаго значенія. Широкій размахъ политической и культурно-національной работы въ Галичинѣ, проявившійся уже въ послѣднее десятилѣтіе, имѣетъ въ основаніи именно тотъ толчокъ, который данъ былъ радикальной партіей въ началѣ 90-хъ годовъ ¹⁾.

Время выступленія на общественную арену радикальной партіи и первыхъ ея шаговъ было и временемъ расцвѣта политической дѣятельности Павлыка. Много трудовъ и усилій положилъ онъ и какъ одинъ изъ руководителей партійныхъ органовъ («Народъ», «Хліборобъ», «Громадський Голосъ»), и какъ публицистъ, и какъ организаторъ и вдохновитель чисто крестьянскаго движенія. Въ «Народѣ» и другихъ органахъ партіи помѣстилъ онъ множество публицистическихъ работъ, освѣщающихъ общественныя событія съ трудовой точки зрѣнія. Перечитывая эти статьи теперь, находишь въ нихъ и значительные недостатки—нѣкоторое многословіе, излишнюю, можетъ быть, наклонность къ полемикѣ, неумѣстную въ сложныхъ вопросахъ прямолинейность и т. п.,—но въ свое время онѣ производили большое впечатлѣніе на галицкихъ читателей, приучая широкіе общественные круги къ смѣлому, свободному слову. Собственно въ публицистикѣ и работѣ по партійной организаціи и лежитъ центръ тяжести всей дѣятельности Павлыка. Менѣе удачны были его попытки непосредственнаго участія въ парламентской работѣ. Такъ, въ 1893 г. онъ выставилъ свою кандидатуру во время выборовъ въ сеймъ—и потерпѣлъ полную неудачу, которую съ поразительною, можно сказать, откровенностью самъ же и описалъ въ статьѣ «Моя бродська Одисея» («Народъ», 1894 г.). Причина неудачи лежала не только въ томъ, что радикальная кандидатура была выставлена въ самомъ темномъ и реакціонномъ изъ галицкихъ округовъ, но и въ личности кандидата. Соприкоснувшись съ грязью, обычною при галицкихъ выборахъ того времени, Павлыкъ обнаружилъ поистинѣ дѣтскую беспомощность во всевозможныхъ избирательныхъ фортеляхъ и, разумѣется, долженъ былъ потерпѣть неизбежное фіаско при столкновеніи съ истинными избирательныхъ дѣлъ мастерами. Искрен-

¹⁾ Объ украинской радикальной партіи на русскомъ языкѣ см. *Василевскаго Л.*—Новыя теченія среди галиційскихъ русинъ, «Русское Богатство», 1893, кн. VIII, и *Драгоманова*—Политическія сочиненія, т. I, Москва, 1908, въ статьѣ «Новыя движенія среди русскихъ галичанъ».

ность и прямодушіе Павлыка въ этомъ случаѣ оказали ему плохую услугу.

По мѣрѣ развитія политической жизни въ Галичинѣ, которое пошло съ этого времени быстрымъ темпомъ, значеніе радикальной партіи начинаетъ падать. Слѣва появляются социаль-демократы, справа вырастаетъ сильная національно-демократическая партія (съ 1898), заимствовавшая у радикаловъ программныя положенія и отчасти даже тактическіе приемы. Смерть Драгоманова и отходъ отъ радикальной партіи такихъ выдающихся силъ, какъ Франко, также значительно способствовали упадку удѣльнаго вѣса радикализма. Павлыкъ, который до конца шелъ подъ знаменемъ радикальной партіи, въ теченіе послѣдняго десятилѣтія все болѣе, однако, отходитъ отъ непосредственной партійной дѣятельности, увлекаясь всевозможными литературными предпріятіями, между которыми видное мѣсто занимаетъ историко-литературное изслѣдованіе объ авторѣ первыхъ украинскихъ комедій, Якубѣ Гаватовичѣ (1900). Кромѣ того Павлыкъ много и охотно переводилъ на украинскій языкъ,—особенно изъ русскихъ авторовъ: «Власть тьмы» и «Два старца» Л. Толстого, «Князь Серебряный» А. Толстого, «Гроза» Островскаго, рассказы Щедрина, Успенскаго, Лѣскова и др.; изъ другихъ его переводовъ извѣстны: Дрепера—«Исторія борьбы між наукою и религією», Ибсена—«Ворог народа», Гауптмана—«Ткачі» и т. д. Но совершенно особое мѣсто въ литературномъ наслѣдіи Павлыка занимаютъ его труды по изученію личности Драгоманова и изданію всевозможныхъ матеріаловъ, касающихся дѣятельности этого выдающагося ученаго и общественнаго дѣятеля.

Отношеніе Павлыка къ Драгоманову было совершенно исключительнымъ по силѣ привязанности. Получивъ свое идейное крещеніе изъ рукъ Драгоманова, Павлыкъ, можно сказать, боготворилъ своего учителя, который былъ для него непререкаемымъ авторитетомъ и послѣдней апелляціонной инстанціей. Работы Драгоманова онъ считалъ «единственнымъ до сихъ поръ синтезомъ полнаго и всесторонняго развитія нашей націи»; въ составленіи обстоятельной біографіи Драгоманова, на фонѣ исторіи идейнаго движенія на Украинѣ, онъ видѣлъ задачу всей своей жизни ¹⁾, и эта задача служила ему моральной поддержкой въ трудныхъ обстоятельствахъ одинокой жизни и надвигавшейся старости ²⁾. Есть что-то до крайности трогательное въ этой неизмѣнной привязанности къ человѣку, свѣтомъ идеала озарившему весь жизненный путь покойнаго, бережно хранившаго

¹⁾ «Ювильей 30-лѣтньої діяльности М. Павлика», ст. 77, 78.

²⁾ «Народ», 1895, стр. 278.

завѣты своего перваго и единственнаго учителя. Здѣсь ярче всего сказалась, быть можетъ, та черта характера Павлыка, которая позволяетъ опредѣлить его тургеневскимъ словомъ— «однолюбе», одинаково относящимся какъ къ идеямъ, такъ и къ людямъ. Въ дѣйствительности Павлыку не посчастливилось выполнить принятую на себя задачу: біографіи Драгоманова онъ не написалъ, истолкованія его дѣятельности онъ не далъ. Онъ все собирался приступить къ этой работѣ, какъ бы чувствуя себя все еще недостаточно подготовленнымъ. Но все же Павлыкъ и въ этой области далъ нѣчто весьма цѣнное—въ видѣ тѣхъ матеріаловъ о жизни Драгоманова, изданіемъ которыхъ покойный былъ занятъ въ послѣдніе предъ смертью годы. Подъ его редакціей вышли научныя сочиненія Драгоманова: «Розвідки Михайла Драгоманова про українську народню словесність і письменство» (четыре тома, Львів, 1899—1907), «М. П. Драгомановъ», матеріали (Львів, 1896), «Памяти М. Драгоманова» (Чернівці, 1902), «М. Драгоманов і його роля в розвою України» (Львів, 1907), «М. Драгоманов, високий рівень українства та нова ера» (Львів, 1906) и, наконецъ, обширная переписка Драгоманова съ различными лицами, въ особенности 7-томная «Переписка М. Драгоманова з М. Павликомъ» (Чернівці, 1910—1913), содержащая много цѣнныхъ документовъ по исторіи украинскаго движенія. Съ сожалѣніемъ приходится отмѣтить, что изданіе переписки Драгоманова могло бы быть значительно интереснѣе, если бы его письма не подвергались всевозможнымъ случайностямъ галицкой дѣйствительности и сохранились въ большемъ количествѣ...

«Нема на совісті... у мене найменшої кривди якої хлопської душі» («на моей совѣсти не лежитъ ни малѣйшей несправедливости по отношенію къ народу») — этими словами, сказанными Павлыкомъ на своемъ юбилеѣ, хочется мнѣ закончить портретъ этой цѣльной, недюжинной и во всякомъ случаѣ своеобразной личности. Немного найдется людей, которые, положивъ руку на сердце, могутъ произнести эти гордые слова. Павлыкъ, несомнѣнно, могъ: это его право, единственное, быть можетъ, неотъемлемое право, выстраданное его 40-лѣтней безкорыстной на благо родного народа работой. Нѣсколькихъ дней этотъ неутомимый работникъ не дожилъ до момента своего 40-лѣтняго юбилея, но зато дожилъ онъ до тяжелыхъ испытаній, ниспосланныхъ судьбой его родинѣ. Несомнѣнно, что печальныя событія въ Галичинѣ должны были сильно повліять на Павлыка и они-то, по всей вѣроятности, и ускорили роковую развязку, оборвавъ эту трудовую жизнь...

С. Ефремовъ.

Критика и библиографія.

Парламентскія рѣчи по еврейскому вопросу. Часть 1-я. Переводъ подъ редакціей и съ примѣчаніями С. В. Познера. Съ предисловіемъ проф. М. М. Ковалевскаго. Спб. Изд. «Разумъ», 1914 г. Цѣна 1 руб. 25 к.

Интересъ къ исторіи евреевъ за послѣднее время, несомнѣнно, у насъ возросъ ¹⁾ и не ограничивается рамками только одной читающей еврейской публики. Намъ памятенъ живой интересъ, какой вызвали въ Россіи послѣднія работы Зомбарта объ экономической роли еврейства въ исторіи Западной Европы; его книга: «Евреи и хозяйственная жизнь», переведенная на русскій языкъ, была снабжена специальнымъ предисловіемъ проф. Озерова, рекомендовавшаго работу Зомбарта, какъ ключъ къ уясненію *экономическаго значенія для Россіи эмансипаціи евреевъ.*

Условія русской дѣйствительности не переставали возбуждать интересъ къ еврейству и его исторіи. Дѣло Бейлиса, польско-еврейскія отношенія и, наконецъ, великая европейская война, заставшая евреевъ въ Россіи въ чудовищно безправномъ положеніи,—все это обостряло еврейскій вопросъ и дѣлало его еще болѣе «проклятымъ», чѣмъ онъ былъ раньше. При такомъ обостреніи этого вопроса въ Россіи, весьма умѣстно оглянуться на западъ: какъ тамъ ставился и рѣшался еврейскій вопросъ.

Разсматриваемая нами книга является одной изъ крупницъ матеріаловъ по исторіи западнаго еврейства на русскомъ языкѣ, которую нельзя не привѣтствовать.

Англійскій отдѣлъ книги представленъ довольно полно, но нужно замѣтить, что мы находимъ въ ней только апологетическія рѣчи. Что же касается французскаго отдѣла, то онъ представленъ весьма и весьма бѣдно, даже со стороны рѣчей въ защиту евреевъ ²⁾.

¹⁾ Это доказываютъ изданія «Еврейской Энциклопедіи», журнала «Еврейская Старина» (1909—1914), трудовъ С. М. Дубнова, недавно вышедшаго коллективнаго труда по исторіи евреевъ въ Россіи и проч.

²⁾ О рѣчахъ и сочиненіяхъ противъ евреевъ вообще см. въ статьяхъ объ антисемитизмѣ въ «Еврейской Энциклопедіи» и въ книгѣ С. М. Дубнова: «Новѣйшая исторія еврейскаго народа». Спб. 1914. Ред.

Учредительное собраніе представлено только рѣчами аббата Грегора, гр. Клермонъ-Тоннера, аббата Бертоліо. Нѣтъ рѣчей Мирабо, Робеспьера и друг.

Очень интересна помѣщенная въ концѣ сборника рѣчь французскаго депутата Сальверта, произнесенная въ 1830 гг. Сальвертъ указываетъ на сильно развитое чувство патріотизма. Иллюстраціей для еврейскаго патріотизма служить для него поведеніе польскихъ евреевъ во время возстанія Косцюшки: «я назову страну, въ которой евреи пребывали въ крайнемъ униженіи, гдѣ сыпались на нихъ упреки въ жадности и дикости; эта страна—Польша. Въ 1794 г. дѣло свободы сдѣлало въ Польшѣ необычайные, хотя, къ сожалѣнію, безплодные успѣхи. Отвага столкнулась съ предательствомъ, многочисленностью и сплоченностью враговъ. Польскіе патріоты напрягли послѣднія усилія. Предмѣстье Варшавы—Прага, которую защищаль полкъ, состоявшій изъ однихъ евреевъ, была взята штурмомъ; (почти) всѣ солдаты были перебиты». «Эти люди», добавляетъ французскій депутатъ, «были достойны называться французами». (Стр. 317) ¹⁾. Какой любопытный штрихъ къ исторіи польско-еврейскихъ отношеній.

Р. Выдринъ.

Чарльзъ Сароли. Англо-германская проблема. Переводъ съ англійскаго. Москва 1915 г. «Книг. Писателей». Ц. 1 р. 25 к.

Проф. Крэмбъ. Германія и Англія. Перев. съ англійскаго. М. 1915. «Книг. Писателей». Ц. 1 р. 25 к.

Обѣ книги посвящены одному и тому же вопросу—выясненію взаимоотношеній между Англіей и Германіей.

Книга Сароли по построенію распадается на двѣ части: въ первой авторъ даетъ характеристику современной Германіи, во второй защищаетъ Англію отъ обвиненія со стороны нѣмцевъ. Тщеславная послѣ побѣды надъ французами, «вульгарная и наглая Германія» является въ международныхъ отношеніяхъ силой реакціонной, какъ въ дни священнаго союза были Россія и Австрія. Объединенная Пруссіей, этимъ хищнымъ государствомъ сѣвера, она постепенно умѣряла свои культурныя достоинства и превратилась въ военное государство (Kriegstaat), подавляющее внутри всякое проявленіе свободы и потрясающее бронированнымъ кулакомъ надъ всей Европой. Стремясь къ всемірному господству, она натолкнулась на Англію, завоевавшую себя вѣками преобладающее положеніе среди другихъ государствъ, и всѣ неудобства

¹⁾ О вождѣ этого полка—Берекѣ Юселевичѣ см. ст. С. Мстиславской въ «Еврейской Старинѣ» 1909, т. II, стр. 128—148. Ред.

своего современнаго положенія какъ въ международныхъ отношеніяхъ, такъ и въ колоніальной политикѣ приписываетъ враждебнымъ проискамъ Англіи. Зависть къ соперницѣ ослѣпляетъ Германію, и въ своей злобѣ она не замѣчаетъ, что пожинаетъ только то, что сама посѣяла. Такова вкратцѣ несложная концепція книги Сароли. Заканчивается она характеристикой имп. Вильгельма, но довольно блѣдной и притомъ едва ли необходимой для той цѣли, которую себѣ ставитъ авторъ.

Въ самомъ началѣ своей книги Сароли обѣщаетъ дать «исчерпывающій и систематическій анализъ англо-германской проблемы». Къ сожалѣнію, обѣщанія своего авторъ не исполнилъ. При описаніи внутренняго состоянія Германіи и ея отношенія къ другимъ державамъ Сароли часто обращается къ исторіи, но обращенія эти большей частью случайны и поверхностны. Если исключить главу о Багдадской желѣзной дорогѣ, которая трактуетъ объ экономическихъ интересахъ державъ въ Турціи, то авторъ совершенно не касается хозяйственной жизни разсматриваемыхъ имъ государствъ; развитіе индустріи въ иной и другой странѣ, положеніе ихъ на міровомъ рынкѣ, соперничество на этой почвѣ,—все это остается внѣ поля зрѣнія автора. Прочитавъ книгу Сароли, невольно задаешь себѣ вопросъ: для какого читателя она предназначена? Человѣку неподготовленному рекомендовать ее нельзя, такъ какъ и безъ того неполное изложеніе вопроса будетъ для него затемнено голымъ упоминаніемъ такихъ фактовъ, какъ Фашода, Марокскій вопросъ, Алжезирасское соглашеніе, безъ пониманія которыхъ трудно разобраться въ трактуемой проблемѣ; а отсутствіе свѣжаго матеріала или яркаго, оригинальнаго освѣщенія стараго дѣлаетъ ее неинтересной для лицъ, разбирающихся въ причинахъ современнаго столкновенія обѣихъ націй.

Книжка проф. Крэмба представляетъ собой 4 лекціи, читанныя весною 1913 года въ Queen college въ Лондонѣ. Лекціи изданы друзьями автора послѣ его смерти, и такъ какъ не всегда можно было найти соотвѣтствующія замѣтки, то въ нѣкоторыхъ мѣстахъ есть очень существенные пробѣлы; такъ, не закончена вторая лекція, которая должна была выяснить значеніе для Германіи веденныхъ ею войнъ; не закончена и послѣдняя лекція, «прошлое и будущее», которая должна была, основываясь на анализѣ прошлой исторіи обоихъ государствъ, сдѣлать выводъ объ ихъ будущихъ взаимоотношеніяхъ. Уже это одно понижаетъ достоинство книги, а между тѣмъ есть въ ней и другіе недостатки. Задавшись цѣлью познакомить англичанъ съ Германіей, ея исторіей, темпераментомъ, поэзіей и литературой, авторъ суживаетъ

далѣе свою задачу и знакомить собственно съ политическими взглядами (и даже біографіей) прусскаго шовиниста профессора Генриха фонъ-Трейчке, апологета «священной династіи Гогенцоллерновъ» и ихъ наступательной политики. Установивъ такимъ путемъ наличность непримиримой вражды и неизбежность будущей войны, авторъ ставитъ два вопроса: каковы причины этой вражды и какъ должна вести себя Англія въ отношеніи къ Германіи? Отвѣтъ автора на первый вопросъ поражаетъ своей наивностью: «Германія, достигшая великихъ результатовъ въ искусствахъ и военномъ отношеніи, не можетъ мириться съ міровымъ господствомъ Англіи»; «стремленіе Германіи къ власти трагически сталкивается съ стремленіемъ Англіи къ миру. Здѣсь заложена причина вражды» (стр. 127). Отвѣчая на второй вопросъ, авторъ рекомендуетъ реорганизовать военныя силы Англіи и готовиться къ войнѣ. Стремленіе къ миру, какое наблюдалось въ то время въ Англіи, вызываетъ полное осужденіе со стороны автора, и если онъ не возмущается «эксцентричностью или глупостью» защитниковъ пассивизма, то только потому, что идеалъ ихъ прекрасенъ; только потому онъ готовъ мириться и «съ крайностями графа Толстого», который, не понимая духа Евангельскаго ученія, утверждалъ, что война противорѣчитъ ученію Христа. Для самого автора война—не неизбежное зло, а школа добродѣтели, благотѣльная для человѣка. «Въ войнѣ заключается что-то такое, что превосходитъ разумъ; въ войнѣ и въ правѣ на войну человѣкъ обладаетъ чѣмъ-то, что онъ цѣнитъ выше религіи, выше промышленности и выше соціального благополучія; въ войнѣ человѣкъ цѣнитъ силу, которой она (война) даетъ подняться надъ жизнею, силу, которой обладаетъ духъ человѣка въ стремленіи къ идеалу».

Категоричность необоснованныхъ утвержденій, обиліе громкихъ фразъ, неясность поставленной цѣли и скудость объективныхъ данныхъ о положеніи Англіи и Германіи передъ войной,—вотъ отличительныя особенности книги проф. Крэмба.

Выясненію англо-германской проблемы посвящено въ нашей журнальной литературѣ немало дѣльныхъ статей, основательно изслѣдующихъ различныя стороны вопроса, и можно только удивляться, зачѣмъ понадобилось переводить поверхностныя книги Крэмба и Сароли, носящія характеръ легкой публицистики.

И. Балинскій.

В. П. Семенниковъ. *Русскіе сатирическіе журналы 1769—1774 гг. Разысканія объ издателяхъ ихъ и сотрудникахъ*. С.-Петербургъ. 1914. Стр. 90.

Г. Семенниковъ счастливъ на находки. Ему удалось сдѣлать

много открытій въ архивахъ и пролить свѣтъ на нѣкоторые вопросы въ исторіи книжнаго дѣла, цензуры и журналистики XVIII в.

Цѣлый рядъ статей въ «Русскомъ Библиофилѣ» 1911—1914 гг. явился результатомъ этихъ счастливыхъ находокъ. Статьи о литературной и книгопечатной дѣятельности въ провинціи въ XVIII в., о раннемъ издательскомъ обществѣ Н. И. Новикова, о нѣкоторыхъ фактахъ изъ исторіи цензуры въ Екатерининскую эпоху заключены двумя большими разысканіями: о переводческомъ собраніи, учрежденномъ Екатериною II («Р. Библиофилъ», 1913 г., приложение), и данной работой о русскихъ сатирическихъ журналахъ.

Архивныя данныя, доставившія такой обильный матеріалъ для статей г. Семенникова, почерпнуты имъ въ двухъ архивахъ: архивъ Конференціи Академіи Наукъ и архивъ типографіи сухопутнаго шляхетнаго корпуса (нынѣ 1-го кадетскаго корпуса). Послѣдняя работа г. Семенникова о сатирическихъ журналахъ построена отчасти на архивныхъ находкахъ, но въ большей мѣрѣ на данныхъ, извлеченныхъ изъ содержанія самихъ журналовъ и изъ литературной полемики 70-хъ годовъ XVIII в., возникшей сейчасъ же вслѣдъ за появленіемъ сатирическихъ журналовъ 1769 г. Разысканіе г. Семенникова касается 11 журналовъ, въ центрѣ которыхъ стоятъ, конечно, три знаменитыхъ журнала Новикова: «Трутенъ», «Живописецъ» и «Кошелекъ». Исторія журналистики еще вполнѣ неразработанный отдѣлъ исторіи русской литературы, и хотя сатирическая журналистика XVIII в. привлекала къ себѣ вниманіе многихъ изслѣдователей, но полного общаго очерка ея исторіи пока нѣтъ, монографическая разработка коснулась только немногихъ отдѣльных пунктовъ, да и подготовительная черновая работа выясненія основного фактическаго матеріала не продолжена въ полной мѣрѣ. Установленіе существеннѣйшихъ фактовъ относительно авторовъ и издателей журналовъ не сдѣлано еще относительно многихъ журналовъ: сотрудники даже такихъ журналовъ, какъ «Всякая Всячина», «Трутенъ», «Живописецъ», не установлены до сихъ поръ съ полной достовѣрностью.

Понятно, насколько важны всѣ эти свѣдѣнія объ авторахъ и издателяхъ—и для исторіи журналистики, и для выясненія литературной фizioноміи цѣлаго ряда писателей. Въ частности очень важно, напримѣръ, выясненіе круга журнальной дѣятельности Екатерины II или авторства Новикова въ издававшихся имъ журналахъ. Г. Семенниковъ въ своей работѣ только отчасти заполняетъ существующій пробѣлъ. И очень жаль, что

въ погонѣ за новизной матеріала г. Семенниковъ сознательно устранилъ изъ своей работы всѣ факты, извѣстные до него, обошелъ молчаніемъ соображенія, къ которымъ онъ не могъ прибавить ничего новаго. Благодаря этому, получилась неполная картина, и работа была бы значительно цѣннѣе, если бы на ряду съ новыми разысканіями дана была сводка положительныхъ старыхъ данныхъ и извѣстные сотрудники какого-либо журнала перечислялись вмѣстѣ съ указаніями на принадлежащія имъ статьи исчерпывающимъ образомъ. Этого требуетъ и заглавіе работы г. Семенникова: «Русскіе сатирическіе журналы 1769—1774 г. Разысканіе объ издателяхъ и сотрудникахъ»,—въ то время, какъ въ ней говорится далеко не о всѣхъ журналахъ того періода и указаны далеко не всѣ сотрудники журналовъ, о которыхъ говорится. Такъ, о «Всякой Всячинѣ» приводится много соображеній о второстепенныхъ ея сотрудникахъ, но не выясняется участіе Аблесимова и размѣры сотрудничества самой Екатерины II. Также не отмѣчено сотрудничество В. Рубана въ новиковскихъ журналахъ и предѣлы участія въ «Трутиѣ» Аблесимова. Рядомъ съ такимъ отсутствіемъ положительныхъ фактовъ, работа изобилуетъ огромнымъ количествомъ догадокъ г. Семенникова, которыя во многихъ случаяхъ оставляютъ впечатлѣніе чистѣйшихъ натяжекъ, сдѣланныхъ къ тому же по поводу весьма мелочныхъ обстоятельствъ. Поэтому въ книгѣ г. Семенникова должно быть отдѣлено существенное новое отъ мелочнаго сомнительнаго, способнаго, какъ выражается о чужихъ догадкахъ г. Семенниковъ, только запутывать вопросъ.

Существенное новое, что автору удалось установить, благодаря удачнымъ догадкамъ и сопоставленіямъ, таково: во-первыхъ, имъ выясняется роль во «Всякой Всячинѣ» извѣстнаго переводчика и журнальнаго дѣятеля Г. В. Козицкаго.

Также существенны новыя данныя относительно журналовъ: «Полезнаго съ Пріятнымъ», «Смѣси» и «Пустомели». На основаніи архивныхъ разысканій г. Семенниковъ устанавливаетъ очень интересный новый фактъ о томъ, что издателями перваго изъ указанныхъ трехъ журналовъ были два преподавателя шляхетнаго корпуса—И. А. Тейльсъ и И. Ф. Румянцевъ.

Очень интересны соображенія г. Семенникова относительно журналовъ «Смѣсь» и «Пустомеля». Но въ этихъ двухъ послѣднихъ случаяхъ г. Семенниковъ не нашелъ прямыхъ указаній для рѣшенія основного вопроса объ издателяхъ этихъ журналовъ въ архивахъ, имъ обслѣдованныхъ. Прошенія издателей подписаны словомъ: «Аноніме». Поэтому, чтобы рѣшить вопросъ объ издателѣ «Смѣси», г. Семенниковъ высказываетъ

цѣлый рядъ догадокъ, дѣлаетъ цѣлый рядъ сопоставленій. Но въ этихъ догадкахъ и сопоставленіяхъ немного убѣдительности. Всѣ тонкія соображенія г. Семенникова, имѣющія цѣлью доказать, что издателемъ «Смѣси» былъ Ѳ. А. Эминъ, издатель «Адской Почты» и знаменитыхъ въ XVIII в. романовъ,—очень остроумны, но вопроса окончательно не рѣшаютъ. Они проясняютъ другой вопросъ о кружковщинѣ, существовавшей въ тогдашнихъ литературныхъ сферахъ: г. Семенниковъ указываетъ на кружокъ, примыкавшій къ новиковскимъ журналамъ (сюда принадлежалъ и Эминъ), и на другой, выразителемъ котораго былъ М. Чулковъ, В. Петровъ и др. Но всѣ тонкія соображенія автора относительно Эмина, какъ издателя «Смѣси», неубѣдительны; маленькое примѣчаніе на стр. 36 о томъ, что стихотворная сатира Эмина распространялась въ рукописи, прекрасно объясняетъ, почему Петровъ въ предисловіи къ переводу Энеиды ополчился на Эмина, имѣя въ виду, вѣроятно, эту рукописную сатиру, а вовсе не статьи въ «Смѣси», какъ думаетъ г. Семенниковъ. Между тѣмъ, на этой брани Петрова съ Эминымъ построено предположеніе о томъ, что Эминъ былъ издателемъ «Смѣси», если Петровъ въ своемъ предисловіи нападаетъ на «Смѣсь» и на Эмина. Очевиднымъ является только то, что нападки на Петрова исходили изъ того новиковскаго кружка, къ которому принадлежали и Эминъ, и журналъ «Смѣсь». Приписывать Эмину изданіе «Смѣси» тѣмъ болѣе трудно, что Эминъ въ томъ 1769 г., когда выходитъ въ свѣтъ Смѣсь, издаетъ свой журналъ «Адскую Почту» да еще, по предположенію г. Семенникова, дѣятельно сотрудничаетъ въ «Трутиѣ».

Соображенія, высказываемыя относительно «Пустомели», тоже не кажутся особенно доказательными. Г. Семенниковъ воспроизводитъ fac-simile доношенія издателя «Пустомели» въ академическую комиссію и предлагаетъ сравнить его съ автографомъ Новикова, помѣщеннымъ имъ въ другой работѣ («Собраніе, старающееся о переводѣ иностранныхъ книгъ». Спб. 1913, стр. 20) и представляющимъ такое же «доношеніе» по поводу переводовъ, издававшихся Новиковымъ въ 1773 году. Сличеніе почерковъ должно показать, что издателемъ «Пустомели» (1770 г.) и былъ Новиковъ. Г. Семенниковъ беретъ изъ обоихъ доношеній и перепечатываетъ рядомъ три слова, встрѣчающіяся и въ томъ, и въ другомъ. Г. Семенниковъ указываетъ на сходство въ начертаніяхъ этихъ словъ, на сходство написанія нѣкоторыхъ буквъ, но тождество лицъ, писавшихъ то и другое доношенія, остается недоказаннымъ: всѣ другія слова, повторяющіяся въ обоихъ бумагахъ, ничего общаго въ начертаніи не имѣютъ, общій ха-

ракетъ почерка различенъ, различны и написанія многихъ буквъ,—словомъ, все говоритъ о полномъ несходствѣ почерковъ. Г. Семенниковъ не принялъ во вниманіе, что и орѳографія обоихъ доношеній различна.

Въ работѣ г. Семенникова больше всего мѣста удѣлено журналамъ Новикова, при чемъ основной вопросъ, поставленный авторомъ работы,—вопросъ объ участіи самого издателя въ этихъ журналахъ. Эта часть книги не опирается вовсе на какія-либо новыя находки, а представляетъ собой просто собственные домыслы автора. Въ самомъ же началѣ г. Семенниковъ останавливается передъ вопросомъ; почему между ролью Новикова въ «Трутиѣ» и въ «Живописцѣ» существуетъ противорѣчіе, о чемъ говорится въ самихъ журналахъ: въ «Трутиѣ» Новиковъ называетъ себя только издателемъ чужихъ трудовъ, говоритъ о своей лѣности, заявляетъ, что самъ писать въ журналѣ будетъ очень мало,—словомъ, всячески скрываетъ свое авторство, умаляетъ свою роль. Между тѣмъ какъ въ «Живописцѣ» Новиковъ самъ называетъ себя авторомъ. Дѣло объясняется просто: то, что Новиковъ шутитъ надъ своей лѣнью, надъ отсутствіемъ въ журналѣ трудовъ его рукъ, есть не что иное, какъ выдержанность юмористическаго тона въ томъ насмѣшливомъ заглавіи, которое Новиковъ даетъ своему журналу—«Трутень», и во всемъ журналѣ онъ старается обнаружить себя такимъ лѣнивымъ ничегонедѣлающимъ *трутнемъ*. Наоборотъ, «Живописецъ» это уже авторъ, писатель живой дѣйствительности, и во всемъ журналѣ выдержанъ этотъ новый обликъ, въ который переряжается Новиковъ. «Трутень» и «Живописецъ», какъ и всѣ другія имена журналовъ—это столько же названіе журнала, сколько и псевдонимъ, подъ которымъ выступаетъ издатель. Здѣсь дѣло именно въ этомъ, а не въ томъ, что роль Новикова была значительнѣе въ «Живописцѣ», чѣмъ въ «Трутиѣ», и не въ томъ, что Новиковъ почему-либо хотѣлъ скрывать свое авторство въ «Трутиѣ».

Г. Семенниковъ пытается выдѣлить статьи, несомнѣнно принадлежащія Новикову; но здѣсь у автора нѣтъ какихъ-либо опредѣленныхъ руководящихъ принциповъ. То, что при нѣкоторыхъ статьяхъ журнала печатались сопроводительныя письма, указывающія, что статьи эти присланы издателю, а не сочинены имъ,—конечно, могло быть простой маскировкой, и статьи съ такими сопроводительными письмами могли принадлежать самому Новикову. Это признаетъ и г. Семенниковъ. Выраженіе сочувствія или похвалъ журналу тоже не могутъ быть доказательствомъ того, что статья не сочинена самимъ Новиковымъ. Это обычный пріемъ сатиры XVIII в., постоянно прибѣгавшей

къ помощи фиктивныхъ писемъ добродѣтельныхъ и порочныхъ лицъ, при чемъ первыя, критикуя нравы общества, выражаютъ похвалу журналу, вторыя обнаруживаютъ свои достойныя осмѣянія качества, браня журналъ. А между тѣмъ эти два соображенія (наличность сопроводительныхъ писемъ и похвалъ) являются для г. Семенникова руководящимъ принципомъ.

Такими же догадками, безъ прочныхъ основаній, является разсужденіе о сотрудникахъ новиковскихъ журналовъ: здѣсь много недоказательныхъ и просто неосновательныхъ предположеній. Всѣ статьи изъ «Трутня» и «Живописца», въ которыхъ г. Семенниковъ видитъ авторство М. Попова, приписаны ему безъ всякихъ основаній, только по субъективнымъ впечатлѣніямъ и по недоказаннымъ догадкамъ П. Ефремова, высказаннымъ въ примѣчаніяхъ къ переизданному имъ «Трутню» (Семенниковъ — стр. 45 и особенно 56). Очень шатка аргументировка значительнаго участія Эмина въ «Трутнѣ» (особенно приписываніе Эмину писемъ съ подписью NN—стр. 47—48). Особо выдѣлены и разсмотрѣны вопросы объ участіи въ «Живописцѣ» Екатерины II и А. Н. Радищева. Соображенія г. Семенникова о томъ, что Екатеринѣ II можетъ принадлежать письмо Любомудрова изъ Ярославля очень интересны и убѣдительны.

Несмотря на присутствіе въ работѣ большого количества догадокъ, вызывающихъ возраженія или требующихъ, провѣрки, доказательствъ или опроверженія, книга г. Семенникова очень цѣнна по приводимому въ ней свѣжему архивному матеріалу и сыграетъ свою роль въ дѣлѣ изученія сатирическихъ журналовъ XVIII в.

В. Міяковскій.

Полное собраніе сочиненій А. С. Грибоѣдова. Томъ второй. Подъ редакціей и съ примѣчаніями Н. К. Пиксанова. Академическая библіотека русскихъ писателей.

Ни одно классическое произведеніе нашей литературы не дало столько редакцій и разночтеній, не подвергалось такимъ измѣненіямъ въ своемъ текстѣ, какъ «Горе отъ ума».

Какъ извѣстно, окончательная, авторская рукопись безсмертной комедіи не дошла до насъ, да и была ли она? Не существуетъ также и полного печатнаго текста ея, вышедшаго при жизни Грибоѣдова, за исключеніемъ нѣкоторыхъ сценъ перваго дѣйствія и всего третьяго акта. Но и эти отрывки достаточно претерпѣли въ цензурѣ и потребовали впослѣдствіи новой работы по восстановленію грибоѣдовскаго текста.

Запрещеніе печатать комедію полностью было причиной, какъ

это и бываетъ всегда, появленія многочисленныхъ рукописей «Горя отъ ума». Комедія стала извѣстной не только въ литературныхъ кругахъ, но ея популярность выходила далеко за предѣлы обѣихъ столицъ, ее читало въ сотняхъ списковъ и провинціальное общество. Въ это время она передѣлывалась самимъ авторомъ, а еще усерднѣе многочисленными переписчиками, изъ которыхъ одни желали внести въ безсмертное произведеніе и свою крупицу поэтического, часто сомнительнаго, дарованія, другіе—полковые писаря и канцелярскіе служители—по безграмотности коверкали и искажали авторскій текстъ. Всѣ эти обстоятельства создавали огромныя затрудненія при редактированіи «Горя отъ ума», а установленіе каноническаго текста признавалось многими дѣломъ совершенно невозможнымъ.

Съ выходомъ второго тома сочиненій А. С. Грибоѣдова, подъ редакціей Н. К. Пиксанова, вопросъ объ «основномъ» текстѣ комедіи перешелъ въ новую и, по нашему мнѣнію, послѣднюю фазу своего развитія. Имя Н. К. Пиксанова тѣсно связано рядомъ статей и работъ по Грибоѣдову, статей интересныхъ и проливающихъ новый свѣтъ на гениальную комедію и ея творца.

Детально изучивъ прежнія изданія и огромный печатный и рукописный матеріалъ по Грибоѣдову, редакторъ пришелъ къ категорическому выводу, что отчаяніе прежнихъ изслѣдователей напрасно, а взгляды скептиковъ ни на чемъ не основаны и что каноническій текстъ «Горя отъ ума» не только возможенъ, но и существуетъ. Въ своихъ многочисленныхъ примѣчаніяхъ, вводящихъ насъ въ лабораторію редакторскаго труда, Н. К. Пиксановъ знакомитъ насъ съ отдѣльными текстами «Горя отъ ума», характеризуетъ и критикуетъ главныя рукописи и изданія комедіи. Онъ устанавливаетъ, что первопечатный текстъ отрывковъ «Горя отъ ума» въ «Русск. Таліи» представляетъ собой искаженный цензурой текстъ Жандровской рукописи, а почти всѣ послѣдующія подцензурныя изданія—были изданія въ 30 гг. и безъ цензуры—воспроизводятъ до 1875 г. печатный текстъ 1833 г., взятый съ рукописи имп. театровъ, текстъ, искаженный переписчиками и цензурой.

Въ 1875 г. И. Д. Гарусовъ издалъ комедію по такъ называемой Попухинской рукописи и приложилъ къ ней Булгаринскій списокъ. Въ своемъ изслѣдованіи Н. К. Пиксановъ убѣдительно доказываетъ, что Попухинско-Юматовскій текстъ, который Гарусовъ выдавалъ за основной, фальсифицированъ, компилятивенъ и во всякомъ случаѣ не авторитетенъ, между тѣмъ какъ Булгаринскій списокъ заслуживаетъ большаго вниманія. Булгарину поручалъ «свое горе» Грибоѣдовъ и на писарской рукописи сдѣ-

лалъ свои помѣтки. Большинство послѣдующихъ редакторовъ, при установленіи текста, пользовались эклектическимъ методомъ и руководствовались своими эстетическими вкусами, весьма разнорѣчивыми и ни для кого необязательными. До нѣкоторой степени въ этомъ виновато и прекрасное изданіе И. А. Шляпкина, который первый привлекъ богатый матеріалъ къ изученію Грибоѣдова и многое выяснилъ спорнаго въ сложномъ вопросѣ Грибоѣдовскаго текста.

Съ опубликованіемъ В. Я. Якушкинымъ, въ 1903 г., музейнаго автографа мы получили раннюю редакцію комедіи и, наконецъ, въ 1912 г. Жандровскую рукопись. Роскошно изданный Л. Э. Бухгеймомъ, подъ ред. г. Пиксанова, съ интереснымъ введеніемъ и цѣнными примѣчаніями Жандровскій текстъ оказался почти тождественнымъ съ Булгаринской рукописью, незаслуженно опороченной прежними изслѣдователями.

Основательно просмотрѣвъ весь имѣвшійся матеріалъ, отбравъ все лишнее, все наносное и постороннее Грибоѣдову, Н. К. Пиксановъ остановилъ свое вниманіе на этихъ двухъ рукописяхъ, различающихся между собой только тремя—четырьмя словами текста. Кромѣ того, рукописи Жандра и Булгарина являются не просто переписаннымъ текстомъ, но по обѣимъ прошла рука Грибоѣдова, исправившаго различныя погрѣшности противъ установленнаго имъ къ этому времени чтенія комедіи.

Все это даетъ Н. К. Пиксанову право утверждать, что «окончательная редакція «Горя отъ ума» дана Грибоѣдовымъ еще въ 1824 г. (рукопись Жандра) и потомъ вновь подтверждена въ 1828 г. (Булгаринскій списокъ). Этимъ уничтожаются всякія основанія къ скептицизму или къ несбыточнымъ ожиданіямъ какихъ-то необычайныхъ архивныхъ находокъ. По двумъ тождественнымъ авторизованнымъ рукописямъ окончательный текстъ комедіи опредѣляется съ такою же достовѣрностью, какъ если бы пьеса вся и безъ цензурныхъ вторженій была напечатана при жизни автора».

Остановливаясь на этой редакціи, Н. К. Пиксановъ отказывается отъ какихъ-либо экскурсовъ къ области эстетической оцѣнки, традицій и толкованій по прежнимъ текстамъ. Такой методъ, основанный на глубокомъ и всестороннемъ изученіи великаго произведенія, является единственно правильнымъ, убѣдительнымъ, чуждымъ произвола и по своему подходу къ установленію каноническаго текста весьма простымъ.

Что же касается остальной части примѣчаній, то въ нихъ, кромѣ критико-библиографическихъ свѣдѣній самого редактора, приведенъ приписываемый Грибоѣдову, по мнѣнію Н. К. Пик-

санова неправильно, «Прологъ къ Горю отъ ума», оцѣнка комедіи въ литературной критикѣ, статья о прототипахъ дѣйствующихъ лицъ комедіи и хотя небольшая, но интересная и далеко не лишняя замѣтка о сценическихъ постановкахъ «Горя отъ ума».

Надо сказать, что текстъ комедіи, которымъ пользуется наша сцена, уже давно сталъ предметомъ обсужденія театральныхъ круговъ, своего рода «притчей во языцѣхъ», не лишенной анекдотичности. Мы не говоримъ уже о заходустныхъ провинціальныхъ сценахъ, которымъ некогда слѣдить за такими «мелочами». Но и Александринскій театръ, возобновивши комедію въ началѣ нынѣшняго сезона, совершенно не обратилъ вниманія на рецензируемое нами изданіе, а продолжаетъ играть, вѣроятно «по традиціи», по компилятивному тексту Озаровскаго, вышедшему добрый десятокъ лѣтъ тому назадъ и совершенно не выдерживающему критики. Слѣдуетъ посоветовать и гг. педагогамъ запастись послѣднимъ изданіемъ, тѣмъ болѣе, что комедія въ редакціи г. Пиксанова уже вышла въ дешевой «Универсальной библіотекѣ» книгоиздательства «Польза».

Внѣшность академическаго изданія при дешевизнѣ, доступной широкимъ кругамъ, не оставляетъ желать лучшаго, начиная со стильнаго переплета и кончая воспроизведеніемъ портретовъ Грибоѣдова, рукописныхъ и печатныхъ текстовъ его геніальнаго творенія.

А. Поляковъ.

Пушкинисты. Историко-литературный сборникъ подъ редакціей проф. С. А. Венгерова. Выпускъ I. Издательство «Прометей». Спб. 1914. Ц. 1 р. 25 к.

Передъ нами первый выпускъ органа Пушкинскихъ семинаріевъ, которые ведетъ проф. Венгеровъ въ с.-петербургскомъ университетѣ съ 1908 г., а на Бестужевскихъ женскихъ курсахъ и въ психо-неврологическомъ институтѣ съ 1910 г. Среди массы рефератовъ, прочитанныхъ въ этихъ семинаріяхъ за данный промежутокъ времени (кончая 1913 годомъ), не мало оказалось заслуживающихъ вниманія. Всего предполагается пока четыре выпуска.

Въ первый вошло четыре реферата: одинъ изъ нихъ (А. Бема «Къ вопросу о вліяніи Шатобріана на Пушкина») былъ, впрочемъ, уже напечатанъ раньше въ академическомъ изданіи «Пушкинъ и его современники», другой прямого отношенія къ Пушкинской литературѣ не имѣетъ («Байронъ» В. Краснова). Два остальныхъ реферата; «Цыгане» А. С. Долинина-Искоза и «Природа въ поэзіи Пушкина» слушательницы Бестужевскихъ кур-

совъ Н. М. Колобовой, какъ бы намѣчаютъ два основныхъ пути, по которымъ идетъ изученіе Пушкина въ семинаріяхъ проф. Венгерова. Рефератъ г. Искоза старается выяснитъ идейный смыслъ поэмы Пушкина и даже доказать ея живую связь съ настроеніемъ нашего времени. Работа г-жи Колобовой приближается къ типу изслѣдованія. Рефераты, выясняющіе смыслъ произведенія и его связь съ нашимъ временемъ, могутъ быть очень интересны; здѣсь пишущему легче проявить свою талантливость, легче блеснуть, но въ концѣ-концовъ такіе рефераты носятъ болѣе журнальный, чѣмъ научный характеръ. Рефераты типа изслѣдованія предполагаютъ въ пишущемъ больше скромности, иногда требуютъ очень кропотливой работы, но зато имѣютъ, несомнѣнно, болѣе научное значеніе, при условіи, конечно, строгаго слѣдованія научнымъ методамъ. Проф. Венгеровъ самъ указываетъ отрицательныя стороны обоихъ данныхъ рефератовъ. По поводу перваго онъ говоритъ: «въ рефератѣ нѣтъ недостатка въ чрезмѣрно-широкихъ обобщеніяхъ и преувеличеніяхъ», а г-жѣ Колобовой онъ дѣлаетъ рядъ серьезныхъ упрековъ съ методической точки зрѣнія.

Вторая часть сборника отведена «Лѣтописи Пушкинскихъ семинаріевъ». Здѣсь помѣщенъ прежде всего «Общій обзоръ занятій въ Пушкинскомъ семинаріи при петербургскомъ университетѣ за пятилѣтіе 1908—1913», затѣмъ «Темы, предложенныя Пушкинскимъ семинаріямъ въ 1913—1914 учебномъ году». При темахъ дана и краткая разработка ихъ, какъ бы планы. Намъ кажется, что нѣкоторыя изъ сдѣланныхъ указаній какъ бы заранѣе предрѣшаютъ то или другое освѣщеніе даннаго вопроса. «Несчастье Алеко въ томъ, что есть воля къ новому, но нѣтъ силы освободиться отъ старой закваски», «у Скупого рыцаря есть артистизмъ (!?)», «Фарлафъ очерченъ неувядаемо» и т. д. А что если референтъ безъ этихъ подсказываній пришелъ бы къ нѣскольکو инымъ и, можетъ быть, болѣе оригинальнымъ выводамъ?

Далѣе помѣщена «Программа составленія словаря поэтического языка Пушкина». Работѣ надъ Пушкинскимъ словаремъ, производимой въ его семинаріяхъ, проф. Венгеровъ придаетъ особенное значеніе. И онъ совершенно правъ. Еще двадцать лѣтъ тому назадъ въ Москвѣ, по инициативѣ кн. А. И. Урусова, образовался кружокъ для составленія Пушкинскаго словаря, но потомъ это полезное начинаніе заглохло. Если проф. Венгерову, съ помощью того обширнаго контингента молодежи, который представляютъ Пушкинскіе семинаріи, удастся воплотить задуманную идею, это будетъ въ исторіи «пушкиновѣдѣнія» фактомъ первостепенной важности.

Укажемъ кстати, что теперь все болѣе и болѣе сказывается насущная потребность въ изученіи не только словаря, но и поэтического стиля, ритма и метрики Пушкина. Къ сожалѣнію, въ семинаріяхъ проф. Венгерова на это почти не обращается вниманія.

Въ концѣ сборника приводится «списокъ участниковъ Пушкинскаго семинарія при петербургскомъ университетѣ (1908—1913)». При этомъ редакторъ добродушно замѣчаетъ, что «по своей страсти къ біо-библіографическимъ датамъ» ввелъ въ этотъ списокъ указанія на день и годъ рожденія участниковъ семинарія, происхождение, мѣсто завершенія средняго образованія, годъ поступленія въ университетъ. Отмѣчены также первые научно-литературные шаги участниковъ семинарія. Такимъ образомъ мы видимъ, что участники Пушкинскихъ семинаріевъ не могутъ пожаловаться на недостатокъ поощренія со стороны своего руководителя.

Ив. Розановъ.

А. Корниловъ. *Курсъ исторіи Россіи XIX вѣка. Часть III.* Москва, 1914, изд. М. и С. Сабашниковыхъ. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Широкіе круги читающей публики нуждаются въ сжатомъ обзорѣ событій русской исторической жизни и въ оцѣнкѣ ихъ, сдѣланной подъ опредѣленнымъ угломъ зрѣнія. Капитальная «Исторія Россіи въ XIX в.», изданная тов. Гранатъ, велика, дорога и поэтому мало доступна для демократической интеллигенціи и учащейся молодежи. Кромѣ того, исторія Россіи изд. Гранатъ составилаь изъ очерковъ, написанныхъ разными авторами, не всегда равноцѣнныхъ, а главное написанныхъ подъ различными углами зрѣнія, Трудъ А. А. Корнилова доступенъ по цѣнѣ, удобенъ по объему и, по содержанію своему, въ общемъ удовлетворяетъ требованіямъ, предъявляемымъ въ подобномъ труду.

Авторъ закончилъ II часть изложеніемъ такъ называемой «эпохи великихъ реформъ», точнѣе, событій царствованія имп. Александра II до 1866 г., когда, послѣ каракозовскаго покушенія, реакція взяла рѣшительный верхъ надъ прогрессивнымъ движеніемъ. Третья часть, разбираемая нами, посвящена эпохѣ реакціи отъ 1866 г. по 1899 годъ, прерванной временно лишь въ концѣ 70-хъ—началѣ 80-хъ годовъ. Авторъ правъ, конечно, говоря, что изслѣдуемая имъ эпоха мало подвергалась систематическому изученію. Этимъ легко объясняются многіе недостатки въ общей структурѣ его книги. Но нельзя не пожалѣть, что 80-ые годы изложены такъ конспективно, сухо и съ такими пробѣлами. Это прискорбно, особенно, если сравнить изложеніе этой эпохи

съ разсказомъ о 60—70-хъ годахъ, обрисованныхъ полно и интересно. Царствованіе имп. Александра III заслуживаетъ гораздо болѣе подробнаго и тщательнаго изслѣдованія, нежели это сдѣлано г. Корниловымъ.

Обращаясь къ содержанію книги, нельзя не замѣтить, что больше всего удались автору главы, касающіяся экономической исторіи Россіи, особенно—пореформеннаго крестьянства. Здѣсь весьма интересны его положенія, опровергающія выводы предыдущихъ изслѣдователей о ростѣ, напр., крестьянскаго населенія послѣ освобожденія; интересно обзорѣніе податной политики и т. п. Развитіе капитализма въ 60—70-хъ годахъ описано достаточно живо, но и при описаніи этой эпохи, и, особенно, при изложеніи 80-хъ годовъ авторъ игнорируетъ развитіе рабочаго вопроса на Руси. Это весьма серьезный пробѣлъ книги, который долженъ быть исправленъ при слѣдующихъ изданіяхъ. Сравнительно мало вниманія посвящено развитію вопроса національнаго, особенно въ Прибалтійскомъ краѣ. Что касается общественнаго движенія, то оно изложено очень неравномѣрно, и притомъ со многими оцѣнками автора нельзя согласиться.

По поводу отдѣльныхъ мѣстъ книги можно было бы сдѣлать слѣдующія замѣчанія. Не безъ удивленія видимъ мы утвержденіе автора, что въ арміи были отмѣнены Милютинымъ «*всякія* тѣлесныя наказанія». Законъ 17 апрѣля 1863 г. оставилъ розги для подлежащихъ наказанію шпицрутенами, взамѣнъ этого наказанія, впредь до устройства въ военномъ вѣдомствѣ особыхъ мѣстъ заключенія и исправительныхъ учреждений, и для переведенныхъ въ разрядъ штрафованныхъ по приговору суда. Затѣмъ (ст. 67) авторъ утверждаетъ, что въ 60-хъ годахъ рекрутчина или вербовка были отмѣнены во всей Европѣ. Между тѣмъ, какъ извѣстно, вербовка практикуется въ Англіи до сихъ поръ, и даже государства континентальной Европы примѣняютъ ее при комплектованіи нѣкоторыхъ частей колоніальныхъ войскъ (напр., Франція для пополненія «иностраннаго» легіона въ Алжирѣ). Очень трудно согласиться съ увѣреніями автора, что мин. нар. просв. гр. Д. А. Толстой «не былъ врагомъ просвѣщенія по существу», но былъ «*последовательнымъ и злостнымъ врагомъ народа*». Онъ былъ и тѣмъ, и другимъ, и вражда Д. А. Толстого къ народу выражалась во всемъ, въ частности, во враждѣ къ просвѣщенію, отданному въ его вѣдѣніе. Авторъ слишкомъ узко опредѣляетъ понятіе нигилизма въ толкованіи реакціонно-правительственныхъ сферъ. Последнія включали въ это понятіе не только «матеріалистическое міросозерцаніе» на основѣ естествознанія, но и революціонно-соціалистическія тенденціи

русской интеллигенции, и даже чисто внѣшнія, бытовья формы протеста противъ стараго уклада жизни. Реакція видѣла въ нигилизмѣ не систему только научнаго міропониманія, но и политическое направленіе. Инспекція, введенная въ 1879 г. въ университетахъ, вовсе не была «новымъ учрежденіемъ». Она существовала по уставу 1835 г. до 1863 г. Слишкомъ схематично, а потому, частью, и невѣрно изложена исторія высш. женск. образованія. Женщины проникли въ университеты не самочинно, а съ разрѣшенія ректоровъ университета (въ Петербургѣ—Плетнева). Лубянскіе курсы въ Москвѣ учреждены не въ 1870 г., а въ 1869. Авторъ совершенно игнорируетъ основаніе въ Петербургѣ въ 1870 г. и существованіе Владимирскихъ курсовъ. Петербургскіе высшіе женскіе курсы съ самаго начала имѣли тотъ же характеръ, что и теперь, т.-е. были женскимъ университетомъ, а вовсе не «развились» до теперешняго положенія изъ частныхъ курсовъ проф. Бестужева-Рюмина. Курсы Герье открылись въ 1872 г., а не въ 1871 г. О курсахъ въ Кіевѣ, Одессѣ, Казани и Харьковѣ въ 70-хъ годахъ авторъ умалчиваетъ. О судьбѣ женскаго образованія въ началѣ 80-хъ годовъ не сказано ни слова! Вообще, судьба высшей школы освѣщена слишкомъ поверхностно,—не въ примѣръ низшей школѣ, о которой даны достаточныя свѣдѣнія. Въ описаніи реакціи 80-хъ годовъ въ области просвѣщенія пропущены мѣры противъ библиотекъ, изыятіе ряда книгъ и журналовъ.

Странное впечатлѣніе производятъ попытки автора доказать, вопреки обоснованнымъ утвержденіямъ Б. Б. Веселовскаго въ «Исторіи земства за 40 лѣтъ», отсутствіе классовыхъ интересовъ въ средѣ земцевъ (ст. 105—108). Авторъ, игнорируя научно-установленное пониманіе термина «классовые интересы», пытается подмѣнить его словами «карманные интересы». Благодаря этому, сословно-классовый составъ русскаго земства остается невыясненнымъ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и не освѣщены классовыя основы земской дѣятельности, какъ политической, такъ и экономической. Это—одно изъ самыхъ слабыхъ мѣстъ въ книгѣ.

Авторъ не излагаетъ столкновенія между петербургскимъ земскимъ собраніемъ и властью и причины его, касаясь лишь мимоходомъ этого вопроса въ связи съ несмѣняемостью сенатора, произнесшаго въ земскомъ собраніи рѣчь, неугодную администраціи. Характеризуя позицію «Отечественныхъ Записокъ» въ политическомъ вопросѣ, какъ отрицаніе необходимости конституціи и даже, вообще, «всякихъ политическихъ идеаловъ», авторъ не приводитъ никакихъ данныхъ въ подтвержденіе своихъ словъ. Мы полагаемъ, что «Отеч. Записки» всею своею дѣятельностью

служили идеѣ политической свободы въ Россіи. «Вѣсть» можно назвать органомъ «олигархически-конституціоннымъ» лишь до 1865 года. Авторъ ошибается, предполагая, что большинство замужнихъ студентокъ изъ Россіи въ Цюрихѣ были «фигктивно» обвинчаны. Фигктивныхъ браковъ, вообще, было очень мало, среди же цюрихскихъ студентовъ еще меньше.

Въ политическомъ отношеніи авторъ стоитъ на точкѣ зрѣнія самаго умѣренного либерализма, отзываясь очень рѣзко обо всѣхъ активныхъ проявленіяхъ революціоннаго движенія. Такъ, напр., онъ нападаетъ на народовольцевъ за ихъ «крайній азартъ» въ ихъ вынужденной борьбѣ и упрекаетъ ихъ въ томъ, что ихъ дѣятельность грозила «отнятіемъ жизни у многихъ десятковъ людей; это не останавливало революціонеровъ»... Взгляды народовольцевъ онъ называетъ «ослѣпленіемъ», изъ котораго «выбить ихъ было совершенно невозможно никакими доводами разсудка». Съ объективной точки зрѣнія въ дѣятельности народовольцевъ, сурово осуждаемой авторомъ, нужно различать элементы сознательнаго политическаго расчета отъ элементовъ мести и отчаянія. Осуждая народовольцевъ, объективный историкъ могъ бы спокойно изложить и причины, толкнувшія ихъ на крайнія дѣйствія. Политическія заявленія участниковъ этой эпохи, особенно политическіе процессы 80-хъ г.г. даютъ цѣнный матеріаль, оставленный авторомъ безъ всякаго вниманія. Въ связи съ отсутствіемъ объективности по отношенію къ народовольцамъ, авторъ затушевываетъ нѣкоторыя черты дѣятельности Лорисъ-Меликова въ области репрессій. Авторъ дважды (ст. 234 и 238) увѣряетъ читателей, что революціонеры были «озлоблены» и испуганы тѣмъ, что либеральная дѣятельность Лорисъ-Меликова изолируетъ, отрѣжетъ ихъ отъ общества. Это заявленіе рѣшительно ни на чемъ не основано. Лорисъ-Меликова можно было упрекнуть лишь въ «либеральной бездѣятельности» и весьма активной репрессивной работѣ, между прочимъ и относительно политическихъ каторжанъ въ Сибири. Это и толкнуло народовольцевъ на дальнѣйшіе роковые шаги. «Озлобленіе» же ихъ на Лорисъ-Меликова вслѣдствіе боязни изоляціи—чистѣйшее изобрѣтеніе автора, намъ абсолютно непонятное. Вообще, удивительно, до чего, говоря объ этой эпохѣ, авторъ пристрастно относится къ крайней лѣвой. Даже въ техническомъ вопросѣ о возможныхъ послѣдствіяхъ не совершившагося взрыва на Малой Садовой авторъ цитируетъ показанія ген. Ѳедорова (эксперта) и замалчиваетъ объясненія подсудимаго Кибальчича. Вообще, изъ изложенія автора трудно понять, почему мирное «хожденіе въ народъ» смѣнилось кровавой борьбой 1879—1881 г., почему бывшіе «чай-

ковцы» стали террористами. Абсолютно безъ вниманія оставлены: эволюція демократической интеллигенціи отъ анархическаго аполитизма къ борьбѣ за политическую свободу; политическіе идеалы народовольцевъ (вовсе не покрывавшіеся терроромъ); письмо къ имп. Александру III; народженіе социаль-демократіи. Передача школъ въ церковное вѣдомство въ 1884 г. кажется автору «не особенно вредной!»..

Очень цѣнны богатая библиографическія указанія въ концѣ книги (впрочемъ, далеко не исчерпывающія).

Сергій Сватиловъ.

Книга для чтенія по исторіи новаго времени. Подъ редакціей М. В. Берданосова, А. М. Васютинскаго, А. К. Дживелегова, С. П. Мельгунова, В. Н. Перцева, В. И. Пичеты. Томъ IV, часть II. Стр. 384. Изд. «Сотрудникъ Школъ». Москва, 1914 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Новая часть большого, предпринятаго нѣсколько лѣтъ назадъ по инициативѣ Исторической Комиссіи Учебнаго Отдѣла Q, P. T. Z. коллективнаго изданія, посвящена славянству въ началѣ XIX вѣка и Россіи въ царствованіе имп. Николая I. Эпоха Николая I представлена въ рядѣ интересно написанныхъ статей г.г. Бочкарева, Готье, Пичеты, Сивкова (крѣпостное право, крестьянскій вопросъ, финансы) и г.г. Корнилова, Нелидова, Семевского и Сыромятникова (теорія «официальной народности», романтизмъ, западники и славянофилы, сенъ-симонисты и фурьеристы). Въ предисловіи отъ редакціи заявляется, что «въ настоящемъ томѣ предполагалась особая статья, посвященная религіозной политикѣ николаевской эпохи, но затѣмъ было рѣшено перенести эту статью въ слѣдующій томъ, «гдѣ будетъ данъ очеркъ по исторіи религіозно-общественныхъ движеній въ Россіи въ XIX вѣкѣ». Такимъ образомъ, за указаннымъ исключеніемъ, въ книгѣ, посвященной Россіи николаевской эпохи, представлены, казалось бы, достаточно полно всѣ существенныя ея стороны; приходится, однако, отмѣтить, что картина была бы еще всестороннѣе и полнѣе, если бы имѣлись статьи по внѣшней политикѣ николаевской Россіи¹⁾. Приходится также пожалѣть, что хозяйственная жизнь Россіи николаевской эпохи представлена въ книгѣ недостаточно полно, и за крѣпостной деревней и помѣщичьей усадьбой совершенно не видно русскаго города той эпохи, ни хлопчатобумажныхъ фабрикъ, ни свеклосахарныхъ заводовъ, вообще ничего, рисующаго зарожденіе новой, буржуазной Россіи; нѣсколько

¹⁾ Восточному вопросу въ слѣдующемъ томѣ посвящается особая статья.

строкъ объ этомъ, сказанныхъ мимоходомъ, въ статьяхъ по другому вопросу, гг. Пичетой и Сивковымъ, сводятся лишь къ тому, что «городская жизнь въ Россіи по прежнему была развита слабо, и процентъ городского населенія былъ невеликъ», и что «торговля и промышленность развивались слабо». Насколько слабо, и насколько все-таки развивались,—не видно (см. стр. 119 и 132). Нѣтъ совсѣмъ и николаевской школы, а она достаточно интересна, на ея характеристикъ можно было бы показать воочию, какъ воплощались въ жизнь узко-сословные принципы, лежавшіе въ основѣ всей вообще Николаевской эпохи ¹⁾. Переходя къ тому, что есть въ книгѣ, надо прежде всего отмѣтить, что всѣ статьи прочтутся читателями, для которыхъ онѣ предназначены, съ несомнѣнной пользой и съ громаднымъ интересомъ,—за научныя ихъ качества ручаются имена ихъ авторовъ, какъ и составъ редакціи; но что особенно пріятно подчеркнуть въ этомъ случаѣ, это доступность статей этого тома для учащихся старшихъ классовъ, значительно бѣльшую сравнительно съ прежними томами; какъ извѣстно, главнымъ недочетомъ предшествующихъ томовъ была ихъ повышенная трудность; ничего подобного нельзя сказать о II части IV тома: небольшое исключеніе составляетъ, можетъ быть, одна изъ статей г. Нелидова, о философскомъ романтизмѣ, гдѣ приходится трактовать о Кантѣ и Фихте, Шеллингѣ и Гегелѣ; но трудно—легко говорить о такихъ тяжелыхъ философскихъ орудіяхъ германцевъ.

Двѣ статьи, отведенныя для славянства, написаны гг. Щепкинымъ и Рябининымъ и говорятъ о славянскомъ возрожденіи начала XIX вѣка (преимущественно чешскомъ) и о польскомъ возстаніи 1830 г. Обѣ статьи прочтутся съ неослабѣвающимъ вниманіемъ. Однако нельзя не пожалѣть, что въ статьѣ о *славянскомъ возрожденіи* какъ разъ встрѣчаются совсѣмъ ненужные варваризмы, которыхъ легко было бы избѣжать; такъ, напримѣръ, именно въ этой статьѣ объ одномъ изъ чешскихъ дѣятелей говорится, что онъ, удачными переводами Шатобріана и Мильтона, «положилъ основу національной лектюры» (стр. 30); въ произведеніяхъ другого чешскаго писателя «звучитъ настоящая элегія—изящныя трэны изгнанника...» (стр. 49). Едва ли также можно признать удачно выраженной мысль автора въ такихъ, напримѣръ, словахъ: «Колларъ остается величайшимъ пѣвцомъ и проповѣдникомъ панславизма, коимъ пробудившееся національное самосознаніе славянскихъ народовъ *потенцировалось* въ самосознаніе расовое» (стр. 43). Развѣ нельзя было ту же мысль выразить проще?

¹⁾ Школа не затрагивалась и въ предшествующихъ томахъ.

Въ общемъ, повторяемъ, новый томъ «Книги для чтенія» является цѣннымъ вкладомъ въ нашу учебную литературу какъ по содержанію, такъ и по изложенію, доступнымъ для учащихся старшихъ классовъ и для читателей, ищущихъ самообразованія. Эта послѣдняя особенность книги, ея доступность, кажется намъ особенно драгоценной.

Михаилъ Коваленскій.

Акты и документы, относящіеся къ исторіи спб. городского управленія и города С.-Петербурга въ эпоху Отечественной войны. Спб. 1914. Томъ I.

Объемистый томъ подъ вышеписаннымъ заглавіемъ изданъ с.-петербургскою городскою управою и представляетъ собою сборникъ архивныхъ матеріаловъ, извлеченныхъ Ф. Ф. Прохоровымъ и А. С. Николаевымъ. Общая редакція принадлежитъ К. А. Военскому, который написалъ къ сборнику предисловіе съ нѣсколькими рѣзкимъ подчеркиваніемъ «патріотическихъ чувствъ» третьяго сословія г. С.-Петербурга въ 1812 г. Общее оснoваніе, которымъ руководился редакторъ при подборѣ матеріала, не совсемъ ясно. Указывая на добровольность пожертвованій, редакторъ не исключилъ изъ сборника такихъ документовъ, которые мало или не вполне соотвѣтствуютъ его подчеркиваніямъ. Такъ на стр. 309 напечатаны повѣстки городского головы и городскихъ старостъ, приглашающія на собраніе 5 февраля 1812 г. для выслушанія указа о взносѣ вещей для военного употребленія, какое «кто учинитъ пожертвованіе», при чемъ въ однихъ повѣсткахъ оговорено: «а если во оное собраніе не явитесь, то въ такомъ случаѣ за ослушаніе необходимою будетъ признано сдѣлать вышнему правительству донесеніе», а въ другихъ: «а если во оное собраніе не явитесь, то въ такомъ случаѣ за ослушаніе необходимою будетъ признано представить о сыску въ управу благочинія». Равнымъ образомъ на стр. 328 помѣщено характерное предписаніе гражданскаго губернатора городскому головѣ отъ 5 іюля 1812 г., которое, указавъ на то, что изъ состава 1520 человѣкъ «здѣшнихъ купцовъ и гостей» къ пожертвованіямъ явилось «только 137», поручаетъ городскому головѣ вновь послать повѣстки, а «о неявившихся же и за тѣмъ въ свое время доставить свѣдѣніе». Пожертвованія и участіе въ организаціи временнаго ополченія с.-петербургскихъ купцовъ, мѣщанъ и ремесленниковъ,—вотъ къ чему сводится основное содержаніе документовъ перваго тома, подраздѣляющихся на четыре отдѣла: 1) извлеченія изъ журналовъ Городской Думы, касающихся событій Отечественной войны, съ 26 января 1812 г. по 4 ноября 1827 г.

(стр. 1—302); 2) документы за время съ 18 декабря 1811 г. по 5 іюля 1812 г. о пожертвованіяхъ городскихъ сословій на военныя надобности вещами и деньгами (стр. 303—330); 3) документы о пожертвованіи с.-петербургскимъ обществомъ гильдейскаго купечества на военныя надобности двухъ милліоновъ рублей (стр. 331—434); 4) приговоры с.-петербургскаго посадскаго общества отъ 24 іюля и 12 ноября 1812 г. объ участіи мѣщанъ въ народномъ ополченіи и нѣсколько списковъ лицъ, вошедшихъ въ составъ ополченія. Интересно отмѣтить, что архивъ с.-петербургской купеческой управы оказался въ болѣе сохранности, чѣмъ архивъ городской думы; что касается архивовъ мѣщанскаго и ремесленнаго общества, то старыхъ дѣлъ въ нихъ не сохранилось вовсе, и этотъ образцовый вандализмъ не можетъ не обратить на себя общественнаго вниманія. Приведенныя въ первомъ томѣ извлеченія изъ журналовъ думы суть документы *Шестигласной*, а не *Общей* думы. Общая городская дума въ 1812 г. безмолствовала, пишетъ К. Военскій, а «вся работа, всѣ труды, вызванные войной выпали исключительно на долю шестигласной думы». Эти извлеченія изъ журналовъ интересны не только для исторіи города въ 1812 г., но и сами по себѣ, какъ акты думской дѣятельности; они характерны для изученія того, въ какихъ формальныхъ отношеніяхъ находились другъ къ другу шестигласная дума, посадъ, гильдія, русская и нѣмецкая ремесленныя управы и кромѣ того, какъ неопредѣленна и сбивчива была въ началѣ XIX в. терминологія разныхъ учреждений; болѣею частью вмѣсто точнаго наименованія того или другого учрежденія встрѣчаемъ описательныя изображенія, какъ напр.: купечества городовые старосты, посада (городовые) старосты; только ремесленная управа русскихъ цеховъ, ремесленная управа нѣмецкихъ цеховъ обыкновенно означаются не описательно, а путемъ наименованія учрежденія. Въ цѣломъ изученіе журналовъ Думы вскрываетъ рядъ очень цѣнныхъ деталей по исторіи органовъ городского управленія въ началѣ XIX в., отмѣчая особенности «градской думы и всѣхъ подчиненныхъ сему правленію мѣстъ». 15 іюля 1812 года купечество опредѣлило «на первый случай со всѣхъ с.-петербургскихъ первостатейныхъ и трехъ гильдій купцовъ и гостей, также и имѣющихъ въ столицѣ дома иногородныхъ купцовъ и иностранцевъ собравъ внести два милліона рублей государственнаго банка ассигнаціями», при чемъ «сборъ сихъ денегъ расположить не со всѣхъ по равному числу, но съ каждаго по мѣрѣ силъ и возможности». Приговоръ этотъ составленъ такимъ образомъ, что привлекалъ къ пожертвованію тѣхъ иногороднихъ купцовъ, у которыхъ имѣлась въ 1812 г. недвижимость въ С.-Петербур-

бургѣ. Исторія сбора этого пожертвованія и разныхъ недоразумѣній, имъ вызванныхъ, составляетъ содержаніе значительной массы документовъ, вошедшихъ въ составъ настоящаго тома.

Окончательная оцѣнка настоящаго изданія можетъ быть сдѣлана лишь по выходѣ въ свѣтъ второго тома. Признавая, что подборъ документовъ нѣсколько формаленъ и одностороненъ и что въ этомъ смыслѣ было возможно и даже необходимо допустить большую свободу, нельзя не признать сборникъ «Акты и документы...» весьма цѣннымъ вкладомъ въ литературу первоисточниковъ. Желательно, чтобы этотъ починъ петербургскаго городского общественнаго управленія вызвалъ подражаніе. Исторія *третьяго сословія* въ Россіи еще не написана и не можетъ быть написана, покуда не предпримутъ самаго широкаго изученія архивовъ общественныхъ и сословныхъ учреждений. Привѣтствуя этотъ опытъ с.-петербургскаго городского общественнаго управленія, выполненный хотя бы и въ узкихъ рамкахъ, нельзя не выразить глубокаго сожалѣнія, что на тотъ же самый путь до сихъ поръ не вступаетъ городское общественное самоуправленіе Москвы, въ распоряженіи котораго имѣются цѣнные архивы.

В. Сторожевъ.

Пятидесятилѣтній юбилей газеты «Русскія Вѣдомости» (1863—1913). Изданіе комитета юбилейнаго чествованія «Р. Вѣдомостей», подъ ред. Н. В. Давыдова. Москва. 1915 г.

Въ исторіи русской періодической печати день 6 октября 1913 года—одна изъ самыхъ знаменательныхъ датъ; это день чествованія 50-лѣтняго юбилея «Русскихъ Вѣдомостей», когда русскимъ обществомъ были подведены итоги тому, что сдѣлала эта газета за полвѣка своего существованія. Въ цѣломъ рядѣ рѣчей, адресовъ, писемъ и телеграммъ дана была всесторонняя и глубокая оцѣнка «исключительной, говоря словами отчета, выдающейся дѣятельности на поприщѣ общественнаго служенія «Р. В.». Все это не должно пропасть, не должно исчезнуть изъ памяти, и вотъ теперь Комитетъ юбилейнаго чествованія «Р. В.» очень кстати рѣшилъ завершить свою работу «изданіемъ объективно составленнаго простаго отчета и описанія торжества 6 октября, имѣющихъ значеніе исторической справки, наглядно показывающей, каково было для Россіи значеніе такого независимаго органа печати, какимъ являлись «Р. В.» и каково отношеніе къ нему русскаго общества во всѣхъ его слояхъ». Историкъ русской печати и русской общественности всегда съ признательностью обратится къ этому изданію.

К. Сивковъ.

Студенческій историко-этнографическій кружокъ при Императорскомъ университетъ св. Владиміра, подъ руководствомъ проф. М. В. Довнаръ-Запольскаго. Сборникъ статей. Вып. I. Кіевъ 1913 г. Вып. III. Кіевъ 1914 г.

Оба выпуска сборника статей студенческаго историко-этнографическаго кружка получились изъ оттисковъ изъ Кіевскихъ Университетскихъ извѣстій за 1912 и 1914 г. г.

Отчетъ за 1911/12 учебный годъ, помѣщенный въ 3-мъ выпускѣ, и собранныя вмѣстѣ статьи участниковъ кружка знакомятъ насъ съ его научною работой. Научные интересы кружка направлены преимущественно на изученіе экономической исторіи Руси 16 и 17 в. Отдѣльнымъ вопросамъ этой исторіи посвящены статьи членовъ кружка, помѣщенные въ обоихъ выпускахъ сборника: («Пришлые рабочіе въ Москвѣ въ 17 в.», «Очеркъ торговли Н.-Новгорода за 16 и 17 в.», «Торговля пушнымъ товаромъ въ 17 в.», «Торговля солью на Руси въ 16—17 в. и общее состояніе соляныхъ промысловъ въ указанный періодъ времени», «Дворцовое хозяйство по дѣламъ приказа Тайныхъ дѣлъ», «Нѣмецкій торговый справочникъ и путеводитель начала 18 в. въ Россіи (П. Я. Марпергеръ о русской торговлѣ)». Въ работахъ учениковъ Довнаръ-Запольскаго мы находимъ или детальное изученіе источника, проливающего свѣтъ на тотъ или другой вопросъ хозяйственной исторіи, или тщательную сводку разбросанныхъ въ разныхъ напечатанныхъ матеріалахъ и изслѣдованіяхъ свѣдѣній по тѣмъ же вопросамъ. Не претендующія сами на широкія обобщенія и выводы эти работы могутъ послужить основаніемъ для выводовъ будущихъ историковъ русскаго народнаго хозяйства.

Въ 1-мъ выпускѣ сборника помѣщенъ докладъ А. М. Гнѣвушева на XV Археологическомъ сѣздѣ—«Новгородская выть въ земляхъ дворцовыхъ въ 17 в.».

Вл. Сыроѣчковскій.

В. И. Симаковъ. Сборникъ деревенскихъ частушекъ. Ярославль 1913. Цѣна 2 р.

Сборникъ великорусскихъ частушекъ. Подъ редакціей Е. Н. Елеонской. М. 1914. Изданіе Комиссіи по народной словесности при Этнографическомъ Отдѣлѣ И. О. Л. Е. А. и Э. Цѣна 2 р.

Короткія рифмованныя пѣсенки, носящія различныя названія «частушекъ», «вертушекъ», «побирушечекъ», «причудокъ» и т. п., долгое время находились у собирателей, а тѣмъ болѣе у изслѣдователей народнаго творчества въ большемъ пренебреженіи. Но въ послѣднее время частушкамъ посчастливилось. Вслѣдъ за нѣсколькими мѣстными собраніями частушекъ (ср.,

напр.: *Д. К. Зеленина*. Пѣсни деревенской молодежи, записанныя въ Вятской губерніи; *П. А. Флоренскаго*. Собраніе частушекъ Костромской губерніи и *В. Князева*. Частушки-коротушки Петербургской губерніи) вышли въ свѣтъ два обширные сборника, указанные въ заглавіи. Частушки, изданныя г. Симаковымъ, собраны въ сѣверныхъ губерніяхъ, а частушки второго сборника захватываютъ уже весь великорусскій районъ. Сборникъ г. Симакова содержитъ 3341, а сборникъ Комиссіи по народной словесности цѣлыхъ 6020 частушекъ. Уже одно это количество придаетъ большую цѣнность этимъ собраніямъ. Систематизація матеріала въ обоихъ сборникахъ различна.

В. Н. Симаковъ постарался разбить частушки на группы по ихъ содержанію, впрочемъ самъ отмѣчая условность и непоследовательность подобнаго раздѣленія. Въ сборникѣ же, изданномъ подъ редакціей *Е. Н. Елеонской*, частушки размѣщены по губерніямъ. И тотъ и другой порядокъ представляютъ свою выгоду и свой интересъ. Въ частности, размѣщеніе частушекъ по географическому принципу даетъ возможность отмѣтить въ нихъ отраженія мѣстныхъ условій быта, хозяйства и природы.

Такъ, напр., мѣстными причинами объясняются частушки о ссыльныхъ «политическихъ»:

Здѣсь лѣсу близко нѣту
Вересиночку срубить,
Вся «политика» уѣдетъ,
Будетъ некого любить. (Архангельская губернія).

Образы, сравненія, содержаніе частушекъ нерѣдко находятъ себѣ объясненіе въ мѣстныхъ особенностяхъ народнаго быта. Вполнѣ правильный взглядъ на происхожденіе частушекъ приводятъ въ своихъ предисловіяхъ г. Симаковъ и г-жа Елеонская. Частушки вовсе не новое фабричное издѣліе. Подобнаго рода произведенія давно были извѣстны, но большого распространенія они не имѣли. Широкая популярность и мода на нихъ пали лишь на послѣднія десятилѣтія. Увлеченіе этимъ видомъ словесности изслѣдователи частушекъ вполнѣ справедливо объясняютъ ростомъ личнаго сознанія въ народной массѣ, «желаніемъ передать въ словѣ и музыкѣ свою личность въ ея разнообразныхъ проявленіяхъ» (слова *Е. Н. Елеонской*).

Но тѣмъ прискорбнѣе, что въ обоихъ сборникахъ не дано надлежащихъ указаній на личности слагателей и исполнителей частушекъ, не дано ихъ характеристикъ. Даже больше того—по этимъ сборникамъ трудно представить, кто собственно пѣвцы напечатанныхъ здѣсь частушекъ, какого они возраста и пола. Общія указанія даны лишь для нѣкоторыхъ группъ частушекъ.

Впрочемъ, въ сборникъ г. Симакова данъ одинъ общій «списокъ пѣвцовъ, сказителей и собирателей, отъ которыхъ и которыми записаны частушки, но изъ него яснаго представленія о пѣвцахъ все-таки получить нельзя. Судя по содержанію частушекъ въ сборникахъ (особенно въ сборникъ подъ редакціей Е. Н. Елеонской), приведены, главнымъ образомъ, дѣвичьи частушки. Мужскія частушки, при всей своей рѣзкости, а порой грубости, однако могли бы дать значительно больше матеріала для сужденій объ общественныхъ и политическихъ настроеніяхъ въ народной средѣ.

Очень полезнымъ въ сборникъ Комиссіи по народной словесности является предметный указатель. Достаточно даже бѣгло просмотрѣть его, чтобы составить себѣ впечатлѣніе о наиболѣе любимыхъ и популярныхъ мотивахъ частушекъ и объ ихъ поэтическихъ образахъ. Любовь, главнымъ образомъ несчастливая, естественно играетъ доминирующую роль. Среди старинныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вѣчно юныхъ поэтическихъ образовъ и символовъ какъ то: береза, елка, колечко, камушекъ, рябина, рѣка, слезы, цвѣтокъ, соловей и т. п., намъ особенно часто будутъ встрѣчаться *калоши, платокъ-носовичекъ, письмо и записочка, самоваръ, тальянка (гармонія), часы*. Эти предметы выражаютъ, видимо, высшую степень современнаго деревенскаго вкуса, и въ частушкахъ они особенно идеализируются. Уже по одному этому чувствуется, въ какую сторону обращаются теперь взоры деревни, куда поворачиваетъ ея жизнь. Въ связи съ этимъ отмѣтимъ, что въ частушкахъ очень часто фигурируетъ *машина и пароходъ*. Весьма характерно также очень частое упоминаніе о *винѣ, водкѣ, бутылкѣ*.

Безъ сомнѣнія полезны приложенные къ обоимъ сборникамъ библиографическіе указатели о частушкахъ, съ помѣщеніемъ въ нихъ, правда, не безъ пропусковъ, даже мелкихъ статей.

Въ заключеніе замѣтимъ лишь то, что напрасно въ вводныхъ статьяхъ къ указаннымъ сборникамъ почти не обращено вниманія на большое значеніе для народныхъ частушекъ формъ психологическаго параллелизма, вообще играющаго такую видную роль въ словесномъ творчествѣ. Съ этой точки зрѣнія весьма цѣнны, правда немногія, строки о частушкахъ ак. А. Н. Веселовскаго, въ связи съ его изслѣдованіемъ о «Психологическомъ параллелизмѣ» (Собраніе сочиненій т. I. Спб. 1913, стр. 513—514), что не отмѣчено въ библиографическихъ указателяхъ.

Во всякомъ случаѣ, оба сборника частушекъ представляютъ большую цѣнность для изслѣдователей народнаго быта и поэзіи. Изданія съ внѣшней стороны очень хороши. *Борисъ Соколовъ.*

Книги, поступившія въ редакцію для отзыва.

- 1) М. Алдановъ. Толстой и Роланъ т. I Пет. 1915. ц. 2 р. 2) Армянскій сборникъ. К-во «Звѣзда» М. Ц. 1. р 50 к. 3) Бар. Д. Е. Гинцбургъ. О русскомъ стихосложеніи. Опыты изслѣд. ритмическаго строя стихот. Лермонтова. Посмерт. изд., подъ редакціей Г. М. Князева. 4) А. К. Дживелеговъ. Александръ I и Наполеонъ. Историч. очерки. Изд. Сабашник. 1915 г. Ц. 1 р. 75 к. 5) Исторія нашего времени. Подъ ред. М. Ковалевскаго и К. Тимирязева Вып. 19—27 Изд. Т-ва «Бр. Гранатъ и К.» М. 6) Ю. И. Клецанда. Чешско-словацкая литература, исторія и древности въ 1913 г. Пет. 1915 г. 7) Корфъ, С. бар., проф. Русское государственное право. Т. I. 1915. П. Ц. 2 р. 8) Лаврскій Н. Искусство и Евреи. Изд. «Искусство и Жизнь». М. 1915 Ц. 50 к. 9) Липлявскій и Гансъ Лунгвитцъ Радіоэлементъ въ медицинѣ. Руков. по біол., фармак., клиникѣ. Подъ ред. Кишкина. Изд. Сабашник. 1915. Ц. 2 р. 50 к. 10) Максимовъ, А. Юбил. Лермонтовская литература 1914 года. П. 1915. 11) Поль-де-Сен-Викторъ. Варвары и бандиты. Кн-во К. Некрасова М. 1915. Ц. 90 к. 12) Пятидесятилѣтіе имп. о-ва люб. естествоз. антроп. и этног. 1863—1913. Сост. В. Богдановъ. М. 1915. Ц. 2 р. 13) Труды Полтавской Уч. Арх. Ком., подъ ред. И. Павловскаго, А. Мальцева и Л. Падалки. Вып. 12. Полтава 1915 г. 14) Шкловскій, В. Неофилогич. опыты. П. 1915. Ц. 40 к. 15) А. А. Яковлевъ. Записки Изд. В. А. Андреева. Москва. 1915.

ПОПРАВКА.

Ф. И. Родичевъ о И. И. Бочкаревъ.

Въ 4 № «Голоса Минувшаго» за нынѣшній годъ нашъ глубокоуважаемый сотрудникъ, безвременно скончавшійся В. Я. Богучарскій, въ своей статьѣ «Общественное движеніе 60-хъ годовъ подъ перомъ его казенныхъ изслѣдователей» напечаталъ неизданный документъ «Краткій отчетъ по дѣламъ Высочайше утвержденной въ С.-Петербургѣ слѣдственной комисіи 1862—1871 г.». Въ немъ, между прочимъ, упоминается о томъ, что осташковскій мѣщанинъ Бочкаревъ возбудилъ подозрѣніе русскихъ революціонеровъ въ Швейцаріи, которые «заподозрѣли въ немъ шпіона и даже обыскали его» (стр. 211—212).

В. Я. Богучарскій указалъ на многія лживыя утвержденія этого официальнаго документа, но то, что сказано было въ немъ о Бочкаревѣ, очевидно, по недостатку какихъ-либо данныхъ у автора статьи, было оставлено безъ комментарія. Теперь Ф. И. Родичевъ сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія объ И. И. Бочкаревѣ («Рѣчь» 1915 г. № 116, 29 апрѣля), которыя редакция считаетъ необходимымъ воспроизвести въ «Голосѣ Минувшаго».

«Жизнь И. И. Бочкарева была неустаннымъ стремленіемъ къ подвигу. И къ шпіонству онъ былъ неспособенъ.

Жизнь его прошла на виду.

Молодымъ человѣкомъ Бочкаревъ вращался въ Петербургѣ въ кругахъ радикальной молодежи, былъ вольно-слушателемъ университета, потомъ имѣлъ типографію. Но ее пришлось по убыточности закрыть. Въ концѣ 60-хъ годовъ Бочкаревъ совершилъ не четыре, а одно путешествіе въ Болгарію и Швейцарію и по возвращеніи изъ-за границы былъ водворенъ на жительство въ г. Осташковъ.

Разъ какъ-то Бочкаревъ отъ скуки уѣхалъ прокатиться въ Москву, но былъ арестованъ и водворенъ въ Тверь.

Тогдашній Тверской губернаторъ А. Н. Сомовъ былъ пораженъ поведеніемъ осташковского мѣщанина, полнымъ достоинствомъ и независимости.

Кажется, въ 1874 году членъ губернской управы П. А. Корсаковъ пригласилъ И. И. Бочкарева на службу по страховому дѣлу. Бочкаревъ съ жаромъ предался земскому дѣлу и до конца жизни остался въ тѣсныхъ отношеніяхъ съ земскими кругами Тверской губерніи. Въ началѣ 80-хъ годовъ ему еще разъ пришлось отбыть административную ссылку, на этотъ разъ на крайнемъ сѣверѣ.

Во время своей заграничной поѣздки онъ былъ скромнымъ молодымъ человѣкомъ, который не могъ претендовать на сношенія съ европейскимъ революціоннымъ комитетомъ (да вѣдь и комитетъ этотъ существовалъ лишь въ воображеніи).

По возвращеніи въ Россію его знали за человѣка очень независимаго, любившаго дѣйствовать на свой салтыкъ. Онъ провелъ свою жизнь въ добровольной нищетѣ и строгомъ ригоризмѣ. Его устремленія были гораздо болѣе этическія и религіозныя, чѣмъ политическія. Онъ былъ безбоязненный демонстрантъ своихъ вѣрованій, искавшій святости, пожалуй, мученичества, а не переворотовъ»...

III

Изъ юбилейной литературы къ 50-лѣтію судебныхъ уставовъ¹⁾.

Построенная на судебныхъ уставахъ 1864 года судебная реформа въ Россіи имѣла своеобразную и во многихъ отношеніяхъ трагическую судьбу. Съ одной стороны эта реформа не была введена сразу и повсемѣстно, а потому десятилѣтіями длилась смѣсь новыхъ и дореформенныхъ порядковъ, и окраины дождались реформы слишкомъ поздно, а съ другой стороны—почти непосредственно за изданіемъ судебныхъ уставовъ начался непрерывный рядъ новеллъ, которыя измѣняли эти уставы, зачастую отступая отъ ихъ основныхъ принциповъ и настолько измѣняя ихъ содержаніе, что отъ судебныхъ уставовъ, по распространенному выраженію, остались лишь корешки. Особенно справедливымъ стало такое опредѣленіе въ 1889 г., когда созданіемъ административно-судебныхъ учреждений, съ институтомъ земскихъ начальниковъ въ основѣ, былъ разрушенъ одинъ изъ краеугольныхъ камней судебной реформы—мировой институтъ—и уничтожено, казалось бы, незыблемое и общепризнанное начало отдѣленія судебной власти отъ административной.

Судебные уставы, такимъ образомъ, еще при жизни перешли въ исторію; о судебной реформѣ въ ея чистомъ первоначальномъ видѣ приходится говорить уже, какъ о прошломъ.

Истекшее пятидесятилѣтіе со дня утвержденія судебныхъ уставовъ, благодаря указаннымъ условіямъ, требовало особаго вниманія и запечатлѣнія. И мы видимъ появленіе замѣчательной по красотѣ изложенія и мастерству характеристики книги А. О. Кони: «Отцы и дѣти судебной реформы», появленіе первыхъ частей обширнаго комментарія къ судебнымъ уставамъ подъ редакціей М. Н. Гернета и начало осуществленія пятитомнаго изданія, предпринятаго въ Москвѣ подъ редакціей Н. В. Давыдова и посвященнаго судебной реформѣ.

¹⁾ Исторія русской адвокатуры, т. I, I. В. Гессенъ: «Адвокатура, общество и государство», 1914; «Судебные уставы 20 ноября 1864 г. за пятьдесятъ лѣтъ», т. I и II, 1914.

Эти работы отмѣчаются и будутъ отмѣчаться на страницахъ «Голоса Минувшаго» другими; мы въ настоящее время имѣемъ въ виду остановиться на одной весьма важной части судебной реформы—на институтѣ адвокатуры. Этой части посвященъ обширный трудъ І. В. Гессена, заглавіе котораго приведено выше; о ней говорится въ статьѣ Е. В. Васьковского въ юбилейномъ изданіи, предпринятомъ министерствомъ юстиціи. Этого послѣдняго изданія мы будемъ касаться, главнымъ образомъ, лишь съ указанной спеціальной стороны.

Мысль объ изданіи «Исторіи русской адвокатуры» не разъ возникала въ ея средѣ, но лишь въ концѣ 1912 г., по инициативѣ московскаго совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, дѣло получило надлежащій практическій толчокъ, привлечены были всѣ совѣты, избрана ими особая комиссія, изысканы средства, оказано содѣйствіе въ собираніи матерьяловъ, намѣчена программа обширнаго четырехтомнаго изданія и выпущенъ въ свѣтъ первый, основной томъ этого изданія, составленіе котораго, по предложенію комиссіи, принялъ на себя І. В. Гессенъ.

Задача оказалась и трудной, и сложной. Скудны и отрывочны были нормы, опредѣлявшія бытіе адвокатуры, при чемъ, напри-мѣръ, институтъ помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ—эта основная ячейка и главный разсадникъ адвокатуры—оставался почти безъ всякой регламентаціи. Поэтому изложеніе теоріи *нормъ* не было бы ни въ какомъ смыслѣ исторіей адвокатуры; нужно было на ряду съ исторіей новыхъ «законоположеній» и «мѣропріятій» относительно адвокатуры дать исторію ея подлинной *жизни*, ея роста и тѣхъ условій, которыя такъ или иначе вліяли на ея образованіе и ея характеръ. Для выполненія этой задачи важно было имѣть матерьялъ, своевременно отмѣченный и собранный на мѣстахъ, а какъ разъ этого матерьяла оказалось очень мало, ибо единичная попытка (по инициативѣ А. Я. Пасовера въ Одессѣ) создать матеріалъ жизни адвокатуры не удалась на мѣстѣ и нигдѣ не вызвала подражанія, и призывъ о присылкѣ хотя бы разрозненнаго матерьяла уже во время составленія исторіи остался почти безплоднымъ.

Благодаря этому, во-первыхъ, пришлось прибѣгнуть не только къ «писанію», но и къ «преданію», а потому въ числѣ источниковъ І. В. Гессена мы видимъ бесѣды съ К. К. Арсеньевымъ, В. О. Люстихомъ, Н. В. Тесленко и многими другими. Во-вторыхъ пришлось иногда не хозяйничать надъ матерьяломъ, а идти за нимъ по мѣрѣ его наличности, а также по мѣрѣ наличности литературы, относящейся къ адвокатурѣ и данной предшественниками автора. Здѣсь авторъ широко использовалъ архивный

матеріаль петербургскаго и московскаго совѣтовъ (систематизированный г.г. Элькинымъ и Тагеромъ) и печатныя пособія. Столичный, если можно такъ выразиться, характеръ источниковъ и преданія и повелѣ къ тому, что исторія и характеристика адвокатуры у І. В. Гессена, главнымъ образомъ, основаны на данныхъ Петербурга и Москвы; провинція осталась сравнительно въ тѣни и данныя о жизни и дѣятельности адвокатуры тамъ приводятся сравнительно рѣдко. Такимъ образомъ нѣкоторые дефекты труда І. В. Гессена были неизбѣжны по независящимъ отъ него обстоятельствамъ, на которыя мы указали и на многія изъ которыхъ самъ авторъ указалъ въ своемъ предисловіи. Особенно яркимъ здѣсь оказывается тотъ фактъ, что при написаніи исторіи адвокатуры, предпринятой какъ дѣло всего сословія, которое является важнымъ и существеннымъ элементомъ нашего судебного строя, государственный секретарь и министерство юстиціи «затруднились» допустить автора къ пользованію архивными матерьялами, относящимися къ судьбамъ адвокатуры, хотя громадное большинство этихъ матерьяловъ напечатано, не заключаетъ въ себя никакихъ государственныхъ тайнъ, многими уже обозрѣвалось да и сейчасъ широко было открыто всѣмъ, кто писалъ для юбилейнаго изданія министерства юстиціи о судебной реформѣ.

Но на ряду съ тѣмъ, что въ книгѣ г. Гессена относится къ категоріи «невольная», мы встрѣчаемъ и «вольная». Мы можемъ поставить въ упрекъ автору, во-первыхъ, малое пользованіе такими матерьялами, которые были уже напечатаны и давали цѣнныя указанія о жизни адвокатуры въ провинціи; здѣсь особенно важны отчеты провинціальныхъ совѣтовъ и комиссій, изъ которыхъ, какъ увидимъ далѣе, писавшій въ юбилейномъ министерскомъ изданіи г. Васьковскій сдѣлалъ цѣнныя, хотя иногда и очень одностороннія, извлеченія. Во-вторыхъ, авторъ очень скупъ на указанія трудовъ своихъ предшественниковъ, писавшихъ объ адвокатурѣ, ея представителяхъ и отдѣльных моментахъ ея бытія. Если широко цитируются труды Арсеньева, Спасовича, Макалинскаго и трудъ самого автора «О судебной реформѣ», то труды другихъ или цитируются сравнительно мало или обходятся полнымъ молчаніемъ. Такъ почти нѣтъ указаній на Джаншіева, столько лѣтъ и съ любовью писавшаго о судебныхъ уставахъ и ихъ судьбахъ съ неизмѣннымъ вниманіемъ къ адвокатурѣ и ея виднѣйшимъ представителямъ, на Васьковскаго, автора капитальнаго труда «Организація адвокатуры», и многихъ другихъ, внесшихъ свою, хотя бы и скромную, лепту какъ въ дѣло освѣщенія жизни сословія, такъ и въ дѣло защиты его

правъ. Мы полагаемъ, что въ юбилейномъ изданіи, подводимъ итоги за пятьдесятъ лѣтъ, такого рода пробѣлы нежелательны и надѣмся, что въ будущихъ намѣченныхъ томахъ юбилейнаго изданія они будутъ по возможности восполнены.

Но трудъ г. Гессена имѣетъ, рядомъ съ этими недостатками, большія и серьезныя достоинства. Написанный по широкому плану, онъ распадается на много отдѣловъ,—даетъ тонкій анализъ причинъ, вызвавшихъ ту или иную сторону въ жизни адвокатуры, и часто вводитъ новые и интересные матерьялы. Съ авторомъ можно иногда не согласиться, но съ его изложеніемъ и его выводами всегда необходимо серьезно считаться.

Говоря о достаточно уже освѣщенномъ въ литературѣ вопросѣ о дореформенной адвокатурѣ, авторъ приводитъ интересный проектъ коммисіи составленія законовъ, которая (повидимому въ 1819—20 г.г.) пыталась дать у насъ бытіе *сословію* стряпчихъ «по примѣру другихъ государствъ». Изъ проекта ничего не вышло, но несомнѣнно, что при его осуществленіи мы получили бы адвокатуру хотя и несовершенную, но все же далекую отъ дореформенной.

Весьма интересны историческія справки и выводы въ отдѣлѣ «власть и адвокатура». І. Гессенъ обстоятельно уясняетъ здѣсь, почему такъ долго не могла явиться у насъ настоящая адвокатура и вѣрно отмѣчаетъ, что «чѣмъ меньше въ странѣ законности, чѣмъ безудержнѣе господствуетъ произволъ, тѣмъ враждебнѣе и нетерпимѣе должна относиться власть къ адвокатурѣ» (28 стр.). Особенно характерна здѣсь справка о томъ, какъ въ разгаръ колебаній, вводитъ ли адвокатуру, на защиту этого института выступилъ К. П. Побѣдоносцевъ, помѣстившій статью въ «Русск. Вѣстн.», гдѣ онъ доказывалъ, что безъ введенія у насъ института адвокатуры по европейскому образцу не можетъ явиться истиннаго правосудія (34—36). Вообще очеркъ тѣхъ перипетій, которыя проходилъ вопросъ введенія адвокатуры, написанъ г. Гессеномъ весьма обстоятельно; какъ начало такъ и переходный періодъ (1866—1874 г.г.) движенія и примѣненія судебной реформы (стр. 37—234), поскольку дѣло касается адвокатуры, разработаны съ рѣдкой полнотой и ясностью ¹⁾.

¹⁾ Особенно интересны здѣсь приведенныя авторомъ замѣчанія воронежскаго секретаря уголовныхъ дѣлъ Богданова, почитателя Макіавели, мысли котораго онъ примѣняетъ при обсужденіи проекта судебной реформы (74—80), и предсѣдателя могилевской уголовной палаты Бржостовскаго, который требовалъ, чтобы одновременно съ реформой процессуальнаго права была проведена и реформа матеріальнаго права, и пророчески говорилъ, что если останутся безъ измѣненія «устарѣлыя и несправедливыя» нормы матеріальныя, неизбѣженъ будетъ рядъ печальныхъ явленій (82—84). Пророчество исполнилось и отразилось, между прочимъ, и на судьбахъ адвокатуры.

Единственный лишь пунктъ изъ этихъ отдѣловъ труда г. Гессена требуетъ нѣкоторыхъ замѣчаній. Авторъ пессимистически относится къ мысли Джаншіева, что основныя положенія судебной реформы ознаменовали собой полный поворотъ въ дѣлѣ этой реформы; по крайней мѣрѣ въ части, относящейся къ адвокатурѣ, авторъ такого поворота не усматриваетъ, указывая на полную близость основныхъ положеній къ готовому уже ранѣе проекту соединенныхъ департаментовъ. Но, во-первыхъ, самъ онъ вынужденъ признать наличность «нѣкоторыхъ редакціонныхъ исправленій, имѣющихъ весьма существенное значеніе». Мы даже не рѣшились бы назвать эти исправленія «редакціонными»; замѣна слова «опредѣляются» (относительно присяжныхъ повѣренныхъ) словомъ «приписываются» и введеніе выборнаго товарища предсѣдателя совѣта,—это уже не «редакція», а подлинное и важное существо. Во-вторыхъ, нельзя забывать, что основныя положенія послѣ долгихъ лѣтъ «самобытности» впервые открыто и прямо провозгласили принципъ необходимости пользоваться примѣромъ запада и результатами его научнаго и законодательнаго творчества; однимъ этимъ была уже разорвана связь съ нашимъ прошлымъ и его идеологіей и только благодаря этому уставы, и въ томъ числѣ проектъ объ адвокатурѣ, могли получить и получили дальнѣйшее развитіе при движеніи и обсужденіи реформы.

Далѣе въ книгѣ г. Гессена идетъ какъ бы центральный отдѣлъ: «Итоги перваго 25-лѣтія адвокатуры». Архитектура постройки здѣсь выдержана не вполне строго: съ одной стороны авторъ иногда возвращается къ фактамъ уже рассмотрѣннаго имъ переходнаго періода, съ другой—даетъ принципиальныя положенія и обобщенія, которыя по своему общему характеру объемлютъ и второе 25-лѣтіе; по существу же здѣсь изложеніе богато матерьяломъ, послѣдовательно по мысли и весьма содержательно.

Авторъ описываетъ живучесть старой адвокатуры, типы «ходатаевъ», ихъ борьбу за существованіе и конкуренцію съ новыми патентованными адвокатами; онъ ярко рисуетъ заброшенное положеніе института помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, не получившаго никакой регламентаціи, и общее отношеніе къ адвокатурѣ правительства, которое очень быстро стало недовѣрчивымъ и подозрительнымъ, что особенно ясно выразилось въ систематическомъ пренебреженіи къ ходатайствамъ совѣтовъ. Дополняя здѣсь обширныя данныя, въ свое время систематизированныя въ книгѣ К. К. Арсеньева, авторъ въ числѣ другихъ причинъ справедливо отмѣчаетъ и ту, которую можно назвать «истощеніемъ законодательнаго творчества».

Не менѣе интересно и вѣрно авторъ обрисовываетъ все болѣе и болѣе измѣнявшееся отношеніе къ адвокатурѣ суда, постепенное сокращеніе правъ защиты и ростъ общихъ и специальныхъ условий, вредно отразившихся на профессиональномъ уровнѣ адвокатуры. Если и попадаютъ здѣсь страницы (290 и 291), гдѣ изложеніе слишкомъ бѣгло и не чуждо противорѣчій, то это — исключеніе.

Въ отдѣлѣ «Боевые вопросы адвокатской профессіи» авторомъ снова привлечено немало свѣжаго матеріала. Вѣрно отгѣнена и роль столичныхъ совѣтовъ въ дѣлѣ организациі сословія, и стремленіе насадить высокую профессиональную этику. Здѣсь ясенъ приоритетъ петербургскаго совѣта, ибо въ московскомъ совѣтѣ размахъ творчества и подъемъ замѣчаются главнымъ образомъ во второмъ 25-лѣтіи, съ выступленіемъ на сцену молодой адвокатуры. Въ виду ходячихъ нападокъ на яко бы слабость надзора со стороны совѣтовъ важенъ фактъ, доказанный I. В. Гессеномъ, что надзоръ со стороны судовъ и разъясненія по вопросамъ профессиональной этики въ общемъ слабѣе и одностороннѣе, чѣмъ у совѣтовъ. Конечно, бываютъ и исключенія (ихъ, какъ увидимъ, очень отгѣнилъ г. Васьковскій), которыя не мѣшало отмѣтить, но г. Гессенъ правъ по существу, и его изложеніе весьма доказательно. Оставляя даже въ сторонѣ рядъ «мѣръ», относящихся къ болѣе позднему времени и иногда продиктованныхъ скорѣе политическими мотивами, чѣмъ существомъ дѣла, нельзя не отмѣтить здѣсь такого перла, какъ сенатское рѣшеніе 11 января 1880 г. по общему собранію 1-го и кассационныхъ департаментовъ, разъяснившее, что одно только *«знаніе о нечестномъ способѣ пріобрѣтенія правъ, принимаемыхъ къ защитѣ, не можетъ служить для признанія дѣятельности присяжнаго повѣреннаго несогласною съ правами и обязанностями его, указанными въ законѣ»*.

Едва ли, однако, можно вполне согласиться съ нѣкоторыми выводами самого автора, когда онъ, въ связи съ изложеннымъ, останавливается на боевомъ и важномъ вопросѣ о веденіи неправыхъ дѣлъ (особ. стр. 332, ср. уже не такъ рѣшительно по сходному вопросу, стр. 360). Авторъ отрицательно и не безъ ироніи относится къ теченію, требующему такого исполненія закона, «чтобы онъ совпалъ съ разумной и справедливой нормой, имманентной соотвѣтственному явленію жизни». Здѣсь авторъ видитъ ударъ началу законности и рѣзко выступаетъ противъ Боровиковскаго, котораго считаетъ главнымъ выразителемъ и идеологомъ этого теченія. Между тѣмъ вопросъ сложенъ и требовалъ болѣе осторожнаго къ себѣ отношенія; не имѣя возможности здѣсь подробно

на немъ останавливаться, скажемъ только, что теченіе въ пользу проникновенія этики въ сферу права не только уголовнаго, но и гражданскаго, является серьезно выраженнымъ въ современной наукѣ, что важность уваженія къ законности не исключаетъ важности въ жизни этического момента, и что строго-формальное примѣненіе закона должно имѣть свои предѣлы, иначе получимъ, какъ ярко выразилъ А. Ѳ. Кони, людей, которымъ «мертвыя правовыя схемы кажутся скрижалями завета, заставляющими чаянія и упованія жизни смолкать передъ своимъ мертвымъ глаголомъ», получимъ забвеніе той живой потребности, чтобы правда жизни выдвигалась противъ «бездушнѣйшей узости и казуистичности» и «выступала наружу, пробивая кору формальной и условной истины»...

Третью и послѣднюю часть своего труда (стр. 334—474) авторъ посвящаетъ послѣднему двадцатипятилѣтію, котораго ему, дѣлая нѣкоторыя обобщенія, приходилось касаться и раньше. Проекты реформъ, относящихся къ адвокатурѣ (334 — 367), ея эволюціи въ этомъ періодѣ, роль и значеніе появившейся «молодой адвокатуры» и особенно очеркъ того антагонизма между адвокатурой и властью, который принялъ болѣе чѣмъ нежелательныя формы и вызвалъ «мѣропріятія», ничего общаго не имѣющія съ духомъ судебныхъ уставовъ,—все это истинно живо, подробно, убѣдительно и весьма доказательно. Но тутъ мы можемъ остановиться: тутъ не *прошлое*, которое главнымъ образомъ подлежитъ оцѣнкѣ историческаго журнала; тутъ много болѣзненнаго настоящаго, освѣщеннаго сильно и вѣрно. Необходимо въ заключеніе коснуться важнаго вопроса объ отношеніи общества къ адвокатурѣ, которому І. В. Гессенъ справедливо удѣлилъ много вниманія. Здѣсь онъ, между прочимъ, серьезно полемизируетъ съ нападками на адвокатуру Е. Маркова и такихъ корифеевъ нашей литературы, какъ Достоевскій и Салтыковъ. Во многомъ эта полемика удачна и справедлива, ибо съ фактами и логическими доказательствами въ рукахъ авторъ полностью опровергаетъ цѣлый рядъ выдвинутыхъ противъ адвокатуры обвиненій. И безспорно въ нападкахъ на адвокатуру было немало несправедливости и немало недоразумѣній, вызванныхъ разными причинами и особенно неправильнымъ пониманіемъ истинной роли и задачъ адвокатуры въ состязательномъ процессѣ; безспорно, адвокатура дала Россіи много крупныхъ дѣятелей и свѣтлыхъ именъ; безспорно, въ общемъ велики ея заслуги, ея вклады не только въ дѣло правосудія, которому она служитъ по профессиональному долгу, но и въ русскую общественную и политическую жизнь.

Но, если мы признаемъ, что г. Гессенъ былъ правъ, защищая

адвокатуру и выясняя ея роль и ея заслуги, то мы считаемъ пробѣломъ почти полное у него отсутствіе того, въ чемъ выражались и выражаются темныя стороны адвокатуры. Правда, мелькомъ (напр. на стр. 439) онъ указываетъ на нѣкоторые печальные факты въ жизни провинціальной адвокатуры, правда, у него же есть много указаній на энергичную борьбу совѣтовъ и лучшихъ представителей сословія за лучшую сословную этику, но столь же несомнѣнно, что во многомъ обвинители адвокатуры были правы. Они дѣлали невѣрные *обобщенія*, но каждый беспристрастный наблюдатель судебной жизни и читатель совѣтскихъ отчетовъ все же знаетъ, что принадлежность къ адвокатурѣ не создаетъ совершенства и что среди адвокатовъ не такъ уже рѣдки люди, не стоящіе на высотѣ необходимой профессиональной этики.

Мы видѣли, какъ крупные адвокаты отказываются отъ «мелкихъ» дѣлъ, какъ бы важно ни было дѣло въ принципиальномъ или юридическомъ отношеніи; далѣе, тенденція къ непремѣнному полученію возможно болѣе крупнаго аванса, некрасивые приемы конкуренціи, реклама, погоня за кліентами всѣми способами, вплоть до самыхъ предосудительныхъ, но виртуозныхъ и изобрѣтательныхъ, эксплуатація помощниковъ и переносъ на нихъ казенныхъ защитъ, нежеланіе до суда посѣщать «казенныхъ» подсудимыхъ, различное совмѣстительство до маклерства включительно, небрежность, пропускъ сроковъ, пользование для оттяжки дѣла всякими закорючками и прищипками, вплоть до заявленія явно неосновательнаго спора о подложности документа, полный или почти полный разрывъ съ наукой, неразборчивость въ аргументаціи, доходящая до прямого извращенія фактовъ,—все это было и бываетъ, и нужно прямо и открыто это признать и объ этомъ говорить, если мы хотимъ дать полную и вѣрную картину исторіи и жизни адвокатуры.

Подводя теперь краткій итогъ, мы скажемъ, что въ общемъ книга І. В. Гессена, являющаяся первымъ томомъ задуманнаго русской адвокатурой крупнаго изданія, стоитъ на высотѣ и даетъ удачное выполненіе трудной задачи, принятой на себя авторомъ. Есть пробѣлы, есть спорныя мѣста, но въ то же время передъ нами добросовѣстный, продуманный, богатый документами и цѣнный трудъ, дѣйствительно дающій въ основныхъ моментахъ за 50 лѣтъ исторію адвокатуры, ея организаціи, ея судебъ, ея дѣятельности и ея судебной и общественной роли.

Обращаясь теперь къ труду Васьковского въ юбилейномъ изданіи министерства юстиціи, скажемъ сперва два слова о самомъ изданіи. Оно было предпринято министерствомъ и должно было дать картину не только происхожденія судебныхъ уставовъ,

но и ихъ дѣйствительныхъ судебъ. Первая задача, по существу историческая и далекая отъ злобы дня, была болѣе доступна для офиціознаго изданія, но все же и здѣсь оказались большія противорѣчія; при оцѣнкѣ нашего дореформеннаго строя и значенія судебной реформы нельзя совершенно отрѣшиться отъ политическихъ моментовъ, а между тѣмъ эти моменты весьма разнo преломляются въ представленіяхъ гг. составителей, особенно гг. Берендса и Мордухай-Болтовскаго съ одной стороны, Блинова и бар. Нольде—съ другой.

Вторая задача была еще труднѣе. По общему признанію подавляющаго большинства лицъ, писавшихъ о судебной реформѣ (Спасовичъ, Кони, Фойницкій, Джаншіевъ, I. Гессенъ, пишущій эти строки и мн. др.),—ея развитіе и ея судьбы являются почти сплошнымъ мартирологомъ; тяжкіе удары и мѣры, чуждыя духу судебныхъ уставовъ, непрерывной цѣпью тянутся до нашихъ дней, а потому полная и безпристрастная оцѣнка судебъ судебной реформы въ изданіи, выходящемъ подъ эгидой нашего министерства юстиціи, являющагося во многихъ отношеніяхъ хозяиномъ положенія въ судебномъ дѣлѣ, была болѣе чѣмъ затруднительной. И дѣйствительно, о многомъ почти не сказано, многое затушевано, многое полностью пройдено фигурой умолчанія, и многое, о чемъ отдѣльными авторами сказано въ прямомъ и правильномъ освѣщеніи, открывается въ дисгармоніи съ тѣмъ, что другіе авторы освѣщали, считаясь съ этимъ господствующимъ курсомъ.

Поэтому, хотя въ изданіи имѣются весьма цѣнныя статьи, написанныя съ привлеченіемъ новаго и важнаго матеріала (напримѣръ, статьи Блинова и бар. Нольде), хотя передъ составителями были открыты гостепріимно тѣ двери, открыть которыя «затруднились» передъ составителемъ исторіи адвокатуры г. Гессеномъ, общій тонъ изданія является сѣрымъ и неинтереснымъ, ничего цѣльнаго и стройнаго не получилось.

Переходя теперь въ частности къ статьѣ г. Васьковскаго, мы не можемъ прежде всего не указать, что изъ 1500 стр. изданія адвокатурѣ, т.-е. одному изъ важнѣйшихъ устоевъ судебной реформы, построенной на состязательной формѣ процесса, удѣлено всего 30 стр. Тутъ и очеркъ дореформеннаго порядка, и исторія, и организація и судьбы адвокатуры за полвѣка и даже критика и предложенія *de lege ferenda*!

Но въ то же время то, что дано авторомъ, отнюдь не можетъ претендовать на девизъ «*non multa, sed multum*». Блѣдная и поверхностная характеристика дореформенныхъ ходатаевъ и ихъ дѣятельности; вызываетъ сомнѣнія категорическое заявленіе, что

въ низкомъ состояніи нашей дореформенной юстиціи «*значительная доля вины падаетъ именно на ходатаевъ по дѣламъ*» (стр. 251), ибо *весь строй* стараго суда и стараго процесса былъ таковъ, что при самомъ отвратительномъ составѣ ходатаевъ *значительность* ихъ вины никакъ не можетъ быть доказана, разъ мы учитываемъ общее состояніе юстиціи и дѣйствительно важнѣйшія причины этого состоянія. Далѣе, хотя статья написана крупнымъ юристомъ и авторомъ капитальнаго труда «Организація адвокатуры», она даетъ рядъ разочарованій. Болѣе чѣмъ бѣгло и съ существенными пробѣлами переданы организація адвокатуры по судебнымъ уставамъ, ея судьбы и дальнѣйшее о ней законодательство; всему этому отведено восемь страницъ, при чемъ встрѣчаются и большія неожиданности: авторъ какъ будто ничего не знаетъ о томъ, въ какихъ условіяхъ приходилось дѣйствовать адвокатурѣ и какія причины вызвали поворотъ власти въ отношеніи къ послѣдней; тамъ же, гдѣ онъ изрѣдка подходитъ къ этой темѣ, напримѣръ, говоря о пріостановкѣ дальнѣйшаго открытія совѣтовъ и ихъ отдѣленій (стр. 258), мы видимъ не указаніе дѣйствительной причины, коей было желаніе бороться съ корпоративностью адвокатуры и стремленіе подчинить ее въ дисциплинарномъ отношеніи судамъ, а указаніе на офиціальную версію — малочисленность коллегій, при которой трудно «безпристрастно осуществлять дисциплинарную власть другъ надъ другомъ»; неудивительно поэтому и мнѣніе автора, что указанныя мѣры предприняты «не безъ основанія», неудивительно и то, что онъ ни слова не говоритъ о причинахъ, вызвавшихъ въ 1906 г. разрѣшеніе образовать совѣты въ шести округахъ.

Болѣе вниманія (14 стр.) авторъ удѣляетъ оцѣнкѣ адвокатуры, но и здѣсь мы встрѣчаемся съ существенными дефектами. Во-первыхъ, авторъ чрезвычайно одностороненъ; если, какъ мы видѣли, г. Гессенъ въ своей книгѣ мало говоритъ о дефектахъ нашей адвокатуры и очень много о ея заслугахъ и достоинствахъ, то г. Васьковскій идетъ въ противоположную сторону неизмѣримо дальше: онъ приводитъ рядъ очень печальныхъ фактовъ, почерпнутыхъ изъ совѣтскихъ отчетовъ и безспорно имѣющихъ важное значеніе (особ. стр. 270, 271 и прилож. къ ней), но онъ, забывая о громадной массѣ фактовъ иного порядка, дѣлаетъ рѣзкія и неправильныя обобщенія, при чемъ иногда, сославшись на нѣсколько случаевъ изъ практики харьковскаго, одесскаго и особенно казанскаго совѣта, даетъ общій выводъ, хотя практика столичныхъ совѣтовъ рѣзко этому выводу противорѣчитъ, иногда же осуждаетъ совѣтскую практику даже тамъ, гдѣ

противъ него говорятъ официально установленные факты; такъ онъ считаетъ карательную дѣятельность совѣтовъ «чрезмѣрно снисходительной», хотя прочно установлено, что эта дѣятельность *въ общемъ* строже, чѣмъ соотвѣтствующая дѣятельность судовъ тамъ, гдѣ нѣтъ совѣтовъ. Ни одной заслуги адвокатуры, ни одного свѣтлаго луча въ ея дѣятельности г. Васьковскій въ своей «критической оцѣнкѣ» не даетъ; въ итогѣ, самыми мрачными красками описавъ состояніе германской и австрійской адвокатуры, онъ заявляетъ, что наша адвокатура «поставлена на наклонную плоскость» и что ей грозитъ самая печальная судьба... Болѣе объективно, хотя также поверхностно, изложены вопросы о частныхъ повѣренныхъ и помощникахъ присяжныхъ повѣренныхъ; здѣсь мы встрѣчаемъ порой вѣрныя замѣчанія и заслуживающія серьезнаго вниманія предложенія въ дѣлѣ упорядоченія разсматриваемыхъ вопросовъ (особ. стр. 279), но характерно, что нигдѣ ни слова о трудахъ Арсеньева, Макалинскаго, Джаншіева и мног. др., писавшихъ объ адвокатурѣ.

Болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ авторъ выступилъ какъ пламенный поклонникъ адвокатуры, построенной по англо-французскому образцу, съ его строгимъ отдѣленіемъ адвокатовъ отъ стряпчихъ. Несомнѣнно, что этотъ образецъ имѣетъ стороны свѣтлыя и благопріятныя для развитія адвокатуры и укрѣпленія ея этики. Несомнѣнно также, что многіе дефекты связаны съ германо-австрійскимъ строемъ адвокатуры, и г. Васьковскій приводитъ въ доказательство этого весьма интересные факты и указанія въ литературѣ (стр. 262—267). Но, во-первыхъ, г. Васьковскій совершенно напрасно отождествляетъ нашу адвокатуру съ германо-австрійской: иными являются ея судьбы, ея судебная и общественная роль, а организація ея самоуправленія во многомъ гораздо ближе къ франко-англійскому образцу; а, во-вторыхъ, г. Васьковскій, къ сожалѣнію, знаетъ только двѣ краски—розовую и черную; первая у него сплошь покрываетъ адвокатуру Англіи и Франціи, вторая—адвокатуру германо-австрійскую и нашу. Такимъ путемъ нельзя писать исторію и нельзя найти вѣрный путь къ реформамъ. Раздѣленіе адвокатовъ на адвокатовъ и стряпчихъ не рѣшаетъ всего вопроса объ адвокатурѣ, создаетъ на принципѣ свои неудобства (зависимость адвокатовъ отъ стряпчихъ, лицемѣріе въ вопросѣ о гонорарѣ, о которомъ адвокатъ будто бы и не знаетъ, въ то время какъ онъ точно выговоренъ стряпчимъ и т. п.) и не можетъ служить какой то панацеей. Для г. же Васьковского здѣсь и альфа и омега; внѣ указаннаго раздѣленія—нѣтъ спасенія.

Какъ извѣстно, адвокатура сейчасъ не въ фаворѣ у министер-

ства юстиціи. Тѣмъ болѣе можемъ мы пожалѣть, что въ министерскомъ юбилейномъ изданіи для нея не нашлось вполнѣ объективнаго слова съ воздаяніемъ ей должнаго не только за ея грѣхи, но и за ея заслуги. Перо г. Васьковского на сей разъ не было перомъ лѣтописца. Адвокатъ по профессіи, авторъ выступилъ здѣсь главнымъ образомъ въ роли прокурора.

Проф. М. П. Чубинскій.

Тургеневскій сборникъ¹⁾.

Новый сборникъ о Тургеневѣ созданъ на петербургскихъ высшихъ женскихъ курсахъ; онъ является частичнымъ итогомъ работъ надъ Тургеневымъ кружка слушательницъ, подъ руководствомъ Н. К. Пиксанова, въ 1912—13 и 1913—14 акад. годахъ. Руководитель кружка избралъ для занятій рядъ темъ, основанныхъ на разработкѣ неизданныхъ или совершенно необслѣдованныхъ матеріаловъ. Правильный самъ по себѣ, этотъ принципъ занятій въ высшей школѣ пріобрѣтаетъ особенное значеніе въ примѣненіи къ такому мало изслѣдованному писателю, какъ Тургеневъ.

Изъ новыхъ матеріаловъ, напечатанныхъ въ сборникѣ, выдающійся интересъ представляютъ выдержки изъ писемъ Варвары Петровны Тургеневой, сдѣланныя г-жей Инной Малышевой. Архивъ матери Тургенева былъ пріобрѣтенъ Имп. Публичной Библіотекой лѣтомъ 1914 г., общее число писемъ Варвары Петровны—175, при чемъ многія изъ нихъ отличаются весьма обширными размѣрами. Письма относятся ко времени отъ 1838 по 1844 г.—главнымъ образомъ къ періоду студенческой жизни Тургенева въ Берлинѣ. Когда письма матери И. С. будутъ опубликованы полностью, то это будетъ очень цѣнное пріобрѣтеніе для историковъ: личность Варвары Петровны въ высокой степени интересна и для біографіи ея знаменитаго сына, и сама по себѣ, какъ любопытный культурный типъ. О содержательности и выразительности ея переписки хорошее представленіе даютъ сдѣланныя г-жей Малышевой выдержки. Что же касается того освѣщенія, которое молодая изслѣдовательница даетъ приводимымъ ею письмамъ, то тутъ, на нашъ взглядъ, не во всемъ можно съ ней согласиться. Г-жа Малышева полагаетъ, что письма Тургеневой, проливая новый свѣтъ на ея отношенія къ сыновьямъ, создаютъ

¹⁾ *Тургеневскій сборникъ. Новооткрытыя страницы Тургенева, неизданная переписка, воспоминанія, бібліографія. Тургеневскій кружокъ подъ руководствомъ Н. К. Пиксанова. Книгоизд. «Огни». П., 1915. Стр. XVI+215. Ц. 1 р. 75 к.*

иное представлѣніе объ ея нравственной личности, весьма отличающееся отъ того, какое сложилось въ біографической литературѣ о Тургеневѣ. На чемъ основывается традиціонное представлѣніе о матери Тургенева? Во-первыхъ, на тѣхъ литературныхъ образахъ, созданныхъ писателемъ, въ основѣ которыхъ лежала личность Варвары Петровны: это—старая барыня изъ разсказа «Муму», мать въ «Первой любви», бабушка въ «Пунинѣ и Бабуринѣ». «Эти очерки слишкомъ эпизодичны и скупы, чтобы ими удовлетвориться», говоритъ г-жа Малышева. Намъ же кажется, что на основаніи этихъ литературныхъ изображеній создается достаточно, отчетливое и яркое представлѣніе, и выразительно уже самое возвращеніе Тургенева къ одному и тому же типу. Затѣмъ, жестокою и суровою женщиною рисуютъ Варвару Петровну и воспоминанія современниковъ; изслѣдовательница полагаетъ, что память ихъ «раскрашивала дѣйствительность въ самыя трагическія краски и что авторы воспоминаній не оцѣнили женщину незаурядную, щедро одаренную, крупную по уму, надѣленную нѣжнѣйшимъ материнскимъ чувствомъ, полную самоотверженія, хотя въ то же время гордую, властную». Г-жѣ Малышевой кажется, что можно въ значительной степени реабилитировать Варвару Петровну, основываясь на ея письмахъ. Трудную задачу поставила себѣ изслѣдовательница,—и нельзя сказать, чтобы она съ нею справилась. Безспорно, что мать романиста была женщина умная, до извѣстной степени одаренная, незаурядная,—но какая это отталкивающая, антипатичная натура! Приводимыя г-жей Малышевой выдержки изъ писемъ, на нашъ взглядъ, именно подтверждаютъ послѣднее положеніе, а не разбиваютъ его. Не будемъ спорить противъ того, что Варвара Петровна по-своему любила Ивана Сергѣевича,—это было извѣстно и раньше. Но какъ тяжело быть любимымъ такой любовью и какъ много въ этой любви эгоизма! Это любовь требовательная, деспотическая, кричащая о себѣ, соединявшаяся съ постоянными укорами и уколами. Для насъ несомнѣнно устанавливается письмами одно: мать Тургенева была совершенно истерическая женщина. Достаточно прочесть нѣсколько ея писемъ, чтобы убѣдиться въ этомъ. Преувеличенность въ выраженіи чувствъ, быстрая смѣна настроеній, склонность строить мрачныя предположенія, самый стиль писемъ, нервическій, зачастую какой-то экстагическій—все это производитъ болѣзненное впечатлѣніе. Если Тургеневъ долго не писалъ (а это бывало довольно часто), то мать говорила, что она «не ручается за свою жизнь, за разсудокъ». «Вотъ и 5-я почта. Всѣ перепугались... Думали, я съ ума сошла. И текущую недѣлю я была, какъ истуканъ:

всѣ ночи безъ сна, дни безъ пищи. Ночью не лежу, а сижу на постели и придумываю... Ваничка мой умеръ, его нѣтъ на свѣтѣ». Но, на-ряду со всѣми этими выраженіями любви, В. П. на каждомъ шагу проявляетъ отсутствіе такта, грубость. Извѣстіе о нездоровьи сына вызываетъ съ ея стороны слѣдующее. «Ты не совсѣмъ здоровъ. Опять *калъка* въ домъ... То былъ нѣсколько лѣтъ и мучилъ меня отецъ, отравилъ всю жизнь мою, то съ рожденія братъ уродъ, то вотъ уже восьмой годъ я страдала, — теперь ты. Ah, mon Dieu, поп... поп... Этотъ крестъ тяжелѣй, чѣмъ я могу снести. Ты самъ упалъ... А я!... О! я съума сойду». А какъ унижительно долженъ былъ чувствовать себя молодой Тургеневъ, читая, напримѣръ, такое заявленіе: «...Я обманулась въ тебѣ. Я точно глупо сдѣлала, что позволила тебѣ, такъ молодую, ѣхать за границу. Я виновата, что дала тебѣ Порфирія, изъ котораго ты, вмѣсто слуги, сдѣлалъ компаньона. Я виновата, что не послушала дядю и послала тебѣ денегъ, когда у тебя было въ кредитивѣ на цѣлый годъ. Я виновата, что и еще послала.—Ты поѣхалъ не шататься по свѣту, а учиться—чему?... учиться мотать!—О! за этимъ не нужно ѣхать было изъ Россіи». Упреками въ мотовствѣ, въ неумѣніи жить по средствамъ переполнены письма этой владѣлицы 3.000 душъ. Вотъ одинъ образчикъ: «Ты, погорѣвъ (послѣ пожара на пароходѣ. М. К.), не можешь вояжировать; зачѣмъ ты поѣхалъ баричемъ въ коляскѣ... а не пустился пѣшкомъ сдѣлавъ себѣ вмѣсто гардеробу, самую необходимую одежду и посохъ въ руки... и котомку..., гдѣ принималъ вагенъ что ли, а не дилижансъ, да гдѣ купилъ кусочекъ сыру, гдѣ хлѣбъ съ масломъ, вотъ такъ, какъ вояжируютъ студенты, протягивая проѣзжающимъ шляпы. Это тебѣ ненужно, т.-е. шляпы протягивать, а не бариться». Боязнъ матери, что сынъ надѣлаетъ долговъ доводитъ ее до слѣдующей угрозы: «...Я при первомъ твоёмъ долгѣ публикую, даю тебѣ мое честное слово, публикую въ газетахъ, что имѣніе у васъ не отцово, и что я, за васъ долговъ платить не буду. Это не сдѣлаетъ тебѣ чести, конечно. Но!—по крайней мѣрѣ съ меня за твои долги взыскивать не будутъ». Не разъ подозрительная В. П. дѣлаетъ предположенія о дурномъ поведеніи сына. «Не затѣйся знакомство свести съ актрисами въ Берлинѣ», предостерегаетъ она. Или: «Мнѣ иногда приходится въ голову—прости Господи,—что ты проигралъ въ рулетку. Да не проститъ тебѣ Господь, ежели ты скрылъ это отъ меня, отъ меня, столь нѣжной матери для васъ». Упрекая И. С. за то, что онъ не прислалъ ей въ подарокъ какой-нибудь бездѣлушки, которую она «цѣловала бы 1000 разъ», она говоритъ такія жесткія слова. «Ты эгоистъ изо всѣхъ эгоистовъ. Былъ бы сытъ ты! и

только. И ежели ты и отдашь, что у тебя не попросишь... то не отъ щедрости. А ты радъ сбыть деньги куда бы то ни было, чтобы тебѣ ихъ не считать, не записывать».

И вотъ, наполняя письма обидными словами, нанося постоянно уколы молодому самолюбію сына, В. П. требуетъ съ его стороны полной откровенности. «Всякая вина отъ меня тебѣ отпустится, кромѣ неоткровенности». Мать требуетъ, чтобы сынъ вводилъ ее въ самые интимные уголки своей души. Иногда онъ, дѣйствительно, посвящалъ ее въ свои сердечныя дѣла. Характеренъ игривый тонъ, въ которомъ пишетъ мать своему юному сыну на эту тему. «Кстати о сахарѣ—давай-ка говорить о чемъ-нибудь послаще... о концѣ твоего письма, о твоихъ любвишкахъ, о m-me T—f... Вотъ новости... я прежде прочла въ твоемъ сердцѣ, чѣмъ ты самъ, и сама начала къ тебѣ писать... Развѣ я мать, какъ другія... Я всегда съ вами, и вся для васъ и вся ваша. Ну!—слава Богу, что я не толстомаяся... Мнѣ кажется, ты бы и мать жирную не любилъ... А иногда мнѣ кажется, что, какъ первая твоя любовь натурально началась матерью, блѣдною, желтою, нервическою, то ты и привыкъ любить желтенькихъ. Это хорошо въ любовныхъ интрижкахъ, а жена желтенькая не очень вкусна. Тѣмъ болѣе, что ее видишь, цѣлуешь безъ шведскихъ перчатокъ».—Можно было бы увеличить число выписокъ, показывающихъ В. П. въ очень непривлекательномъ видѣ, но мы ограничимся еще однимъ только штрихомъ. В. П. требуетъ въ письмѣ отъ 13 ноября 1838 г., чтобы въ тѣ почтовые дни, когда И. С. самъ не пишетъ, объ его здоровьи извѣщалъ крѣпостной слуга Порфирій. «Но!—ту почту, когда вы оба пропустите, я непременно Николашку выскѣку; жаль мнѣ этого, а онъ прехорошенькій и премиленькій мальчикъ, и я имъ занимаюсь, онъ здоровъ и хорошо учится. Что дѣлать, бѣдный мальчикъ будетъ терпѣть... Смотрите же, не доведите меня до такой несправедливости». В. П. обнаруживаетъ здѣсь большое пониманіе того, чѣмъ лучше всего можно воздействовать на сына,—и вмѣстѣ съ тѣмъ дьявольски-жестокую изобрѣтательность. Даже въ такомъ чувствѣ, какъ любовь къ сыну, эта недобрая и деспотическая женщина, склонная къ мучительству, остается вѣрна себѣ. И все то, что г-жа Малышева говоритъ о ея нѣжности и готовности къ самопожертвованію, намъ кажется неубѣдительнымъ; мы находимъ въ ея письмахъ постоянныя указанія на то, что она сдѣлала для дѣтей, увѣренія, что она лучше другихъ матерей,—это ли языкъ самоотверженной любви? Она въ своей любви желала властвовать, стремилась подчинить тщательному контролю жизнь своего сына, грубо и жестко упрекала его, когда его поведеніе не соотвѣтствовало ея требова-

ніямъ,—естественно, что въ концѣ-концовъ сынъ порвалъ отношенія съ нею. Конечно, нужны были вѣскія основанія, чтобы слабовольный и мягкій И. С. Тургеневъ рѣшился на такой шагъ.

Г-жа Петрашкевичъ напечатала въ сборникъ публицистическую статью объ Александрѣ III, относительно которой можно думать, что она принадлежитъ перу Тургенева. Статья эта была напечатана въ 1881 г. въ журналѣ «La Revue Politique et Littéraire» безъ имени автора. Авторъ этой статьи исходитъ изъ положенія, что «Александръ III обладаетъ многими изъ тѣхъ могущественныхъ качествъ, которыя дѣлаютъ если не великими, то добрыми и истинными государями». Общее резюме статьи таково, что въ новое царствованіе можно ожидать значительныхъ улучшеній современнаго порядка, направленныхъ прежде всего въ пользу крестьянъ, но распространяющихся и на другіе классы. Всѣ эти улучшенія будутъ однако лишь проявленіемъ доброй воли самого императора: новый государь совершенно несклоненъ къ малѣйшему конституціонному ограниченію своей власти. Тѣ основанія, по которымъ г-жа Петрашкевичъ приписываетъ эту статью Тургеневу, представляются довольно убѣдительными.

Изъ писемъ Тургенева мы находимъ въ сборникъ два письма 1865 г. къ И. И. Маслову. Письма касаются интимныхъ сторонъ жизни писателя: въ 1851—53 гг. у Тургенева была связь съ купленною имъ крѣпостною дѣвушкою Θεоктистою Волковою, которой онъ потомъ «помогъ выйти замужъ» за мелкаго чиновника. Сына, явившагося отъ это связи, Волкова отдала въ Воспитательный Домъ, а въ 1865 г. дѣлала шаги къ его разысканію.—Кромѣ того, приводится рядъ выдержекъ изъ писемъ Тургенева къ его управляющему Кишинскому, показывающихъ его заботы о народной школѣ въ Спасскомъ.

Значительную часть сборника занимаютъ воспоминанія о Тургеневѣ Н. А. Островской. Они были уже напечатаны въ 1884 г. въ одной провинціальной газетѣ, но со значительными пропусками, главнымъ образомъ, вслѣдствіе цензурныхъ условій. Въ сборникъ пропущенныя мѣста возстановлены по рукописи. Воспоминанія Островской, касающіяся заграничной жизни Тургенева въ 60-хъ и 70-хъ годахъ, весьма содержательны.

Всякій, интересующійся Тургеневымъ, будетъ глубоко благодаренъ г-жѣ Петрашкевичъ за составленный ею подробный библиографическій указатель воспоминаній о Тургеневѣ. Въ немъ названы 132 статьи (на русскомъ языкѣ), въ которыхъ содержатся воспоминанія о писателѣ, при чемъ для каждой статьи дается краткое указаніе содержанія и перечень встрѣчающихся собственныхъ именъ. Въ концѣ приложенъ сводный алфавитъ упоминаю-

щихся именъ, а также дана группировка воспоминаній по отдѣльнымъ вопросамъ и періодамъ жизни Тургенева. Исполненная г-жей Петрашкевичъ работа въ высокой степени цѣнна. Существенныхъ пропусковъ въ указателѣ мы не замѣтили. Можно, пожалуй, добавить еще слѣдующія сочиненія: *В. Батуриискій*. Черты изъ жизни И. С. Тургенева («Ист. Вѣстникъ» 1899, 3. Пересказаны воспоминанія американца Гиггинсона, а также статья Драгоманова); *П. П. Суворовъ*. Записки о прошломъ. М., 1899; *кн. Д. Оболенскій*. У гроба И. С. Тургенева («Ист. Вѣстникъ» 1903, т. 92); *И. С. Джабадари*. Процессъ 50-ти («Былое» 1907, 9).

Самое краткое знакомство съ содержаніемъ новаго сборника приводитъ къ слѣдующему выводу: первый опытъ опубликованія работъ, которыя велись слушательницами высшихъ курсовъ подъ руководствомъ Н. К. Пиксанова, оказался чрезвычайно удачнымъ. Всѣ интересующіеся Тургеневымъ могутъ только горячо пожелать, чтобы вслѣдъ за первымъ Тургеневскимъ сборникомъ не замедлили выйти въ свѣтъ и послѣдующіе выпуски.

М. Клевенскій.

Фаворитъ Людовика XIV ¹⁾.

Среди придворныхъ и куртизановъ французскихъ королей до-революціоннаго времени трудно найти человѣка, жизнь котораго была бы болѣе романтична, болѣе богата контрастами щедрыхъ милостей и нещадныхъ ударовъ судьбы, чѣмъ жизнь Лозена. «Онъ родился подъ двумя звѣздами: счастливой и несчастной,—говорить о немъ Ла-Брѣйръ.—Его жизнь романъ, но романъ, непохожій на дѣйствительность. И все, что съ нимъ происходило, не можетъ быть названо приключеніями, это были сны прекрасные или ужасные; что я говорю? Такъ даже не мечтають, какъ онъ жилъ». Сынъ провинціальнаго маркиза, Лозенъ воспитывался при дворѣ графа де-Гишъ и уже съ раннихъ лѣтъ приобрѣлъ симпатіи и довѣріе Людовика XIV настолько, что могъ, напримѣръ, еще наканунѣ предупредить Фуке объ ожидавшемъ того арестѣ. Фаворитъ короля, болѣе чѣмъ кто другой обладавшій его довѣріемъ, Лозенъ падаетъ жертвой пылкости своей натуры. Принцесса Монако, дарившая его еще недавно своей дружбой, благосклонно принимаетъ поклоненіе короля. «Я имѣю письма, могущія Васъ погубить», бросаетъ ей оскорбленный Лозенъ. И когда, по желанію принцессы, король удаляетъ докучливаго, отсылая его въ Беарнъ, «посмотрѣть въ хорошемъ ли состояніи его драгунскій полкъ», Лозенъ внѣ себя требуетъ отставки: «онъ никогда не обнажитъ меча на службѣ короля». Король называетъ его поведеніе глупымъ, а бѣшенный Лозенъ бѣжитъ къ принцессѣ и, не найдя ее, мститъ тѣмъ, что разбиваетъ большое зеркало въ салонѣ. Увы, король не ограничился однимъ замѣчаніемъ, и на другой день Лозенъ получаетъ лаконическій приказъ короля: «Мое желаніе, чтобы вы отправились въ мой замокъ Бастилію». Шесть мѣсяцевъ продержалъ его король въ своей Бастиліи. Простивъ наконецъ, онъ захотѣлъ видѣть Лозена такимъ, какимъ тотъ вышелъ изъ крѣпости—«съ

¹⁾ Figures du Passé: Lausun, un courtisan du Grand Roi par le duc de la Forge. Paris.

его большой, какъ у капуцина, бородой». Плачевная мина раскаявшагося фаворита доставила удовольствіе королю, и самъ Лозенъ «казался очень доволенъ тѣмъ, что вызвалъ улыбку на лицѣ Его Величества».

Лозенъ отличается въ рядѣ сраженій, и король обѣщаетъ ему большой военный постъ, но съ условіемъ не сообщать объ этомъ пока никому. Лозенъ проговаривается, и разсерженный король отказываетъ въ исполненіи обѣщанія. Тотъ прибѣгаетъ къ помощи *madame* Монтеспанъ, но заподозривъ ея искренность, подкупаетъ горничную и прячется подъ кровать, чтобы слышать ея разговоръ съ Людовикомъ XIV. Ему пришлось услышать мало для себя лестнаго и, взбѣшенный вѣроломствомъ Монтеспанъ, онъ бросаетъ ей на слѣдующій день градъ оскорбленій, детально передавая то, что говорила она о немъ съ королемъ. И Монтеспанъ, и король были увѣрены, что только при помощи дьявола Лозенъ могъ узнать все, что о немъ говорилось, но это не помѣшало все же разразиться королевскому гнѣву. Пылкій Лозенъ ломаетъ свою шпагу передъ разгнѣваннымъ королемъ, клянясь не служить больше королю и той, «которая не умѣетъ сдерживать своихъ обѣщаній». Король въ гнѣвѣ раскрываетъ окно и бросаетъ внизъ свою палку «изъ боязни послѣ упрековъ въ томъ, что онъ побилъ дворянина». Лозенъ снова въ Бастиліи. Заступничество друзей и, наконецъ, самой Монтеспанъ снова освобождаетъ его оттуда, и король назначаетъ его капитаномъ королевской гвардіи.

Въ 1669 году Лозену было 36 лѣтъ. Съ положеніемъ, которое давало надежды на будущее, съ любовью короля, которая обѣщала еще больше, умѣвший нравиться, окруженный, какъ ореоломъ, легендой своихъ любовныхъ приключеній, красивый, вспыльчивый, страстный и живой, маленькаго роста, «одинъ изъ самыхъ маленькихъ, которыхъ создавалъ Богъ, но умѣвший, какъ никто, имѣть видъ большого синьора», онъ живетъ, играя и забавляясь, издѣваясь надъ кѣмъ и когда можно, и «никто не былъ огражденъ отъ его остротъ и насмѣшекъ, будь то даже другъ или близкій родственникъ». Но именно въ это время и наступаетъ роковая полоса его жизни. Его любитъ «*La Grande Mademoiselle*»—кузина короля. Почтительный и преданный онъ ничего не замѣчаетъ, смиренно, какъ щедрую милость, принимая знаки ея довѣрія и дружбы, и заставляетъ принцессу первую признаться въ своемъ чувствѣ. Любилъ ли онъ ее? Безусловно нѣтъ, но стать кузеномъ короля, подняться на вершину лѣстницы, доступной для смертнаго не-королевской фамиліи,—вотъ была его мечта. Король даетъ согласіе на свадьбу. Ради Лозена онъ нарушаетъ сложившіяся традиціи; никому другому онъ не далъ бы согласія

на бракъ съ той, которая могла быть партіей только иностранному принцу или королю. Друзья Лозена совѣтовали обвиняться немедленно; промедленіе погубило все. Новость произвела ошеломляющее впечатлѣніе на весь дворъ. «Я расскажу Вамъ вещь наиболѣе удивительную, наиболѣе захватывающую, наиболѣе чудесную, наиболѣе оглушающую, наиболѣе изумительную, наиболѣе замѣчательную, наиболѣе невѣроятную, наиболѣе неожиданную...» писала madame Севиньи въ одномъ изъ своихъ самыхъ знаменитыхъ писемъ, сообщая извѣстіе о бракѣ Лозена. Члены королевской семьи и вся высшая знать умоляли короля взять назадъ свое разрѣшеніе. Оставался одинъ день до совершенія церемоніи, когда король спѣшно вызвалъ къ себѣ принцессу. «Я въ отчаяніи отъ того, что долженъ вамъ сказать. Мнѣ передавали о ходящихъ въ обществѣ слухахъ, что я жертвую вами, чтобы сдѣлать карьеру Лозену; это можетъ мнѣ повредить въ иностранныхъ государствахъ». И король взялъ назадъ свое разрѣшеніе. Принцесса неутѣшно плакала. Лозенъ стоически перенесъ неудачу. Король высказываетъ ему еще большее расположение. Лозену дается право свободного входа къ королю во всякое время, гдѣ бы ни былъ и чѣмъ бы ни былъ занятъ король ¹⁾. Ничто, казалось, не поколебало довѣріе къ нему короля, какъ вдругъ разразилась катастрофа. Лозенъ арестованъ и отвезенъ въ самую ужасную крѣпость того времени, Пиньероль. Это было мѣсто, откуда рѣдко выходилъ тотъ, за кѣмъ затворялись крѣпостныя двери. Фуке тамъ томился уже семь лѣтъ. Суровый Сень-Марсъ былъ главнымъ тюремщикомъ ²⁾. Зная смѣлость Лозена, увеличили охрану замка и сдѣлали двойныя рѣшетки въ его камерѣ. Министръ Лувуа присылалъ суровыя и точныя наставленія относительно режима заключенія. Сень-Марсъ долженъ былъ посѣщать заключеннаго каждый день, внимательно осматривать камеру, но не говорить ни о чемъ, относящемся къ внѣшнему міру. Не полагалось ни бумаги, ни чернилъ, но черезъ годъ было прислано нѣсколько книгъ. Какъ высокопоставленному лицу, Лозену полагался лакей, жившій въ смежной съ его комнатою камерѣ. Проходили мѣсяцы и годы, а Лозенъ, какъ заживо погребенный, жилъ въ своей клѣткѣ, видя лишь своего лакея, Сень-Марса и желѣзо рѣшетки на окнѣ. То овладѣвали имъ припадки бѣшеной ярости, и онъ отказывался отъ питья и ѣды по цѣлымъ днямъ, то вдругъ дѣлался набожнымъ и смиреннымъ, удивляя Сень-Марса силой своего религіознаго

¹⁾ Такъ наз. les grandes entrées.

²⁾ Я уже упоминалъ объ этой крѣпости въ своей замѣткѣ о «заключенномъ въ желѣзной маскѣ»; см. «Голосъ Минувшаго» мартъ 1914 г.

одушевленія. Всякое сношеніе съ внѣшнимъ міромъ было абсолютно невозможно ¹⁾. Лозенъ замѣтно старѣлъ и болѣлъ, его крѣпкая натура поддавалась, и, казалось, онъ навсегда потерялъ надежду на освобожденіе. А между тѣмъ неустанно и уже давно онъ работалъ надъ попыткой къ побѣгу. Эта попытка была невѣроятна. Черезъ потолокъ своей комнаты онъ сумѣлъ проникнуть въ пустую камеру слѣдующаго этажа. Каждую ночь терпѣливо пилилъ онъ рѣшетки ея окна. При помощи сдѣланной изъ бѣлья лѣстницы изъ окна онъ спускается въ ровъ, гдѣ роетъ въ землѣ проходъ на дворъ крѣпости. Никто не засталъ его за этой упорной и смѣлой работой, но счастье ему измѣнило въ послѣднюю минуту. Чуть брезжилъ разсвѣтъ, когда однажды выбрался онъ на крѣпостной дворъ, и вдругъ очутился передъ служанкой. Просьбы, моленія были тщетны, она позвала солдатъ. Съ тѣхъ поръ надзоръ за Лозеномъ дѣлается еще болѣе строгимъ. При своихъ ежедневныхъ визитахъ Сенъ-Марсъ дѣлаетъ самые тщательные обыски, поднимая мебель, разсматривая каждую царапину на стѣнѣ. Но Лозенъ оказался геніальнымъ заключеннымъ. Черезъ дыру, прорубленную имъ въ трубѣ камина, онъ пробирается въ камеру, занимаемую Фуке. Съ какой радостью принялъ его бывший министръ! Послѣ десяти лѣтъ заключенія онъ видѣлъ предъ собою свидѣтеля его прежняго величія. И они проводятъ ночи въ бесѣдѣ другъ съ другомъ.

Въ 1679 г., спустя восемь лѣтъ по заключеніи Лозена, тюремный режимъ нѣсколько смягчился. Фуке и Лозену позволяютъ видѣться, а послѣ и проводить весь день вмѣстѣ. Только послѣ смерти Фуке тюремщики узнали, что заключенные видѣлись и раньше. Было разрѣшено чтеніе газетъ. Король разрѣшаетъ Фуке увидѣться съ женою и дочерью. Мадлена Фуке была молода. Лозенъ чувствовалъ себя еще не совсѣмъ старикомъ. И онъ позволяетъ себѣ ухаживать за дочерью заключеннаго министра. Фуке приходитъ въ ярость, и заключенные ссорятся на всю жизнь. И снова жизнь каждого течетъ отдѣльно. Прошло десять лѣтъ со дня ареста Лозена. Король оставался неумолимъ къ тѣмъ рѣдкимъ просьбамъ, которыя осмѣливалась обращать къ нему иногда принцесса, все еще продолжавшая любить Лозена. Но что не удавалось непосредственно, то становится возможнымъ благодаря *madame* Монтеспанъ. Свобода Лозена становится предметомъ торга между принцессой и Монтеспанъ.

¹⁾ Каковы были причины, повлекшія за собою заключеніе Лозена? Среди современниковъ ходили самые противорѣчивые слухи. Теперь можно утверждать, что ни въ какомъ политическомъ преступленіи онъ не былъ замѣшанъ. Опасались, вѣроятно, что принцесса секретно съ нимъ обвѣнчается.

Сынъ послѣдней получаетъ въ даръ отъ принцессы два огромныхъ имѣнія. И король соглашается пощадить Лозена. Его освобождаютъ изъ Пиньероль. Около года онъ живетъ еще подъ стражей, но послѣ, наконецъ, получаетъ полную свободу. Но ему уже нѣтъ доступа ко двору. Принцесса даритъ ему имѣніе и секретно вѣнчается съ тѣмъ, кому оставалась вѣрна одиннадцать лѣтъ. Но этой женщинѣ не суждено было счастья. Кумиръ дамъ, Лозенъ становится неотразимымъ послѣ своего заключенія. И онъ не упускаетъ случая пользоваться своимъ ореоломъ героя. Принцесса, уставшая дѣлать сцены и упреки, навсегда порываетъ съ нимъ.

Но бывшему заключенному Пиньероля помнится его прежнее положеніе перваго фаворита короля. Увы, дорога ко двору ему навсегда закрыта. Тамъ нѣтъ у него друзей: одни умерли, другихъ заставило отвернуться отъ него его несчастье. Послѣдняя надежда пропала послѣ разрыва съ принцессой. Но сама судьба приходитъ на помощь. Якову II англійскому пришлось сражаться съ собственнымъ народомъ. Лозенъ отправляется въ Англію предложить свои услуги англійскому королю. Тѣснымъ Вильгельмомъ Оранскимъ, Яковъ II рѣшилъ переправить королеву съ сыномъ во Францію. Лозенъ клянется доставить ихъ туда невредимыми. Сквозь цѣлый рядъ опасностей онъ благополучно доставляетъ королевское семейство на землю Франціи. Королева съ сыномъ приняты Людовикомъ XIV. Къ Лозену возвращается расположеніе короля. «Проѣхавъ черезъ Лондонъ, Лозенъ нашель дорогу въ Версаль»,—писала madame Севиньи. Въ то время Лозену было уже 55 лѣтъ, но онъ былъ еще полонъ энергіи. Онъ командуетъ войсками Якова II въ Англіи и послѣ неудачи возвращается снова во Францію. Судьба больше не награждала его ни Бастиліей, ни Пиньероломъ, но, съ другой стороны, ему такъ и не удалось достигнуть какого-нибудь высшаго поста въ государствѣ. Прежняя любовь къ нему короля уже никогда не возвратилась. Такъ и жилъ онъ при дворѣ, со своимъ забавнымъ, часто ѣдкимъ остроуміемъ, бесполезный, потерявшій надежду принять въ чемъ-либо участіе. Онъ пережилъ Людовика XIV, и можетъ быть больше другихъ перечувствовалъ во время торжественной сцены прощанья съ подданными умирающаго короля. Онъ умеръ девяностолѣтнимъ старикомъ въ Парижѣ, въ маленькомъ капуцинскомъ монастырѣ, стоявшемъ рядомъ съ его большимъ дворцомъ, сохранившимъ и до сихъ поръ его имя.

П. Войковъ.

Запрещенная книга.

(Къ лѣтописи современности).

Почти семьдесятъ лѣтъ назадъ вышло въ Парижѣ (1847) знаменитое трехтомное сочиненіе Н. И. Тургенева «La Russie et les Russes», сочиненіе, запрещенное для современниковъ, но получившее въ наши дни, какъ казалось всѣмъ до послѣдняго времени, уже полное право гражданства.

Когда въ 1888 г. В. И. Семевскій въ своей докторской работѣ «Крестыанскій вопросъ въ Россіи» посвящалъ соотвѣтствующія страницы разбору взглядовъ Тургенева, быть можетъ, книга послѣдняго была доступна лишь изслѣдовательскому перу; это было еще время, когда одно изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній русской литературы «Путешествіе» Радищева, сожженное въ 1872 г. (по снятіи въ 1868 г. спеціальнаго запрещенія, наложеннаго на него), получило разрѣшеніе быть выпущеннымъ съ типографскаго станка лишь въ количествѣ 100 экземпляровъ. Правда, черезъ 15 лѣтъ цензура вновь уничтожила то сочиненіе, которое, по характеристикѣ свободомыслящей Екатерины, «всячески» искало «все возможное къ умаленію почтенія къ власти и властямъ, къ приведенію народа въ негодованіе противу начальниковъ и начальству». То была, однако, послѣдняя препона, и нынѣ «рабства врагъ» Радищевъ узаконенъ даже въ народныхъ офиціальныхъ изданіяхъ (юбилейныя изданія «Сельскаго Вѣстника» 1911 г.). Понадобилось болѣе 100 лѣтъ для того, чтобы сочиненіе, авторъ котораго былъ приговоренъ къ смертной казни, получило возможность сдѣлаться достояніемъ болѣе или менѣе широкихъ общественныхъ круговъ.

Къ числу подобныхъ же опальныхъ сочиненій принадлежалъ и трудъ «государственнаго преступника» Николая Тургенева: «Россія и Русскіе». Въ моментъ появленія его за границей шефомъ жандармовъ и начальникомъ III Отдѣленія А. Ѳ. Орловымъ были приняты спеціальныя мѣры къ недопущенію распространенія Тургеневскаго сочиненія въ Россіи. И хотя книга въ ту

мрачную эпоху реакціи съ трудомъ вообще проникала въ Россію (вспомнимъ жалобу Герцена: «три года мы печатали, не только не продавъ ни одного экземпляра, но не имѣя возможности почти ни одного экземпляра послать въ Россію») и тѣмъ не менѣе Тургеневское сочиненіе, несмотря на всѣ полицейскіе запреты, проникло даже въ далекій Селенгинскъ, откуда ссыльный декабристъ Николай Бестужевъ пишетъ на нее критику¹⁾. А потомъ, когда свободная заграничная пресса научилась уже обходить всѣ препоны, когда, по свидѣтельству Никитенка, берлинскіе книгопродавцы «брались доставлять сколько угодно герценовскихъ изданій»,—«Россія и Русскіе» Н. И. Тургенева не были уже рѣдкостью.

Для жандармовъ мысли николаевскаго царствованія книга Тургенева, выражавшая, въ сущности, умѣренные взгляды, была, конечно, недопустима. Но имъ (и не только имъ, но и либерально настроеннымъ государственнымъ дѣятелямъ 60-хъ гг.) казалось недопустимымъ напечатаніе въ спеціальному изданіи—«Чтенія Общ. Ист. и Др. Рос.» даже сочиненія Флетчера о Россіи въ царствованіе Феодора Іоанновича. По доносу историковъ Погодина и Шевырева напечатанное Бодянскимъ въ 1848 г. сочиненіе злокозненнаго англичанина, изданіе котораго въ свое время признавалъ необходимымъ нашъ офиціальныи исторіографъ, идеологъ николаевскаго консерватизма, Карамзинъ, было сложено на многіе годы въ подвалахъ университетской типографіи. И хотя гр. Строгановъ, предсѣдатель Общества, и старался доказать Николаю I, что «все худое, замѣченное иностранцемъ, не относится къ нынѣшней Россіи, ничѣмъ на нее непохожей» и что въ то время, «когда вся Европа съ завистью смотритъ на наше духовное и государственное могущество, ни высшему правительству, ни лицамъ духовнымъ не могли казаться соблазнительнымъ нѣсколько рѣзкихъ мѣстъ въ сочиненіи, писанномъ за 300 лѣтъ и напечатанномъ въ ученомъ сборникѣ», тѣмъ не менѣе, въ 1864 г., въ эпоху такъ называемыхъ «великихъ реформъ», когда, по инициативѣ мин. нар. пр. Головнина, былъ поднятъ вопросъ о снятіи наложенныхъ печатей съ сочиненія, писаннаго «за 300 лѣтъ», Александръ II утвердилъ мнѣніе меньшинства комитета министровъ, считавшаго, во главѣ съ мракобѣсомъ Панинымъ, «изданіе перевода сочиненія

¹⁾ Запрещенныя книги, какъ сообщалъ Орловъ мин. вн. д. Перовскому, почти всегда ввозятся модистками, передающими ихъ затѣмъ книгопродавцамъ. Партія Тургеневскихъ воспоминаній проникла въ Россію, какъ узнано было Орловымъ, подъ видомъ книги, первые листы которой заключала листъ изъ «L'histoire universelle de Segur». (Письмо Орлова Перовскому *Рус. Ст.* 1900. VIII).

Флетчера совершенно неудобнымъ и несогласнымъ съ законами имперіи» ¹⁾).

Такъ было... Но неужели въ наши дни могъ бы вновь подняться вопросъ о запрещеніи Флетчера? Это кажется невѣроятнымъ. Но если припомнимъ, что одно изъ инкриминируемыхъ мѣстъ у Флетчера гласило, что Иванъ IV «часто гордился, что предки его не русскіе, какъ бы гнушаясь своимъ происхожденіемъ отъ русской крови» и что предки его «германцы», то, пожалуй, невѣроятное придется признать возможнымъ.

Невѣроятнымъ казалось и запрещеніе въ 1915 году сочиненія Тургенева «Россія и Русскіе», сочиненія, сдѣлавшагося давно уже предметомъ научнаго изысканія. Нѣтъ ни одной работы по николаевской эпохѣ, которая бы не цитировала Н. И. Тургенева. Можно смѣло сказать, нѣтъ ни одной научно-популярной статьи, которая не приводила бы оттуда выдержки.

И такая, тѣмъ не менѣе, неожиданность постигла сочиненіе автора, которому за послѣдніе годы удѣляется особенное вниманіе. Отдѣленіе русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, какъ извѣстно, предприняло восьмитомное изданіе «Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева» (уже вышло два тома). Для изданія «Архива братьевъ Тургенева» образована специальная редакціонная комиссія. Сынъ злополучнаго автора, извѣстный скульпторъ Петръ Николаевичъ, за свой «щедрый даръ» избранъ почетнымъ членомъ Императорской Академіи Наукъ. И вотъ въ тотъ самый моментъ, когда всеобщее вниманіе привлечено къ «сокровищамъ», перевезеннымъ изъ Парижа въ Россію, центральная работа одного изъ творцовъ этого фамильнаго «сокровища» подвергается уничтоженію...

Общественному мнѣнію остается лишь апеллировать къ авторитету Императорской Академіи Наукъ, которая нынѣ владѣетъ оригиналами сочиненія «La Russie et les Russes»: на обязанности ея выполнить то, что не могла сдѣлать частная инициатива ²⁾).

«Россія и Русскіе» должны, такъ или иначе, получить права гражданства.

¹⁾ Большинство во главѣ, съ Д. А. Милютинымъ, считало возможнымъ «разрѣшить разсылку хранящихся при Московскомъ университетѣ запечатанными экземпляровъ перевода сочиненія Флетчера», но «въ видахъ предупрежденія излишняго распространенія означеннаго сочиненія между лицами, недостаточно развитыми образованіемъ, постановить, чтобы переводъ Флетчера о Россіи не былъ отнюдь перепечатанъ и чтобы о семъ сочиненіи не было пропускаемо никакихъ критическихъ статей и разсужденій». С. А. Бѣлокуровъ. Дѣло Флетчера 1848—1864. М. 1910.

²⁾ Знаменитая книга была выпущена К. Ф. Некрасовымъ подъ редакціей А. А. Кизеветтера. Въ 1906 г. «Россія и Русскіе» были изданы въ безобразномъ видѣ г. Балицкимъ въ серіи «Библіотека декабристовъ».

С. Мельгуновъ.

Легенда о подвигахъ Уленшпигеля¹⁾.

(Романъ Шарля де Костера).

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

XXX.

Въ это время начальникъ спеціального военного отряда для искорененія ересей, Спель Рыжій, съ атрибутомъ своей власти, краснымъ жезломъ, разѣзжалъ изъ города въ городъ, повсюду сооружалъ эшафоты, зажигалъ костры, рылъ ямы и закапывалъ въ нихъ живьемъ бѣдныхъ женщинъ и дѣвушекъ. И король наслѣдовалъ.

Уленшпигель съ Ламомъ сидѣли въ Мелести подъ деревомъ и чувствовали себя очень тоскливо. Было холодно, хотя стоялъ іюнь. Съ отягченнаго сѣрыми облаками неба падалъ мелкій градъ.

— Мой сыночекъ,—сказалъ ему Ламъ,—вотъ ужъ четыре ночи безстыдно таскаешься ты съ распутными дѣвушками, вотъ-вотъ отправишься спать въ *in de Zoeten Ynval*—въ «Сладкое Грѣхопаденіе» и поступишь, какъ человѣкъ на вывѣскѣ этого заведенія, головой летящій въ улей съ пчелами. Напрасно я каждый разъ жду тебя въ «Лебедѣ» и думаю: «ничего хорошаго не предвѣщаетъ подобная развратная жизнь. И почему бы тебѣ цѣломудренно не жить съ какой-нибудь одной женщиной?»

— Ламъ,—возразилъ Уленшпигель,—тотъ, для кого, какъ для тебя, въ одной заключаются всѣ и во всѣхъ—одна, не долженъ бы относиться легкомысленно къ милой и деликатной битвѣ, называемой любовью, и совѣтовать слишкомъ поспѣшно выбрать подругу.

— А Нель ты совсѣмъ забылъ?

— Нель въ Дамѣ, очень далеко,—отвѣчалъ Уленшпигель.

¹⁾ См. «Гол. Мин.» №№ 1—5.

Пока онъ хандрилъ, и пока шелъ градъ, пробѣжала мимо молодая и миловидная женщина, накинувшая юбку на голову.

— Эхъ,—промолвила она,—мечтатель, что ты здѣсь дѣлаешь, подъ деревомъ?

— Мечтаю,—пошутилъ Уленшпигель,—о женщинѣ, которая сдѣлала бы для меня изъ своей юбки крышу отъ града.

— Нечего мечтать, такая женщина передъ тобой.

Уленшпигель всталъ и подошелъ къ ней.

— Опять ты меня оставишь одного, да?—спрашивалъ Ламъ.

— Да,—сознался Уленшпигель.— Но отправляйся in de Zwaep—въ «Лебедь», съѣшь одну—двѣ бараньихъ котлеты, выпей двѣнадцать бокаловъ пива, и ты соснешь и скучать не будешь.

— Хорошо, я отправлюсь,—согласился Ламъ.

Уленшпигель приблизился къ женщинѣ.

— Поднимай,—предложила она,—мою юбку съ одного края, съ другого я подниму и, давай, побѣжимъ.

— Зачѣмъ бѣжать?—удивился Уленшпигель.

— А потому,—сказала она,—что я хочу скрыться изъ Мелести. Начальникъ Спель здѣсь съ двумя полицейскими, онъ поклялся отстегать всѣхъ распутныхъ дѣвушекъ, которыя не пожелаютъ заплатить ему пяти флориновъ. Поэтому-то я и бѣгу. Бѣги и ты, или оставайся со мною: будешь меня защищать.

— Ламъ,—крикнулъ Уленшпигель,—Спель въ Мелести. Уходи въ Дестелбергъ, въ «Звѣзду Волхвовъ».

И Ламъ испуганно поднялся, взялъ въ обѣ руки свой животъ и пустился бѣжать.

— Куда бѣжить этотъ толстый заяцъ?—поинтересовалась дѣвушка.

— Въ нору, въ которой послѣ я его разыщу,—отвѣчалъ Уленшпигель.

— Ну, побѣжимъ,—говорила она, нетерпѣливо, точно кобылица, ударяя ногою о землю.

— Я хотѣлъ бы быть цѣломудреннымъ и не бѣжать,—промолвилъ Уленшпигель.

— Это еще что за новость?—поинтересовалась она.

Уленшпигель пояснилъ:

— Толстый заяцъ желаетъ, чтобы я отказался отъ добраго вина, отъ пива и отъ свѣжаго женскаго тѣла.

Дѣвушка косо взглянула на него.

— Ты задыхаешься, бѣжать не можешь, надо тебѣ отдохнуть.

— Отдохнуть, но я не вижу кровли,—недоумѣвалъ Уленшпигель.

— Твое цѣломудріе будетъ тебѣ кровлей,—отвѣчала она.

— Я предпочитаю твою юбку,—сказалъ онъ.

— Моя юбка недостойна прикрывать такого святого, какимъ ты хочешь сдѣлаться. Отстань отъ меня, я побѣгу одна.

— Развѣ ты не знаешь,—возражалъ Уленшпигель,—что собака на четырехъ лапахъ бѣгаетъ быстрѣе, чѣмъ человѣкъ на двухъ. Поэтому-то и мы въ четыре ноги побѣжимъ шибче.

— Слишкомъ ты остеръ на языкъ для добродѣтельнаго человѣка.

— Вѣрно,—согласился онъ.

— Но,—продолжала она,—часто приходилось мнѣ замѣчать, что добродѣтель штука двусмысленная, усыпительная, туповатая и худосочная—маска, подъ которой скрываются вѣчно раздосадованные люди, бархатная накидка на каменномъ истуканѣ. По мнѣ ужъ лучше люди съ шаловливымъ огонькомъ въ груди. Этотъ огонекъ, по крайней мѣрѣ, толкаетъ ихъ на разныя веселыя выходки.

— Такъ, должно быть,—промолвилъ, Уленшпигель—дьяволъ въ образѣ красавицы разговаривалъ со св. Антоніемъ.

Шагахъ въ двадцати виднѣлся на дорогѣ постоянный дворъ.

— Хорошо ты говорила,—похвалилъ Уленшпигель,—теперь надо хорошо выпить.

— Пока еще у меня языкъ не присохъ,—отвѣчала дѣвушка.

Они вошли. На большомъ сундукѣ дремалъ «пузанъ»—такъ прозывался огромный кувшинъ за его солидную объемистость.

Уленшпигель обратился къ хозяину:

— Видишь ты этотъ флоринъ?

— Вижу,—отвѣчалъ хозяинъ.

— Ну, а сколько патаровъ ты изъ него выудишь, чтобы налить твоего «пузана».

Хозяинъ отвѣтилъ:

— Съ яишницей на девять глазковъ¹⁾, въ придачу,—будемъ съ тобой въ расчетѣ.

— Это значитъ дашь не одну фландрскую моль, а цѣлыхъ шесть, да еще двѣ съ лишкомъ въ придачу. Но, однако, наливай-ка!

Уленшпигель налилъ кружку дѣвущкѣ, затѣмъ гордо всталъ и, приложивъ ко рту горлышко «пузана», вылилъ его цѣликомъ себѣ въ глотку. И былъ шумъ, напоминавшій паденіе водопада.

Дѣвушка изумленно сказала:

— Какъ же это ты ухитрился всадить въ твой тощій животъ такого толстаго пузана?

¹⁾ negen mannekens по-фламандски.

Спутникъ ее, не отвѣчая, заказалъ хозяину:

— Принеси-ка лопатку ветчины и хлѣба да еще одного полнаго пузана, мы попьемъ и поѣдимъ.

Что и было ими сдѣлано.

Пока дѣвушка покусывала свой кожистый кусочекъ, Уленшпигель взялъ ее такъ искусно, что она одновременно была плѣнена имъ, очарована и покорена.

Потомъ задала вопросъ.

— Отчего это ваша добродѣтель отличается ненасытностью губки, волчьимъ голодомъ и любовной смѣлостью?

Уленшпигель отвѣчалъ:

— Нагрѣшивъ на тысячу ладовъ, я поклялся, какъ тебѣ извѣстно, покаяться. Каялся я добрый часъ. Думалъ я въ это время о своей будущей жизни и мысленно видѣлъ себя на одномъ хлѣбѣ, да и то впроголодь; освѣжался я прѣсно, простой водой; избѣгалъ печально любви; не смѣлъ ни шагу ступить, ни чихнуть изъ боязни сотворить зло. Всѣ меня уважали, каждый боялся. Я былъ одинокимъ, какъ прокаженный, печальнымъ, какъ собака, оставшаяся сиротой послѣ смерти своего хозяина. И вотъ послѣ пяти-десяти лѣтъ подобнаго мученичества, я видѣлъ себя выпускающимъ съ грустью духъ на одрѣ болѣзни... Покаяніе длилось довольно долго... Но поцѣлуй меня, моя крошка, и давай выйдемъ съ тобою изъ чистилища.

— Ахъ,—промолвила она, охотно повинуюсь,—пусть будетъ наша добродѣтель вывѣской, насаженной на шесть!..

Время проходило въ любовныхъ приливахъ и отливахъ. Но они должны были подняться и двигаться дальше: дѣвушка не желала въ моментъ наслажденія увидѣть лицо укротителя еретиковъ, Спеля, и его полицейскихъ.

— Пора, подбирай юбку—промолвилъ Уленшпигель.

И они, словно олени, побѣжали въ Дестельбергъ. Здѣсь разыскали Лама. Тотъ закусывалъ въ «Звѣздѣ Трехъ Волхвовъ».

XXXI.

Уленшпигель часто видался въ Гентѣ съ Жакобомъ Школапомъ, Ліэвеномъ Сметомъ и Жаномъ Вутльфсшэгеромъ, передававшими ему вѣсти объ успѣхахъ и неуспѣхахъ Молчаливаго.

И всякій разъ, когда Уленшпигель возвращался въ Дестельбергъ, Ламъ говорилъ ему.

Что слышно? Удача или нѣтъ?—Бѣда!—говорилъ Уленшпигель,—Молчаливый, братъ его Людвику, другіе главари и французы рѣшили подвигаться дальше, во Францію, и соединиться съ

принцемъ Конде. Удайся это, они спасли бы родную Бельгію и свободу совѣсти. Но Богъ не захотѣлъ этого, рейтары и нѣмецкіе ландскнехты отказались итти дальше и заявили, что они клялись итти противъ герцога Альбы, а не противъ Франціи. Напрасно Молчаливый умолялъ ихъ исполнить ихъ долгъ, но онъ былъ принужденъ вести этихъ наемниковъ черезъ Шампань и Лотарингію до Страсбурга. Оттуда они воротились въ Германію. Все рушится благодаря этому неожиданному и упорному нежеланію рейтаровъ и ландскнехтовъ оставаться: французскій король, несмотря на свой договоръ съ принцемъ, отказывается выдать ему обѣщанныя деньги. Англійская королева ¹⁾ выразила желаніе послать ему эту сумму, разсчитывая воротить городъ Калэ съ областью. Письма ея были перехвачены и вручены кардиналу Лотарингскому, который сочинилъ на нихъ отвѣтъ съ отказомъ.

И вотъ таесть, точно привидѣніе при пѣніи пѣтуховъ, прекрасная армія, наша надежда. Но Господь съ нами, и если не на сушѣ, то на морѣ будетъ твориться наше дѣло. Да здравствуютъ Гезы!

XXXII.

Однажды вся въ слезахъ явилась къ Ламу и Уленшпигелю дѣвушка сомнительной репутаціи и сказала:

— Спелъ въ Мелести за деньги даетъ поблажку разбойникамъ и убійцамъ и приговариваетъ къ смерти людей ни въ чемъ неповинныхъ. Мой братъ Мишилькэнъ тоже попалъ въ число несчастныхъ. Ахъ! позвольте мнѣ вамъ сказать: отмстите вы за него, вы—мужчины. Всему злу виною мерзкій и подлый безобразникъ Питеръ де Рузь, постоянный совратитель дѣтей и дѣвочекъ... Ахъ! бѣдный мой братъ Мишилькэнъ и Питеръ де Рузь сошлись какъ-то въ «Соколѣ», хоть и не за однимъ столикомъ. Въ этомъ трактирѣ каждый посѣтитель избѣгалъ, какъ чумы, этого самого Питера де Руза.

Мой братъ, не желая оставаться въ одной комнатѣ съ этимъ человѣкомъ, назвалъ его низкимъ развратникомъ и приказалъ ему очистить залу.

Питеръ де Рузь отвѣчалъ:

— Не слѣдовадо бы брату потаскушки такъ высоко задирать носъ...

Онъ солгалъ: я—не потаскушка и схожусь только съ тѣмъ, кто мнѣ нравится.

¹⁾ Елизавета, соперница Маріи Стюартъ, вступившая на престолъ послѣ смерти бездѣтной Маріи Тюдоръ, второй жены Филиппа II.

Примѣч. пер.

Тогда Мишилькэнъ швырнулъ ему въ рожу кружкой и заявилъ, что онъ наглый лгунъ, и грозилъ засунуть ему въ глотку кулакъ по локоть.

Тотъ хотѣлъ, было, еще разсуждать, но Мишилькэнъ выполнилъ свою угрозу: далъ двѣ сильныхъ затрешины въ зубы и за челюсть выволокъ на улицу. Негодай при этомъ кусался. Братъ безъ жалости отколотилъ его и замертво оставилъ на мѣстѣ.

Выздоровѣлъ Питеръ де Рузъ и не могъ жить безъ людей: пошелъ in't Vagevuug, въ скучный трактиръ, настоящее «Чистилице», куда ходили только самые бѣдные люди. Но и тамъ даже оборванцы не захотѣли водить съ нимъ компаніи. И никто съ нимъ не разговаривалъ, кромѣ немногихъ крестьянъ, которые его совсѣмъ не знали, да еще нѣсколькихъ бездѣльниковъ-бродягъ или дезертировъ. Онъ былъ битъ не одинъ разъ, потому что былъ большимъ спорщикомъ.

Спель пріѣхалъ въ Мелести съ двумя палачами. Питеръ де Рузъ, точно собака, повсюду ходилъ за ними, угощалъ ихъ на свой счетъ виномъ, мясомъ и предоставлялъ имъ другія удовольствія, которыя тоже безъ денегъ не даются. Такимъ образомъ, онъ совсѣмъ сдружился съ ними и сталъ злобно пользоваться этимъ, чтобы мучить всѣхъ тѣхъ, кого ненавидѣлъ: т.-е. всѣхъ жителей въ Мелести, но особенно моего бѣднаго брата.

Прежде всего принялся онъ за Мишилькэна. Двое лжесвидѣтелей, жадные къ деньгамъ повѣсы, объявили Мишилькэна еретикомъ, хулителемъ Божьей Матери, Господа Бога и св. Угодниковъ, сказали, что богохульствовалъ онъ въ «Соколѣ» и что у него въ сундукѣ спрятано триста флориновъ.

И вотъ, невзирая на то, что свидѣтели были вовсе не добропорядочной жизни, Мишилькэна схватили, и Спель съ помощниками нашли показанія ихъ достаточно надежными и подвергли обвиняемаго пыткамъ. Мишилькэна подвѣсили на блокъ, привинченномъ къ потолку, и на каждую ногу нацѣпили по пятидесяти ливровъ.

Онъ не признавалъ себя виновнымъ и заявлялъ, что если кто-нибудь и негодай-бездѣльникъ, богохульникъ и развратникъ, то это—именно Питеръ де Рузъ.

Но Спель не хотѣлъ ничего слушать и приказалъ своимъ палачамъ вздернуть Мишилькэна до потолка, а потомъ не мѣшать привѣшеннымъ гилямъ тянуть его внизъ. Палачи повиновались и выполнили приказаніе съ такой жестокостью, что кожа и жилы на лодыжкахъ брата порвались, и ноги еле держались въ колѣнныхъ суставахъ.

Мишилькэнъ твердилъ, что онъ неповиненъ. Спель приказалъ его снова пытать и далъ ему понять, что за сотню флориновъ отпустить его на волю и оправдаетъ.

Мишилькэнъ отвѣчалъ, что скорѣй готовъ умереть.

Обыватели узнали объ арестѣ и пыткѣ и пожелали дать показаніе всѣмъ міромъ. Мишилькэна, заявляли они, никоимъ образомъ нельзя назвать еретикомъ: каждое воскресенье ходилъ онъ къ обѣднѣ и къ святому Причастію. Никогда не изрекалъ никакой хулы на Богородицу, напротивъ, въ минуту жизни трудную просилъ Ее предстательствовать за него. Никогда скверно не отзывался о простой женщинѣ, а тѣмъ больше не посмѣлъ бы отзываться дурно о Божьей Матери. Касательно же показаній лжесвидѣтелей, будто онъ богохульствовалъ въ «Соколѣ», почтенные обыватели заявили, что это, молъ, чистѣйшая ложь.

Мишилькэна освободили. Лжесвидѣтелей наказали, и Спель потребовалъ Питера де Руза къ суду, но, взявъ съ него сто флориновъ, безъ допроса и пытки отпустилъ.

Послѣ Питеръ де Рузъ, опасаясь, какъ бы остальные его капиталы не обратили на себя вниманія Спеля, скрылся изъ Мелести, а бѣдный мой братъ Мишилькэнъ въ это время умиралъ отъ антонова огня, который бросился ему на ноги.

Прежде онъ не хотѣлъ меня видѣть, а тутъ велѣлъ позвать и просилъ, чтобъ остерегалась я огненности моей плоти, которая доведетъ меня до вѣчнаго огня на томъ свѣтѣ. А я только плакала, потому что огненность эта во мнѣ. И испустилъ онъ духъ на моихъ рукахъ.

Эхъ,—добавила она,—тотъ, кто отмститъ Спелю за смерть моего любимого, тихаго брата, будетъ навѣки моимъ господиномъ, и буду я слушаться его, какъ собака.

Она говорила, и прахъ Класа забился на груди Уленшпигеля. И онъ рѣшилъ повѣсить убійцу Спеля.

Белкэнъ, такъ звали дѣвушку, воротилась въ Мелести. Она не боялась мести со стороны Питера де Руза, ибо пастухъ, направлявшійся въ Дестельбергъ, предупредилъ ее, что священникъ и почтенные люди заявили, что, если Спель тронетъ сестру Мишилькэна, они поведутъ его къ герцогу....

Уленшпигель пошелъ за ней въ Мелести. Вошелъ въ низкую комнату въ домѣ Мишилькэна, увидалъ тамъ портретъ пирожника и предположилъ, что это портретъ съ несчастнаго покойника.

И Белкэнъ ему сказала:

— Это портретъ моего брата.

Уленшпигель взялъ портретъ и вышелъ, промолвивъ:

— Спель будетъ повѣшенъ.

— А какъ ты его повѣсишь?

— Если бѣ ты знала «какъ», пропала бѣ у тебя охота видѣть это повѣшанье.

Белкэнъ покачала головой и сказала скорбнымъ голосомъ:

— Не довѣряешь ты мнѣ.

— А развѣ сказать тебѣ: «Спель будетъ повѣшенъ», не значитъ выказать къ тебѣ величайшее довѣріе? Вѣдь одной этой фразы достаточно, чтобы ты могла повѣсить меня раньше, чѣмъ я повѣшу его.

— Да, въ самомъ дѣлѣ,—промолвила она.

— Ну, такъ вотъ,—продолжалъ Уленшпигель,—раздобудь мнѣ, пожалуйста, хорошей глины, двойную порцію *bruin-bier'a*, чистой воды и нѣсколько кусочковъ жареной говядины. Каждое, что прошу, отдѣльно. Жареная говядина пойдетъ для меня, пиво для говядины, вода для глины, а глина для портрета.

За ѣдой и питьемъ Уленшпигель мѣсилъ глину и машинально проглатывалъ иногда кусочекъ жаркого, очень внимательно при этомъ глядя на портретъ Мишилькэна. Когда глина была готова, онъ сдѣлалъ изъ нея маску съ носомъ, ртомъ, глазами, ушами, настолько похожую на портретъ покойника, что Белкэнъ была изумлена.

Вылѣпивъ, положилъ маску въ печь сушиться, и когда та высохла, окрасилъ ее въ цвѣтъ трупъ, придавъ глазамъ блуждающее, лицу судорожное выраженіе человѣка, находящагося въ агоніи. Тогда дѣвушка, переставъ изумляться, не отрываясь глядѣла на маску, поблѣднѣла, помертвѣла, закрыла свое лицо и, дрожа, промолвила:

— Онъ это, мой бѣдный Мишилькэнъ.

Онъ вылѣпилъ также и двѣ окровавленныхъ ноги.

Затѣмъ дѣвушка, побѣдивъ охватившій ее ужасъ, произнесла:

— Благословенъ будетъ тотъ, кто убьетъ убійцу.

Уленшпигель, забравъ маску и ноги, сказалъ:

— Мнѣ нуженъ помощникъ.

— Ступай *in den Blauwe Gans*, въ «Голубой Гусь», къ Жосѹ Лансему изъ Ипра, хозяину этого трактира... Жосъ былъ лучшимъ товарищемъ и пріятелемъ моего брата. Скажи ему, что тебя къ нему прислала Белкэнъ.

Уленшпигель исполнилъ ея совѣтъ.

Потрудившись надъ увеличеніемъ числа покойниковъ, искоренитель ереси Спель отправился *in 't Valk*, въ «Соколъ», выпить жженки, горячей смѣси, засахаренной мадеры съ корицей. Въ

этомъ трактирѣ не осмѣливались изъ страха передъ висѣлицей ни въ чемъ отказывать ему.

Питеръ де Рузъ, набравшись храбрости, снова вернулся въ Мелести. Повсюду онъ ходилъ за Спелемъ и его палачами, ища ихъ покровительства. Спель платилъ иногда за выпивку. И вмѣстѣ они, веселясь, пропивали деньги жертвъ.

Трактиръ «Соколъ» не наполнялся теперь, какъ въ бывшие прекрасные дни, когда деревушка жила радостно, служила Богу католически, когда ее никто не мучилъ за вѣру.

Теперь она словно облеклась въ трауръ. Много пустыхъ и заколоченныхъ домовъ стояло въ ней. На ея опустѣвшихъ улицахъ блуждало нѣсколько тощихъ собакъ и рылось въ гнилыхъ отбросахъ, тамъ ища для себя пищи.

Ни для кого не было больше мѣста въ Мелести, кромѣ какъ для двухъ злодѣевъ. Робкіе деревенскіе обитатели видѣли ихъ наглые прогулки и помѣтки на домахъ будущихъ новыхъ жертвъ: составлялись списки обреченныхъ на смерть. По вечерамъ деревня смотрѣла на ихъ возвращеніе изъ «Сокола»: пьяные, въ сопровожденіи также пьяныхъ палачей, они возвращались изъ заведенія съ пѣньемъ циничныхъ куплетовъ. И хмельные палачи, охранители, были вооружены съ ногъ до головы.

Уленшпигель отправился *in den Blauwe Gance*, въ «Голубой Гусь», къ Жосу Лансану. Тотъ находился за стойкой.

Подойдя къ нему, Уленшпигель вытащилъ изъ кармана полбутылки водки и сказалъ:

— Белкэнъ продаетъ такого вина цѣлыхъ двѣ бочки.

— Идемъ въ кухню,—позвалъ хозяинъ.

Тамъ, затворивъ двери и глядя на него пристально, промолвилъ:

— Ты—не продавецъ водки. Что означаютъ твои подмаргиванья? Кто ты?

Уленшпигель отвѣчалъ:

Я—сынъ сожженного въ Дамѣ Класа. Прахъ покойника бьется въ моей груди. Я хочу убить убійцу Спеля.

— Тебя Белкэнъ послала?

— Меня Белкэнъ послала,—отвѣчалъ Уленшпигель.—Я убью Спеля. Ты мнѣ поможешь?

— Согласенъ. Что нужно дѣлать?

Уленшпигель разъяснилъ:

— Сходи къ священнику, доброму пастырю, врагу Спеля. Собери своихъ друзей и, послѣ обхода ночного сторожа, очутись съ ними завтра на евергемской дорогѣ, между «Соколомъ» и домомъ Спеля. Спрячьтесь въ тѣни и будьте не въ бѣломъ.

Ровно въ десять, когда начнутъ бить часы, ты увидишь, какъ Спель выйдетъ изъ своего кабинета, и съ другой стороны дома подъѣдетъ повозка. Не предупреждай сегодня твоихъ друзей, они крѣпко спятъ возлѣ своихъ женъ. Отправляйся къ нимъ завтра. Вечеромъ приходите, условьтесь хорошенько и постарайтесь.

— Постараемся,—сказалъ Жось и поднялъ свою кружку;—пью за веревку для Спеля.

— За веревку,—поддержалъ Уленшпигель. Затѣмъ вмѣстѣ съ хозяиномъ воротился въ трактиръ. Здѣсь пили гентскіе лоскутники, возвращавшіеся съ субботняго рынка въ Брюгге. Они дорого продали куртки, желтые и бѣлые парчевые плащи, скупленные у промотавшихся дворянъ, соперничавшихъ въ роскоши съ испанцами.

И праздновали и пировали по случаю большихъ барышей.

Уленшпигель и Жось Лансанъ, присѣвъ въ уголокъ, столковались за выпивкой и никто ихъ не слышалъ. Они условились, что Жось пойдетъ къ мѣстному священнику, доброму пастырю, негодующему на убійцу невинныхъ—Спеля. Отъ священника отправится къ своимъ друзьямъ.

На слѣдующій день Жось Лансанъ и друзья Мишилькэна по уговору покинули «Голубого Гуся», въ которомъ они обычно бражничали, и, чтобы не вызвать подозрѣнія, разошлись во время обхода ночного сторожа въ разныя стороны и послѣ сошлись на евергемскомъ шоссе. Ихъ было семнадцать.

Въ десять часовъ Спель вышелъ изъ «Сокола» въ сопровожденіи двухъ палачей и Питера де Руза. Лансанъ съ товарищами спрятались на гумнѣ Самсона Вена, друга Мишилькэна. Дверь гумна была открыта. Спель ихъ не видалъ.

Но тѣ видѣли, какъ проходилъ онъ, а также Питеръ де Рузъ и два палача; покачиваясь спяна, онъ говорилъ заплетающимся языкомъ, съ трудомъ, словно зайка, произнося слова:

— Искоренители ересей, искоренители ересей, хорошо живетъ вамъ на свѣтѣ!.. Защищайте же меня, бездѣльники, живущіе моими щедротами.

Вдругъ раздался на шоссе, со стороны деревни, ослиный ревъ и щелканье бича.

— Вотъ упрямый оселъ!—произнесъ Спель,—не желаетъ двигаться впередъ, невзирая на такое прекрасное предупрежденіе.

Тутъ неожиданно затарахтѣли очень громко колеса телѣги, катившейся навстрѣчу идущимъ съ пригорка.

— Остановить ее!—воскликнулъ Спель.

Телѣга катилась прямо на нихъ, и Спель съ двумя палачами накинулись на голову осла.

— Телѣга пустая,—промолвилъ одинъ изъ палачей.

— Олухъ!—прикрикнулъ Спель,—ѣздить ли телѣги однѣ по ночамъ?! Въ ней непременно кто-нибудь да долженъ скрываться. Эй, зажечь фонари, да поднять ихъ повыше; я самъ обыщу!

Фонари были зажжены, и Спель взобрался на повозку. Не успѣлъ онъ приглядѣться, какъ, отшатнувшись назадъ, издалъ громкій крикъ:

— Мишилькэнъ! Мишилькэнъ! Господи Иисусе! сжался надо мною.

Тогда со дна телѣги всталъ во всемъ бѣломъ, въ одеждѣ пирожника человѣкъ, у котораго въ рукахъ были двѣ окровавленныхъ ноги.

Питеръ де Рузъ, при видѣ освѣщеннаго фонарями вставшаго человѣка, закричалъ своимъ двумъ палачамъ:

— Мишилькэнъ! Мишилькэнъ! Покойникъ!.. Господи Иисусе, сжался надо мною!

Семнадцать человѣкъ вышли на шумъ изъ своей засады взглянуть на зрѣлище и ужаснулись громадному, при лунномъ безоблачномъ освѣщеніи, сходству призрака съ бѣднымъ Мишилькэномъ.

И призракъ къ тому же размахивалъ своими окровавленными ногами. У него было то же полное и круглое лицо, что и у покойнаго, но только побѣлевшее смертью, синеватое и у подбородка изъѣденное червями.

И призракъ, не переставая размахивать своими окровавленными руками, обратился къ лежавшему навзничъ и стонавшему Спелю:

— Спель, истребитель ересей, пробудись!

Но Спель оставался неподвижнымъ.

— Спель, — продолжало привидѣніе, — истребитель ересей Спель, пробудись, а не то я заставлю тебя спуститься со мною въ преисподнюю въ самую пасть адову.

Спель поднялся, и волоса отъ ужаса тоже поднялись у него на головѣ, и онъ скорбно возопилъ:

— Мишелькэнъ! Мишелькэнъ! сжался надо мною.

Тѣмъ временемъ стали собираться вокругъ почтенные люди, но Спель ничего не замѣчалъ, кромѣ фонарей, которые принималъ за глаза дьявола. Позднѣе онъ въ этомъ признался.

— Спель,—снова началъ призракъ,—готовъ ли ты къ смерти?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ искоренитель ересей,—нѣтъ, господинъ Мишилькэнъ, я совсѣмъ къ ней не готовъ и не желаю предъ-

стать предъ Господомъ Богомъ съ душою, очень черной отъ грѣховъ.

— Узнаешь ты меня?—спросилъ призракъ.

— Защити меня, Господь!—промолвилъ Спель,—да я васъ узнаю, вы—привидѣніе Мишилькэна, пирожника, который былъ невиннымъ и умеръ на одрѣ болѣзни отъ пыточныхъ мученій. А двѣ окровавленныхъ ноги, которыя вы держите, это—тѣ самыя ноги, на которыя, на каждую, я нацѣпилъ по пятидесяти фунтовъ. Ахъ, Мишилькэнъ! простите меня. Питеръ Рузъ меня соблазнилъ. Онъ мнѣ посулилъ пятьдесятъ флориновъ, и я ихъ получилъ съ него зато, что занесъ я васъ въ списокъ еретиковъ.

— Желаетъ ли исповѣдаться?—спросило привидѣніе.

— Да, господинъ, желаю, все скажу и покаюсь. Но благоволите прогнать этихъ бѣсовъ, которые вонъ тамъ и готовы меня поглотить... Все скажу. Прогоните только эти огненные очи!.. И въ Турнѣ я совершилъ то же самое злодѣяніе надъ пятью почтенными людьми, въ Брюгге надъ четырьмя. Я забылъ ихъ фамилии, но, если вы потребуете, я вамъ ихъ скажу. Кромѣ того, есть за мной и еще грѣхи, господинъ, и по моей винѣ шестьдесятъ девять невинныхъ легло въ могилу. Мишилькэнъ, королю нужны были деньги. Меня увѣдомили объ этомъ, и мнѣ самому тоже нужны. Въ Гентѣ, въ погребѣ, подъ мостовой, у старухи Гровель, живетъ моя родная мать... Больше мнѣ нечего сказать... Прогоните бѣсовъ! Господи Боже, Пресвятая Дѣва Марія, Иисусе Христе, заступитесь за меня! Удалите бѣсовскій огонь! Все свое продамъ, все раздамъ бѣднымъ и буду каяться.

Уленшпигель, видя, что толпа почтенныхъ людей готова поддержать эти мольбы, бросился изъ повозки на Спеля и хотѣлъ задушить его. Но подошелъ священникъ.

— Не трогайте его, пусть живетъ,—промолвилъ онъ. Пусть лучше умретъ на висѣлицѣ отъ руки палача, чѣмъ будетъ задушенъ руками призрака.

— Что вы хотите съ нимъ сдѣлать?—спросилъ Уленшпигель.

— Пожаловаться на него герцогу и заставить его повѣсить — отвѣчалъ священникъ.—Но кто ты?—освѣдомился онъ.

— Я,—отвѣчалъ Уленшпигель,—маска Мишилькэна и бѣдная фламандская лисица, которая сейчасъ спрячется въ норку изъ страха передъ испанскими охотниками.

Между тѣмъ Питеръ де Рузъ со всѣхъ ногъ пустился бѣжать.

И Стель былъ повѣшенъ, его имущество конфисковано.

И король наслѣдовалъ.

XXXIII.

На слѣдующій день Уленшпигель отправился въ Куртрэ берегомъ ясной рѣки Лисъ.

Ламъ печально плелся за нимъ.

Уленшпигель обратился къ нему:

— Дряблѣе у тебя сердце! Что вздыхаешь ты по своей супругѣ, которая сдѣлала тебя роконосцемъ?

— Сыночекъ мой,—возразилъ Ламъ,—нѣтъ, она всегда оставалась мнѣ вѣрной и довольно любила меня, а я, конечно, кроткій Христосъ свидѣтель, любилъ ее черезчуръ. Какъ-то она поѣхала въ Брюгге. Ничего, воротилась оттуда, но очень перемѣнилась. Съ того времени, начну, случалось, просить у нея любви, а она мнѣ въ отвѣтъ:

— Мнѣ съ тобой надо жить, но только въ дружбѣ, а не въ любви.

Грустно такъ становилось у меня на сердцѣ отъ этихъ словъ.

— Красавица моя, любимая,—начну, бывало, ее урезонивать,—вѣнчаны мы, вѣдь, съ тобою въ церкви. И не дѣлалъ ли я за тебя все, что ты хотѣла? Я ли не наряжался часто въ сермягу, въ бумазейное пальто, лишь бы только ты была одѣта въ шелки и парчу. Голубка, неужто больше меня не любишь?!.

— Люблю,—говорила она,—люблю, какъ велитъ Господь и его святая воля, какъ велятъ церковныя правила и покаяніе. И буду тебѣ цѣломудренной подругой.

— Не надобно мнѣ твоего цѣломудрія,—отвѣчалъ я.—Тебя я хочу, тебя, чтобъ была ты моею женой.

Качая головою, она не соглашалась:

— Я хорошо знаю,—говорила,—чего ты хочешь, и тебя самого знаю. До сихъ поръ ты былъ за повара въ домѣ: все хотѣлъ избавить меня отъ кухонныхъ заботъ; гладишь простыни, воротнички и рубашки, утюги были для меня слишкомъ тяжелы; ты мылъ бѣлье, подметалъ домъ и улицу передъ домомъ, хотѣлось тебѣ, чтобъ не уставала я. Теперь, мой муженекъ, я хочу за тебя работать, хочу покаяться, больше ничего.

— Это для меня все едино,—отвѣчалъ я.—Попрежнему я буду твоей горничной, гладильщицей, прачкой, твоимъ преданнымъ рабомъ. Но, женушка, не отдѣляй ты души отъ тѣла, которыя едино суть. Не порывай узъ любви, которыя насъ такъ нѣжно соединяли.

— Нельзя, надо,—противилась она.

— Ахъ,—спрашивалъ я ее,—ужъ не въ Брюгге ли ты рѣшила это?

Она отвѣчала:

— Я поклялась въ этомъ передъ Богомъ и его святыми.

— Кто жъ такой,—вскрикнулъ я,—принудилъ тебя дать клятву не исполнять супружескаго закона?!

— Тотъ, надъ кѣмъ почилъ духъ Божій, и который наложилъ на меня покаяніе.

Съ этого времени она перестала быть моею, точно бы хранила вѣрность кому-то другому. Я ее умолялъ, мучилъ, грозилъ ей, плакалъ, упрашивалъ. Все напрасно. Однажды, воротившись изъ Бланкенберга, куда я ѣздилъ за получкой аренды съ фермы, я нашелъ домъ пустымъ. Утомилась, видно, моя женушка моими мольбами, разгнѣвалась и впала въ грусть отъ моего горя, а потомъ и бросила меня. Гдѣ-то она теперь?

И Ламъ сѣлъ на берегу Лиса, опустилъ голову и сталъ глядѣть въ воду.

— Ахъ,—приговаривалъ онъ, сидя,—какой полненькой, нѣжной были вы, моя голубка! Найду ли когда-нибудь такую курочку, какъ вы? Лакомство ты мое любовное, попробую ль еще когда-нибудь тебя? Гдѣ твои поцѣлуи, благовонные, точно тминъ, твой крошечный миленькій ротикъ? Словно съ розы пчела, бралъ я съ него любовную усладу. Гдѣ твои бѣлыя ручки? Таково нѣжно-ласково обвивались онѣ вокругъ меня. Гдѣ трепетанье твоего сердечка, твои круглыя груди, милое содроганье твоего тѣла, тѣла феи, замиравшей отъ зноя любви?.. Но, рѣченька чистая, гдѣ твои прежнія воды, что катишь ты такъ радостно свои новыя струи навстрѣчу солнцу?

XXXIV.

На опушкѣ Петегемскаго лѣса Ламъ сказалъ Уленшпигелю:

— Я испекся. Поищемъ тѣни. Они сѣли въ лѣсу на траву и увидѣли пробѣгавшее мимо стадо оленей.

— Гляди, Ламъ,—промолвилъ Уленшпигель, вооружаясь своимъ нѣмецкимъ мушкетомъ,—какъ гордо старые олени, у которыхъ еще есть молодые оленята, несутъ свои девятивѣтвистые рога; милые оленята, оруженосцы своихъ отцовъ, бѣгутъ возлѣ нихъ, часто-часто перебирая ножками, готовые, въ случаѣ необходимости, оказать имъ услугу своими остроконечными рожами. Они бѣгутъ на покой. Нажми, по моему примѣру, курокъ мушкета. Стрѣляй! Вотъ старый олень и подстрѣленъ. Олененокъ раненъ въ ногу и удираетъ. Прослѣдимъ за нимъ, пока не упадетъ. Поступай, какъ я, бѣги, скачи, лети!

— Вотъ чего дождался отъ своего безпутнаго друга! бѣги

за оленемъ, который удираетъ! Къ сожалѣнію, напрасный трудъ пробовать летать безъ крыльевъ! Никогда ты его не догонишь. Или полагаешь, что у меня твоя ловкость?! Я потѣю, мой сыночекъ. Если побѣгу, вспотѣю и скоро упаду. А вотъ если лѣсничій тебя поймаетъ, тебя повѣсятъ. Олень—королевская дичь. Оставь ихъ, пусть себѣ бѣгутъ, мой сыночекъ, поймать ихъ ты никогда не поймаешь.

— Идемъ,—звалъ Уленшпигель.—Слышишь, какъ шумить онъ въ листьѣ своими колючками? Какъ вихрь несется. Видишь обломанныя вѣточки, сорванные листочки дождемъ падаютъ и укрываютъ землю? Я всадилъ ему въ ногу новую пулю. Теперь онъ намъ достанется, и мы его съѣдимъ.

— погоди, пока еще онъ не зажаренъ,—подшучивалъ Ламъ.— Оставь, пусть бѣгутъ себѣ эти бѣдныя животныя! Ахъ, какъ жарко! Вотъ-вотъ упаду на мѣстѣ и не поднимусь больше.

Вдругъ, откуда ни возмись, вооруженные, въ лохмотьяхъ люди наводнили лѣсъ. Залаяли собаки и кинулись въ погоню за оленями. Четверо одичалыхъ мужчинъ окружили Лама и Уленшпигеля и отвели ихъ на лужайку, окруженную густымъ кустарникомъ. Здѣсь наши пріятели увидали среди расположеннаго лагеремъ женщинъ съ дѣтьми и мужчинъ, разнообразно вооруженныхъ мечами, луками, мушкетами, копьями, пиками и рейтарскими пистолетами.

Уленшпигель, при видѣ этихъ воякъ, спросилъ:

— Вы—«Лиственники», или «Лѣсные Братцы»? Вы, кажется, живете тутъ цѣлыми деревнями и спасаетесь отъ розыска?

— Да, мы «Лѣсные Братцы»,—промолвилъ старикъ, сидѣвшій возлѣ огня и поджаривавшій въ печуркѣ какую-то птицу. А ты кто?

— Я,—отвѣчалъ Уленшпигель,—родомъ изъ прекрасной страны Фландріи—живописецъ, крестьянинъ, дворянинъ, скульпторъ, все вмѣстѣ. И вотъ такъ разгуливаю я по свѣту, хвалю прекрасное и достойное, а надъ глупостью потѣшаюсь, хохочу во всю глотку.

— Если много странъ видалъ ты на своемъ вѣку,—снова проронилъ старикъ,—то выговори: «Schild ende Vriendt»—«щитъ и другъ» такъ, какъ выговариваютъ гентцы. Если не выговоришь, значитъ, ты мнимый фламандецъ и долженъ помереть.

Уленшпигель произнесъ:

— Schild ende Vriendt.

— А ты, пузанъ, какое твое ремесло?—обратился старикъ къ Ламу.

— Ремесло мое,—проѣдать и пропивать мои земли, фермы,

мызы и надѣлы, искать свою жену и повсюду слѣдовать за своимъ другомъ Уленшпигелемъ.

— Если ты столько бродишь по свѣту,—снова молвилъ старикъ,—то должно быть тебѣ извѣстно, какъ зовутся въ Лимбургѣ ¹⁾ виртцы ²⁾.

— Не знаю я,—отвѣчалъ Ламъ.—А вотъ не скажете ли вы мнѣ, какъ зовутъ негодяя-безобразника, который выгналъ мою жену изъ дома? Выдайте мнѣ его, я немедленно пойду и убью этого бездѣльника.

Старый человѣкъ наставительно произнесъ.

— Есть въ семь мѣръ двѣ вещи, которыя никогда нельзя воротить: первая—истраченные деньги, вторая—соскучившаяся женщина, которая исчезаетъ.

Затѣмъ снова обратился къ Уленшпигелю:

— Вѣдомо ли тебѣ, какъ зовутся въ Лимбургѣ виртцы:

— Raekstekers, «заклинателями рыбы-ската»,—отвѣчалъ Уленшпигель.—Дѣло въ томъ, что свалилась однажды съ повозки рыба-ската, и вотъ стало она подпрыгивать. Увидали это старушки и сочли рыбу, за бѣса. «Пойдемъ разыщемъ батюшку пускай заговорить онъ скать». Священникъ заговорилъ рыбу и унесъ съ собою, а виртцевъ угостилъ вкуснымъ жаренымъ. Такъ поступить Господь и съ королемъ крови.

Тѣмъ временемъ раздался въ лѣсу собачій лай. Забѣгали по лѣсу вооруженные люди и заголосили, пугая звѣря.

— Это олень съ олененкомъ, которыхъ я затравилъ.

— Мы ихъ съѣдимъ,—промолвилъ старый человѣкъ... Но, какъ зовутся эндговенцы въ Лимбургѣ?

— Riepenmakers, «засовщиками»,—не сплосалъ Уленшпигель.—Какъ-то разъ подошелъ врагъ къ стѣнамъ ихъ города. А они возьми да и заложилъ ихъ вмѣсто засова морковью. Налетѣли гуси, захлопали крыльями и поклевали прожорливыми клювами морковь, и врагъ вошелъ въ Эндговень... Но только желѣзные клювы могутъ поклевать засовы въ темницахъ, въ которыхъ держать взаперти свободную совѣсть.

— Если Господь съ нами, кто противъ насъ?—вопросомъ отвѣтилъ старый человѣкъ.

Уленшпигель, прислушиваясь замѣтилъ:

¹⁾ Limbourg—древняя нидерландская провинція (герцогство), въ настоящее время часть Лимбурга принадлежитъ Бельгіи съ главнымъ городомъ Гассельтомъ (Hasselt), часть—Голландіи съ главнымъ городомъ Мастрихтомъ (Maastricht).

²⁾ Виртцы—жители города Вирта (Weert). Weert—голландскій городокъ у истоковъ Мааса, недалеко отъ сѣверо-восточной бельгійской границы. *Примѣч. переводчика.*

— Лай собакъ, улюлюканье и завыванье людей и поломанныя вѣтки: настоящая буря въ лѣсу.

— Вкусно оленье мясо?—вопросительно отозвался Ламъ, глядя на стариково жаркое.

— Крики охотниковъ приближаются,—продолжалъ Уленшпигель, обращаясь къ Ламу.—Собаки совсѣмъ близко... Какой громовой грохотъ! Олень! олень!.. Сторонись, мой сыночекъ!.. Фу, ты, противное животное! Оно, таки, уложило на землю моего толстаго друга среди печей, печурокъ, кухонныхъ принадлежностей, чугунокъ и жаркихъ... Эге! Женщины и дѣвушки въ ужасѣ бѣгутъ, спасаются. У тебя кровь идетъ, мой сыночекъ?

— Смѣешься, бездѣльникъ!—промолвилъ Ламъ.—Да, у меня идетъ кровь. Онъ меня боднулъ прямо въ сѣдалище. Вотъ, гляди, штаны мои разорваны, да и тѣлу тоже досталось... и прекрасныя жаркія всѣ на землю попадали. И вотъ кровь течетъ прямо изъ чулка.

Этотъ олень —настоящій костоправъ? Спасаетъ тебя отъ паралича,—пошутилъ Уленшпигель.

— Фу, какой же ты безсердечный бездѣльникъ,—сѣтовалъ Ламъ.—Не пойду я больше за тобою. Останусь я лучше здѣсь, съ этими милыми мужчинами и добрыми женщинами. Постыдился бы ты своей черствости къ моимъ несчастьямъ. Я, словно собака, таскаюсь по твоимъ слѣдамъ въ снѣгъ, въ морозъ, въ дождь, въ градъ, въ вѣтряную погоду, таскаюсь и въ жару и потѣю такъ, что, кажется, душа выходитъ вмѣстѣ съ потомъ!

— Рана твоя—пустяковая. Приложи къ ней блинчикъ, поджаристый пластырь, и пройдетъ,—совѣтовалъ Уленшпигель.—А вѣдомо ли тебѣ подъ какой кличкой извѣстны Лувенцы? Ага, не знаешь, бѣдный другъ! Ну хорошо, я ужъ тебѣ скажу, только не охай. Зовутся они Коеуе-schieters; «коровыми стрѣлками», потому что, какъ-то разъ, стали они сдуру стрѣлять въ коровъ: приняли бурёнышекъ за непріятельскихъ солдатъ. А вотъ мы, мы будемъ стрѣлять по испанскимъ козламъ; мясо ихъ, правда, зловонное, зато кожа годится на барабаны... А Тирлемонтцевъ ¹⁾, знаешь, какъ зовутъ? Тоже не знаешь!

Ихъ прозвище *kiriekers*—«селезневцы». Какъ-то разъ въ Духовъ День въ большой церкви у нихъ слетѣлъ съ амвона селезень и сѣлъ на алтарь—и вышло, что селезень, а не голубокъ знаменовалъ у нихъ св. Духа... Но, положи-ка блинчикъ себѣ на рану. Ты мнѣ ничего не отвѣчаешь, а вмѣсто того подбираешь раскиданныя оленемъ кухонныя принадлежности. Кухонная, братъ,

¹⁾ Tirlemont—бельгійскій городъ въ Брабантѣ. *Примѣч. переводчика.*

у тебя храбрость. Теперь снова зажигаешь огонь, сызнова ставишь разогрѣваться чугунокъ съ похлебкой... и слѣдишь, слѣдишь, какъ она варится. А знаешь, почему считается, что въ Лувенѣ есть четыре чуда? Нѣтъ? Сейчасъ тебѣ скажу. Во-первыхъ, потому что живые ходятъ подъ мертвыми. Видишь ли: тамъ церковь Сень-Мишель построена у городскихъ воротъ. Церковное же кладбище на горкѣ, надъ воротами. Во-вторыхъ, потому что колокола тамъ не внутри колоколни, а снаружи. Такъ именно повѣшены они въ церкви Сень-Жакъ, въ которой имѣется большой колоколъ и малый. Малый не помѣстился въ колокольні и его повѣсили снаружи. Въ-третьихъ, по причинѣ алтаря, который не въ церкви, а внѣ ея: дѣло въ томъ, что спереди похожа она на алтарь. Въ-четвертыхъ, благодаря башнѣ Сень-Клу. На этой башнѣ при церкви св. Гертруды приколоченъ шпиль не деревянный, а каменный. А вѣдь не приколачиваютъ гвоздями камня. Только сердце короля крови хотѣлось бы мнѣ пригвоздить къ большимъ брюссельскимъ воротамъ... Но ты меня совсѣмъ не слушаешь. Нѣтъ, вѣрно, соли въ подливкѣ?.. А знаешь, наконецъ, отчего Термондцы прозываются *vièrраппен*, «грѣльщиками?» А вотъ отчего. Ждали однажды зимою въ тамошней гостиницѣ «Гербъ Фландріи» пріѣзда какого-то молодого принца. Хозяинъ не зналъ, какъ согрѣть простыни: грѣлка куда-то пропала. Тогда онъ нашелся: согрѣлъ постель собственной молоденькой дочкой, которая, услыхавъ, что принцъ пріѣхалъ, бросилась бѣжать. И принцъ освѣдомился, почему не оставили грѣлки. Да устроить Господь, чтобы Филиппъ, запертый въ раскаленный желѣзный ящикъ, служилъ постельной грѣлкой госпожѣ Астартѣ ¹⁾.

— Оставь меня въ покоѣ,—отозвался, въ концѣ-концовъ, Ламъ,—отстань, нѣтъ мнѣ дѣла до твоей башни Сень-Клу и вообще до вздора, который ты намололъ. Предоставь меня моимъ соусомъ.

— Берегись,—предостерегъ Уленшпигель,—собачій лай не умолкаетъ и дѣлается все громче. Псы заливаются, рожокъ трубить. Берегись оленя. Ага, ты бѣжишь! Рожокъ трубить.

— Не безпокойся,—промолвилъ старый человѣкъ,—олень—наша добыча. Воротись къ твоимъ кушаньямъ. Его ужъ убили.

— Хорошій у насъ будетъ обѣдъ,—сказалъ Ламъ.—Вы меня пригласите на пиръ, мнѣ изъ-за васъ пришлось пострадать. Птица подъ соусомъ будетъ хороша, за это я ручаюсь. Однако соусъ отчего-то хруститъ на зубахъ. Вѣрно отъ песка: жаркое упало на землю, когда этотъ огромный дьяволъ олень разорвалъ

¹⁾ Въ смыслѣ богини разврата. *Примѣч. переводчика.*

миѣ штаны и въ то же время меня поранилъ. Ну, а лѣсниковъ вы не боитесь?

— Слишкомъ насъ много,—замѣтилъ старый человѣкъ.— Они насъ боятся, и не беспокоятъ. Но, конечно, есть еще судьи и полицейскіе. Что же касается горожанъ, то они насъ любятъ: зла мы не дѣлаемъ. Поживемъ мирно еще немного, пока испанскіе солдаты насъ не накроютъ. А случится это, старые люди и молодые, женщины, дѣвушки, мальчики и дѣвочки, всѣ дорого продадимъ свою жизнь, и лучше сами перебьемъ другъ дружку, чѣмъ тысячью муками станемъ мучиться въ герцогскихъ рукахъ.

Уленшпигель промолвилъ:

— Не время теперь думать о побѣдѣ надъ разбойникомъ на сушѣ. Нужно стараться сломить его власть на морѣ. Черезъ Брюгге, Гейстъ и Кнокъ направляйтесь къ зеландскимъ островамъ.

— У насъ нѣтъ денегъ,—замѣтили они.

Уленшпигель имъ заявилъ:

— Вотъ вамъ тысяча кароловъ отъ принца. Отправляйтесь вдоль водныхъ путей по берегамъ каналовъ и рѣкъ. Когда увидите корабли, на которыхъ выставлены буквы J—H—S, пусть кто-нибудь изъ васъ пропоетъ жаворонкомъ. Пѣтушинъ рогъ ему отвѣтитъ. И вы очутитесь въ дружественной намъ странѣ.

— Такъ мы и сдѣлаемъ,—говорили они.

Вскорѣ появились охотники, волоча за веревки убитаго оленя.

Затѣмъ всѣ расположились вокругъ огня. Было ихъ больше шестидесяти: мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Вынули изъ сумокъ хлѣбъ, ножи изъ ноженъ. Разрѣзали оленя на куски, сняли съ него шкуру и вмѣстѣ съ другой дичью насадили на вертелъ. И подъ конецъ обѣда Ламъ, у всѣхъ на глазахъ, захрапѣлъ, повѣсилъ голову и на грудь и, прислонившись къ дереву, крѣпко заснулъ.

Съ наступленіемъ вечера «Лѣсные Братцы» для сна забрались въ землянки. То же сдѣлали и Ламъ съ Уленшпигелемъ.

Вооруженные дозорные охраняли спящій лагерь. И Уленшпигель слышалъ, какъ, шурша, вздыхали подъ ихъ ногами сухіе листья.

На слѣдующій день онъ съ Ламомъ ушелъ, и «Лѣсные Братцы», прощаясь, ему говорили:

— Да благословенъ ты будешь. Мы пойдемъ къ морю.

XXXV.

Въ Гарлебекѣ Ламъ снова сдѣлался блинщикомъ, сѣдалъ самъ двадцать семь блиновъ, а тридцать клалъ въ корзинку. Уленшпигель носилъ свои клѣтки. Подъ вечеръ они добрались

до Куртрэ и зашли въ гостиницу «Пчела»—in die Bie, къ Жилису Ванъ-денъ-Энде, который, какъ только услыхалъ пѣнныя жаворонка, тотчасъ же вышелъ.

Тамъ для нихъ оказались медовыя рѣки съ кисельными берегами. Хозяинъ, при видѣ писемъ отъ принца, передалъ для него Уленшпигелю пятьдесятъ кароловъ и не хотѣлъ взять съ нихъ платы за поданную имъ индюшку, политую портеромъ—gobblesclanwaert'омъ. Онъ предупредилъ ихъ также, что въ Куртрэ есть шпионы Кроваваго трибунала, поэтому совѣтовалъ обоимъ держать языки за зубами.

— Мы разузнаемъ объ этомъ,—промолвили Уленшпигель и Ламъ.

И они вышли изъ гостиницы.

Садилось солнце, золотя вышки домовъ. Пѣли въ липахъ птицы. Кумушки тараторили на порогахъ своихъ избенокъ, вертѣлась въ пыли дѣтвора. И Уленшпигель, и Ламъ наугадъ бродили по улицамъ.

Вдругъ Ламъ сказалъ:

— Я спрашивалъ Мартина Ванъ-денъ-Энде, не видалъ ли женщины, похожей на мою жену,—я описалъ ему мою голубку. Онъ мнѣ отвѣтилъ, что у хозяйки Стевенинъ, на брюжскомъ шоссе, въ заведеніи «Радуга» по вечерамъ собирается много женщинъ. Вотъ я и пойду туда.

— Я скоро встрѣчусь тамъ съ тобою. А теперь мнѣ хочется посмотреть городъ. Если повстрѣчаю твою жену, немедленно отошлю ее къ тебѣ. Помни, что хозяинъ совѣтовалъ молчать, если хочешь уцѣлѣть.

— Буду молчать,—промолвилъ Ламъ.

Уленшпигель съ удовольствіемъ бродилъ по городу. Солнце зашло, и быстро исчезъ свѣтъ. Уленшпигель вошелъ въ переулокъ «Каменный Горшокъ»—Pot-de-Pierre. Тутъ онъ услыхалъ мелодичную игру на скрипкѣ. Подойдя ближе замѣтилъ издали бѣлый женскій силуэтъ, который манилъ его, ускользалъ и продолжалъ играть на флейтѣ. И этотъ силуэтъ пѣлъ, какъ серафимъ, пѣлъ сладостную и томительную пѣсню, останавливался, призывалъ его и постоянно ускользалъ.

Но Уленшпигель бѣжалъ, скоро нагналъ женщину и хотѣлъ заговорить съ нею, но она положила ему на губы свою руку, надушенную роснымъ ладонемъ.

— Крестьянинъ ты иль дворянинъ?—спросила она.

— Я—Уленшпигель.

— Богатъ ли ты?

— Хватить съ меня, могу позволить себѣ дорогое удовольствіе, но на выкупъ души нехватаетъ.

— Развѣ нѣтъ у тебя лошадей, что идешь ты пѣшкомъ?

— У меня былъ осель, но я оставилъ его въ конюшнѣ.

— Какъ же это ты одинъ, безъ друга, въ чужомъ городѣ.

— А потому, что мой другъ, какъ и я, бродить, любопытная красавица.

— Я совсѣмъ не любопытная,—возразила она,—а твой другъ богатъ?

— Да, но только жиромъ,—отвѣчалъ Уленшпигель. Но скоро ль ты перестанешь меня допрашивать?

— Я кончила,—проронила она,—оставь меня теперь.

— Тебя оставить!?—воскликнулъ онъ.—Да это все равно, что просить Лама не беспокоить блюдо съ овсянками. Съѣсть я тебя хочу.

— Ты еще меня и не видалъ,—промолвила она и открыла фонарь, внезапно освѣтившій ея лицо.

— Красива ты,—продолжалъ Уленшпигель.—Да! Кожа золотистая, въ глазахъ нѣга, ротъ алый, тѣло дивное! Все будетъ моимъ.

— Все,—согласилась она и повела его къ хозяйкѣ Стевенинъ, на брюжское шоссе, въ «Радугу» (in den Reghen—boogh). Войдя, Уленшпигель увидалъ тамъ большую компанію безпутныхъ дѣвушекъ. На рукахъ у нихъ, повыше локтя, надѣты были цвѣтные обручки, другого цвѣта, чѣмъ бумазейныя платья, въ которыя онѣ были одѣты.

Но на явившейся съ Уленшпигелемъ особѣ былъ суконный, затканый серебромъ, обручикъ и тканое, золотомъ платье. И всѣ, присутствовавшія безпутныя дѣвушки глядѣли на нее съ завистью. При входѣ она подала знакъ хозяйкѣ, и Уленшпигель этого не замѣтилъ. Затѣмъ сѣла съ нимъ, и они начали пить.

— Знаешь ли ты,—заявила она,—что если кто-нибудь меня полюбилъ, онъ мой навѣки?

— Красивая, надушенная самочка,—отвѣчалъ комплиментомъ Уленшпигель,—нѣтъ для меня пира усладительнѣй твоей го-
вядинки.

Вдругъ онъ замѣтилъ въ уголку Лама. Тотъ сидѣлъ за маленькимъ столикомъ, передъ нимъ горѣла свѣча, стояла ветчина, кувшинчикъ съ пивомъ, и онъ не зналъ, какимъ краснорѣчіемъ отстоять свою ветчину и пиво отъ двухъ безпутныхъ дѣвушекъ, желавшихъ, во что бы то ни стало, ѣсть и пить вмѣстѣ съ нимъ.

Ламъ, увидавъ Уленшпигеля, быстро поднялся и, выкинувъ веселое антраша, воскликнулъ:

— Слава Богу! Господь воротилъ мнѣ моего друга Уленшпигеля. Выпить, хозяйка!

Уленшпигель вынулъ свой кошелекъ и промолвилъ.

— Будемъ пить, пока не опорожнимъ всего кошелька.

И онъ сталъ позванивать своими каролами.

— Живъ Господь!—воскликнулъ Ламъ и осторожно вынулъ изъ рукъ друга его кошель.—Мой кошелекъ!

Уленшпигель хотѣлъ насильно отнять у него кошелекъ, но Ламъ крѣпко держалъ. Во время начавшейся между ними возни, когда одинъ не давалъ, другой отнималъ, Ламъ прерывистымъ голосомъ, совсѣмъ тихо сказалъ Уленшпигелю.

— Слушай! Тутъ полицейскіе... четверо... въ маленькой комнатѣ вмѣстѣ съ тремя дѣвками... Двое наружи для меня, для тебя.. Хотѣлъ выйти, помѣшали... Парчевая дѣвка шпіонка... Шпіонка Стевенинъ!

Уленшпигель разслышалъ хорошо и, продолжая возню, закричалъ:

— Отдай мой кошелекъ, бездѣльникъ!

— Никогда не отдамъ,—упорствовалъ Ламъ.

И они хватили другъ друга за шею, за плечи, катались по землѣ, и Ламъ во время этой умышленной возни предостерегалъ Уленшпигеля.

Вдругъ вошелъ хозяинъ гостиницы «Пчела» и съ нимъ семеро человѣкъ, повидимому, совершенно ему неизвѣстныхъ. Онъ запѣлъ пѣтухомъ, и Уленшпигель засвисталъ жаворонкомъ. Видя драку Уленшпигеля съ Ламомъ, хозяинъ спросилъ у Стевенинъ:

— Кто такіе эти двое?

Стевенинъ опредѣлила:

— Двое бездѣльниковъ, которыхъ нужно бы раньше разлучить, чѣмъ они пойдутъ на висѣлицу.

— Кто смѣетъ насъ разлучать,—отозвался въ сторону Уленшпигель,—того мы заставимъ ѣсть плиты, которыми вымощенъ полъ.

— Да, заставимъ ѣсть плиты, которыми вымощенъ полъ,—подтвердилъ Ламъ.

— Хозяинъ—нашъ спаситель,—шепнулъ на ухо Ламу Уленшпигель.

А хозяинъ, постигнувъ таинственный смыслъ драки, понурившись, самъ ринулся въ битву. Ламъ въ самое ухо шепнулъ ему:

— Ты спаситель?.. Такъ?..

Хозяинъ для видимости потрясъ Уленшпигеля за уши и совсѣмъ тихо сказалъ ему:

— Семеро для тебя... люди сильные, мясники... Я уйду... слишком знают меня въ городѣ... Послѣ моего ухода, *'t is van te beven de klinkaert*¹⁾... Все разнести.

— Такъ-съ,—сказалъ Уленшпигель, высвобождаясь, и ударилъ его ногой.

Хозяинъ въ свою очередь его ударилъ. И Уленшпигель ему замѣтилъ:

— Гораздъ ты драться, толстячокъ! Такъ и сыплешь.

— Что твой градъ,—въ тонъ отвѣчалъ хозяинъ, поспѣшно выхвативъ у Лама кошелекъ и передавъ его Уленшпигелю.

— Ставь теперь мнѣ выпивку мошенникъ, послѣ того какъ твое имущество къ тебѣ снова воротилось.

— погоди, выпьешь еще, бездѣльникъ-нахаль,—отвѣчалъ Уленшпигель.

— Скажите, какой наглець!—вмѣшалась Стевенинъ.

— Такой же наглець, какъ ты красавица, моя милашка,—не остался въ долгу Уленшпигель.

Стевенинъ было шестьдесятъ лѣтъ; лицо ея напоминало ягоду кизиля, но совсѣмъ пожелтѣвшую отъ желчнаго раздраженія. По срединѣ этой ягоды находился носъ, похожій на клювъ совы. Ея глаза напоминали глаза скупца, не знающаго любви. Два длинныхъ крючка выступали за предѣлы ея худощаваго рта. На лѣвой щекѣ у ней было большое, багровое родимое пятно.

Безпутныя дѣвушки захохотали и, потѣшаясь надъ нею, заговорили:

— Милашка, милашка, дай ему выпить.—Онъ тебя поцѣлуетъ. Давно ль ты справляла свою свадьбу?—Берегись, Уленшпигель, она тебя съѣсть желаетъ!—Можно подумать, что она до смерти тебя загрызть собирается.—Такъ поступаютъ всѣ влюбленныя женщины.—Ей только твое достояніе надо. Поглядите, въ какомъ она веселомъ настроеніи, вотъ-вотъ расхохочется.

И дѣйствительно, Стевенинъ смѣялась и подмаргивала Жилинѣ, самкѣ въ парчевомъ платьѣ.

Хозяинъ «Пчелы» выпилъ, заплатилъ и удалился. Семь мясниковъ подмигивали полицейскимъ и Стевенинъ.

Одинъ изъ нихъ жестомъ показавъ, что считаетъ Уленшпигеля за дурака и здорово его накроетъ. Между тѣмъ онъ, ради потѣхи, высунулъ языкъ въ сторону Стевенинъ, которая смѣялась, показывая свои крюки, и шепнулъ на ухо Уленшпигелю:

— *'T is van te beven de klinkaert.*—«пора заставить дребезжать стаканы».

¹⁾ Пора заставить дребезжать стаканы.

Затѣмъ громко прибавилъ, указывая на полицейскихъ:

— Любезный реформатъ, мы всѣ за тебя, угости насъ выпивкой и ѣдой.

И Стевенинъ смѣялась отъ удовольствія и тоже высовывала языкъ Уленшпигелю, когда тотъ поворачивался къ ней спиной. И Жилина въ парчевомъ платьѣ также показывала языкъ.

И безпутныя дѣвушки совсѣмъ тихо переговаривались:

— Видите вы шпионку, которая своей красотой обрекла на жестоку ю пытку и жесточайшую смерть больше двадцати семи реформатовъ. Жилина млѣетъ отъ наслажденія при мысли о наградѣ за свое предательство. Получить сто первыхъ флориновъ кароловъ съ наслѣдства послѣ замученныхъ. Но она не смѣется, помышляя о томъ, что ей придется дѣлиться съ Стевенинъ.

И всѣ: полицейскіе, мясники и безпутныя дѣвушки высовывали языки, насмѣхаясь надъ Уленшпигелемъ. И Ламъ потѣлъ крупными каплями и отъ гнѣва былъ красенъ, словно пѣтушинный гребешокъ, но не говорилъ ни слова.

— Угости насъ ѣдой и выпивкой,—приставали мясники и полицейскіе.

— Сейчасъ, — заявлялъ Уленшпигель, снова позванивая своими каролами,—давай намъ пить и ѣсть, милашка Стевенинъ, наливай въ стаканчики, которые позваниваютъ, да подавай.

Тутъ безпутныя дѣвушки вновь захохотали, и Стевенинъ выставила впередъ свои крючки.

Однако она сходила въ кухню и погребъ и принесла оттуда сосисокъ, яичницу, черныхъ кровяныхъ колбасъ и «позванивающіе» стаканы, получившіе свою кличку отъ высокихъ ножекъ, на которыхъ стояли и оттого, что, сталкиваясь, издавали звонъ, напоминающій карильонъ ¹⁾).

Тогда Уленшпигель пригласилъ:

— Кто хочетъ ѣсть, кто хочетъ пить?! Пожадуйте!

Полицейскіе, безпутныя дѣвушки, Жилина и Стевенинъ аплодировали этому приглашенію ногами и руками. Потомъ каждый размѣстился по своему вкусу. Уленшпигель, Ламъ и семь мясниковъ за большимъ почетнымъ столомъ, полицейскіе и безпутныя дѣвушки за двумя малыми столиками. И пили... и ѣли, громко чавкая; даже двоихъ полицейскихъ, бывшихъ наружи, пригласили принять участіе въ пирѣ. Между прочимъ, изъ сумокъ у нихъ торчали веревки и кандалы.

¹⁾ Мелодичный колокольный звонъ въ старинныхъ соборахъ и городскихъ башняхъ, гдѣ колокола приводились въ движеніе при помощи оригинальныхъ клавишей, требовавшихъ специальныхъ музыкантовъ—«карильонеровъ».

Примѣч. переводчика.

И вотъ Стевенинъ, высовывая языкъ и насмѣхаясь, сказала:
— Кто мнѣ не заплатитъ, не выйдетъ отсюда.

И она заперла всѣ двери, и ключи спрятала себѣ въ карманъ.
Жилина, поднимая стаканъ, промолвила:

— Птичка въ клѣткѣ!.. Выпьемъ!

Двѣ безпутныхъ дѣвушки, по имени Жена и Марго, ей отвѣ-
тили:

— Что? Еще одного обрѣкла на смерть, злая женщина?!

— Не знаю,—уклончиво сказала Жилина,—выпьемъ!

Но трое дѣвушекъ отказались пить съ нею.

И Жилина, взявъ свою скрипку, запѣла по-французски:

Я аккорды беру,
Подъ скрипку пою,
Я безпутствомъ живу,
Я любовь продаю.

Мнѣ бедра Астарта
Огнемъ осѣнила:
Блескъ своего тѣла
Я обожествила.

И кароль золотой
Толстосумовъ лихихъ
Пусть сверкаетъ волной
У ногъ бѣлыхъ моихъ!

Мать моя—Ева,
Отецъ мой—Сатана...
Въ мечтахъ твоихъ дѣва—
Я милѣй, чѣмъ она.

Холодна я, страстна
Иль лѣниво-нѣжна,
По желанью робка,
По желанью пылка.

Я торгую красой,
И своею душой,
Счастьемъ, смѣхомъ, слезой,
Даже смертью самой.

Днемъ и ночью аккорды беру,
Днемъ и ночью подъ скрипку пою.
Я безпутствомъ живу,
Я любовь продаю ¹⁾.

¹⁾ Au son de la viole
Je chante nuit et jour;
Je suis la fille-folle
La vendeuse d'amour.
Astarté de mes hanches
Fit les lignes de feu;
J'ai les épaules blanches,
Et mon beau corps est Dieu.
Qu'on vide l'escarcelle
Aux carolus brillants:
Que l'or fauve ruisselle
A flots sous mes pieds blancs.
Je suis la fille d'Eve,

И, распѣвая пѣсню, Жилина была такъ красива, мила и обворожительна, что всѣ мужчины: полицейскіе, мясники, Ламъ и Уленшпигель онѣмѣли отъ избытка чувствъ, разнѣжились, заулыбались и были покорены ея прелестью.

Вдругъ Жилина, расхохотавшись, взглянула на Уленшпигеля и воскликнула:

— Вотъ такъ садятъ птичекъ въ клѣтку!

И чары ея рушились.

Уленшпигель, Ламъ и мясники переглянулись.

— Но, того-этого, что жъ вы мнѣ не платите?—спрашивала Стевенинъ.—Что жъ мнѣ не платите, господинъ Уленшпигель? А, что впрокъ вамъ пошло мяско проповѣдниковъ?

— Ламъ хотѣлъ что-то сказать, но Уленшпигель остановилъ его и, обратясь къ Стевенинъ, промолвилъ.

— Мы никогда не платимъ впередъ.

— Ничего, я получу съ твоего наслѣдства, что останется послѣ тебя,—связвила Стевенинъ.

— Вампиры живутъ падалью,—отвѣчалъ Уленшпигель.

— Да вмѣшался полицейскій, эти молодцы забрали деньги проповѣдниковъ, больше, чѣмъ триста флориновъ-кароловъ. Недурная лепта для Жилины.

А та, услыхавъ эту фразу, запѣла:

Не найти, другъ, тебѣ
Лучшихъ чаръ, какъ со мной,
Жгучихъ, въ ласкѣ, въ слезѣ,
Даже—въ смерти самой! ¹⁾

Затѣмъ насмѣшливо она бросила:

— Выпьемъ!

— Выпьемъ!—отозвались полицейскіе.

— Живъ Господь!—поддержала Стевенинъ,—выпьемъ! Двери

Et de Satan vainqueur,
Si beau que soit ton rêve,
Cherche—le dans mon cœur.
Je suis froide ou brûlante,
Tendre ou doux nonchaloir;
Tiède, éperdue, ardente,
Mon homme, à ton vouloir.
Vois, je vends tout: mes charmes,
Mon âme et mes yeux bleus;
Bonheur, rires et larmes,
Et la Mort, si tu veux.
Au son de la viole,
Je chante nuit et jour;
Je suis la fille-folle,
La vendeuse d'amour.

¹⁾ Cherche ailleurs de tels charmes,
Prends tout, mon amoureux,
Plaisir, baisers et larmes,
Et la mort si tu veux.

заперты, ставни задвинуты желѣзными болтами, птички въ клѣткахъ. Выпьемъ!

— Выпьемъ!—откликнулся Уленшпигель.

— Выпьемъ!—вторилъ Ламъ.

— Выпьемъ!—подхватили семеро,

— Выпьемъ!—крикнули полицейскіе.

— Выпьемъ,—повторила Жилина, взялась за скрипку, и скрипка ея запѣла. Я—красавица. Выпьемъ! Захочу—ангела приворожу своей пѣсней.

— Пить, такъ пить,—молвилъ Уленшпигель,—выпивка, вѣнчаетъ дѣло и все, что есть лучшаго на свѣтѣ. Пусть же обновится наше тѣло, и пусть въ каждомъ изъ насъ будетъ хоть капелька огненной влаги!

Выпьемъ!—сказала Жилина.—Еще двадцать такихъ, какъ ты, пискарей, и на вертелахъ некому будетъ жариться.

Стевенинъ принесла вина. Всѣ сѣли, пили и отдувались, полицейскіе и безпутныя дѣвушки вмѣстѣ. Семеро сидѣли за столомъ съ Уленшпигелемъ и Ламомъ и бросали черезъ столъ безпутнымъ дѣвушкамъ ветчину, колбасы, яичницу, и бутылки. А эти дѣвицы ловили на лету, словно карпы мухъ надъ поверхностью пруда, то, что имъ кидали. И Стевенинъ смѣялась, выпячивая свои крючья, и указывала на пачки съ пятериковыми свѣчами, стоявшія на полкѣ за конторкой. Это были свѣчи, предназначенныя для безпутныхъ дѣвицъ. Потомъ она обратилась къ Уленшпигелю:

— Когда отправляются на костеръ, берутъ съ собою сальную свѣчку, не желаешь ли запастись?

— Выпьемъ!—молвилъ Уленшпигель.

— Выпьемъ!—поддержали его семеро.

Жилина промолвила:

— Свѣтятся глазки Уленшпигеля, точно у лебедя передъ кончиной.

— А что если бѣ отдали ихъ на съѣденіе свиньямъ?—донимала Стевенинъ.

— Былъ бы имъ тогда праздникъ съ фонарями... Выпьемъ,—не унывалъ Уленшпигель.

— Понравится ль тебѣ, когда на эшафотѣ проколятъ языкъ твой красной проволокой.

— Отъ этого языкъ мой только лучше станетъ, ловче свистать будетъ.

— Погоди, поменьше будешь разговаривать, когда повѣсятъ тебя, вотъ-то полюбуется тобой тогда твоя подружка.

— Конечно,—согласился Уленшпигель,—но я тогда потяжелѣю и прямо свалюсь на твою рожицу, милашка... Выпьемъ!

— А что скажешь, если будутъ стегать тебя; заклеивать въ лобъ и въ плечо?

— Скажу, что ошиблись мясомъ,—не задумываясь разрѣшалъ вопросъ Уленшпигель,—и что вмѣсто того, чтобы поджарить свинью Стевенинъ, ошпарили борова Уленшпигеля... Выпьемъ!

— Не одобряешь ты моихъ предложеній! Такъ отведутъ тебя на королевскій корабль и тамъ четвертуютъ.

— Тогда акулы съѣдятъ четыре части моего тѣла, а тебѣ ужъ достанутся объѣдки... Выпьемъ!—приглашалъ Уленшпигель.

— Отчего не съѣсть тебѣ одну свѣчку; было бъ свѣтлѣй итти на тотъ свѣтъ на вѣчную муку.

— И безъ свѣчки люблюсь тобой, на твое острое рыло, свинья ты, плохо ошпаренная. Выпьемъ,—говорилъ Уленшпигель.

Вдругъ онъ ударилъ ножкой своего бокала по столу и хлопнулъ въ ладоши, подражая звуку, который издають обойщики, когда выбиваютъ шерсть для матрацовъ, и при этомъ очень тихо промолвилъ:

'T is (tydt) van te beven de klinkaert—«пора заставить дребезжать стаканы».

Это во Фландріи сигналъ гулякъ къ буйству въ домахъ съ краснымъ фонаремъ.

Уленшпигель выпилъ, потомъ заставивъ снова задребезжать свой бокалъ, сказалъ:

'T is van te beven de klinkaert.

И семеро вторили ему.

Всѣ притихли. Жилина поблѣднѣла, Стевенинъ казалась удивленной.

— Что же семеро заодно съ ними?

Но мясники, двусмысленно подмаргивая, не переставали и все громче повторяли вслѣдъ за Уленшпигелемъ:

— 'T is van te beven de klinkaert, 't is van te beven de klinkaert.

Стевенинъ для большей храбрости выпила.

Тогда Уленшпигель ударилъ кулакомъ по столу въ темпъ удара обойщика, выколачивающаго матрацъ. Семеро послѣдовали его примѣру. Стаканы, кружки, миски, чарки заходили ходуномъ, стали опрокидываться, разбиваться, успокаиваясь на одномъ концѣ стола, падая на другомъ. И все время не умолкало пѣнье, становившаеся болѣе угрожающимъ, серьезнымъ и однообразнымъ: «'T is van te beven de klinkaert».

— Охъ,—проронила Стевенинъ,—перебьютъ они все здѣсь. И отъ страха два клыка ея выпятились еще дальше изо рта.

И бѣшенство, и гнѣвъ зажглись въ душахъ семерыхъ, Лама и Уленшпигеля.

И вотъ, не прерывая пѣнья, монотоннаго и угрожающаго, всѣ за столомъ Уленшпигеля разбили въ тактъ свои бокалы о столъ. Затѣмъ, сѣвъ верхами на стулья, вытащили свои ножи и производили такой шумъ своимъ пѣньемъ, что оконныя стекла во всемъ домѣ дрожали. Наконецъ бѣсовскимъ хороводомъ прошли по залѣ и по столамъ, непрестанно твердя:

'T is van te beven de klinkaert.

Тутъ полицейскіе поднялись съ своихъ мѣстъ и, дрожа со страха, убрали свои кандалы и веревки. Но мясники, Уленшпигель и Ламъ, попрятавъ свои ножи въ ножны, похватали ихъ стулья и вихремъ пронеслись по залѣ. Разили направо-налѣво, щадя лишь безпутныхъ дѣвушекъ, ломая все остальное: мебель, оконныя стекла, сундуки, посуду, кружки, миски, стаканы и графины, безжалостно били стражниковъ и пѣли въ тактъ ударовъ обойщиковъ по матрацамъ:

'T is van te beven de klinkaert,

'T is van te beven de klinkaert.

Между тѣмъ Уленшпигель ударилъ по лицу Стевенинъ, вынулъ у ней изъ сумки ключи и насильно заставилъ ее ѣсть свѣчи.

Красавица Жилина, точно испуганная кошка, царапалась въ двери, ставни, окна, словно рѣшившись выйти на волю во что бы то ни стало. Наконецъ, утомившись и сильно поблѣднѣвъ, присѣла на корточки въ углу. Глаза ея блуждали, зубы оскалились, и она, какъ за спасительницу, держалась за свою скрипку.

Семеро и Ламъ обратились къ дѣвушкамъ: «Васъ мы пальцемъ не тронемъ»; связали съ ихъ помощью веревками и кандалами дрожащихъ, какъ листъ, полицейскихъ. Тѣ не посмѣли сопротивляться: чувствовали, что страшно сильные мясники, выбранные хозяиномъ «Пчелы», могли бы искромсать ихъ на куски своими ножами.

Заставляя Стевенинъ поѣдать свѣчи одна за другой, Уленшпигель приговаривалъ:

— Эта вотъ за то, что ты повѣсить меня собиралась; эта за то, что хотѣла отстегать; эта за твое желаніе клеймить; четвертая за мой проколатый языкъ, а вотъ эти двѣ прекрасныхъ сальныхъ свѣчи въ честь королевскихъ кораблей и четвертованья; эта—за твой притонъ; эта—за самку въ парчевомъ платьѣ, а всѣ прочія для моей утѣхи.

И безпутныя дѣвушки смѣялись при видѣ чихавшей отъ злости

Стевенинъ и желавшей выплюнуть изо рта свои свѣчи. Но тщетны были ея усилія: ротъ былъ слишкомъ набитъ ими.

Уленшпигель и Ламъ не переставали ритмически пѣть: 'T is van te beven de klinkaert.

Затѣмъ, первый пересталъ Уленшпигель, давъ знакъ напѣвать лишь въ полголоса этотъ припѣвъ и въ минуту затишья обратился съ предостереженіемъ къ безпутнымъ дѣвушкамъ и стражникамъ:

— Посмѣй кто-нибудь изъ васъ закричать на помощь, немедленно будетъ убитъ.

— Убить,—промолвили и мясники.

— Будемъ молчать,—заявили безпутныя дѣвушки, только не дѣлайте намъ зла.

Но Жилина, забившаяся въ уголъ, съ глазами вышедшими изъ орбитъ, съ оскаленными зубами, не въ состояніи была говорить и прижимала къ себѣ свою скрипку.

И семеро, не умолкая, тихо и методично напѣвали:

'T is van te beven de klinkaert!

Стевенинъ, указывая на свѣчи, которыми набитъ былъ ея ротъ, дѣлала знаки, что она тоже будетъ молчать.

Уленшпигель продолжалъ свое предостереженіе:

— Вы здѣсь въ нашей волѣ, пала темная ночь, мы недалеко отъ рѣки, въ которой легко утопиться тому, кого туда кинуть. Куртрэскія ворота закрыты. Если ночные сторожа и услышатъ шумъ, все равно, не двинутся: слишкомъ лѣнны они да вдобавокъ и полагаютъ, что пируютъ добрые фламандцы и поютъ подъ звонъ кружекъ и графиновъ. Ну-съ, руки по швамъ, передъ вашими начальникомъ!

Затѣмъ, обратясь къ семерымъ, спросилъ.

— Вы разыщите Гезовъ въ Петегемъ?

— Тамъ насъ предупредили о вашемъ приходѣ.

— Оттуда вы направитесь къ морю?

— Да,—подтвердили они.

— Знаете ль вы этихъ стражниковъ, какъ по-вашему, можно ли кого-нибудь изъ нихъ освободить и положиться на него?

— Знаемъ двоихъ, Никласа и Жоса—эти молодцы никогда не гонялись за реформатами.

— Можете на насъ положиться,—промолвили Никласъ и Жось.

Тогда Уленшпигель заявилъ:

— Вотъ вамъ двадцать флориновъ-кароловъ, вдвое больше, чемъ вы получили бы за доносъ на меня.

Вдругъ и пятеро прочихъ стражниковъ воскликнули:

— Двадцать флориновъ! Мы тоже будемъ служить принцу за

эти деньги. Король туго платить. Дайте намъ половину и мы скажемъ судья все, что угодно.

Мясники и Ламъ продолжали подъ сурдинку напѣвать:

— 'T is van te beven de klinkaert, 't is van te beven de klinkaert.

— Чтобы вы держали языкъ за зубами,—семеро поведутъ васъ въ кандалахъ до Петегема и доставятъ къ Гезамъ. Очутившись на морѣ, вы получите по десятку флориновъ и будете получать хлѣбъ и похлебку изъ лагерной кухни. Если выкажете храбрость, получите свою долю военной добычи. Если же попытаетесь бѣжать, то васъ повѣсятъ.

— Мы служимъ тому, кто намъ платить.

'T is te beven de klinkaert! 'T is te beven de klinkaert,—приговаривали Ламъ и семеро, отбивая тактъ черенками по столу.

— Вы отведете также,—продолжалъ Уленшпигель,—Жилину, Стевенинъ и троихъ распутницъ. Если которая-нибудь изъ нихъ попробуетъ убѣжать, вы зашьете ее въ мѣшокъ и бросите въ рѣку.

— Не убилъ онъ меня!—воскликнула Жилина, выскочила изъ своего угла и, вскинувъ вверхъ скрипку, запѣла:

Кровью обогрена
Мечта твоя, дѣва,
Отецъ твой—Сатана,
Мать твоя—Ева ¹⁾).

Стевенинъ и другія готовы были расплакаться.

— Не пугайтесь, мои милыя,—утѣшалъ ихъ Уленшпигель,—вы такія аппетитныя, что вездѣ васъ будутъ любить, ласкать, угощать. При каждой побѣдѣ вамъ достанется кусочекъ добычи.

— А мнѣ, старой, ничего не дадутъ,—плакала Стевенинъ.

— Мѣдячокъ въ день, крокодилъ ты этакій. И тебѣ найдется работа: ты будешь прислуживать четыремъ дѣвочкамъ, мыть имъ юбки, простыни и сорочки.

— Я!.. Смилуйся надо мною, Господи!..—вырвалось у нея. Уленшпигель прибавилъ:

— Долго ты ими командовала, торговала ихъ тѣломъ, а ихъ самихъ держала въ нищетѣ и голодѣ. Охай, реви, ничего не можешь, будетъ по-моему.

Слыша это дѣвушки расхохотались и, потѣшаясь надъ Стевенинъ, показывали ей языки и приговаривали:

¹⁾ Sanglant était mon rêve,
Le rêve de mon coeur:
Je suis la fille d'Eve
Et de Satan vainqueur.

— Каждому свой чередъ на этомъ свѣтѣ! Кто могъ бы подумать: скряга Стевенинъ будетъ намъ прислуживать, какъ рабыня. Да благословить Господь господина Уленшпигеля!

Затѣмъ Уленшпигель сказалъ мясникамъ и Ламу:

— Заберите изъ погреба вина, возьмите деньги: онѣ пригодятся для поддержанія Стевенинъ и четверыхъ дѣвочекъ.

— Ага, заскрежетала зубами скупая Стевенинъ,—говорили дѣвушки.—Не мягка была ты съ другими, и съ тобой тоже не церемонятся. Господь благослови господина Уленшпигеля.

Потомъ трое дѣвушекъ обратились къ Жилинѣ:

— Ты ей дочкой была, кормилицей, ты дѣлила съ нею доходы съ подлаго шпіонства. Неужто и теперь ты будешь бить насъ и глумиться надъ нами въ твоёмъ парчевомъ платьѣ. Ты нами брезгала за то, что мы ходили всего только въ бумазеѣ. А ты одѣвалась богато, торговала кровью жертвъ несчастныхъ. Снимемъ съ нея ея платье, пускай сравняется съ нами.

— Я этого не позволю,—молвилъ Уленшпигель.

И, Жилина, бросившись ему на шею, сказала:

— Благословенъ ты за то, что не убилъ меня и не хочешь, обезобразить.

И безпутныя дѣвушки ревниво поглядывали на Уленшпигеля и говорили:

— Какъ и всѣ, онъ безъ памяти влюбился въ нее...

А Жилина пѣла подъ свою скрипку...

Семеро отправились берегомъ Лиса и вели съ собою стражниковъ и безпутныхъ дѣвушекъ. Идя они въ полголоса напѣвали:

'T is van te beven de klinkaert!

'T is van te beven de klinkaert!

На разсвѣтѣ добрались они до лагеря, пропѣли жаворонкомъ и въ отвѣтъ услышали пѣтушиный рогъ. Дѣвушекъ и стражниковъ отдали подъ охрану. Однако на третій день въ полдень Жилину нашли мертвой, съ проколотымъ длинной булавкой сердцемъ. Трое безпутныхъ дѣвушекъ обвинили Стевенинъ въ убійствѣ и ее судили полевымъ судомъ. На судѣ, безъ всякой пытки, она созналась, что убила Жилину изъ ревности къ ея красотѣ и отъ ярости за то, что та надъ ней издѣвалась, какъ надъ своей прислугой-рабой. Стевенинъ повѣсили и похоронили въ лѣсу.

Жилину тоже погребли и надъ ея тѣломъ красивымъ прочли заупокойныя молитвы.

Тѣмъ временемъ двое стражниковъ, взятыхъ Уленшпигелемъ подъ свое покровительство, отправились къ начальнику куртрэскаго кастелянства: скандалъ и погромъ въ домѣ Стевенинъ дол-

женъ былъ быть наказанъ вышеупомянутымъ кастеляномъ, такъ какъ домъ Стевенинъ находился въ вѣдѣніи уѣзднаго суда, а не городского въ самомъ Куртрѣ. Разсказавъ господину кастеляну все подробно, явившіеся стражники, заявили ему тономъ подобострастной искренности и глубокой убѣжденности:

— Убійцы проповѣдниковъ—совсѣмъ не Уленшпигель и не его вѣрный другъ Ламъ Гудзакъ, которые, дѣйствительно, заходили въ «Радугу» отдохнуть. У нихъ есть выданныя Герцогомъ проходныя свидѣтельства. Истинные виновники—двое гентскихъ купцовъ, одинъ худой, другой толстый. Оба они, учинивъ погромъ въ домѣ Стевенинъ, убѣжали во французскую землю и увели съ собою на потѣху четырехъ дѣвушекъ. Мы бы ихъ схватили, но было въ заведеніи семеро мясниковъ, самыхъ сильныхъ въ городѣ, и эти мясники стали на сторону грабителей купцовъ. Они заковали насъ въ кандалы и тащили за собою, выпустили только на французской границѣ. И вотъ смотрите, остались еще рубцы отъ веревокъ. А остальные четверо стражниковъ на ногахъ, ждутъ только подкрѣпленія, чтобы схватить преступниковъ.

Кастелянъ, во вниманіе къ ихъ заслугамъ, далъ имъ по два карола и по новой парѣ платья.

Затѣмъ онъ написалъ въ «Совѣтъ Фландріи», въ окружный куртрэскій судъ и въ другіе суды, увѣдомивъ, что истинные убійцы обнаружены.

И въ письмахъ онъ подробно излагалъ всѣ обстоятельства.

Отъ этого дѣла задрожалъ «Совѣтъ Фландріи» и другіе суды.

И кастеляна начальство очень похвалило за его проникаемость.

А Уленшпигель и Ламъ мирно двигались по гентской дорогѣ, вдоль Лиса, намѣреваясь зайти въ Брюгге, въ которомъ Ламъ рассчитывалъ найти свою жену, и въ Дамъ, куда замечтавшемуся Уленшпигелю хотѣлось заглянуть и повидаться съ затосковавшей Нель, жившей въ одиночествѣ съ безумной Катлиной.

XXXVI.

Давно уже въ Дамѣ и окрестностяхъ стали случаться ужасныя преступленія. Стоило молодымъ дѣвушкамъ, парнямъ, а также людямъ пожилымъ отправиться по дѣламъ съ деньгами въ Брюгге, Гентъ или другой какой-нибудь городъ или деревню во Фландріи, какъ ихъ потомъ находили мертвыми, голыми, какъ черви, съ помѣтной чыхъ-то очень длинныхъ и острыхъ зубовъ на затылкѣ. Укусъ бывалъ такимъ глубокимъ, что шейный позвонокъ оказывался разбитымъ.

Врачи и костоправы-цырюльники заявляли, что это зубъ большаго волка. «Разбойники,—говорили они,—безъ сомнѣнія, являлись послѣ волка и ограбляли несчастныхъ».

Но, несмотря на всѣ розыски, не могли дознаться, кто такіе были воры. О волкѣ же вскорѣ забыли.

Многіе именитые люди, отважно, безъ охраны, пускавшіеся въ дорогу, исчезли безслѣдно. И только иногда какой-нибудь крестьянинъ, отправлявшійся утромъ на пахоту, находилъ слѣды пресловутаго волка на полѣ, а его собака выкапывала лапами изъ вспаханной борозды бѣдное мертвое тѣло; оно носило на себѣ волчью помѣтку на затылкѣ и за ухомъ, а часто также на ногѣ, пониже колѣна, и всегда сзади. И постоянно шейный позвонокъ и кость ноги бывали разбиты.

Испуганный крестьянинъ тотчасъ же отправлялся къ окружающему съ заявленіемъ. Тотъ выѣзжалъ съ секретаремъ, двумя участковыми городскими судьями и двумя костоправами на мѣсто, гдѣ было найдено тѣло убитаго. Тщательно и заботливо осмотрѣвъ все вокругъ, они иногда, когда лицо жертвы не вполне было изѣдено червями, узнавали ея званіе, даже фамилію и родство. При этомъ съ удивленіемъ обращали вниманіе, что умерщвлявшій съ голоду волкъ не уносилъ ни кусочка мяса, заѣденнаго имъ человѣка.

И жители Дама перепугались, и никто не смѣлъ больше выходить изъ дома безъ охраны.

Но вотъ командировано было какъ-то нѣсколько отважныхъ солдатъ на развѣдки, съ приказаніемъ искать волка день и ночь на дюнахъ и вдоль морского побережья.

Очутились эти посланцы возлѣ Гейста, на большихъ дюнахъ. Пришла ночь. Полагаясь на свою силу, особенно отважный развѣдчикъ захотѣлъ отправиться на поиски одинъ, съ однимъ лишь мушкетомъ. Остальные предоставили ему поступать, какъ хочетъ: были увѣрены, что храбрый и вооруженный солдатъ убьетъ волка, если тотъ осмѣлится показаться.

Товарищъ ихъ отправился; они развели костеръ и принялись играть въ домино, потягивая вмѣстѣ съ тѣмъ изъ своихъ бутылокъ съ водкой и отъ времени до времени покрикивая:

— Гей, товарищъ, ворочайся! Волкъ трусить. Иди пить!

Но отвѣта не было.

Вдругъ послышался громкій вопль умирающаго человѣка. Они помчались на этотъ крикъ, приговаривая.

— Не плошай! Мы идемъ на выручку.

Не скоро нашли они отважнаго развѣдчика: одни увѣряли, что зовъ донесся изъ долины, другіе—съ вершины дюны.

Наконецъ, обыскавъ хорошо, съ фонарями дюну и долину, нашли укушеннаго въ ногу и руку своего товарища, съ разбитымъ, какъ и у прочихъ жертвъ, шейнымъ позвонкомъ.

Онъ лежалъ на спинѣ и въ судорожно сжатой рукѣ держалъ мечъ. Мушкетъ его валялся на землѣ. Возлѣ лежало три отрубленныхъ пальца, которые они унесли съ собою и которые принадлежали не ему. Бывшей при немъ сумки не оказалось.

Взявъ на плечи трупъ своего товарища, его добрый мечъ и славный мушкетъ, понесли они, скорбя и гнѣваясь, тѣло къ окружному судѣ. Судья ихъ принялъ въ присутствіи слѣдователя и двухъ костоправовъ.

Отрубленные пальцы подверглись осмотру и были признаны принадлежащими старику, ни въ коемъ случаѣ не ремесленнику по профессіи: пальцы отличались тонкостью, и ногти на нихъ были длинными, какъ бываетъ у людей привилегированныхъ и духовныхъ.

На слѣдующій день, окружный судья съ двумя городскими участковыми и протоколистомъ выѣхали на мѣсто, гдѣ несчастный покойникъ былъ укушенъ, и увидѣли тамъ капли крови на травѣ и слѣды, тянувшіеся до моря. Здѣсь слѣдъ кончался.

XXXVII.

Происходило это въ пору созрѣванія винограда, въ винномъ мѣсяцѣ, когда принято въ городѣ Брюсселѣ съ высоты башни при церкви св. Николая, послѣ торжественной обѣдни, бросать въ народъ мѣшки съ орѣхами...

Ночью уличные крики разбудили Нель. Она искала Катлину въ комнатѣ, но не нашла. Сбѣжала внизъ, отперла дверь, и Катлина вошла, приговаривая:

— Спасай меня! Спасай! Волкъ! Волкъ!...

И Нель услышала отдаленное завываніе. Дрожа зажгла всѣ свѣтильни, простыя и восковыя свѣчи, какія были въ хибаркѣ.

— Что случилось, Катлина?—спрашивала она, нѣжно обнимая мать.

Катлина сѣла; глаза ея блуждали; заговорила, глядя на свѣчи:

— Это—солнце; оно прогонитъ злыхъ духовъ. Волкъ, волкъ воетъ въ полѣ.

— Но,—допытывалась Нель,—что тебѣ вздумалось подняться съ теплой постели, и пойти на улицу наживать себѣ лихорадку въ сырыя сентябрьскія ночи?

И Катлина отвѣчала:

— Ганскэ кричалъ орломъ. И я открыла двери. И онъ мнѣ сказалъ: «Выпей питья, что дурманить». И я выпила. Ганскэ красивый... Уберите огонь... Тогда повелъ онъ меня къ морю и сказалъ: «Катлина, я ворожю тебѣ семьсотъ кароловъ, а ты отдашь ихъ Уленшпигелю, сыну Класа. Вотъ, возьми два карола, купишь себѣ на платье. Скоро дамъ тебѣ ихъ тысячу». «Тысячу,—молвила я,—значить, буду богатой». «Будешь»,—подтвердилъ онъ. «Но нѣтъ ли въ Дамѣ женщинъ или дѣвушекъ, которыя бы сейчасъ были такими богатыми, какою ты вскорѣ будешь».—«Не знаю,—отвѣчала я». Не хотѣлось мнѣ называть ихъ, богатыхъ-то, думалось, а вдругъ онъ ему приглянутся. На прощанье онъ прибавилъ: «Освѣдомься насчетъ ихъ фамилій и скажи мнѣ, когда ворожусь».

Въ воздухѣ было холодно, туманы носились надъ лугами, сухіе сучья падали съ деревьевъ на дорогу. И луна сіяла, и огоньками свѣтились воды канала. Ганскэ сказалъ мнѣ: «Эта ночь оборотней; души грѣшниковъ выходятъ съ того свѣта, изъ преисподней. Надобно трижды лѣвой рукой осѣнить себя крестнымъ знаменемъ и прокричать: «Соль, соль! соль!» соль—знаменіе безсмертія. И онъ не сдѣлаютъ тебѣ никакого зла». И я сказала: «Исполню твое желаніе, Ганскэ, мой миленькій!» Онъ меня обнялъ и молвилъ: «Ты, вѣдь, моя жена». «Да, твоя», промолвила я. И отъ его ласкового слова, небесное блаженство разлилось, словно бальзамъ, по моему тѣлу. Онъ повилъ мою голову розами и воскликнулъ: «Ты—красавица!»—«Ты тоже красавецъ, мой миленькій Ганскэ,—отвѣчала я,—въ твоемъ нарядномъ костюмѣ изъ зеленого бархта съ золотыми позументами, въ твоей шапочкѣ съ развѣвающимся по вѣтру страусовымъ перемъ и съ твоимъ блѣднымъ, какъ блескъ морскихъ волнъ, лицомъ. И, если увидятъ тебя дѣвушки въ Дамѣ, онѣ всѣ побѣгутъ къ тебѣ, станутъ просить твоего сердца. Но ты, Ганскэ, никому, кромѣ меня, не давай его». Онъ сказалъ: «Постарайся узнать, которая изъ нихъ самая богатая. Ихъ богатство достанется тебѣ». Затѣмъ онъ ушелъ и не велѣлъ мнѣ итти за нимъ.

Я такъ и осталась на мѣстѣ и побрякивала на ладони тремя каролами.

Стало мнѣ очень холодно отъ сырого тумана, и увидала я тутъ волка. Вышелъ онъ изъ лодочки и взобрался на крутой откосъ; лицо у него было зеленое и длинный тростникъ впутался ему въ бѣлую шкуру. Я закричала: «Соль! соль! соль!» осѣнила себя крестнымъ знаменемъ, но, какъ видно, онъ ничуть не испугался. И побѣжала я изо всѣхъ силъ, бѣжала и голосила, а онъ выль-

завывалъ, и совсѣмъ близко лязгалъ зубами и вотъ-вотъ готовъ былъ меня съѣсть и разъ такъ близко былъ отъ моего плеча, что, думала, сейчасъ схватить меня. Но я побѣжала еще шибче его. Къ великому счастью повстрѣчался мнѣ на углу улицы Эронъ, ночной сторожъ съ своимъ фонаремъ. «Волкъ! волкъ!»—закричала я. «Не бойся, сумасшедшая Катлина,—молвилъ сторожъ,—я проведу тебя домой». И почувствовала я, что рука его, которая держала меня, дрожала. И ему тоже стало страшно.

— Но онъ опять подбодрился,—промолвила Нель,—слышишь, протяжнымъ голосомъ поетъ: «Бьетъ ужъ десять часовъ!» и колотитъ въ свою трешетку.

— Уберите огонь,—твѣрила Катлина,—голова горитъ... Воротись, мой миленькій Ганскэ.

И Нель, глядя на Катлину, просила Пресвятую Дѣву снять съ головы несчастной огонь безумія и плакала надъ ней.

XXXVIII.

Въ Беллемѣ, на берегахъ Брюжскаго канала, Уленшпигель и Ламъ повстрѣчали всадника съ тремя пѣтушиными перьями на фетровой шляпѣ, скачущаго во всю прыть въ направленіи Гента. Уленшпигель запѣлъ жаворонкомъ, всадникъ отвѣтилъ пѣтушинымъ рогомъ.

— Есть новости, — стремительный ѣздокъ? — освѣдомился Уленшпигель.

— Большія новости, — отвѣчалъ всадникъ. — Господинъ де Шатильонъ, находящійся во французской землѣ далъ знать, что адмиралъ, принцъ свободы, приказалъ готовить къ бою военные корабли, исключая тѣхъ, которые уже вооружены въ Эмденѣ и въ Восточной Фризландіи.

Храбрые господа, получившіе эти инструкціи, слѣдующіе: Адріанъ де Бергесъ Долгенскій, братъ его Людвику Эноскій; баронъ Монфоконъ, господинъ Людвику де Бредероде; Альбертъ д'Эгмонтъ, сынъ казеннаго и не предатель, какъ его братъ. Бергель Энтенсъ де Ментеда. Адріанъ Меннингъ, Элюбюзъ, запальчивый и надменный гентовецъ, и Жанъ Брокъ.

Принцъ отдалъ все свое состояніе, больше пятидесяти тысячъ флориновъ.

— У меня есть пятьсотъ для него, — промолвилъ Уленшпигель.

— Неси ихъ на море, — сказалъ всадникъ.

И онъ пустился галопомъ.

— Онъ отдаетъ все свое состояніе, а мы, простые смертные, мы отдаемъ только нашу кожу.

— А развѣ это пустяки?—отозвался Ламъ,—и все-таки мы только и слышимъ, что о потопленіи и погромахъ. Оранскій во прахѣ.

— Да,—согласился Уленшпигель,—во прахѣ, какъ и дубъ бываетъ на землѣ; но изъ дуба строятъ корабли свободы.

— Для его же выгоды. Но, теперь ужъ опасность миновала, поэтому купимъ себѣ снова осликовъ. Я люблю, сидя, двигаться и не люблю, когда въ моихъ пяткахъ гудитъ карильонъ.

— Купимъ,—одобрилъ Уленшпигель,—ихъ легко потомъ перепродать.

Они отправились на рынокъ, нашли тамъ и купили двухъ прекрасныхъ ословъ съ упряжкой.

XXXIX.

Верхами, вольготно раскинувъ ноги, ѣхали они и пріѣхали въ Остѣ-Кампъ. Здѣсь есть большой лѣсъ, опушкой своей доходящій до канала.

Ища въ этомъ лѣсу тѣни и пріятныхъ благовоній, вступили они въ него, ничего не видя передъ собой, кромѣ длинныхъ аллей, ведущихъ въ разныя направленія: въ Брюгге, Гентъ, Зюйдъ и сѣверный Вландернъ.

Вдругъ Уленшпигель спрыгнулъ съ своего осла.

— Ты ничего не видишь вдали?

Ламъ промолвилъ:

— Вижу, да,—и задрожалъ,—моя жена, моя добрая жена, это она, мой сыночекъ. Эхъ! Ноги не идутъ къ ней... Найти ее и въ такомъ видѣ!

— На что ты сѣтуешь!?—возразилъ Уленшпигель. Полуголая она красива, въ этой ажурной кисейной безрукавкѣ, которая обнажаетъ свѣжее тѣло. Но она слишкомъ молода, это—не твоя жена.

— Она это, мой сыночекъ, она,—настаивалъ Ламъ,—я узналъ ее. Неси меня: ноги мои подкашиваются. Кто бъ это могъ подумать про нее. Танцовать безстыдно въ костюмѣ египтянки! Да, это—она. Видишь ея маленькія ножки, ея голыя до плечъ руки, полныя груди, наполовину выступающія наружу изъ-подъ кисейной безрукавки. Видишь, какъ она, помахивая краснымъ флажкомъ, дразнить скачущую вокругъ нея большую собаку.

— Это—египетская собака,—высказалъ свое мнѣніе Уленшпигель. Въ Нидерландахъ такихъ совсѣмъ не водится.

— Египетская... не знаю. Но это—она. Ахъ! Я не вижу ее больше, мой сыночекъ! Она еще выше подбираетъ юбки, чтобы

больше обнажить свои полныя икры. Смѣется, желая показать бѣлые зубы, и залиvisto хохочетъ, чтобы слышали, какой у нея пріятный голосъ. Разстегиваетъ вверху свою безрукавку и откидывается назадъ. Ахъ! Эта шейка влюбленной лебедки, эти голыя плечи, эти ясныя и смѣлыя глаза! Я бѣгу къ ней.

И онъ соскочилъ съ своего осла.

Но Уленшпигель его остановилъ:

— Погоди, эта дѣвочка, вовсе не твоя жена. Мы—возлѣ табора египтянъ. Берегись! Видишь дымъ позади деревьевъ? Слышишь собачій лай? Стой, вотъ нѣсколько псовъ готовы, насъ укусить. Давай спрячемся въ кусты.

— Я не буду прятаться,—не соглашался Ламъ,—эта женщина—моя, она фламандка, какъ и мы съ тобой.

— Сумасшедшій слѣпой!—воскликнулъ Уленшпигель.

— Слѣпой!—нѣтъ, я прекрасно вижу, полу-голая танцуетъ, смѣется, дразнить большую собаку и дѣлаетъ видъ, что не замѣчаетъ насъ. Но, увѣряю тебя, она насъ видитъ. Тиль, Тиль! Собака бросается на нее, опрокидываетъ навзничь. И она падаетъ. Жалобный крикъ вырывается у нея.

И Ламъ опрометью бросился къ ней и заговорилъ:

— Жена моя! Жена моя! Гдѣ ты ушиблась, красавица? Что ты такъ громко хохочешь? Глаза твои не смотрятъ прямо.

И онъ обнималъ, ласкалъ ее и говорилъ:

— А гдѣ же твое пятнышко, твой талисманъ красавицы подлѣвымъ соскомъ? Я не вижу его больше. Ты не моя жена. Царю небесный!

И она не переставала смѣяться.

Вдругъ Уленшпигель крикнулъ:

— Берегись Ламъ!

И Ламъ, обернувшись, увидалъ передъ собой рослаго, смуглаго египтянина, съ худымъ лицомъ, темнымъ, какъ пряники въ землѣ французской.

Ламъ поднялъ свое охотничье копье, приготовился защищаться и крикнулъ:

— На выручку, Уленшпигель!

Уленшпигель былъ уже на мѣстѣ съ своимъ мечомъ.

Египтянинъ обратился къ нему на верхне-нѣмецкомъ нарѣчїи:

— Дай мнѣ денегъ, одинъ талеръ или талеровъ десять.

— Смотри,—промолвилъ Уленшпигель,—дѣвочка уходитъ, покатывается со смѣха, то-и-дѣло оборачивается, приглашаетъ итти за ней.

— Дай денегъ,—просилъ человѣкъ.—Заплати за любовь. Мы—бѣдные и не хотимъ тебѣ никакого зла.

Ламъ далъ ему кароль.

— Какимъ ремесломъ занимаешься?—спросилъ его Уленшпигель.

— Всякимъ,—отвѣчалъ египтянинъ.—Мы—знатоки всякихъ тонкостей по части разныхъ удивительныхъ, чудесныхъ фокусовъ. Мы и на тамбуринѣ умѣемъ играть, и пляшемъ венгерку. Много есть среди насъ, умѣющихъ дѣлать клѣтки и кухонныя рѣшетки для жарнаго. Но всѣ фламандцы и валлоны боятся и гонять насъ. Заработкомъ мы жить не можемъ, такъ существуемъ мародерствомъ, т.-е. добываемъ у крестьянъ овощи, птицу: они не хотятъ ни продавать ихъ, ни даромъ давать.

Ламъ освѣдомился у него:

— Кто такая эта дѣвушка? Она такъ похожа на мою жену. Она дочь нашего вожака,—сообщилъ смуглый человѣкъ.

Затѣмъ, какъ дѣлаютъ напуганные люди, онъ заговорилъ тихо:

— Богъ ее наказалъ несчастной любовью, и она забыла всякій стыдъ. Стоить ей увидѣть мужчину, тотчасъ же начинаетъ веселиться, безумствовать и хохотать, не переставая. Она мало говоритъ: ее долго считали нѣмой. По ночамъ часто не ложиться, сидитъ передъ огнемъ, порою то плачетъ, то смѣется безъ причины и показываетъ на свой животъ, который, она увѣряетъ, болитъ. Въ полуденный часъ лѣтомъ, послѣ ѣды, обыкновенно нападаетъ на нее крайнее сумасшествіе: отправляется танцовать въ окрестности табора. Она ничего не желаетъ носить, кромѣ тюля и кисеи, и зимою, съ большимъ трудомъ, удается набросить на нее шерстяную накидку.

— Но, —поинтересовался Ламъ, —неужели у нея не найдется друга, который бы помѣшалъ ей отдаваться первому встрѣчному

— У нея нѣтъ друга,—промолвилъ человѣкъ.—Путешественники подходятъ къ ней, но, посмотрѣвъ въ ея безумные глаза, чувствуютъ къ ней больше страха, чѣмъ любви: Вотъ этотъ толстый мужчина оказалсѣ смѣльчакомъ,—закончилъ египтянинъ, указывая на Лама.

— Не перебивай его. мой сыночекъ,—отозвался Уленшпигель. Это—треска, которая дурно отзывается о китѣ. А кто изъ нихъ двухъ дастъ больше жиру?

У тебя сегодня острый языкъ,—замѣтилъ Ламъ.

Но Уленшпигель, не слушая его, обратился къ египтянину:

— А что бы она дѣлала, когда бы и другіе были такими смѣльчаками, какъ мой другъ Ламъ.

Египтянинъ печально отвѣтилъ:

— Получила бы удовольствіе и пользу. Кто беретъ ее, тотъ

платить за свои утѣхи, а деньги идутъ ей на одежду и на нужды стариковъ и женщинъ.

Но она, вѣдь, никого не слушается? — промолвилъ вопро­сительно Ламъ.

Египтянинъ пояснилъ:

— Предоставимъ тѣмъ, кого Богъ наказываетъ, поступать по своей волѣ. Такъ поступаетъ Господь, таково и наше правило.

Уленшпигель и Ламъ удалились. И египтянинъ, важный и надменный, воротился въ свой таборъ. И дѣвушка раскатисто смѣясь, продолжала танцевать на лужайкѣ.

XL.

По дорогѣ въ Брюгге Уленшпигель молвилъ Ламу:

— Мы истратили пропасть денегъ: на наемъ солдатъ, на плату стражникамъ, на подачку египтянкѣ и на твои блинчики, кото­рые тебѣ больше нравилось безпрестанно ѣсть, чѣмъ продавать. Но, несмотря на твое желудочное хотѣніе, пора зажить честной жизнью. Вручи мнѣ твои деньги, у меня будетъ общая касса.

— Согласенъ,—одобрилъ Ламъ, передалъ ихъ товарищу и предостерегъ: но все-таки не заставляй меня помирать съ го­лоду. Мнѣ, крупному и сильному мужчинѣ, нужна существен­ная и обильная пища. Тебѣ, худому и тщедушному, можно жить изо-дня въ день, ѣсть или не ѣсть все, что попало, точно доскамъ, которыя живутъ воздухомъ и дождемъ на набережной. Но я отъ воздуха вывѣтриваюсь и отъ дождя хочу ѣсть, мнѣ нужно другое угощеніе.

— Ты его и получишь,—обнадежилъ Уленшпигель,—угоще­ніе, подобающее при добродѣтельномъ постѣ. Животы самые упитанные не могутъ устоять передъ этимъ угощеніемъ. Опадая понемногу, они возвращаютъ самому большому толстяку его легкость. И вотъ скоро мы увидимъ, какъ достаточно похудѣв­шій мой голубчикъ, Ламъ, бѣгаетъ, словно олень.

— Ахъ,—жаловался Ламъ,—какой судьбы ждать мнѣ бѣд­ному? Я ѣсть хочу, мой сыночекъ и хотѣлъ бы поужинать.

Пришелъ вечеръ. Они вѣхали въ Брюгге черезъ Гентскія ворота и предъявили свои паспорта. Заплативъ по полъ-соли за себя и двѣ за осликовъ они вступили въ городъ. Ламъ разду­мывалъ о словахъ Уленшпигеля и казался огорченнымъ.

— Скоро мы будемъ ужинать?—справлялся онъ?

— Да,—отвѣчалъ Уленшпигель.

Они спустились въ «Сирену»—такъ назывался весь золоче­ный флюгеръ, помѣщенный на вышкѣ трактира.

Поставили осликовъ въ конюшню, и Уленшпигель потребовалъ себѣ и Ламу на ужинъ хлѣба, пива и сыру.

Хозяинъ потѣшался надъ ними, подавая такую скудную ѣду. Ламъ накинудся на пищу, съ отчаяньемъ поглядывая на Уленшпигеля. Тотъ надъ слишкомъ черствымъ хлѣбомъ и очень молодымъ сыромъ работалъ челюстями, словно надъ овсянками. А Ламъ безъ удовольствія выпилъ свою скудную порцію пива. Уленшпигель смѣялся, при видѣ его такимъ огорченнымъ. И былъ еще на дворѣ трактира кто-то, прикладывавшій свою мордочку къ стекламъ и заглядывавшій въ зальце. Уленшпигель замѣтилъ, что это была женщина, скрывавшая свое лицо. Полагая, что это какая-нибудь проказница служанка, онъ не обратилъ на нее вниманія. Видя же, какъ Ламъ поблѣднѣлъ, опечалился и завялъ, находясь въ разладѣ съ своими желудочными симпатіями, онъ почувствовалъ состраданіе и хотѣлъ потребовать для своего товарища яичницу съ кровяной колбасой, блюдо жареной говядины съ бобами или какое-либо другое горячее блюдо. Но тутъ вдругъ вошелъ хозяинъ и, снявъ шляпу, промолвилъ:

— Если господамъ путешественникамъ угодно получить лучший ужинъ, то да благоволятъ они сказать, что имъ угодно.

Ламъ сдѣлалъ большіе глаза и еще больше разинулъ ротъ, и взглянулъ на Уленшпигеля съ тоскливымъ безпокойствомъ.

Тотъ отвѣтилъ:

— Странствующие рабочіе—люди небогатые.

— Бываетъ иногда,—возразилъ хозяинъ,—что они не знаютъ всего, чѣмъ обладаютъ.—И, указывая на Лама, продолжалъ:— Эта добрая рожа стоитъ двухъ другихъ. Что угодно вамъ, ваше благородіе, закусить и выпить? Яичницу съ ветчинкой, блиновъ, пекли сегодня, каплуна,—тающего во рту, хорошо прожареннаго въ духовой печкѣ, жаркого подъ соусомъ съ четырьмя приправами, анверскаго и брюжскаго «забористаго», лувенскаго вина, не уступающаго бургундскому? И, пожалуйста, бесплатно.

— Всего несите,—распорядился Ламъ.

Столъ быстро былъ накрытъ, и Уленшпигель испыталъ удовольствіе наблюдать слѣдующую картину: проголодавшійся, какъ никогда, Ламъ набрасывался на яичницу, на блины, каплуна, ветчину, жаркое и вливалъ въ себя литрами «забористое» и лувенское вино, не уступающее бургундскому.

Когда ужъ больше не могъ ѣсть, онъ сталъ отдуваться, точно китъ, и посматривать вокругъ, нѣтъ ли на столѣ еще чего-нибудь, что можно было бы взять на зубокъ. И онъ хрустѣлъ остатками леденцовъ.

Ни Уленшпигель, ни онъ не видали хорошенькой мордочки, смѣявшейся передъ стеклянной дверью и прогуливавшейся взадъ и впередъ по двору. Хозяинъ принесъ жженки изъ засахаренной мадеры съ корицей, они продолжали пить и пѣли.

Въ часъ обхода ночного сторожа онъ спросилъ у нихъ, не угодно ли имъ подняться каждому въ отдѣльную, большую и прекрасную комнату. Уленшпигель отвѣтилъ, что для нихъ и одной маленькой на двоихъ достаточно.

Хозяинъ прибавилъ:

— Маленькихъ у меня нѣтъ. Вы получите каждый по господской комнатѣ бесплатно.

И въ самомъ дѣлѣ онъ ихъ провелъ въ двѣ богато обставленные комнаты, съ хорошей мебелью и коврами. Въ комнатѣ Лама была двуспальная кровать.

Выпившій изрядно Уленшпигель валился съ ногъ отъ желанія спать, предоставилъ товарищу итти высыпаться, и самъ, по своему обыкновенію, немедленно заснулъ.

На слѣдующій день въ полдень онъ вошелъ въ комнату Лама, который еще спалъ и храпѣлъ. Рядомъ на постели лежала хорошенькая сумочка, полная монетъ. Въ ней оказались золотые каролы и серебряные патары.

Желая разбудить, онъ потрясъ Лама. Тотъ проснулся, началъ протирать глаза и, озираясь вокругъ, безпокойно допытывался:

— Моя жена! Гдѣ моя жена!

И, указывая на пустое мѣсто возлѣ себя, говорилъ:

— Она только что была здѣсь.

Затѣмъ, вскочивъ съ постели, онъ снова озирался во всѣ стороны, обшарилъ всѣ углы и закоулки въ комнатѣ, альковѣ и шкафы и, стуча ногою, твердилъ:

— Моя жена, гдѣ моя жена?

Вошелъ на шумъ хозяинъ.

— Бездѣльники!—промолвилъ Ламъ, хватая его за горло,— гдѣ моя жена? Что ты сдѣлалъ съ моей женой?

— Съ твоей женой?—удивился хозяинъ.—Ишь ты какой нетерпѣливый пѣшеходъ! Съ какой женой? Ты явился сюда одинъ, безъ жены. Я ничего не знаю.

— Ага! Онъ не знаетъ! Онъ не знаетъ,—иронизировалъ Ламъ,— снова обыскивая всѣ углы и закоулки въ комнатѣ.—Эхъ, сегодняшней ночью она была здѣсь, въ моей постели, какъ въ лучшую пору нашей любви съ нею. Да. Гдѣ ты моя голубка?

И, бросая деньги на полъ, воскликнулъ:

— Не деньги мнѣ твои нужны, а ты сама, твое милое тѣло,

твое доброе сердце, моя возлюбленная! Не вернетесь вы, небесная радости. Я ужъ привыкъ не видѣть тебя больше, жить безъ любви, мое любое сокровище. И вотъ ты, снова меня въявь, опять покидаешь... Но лучше смерти!.. Ахъ! Моя жена, гдѣ моя жена?

И бросившись на полъ, онъ плакалъ горькими слезами. Потомъ вдругъ, открывъ дверь, черезъ всю гостиницу въ одной рубахѣ онъ бросился бѣжать на улицу и кричалъ:

— Моя жена? Гдѣ моя жена?

Но скоро вернулся, потому что злые мальчишки освистали его и бросали камнями.

И Уленшпигель ему говорилъ, заставляя его одѣться:

— Не отчаивайся. Ты ее опять увидишь, потому что ты ее уже видѣлъ. Она тебя еще любить: пришла же она къ тебѣ. Вѣдь это она, несомнѣнно, заплатила за нашъ ужинъ и за барскіе покои и положила на постель эту полную сумочку. Прахъ подсказываетъ мнѣ, что это поступокъ не невѣрной жены. Не плачь и двигаемся на защиту земли праотцевъ.

— Останемся еще въ Брюгге,—просилъ Ламъ.—Я обѣгаю весь городъ и я ее снова найду.

— Ты ее не найдешь: она отъ тебя скрывается.

Ламъ просилъ разъясненій у хозяина, но тотъ не хотѣлъ ему ничего сказать. И они отправились въ Дамъ.

Въ пути Уленшпигель сказалъ Ламу:

— Почему ты мнѣ не расскажешь, какъ ты ее нашелъ сегодняшней ночью и какъ она тебя оставила?

— Сыночекъ мой,—отвѣчалъ Ламъ,—ты знаешь, что мы угощались мясомъ, пивомъ и виномъ, и что я съ большимъ трудомъ дышалъ, отправляясь спать. Я держалъ, словно баринъ, чтобы свѣтить себѣ, восковую свѣчку и, войдя въ комнату, поставилъ подсвѣчникъ на скрыню, готовясь лечь спать. Дверь осталась полуоткрытой, скрыня находилась возлѣ самой двери. Раздѣваясь я глядѣлъ на свою постель съ большой любовью и большимъ желаньемъ сна. Восковая свѣча неожиданно погасла. Словно дыханье и шумъ легкихъ шаговъ слышались въ моей комнатѣ. Но желанье спать было сильнѣй страха, и я тяжело легъ въ постель. Когда я ужъ началъ засыпать, голосъ, ея голосъ,—о моя жена, моя бѣдная жена!—спросилъ меня: «Хорошо ль ты поужиналъ Ламъ?» И ея голосъ былъ возлѣ меня, и ея лицо также, и ея сладкое тѣло.

XLI.

Въ этотъ день король Филиппъ, переѣвъ пирожныхъ, былъ меланхоличнѣе обыкновеннаго. Онъ игралъ на своихъ клавес-

синахъ, представлявшихъ собою ящикъ съ котами, головы которыхъ проходили въ круглыя дыры надъ клавишами. Каждый разъ, когда король ударялъ по клавишѣ, клавиша въ свою очередь ударяла кота копьецомъ, и животное мяукало и жаловалось на боль.

Но Филиппъ не смѣялся.

Неустанно онъ ворочалъ въ головѣ мысль, какъ бы побѣдить великую королеву Елизавету и возвести на англійскій тронъ Марію Стюартъ. Съ этой цѣлью онъ написалъ Папѣ, нуждавшемуся въ деньгахъ и бывшему въ долгахъ. Папа отвѣтилъ, что для этого предпріятія онъ не пожалѣетъ священныхъ храмовыхъ сосудовъ и сокровищъ Ватикана.

Но Филиппъ не смѣялся.

Ридольфи, любовникъ королевы Маріи, надѣявшійся послѣ ея освобожденія жениться на ней и сдѣлаться англійскимъ королемъ, явился къ Филиппу для заговора насчетъ убійства Елизаветы. Но онъ былъ такимъ болтуномъ, по описанію его королемъ Филиппомъ, что о его намѣреніи говорили громко на биржѣ въ Антверпенѣ. И убійство не удалось.

И Филиппъ не смѣялся.

Позднѣе, по приказу короля, кровавый герцогъ отправилъ въ Англію двѣ четы убійцы. Но имъ удалось только то, что ихъ повѣсили.

И Филиппъ не смѣялся.

И такимъ образомъ Богъ уязвлялъ самолюбіе этого вампира, который рассчитывалъ, похитивъ сына Маріи Стюартъ, царить вмѣсто него съ Папой надъ Англіей. И убійца раздражался, видя эту благородную страну великой и сильной. Онъ не переставалъ обращать къ ней своихъ блѣдныхъ взоровъ, ищущихъ средства, какъ бы раздавить ее, а затѣмъ господствовать надъ міромъ, истребить реформатовъ, именно людей богатыхъ среди нихъ, и унаслѣдовать имущество жертвъ.

Но онъ не смѣялся.

И ему приносили простыхъ и полевыхъ мышей въ желѣзномъ ящикѣ. И онъ ставилъ дномъ на огонь ящикъ и получалъ удовольствіе отъ зрѣлища скачущихъ, кричащихъ, стонущихъ и умирающихъ маленькихъ звѣрьковъ.

Но онъ не смѣялся.

Затѣмъ блѣдный и съ трясущимися руками отправлялся въ объятія къ мадамъ д'Эболи изливать огонь своей похоти, воспламененный факеломъ жестокости.

И онъ не смѣялся.

И мадамъ д'Эболи принимала его изъ страха, а не по любви.

XLII.

Воздухъ былъ тепелъ: отъ спокойнаго моря не исходило ни малѣйшаго дыханія вѣтерка. Чуть трепетали листья на деревьяхъ надъ каналомъ въ Дамѣ, кузнечики населяли луга, а на поляхъ монастырскіе и церковные крестьяне собирали тринадцатую урожая въ пользу священниковъ и аббатовъ. Съ голубыхъ жаркихъ и глубокихъ небесъ солнце проливало тепло и Природа подъ его лучами спала, словно прекрасная голая дѣвушка, замершая въ объятіяхъ своего возлюбленнаго. Карпы, выпрыгивая на поверхность воды въ каналѣ, ловили мушекъ, жужжавшихъ и гудѣвшихъ, словно котелъ съ кипяткомъ. А длиннотѣлая и длиннокрылая ласточки оспаривали у нихъ добычу. Съ земли поднимался горячій паръ, волнистый и сверкающій на свѣту. Церковный сторожъ въ Дамѣ возвѣщалъ съ высоты башни треснувшимъ колоколомъ, звонившимъ, точно котелъ, что наступилъ полдень, обѣденное время для крестьянъ, бывшихъ на сѣнокосѣ. Женщины, воронкой приложивши ко рту руки, звали своихъ дружковъ, братьевъ или мужей по именамъ: Гансъ, Питеръ, Жось. И надъ толпой, выдѣляясь, виднѣлись ихъ красныя шляпки.

Вдали, передъ взорами Лама и Уленшпигеля, высилась высокая четырехугольная и массивная башня Пресвятой Богородицы, и Ламъ промолвилъ:

— Тамъ, мой сыночекъ, твоя скорбь и любовь.

Но Уленшпигель ничего не отвѣчалъ.

— Скоро,—продолжалъ Ламъ,—увиджу я мой старый домъ и, можетъ быть, мою жену.

Но Уленшпигель ничего не отвѣчалъ.

— Деревянный ты человѣкъ,—замѣтилъ Ламъ,—каменное сердце, ничто не дѣйствуетъ на тебя: ни близость мѣстъ, гдѣ ты провелъ свое дѣтство, ни дорогія тѣни двухъ мучениковъ: бѣднаго Класа и бѣдной Сеткинъ. Что жъ это такое?! Ты ни грустенъ, ни радостенъ, кто такъ изсушилъ тебѣ сердце? Погляди на меня! Мнѣ и жутко, и безпокойно, и въ то же время я готовъ прыгать отъ радости.

Ламъ взглянулъ на Уленшпигеля и увидалъ, что тотъ поблѣднѣлъ и поникъ, и плакалъ, не произнося ни слова.

И онъ замолчалъ.

Такъ безмолвно шли они до самаго Дама и вошли туда улицей Эронъ. По случаю жары не встрѣтили ни души. Собаки, высунувъ языки, лежали на боку, зѣвали у пороговъ домовъ. Ламъ и Уленшпигель прошли возлѣ самой Ратуши, передъ ко-

торой былъ сожженъ Класъ. Губы Уленшпигеля задрожали еще сильнѣе, и слезы у него высохли. Очутившись предъ домикомъ Класа, занятымъ какимъ-то почтеннымъ угольщикомъ, онъ, входя внутрь, сказалъ новому хозяину:

— Узнаешь ты меня? Мнѣ хочется здѣсь немного отдохнуть.

Хозяинъ угольщикъ промолвилъ:

— Какъ же?! Узнаю. Ты—сынъ страдальца. Входи ко мнѣ; куда хочешь, входи въ этотъ домъ.

Уленшпигель вошелъ въ кухню, потомъ поднялся наверхъ, въ комнату Класа и Сеткинъ, и тамъ поплакалъ.

Когда онъ спустился внизъ, хозяинъ-угольщикъ предложилъ ему:

— Вотъ хлѣбъ, сыръ и пиво. Если голоденъ, ѣшь; если хочешь пить, пей.

Уленшпигель махнулъ рукою въ знакъ того, что не испытываетъ ни голода, ни жажды.

И отправился дальше съ Ламомъ, который сидѣлъ верхомъ на осликѣ, раскинувъ въ разныя стороны ноги. Уленшпигель шелъ и велъ своего ослика на поводу.

Они остановились у обиталища Катлины, привязали своихъ осликовъ и вошли въ хибарку. Былъ обѣденный часъ. На столѣ стояли вареные зеленые бобы въ стручкахъ, перемѣшанные съ лущеными зрѣлыми бобами. Катлина ѣла. Нель стояла и хотѣла подлить въ миску Катлины кислаго соуса, который она только что сняла съ огня.

Она такъ поразилась появленіемъ Уленшпигеля, что съ соусникомъ поставила весь соусъ въ миску Катлины. Та, тряся головою, шарила ложкой вокругъ соусника, била себя въ лобъ и говорила, какъ безумная:

— Уберите огонь! Голову жжетъ!

Запахъ уксуса вызвалъ у Лама желаніе ѣсть.

Уленшпигель продолжалъ стоять, глядѣлъ на Нель и, сквозь свою великую печаль, любовно улыбался ей.

И Нель, ни слова не говоря, обвила его шею своими руками. Казалось, она тоже обезумѣла: плакала, смѣялась и, покраснѣвъ отъ огромной радости, только и говорила: «Тиль! Тиль!» Счастливый Уленшпигель смотрѣлъ на нее. Затѣмъ она отошла отъ него, сѣла немного подальше, ликуя, смотрѣла на него; потомъ, срываясь съ мѣста, снова устремлялась къ нему, обвивала его шею руками; и такъ поступала она много разъ. И Уленшпигель, счастливый, поддерживалъ ее, не зная, какъ разстаться съ нею, до той поры, пока она, обезсилѣвъ, не упала на стулъ и словно лишилась разсудка. И она повторяла, не конфузясь:

— Тиль! Тиль! Мой любимый. Вотъ ты и вернулся.

Ламъ стоялъ у дверей. Успокоившись, Нель, указывая на него, промолвила:

— Гдѣ я видѣла этого толстаго человѣка?

— Это—мой другъ,—отозвался Уленшпигель.—Онъ въ компаніи со мною ищетъ своей жены.

— Теперь я узнаю тебя,—обратилась Нель къ Ламу.—Ты жилъ въ улицѣ Эронъ. Ты ищешь свою жену, я видѣла ее въ Брюгге; она ведетъ жизнь очень набожную и благочестивую. Я спросила ее, почему такъ жестоко бросила своего мужа, отвѣчала мнѣ на это: «Такова святая воля Господня и повелѣніе епитеміи, но дольше я не выживу безъ него».

Ламъ сдѣлался грустнымъ при этомъ заявленіи и глядѣлъ на бобы въ уксусѣ. И жаворонки, распѣвая, взлетали въ небо, и замершая природа предоставляла себя ласкамъ солнца. и Катлина тыкала ложкой мимо горшка съ бѣлыми и зелеными бобами и соусникомъ.

XLIII.

О ту пору пошла на дюны изъ Гейста въ Кнокъ пятнадцатилѣтняя дѣвочка, пошла одна. Ни у кого не было страха за нее: всѣ знали, что оборотни и проклятыя грѣшныя души кусаются только по ночамъ. Она несла въ мѣшочкѣ сорокъ восемь солей, равныхъ по цѣнѣ четыремъ флоринамъ, кароламъ, которые ея мать Торія Питерсонъ, обитательница Гейста, должна была передать, послѣ какой-то продажи, ея дядѣ Жану Рапену, проживавшему въ Кнокѣ. Дѣвочка же, по имени Беткинъ, надѣла свое лучшее платье и весело отправилась въ путь.

Вечеромъ ея мать обезпокоилась, видя, что дочь не возвращается. Но, полагая, что она заночевала у дяди, успокоилась.

На слѣдующій день воротилась съ моря рыбацкая барка, нагруженная рыбой. Рыбаки вытащили судно на берегъ и стали разгружать, накладывая рыбу на повозки, предназначая ее на продажу съ торговъ въ Гейстѣ. Они поднимались въ гору по дорогѣ, усыянной раковинами и наткнулись на дюнѣ на ограбленную, совсѣмъ голую дѣвочку; на ней не было даже рубашки и кровь виднѣлась вокругъ. Присмотрѣвшись ближе, рыбаки увидали на сломанной шеѣ слѣды длинныхъ и острыхъ зубовъ. Дѣвочка лежала на спинѣ, глаза у ней были открыты и смотрѣли въ небо, ротъ также былъ открытъ и точно призывалъ смерть.

Покрывъ сверху тѣло дѣвочки, они принесли его въ Гейстъ въ Общинный домъ. Тамъ быстро собрались городскіе совѣтники и цырюльникъ-костоправъ, заявившій, что эти длинные зубы нельзя признать настоящими волчими, но скорѣе это зубы какого-то адскаго злого оборотня, ¹⁾ и поэтому нужно молиться Богу объ избавленіи отъ бѣды земли фландрской.

И во всемъ графствѣ, и особенно въ Дамѣ, Гейстѣ и Кнокѣ было приказано усердно молиться.

И народъ стоналъ и отстаивалъ въ церквахъ богослуженія.

Въ церкви въ Гейстѣ стояло тѣло дѣвочки и мужчины, и женщины при видѣ ея окровавленной и растерзанной шеи плакали. И мать въ самой церкви громко сказала:

— Пойду на волка-оборотня и заѣмъ его собственными зубами.

И женщины своимъ плачемъ побуждали ее на этотъ поступокъ. И нѣкоторые изъ нихъ твердили:

— Ты не воротишься больше.

И она ушла съ своимъ мужемъ и двумя братьями, хорошо вооруженными, на поиски за волкомъ всюду: на морскомъ берегу, на дюнахъ и въ долинахъ, но нигдѣ не нашла его. И мужъ ея долженъ былъ привести жену обратно, такъ какъ, по случаю ночныхъ холодовъ, она простудилась. И они сидѣли возлѣ постели больной и смолили невода, готовя ихъ къ предстоявшей ловлѣ.

Окружный судья въ Дамѣ полагалъ, что волкъ-оборотень животное, питающееся кровью, и поэтому оно не ограбляетъ мертвыхъ, и при этомъ высказывалъ увѣренность, что волку, безъ сомнѣнія, сопутствуютъ разбойники, шатающіеся по дюнамъ въ погонѣ за добычей. И вотъ онъ колокольнымъ звономъ объявилъ приказъ всѣмъ и каждому съ оружіемъ въ рукахъ и палками обойти всѣхъ нищихъ и завѣдомыхъ бездѣльниковъ, арестовывать ихъ, производить обыски съ цѣлью убѣдиться, не хранилось ли въ кошельхъ у нихъ золотыхъ кароловъ или же одежды жертвъ. И послѣ обыска отправлять здоровыхъ и крѣпкихъ изъ нихъ въ каторгу, а старыхъ и слабыхъ оставлять въ покоѣ.

Но не нашли ничего...

Уленшпигель явился къ судѣ и сказалъ:

— Я хочу убить волка-оборотня.

— Откуда у тебя такая самонадѣянность?—спросилъ судья.

— Прахъ бьется на моей груди,—отвѣчалъ Уленшпигель.— Дайте мнѣ разрѣшеніе работать въ городской общественной кузницѣ.

¹⁾ По-фламандски weeg-wolf.

— Можешь работать,—разрѣшилъ судья.

Уленшпигель, ни словомъ не обмолвившись о своемъ проектѣ ни съ мужчиной, ни съ женщиной въ Дамѣ, отправился въ кузницу и втайнѣ выковалъ прекрасный и большой снарядъ для ловли пушныхъ звѣрей.

На слѣдующее утро въ субботу, излюбленный волкомъ день, Уленшпигель понесъ письмо отъ судьи къ священнику въ Гейстѣ и подъ полою своего плаща снарядъ, кромѣ того запаса хорошихъ стальнымъ лукомъ и прекрасно отточеннымъ ножомъ. Обитателямъ же Дама заявилъ:

— Пойду стрѣлять чаекъ и ихъ пухомъ набью подушки для супруги судьи.

Направляясь въ Гейстѣ, онъ вышелъ на морской берегъ, услыхалъ волнующееся море, вздымающееся и разбивающееся огромныя волны, грохочущее, точно громъ; слушалъ вѣтеръ, дувшій изъ Англіи и завывавшій въ снастяхъ барокъ, подвергавшихся крушенью. Какой-то рыбакъ сказалъ ему:

— Этотъ вѣтеръ—чистое разоренье для насъ. Сегодняшней ночью море было спокойно, но на восходѣ солнца оно вдругъ разыгралось. Мы не могли отправиться на ловлю.

Уленшпигель этому очень обрадовался, надѣясь, что ночью, въ случаѣ надобности, у него найдется помощникъ.

Въ Гейстѣ онъ направился къ священнику и передалъ тому письмо отъ судьи. Священникъ сказалъ ему:

— Смѣлъ ты, но знай, что никто еще благополучно не прошелъ одинъ вечеромъ въ субботу по дюнамъ. Всѣ подверглись укусу и были найдены на пескѣ мертвыми.

Рабочіе, землекопы и другіе люди ходятъ обыкновенно толпою. Вечерѣтъ. Слышишь волкъ-оборотень воетъ въ ложбинѣ. Интересно, придетъ ли онъ сегодняшней ночью, какъ прошлой, выть до разсвѣта на кладбищѣ? Господь да будетъ съ тобою, чадо мое, но не ходи туда лучше

И священникъ перекрестился.

— Прахъ бьется на сердцѣ у меня,—отвѣчалъ Уленшпигель.

Священникъ промолвилъ:

— Вижу я, твердая у тебя воля, и хочется мнѣ помочь тебѣ.

— Батюшка,—просилъ Уленшпигель,—вы окажете большое благодѣяніе мнѣ и бѣдной нашей отчаявшейся странѣ, если сходите къ Торіи, матери погибшей дѣвочки, а также къ двумъ ея братьямъ и скажете имъ, что волкъ близокъ и что я хочу подкараулить и убить его.

— Если ты еще не выбралъ дороги, на которой думаешь стать, то становись на ведущей на кладбище. Она пролегаетъ

между двумя рядами дрока. На ней два человека не могут разминуться.

— Хорошо. Я тамъ стану,—промолвилъ Уленшпигель.— И вы, славный батюшка, мой сподвижникъ въ дѣлѣ освобожденія, строго прикажите дѣвочкиной матери, ея мужу и братьямъ находиться въ церкви съ оружіемъ въ рукахъ передъ первымъ обходомъ ночного сторожа. Если они услышатъ мой свистъ чайкой, то это будетъ означать, что я видѣлъ волка. Тогда имъ нужно, ударивъ въ колоколъ, поднять тревогу и спѣшить мнѣ на выручку. А найдутся ль здѣсь еще храбрые люди?..

— Нѣтъ, чадо мое, больше нѣтъ,—отвѣчалъ священникъ.— Рыбаки сильнѣе чумы и смерти боятся волка-оборотня. Но не ходи лучше.

Уленшпигель промолвилъ:

— Прахъ бѣется на сердцѣ у меня.

Тогда священникъ произнесъ:

— Я исполню твое желанье. Не хочешь ли поѣсть или выпить?

— Хочу и того, и другого,—промолвилъ Уленшпигель.

Священникъ подалъ ему пива, хлѣба и сыру.

Уленшпигель выпилъ, поѣлъ и ушелъ.

Идучи, онъ поднималъ глаза и увидѣлъ отца своего Класа во славѣ, одесную Господа, на небесахъ. Сіяла луна. Онъ переводилъ взоръ съ моря на облака и прислушивался къ буйному вѣтру, налетававшему изъ Англіи.

— Ахъ,—говорилъ онъ мысленно,—черныя, быстро несущіяся облака, будьте вы мстителями одеждѣ убійцы. Ты, море, рокочешь, и ты, небо, превращаешь морскую гладь въ черную адскую пасть, и вы пѣнистыя, огнистыя волны, бѣжите по темнымъ водамъ, гнѣвно, нетерпѣливо стряхиваете съ себя безчисленныхъ огненныхъ чудовищъ: быковъ, барановъ, лошадей, змѣй, которыя катятъ васъ вдаль или вздымаютъ на воздухъ, изрыгая пылающій дождь. Идите же со мною, черное-черное море, траурное черное небо, на битву съ волкомъ-оборотнемъ, злымъ убійцей молоденькихъ дѣвушекъ! И ты, вѣтеръ, жалобно завывающій въ кустахъ терновника на дюнахъ и въ снастяхъ кораблей, ты—голосъ жертвъ, вопіющихъ объ отмщеніи къ Богу, Помощнику въ моемъ дѣлѣ!

И онъ спустился въ долину, пошатываясь на своихъ природныхъ столбахъ, словно бы у него въ головѣ была пьяная муха и въ придачу еще сильное расстройство желудка.

И онъ пѣлъ, икалъ, выписывалъ ногами узоры, зѣвалъ, плевалъ и, останавливаясь, притворялся, что съ нимъ дѣлается рвота, но, въ дѣйствительности, напрягалъ зрѣніе, озирая все

вокругъ. Вдругъ слышался пронзительный вой, тутъ онъ снова остановился и дѣлалъ видъ, что страдаетъ отъ страшной рвоты. Въ лунномъ сіяніи отчетливо обрисовался длинный волчій силуэтъ, направлявшійся на кладбище.

Уленшпигель вновь сталъ покачиваться, разыгрывая изъ себя пьянаго, и вступилъ на тропинку, пролежавшую между кустами дрока. Тамъ, притворно падая, онъ поставилъ снарядъ навстрѣчу идущему волку, вооружился стальнымъ лукомъ и, отойдя шаговъ на десять, сталъ въ позу пьяницы, который еле держится на ногахъ, икаетъ, испытываетъ тошноту. Но на самомъ дѣлѣ напрягалъ всѣ силы своего духа, и глаза и уши его были чутко открыты.

И онъ ничего не видалъ кромѣ черныхъ облаковъ, какъ безумныя, пронесившихся по небу, и широкаго, крупнаго и короткаго чернаго силуэта, наступавшаго на него. И онъ ничего не слышалъ кромѣ жалобно завывавшаго вѣтра, громоваго рокота моря и поскрипыванья ракушекъ подъ тяжелымъ и подпрыгивающимъ шагомъ.

Продолжая притворяться пьянымъ, онъ тяжело рухнулъ на землю и сталъ плевать.

Затѣмъ услышалъ совсѣмъ близко трескъ, похожій на захлопнувшуюся желѣзную дверцу, потомъ шумъ снаряда и человѣческій крикъ.

— Волкъ-оборотень,—промолвилъ онъ,—попался въ западню передними ногами. Онъ воетъ, силится высвободиться, трясетъ снарядъ, хочетъ убѣжать, но не убѣжитъ.

И пустилъ обратную стрѣлу въ ноги.

— Вотъ упалъ убійца раненый,—промолвилъ онъ самъ себѣ.

И засвисталъ чайкой.

Вдругъ церковный колоколъ ударилъ въ набатъ. Какой-то мальчикъ кричалъ на деревнѣ:

— Вставайте, вставайте, люди добрые, волка-оборотня изловили!

— Торжество изъ торжествъ!—восклицалъ Уленшпигель.

Торія, мать Беткинъ, Ланзамъ, ея мужъ, Жось и Мишель, ея братья, прибѣжали съ фонарями.

— Поймался!—приговаривали они.

— Вонъ онъ на дорогѣ,—отвѣчалъ Уленшпигель.

— Торжество изъ торжествъ!—восклицали они, крестясь.

— Кто тамъ звонитъ?—спросилъ Уленшпигель.

Ланзамъ отвѣчалъ:

— Мой старшій сынъ, а младшій бѣгаетъ по деревнѣ, отъ

избы къ избѣ, стучить въ двери и кричить, что волкъ поймался. Слава тебѣ!

— Прахъ бьется на сердцѣ у меня,—промолвилъ Уленшпигель.

Тутъ неожиданно заговорилъ волкъ-оборотень:

— Смилуйся надо мною, смилуйся, Уленшпигель.

— Волкъ заговорилъ,—промолвили прибѣжавшіе люди, и всѣ начали креститься. Онъ—дьяволъ, знаетъ уже имя Уленшпигеля.

— Смилуйся, смилуйся,—раздавался голосъ,—прикажи колоколу замолчать. Это—похоронный звонъ, смилуйся, я не волкъ. Мои кисти рукъ пробиты капканомъ. Я—старъ и кровью истекаю. Смилуйся! Какъ пронзительно кричитъ этотъ ребенокъ, что будить деревню.

— Я когда-то давно слышалъ твой голосъ,—внушительно сказалъ Уленшпигель. Ты—рыбникъ, убійца Класа, вампиръ, пожирающій несчастныхъ дѣвушекъ. Не бойтесь, люди добрые. Это—староста, который уморилъ Сеткинъ.

И, держа его одной рукой за подбородокъ, другой вытащилъ ножъ.

Но Торія, мать Беткинъ, остановила его занесенную руку:

— Возьмите его живьемъ!—крикнула она.

И вырвала у рыбака горсть сѣдыхъ волосъ, расцарапала ему лицо.

И она выла при этомъ отъ печали и ярости.

Руки волка-оборотня попались въ капканъ, и онъ отъ сильной боли подпрыгивалъ на дорогѣ.

— Смилуйтесь!—молилъ,—смилуйтесь! Убереите эту женщину. Я дамъ два карола. Разбейте колокола. Гдѣ дѣти, которыя кричать?!

— Берите его живымъ!—кричала Торія,—берите живымъ, пускай платится! Похоронные колокола, похоронные колокола для тебя звонятъ, убійца! Малаго огня, раскаленныхъ клещей отвѣдаешь ты! Берите его живымъ! Пусть поплатится!

Между тѣмъ Торія подобрала съ земли вафельницу съ длинной ручкой. Разглядывая ее при свѣтѣ факеловъ, замѣтила въ двухъ желѣзныхъ пластинкахъ, вырѣзанныхъ по брабантскому обыкновению въ видѣ ромбовъ, углубленіе, похожее на желѣзную пасть съ длинными, острыми зубами. И когда она открыла эту пасть, то было похоже на ротъ борзой собаки.

Тогда Торія съ вафельницей въ рукахъ, то открывая ее, то закрывая, заставляя лязгать желѣзо, казалось, обезумѣла: скрежетала зубами отъ ярости, хрипѣла, словно умирающая, стонала отъ остраго чувства скорби и жажды отмщенія и, нако-

нець, начала ущемлять плѣнника въ руки, въ ноги, повсюду, стараясь попасть въ шею, и каждый разъ при этомъ повторяла:

— Такъ онъ впивался, Беткинъ, желѣзными зубами? Теперь платится за это, кровью обливается. У Бога есть правда... Похоронные колокола... Беткинъ взываетъ ко мнѣ о воздаяніи... А что! чувствуешь зубы—это Божья пасты!

И она ущемляла его и ранила безпрестанно, безпощадно и, когда не въ силахъ была ущемлять, то била вафельницей. И, благодаря своему чрезвычайному мстительному нетерпѣнію, она не убила его совсѣмъ.

— Пощадите,—кричалъ плѣнникъ. — Уленшпигель, ударь меня ножомъ, дай скорѣй помереть! Убери отсюда эту женщину! Разбей похоронные колокола, убей дѣтей, которыя кричатъ!

А Торія продолжала его ущемлять, пока какой-то старикъ, сжавшись надъ оборотнемъ, не вырвалъ у нея изъ рукъ вафельницы.

Но тогда Торія принялась плевать въ лицо волку, вырывать у него волосы и приговаривать:

— Попробуешь малаго огня и раскаленныхъ клещей; отвѣдаютъ твои очи ногтей моихъ!

Тѣмъ временемъ на шумъ собрались всѣ рыбаки, крестьяне и крестьянки изъ Гейста. Они прослышали уже, что волкъ-оборотень не дьяволъ, а простой человѣкъ. Нѣкоторые изъ нихъ несли фонари и пылающіе факелы. И всѣ кричали:

— Убійца, воръ, гдѣ ты прячешь краденое у несчастныхъ жертвъ золото? Пускай все отдастъ!

— Нѣтъ у меня золота, сжажьтесь,—вопилъ рыбакъ.

И женщины бросали въ него камнями и пескомъ.

— Такъ ему и надо! Такъ ему и надо!—кричала Торія.

— Пощадите,—стоналъ онъ,—я весь мокръ отъ крови. Пощадите!

— Твоя кровь,—не умолкала Торія,—останется тебѣ на расплату. перевяжите ему раны! Онъ поплатится на маломъ огнѣ, оторвутъ ему руку раскаленными клещами! Такъ ему и надо! Такъ ему и надо!

И она хотѣла его ударить, но, словно мертвая, безъ чувствъ упала на песокъ. И ея не трогали, пока не пришла въ себя.

Въ это время Уленшпигель, высвободивъ руки узника, увидалъ, что на правой рукѣ у него недоставало трехъ пальцевъ.

Онъ приказалъ потуже связать его и положить въ рыбацкую корзину. И вотъ мужчины, женщины и дѣти, по очереди неся корзину, тронулись по направленію къ Даму. И они несли фонари и факелы.

И рыбникъ безпрестанно приговаривалъ:

— Разбейте колокола, убейте дѣтей, которыя кричать.

И Торія говорила:

— Пусть поплатится на маломъ огнѣ, пусть отвѣдаетъ раскаленныхъ клещей.

Потомъ всѣ замолчали. У Уленшпигель не слыхалъ больше ничего кромѣ прерывистаго дыханія Торіи, грузныхъ шаговъ мужчинъ по песку и громового рокота моря.

И съ печалью въ сердцѣ глядѣлъ онъ на облака, словно пронесившіяся по небу, на море, на которомъ виднѣлись огненные бараны, и, при свѣтѣ факеловъ, на блѣдное лицо ребенка, смотрѣвшаго на него лютыми глазами.

И прахъ бился на его сердцѣ.

И они шли такъ часа четыре до Дама; тамъ уже народъ, провѣдавъ о случившемся, собрался толпой. Всѣ хотѣли видѣть рыбака, съ крикомъ сопровождали группу рыбаковъ, пѣли, танцовали и приговаривали:

— Волкъ-оборотень поймался! Многія лѣта нашему брату Уленшпигелю.

И было похоже на народный мятежъ.

Когда проходили мимо дома судьи, тотъ вышелъ на шумъ и сказалъ Уленшпигелю:

— Ты—побѣдитель! Хвала тебѣ!

— Прахъ Класа бился на сердцѣ у меня,—отвѣчалъ Уленшпигель.

Судья прибавилъ:

— Ты получишь половину наслѣдства убійцы.

— Отдайте наслѣдство жертвамъ,—промолвилъ Уленшпигель.

Ламъ и Нель подошли.

Нель плакала и смѣялась отъ радости, цѣловала своего дружка Уленшпигеля. Ламъ, грузно подскакивая, хлопалъ его по животу и приговаривалъ:

— Удалой парень, вѣрный и преданный другъ! Онъ—мой пріятель... Нѣтъ у васъ больше такихъ, какъ онъ, у васъ—деревенщины!

Въ отвѣтъ рыбаки смѣялись и потѣшались надъ нимъ.

XLIV.

Колоколъ, по прозванію набатный, зазвонилъ на слѣдующій день, сзывая судей, коммунальных должностныхъ лицъ и протоколистовъ на четыре дерновыхъ скамьи, подъ «дерево справедливости»—прекрасную липу. Вокругъ нея толпился народъ. На допросъ рыбникъ не желалъ ни въ чемъ сознаваться, упорствуя

даже и тогда, когда ему показали три обрубленныхъ солдатомъ пальца, которыхъ недоставало у него на правой рукѣ. Онъ повторялъ одно:

— Сжальтесь, я бѣденъ и старъ.

Но собравшійся народъ освистывалъ его и говорилъ:

— Ты—старый волкъ, убійца дѣтей. Не щадите его нисколько, господа судьи.

Женщины говорили:

— Не гляди на насъ своими холодными глазами, не боимся тебя, ты не дьяволъ, а человѣкъ. Звѣрь лютый, трусливѣй кошки, что хруститъ косточками птенцовъ въ гнѣздѣ, убивалъ ты бѣдныхъ дѣвочекъ, а онѣ молили дать имъ пожить, покрасоваться.

— Пусть отвѣдаетъ за это малаго огня, раскаленныхъ клещей!—вопила Торія.

И стражники, женщины - матери подстрекали мальчишекъ бросать камнями въ рыбака. И тѣ охотно бросали, свистали всякій разъ, когда онъ на нихъ глядѣлъ, и кричали:

— Кровопійца ¹⁾! Убійца, убійца!

И, не умолкая, Торія вопила:

— Пусть поплатится, пусть отвѣдаетъ малаго огня, раскаленныхъ клещей!

И народъ возмущался.

— Глядите,—замѣчали женщины,—какъ ему холодно, а солнце сіяетъ въ небѣ и грѣетъ его сѣдины и лицо, расцарапанное Торіей.

— И онъ дрожитъ отъ боли.

— Это—правосудіе Божее.

— И онъ держится на ногахъ и видъ у него плачевный.

— Взгляните на руки этого убійцы, связанные напередѣ и кровоточащія отъ ранъ послѣ капкана.

— Пускай платится! Пускай платится!—вопила Торія.

Онъ жалобно промолвилъ:

— Я—бѣденъ, освободите меня.

И всѣ, не исключая судей, издѣвались надъ нимъ, слушая его. Онъ, желая разжалобить, притворно плакалъ. И женщины смѣялись.

Въ виду достаточныхъ уликъ, онъ былъ осужденъ на пытку до тѣхъ поръ, пока не сознается, какъ убивалъ, откуда явился, гдѣ пряталъ награбленные вещи и золото.

Когда очутился въ «адской» комнатѣ и былъ обутъ въ новые кожаные слишкомъ тѣсные башмаки, то судья спросилъ его, какъ вдохнулъ ему Сатана такіе черные замыслы и гнусныя преступленія. Отвѣтилъ:

¹⁾ Bloed-Zuuger, по-фламандски.

— Сатана и я—все едино. Мы одной съ нимъ породы. Мальчуганомъ еще былъ я некрасивъ съ лица, неловокъ во всѣхъ тѣлесныхъ упражненіяхъ, и каждый считалъ меня за дурака, и часто билъ. Ни мальчишки, ни дѣвочки не жалѣли меня. Въ юности ни одна дѣвушка не желала меня, даже за плату. Тогда холодно возненавидѣлъ я всякое порожденіе женщины. Вотъ почему донесъ я на Класа, который всѣми былъ любимъ. И единственно деньги любилъ я, монету, мою бѣлую или золоченую подружку. Мнѣ было выгодно и пріятно убить Класа. Послѣ у меня было больше, чѣмъ раньше, причинъ жить по-волчьи, и я мечталъ о томъ, какъ буду ущемлять, кусаться. Проходя по Брабанту, я обратилъ вниманіе на машинку для печенья вафель и подумалъ, что такая вафельница можетъ замѣнить мнѣ желѣзную пасть. И отчего я не держу за шею васъ, злыхъ тигровъ, которые забавляетесь казнью старика. Укусилъ бы я васъ съ еще большей радостью, чѣмъ солдата и дѣвочку. Къ дѣвочкѣ я почувствовалъ любовь и жалость, когда увидалъ, какъ она, такая хорошенькая, спала на пескѣ на самомъ солнцѣ и не выпускала изъ рукъ сумки съ деньгами; но я чувствовалъ себя большимъ старикомъ, не могъ ее взять и потому укусилъ.

Судья освѣдомился у него, гдѣ онъ жилъ, рыбникъ отвѣчалъ:

— Въ Рамскапеллѣ, оттуда я перекочевалъ въ Бланкенбергъ, въ Гейстѣ, и добрался даже до Кюка. По воскресеньямъ и въ ярмарочные дни я дѣлалъ вафли по брабантскому способу, расхаживая по деревнямъ, дѣлалъ ихъ такой вотъ машинкой. И это иноземное новшество очень понравилось. Если пожелаете знать еще больше и также, почему никто не могъ меня узнать, то я вамъ скажу: днемъ я румянился и красилъ волосы въ рыжій цвѣтъ. На счетъ же волчьей шкуры, на которую вы показывали пальцами, когда допрашивали, могу, презирая васъ, сообщить, что составила она изъ двухъ волковъ, убитыхъ мною въ Равешотскомъ и Мальдегенскомъ лѣсахъ. Мнѣ пришлось только, чтобы покрыться мѣхомъ, сшить вмѣстѣ обѣ шкуры. Спряталъ я этотъ мѣхъ въ ящикъ на дюнахъ въ Гейстѣ. Тамъ же и одежда, которую я кралъ, рассчитывая сбыть ее при удобномъ случаѣ.

Отодвиньте его отъ огня,—промолвилъ судья.

Палачъ повиновался.

— Гдѣ твое золото?—задалъ еще вопросъ судья.

— Не узнаетъ этого король никогда,—отвѣчалъ рыбникъ.

Пожгите-ка его на зажженныхъ свѣчахъ, да поближе къ нему поднесите свѣчи,—приказалъ судья. Подвиньте его къ огню.

Палачъ повиновался, и рыбникъ закричалъ:

— Не желаю я ничего говорить! И такъ слишкомъ много

наговорилъ. Вы меня сожжете. Я вовсе не колдунъ, почему же вы опять подвигаете меня къ огню? Израненныя ноги мои сочатся кровью. Ничего я не скажу. Почему жъ еще ближе? Кровоточать онѣ, говорю вамъ, кровоточать. Словно изъ раскаленнаго желѣза эти башмаки... Мое золото? Г-мъ, мой единственный другъ въ цѣломъ свѣтѣ оно... уберите меня отъ огня... оно въ моемъ погребѣ въ Рамскапеллѣ, въ шкатулкѣ... не отнимайте его у меня. Пощадите, господа судьи!... Проклятый палачъ, уברי свѣчи!... Онъ меня жжетъ еще сильнѣй... Оно въ шкатулкѣ съ двойнымъ дномъ, завернуто въ шерсть, чтобы не слышно было звона, если встряхнуть шкатулку. Теперь я все сказалъ... Отодвиньте меня!

Когда его отодвинули, онъ злобно усмѣхнулся.

Судья спросилъ, почему онъ улыбнулся.

— Отъ удовольствія, что вольготнѣе стало.

Судья продолжалъ допросъ:

— Просилъ ли кто-нибудь тебя показать свою зубастую вафельницу?

Рыбникъ отвѣчалъ:

— Ее видали, когда она ничѣмъ не отличалась отъ другихъ такихъ же вафельницъ, кромѣ только того, что въ ней были пробиты дыры. Въ эти дыры я ввинчивалъ желѣзные зубья. На разсвѣтѣ я ихъ вывинчивалъ. Крестьянамъ больше нравятся мои вафли, чѣмъ другихъ вафельниковъ, и они ихъ называютъ «вафлями на брабантскихъ пуговицахъ» ¹⁾, ибо пустыя углубленія, безъ зубьевъ, отбиваютъ на вафляхъ полу-кружочки, наманеръ пуговицъ...

Судья спросилъ:

— Когда ты кусалъ несчастныхъ жертвъ?

— Днемъ и ночью. Днемъ я бродилъ съ своей вафельницей по дюнамъ и большимъ дорогамъ и старался бывать на людныхъ мѣстахъ, особенно же по субботамъ, по большимъ базарнымъ днямъ въ Брюгге. Встрѣтившись съ какимъ-нибудь крестьяниномъ, шествующимъ печально, я его не трогалъ: думалъ, что печаль его отъ опустѣвшаго кошелька. Повстрѣчавшись же съ человѣкомъ, шедшимъ радостно, я шелъ за нимъ и, когда онъ меньше всего могъ ожидать нападенія, кусалъ его въ шею и отбиралъ кошелекъ. И не только я поступалъ такъ на дюнахъ, но и на всѣхъ тропинкахъ и дорогахъ по всему низовью.

Тогда судья посовѣтовалъ:

— Покайся и помолись Богу.

Но рыбникъ богохульствовалъ:

¹⁾ Wafels met brabantse Knoopen.

— Господу Богу было угодно создать меня такимъ, какимъ видите. Я дѣлалъ все не самъ, а по волѣ природы. Злые тигры, вы несправедливо наказываете меня. Но не сжигайте меня... Я дѣлалъ все не по своей волѣ. Сжальтесь: я бѣденъ и старъ. Я и такъ умру отъ ранъ. Не сжигайте меня!

Затѣмъ его отвели для выслушанія приговора подъ липу справедливости, въ кругъ четырехъ дерновыхъ скамеекъ, на виду у собравшагося тамъ народа.

И онъ былъ осужденъ, какъ ужасный убійца, разбойникъ и богохульникъ на прокалываніе языка раскаленной проволокой, отсѣченіе правой руки и сожженіе на маломъ огнѣ, пока смерть не послѣдуетъ за сожженіемъ на глазахъ у всѣхъ, передъ Ратушей.

И Торія кричала:

— Справедливо! Такъ ему и надо!

И народъ кричалъ:

— Многія лѣта господамъ блюстителямъ закона!

Его отвели въ тюрьму; здѣсь ему дали мяса и вина. И онъ радовался, приговаривая, что до тѣхъ поръ никогда не ѣлъ такъ много, но, королю, молъ наслѣднику всего его имущества, нетрудно заплатить за этотъ послѣдній обѣдъ.

И онъ горько смѣялся.

На слѣдующій день, на разсвѣтѣ, когда его вели на казнь, увидалъ онъ возлѣ костра Уленшпигеля и завопилъ, указывая на него пальцемъ:

— Вотъ—онъ убійца старика и долженъ тоже умереть! Десять лѣтъ тому назадъ онъ сбросилъ меня въ каналъ въ Дамѣ за то, что я донесъ на его отца. Я дѣйствовалъ, какъ вѣрноподданный Его Королевскаго Величества.

Раздался похоронный звонъ колоколовъ въ церкви Богоматери.

— И за упокой тебя тоже звонятъ эти колокола,—сказалъ онъ, обращаясь къ Уленшпигелю.—Тебя повѣсятъ, ибо ты убилъ.

— Рыбникъ лжетъ, закричала толпа.—Лжетъ убійца—палачъ.

И Торія, словно безумная, вопила, кидая камни, и ранила его въ лобъ.

— Если бъ онъ утопилъ тебя, то не жилъ бы ты и не кусался, точно вампиръ. Бѣдная моя дѣвочка.

Уленшпигель не проронилъ ни звука. Ламъ отозвался:

— Видѣлъ ли кто-нибудь, какъ онъ бросалъ въ воду рыбника?

Уленшпигель не отвѣчалъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Никто не видалъ, кричалъ народъ.—Онъ, злой палачъ, солгалъ!

— Нѣтъ, я не солгалъ,—кричалъ рыбникъ,—онъ меня бро-

силъ, а я молилъ его помиловать меня, да такъ бросилъ, что я только благодаря стоявшей у берега шлюпки выбрался изъ воды. Съ трудомъ я добрался тогда до своего печальнаго обиталища, весь промокъ и дрожалъ. У меня началась лихорадка, никто за мною не ухаживалъ, и я думалъ,—умру.

— Ты лжешь,—промолвилъ Ламъ.

— Нѣтъ! Никто этого не видалъ!—кричала Торія. На огонь, палачъ! Передъ смертью ему ещё понадобилась невинная жертва, на огонь, такъ ему и надо! Если и сдѣлалъ, не признавайся, Уленшпигель. Свидѣтелей нѣтъ. Пусть отвѣдаетъ малаго огня, клещей раскаленныхъ.

— Совершилъ ли ты покушеніе на убійство?—спросилъ судья Уленшпигеля.

Уленшпигель молвилъ:

— Я бросилъ въ воду доносчика—убійцу Класа. Отцовскій прахъ бился на моей груди.

— Сознается,—произнесъ рыбникъ,—тоже умрешь. Гдѣ висѣлица? Хочется мнѣ на нее взглянуть. Гдѣ палачъ съ мечомъ правосудія? Похоронный звонъ раздается и за твой «упокой», бездѣльникъ ты этакій, убійца старика!

Уленшпигель сказалъ:

— Я тебя бросилъ въ воду, хотѣлъ убить. Прахъ бился на сердцѣ у меня.

И въ толпѣ заговорили женщины:

— Зачѣмъ въ этомъ сознаваться, Уленшпигель!? Никто этого не видалъ. Теперь ты умрешь.

И осужденный смѣялся, подпрыгивалъ отъ горькой радости, размахивалъ своими связанными и окровавленными руками и приговаривалъ:

— Умреть, отправится съ земли въ преисподнюю, съ веревкой на шеѣ, какъ негодяй, разбойникъ, бездѣльникъ. Онъ умреть! Господь милостивъ!

— Онъ не умреть,—промолвилъ судья. По прошествіи десяти лѣтъ убійство ненаказуемо въ землѣ фландрской. Уленшпигель совершилъ злое дѣяніе, но изъ сыновней любви. Уленшпигеля не привлекутъ къ отвѣтственности и слѣдствію за это дѣяніе.

— Да здравствуетъ законъ ¹⁾!—восклицалъ народъ.

Въ церкви Богоматери раздавался похоронный звонъ. И узникъ заскрежеталъ зубами, опустил голову и пролилъ свою первую слезу.

И ему отрѣзали кисть руки, прокололи языкъ краснымъ же-

¹⁾ Lang leven de Welt,—по-фламандски.

лѣзомъ и сожгли на маломъ огнѣ, на глазахъ у всѣхъ, передъ Ратушей.

Кончаясь, онъ воскликнулъ:

— Не достанется королю мое золото: я солгалъ!.. Злые тигры, я еще ворочусь!.. покусая васъ!

И Торія кричала:

— Такъ ему и надо! Такъ ему и надо! Корчатся руки и ноги, прыткія на убійство. Дымится тѣло палача! Горитъ бѣлая шерсть, шерсть гіэны, горитъ на его блѣдной рожѣ! Такъ ему и надо! Такъ ему и надо!

И рыбникъ померъ, воя, точно волкъ.

И въ церкви Богоматери раздавался колокольный звонъ.

И Ламъ, и Уленшпигель сѣли на своихъ осликовъ...

И скорбящая Нель продолжала жить возлѣ Катлины, неустанно твердившей:

— Уберите огонь! Голова горитъ. Воротись, мой миленькій Ганскэ!

Переводъ В. Н. Карякина.

Конецъ третьей части.

Редакторъ-издатель С. П. Мельгуновъ.

Книгоиздательство „ЗАДРУГА“.

(Москва, М. Никитская 29, кв. 6; телеф. 4-50-61).

„НАШЕ ПРОШЛОЕ“.

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ.

Подъ редакціей **Е. И. Вишнякова, С. П. Мельгунова,**
Б. Е. и В. Е. Сыроѣчковыхъ.

ПРИ УЧАСТИИ: В. П. Алексѣева, Е. П. Амуровой, Е. Л. Богровой, В. Н. Бочкарева, И. П. Бѣлоконскаго, Е. И. Вишнякова, Т. С. Вышинской, Ч. Витринскаго, Б. Н. Жаворонкова, Е. А. Зягинцева, А. К. Кабанова, И. М. Катаева, С. А. Князькова, М. Н. Коваленскаго, Кротковой, С. Д. Малашиной, С. П. Мельгунова, Е. Морозовца, Е. Н. Лопатиной, Л. Нейманъ, В. П. Обнинскаго О. Г. Пауль, В. И. Пичета, М. Португалова, К. В. Сивкова, Е. Н. Синегуба, Т. П. Сократовой, Я. В. Сорнева, Б. Е. Сыроѣчкова, В. Е. Сыроѣчкова, В. М. Ушакова.

ЧАСТЬ I. Съ 65-ю рис. въ текстѣ и 20-ю на отдѣльныхъ листахъ Цѣна 1 р. 40 к.
Содержаніе: Въ Кіевской Руси. Гдѣ Сѣверо-восточной Руси. Московское государство въ XVI в. Смутное время. Московское государство въ XVII в.

ЧАСТЬ II. Съ 82 рис. въ текстѣ 16 на отдѣльныхъ листахъ Цѣна 1 р. 50 к.
Содержаніе. Время Петра I. XVIII вѣкъ. Въ началѣ XIX вѣка. Время Николая I. Паденіе крѣпостного права. Послѣ реформы.

ЧЕРЕЗЪ СКЛАДЪ ИЗДАНИЙ

ОДЕССКАГО БИБЛЮГРАФИЧЕСКАГО

ОБЩЕСТВА

можно получать слѣдующія изданія профессора **И. А. Линниченка:**

Альфредъ де-Мюссе. Одесса, 1910 (изд. 2-е), ц. 35 к.

Высшее образованіе. Одесса, 1903, ц. 20 к.

А. И. Маркевичъ, біограф. воспоминанія и списокъ трудовъ.
Одесса, 1904, ц. 50 к.

А. Е. Назимовъ, біографія и воспоминанія. Одесса, 1904, ц. 50 к.

Книга и слово. Одесса, 1910, ц. 20 к.

Историческій путь и музей города Кіева. Одесса, 1912, ц. 40 к.

В. О. Ключевскій. Одесса, 1911, ц. 20 к.

Задачи бібліографіи. Одесса, 1911, ц. 20 к.

Какъ насъ учили классическимъ языкамъ. Одесса, 1912, ц. 20 к.

Источникъ одного изъ разсказовъ Л. Н. Толстого. Одесса 1912, ц. 20 к.

В. В. Подвысоцкій. Одесса, 1913 ц. 20 к.

Психологія борьбы. Одесса, 1914 ц. 20 к.

Два письма Фридриха Великаго, Одесса, 1914, ц. 40 к.

Рѣчи и Поминки. Сборникъ статей по исторіи русской литературы и біографическихъ воспоминаній. Одесса, 1914, ц. 2 р 25 к.

Акты и документы, относящиеся къ исторіи Спб. городского управления въ эпоху Отечественной войны. К. В. Сивковъ. 50-лѣтній юбилей «Русскихъ Вѣдомостей». В. Е. Сыроѣчковскій. Студенческій историко-этнографическій кружокъ при университетѣ св. Владимира. Б. М. Соколовъ. В. И. Симаковъ. Сборникъ деревенскихъ частушекъ. Е. Н. Елеонская. То-же.	253
Поправка къ статьѣ В. Я. Богучарскаго.	278

VI. Изъ текущей литературы.

М. П. Чубинскій. Изъ юбилейной литературы къ 50-лѣтію Судебныхъ Уставовъ.	280
М. М. Клевенскій. Тургеневскій Сборникъ.	293
П. Л. Войковъ. Фаворитъ Людовина XIV	299
С. П. Мельгуновъ. Запрещенная книга.	304

VII. Романъ.

Шарль де Костеръ. Легенда о подвигахъ Уленшпигеля. Переводъ В. Н. Карякина	307

VIII. Рисунокъ.

- 1) Ученіе надетовъ въ 40 г.г. 2) Косцюшко (въ текстѣ) 3) Л. А. Ушаковъ (въ текстѣ). 4) И. И. Пущинъ. Заставки изъ изданій XVII в.

IX. Объявленія.

При этомъ номерѣ разсылается бланкъ о подпискѣ на «Голосъ Минувшаго».

Къ свѣдѣнію Гг. подписчиковъ

1) Во избѣжаніе задержки въ высылкѣ журнала, к-ра имѣетъ честь увѣдомить лицъ, пользующихся разсрочкой, о срокахъ взноса подписной платы: 1-го января—3 р.; 1-го апрѣля—2 р.; 1-го іюля—3 р. и 1-го октября—2 р.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса, благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи Москва, Малая Никитская, д. 29. Ни-во „Задруга“.

3) Жалобы на неисправность доставки направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы необходимо прилагать початный адресъ, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщить его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса слѣдуетъ прилагать 20 коп. почтовыми марками.

6) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позже 1 числа каждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

7) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1915 г.

— НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ —

**ИСТОРИИ И ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ
ГОЛОСЪ МИНУВШАГО,**

подъ редакціей *С. П. Мельгунова и В. И. Семевскаго.*

(3-й годъ изданія).

Журналъ посвящается разработкѣ вопросовъ исторіи и исторіи литературы русской и всеобщей.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

I. Статьи по вопросамъ русской и всеобщей исторіи, исторіи литературы, философіи, искусства и археологій.	V. Біографіи русскихъ и иностранныхъ дѣятелей.
II. Мемуары, записки, дневники и письма современниковъ.	VI. Критика и библіографія.
III. Матеріалы по исторіи, исторіи литературы и т. д.	VII. Новости русской и иностранной науки.
IV. Историческая баллетристика.	VIII. Обзоръ журналовъ русскихъ и иностранныхъ.
	IX. Хроника.

Журналъ **ИЛЛЮСТРИРУЕТСЯ** картинками изъ прошлаго и портретами дѣятелей русскихъ и иностранныхъ и выходитъ ежемѣсячно книгами, размѣромъ 20 листовъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ съ доставкой и пересылкой въ Россіи: на годъ 10 руб., на $\frac{1}{2}$ года 5 руб., за границу 12 руб., $\frac{1}{2}$ года 6 руб.

Для народныхъ учителей и учащихся допускается разсрочка:

При подпискѣ 3 руб., 1 апрѣля 2 руб., 1 іюля 3 руб., 1 октября 2 руб.

— Перешли адреса 20 коп. —

Въ **ОТДѢЛЬНОЙ ПРОДАЖѢ** книга журнала 1 руб. 25 к., налож. плат. 1 р. 50 к. Комплекты за 1913 г. можно получить по цѣнѣ 7 р. 50 к. (безъ № 1). За 1914 г. по 8 р. На пересылку накладывается платежъ.

ПОДПИСЧИКИ на 1915 г. имѣютъ право пріобрѣсти на льготныхъ условіяхъ историческія изданія „ЗАДРУГИ“ и „Голосъ Минувшаго“ за 1913, 1914 гг. (см. условія въ № 1).

Подписка принимается:

Въ **Москвѣ:** въ конторѣ журнала (складъ книгоиздательства «Задруга», Малая Никитская, д. № 29; тел. 4-50-61).

Адресъ редакціи: Москва, Гранатный, 2, кв. 31.

ПРІЕМЪ ПО ДѢЛАМЪ: вторникъ отъ 3 до 5 час.